Светлана Журавская

Тень, *ведомая* Богом

у никитских ворот

2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.4
Ж 91

Журавская С.
Ж 91 **Тень, ведомая Богом.** роман / Светлана Журавская. —
М.: ИПО «У Никитских ворот», 2016. — 672 с.

Предсказание старого индейца о низвержении кукловодов мирового порядка начинает сбываться, когда скользящая по улицам Нью-Йорка неприкаянная серая тень спасает одну жизнь. Доведенному до отчаяния человеку кажется, что впереди лишь темнота, но именно в этот момент ему выпадает шанс не просто отомстить, а исполнить заветное желание всех тех, кто погиб по вине мирового закулисья.

Случайный визит давнего пациента и подслушанный разговор об утерянной реликвии сербского народа запускают колесо невероятных событий, где враги убивают друг друга, не в силах сопротивляться неведомой силе, явившейся из богоугодной мести.

ISBN 978-5-00095-215-3

© Журавская С., 2016
© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2016

Все события, происходящие в романе,
вымышленные,
любое сходство с реально существующими людьми
случайно

Сербам, которые помнят,
посвящается

И один в поле воин,
если он по-русски скроен

часть I

Становление **Тени**

глава I

Нью-Йорк, наше время

Зима выдалась в этот год холодной и богатой на события. Рождественские праздники были позади, а память о новогодних салютах уже сменялась предвкушением поисков сокровищ пасхального кролика.

Часы давно пробили три часа ночи. На прославленный в сотнях криминальных репортажей район Гарлем тихо падал мокрый снег. На бульваре Адама Клейтона Пауэлла-младшего было безлюдно. Лишь с автомойки рядом с домом 2588 доносилась ритмичная музыка и были слышны голоса местной молодежи. К удивлению жильцов дома, не работала сегодня индийская закусочная на углу, хотя ее хозяин был рядом – на другой стороне дома, приглядывал за своей же аптекой. С виду это была обычная аптека, однако все менялось для постоянных клиентов. У местных африканские и индийские снадобья, микстуры и особенно средства от кашля пользовались большой популярностью, да и получить их можно было за копейки без дорогих рецептов. Несмотря на все потуги черного президента, медицина была и оставалась роскошью, даже поход к врачу за рецептом. Такие вот люди, как Омар Ариядаса, были на вес золота для простых смертных.

Дом 2588 с 1970 года числился среди исторических достопримечательностей. Построен он был еще в 1928 году на средства Джона Рокфеллера для малоимущих афроамериканцев. Возможно, в глазах архитектора Томаса это и было идеальное жилье, но в глазах современных жителей шестиэтажная коробка из кирпича не вызывала оптимизма. Обшарпанные стены, местами выпадающие кирпичи, серые окна, увешанные кондиционерами. Летом в квартирах бывало так жарко, что любой мог сесть и расписать свои впечатления от 451 градуса по Фаренгейту, пользуясь лишь своим личным опытом. Однако местным этот дом нравился тем, что назвали его в честь одного из первых афроамериканских поэтов – Пола Дунбара.

К дому подъехал старенький автомобиль и остановился напротив арки, ведущей во внутренний двор дома. Из грязно-серой «ауди» вышел молодой чернокожий парень. Он осмотрелся по сторонам, затем

подошел к багажнику, открыл его. Долго копался среди мусора, коробок с запчастями и стопок рассыпающихся, пожелтевших от времени газет. Наконец, найдя то, что искал, закрыл багажник. Он крутил в руках белый конверт без каких-либо отметок, будто пытался вспомнить адресата, затем направился к арке. Парень зашел во второй подъезд. Здесь было темно, нащупав на стене выключатель, он несколько раз нажал на него, но света так и не дождался. Поморщившись и выругавшись про себя, он полез в карман куртки за телефоном. Бледное голубоватое сияние осветило стену напротив и лестницу. Рядом с лестницей располагались почтовые ящики. Незнакомец подошел к ним и, поднеся телефон ближе, стал выискивать нужный ящик. Остановив свой взгляд на ящике номер 51, он снова огляделся по сторонам, замер, прислушиваясь к окружающей его тишине. Помешкав несколько секунд, он опустил письмо в ящик. Поспешно ретировавшись, он направился к своей машине. Завел мотор. У него было ощущение, что кто-то наблюдает за ним. Он даже высунул голову из машины и пробежался глазами по темным окнам дома. В одном из окон на шестом этаже, ему показалось, он заметил кого-то. Не дожидаясь того, что пульс участится до 150 ударов в минуту, он нажал на педаль газа. Только проехав два квартала, он вдруг осознал, что впервые за все время доставки писем он так перенервничал. Теперь он жалел, что не открыл письмо и не прочитал, хотя это было вовсе не в его правилах.

Из заинтересовавшего курьера окна на шестом этаже открывался вид на школу, что была через дорогу, на комплекс красно-черных высоток, а вдалеке текла река Гарлем, разделяющая Манхэттен и Бронкс. В однокомнатной квартире-студии не горел свет, были открыты все окна. Холодный ветер гулял под потолком и теребил хрустальные капли на старенькой люстре в стиле барокко. Едва различимый перезвон разносился по квартире. На письменном столе, заваленном газетами на разных языках и записями на иврите, расклеенными на стене за ними, бесшумно работал ноутбук. Он и освещал малую часть комнаты. В браузере была открыта одна-единственная страница – почта. Открыто последнее письмо. В нем было лишь три строчки:

Здравствуй, Мария! Я пишу тебе, все еще не веря произошедшему, но ты должна знать.

Сегодня не стало нашего хорошего друга Микаэля. Он до последнего надеялся тебя увидеть, сказал перед смертью, что ты свободна от обещаний, данных ему.

Хрустальный перезвон люстры нарушал лишь тихий плач человека, сидевшего в углу комнаты, обхватив голову руками, уткнувшись в

колени. От очередного дуновения ветра одна из хрустальных капель звякнула и полетела на пол. От неожиданного звука молодая женщина, плакавшая в темноте, подняла голову. Она нашла глазами источник шума, потом перевела глаза на ноутбук, и снова защипало глаза, несколько слезинок скатилось по щекам женщины. Она смотрела на последнее предложение и перечитывала его снова и снова, будто это могло что-то изменить.

– Ни одно обещание его не вернет... – прошептала она. На часах было без пятнадцати шесть. – Что ж, так рано на работу я еще не собиралась. – Она встала на ноги и подошла к окну, сделала глубокий вдох. От морозного воздуха по спине бегали мурашки. – Холодно, значит, еще жива, – сказала она, глядя в небо.

Вытерев с лица слезы, она пошла в ванную.

Ее звали Мария Лазарь, ей было всего 33 года, а она уже работала помощником видного в Нью-Йорке психоаналитика, который порой позволял ей самой вести прием. Пожилой психоаналитик Гэбриэл Зев частенько прибегал в своей практике к гипнозу. Порой не столько ради лечебного эффекта, сколько по прихоти пациентов, которые были готовы платить за удивительный опыт. Зев считал, что ему несказанно повезло, когда ему в помощницы досталась Мария Лазарь. Гэбриэл не уставал повторять, что у нее был талант к гипнозу, она могла погрузить в гипноз любого уровня практически любого пациента. Да и еще она была чистокровной еврейкой из хорошей семьи, что было, бесспорно, ценностью для Зева, закоренелого сиониста и ортодокса. Пускай и со своими принципами.

Расчесав свои длинные темно-каштановые волосы, Мария подошла к зеркалу. На столике лежали два контейнера для линз. Лазарь неохотно открыла один из них, ловким движением подцепила первую линзу и поднесла к глазу.

– Ненавижу... – выдохнула она и вставила линзу, затем вторую. Она подняла голову и посмотрела на себя в зеркало. Темно-коричневые глаза, почти черные, смотрели на нее из зеркала. Она коснулась своего отражения рукой, провела по глазам. – Такие чужие, такая не я...

Отмахнувшись от дурных мыслей и неугодных воспоминаний, она собрала волосы в пучок и пошла одеваться. Перед выходом из дома она глянула на часы: было все еще рано, до работы можно пройтись пешком.

Мария вышла из квартиры, окинула длинный коридор безразличным взглядом. В конце коридора у окна стоял мужчина и курил, задумчиво разглядывая оконное стекло. Лазарь направилась к лестнице, мужчина не реагировал на нее, будто и не видел вовсе. Спустившись

на первый этаж, она подошла к почтовым ящикам и заглянула в ящик номер 108 – пусто. Ей давно уже не приходило писем, особенно писем с хорошими новостями. Тяжелая входная дверь со скрипом открылась, и в подъезд вошла молодая женщина. Чернокожая американка молча прошла мимо Марии и поднялась по лестнице, через минуту за ней следом забежали два ребенка. Они тоже не отреагировали на белую соседку. Лазарь вышла на улицу. У подъезда, несмотря на ранний час, толпились люди. Стороннему наблюдателю могло бы показаться странным, что чернокожие не обращают никакого внимания на белую женщину, живущую в этом доме. Ни одного едкого комментария, ни одного косого взгляда. Мария без интереса прошла мимо своих соседей и вышла на бульвар. Старенькая миссис Рудольф поливала молодой клен, что посадил год назад ее ныне покойный внук. Она, как и все, не обратила внимания на Марию.

Накинув теплый платок на голову и поправив сумку, Лазарь направилась в сторону автобусной остановки. Когда она подходила к пешеходному переходу, подъезжавшая машина остановилась. Женщина перешла дорогу.

– Не такая уж я и невидимая, – улыбнулась она.

Автобусная остановка была рядом с пиццерией «Domino». На остановке никого не было. Лазарь села на скамейку и достала из кармана пачку сигарет.

– Что ж, пока полиция нравов меня не поймала, можно и покурить. – Она закурила, задумчиво разглядывая коробку. – Даже сигареты тут не такие... мне не хватает тех, наших, – сказала она вслух, выпуская клуб дыма.

Снова пошел снег, и теперь Мария точно не могла отказать себе в том, чтобы пройтись пешком. Она затушила сигарету об один из мусорных контейнеров, что стояли вдоль дома, и направилась в сторону Центрального парка. До начала ее рабочего дня все еще оставалось полтора часа.

Мария шла по пока еще тихим, малолюдным улицам и радовалась лишь снегу. Она оказалась в Нью-Йорке совсем недавно, хотя некоторые думали, что она живет здесь больше десяти лет, на деле же едва ли два года. Проходящие мимо нее люди, сами не зная почему, с любопытством смотрели на нее. Кто-то мог подумать, что любуется красоткой, а кто-то – что встречались с ней ранее. Мария уже давно не обращала внимания на такие взгляды, все эти люди тут были ей безразличны, в чем-то даже противны. Правда, как психолог она старалась бороться с этой своей чертой. Пока безуспешно. Не прошло и тридцати минут, как впереди появился Центральный парк. Марии он никогда не нравился, для нее в нем не было укромных мест, где было

бы приятно находиться. Всюду было ощущение, что ты на виду. Здесь можно было потеряться, но только не для тех, кто наблюдал за всем через объективы сотен камер, кто подслушивал даже любой малозначимый лепет ребенка. Места массового скопления народа давно стали паноптикумом для властителей этого города.

Офис Гэбриэла Зева располагался на углу Восточной Семьдесят пятой улицы и Пятой авеню, в старинном четырехэтажном здании-пристройке. Сам дом был из белого камня, обнесенный невысокой кованой оградой. Этот дом впитал в себя массу историй, но секретами он делиться не собирался. Большие окна гордо смотрели на прохожих. Офис был на втором этаже, его не скрывали жалюзи, а шторы всегда были задернуты. Стены дома слышали сокровенные мысли и потаенные желания разных знаменитых людей, и Зев гордился этим. Соседом по зданию был фонд общественного благополучия, но он производил впечатление сомнительной и редко работающей организации.

Без десяти девять Мария уже была у дверей офиса Гэбриэла. Она не спеша поднялась на второй этаж, отряхнула снег с пальто у входной двери и вошла внутрь. Кроме секретаря, на месте никого не было.

– Привет, Мария! – пролепетала Джулия. – Ты снова рано, плохо спалось?

– Не спалось вовсе, – ответила Лазарь, вешая пальто в шкаф. – Кто у нас сегодня в списке?

– Рэйчел Рид на десять, потом Карл Дим на двенадцать, и доктор Зев ждет какого-то особого гостя в четырнадцать.

– Понятно. – Настроение было испорчено еще первым именем. В памяти снова пробежали строки из вчерашнего письма. – А как у тебя дела? – вспомнив о вежливости, спросила Лазарь без интереса, для галочки.

– Я выхожу замуж, если тебе интересно, – просияла в ответ секретарша. – Через полгода.

– Полгода – это большой срок, уверена, что он вытерпит?

– Вот еще! Я подарок, меня не нужно терпеть.

– Да-да, – улыбнулась Лазарь, – тебя только распаковывать. Я подожду Гэбриэла в кабинете. – Мария скрылась за дверью. – Дай мне сил не убить ее, о бог психоанализа...

Лазарь села в кресло и, взяв со стола файл мисс Рэйчел Рид, погрузилась в чтение заметок Гэбриэла, надеясь найти что-то интересное.

– О! Мария! Ты уже тут! – Зев вошел в свой кабинет.

– Здравствуйте, Гэбриэл! – поднялась Мария с места.

– Сиди-сиди, не прыгай, – махнул он рукой.

Зеву было семьдесят три года, а выглядел он лет на шестьдесят с хвостиком. Невысокий, худощавый, с кудрявыми седыми волосами.

В годы юности считал себя неотразимым, как Аль Пачино, и веселым, как Вуди Аллен. Бойкий, с ясным умом и острым взглядом. Он обожал бегать по утрам и не пропускал ни одной тренировки. После смерти жены он сам придумал себе режим дня и строго его соблюдал. Работа была второй любовью его жизни, если не первой. На ней он мог проводить время часами, а больше всего ему нравилось то, что к нему на прием записывались видные политические деятели и разного рода бизнесмены. Так он чувствовал себя причастным к «вершению судеб».

– Мари, сегодня отличный день, познакомлю тебя с моим очень хорошим другом. К сожалению, он придет к нам за помощью, а не просто так. Полагаю, нам пригодится твой талант гипнотизера.

– Как скажете, доктор, – натянуто улыбнулась Лазарь.

– Очень большой человек, очень, – бормотал Гэбриэл, вешая пальто в шкаф и одновременно переобувая туфли. – Так, скажи мне, какой пиджак подойдет? Деловой вид нужен.

– Вон тот серый вполне себе. – Мария встала с кресла и подошла к книжной полке.

– Тоже так думаю, – пробормотал Зев. – Кто у нас первый?

– Рид.

– Милая девушка эта Рэйчел. – Гэбриэл прошел к своему столу и сел в высокое кожаное кресло. – Думаю, сегодня назначим ей последний сеанс на этот месяц.

– Полагаете, она уже сама справится со своей проблемой?

– Нет, что ты, – махнул он рукой, надевая очки, – просто ее отец не оплатил сеансы, а в долг я не работаю.

– Зависит от того, кто попросит, – прошептала Мария, но доктор ее не услышал.

Большие напольные часы, подаренные Гэбриэлу кем-то из благодарных клиентов, пробили десять часов утра, когда на пороге появилась мисс Рид.

глава II

Шла пятьдесят третья минута сеанса психоанализа с мисс Рид, а девушка все ворочалась на красной кожаной кушетке и рассказывала о своих снах, не имевших абсолютно никакого значения для терапии. Мария то и дело теряла нить разговора, погружаясь в свои размышления. Вчерашнее письмо все не шло у нее из головы. Незаметно для пациентки и доктора Лазарь вышла в коридор и, пройдя по нему до конца, оказалась на лестничной площадке. Девушка подошла к открытому окну и выглянула наружу – на другой стороне улицы она заметила группу детей, играющих с собакой.

– Какой смысл во всем этом был?.. Я ничего не могу отсюда сделать, ни помочь, ни посодействовать... Толку от тех обещаний?.. – спрашивала она саму себя. – Я сдохну раньше, чем Бог соизволит направить меня... – Мария чувствовала, что злится на все окружающее, а ведь было только начало рабочего дня. – Держись, дорогуша Лазарь, другого выхода у тебя все равно нет.

– О! Мария! – Джулия появилась на лестничной площадке неожиданно, тоже подошла к окну. – Все-таки ты странная, такая нелюдимая... – Секретарша осмотрела ее с ног до головы. – Почему ты такая? – Она достала из кармана леденец, быстро развернув фантик, закинула конфету в рот.

– Какая? – Лазарь передернула плечами. – Больше конкретики не повредит.

Джулия приходилась доктору Гэбриэлу племянницей. Ей было 24, и она только-только окончила университет по специальности «искусствовед». Работы в области антиквариата, так увлекавшего девушку, не нашлось. Верней сказать, не нашлось родственников и друзей родственников, там работающих. На помощь пришел дядя Гэб, который предположил, что среди его пациентов могут найтись те, кого Джулия как специалист заинтересует. На том и условились. Рыжеволосая, темноглазая, приятной наружности пышечка Джулия поступила на работу к дяде. Конечно, работать по специальности ей хотелось, но посмотрев на списки богатых пациентов, она задалась другой целью – хорошо устроиться.

– Твоя внешность обманчива, – немного помолчав, ответила девушка, разглядывая Марию, которая даже и головы в ее сторону не поворачивала. – Ты с виду ангел, красивая, стройная, ухоженная молодая женщина, образованная, но ты ведешь себя, как будто ты... эм...

– Как кто? – Мария повернулась к Джулии и внимательно посмотрела ей в глаза.

– Как человек, который ничего не боится. А для женщины это ненормально. – Взгляд Лазарь Джулия выносила с трудом, смотреть в ее глаза было для девушки пыткой.

– А если я и впрямь ничего не боюсь?

– Всем есть что терять, – пожала плечами Джулия, раскусывая леденец.

– Мне нечего. – Мария снова посмотрела в окно, на улице было пусто, ни машин, ни прохожих.

– ...Жизнь.

– У нас с тобой разные ценности. – Лазарь направилась обратно в офис. – Спасибо за компанию, мне это было так необходимо.

– Правда? – просияла Джулия, не поняв сарказма Марии.

– Еще бы! С кем еще я могу обсудить вопросы моей мятущейся личности?..

Дверь захлопнулась, оставляя Джулию одну. Девушка хмыкнула и выплюнула конфету в окно.

– По-моему, всех этих психологов самих лечить нужно, – фыркнула она. – Ничего она не боится... глупости!

Мария вернулась в кабинет доктора Зева. Рид уже ушла.

– Могу тебя обрадовать, Рэйчел уезжает на некоторое время, так что мы ее в ближайшие дни не увидим.

– Чудная новость, доктор! – улыбнулась Мария. – Вам ведь тоже с ней неинтересно?

– Ох, Мари, в наше время так трудно отыскать по-настоящему сложный интересный случай, – махнул рукой доктор Зев, вставая с кресла и беря с подоконника лейку. Гэбриэл направился поливать свои любимые фиалки. – Сейчас проблемы у людей сплошь одинаковые. Женщины хотят уверенности в своем будущем, мужчины – в своем кошельке. А гарантий никто им дать не может. Не могут люди, даже очень богатые, удовлетворить свои базовые потребности, вот и бесятся с жиру. – Гэбриэл полил цветы и заботливо гладил листья, фиалки эти напоминали ему о жене.

– Считаете, наша работа бесполезна?

– Конечно. – Зев поправил очки и направился к своему письменному столу. – Сама наука психология бесполезна, видишь ли, она

лишь объясняет, но не лечит. Слава богу, что мало кто об этом знает и мы можем еще заработать себе на обеспеченную старость.

– И давно вы так думаете?

– Лет двадцать уже. – Он улыбнулся, поудобней усаживаясь в кресле.

– Вы же с таким рвением и задором рассказываете о новых методах на разных конференциях... – Мария села напротив доктора. – Все ложь?

– Почему же? Мне интересно слушать про новые открытия в сфере человеческой психики, правда, в ней уже не осталось ничего неизведанного.

– Не соглашусь с вами, доктор, – покачала Лазарь головой. – Мозг человека, как и его сознание, удивительны и полны загадок.

– Загадки все крутятся вокруг извилин, новых отклонений, но норму мы изучили вдоль и поперек. Нет в ней ничего нового, – замотал он головой. – Разнятся лишь способы лечения. Одним нравится разыгрывать драмы по методике старика Перлза, вторым – задушевные разговоры с милым старичком, а третьим нашим с тобой пациентам чертовски нравится делиться своими фантазиями и свободными ассоциациями на тему секса. Говорить в открытую пока стыдно, а тут за их счет их не только выслушают, а еще и не заявят куда следует.

– Гэбриэл, тогда как быть с теми, кому мы помогли? Та же Рэйчел избавилась от невроза навязчивых состояний...

– От одного избавилась, другой приобрела. Тоже мне лечение, – фыркнул доктор. – Психоанализ – отличный способ выкачивать из людей деньги. А настоящую помощь еще нужно заслужить.

– То есть все ложь?

– Ложь мы говорим лишь недостойным, дабы правда служила только лучшим.

– А кто решает это?

– Бог решает, милая моя.

Лазарь никогда не нравились разговоры доктора и ему подобных о богоизбранности своего народа. Стоит отметить, что Зев злоупотреблял этими разговорами. Он частенько перечитывал Талмуд, который занимал в его рабочей библиотеке почетное место. Книга была редкого издания, в красивом дорогом переплете. Он прибегал к ней в работе с пациентами-евреями. В ней он чаще мог найти «исцеляющие» слова, чем во всех работах того же Фрейда.

– Ты знаешь меня, Мария, я не буду помогать тем, кто моей помощи не достоин. – Гэбриэл снял очки и принялся их протирать белым носовым платком. Благодаря своему никудышному зрению он не видел выражения лица Марии, не видел, с какой злобой на него смотрели ее темные глаза. – Другими словами, мой дар целителя душ я не трачу на гоев. И тебе не рекомендую мараться.

Мария хотела было что-то сказать, но стук в дверь прервал ее. В кабинет зашла Джулия.

– Что-то случилось, Джулия? – доктор надел очки и с улыбкой посмотрел на в общем-то любимую племянницу.

– Да, – кивнула она. – Позвонил Карл Дим и попросил перенести свой визит. Никак не успевает.

– Что ж, это и к лучшему. Уже полдень, и я голоден, как волк. – Организм Зева с малых лет отличался высоким уровнем метаболизма, который с возрастом никуда не делся, хотя Гэбриэлу и обещали, что годам к пятидесяти все придет в норму. – Мария, Джулия, вот вы и составите мне компанию.

– Ну дядя, только не греческий ресторан, – приуныла девушка. – Там для меня нет ничего вкусненького.

– Нет-нет! – загадочно заулыбался Гэбриэл и, подняв с пола свой портфель, достал из него цветастый флаер. – Вот, вручили сегодня по пути на работу. – Он протянул его племяннице.

– Плава... рангер... – прочитала Джулия и подняла глаза на дядю. Лазарь едва заметно нахмурилась. – Ресторан балканской кухни. Ты шутишь? Ты хочешь туда пойти?

– А почему нет? – удивился Зев. – Я слышал много отзывов об этой кухне, хвалят. Хочу попробовать.

– Разве это правильно – вкушать еду гоев? – тихо спросила Мария, хмуро глядя на доктора.

– Не пропадать же добру.

– Право, дядя, это некошерная пища, ты же всегда...

Гэбриэл поднял руку вверх, что означало молчать и слушать.

– Я следую зову своего сердца.

– Скорей желудка, – сложила руки на груди Джулия. – Ладно! Надеюсь, там хоть салаты подают. Мария, ты пойдешь?

– Мария? – позвал ее доктор. – Ты пойдешь с нами?

Лазарь на несколько секунд ушла в свои мысли, глядя в одну точку. События недавнего прошлого проносились мимо, и все они были потревожены названием ресторана.

– Не думаю, что у меня есть выбор, – наконец ответила она.

– И тут ты права, – довольно кивнул Зев. – Учись, Джулия.

Втроем они вышли на Пятую авеню и направились по адресу, указанному во флаере. Новый ресторанчик расположился недалеко от офиса психоаналитика, на Мэдисон-авеню, 860. Выйдя из офиса, все трое сели в «мерседес» Гэбриэла и отправились вкушать заморскую кухню, как выразился доктор.

Ресторан расположился в двухэтажном недавно отремонтированном здании. Соседствовал с маленьким магазинчиком парфюмерии. На крыше красовалась большая вывеска, да и вдоль улицы то тут, то там встречались плакаты с рекламой. Машину пришлось парковать за два дома от места назначения. Несмотря на ранний час, вокруг ресторана уже был ажиотаж. В глубине души Мария надеялась, что мест уже нет.

– Чего ты такая невеселая, а, Мария? – поинтересовался Гэбриэл, беря под руки и ее, и Джулию. – Бери пример с меня! Я в окружении двух прекрасных молодых женщин иду в ресторан. Романтика! – он улыбался, будто ребенок, которого вели в магазин сладостей.

– Да ну, дядя, она вообще всегда недовольна чем-то. Хоть танцуй перед ней, – поддержала его Джулия.

– Ну, дорогая моя, зависит от того, кто танцует. – Он посмотрел на Марию, которая натянуто улыбнулась. – Ничего, Лазарь, я на днях тебя кое с кем познакомлю, вдруг сойдетесь характерами, – шепотом сказал он так, чтобы его племянница не расслышала.

– Как скажете, доктор, – проговорила Мария.

Над стеклянной дверью ресторана красовался его логотип, лишь отдаленно напоминавший тот, который помнила Лазарь. На логотипе красовался воин в синих очень космических доспехах и шлеме, держащий два перекрещенных на уровне груди меча.

– Какая у них там громкая музыка, – улыбнулся Зев. – Прям-таки дискотека.

И правда, из заведения доносилась музыка и шум голосов. Гэбриэл открыл дверь, пропуская своих спутниц вперед, и зашел сам. Народу было много, столики на первом этаже были заняты. Было сильно накурено, но едой все же пахло довольно соблазнительно. К гостям подошел официант с довольным выражением лица и предложил пройти на второй этаж, где как раз оставался столик на троих. Зев с удовольствием ухаживал за дамами и с интересом разглядывал дизайн этого милого, по его мнению, заведения. Вокруг было много людей, американцев среди них не наблюдалось.

– Столько иностранцев тут. – Он уселся на мягкий стул, взял в руки меню. – Не слышно английского языка даже. – Зев заговорщически наклонился вперед и тихонько ладонью позвал девушек, они также наклонились. – Давайте и мы не будем выделяться... – сказал шепотом на идиш.

– Дядя... – огорчилась Джулия, которая, несмотря на все нравоучения родственников, дальше бытовых фраз не продвинулась в изучении языка своих предков. – Давайте на испанском, я как раз начала его учить.

– Нужно учить родной, милая моя, – продолжал Зев. – Кто не знает иврита – не образован, а кто не знает идиш...

– Да-да, тот не еврей, – совсем погрустнела Джулия.

Мария смотрела в меню, а боковым зрением разглядывала все окружающее ее пространство и людей, вслушивалась в разговоры вокруг. На миг Лазарь показалось, что она не в Нью-Йорке, а где-то в районе Стари Града в Белграде. Разговоры вокруг были громкие и оживленные, всюду лилась сербская речь. Могло сложиться впечатление, что тут собрались все иммигранты из Сербии.

– Названия тут, я вам скажу, – сжалившись над племянницей, Зев заговорил на английском. – Сам черт ногу сломит, знать бы, что это еще за блюда такие.

– Описания есть же, – все еще изображала из себя «обиженку» Джулия.

– И правда есть!

– А ты что закажешь, а, Мария? – спросила Джулия.

– Я не голодная, ограничусь кофе.

– Да ладно тебе! Мы не кофе сюда пробовать пришли, – отложил в сторону меню Зев, – закажи супчика местного. Я про него слышал хорошие отзывы. Как он там называется.. цора, или цоба, или еще как-то.

– Чорба, – поправила его Мария. – Латинская «с» читается как «ч»... Ладно, если советуете, то возьму.

– Что-то ты сегодня не в духе, что тебя угнетает, а, Лазарь? – поправил очки Гэбриэл.

Мария молча смотрела на доктора, доставая из сумки пачку сигарет, медленно вытащила одну и зажигалку. Не спеша так же молча закурила и небрежно бросила зажигалку на стол.

– Нехватка солнца, пожалуй, – ответила она, выпустив клуб дыма.

– Тут соглашусь с тобой. Тоже хочу солнца побольше, и чтобы лето, жара. И вообще, где наш официант, где этот чернявый сербский парнишка?..

– Он албанец, – снова поправила его Лазарь.

– А какая разница-то? Есть-то хочется.

Мария посмотрела в конец зала, там в углу за столом сидела довольно большая группа людей. Они ей отчего-то не нравились. Спустя пару минут к ним подошел официант и принял заказ. Гэбриэл долго пытал его вопросами о каждом блюде и способе их приготовления. Лазарь же заказала суп, расхваливаемый Гэбриэлом, чизкейк от шефа и большую чашку крепкого кофе. Джулия заметила, что Мария неохотно, сквозь зубы разговаривала с официантом, даже не смотрела на него. Это показалось Джулии не просто странным, а невежливым.

Пока официант рассказывал доктору о еде, Лазарь рассматривала черно-белые фотографии, развешанные на стенах. Их было много, из разных лет, но все они были сделаны в бывшей Югославии. Большинство, правда, в Белграде, в ресторанчике под названием «Plava Ranger». Мария рассматривала лица незнакомых людей и думала о чем-то своем, когда вдруг ее взгляд привлекла какая-то фотография. Она напряженно вглядывалась в одно лицо.

– Молодой человек, мы тут с моей коллегой поспорили, я считаю, что вы серб, а она говорит – албанец, так кто же вы? – как из сна донесся до Лазарь вопрос Гэбриэла официанту. Тот явно начинал чувствовать себя неуютно среди этой еврейской троицы. Да и не любил он, раздражался, когда его называли сербом.

– Албанец я, – не без гордости произнес он. – Слышали о Великой Албании? Ну так вот я оттуда.

– Признаться, не слышал, – ответил Зев.

– Потому что ее нет и никогда не было. – Лазарь затушила сигарету и подняла глаза на официанта впервые за все время. – Может, вы уже займетесь нашим заказом?

Официант молча кивнул, но всем своим видом показывал, что не прочь был бы вступить в острую дискуссию.

– Ну вот, – протянула Джулия, – теперь нам плюнут в еду.

– Боже мой, почему? – удивился Зев.

– Она его оскорбила, – девушка кивнула на Марию, – и зачем нужно было так говорить?

– Я люблю говорить правду, – пожала плечами Мария.

– Собственно, за это я тебя и ценю, – поднял бокал с водой Гэбриэл и сделал глоток. – Прям в нетерпении весь, хочу попробовать еду! – он довольно потер ладони.

– Прошу меня извинить, – Лазарь поднялась с места, – отойду на минутку.

Мария пошла в конец зала мимо шумной и неприятной ей компании людей в сторону туалетной комнаты. Никто не заметил, как она прошла мимо комнаты и подошла к двум фотографиям на стене. Она внимательней всмотрелась в заинтересовавшее ее лицо. Фотография была очень старой и плохо сохранившейся, но лицо было ей так знакомо. Три человека в камуфляжной форме, с автоматами и винтовками стояли на фоне какого-то палаточного лагеря. У одной из палаток висел плакат, гласивший: «Путь определяется делом». В нижнем правом углу фотографии было нацарапано: «Обилич, 1963». Мария коснулась рукой фотографии и провела пальцем по лицу мужчины, стоявшего в центре. Неизвестный с вызовом смотрел вперед, на его лице застыла довольная улыбка, в глазах был

блеск, азарт, всем своим видом он показывал, что готов сразиться с любым врагом.

– Делом... это и есть знак? Еще откуда у них твоя фотография, хотела бы я знать? – прошептала она.

– Из архива, – ответил подошедший к ней уже знакомый официант-албанец.

– Из чьего? – не глядя на него, спросила Мария.

– Понятия не имею, – покачал он головой. Лазарь чувствовала, как он борется с внутренней необъяснимой агрессией по отношению к ней. – Ваш заказ уже на столе, – сдержанно проговорил он.

– Злишься на правду? – Лазарь повернулась к нему лицом и смерила взглядом, не отрываясь смотря в его глаза.

– Не понимаю... – начал было он. – Вообще, знаешь, тебе стоило бы уважать мнение других, – тихо проговорил он и огляделся по сторонам. Никто не смотрел в их сторону.

– Мнение? – удивленно вскинула брови Мария. – Это ты про фанатичную идею своего народа?

Официант уже не мог сдерживаться, эта женщина злила его, было в ней что-то такое, что нельзя было объяснить, это можно было только уничтожить. Вроде бы она ничего такого не сказала, но в тот момент он был уверен, что лучше бы ее не было среди живых. Он резко схватил ее за шею и прижал к стенке. Лазарь лишь хмыкнула.

– Да, именно так, герой, только так вы и можете. – Официант не верил своим глазам, на лице женщины была улыбка, ни капли страха. – Мечты не строят на костях других народов, мальчик. – Она со всей силы наступила ему каблуком на ногу, его хватка тут же ослабла, и Мария оттолкнула его от себя сильным ударом в живот. У албанца перехватило дыхание.

– Тварь! – прошипел зверенышем он. – Убить тебя мало, расистка хренова!

– Ха! – ухмыльнулась Лазарь. – Многие пытались, но ты можешь тоже попробовать, особенно после своего увольнения. – Она подняла указательный палец вверх, показывая на камеру, все это время ведшую наблюдение.

– Будь уверена, что домой спокойно тебе не ходить. – Парень поднялся с пола.

– Да, дружок, расскажи мне что-нибудь новенькое, чего я о вас еще не знаю.

– Да пошла ты! – потом он еще выругался на албанском и поспешил ретироваться. Спустя несколько секунд скрылся в комнате для персонала. Спустя десять минут он будет сидеть в кабинете директора ресторана и не сможет толком объяснить, что с ним только что прои-

зошло. Будто дурман, кто-то управлял им. Однако это не оправдание, и вечером того же дня официанта уволят.

Лазарь как ни в чем не бывало вернулась за стол, где ее уже дожидалась куриная чорба. Доктор и Джулия с удовольствием уплетали запеченное на гриле мясо с овощами. Зев был явно доволен едой, румянец на щеках выдавал его.

– Что ж, старый еврей доволен, я хочу вам сказать. – Гэбриэл похлопал себя по животу. – Кормить тут умеют. Боюсь, что работать сегодня я не захочу.

– Согласна! – поддержала его Мария. – Суп отменный, как и кофе.

– Хм, мне кажется, или настроение у тебя улучшилось? – спросил доктор. – Что, там в туалетной комнате выдают печеньки? – он оглянулся назад.

– Да, а потом догоняют и обещают убить. Это так воодушевляет. – Лазарь сделала глоток кофе.

– Те люди в углу выглядят крайне недружелюбно, я вам так скажу. – Гэбриэл не шутил, они и вправду притихли и уже вовсю разглядывали посетителей. – Полагаю, что нам пора бы вернуться в офис.

– Ты думаешь, они могут что-то учинить тут, дядя? – забеспокоилась Джулия.

– Посмотри вокруг, дорогая, мы в окружении дикарей, – сказал он на идиш. Мария смотрела на людей, беспокоивших доктора. – Не удивлюсь, если это какие-то преступники. Вид у них такой.

– В чем-то вы правы, Гэбриэл, – также на идиш согласилась с ним Лазарь. – Только опасны они не для нас, а для кого-то другого. Они явно кого-то ждут.

– Ну вот и давайте не будем ждать вместе с ними, а просто удалимся.

– Я за! – бойко поддержала инициативу Джулия. – Мне тут все равно не нравится.

Вдруг голоса людей стала заглушать музыка. Из динамиков понеслись патриотические мелодии и песни сербских добровольцев. Довольные возгласы гостей ресторана даже заглушали музыку. Некоторые принялись подпевать.

– Сколько страсти, – заметил Зев. – Но, дамы, мы уходим.

Как только все трое поднялись из-за стола, в динамиках воцарилась тишина. Зал снова наполнился голосами. Троица вышла из ресторана и направилась к машине, когда Лазарь вдруг обнаружила, что забыла зажигалку на столе.

– Не ждите меня, – сказала она. – Я доеду на автобусе.

– Да купишь себе, велика потеря! – махнула рукой Джулия.

– Мне эта дорога как память.

– Ладно, только не задерживайся, – садясь в машину, сказал Зев. – У нас важный человек будет в пациентах.

– Я помню.

Мария вернулась в ресторан, поднялась на второй этаж и подошла к их столику. Зажигалка лежала на столе нетронутой. Действительно непростая – старая, видавшая виды, из отличной стали, с вырезанным на лицевой стороне драконом. Как только Лазарь взяла ее в руку, снова заиграла музыка. Музыка, от которой по спине ее пробежал холодок.

...«Видовдан», протяжно запела женщина, взгляд Марии замер, остановился на фотографии в конце зала, а женщина продолжала петь:

Ко вечни пламен у нашим срцима,
Косовског боја остаје истина
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Лазарь вслушивалась в слова песни и чувствовала, как сердце откликается на каждое слово. Она сильней сжала зажигалку в руках.

– Никто не отнимет из моего сердца Косово... куда бы я ни пошел, – тихо повторила она слова песни. Затем хмыкнула: – А смысл?.. Я ничего не могу, что бы вы там себе ни думали.

– Все в порядке, мисс? – спросил ее пришедший убрать со стола официант, уже другой.

– Да, – ответила Мария, – забыла зажигалку просто.

– Всего доброго, приходите еще, – улыбнулся чернокожий официант, который сильно выделялся на общем фоне персонала.

Она вышла из ресторана и свернула на Восточную Семьдесят первую улицу, отсюда было рукой подать до офиса, и непонятно, зачем доктор Зев решил ехать на машине. Лазарь шла как в тумане, она не смотрела по сторонам, а перед глазами все стояло лицо улыбающегося мужчины со старой фотографии. В голове был сумбур из мыслей, но ни одна из них не могла определить путь дальше. Все цели были недосягаемы и таковыми останутся в обозримом будущем.

– Какой же все это было глупостью! Не нужно было их слушать, нужно было остаться, – ругалась на саму себя Мария. – Ты просто хотел отправить меня куда подальше, и не было никакой мысли о будущем у тебя. – Она в сердцах пнула жестяную банку, валявшуюся на тротуаре. Та отлетела на дорогу, под колесо проезжавшего мимо мусоровоза.

– Эй! – крикнул ей тут же один из операторов машины. – Аккуратней!

– Да пошел ты! – ответила ему Лазарь, показав средний палец. Мужчина ей ничего не ответил, просто отвернулся. Она остановилась напротив припаркованной у обочины машины и посмотрела на свое отражение в зеркальном стекле. – Ну и вид... – ветер растрепал ее волосы, но и они не могли скрыть какой-то странный, озлобленный взгляд. – Что ж, не удивительно, что они меня все так боятся. Я бы тоже боялась. – Поправив кое-как прическу, она пошла вниз по Пятой авеню в сторону офиса.

Через пятнадцать минут она была на месте. Джулия болтала с кем-то по телефону, но, увидев Марию, отвлеклась.

– Он уже пришел, – тихо сказала она. – Дядя сказал, чтобы ты сразу зашла, как придешь.

– Кто пришел? – забыла про важного гостя Лазарь.

– Мерфи.

– Эдди? – переспросила Мария.

– Какой еще Эдди? Кристофер Мерфи, – насупилась Джулия. – Ой, иди в кабинет уже, – махнула она рукой и вернулась к разговору с подружкой.

Лазарь поймала себя на том, что где-то уже слышала это имя.

– Мария! – шикнула Джулия, протягивая ей какой-то буклет. – Возьми вот, это он принес.

Мария взяла тонкий буклет светло-зеленого цвета. На ней красовался типичного вида американец польско-ирландского происхождения, сорока двух лет от роду. С отрепетированной еще в младшей школе улыбкой, с укладкой от стилиста жены и аккуратненько подстриженными бровками метросексуала. От его полуулыбки разило холодом и ненавистью к большей половине населения планеты, а еще его глаза говорили о том, что жестокости ему не занимать, как и самовлюбленности. В тонкой брошюрке было подробно расписано, как именно Кристофер собирается сделать жизнь рядовых американцев лучше. Поддержка гей-браков и запрет оружия в личном пользовании, насильственное насаждение демократии во всех возможных формах по всему свету, а главное – тонкой невидимой нитью шло послание, что американцы – это богоизбранный народ, которому дано вершить судьбы людей. Лазарь смяла брошюру и выкинула ее в мусорное ведро. Прежде чем войти в кабинет, она снова бросила взгляд на смятую бумагу. Непосредственным начальником Мерфи был Джозеф Байден, председатель комиссии по международным отношениям в Сенате.

– А это любопытно, – тихо сказала Лазарь и вошла в кабинет доктора.

– Мария! Наконец-то! – всплеснул руками Зев. – Позволь представить тебе, Крис, мою помощницу, талантливого психоаналитика Марию Лазарь.

– Рада знакомству, – улыбнулась Мария, подходя к поднявшемуся с места Мерфи.

– Взаимно. – Он пожал ее руку. Его ореховые глаза с любопытством рассматривали девушку, его внимание особенно привлекли ее темные глаза.

– Так, присаживайтесь оба. Все-таки ты пришел к нам не разговоры разговаривать. – Мерфи улыбнулся и кивнул. – Что тебя беспокоит, друг мой?

– Ты удивишься, – начал он, – подумаешь, что пришел я не по адресу. – Марии не нравилась его мимика, он то и дело поднимал брови, морщил лоб, будто пытаясь зрительно увеличить свои маленькие поросячьи глазки. – Но мой врач посоветовал мне обратиться к тебе.

– Я весь внимание, – сложил руки на груди Гэбриэл, задумчиво глядя на потенциального пациента, способного принести неплохую выручку. Даже несмотря на то, что Мерфи был наполовину евреем. Зев всегда недолюбливал полукровок.

– Играя в футбол, еще в юности, неудачно упал, повредил колено. – Он откашлялся. – Колено вылечили, но такая напасть: когда какое-то важное событие – у меня нога неметь начинает. Будто я переношу стресс на нее. Мне это крайне мешает жить. Не могу понять истоков. Мой врач говорит, что хороший психоаналитик мог бы решить эту проблему. Однако я уже проходил терапию – не помогло, – развел он руками, закидывая ногу на ногу. – Вспомнил, что есть ты и твоя техника лечебного гипноза. Это мне может помочь?

– Жаль, что так поздно меня вспомнил, – снисходительно улыбнулся Зев. – Могли бы помочь тебе раньше, Крис.

– Да уж, сглупил. – Снова улыбка, будто извинение. – Да и путь мне неблизкий. Сами понимаете, я живу в Коннектикуте, работаю в Вашингтоне. В Нью-Йорке бываю нечасто.

– Слава богу, что выбрались наконец.

– Ну так что, возьметесь за меня? – он вопросительно посмотрел сначала на Гэбриэла, затем на Марию.

– Мария, милая, попроси Джулию нам приготовить чаю.

– Я сама приготовлю, – ответила Лазарь и, встав с места, прошла в отдельную комнату-кухню. Двери там не было, и она могла слышать все, о чем говорили доктор и пациент. На самом деле ей было абсолютно неинтересно. Она на автомате достала две чашки из шкафа и включила кофемашину.

Машина работала негромко, но все же некоторые слова терялись. Лазарь смотрела на свое отражение в зеркале на стене. Не зная зачем, она вслушивалась в разговор.

– Кстати, доктор Зев, можете меня поздравить.

– С тем, что наконец-то обратились к специалисту? – улыбнулся доктор.

– С этим тоже, но больше с тем, что я теперь официально в Сенате являюсь главным по вопросам Балкан. – Мария снова подняла взгляд на свое отражение и подошла ближе к зеркалу, ей показалось, что линза съехала немного.

– И что же это значит, Крис? – изобразил интерес Зев.

– Я работаю в комиссии по международным отношениям, в европейском отделе, со специализацией по странам бывшей Югославии.

– Интересно.

– Да, теперь я возглавил эту комиссию. Могу смело влиять на международную политику США в том регионе.

– А ты хорошо в нем разбираешься?

– Не очень, бывал там несколько раз, но понимаю, что там столько всего намешано у этих аборигенов с автоматами. Дикари, ей-богу.

Мария замерла у зеркала, вся превратившись в слух.

– Сегодня вот у меня довольно знаменательный день. Долго добивался встречи с одним господином. Наконец-то он согласился со мной встретиться.

– И кто же этот человек?

– Эксперт по Балканам, легенда в своем роде – Уильям Уолкер. Слыхали о таком?

По спине Лазарь пробежал холодок, а глаза будто остекленели. Она разлила кофе по чашкам и отнесла их в кабинет доктора.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарил ее Зев. – Конечно, слышал, Кристофер, Уильям мой хороший друг. – Мария перевела глаза на доктора. Мысли бешено сменяли друг друга, рождая то ли план, то ли мечту.

– Я сегодня после вас встречаюсь с ним.

– А разве он в Нью-Йорке?

– Да, приехал навестить свою кузину. Остановился у нее. Такая честь для меня!

– Да уж! Поздравляю! Приглашение от Уильяма дорогого стоит. Он профессионал.

– Отлично. А как много времени займет сеанс? – Мерфи вопросительно посмотрел на Гэбриэла.

– Сеанс проведет Мария. Она мастер у нас, – улыбнулся Зев, многозначительно глядя на Лазарь, давая понять, что гость ему более не интересен.

– Смотря какого результата вы хотите достичь.

– Что ж, хочу, чтобы мое колено больше не болело, – развел руками Мерфи и снова улыбнулся отбеленными зубами.

– Сорок минут, мистер Мерфи, – холодно ответила Мария.

– Что вы, – махнул он, – зовите меня Крис.

– Как скажете.

Вдруг зазвонил мобильный телефон Гэбриэла. Он извинился перед Крисом и ответил на звонок.

– Гэбриэл Зев, слушаю. – Звонили с какого-то незнакомого номера. – Да, конечно, сейчас выезжаю. – На его лице была обеспокоенность. – Кристофер, прошу меня извинить, это звонили из полиции, задержали моего племянника. Должен идти вызволять негодника, пока его отец не прибил паршивца. Мария о тебе позаботится. Давай, Мария, начинай. – Зев направился к гардеробу и достал свои уличные ботинки и пальто.

Лазарь убрала со стола чашки и отнесла их на кухню.

– Как долго ты пробудешь в Нью-Йорке?

– Еще три дня.

– Тогда обязательно приходи завтра. Закрепим результат. – Гэбриэл принялся зашнуровывать ботинки, отчего-то ему это удавалось с трудом.

Мария помыла чашки и убрала их в шкаф. Снова подошла к зеркалу и снова посмотрела себе в глаза. Линзы отчего-то мешали смотреть, безумно хотелось их вынуть. Она сняла с вешалки свою сумку и достала контейнер для линз. Открыла его и положила перед зеркалом. Одним ловким движением руки она вытащила сначала одну линзу, затем другую.

– Я вернусь через час, Мария! Крис, не прощаюсь! – Зев вышел из кабинета.

– Устраивайтесь на кушетке у окна, – сказала из кухни Мария. Две темно-коричневые линзы медленно тонули в растворе для линз в сером контейнере.

глава III

Вашингтон, 1998 год

Сентябрь выдался довольно теплым, хотя и дождливым. Над районом Туманной низины, где с давних времен располагались всевозможные административные и учебные заведения, как всегда с утра, висел легкий туман. Многие американцы считают довольно символичным тот факт, что Госдепартамент США располагается именно в этом месте, которое отражает его суть. Оттого частенько в народе Госдеп так и зовут – Туманная низина. Хотя сам он располагался в здании Гарри Трумэна.

К большому шестиэтажному зданию бежевого цвета с большими окнами и «невидимым» седьмым этажом подъехал сияющий своей чистотой белый автомобиль. На заднем пассажирском сидении дремал пожилой человек. Правда, мало кто мог на глаз определить его возраст. Он был загорелым, волосы выгорели на солнце. Было очевидно, что он пробыл достаточно долго в какой-то жаркой стране. На коленях у него лежал коричневый кожаный портфель. Машина остановилась у центрального входа в здание. Велосипедная парковка была уже вся занята – большинство сотрудников на своих местах. Правда, в 2001 году прямой подъезд ко входу будет перекрыт цветочными клумбами.

– Сэр, – обратился к нему водитель, глядя на пассажира через зеркало заднего вида, – мы приехали. – Тот не реагировал, водитель повернулся к нему. – Мистер Уокер, сэр, – сказал он уже громче и хотел было коснуться его рукой.

– Да-да, – пробормотал он, открывая глаза и поправляя сползавшие на нос очки. – Подъезжай через два часа. – Уокер посмотрел на часы. – Да, в тринадцать. Ни минутой позже.

– Да, сэр, – кивнул водитель.

Пассажир открыл дверь и не спеша выбрался из машины. Закрыв дверь, хлопнул ладонью по крыше автомобиля. Уокер посмотрел по сторонам, а затем поднял голову вверх. Он всегда любил свою работу, но отчего-то не любил бывать именно в этом здании. Он поздоровался с охранником и вошел в здание через стеклянные двери. В холле его уже встречал помощник госсекретаря. Уокера проводили в кабинет Мадлен Олбрайт на шестом этаже. В старинном кабинете было две

просторные комнаты. Уокеру предложили устроиться поудобней в гостевой части. Высокая тяжелая дубовая дверь закрылась за ним. Он сделал пару шагов по темному паркету и ступил на разноцветный ковер с причудливыми узорами. Подойдя к маленькому деревянному столику, он взял из белой вазочки печенье. Гость вольготно расположился на уютном голубом диване в викторианском стиле и окинул взглядом комнату. Снова открылась дверь, помощник принес ему чашку кофе и поставил ее на столик.

– Мадам госсекретарь сейчас подойдет. У нее важный телефонный разговор.

– Хорошо, – кивнул Уокер.

Он снова остался в комнате один. Наконец через двенадцать минут в комнату вошла энергичная Олбрайт. Уильям отметил про себя, что глаза у нее горели, она явно что-то задумала. Не зря ведь все газеты пестрят заголовками – «Мадлен взялась за старое» и тому подобное.

– Здравствуй, Уильям, – улыбнулась она и села в кресло рядом с диваном. Невзирая на положенный этикет, она закинула ногу на ногу и с вызовом посмотрела на Уокера. – Что ж, ходить вокруг да около я не буду, а сразу объясню, зачем тебя вызвала.

– Весь внимание.

– Речь пойдет о... – по ее лицу пробежала тень неприязни и отвращения, хорошо скрываемого, но не от агента ЦРУ в отставке, – ...Югославии.

– Не удивлен, – ухмыльнулся Уокер.

– Во многом я вижу международную политику как одновременную шахматную игру с несколькими противниками. До сих пор противники были умные, но далеко не сильные. На днях, хочу тебе сказать, в мою игровую комнату ворвался Слободан Милошевич. И этот человек портит нам игру на Балканах. А этого мы допустить не можем.

– Насколько мне известно, мы контролируем ситуацию, наше сотрудничество с албанцами вполне успешно в Косово.

Мадлен недовольно фыркнула.

– Пфф, с этими дикарями только сотрудничать. Они не могут между собой договориться, выделяемые средства тратят на свои нужды. Чтобы организовать несчастную демонстрацию в Приштине, нам пришлось полгода капать им на мозги.

– Но убивают сербов они все же с удовольствием.

– В том-то и дело. Прикрывать их промахи и освещать в нужном ключе становится все трудней. Одна Сребреница чего нам стоила. Правда, и про нее вспоминают все реже.

– Что ж, с селением Преказ получилось очень даже неплохо. Мировая общественность поверила и дала отличную реакцию.

Госсекретарь довольно закивала головой.

– Три месяца, Уилл, – она показала на пальцах, – три чертовых месяца ушло на подготовку. Потом, этот идиот Хашим Тачи все рвется в бой, со своими идеями о Великой Албании портит нам все карты. Как с такими людьми убедить мир бомбить этих тварей?..

– Я думаю, и его можно обуздать. Если не деньгами, то угрозами. Как все дикари – он боится за свою шкуру.

– Ха! Яшари мы уже потеряли. Сербы добрались и до него. Впрочем, нам это только на руку, есть кого рисовать на плакатах и за кого ставить свечки. – Она замолчала на несколько секунд, будто вспомнив что-то. – Я полагала, что заседание контактной группы в Лондоне изменит ситуацию, но паршивый лягушатник Видрин начал вилять, а этот мерзкий русский отказывал во всех карательных операциях и не дал начать даже санкционную войну. У русских вообще слишком много прав в мире, но это дело других лет.

– Я слушал все выступления, любопытно, что Франция, как и Россия, выступает за сохранение Косова в составе Югославии.

– Оно им так дорого, – ухмыльнулась Мадлен, – оттого следует забрать его у них. Чтобы пострадали перед смертью. Хочется вырвать этому жалкому народишке сердце и растоптать его на их глазах.

– Давно не видел вас такой эмоциональной, мадам.

– Смешно. Албанцы думают, мы дадим им независимость и позволим развивать Косово, на которое у них нет никаких прав, а на деле мы просто будем разрушать регион. Хочу, чтобы ничего там не было – голое поле, залитое кровью и заваленное костями.

– Видимо, нам придется устроить для мировой общественности что-то более драматичное и кровавое, – развел руками Уолкер.

Госсекретарь встала с кресла и подошла к окну.

– Совет национальной безопасности и Пентагон чуть ли не каждый день высказывают недовольство моими декларациями о намерениях. Эти трусы в администрации боятся угрозы очередных военных действий. Отчего-то тут в Америке все так боятся этих Балкан.

Уокер отметил, как сжимает и разжимает кулаки Олбрайт. Всем своим видом она показывала решимость начать войну против миллионов людей. Однако причины такой глубинной ненависти Уильям понять не мог.

– Мадам Олбрайт, я в целом знаком с ситуацией на Балканах, но как я могу быть полезен вам?

– Ты отлично проявил себя и в Южной Америке, и на Балканах, умеешь делать нужную США картинку. Я хочу, чтобы ты возглавил

контрольную миссию ОБСЕ в Косово. – Она смерила Уокера хмурым взглядом. – Организуй мне повод начать бомбардировки. Раздавай интервью, разъезжай по этому проклятому Косову и тыкай медийщиков носом в преступления сербов перед албанцами. Выворачивай правду наизнанку, ври, как никогда не врал, показывай беспомощность всей этой миротворческой организации... просто делай свою работу.

Уокер слушал госсекретаря, глядя перед собой. Когда она замолчала, он молча поправил очки.

– У меня есть несколько идей, – тихо проговорил он.

– Вот и отлично. Всех этих слабаков тут я беру на себя. Сотрем с лица земли сначала этих непокорных, потом и за Россию возьмемся.

Спустя неделю Уильям Уокер был уже на Балканах, выполнял свой приказ. Каждый вечер, иногда через день он отсылал в Вашингтон отчеты о проделанной работе и делал так, чтобы все они просачивались в СМИ. Образ сербов в глазах мировой общественности должен был стать синонимом дьявола в самых жутких описаниях.

Село Рачак, Косово, 9 января 1999 года

Армейский джип без каких-либо опознавательных знаков въехал в село под покровом ночи. По дороге к своему пункту назначения водитель и пассажир видели, как люди в камуфляжной форме роют окопы вокруг села. В селе было не больше ста двадцати домов. Большая их часть пустовала, лишь домов двадцать служили казармами и временными штабами для восхваляемой в США подрастающей демократии Освободительной армии Косово. Джип остановился у отдельно стоявшего дома, выделявшегося тем, что стоял он поодаль от других и был значительно богаче по внутреннему убранству.

У ворот толпились вооруженные люди, наводя автоматы на джип, они с интересом разглядывали уже знакомого американца, о чем-то переговаривались между собой.

– Вечер добрый, джентльмены! – поприветствовал их Уильям Уокер, выходя из машины. – Я к Арджану, – сказал он и сделал несколько шагов к воротам, албанцы неохотно открыли ворота и пропустили его внутрь.

Вокруг дома также были расставлены охранники, патрулировавшие всю территорию двора. Внутри было довольно грязно, повсюду валялся мусор, пол был в грязи и в крови. В гостиной был организован медпункт для приближенных к главному, остальных латали в другом доме или вовсе убивали, дабы не тратить медикаменты. Без

капли брезгливости на лице Уильям поднялся по лестнице на второй этаж. По ковровой дорожке он дошел до кабинета. На стареньком, потрепанном жизнью диване лежал в камуфляжной форме глава этого небольшого отделения ОАК. На полу под диваном лежали два автомата. Уокер с презрением смотрел на этого человека, тот хитро улыбался, подбрасывая армейский нож вверх и ловя его то левой, то правой рукой.

– Ну, привет, американец! – с сильным акцентом произнес Арджан. – Как видишь, все идет по плану, роем окопы. – Гость подошел к письменному столу у окна, а мужчина внимательно следил за его передвижением. – Каждый день нападаем на полицейских. Никого пока не убили. Кажется, ранили одного или двух. Не вдавался в детали.

– У меня для тебя плохие новости, друг мой, – облизнув пересохшие губы, сказал Уильям, присаживаясь на стул и закидывая ногу на ногу.

– Мне не привыкать, – цокнул Арджан. – Пока мне за это платят, я готов слушать любые новости.

– М-да, – потер руки Уокер, – сегодня полиция сообщила, что 15 числа они устроят на вас облаву. Ночью.

– И?

– Готов ли ты умереть ради светлого будущего своего народа?

Арджан поймал нож и замер.

– Моя смерть ничего не изменит, – подумав, сказал он.

– Это ты так думаешь.

– Чего ты хочешь, американец? – мужчина поднялся с дивана и закрыл открытую дверь. Гость шумно вздохнул.

– Хочу, чтобы вы дали им бой. Нужно, чтобы перебили большинство, мне нужны десятки трупов.

– Ну, трупы – это не проблема.

– Ты не понял, – покачал головой Уокер, – если вы убьете сербов, то они это повернут в свою пользу. Вы возьмете своих мертвых и переоденете их в гражданское. Твоя задача – сделать так, чтобы все поверили, что сербы убили мирное албанское население.

– Хех, – ухмыльнулся Арджан. – И смысл? Это позволит вам начать против них войну?

– Тебе не нужно понимать смысла всего, тебе просто нужно сделать свою работу.

– Сколько?

– Если все сделаешь как надо, то два миллиона долларов.

– Я хочу пять. – Глаза Уокера зло сверкнули. – Или мы просто уйдем в горы, и ты не получишь свои гражданские трупы.

– Арджан, сделай работу, а вознаграждение найдет тебя, – шумно выдохнул гость.

– Значит, договорились, – улыбнулся мужчина.

Штимля, Косово, 15 января 1999 года, 17.00

В отделении полиции города Штимля шло экстренное собрание всего личного состава. Присутствовало 110 полицейских. Все они будут задействованы в сегодняшней ночной зачистке села Рачак от боевиков ОАК. Все внимательно слушали командира, иногда прерывая его речь вопросами. На доске за его спиной висели три разные карты и много снимков местности. Позади всех у стены стоял молодой лейтенант Милош Лазарь. Несмотря на свои двадцать четыре года, он уже успел поучаствовать в разных операциях против террористов. А с ОАК он и вовсе был знаком не понаслышке. Он вполуха слушал план наступления, но некоторые факты ему не давали покоя. Ему крайне не нравился тот факт, что ОБСЕ была оповещена об их операции. А еще на днях его лазутчики доложили, что неизвестный приезжал в Рачак ночью и вел разговор с Арджаном.

– Выдвигаемся в два часа ночи, – закончил командир. – Всем быть в условленном месте. Начало операции в три. Вопросы? – Полковник Душан Милович окинул взглядом своих подчиненных. Один поднял руку. – Да, Милош?

– Полковник, вы не думаете, что это ловушка?

– Не понимаю тебя, лейтенант, – мотнул головой Душан.

– Мы уже не раз видели, во что наши победы оборачивают американцы. Что, если и тут будет что-то подобное?

– Даже если так, правда остается с нами. Мы уничтожим горстку тех, кто не дает жить мирному населению спокойно.

– Это все равно, что рубить ящерице хвост, который снова отрастет. А нужно рубить голову.

– Никто не знает, где голова, Милош.

– Или просто боятся.

– Возможно, – согласился полковник. – Все свободны. Собрание окончено.

Полицейские спешно разошлись, до ночи еще хватало дел. Милош остался в зале собраний наедине с полковником.

– Милош, ты хороший полицейский, отличный солдат, настоящий воин, но твое горячее сердце может тебе навредить. Мы просто выполняем приказы, а не обсуждаем их. – Душану было пятьдесят четыре года, и порядок он охранял с юности. Лазарь приходился ему крест-

ником, и оттого его крайне беспокоил взрывной нрав Милоша. – Как там Сенка поживает? – решил сменить тему полковник. Зеленые глаза парня впились в лицо Душана. – Что-то не так?

– У нее все хорошо... надеюсь. Давно ничего не слышал от нее.

– Когда же ты ее наконец замуж позовешь? – улыбнулся Милович.

– Душан, – Милош сделал пару шагов к полковнику, – измени план.

– Не могу, – покачал он головой. – Связан по рукам и ногам.

– Американцы давно ищут повод напасть на нас. А убийство албанцев чем не повод?

– Террористов, сын мой, террористов. Мы оповестили их о каждом, кто там скрывается. Ты можешь не ходить.

– Ну уж нет, – мотнул он головой.

– Ладно, – махнул рукой Милович. – Послезавтра езжай в свой отпуск, ты давно просил. Сенку свою проведаешь заодно.

– Спасибо.

– Только побрейся, а то напугаешь ее еще.

Милош и Душан улыбнулись.

– Она не из пугливых, – тихо ответил Лазарь.

– И смотри, чтобы тебя не постигла судьба Пршича... нам не нужны убитые полицейские.

В три часа ночи небольшой отряд полицейских и военных приступил к выполнению плана. За ночь предстояло окружить село полностью. Одна группа заняла пустовавшие свежие окопы, другие группы шли вдоль дорог. К восходу первый пункт операции был выполнен – селение было окружено полицейскими и военными.

Арджан в эту ночь спать не собирался. Он уже выделил для себя тех пятьдесят несчастных, чьими жизнями он пожертвует в утренней резне. Для остальных же он приготовил план отступления. На деле никто из албанцев не хотел погибать в угоду американцам. Пускай и за большие деньги и синенькие паспорта с орлом.

Лейтенант Лазарь был в первой группе и находился в окопе у горы. Отсюда отлично просматривалось все село, особенно дом-штаб, который был как на ладони. Рядом с Милошем, также вооруженный до зубов, был его друг Радко Симич. В отличие от высокого и черноволосого загорелого Милоша, Радко был ниже, бледней и к тому же рыжий. Что, как он считал, выдавало в нем аристократа.

– Думаешь, все-таки ловушка там? – спросил Радко у друга.

– Нутром чую, что это против нас повернут. Этот американец, разъезжающий по нашей земле, ищет что-то, вынюхивает. Сенка мне пересказывала статьи на основе его доносов, так там все с ног на голову. Мы плохие – они хорошие.

– М-да, не к добру это. Как тебе кажется, будет война?

– Она уже идет, Радко, тебе ли не знать.

– Да-а, – выдохнул он, – каждый раз надеюсь услышать другой ответ.

Как только на горизонте забрезжил свет, сербы перешли в наступление. Арджан поднял своих людей по тревоге и приказал обороняться до последнего выстрела. Группу из двадцати человек он отправил к окопам у горы.

– Милош! – шепнул Радко, протягивая бинокль другу. – Бегут, вооружены до зубов!

– Отправим-ка их к праотцам, друг, – тихо сказал Милош.

– Отличная идея, брат.

Подбежав к окопам, албанцы поняли, что те заняты полицейскими. Не успели они взвести курки, как были убиты выстрелами буквально в упор. А в это время шло наступление других групп. Террористы отчаянно отстреливались, но было в этом что-то показное, спланированное. Группе Милоша было приказано выбраться из окопов и проверить подступы к селу. Некоторые боевики оставили попытки вырваться из Рачака и предпочли вернуться с окраин. Как только отряд Милоша вошел в село, по рации поступил приказ зачистить штаб – дом, стоявший в стороне от других. Три группы направились туда, пока оставшиеся в живых албанцы пытались отступить к горам.

Лазарь с группой ворвались в дом, в ту же минуту на тот свет отправились четыре боевика. Группа полицейских разделилась, Милош и три человека отправились на второй этаж. Они быстро проверили все комнаты – никого. Трое спустились вниз, Милош замешкался, что-то привлекло его внимание. Он вошел в кабинет, подошел к столу и взглянул на разбросанные бумаги. Среди всего прочего было и письмо с печатью. Перекинув автомат в другую руку, Милош взял письмо. На синей печати был узнаваемый американский ястреб.

Дверь за спиной Лазаря захлопнулась. Когда он обернулся на звук, перед ним стоял Арджан с пистолетом в вытянутой руке.

– Какой ты любопытный, – улыбнулся албанец. – Знаешь, что это такое? – Он кивнул на письмо в руке полицейского. – Это приговор вам, сербам. А знаешь, кто подписал? Правильно, Штаты подписали. Вот сегодня и ваш последний день.

– Скорее твой, – ответил Милош.

– Я выстрелю раньше, чем ты, – сказал Арджан. – Хотя, признаюсь, мне крайне неприятно, что какие-то американцы вмешиваются в наши дела. Неправильно это. Лучше бы мы сами все решали, да, Милош? – Полицейский молчал. – А ты наверняка уже знаешь, что вся эта ваша бойня напрасна. Все уже спланировано наперед, и не дадут вам до конца все завершить. А знаешь почему? Потому что и среди твоих братьев-сербов есть предатели, кто продался Западу с потрохами.

– Не сомневаюсь, но их меньшинство.

– Ты еще удивишься. Но вы всегда проигрывали из-за предателей. Так будет и в этот раз, – взвел курок Арджан.

– ...Давно хотел тебя убить, – выдохнул Лазарь. – Все никак шанса не выпадало. А письмо я заберу. Пригодится.

– Хороший сегодня день. Убью тебя, потом и до твоей банды доберусь, и до девки твоей... как ты там ее зовешь?.. Ах да, – ухмыльнулся Арджан, – цветочек.

– Не в этой жизни, – спокойно ответил Милош, убирая письмо в карман.

Затем полицейский резко отпрыгнул в сторону, албанец тут же начал стрелять, Лазарь выпустил очередь из автомата в ответ. Арджана отбросило к стене, он сполз на пол, заливая его кровью. Все это время глаза его были открыты. Спустя несколько секунд в кабинет вбежали другие полицейские. Лейтенант Лазарь лежал на полу без сознания, под ним медленно расползалась лужа крови.

– Милош! – подбежал к нему Радко и перевернул друга на спину. Арджан явно метил в сердце, но промахнулся.

Перестрелки и локальные бои с боевиками продолжались до обеда. После пятнадцати огонь стих. Неожиданно для полицейских пришел приказ возвращаться на базу, оставить лишь две группы для охраны Рачака. Ближе к вечеру со стороны Езерска-Планины к боевикам подошло подкрепление. Они стали оттеснять полицейских от села. К вечеру сербам из-за малочисленности пришлось отступить к Урошевацу.

Радко с группой из семи человек вернулись в Рачак для разведки. Когда стемнело, им удалось подойти вплотную к поселению. Под покровом ночи боевики ходили по полю недавнего боя и стаскивали убитых в один дом. Через несколько часов трупов не осталось. Полицейским удалось прокрасться в селение. Они разделились для сбора оперативных данных. Радко же, вопреки приказу, направился в дом, куда снесли всех убитых. Через окна он увидел, как албанцы снимали со своих товарищей изрешеченную одежду и одевали их в

гражданскую. Тела аккуратно сложили рядами, будто готовя их к чему-то.

– Какого черта они делают?.. – Про себя он выругался. – Зачем это вам, твари?.. Чего же вы их не хороните-то по своим обычаям?..

Выполнив разведывательные задачи, группа вернулась на базу. Радко доложил об увиденном полковнику Миловичу, но тот не заинтересовался докладом. Симич отправился в больницу Приштины навестить Милоша. Тот был уже в сознании.

Рачак, Косово, 16 января 1999 года

Уильям Уокер вместе с двумя своими помощниками ехал в село Рачак. Его джип возглавлял колонну машин. За ним следом ехали телевизионщики всех мастей с разных каналов. Уокер достал из внутреннего кармана синей куртки блокнот. Посмотрев в окно, он вычеркнул предпоследний пункт из дел на сегодня.

Когда машины прибыли на место, их встречали переодетые в гражданскую одежду боевики АОК. Некоторых из них Уокер узнал, но было много и новых лиц. Все они изображали горе и страх. Как только камеры были включены, начался главный спектакль 1999 года. Сначала журналистов провели по окопам с десятком трупов, у одного даже отрубили голову. Уокер шел впереди, засунув руки в карманы, и делал скорбное лицо. Затем албанцы привели журналистов в ветхую мечеть, где лежали трупы боевиков в гражданской одежде. Члены АОК картинно плакали и гладили своих друзей по голове. Нашлась и парочка женщин, рыдающих в уголке. Все для хорошей картинки. Осматривая зал с убитыми, Уокер недовольно поморщился – одежда убитых была целой и чистой. Что ж, эту неприятность придется как-то объяснять, но не сейчас.

Журналисты наперебой спрашивали у «выживших», кто мог это сделать. Те хором отвечали, что поганые кровожадные сербы напали на них ночью и перебили их, мирных крестьян. Все они устремляли свои взоры на Уокера, будто моля США вмешаться.

– Что вы можете сказать о произошедшем здесь? – спросила одна журналистка Уильяма.

– Это кошмарное массовое убийство доказывает, что с сербами невозможно договориться политическими методами. Похоже, что время разговоров прошло и Милошевичу придется ответить за смерти невинных албанцев как минимум своим президентским креслом. Это преступление против человечества!

– Пусть Америка убьет его! – взвыла одна из женщин. – Не дайте сербам перебить нас всех!

Тут же фотографы делали свои лучшие снимки, а репортеры писали свои яркие заметки, которые навсегда изменят жизни миллионов людей в скором времени.

Закончив общение со СМИ, Уокер вернулся в Приштину. Он сразу же уединился в своем гостиничном номере и связался с командующим НАТО в Европе Уэсли Кларком.

– Это резня, друг мой, – начал он, тщательно подбирая слова, зная, что и этот разговор станет достоянием гласности. – Нахожусь в Косово, сегодня был в Рачаке. Я своими глазами видел горы тел гражданского населения. Почти всех расстреляли в упор...

– Я понял тебя, Уильям.

Вашингтон, 16 января 1999 года

В старом доме мадам Олбрайт практически всегда работало радио. Истинная примета жителя Вашингтона. Последние дни она редко выключала его, порой просто делала тише. Но не сегодня. Сегодня она ждала хороших новостей. Ночью, лежа в кровати, она слушала репортажи в ожидании одного-единственного. Наконец был репортаж из далекой Сербии. Она услышала знакомый голос Уокера.

– Да, я был в Рачаке. Там много трупов, этих людей расстреляли разными способами, но большинство практически в упор, – рассказывал он корреспондентам, а на лице Мадлен была довольная ухмылка.

– Мистер Уокер, – спросила репортер, – кто виноват в этом преступлении?

– Кто? – Олбрайт отметила его актерскую игру. – Сербская полиция.

Мадлен встала с кровати, холодный ветер гулял по полу, опять забыли закрыть окно. Босиком она подошла к радио и понизила громкость до минимума.

– Шоу начинается, – сказала она тишине.

В шесть утра субботы Олбрайт была уже на ногах, приведя себя в порядок, она закрылась в своем кабинете. Сев в высокое красное кожаное кресло, она подвинула телефонный аппарат поближе и набрала номер советника президента по национальной безопасности Сэмюеля Бергера. Он долго не отвечал, наконец в трубке она услышала его сонный голос.

– Доброе утро, Сэнди! – поприветствовала его Олбрайт. – Ты уже слышал новости?

– Только проснулся, Мадлен. Что случилось?

– Похоже, что в Косово в этом году, – она довольно хмыкнула, – ранняя весна.

– Я свяжусь с Кларком, – сразу проснувшись, ответил Сэнди и повесил трубку.

– Конечно, свяжись, друг мой, обязательно...

Потом она позвонила своему помощнику и попросила организовать экстренное собрание, на котором должны были присутствовать лишь она, ее заместитель Строуб Тэлботт, дипломат Джейми Рубин и директор госдепартамента по политическому планированию Мортон Гальперин.

Когда Олбрайт в девять утра вошла в зал совещаний, ее уже ждали.

– Вот видите, джентльмены, я же вам говорила, что это моя партия и выигрываю здесь я.

– Никто и не сомневался в ваших способностях, – поддержал ее Тэлботт.

– Что ж, – она села во главе стола, – теперь нам нужно расписать чинушам план, где мы свяжем Милошевича по рукам и ногам. Он никогда не согласится на переговоры с албанцами, да нам это и не нужно. И вот пока он не согласится, согласно нашему плану НАТО будет бомбить Сербию.

– Как я понимаю, бомбить мы будем при любом раскладе? – поинтересовался Мортон.

– Правильно понимаешь, – кивнула Мадлен.

– А что ты скажешь миру? – спросил Гальперин. – Мир потребует объяснений.

– ...Правду. – Она ухмыльнулась. – Я скажу, что погибшие в Рачаке албанцы заслуживают, чтобы международные инспекторы рассказали об их смерти всему миру. И если сербы откажутся добросовестно участвовать в переговорах, то НАТО принудит их к этому с помощью воздушных ударов. Вот она, справедливость.

Еще два часа контактная группа потратила на придание плану правильной политически выверенной формы.

После обеда Олбрайт сидела одна в своем кабинете, когда зазвонил телефон. Она давно ждала этого звонка.

– Здравствуй, Уильям! Ты, как всегда, был на высоте, удивительные актерские данные, я тебе скажу.

– Спасибо, – сдержанно ответил Уокер. – У меня есть некоторая информация, что министр обороны Коуэн и генерал Шелтон сомневаются в ваших целях. Уэсли также считает, что местное население

не поддержит интервенции в виде миротворцев. Навязываемая цель в виде автономии Косова людям непонятна.

– Этих двоих не это заботит, Уилл, они беспокоятся лишь о выделении бюджета на новую войну и о своих жалких жизнях. С Пентагоном я разберусь.

– Тогда приступаю к следующему шагу?

– Да, пусть Милошевич оправдывается, называет убитых террористами и прочими словами, а ты тверди нашу историю.

– Хорошо.

– Все равно мир уже заглотил наживку, теперь дело за малым – заболтать их.

– Что ж, большинство уже на вашей стороне, считают Милошевича главной проблемой.

– Да, пройдет совсем немного времени, Уилл, и сами сербы будут так считать. Правда, будет уже слишком поздно.

Уокер не видел довольного выражения лица Олбрайт.

– Да и ОАК станет легальнее всех, убивая сербов на их же земле...

– Теперь время разного рода переговоров. – Мадлен посмотрела в окно. – Я знаю, что Милошевич ни за что не подпишет ни одну бумагу с нами, но сделай так, чтобы все подписали албанцы.

– Я понял вас, мадам. В ОАК сплошные споры и несогласие по всем пунктам, но и это поправимо. Я все устрою, – успокоил Олбрайт Уокер. – К марту они согласятся со всем.

– Вот и славно.

Вашингтон, 21 марта 1999 года

День был в самом разгаре, в Госдепе США кипела работа. Телефоны не умолкали ни на секунду, в каждой комнате шло какое-то совещание. Мадлен Олбрайт была в своем кабинете одна, помощник был отправлен по очередному поручению. Она подвинула красное кресло к окну и, устроившись поудобней в нем, попивала крепкий черный кофе с одной едва размешанной ложкой сахара. В голове она прокручивала события последних месяцев и не могла собой не гордиться.

– Еще одна победа, Мадлен, – сказала она, сделав глоток кофе. – Еще чуть-чуть, и сровняем эту чертову страну с землей. Какой же все-таки был хороший план. – Она улыбнулась.

Вдруг, постучавшись, в кабинет вошел ее помощник Тэлботт. Войдя в кабинет, он снова невольно посмотрел на большой фотопортрет, где Олбрайт и Хилари Клинтон стоят в туалетной комнате и о чем-то непринужденно беседуют. Под фотографией было подписано самой

Клинтон: «Мадлен, которая бесстрашно ведет нас туда, куда другие побоялись бы ступить. С огромной гордостью и нежностью от твоей подружки по комнате для девочек».

– Милошевич дал ответ совету НАТО, – доложил он наконец, оторвавшись от портрета, который никогда ему не нравился.

– Неужели? – улыбнулась она. – И что же он там пишет?

– Если вкратце, то он пишет, что нам должно быть стыдно за то, что мы вмешиваемся во внутренние дела суверенного государства.

– Ха! В этом мире есть только одно государство, которое имеет право делать все, что считает нужным, и это США.

– Да, даже если он согласился бы, мы все равно разбомбили бы его к чертовой матери, – пожал Тэлботт узкими плечиками.

– И то верно. – Они улыбнулись друг другу. – Осталось дождаться, пока Холбрук покинет Белград, и тогда начнется удивительное и зрелищное представление. Ты когда-нибудь видел ковровые бомбардировки в прямом эфире? – Помощник мотнул головой. – Весь мир прилипнет к экранам телевизоров, все будут наблюдать за нашим триумфом. А репортеры будут кричать изо всех сил, что вот она, демократия, творит справедливость и освобождает страну от тирана... – сказала Мадлен мечтательно.

Вашингтон, 23 марта 1999 года

Госсекретарь Олбрайт вернулась домой глубокой ночью. Несмотря на усталость, желания спать не было. Такого перевозбуждения она давно не испытывала, чувствовала себя ребенком в рождественскую ночь. Войдя в гостиную, Мадлен тут же включила телевизор, ее интересовали только новости с другой стороны света и их правильное освещение в СМИ. Переодевшись в домашнюю одежду, взобравшись с ногами на диван и укрывшись пледом, она жадно вслушивалась в каждый репортаж.

После полуночи зазвонил телефон.

– Доброй ночи, Мадлен, – тихим и немного взволнованным голосом сказал Билл Клинтон.

– И тебе, Билл, доброй.

– Скажи мне, ты уверена, что мы делаем все правильно?

– Уверена, – твердо ответила Олбрайт.

– Это все не скоро закончится, и наверняка будут последствия...

– Что бы там ни притаилось впереди, Билл, мы с этим справимся. Кроме того, это еще и отличная возможность устранить Россию с Балкан, ослабить и без того почти дохлого медведя.

– И то верно.

– Мы просто избавляем мир от еще одного тирана и показываем миру, кто здесь главный.

– Да... думаю, мы все правильно делаем, – помолчав немного, согласился президент Клинтон. – Я уже связался с Хавьером, тот отдаст приказ Кларку начать операцию сразу, как только самолет Холбрука будет в безопасности.

– Отлично, – кивнула Мадлен, выключая телевизор: все самое интересное покажут завтра. – Спокойной ночи, Билл. – Она повесила трубку. В тишине и темноте она еще долго сидела неподвижно, будто боясь спугнуть удачу, которую она поймала за хвост. И только холодный свет уличных фонарей струился через окна ее дома, пытаясь лучами дотянуться до ее холодного и безжалостного сердца...

Приштина, 23 марта 1999 года

Милош не собирался задерживаться в больнице, хотя на этом и настаивали врачи. После того как Радко рассказал ему об увиденном в Рачаке, сидеть сложа руки было нельзя. Друг встретил его на машине на выходе из больницы.

– Плохи дела, да? – спросил Радко у друга.

– Опять война, – сказал Милош, сев в машину. – И уже ничего не изменить.

– Что будем делать?

– Я вернусь в Обилич, нужно увести семью оттуда.

– Куда?

– Подальше отсюда, туда, где нечего бомбить.

– А потом что делать? – не унимался Радко.

– Потом, брат, придется снова умирать за Косово, которое будут выдирать из наших тел. – Лазарь молча сосредоточенно смотрел вперед. Одному Богу было известно, что за мысли носились сейчас в его голове. – Поехали домой.

Ночью следующего дня Югославия погрузилась во тьму, и в огне уже не было видно синего неба, которое всегда дарило надежду на спасение.

А для сербов давно не тайна, что война эта началась именно с приездом Уильяма Уокера в Косово. И каждый, кто помнит, хотел бы плюнуть на его могилу...

глава IV

Мария Лазарь не спеша подошла к расположившемуся на кожаной кушетке Кристоферу Мерфи и села в кресло у изголовья. В руках она сжимала часы на цепочке, выполненные под старину. Отчего-то доктору Зеву нравилось использовать именно такие атрибуты в своей работе. Он полагал, что они придают ему больше таинственности.

– Знаете, Мария, никогда раньше не находился под гипнозом, – улыбнулся Мерфи, явно нервничая перед чем-то неизвестным. – Это ведь не больно?

– Конечно, нет, – успокоила его Мария. – Вы же это делаете для себя, для облегчения ваших же мучений.

– Расскажите мне про процедуру, Мария. Как она будет проходить?

Лазарь не спеша начала рассказывать. Крис заметил, что голос помощницы Зева немного изменился, стал тише и поменял тональность. Чем больше он вслушивался, тем больше ему казалось, что ее голос заполняет его голову.

Она замолчала, будто собираясь с духом, сжала часы в кулак и поднялась с кресла.

– Начнем, пожалуй. – Лазарь небрежно бросила часы на кресло и села на кушетку. Мерфи удивленно посмотрел на нее. – Не бойтесь, мистер Кристофер Мерфи, вы все равно ничего не вспомните. – Она сидела боком, он мог видеть только ее профиль.

– Я вас не понимаю, – мотнул он головой, напрягаясь всем телом, будто почуяв что-то неладное.

– Боишься? – Она хмыкнула и передернула плечами, затем повернулась к нему лицом, поднося руки к его голове. Мерфи впился глазами в ее глаза, смотрел в них как завороженный.

– Но как такое возможно? – только и успел он спросить, прежде чем Мария взяла его голову руками и заставила его смотреть ей в глаза.

– ...Тебя больше нет, Кристофер Мерфи, есть только мой голос... – сделав небольшую паузу, прошептала Мария, пристально, не моргая глядя ему в глаза.

Гэбриэл Зев вышел из полицейского участка со своим племянником. Зев был в крайне плохом настроении, разговаривать с парнем не было никакого желания. Вместе они дошли до машины.

– Домой я тебя, Питер, не повезу. Добирайся сам. Отцу я, конечно, ничего не скажу, у него и так сердце слабое, но ты бы уже взялся за ум и перестал бы свои комплексы всей семье демонстрировать.

– Может, дядя, это не комплексы, а я, который просто вас всех не устраивает? – буркнул двадцатилетний племянничек.

– О! Я тоже был бунтарем в твоем возрасте, но это не стоило моим родным ни копейки. Знаешь, что я тебе скажу, Питер, хочешь нарушать закон – пожалуйста, только никогда не забывай о последствиях. Более того, знание закона позволит тебе обходить его. Понял? – подмигнул парню доктор Зев. – А для этого нужно сначала хорошо учиться в своем дорогущем университете.

– Ладно... подумаю, – махнул рукой Питер.

– Подумай, подумай, если есть чем. – Гэбриэл посмотрел на часы: прошло уже сорок минут с момента, как он покинул офис. – Так, все. Мне пора ехать! – Он махнул рукой и сел в машину.

Еще через пятнадцать минут он был в офисе. Когда он вошел в свой кабинет, Мария была на кухне и заваривала чай.

– А вот и я! – снимая пальто, сказал Зев, посмотрев на кушетку. Мерфи сидел на ней и попивал кофе.

– Удивительная пунктуальность, доктор! – улыбнулся ему Кристофер. – А мы вот только закончили.

– Как все прошло? – Зев сел в кресло рядом с гостем. – Как колено?

– Вы не поверите, но пока ощущения, что как новое. Спасибо Марии.

Лазарь вернулась в комнату и подала чашку чая Гэбриэлу.

– Спасибо, дорогая. – Он придвинулся чуть ближе к Крису. – Что ж, для закрепления эффекта, думаю, тебе стоит посетить нас еще раз.

– Разумеется! – охотно согласился Мерфи, глядя на Марию. – К сожалению, мне пора идти, встреча с Уильямом.

– Да-да, – закивал Зев, – Уокер не любит, когда опаздывают. Да, и советую начистить ботинки перед визитом.

– И где только я умудрился?! – черные туфли Мерфи были все в пыли. – Да, конечно, все сделаю. Мой секретарь свяжется с вами по поводу оплаты и следующего сеанса. – Лазарь забрала чашку у пациента, с немного натянутой улыбкой глядя на него.

– Будем ждать. – Гэбриэл поднялся с кресла и пожал руку гостю. – Передавай привет Уильяму!

– Обязательно!

– Хорошего тебе дня, Крис, – улыбнулась Мария.

Спустя пять минут машина Мерфи отъехала от офиса доктора Зева. Гэбриэл проводил машину взглядом.

– Отличная работа, Мария, – похвалил он свою помощницу. – В чем там была проблема, что за глубинные переживания откопала?

– В пятилетнем возрасте он должен был играть в спектакле, но перед выходом на сцену так перенервничал, что едва ли смотрел под ноги. В итоге споткнулся и упал. С тех самых пор любое публичное выступление ассоциировалось с той болью.

– Скучно, – резюмировал Зев. – Что сделали?

– Пережили ситуацию еще раз без падения, с хорошим выступлением, – отрапортовала Лазарь.

– Эх, и где же они, интересные случаи?.. Сплошная банальщина, – выдохнув, резюмировал он. – Так, на сегодня у нас больше записей нет, так что можно отправляться по домам. Как ты на это смотришь?

– Положительно, – улыбнулась Лазарь.

– Вот и отличненько. Завтра в девять увидимся.

Гэбриэл собрался быстрей всех и, попрощавшись, сбежал из душного офиса. Ему хотелось поскорей добраться до дома, потому что сегодня была очередная игра в шахматы с соседкой Магдой. Он уже целую неделю не мог обыграть эту дерзкую женщину.

Мария покинула офис последней, идти домой так рано не было никакого желания. Она решила купить что-нибудь перекусить и отдохнуть в Центральном парке. Погода, конечно, не радовала теплом, но и не отпугивала холодом. Купив в парке, в первом попавшемся киоске, парочку сэндвичей и воды, она направилась к статуе Алисы в Стране Чудес. Благо идти было недалеко, да и в такое время народу практически не было – все скамейки были свободны. Мария села напротив памятника. Причудливая бронзовая композиция – Алиса сидит на большом грибе в окружении других персонажей. Развернув первый сэндвич, Лазарь приступила к своему скромному обеду. Только сейчас она обратила внимание, что у нее дрожат руки, дрожат от нервного перевозбуждения. Она тряхнула левой рукой, будто пытаясь скинуть с нее дрожь.

– Еще ничего неизвестно, я вполне себе могла и потерять такую дивную способность... – Она снова откусила кусок от теплой булки с ветчиной и листьями салата. – Завтра покажет. – Лазарь окинула взглядом площадку и посмотрела в серое небо. Пахло дождем. – А что еще я могу сделать?.. – спросила она неизвестно кого.

Сенатор Мерфи довольно быстро добрался до Нижнего Манхэттена. Наконец он подъехал к нужному дому. Машина Кристофера Мерфи остановилась у старого красного здания 1900 года постройки.

Улица Нассау была крайне узкой, да еще на ней велись строительные работы. К большому удивлению Мерфи, он смог припарковаться прямо у входа в дом. Он все сидел и никак не решался выйти из машины. Снова посмотрел на свои ботинки и вспомнил, что так и не протер их. Из бардачка достал губку и начал начищать обувь. Руки его дрожали так сильно, что он выронил губку.

– Да что со мной?.. – вслух спросил он, подбирая губку. – Всего лишь встреча, просто разговор. Я же у него не денег просить буду, а делиться своим опытом, – будто оправдывался он.

Закончив с обувью, он посмотрел в зеркало заднего вида. Ему вдруг почудилось, что он не отражается в зеркале, глаза казались ему чужими.

– Так, все, достаточно. Пора идти.

Он взял портфель с заднего сиденья и вышел из машины. Посмотрел вверх. Кузина Уилла Уокера жила на шестом этаже. Несмотря на всевозможные рекомендации врачей перебраться в более чистый и экологичный район, она предпочла остаться здесь, в доме, где родилась и где собиралась умереть. Кристофер подошел к домофону и набрал цифры «73». Спустя несколько секунд ему ответил женский голос.

– Кто там? – спросила женщина.

– Миссис Уокер, это Кристофер Мерфи, мистер Уильям назначил мне встречу... – не успел он договорить, как входная дверь открылась.

– Шестой этаж, мистер Мерфи.

Сенатор зашел в холл, к его удивлению, консьержа не было на месте. Быстрым шагом Мерфи дошел до лифта и нажал на кнопку вызова. Еще через пару минут он был на шестом этаже. Дверь в семьдесят третью квартиру была открыта – миссис Уокер собиралась уходить.

– Уильям, я вернусь часа через два, не раньше.

– Хорошо! – ответил ей кузен.

– Не забудь поесть! Ох, вы уже здесь, сенатор, – улыбнулась она Мерфи. – Проходите, Уильям вас как раз ждет. Хорошего вам разговора. – Она решила не ехать на лифте, а предпочла спуститься по лестнице.

Кристофер вошел в квартиру и закрыл за собой дверь. Уильям Уокер вышел из своего кабинета.

– Здравствуй, Кристофер! – Они пожали друг другу руки. – А ты такой же, как и на своих плакатах, не спутаешь, – хмыкнул старик (в этом году ему исполнялось восемьдесят лет). – Проходи, не стесняйся. Не желаешь чего-нибудь выпить? Ты какой-то встревоженный.

– Я давно мечтал о встрече с вами, сэр, – заискивающе ответил Крис. – Не отказался бы от крепкого кофе, если можно.

– Кофе? Оставим кофе на другой случай. Как насчет виски, хорошего и старого, как я? – Он улыбнулся. – Сейчас организую, а ты присаживайся, чувствуй себя как дома.

Сенатор сел в глубокое кресло и продолжал с восторгом рассматривать кабинет старого цээрушника. На полках стояли собрания сочинений разных авторов в шикарных коллекционных переплетах. Еще больше Криса заинтересовали фотографии, стоявшие на широком деревянном комоде у окна в несколько рядов. На них был запечатлен Уокер с разными видными деятелями. На широком письменном столе лежала разная оберточная бумага и ленточки. Уильям упаковывал для кого-то подарки ко дню рождения.

– Итак, чем я могу быть полезен молодому поколению? – Уокер поставил поднос с открытой бутылкой шотландского виски и двумя стаканами на письменный стол. Стаканы были наполнены практически до краев. Мерфи еще отметил про себя, что даже из уважения столько не выпьет – станет плохо.

– Мистер Уокер... – начал он, беря стакан с виски в руку.

– Оставим формальности, пусть будет просто Уилл и просто Крис, – принял деловой вид Уокер.

– Не так давно я возглавил экспертную комиссию по Балканам, объездил их. Я считаю, что США должны снова вернуться в регион, потому что там опять нарастает влияние России. Мы не можем этого допустить.

– Балканы сыграли свою роль в мировой политике, сынок. Их время прошло. Война 1999 года сделала то, что было выгодно США, – ослабила ОБСЕ и, следовательно, влияние России, – ответил Уокер, делая глоток и причмокивая от удовольствия. – Но это так, официальная версия, – хмыкнул старик. – В наших интересах поддерживать там накаляющуюся обстановку, что мы и делаем.

– А не думаете ли вы, что пора перейти к более прямым действиям?

– О чем ты, Крис? – глаза Уокера хитро сверкнули.

– Я был там, эти люди – они хотят независимости, которую мы им обещали.

– В Косово? – спросил Уокер, улыбаясь. Он обратил внимание на то, как изменился в лице Мерфи. Ему показалось, что его взгляд остекленел. – Мы много чего обещали, но цель была отнять его у Сербии и оставить регион на растерзание бандитам и преступникам. Как оно и получилось. Ты себя хорошо чувствуешь, сынок? Плохо выглядишь. – Он понюхал виски. – Испортился, что ли?..

– Вы когда-нибудь задумывались о том, что рано или поздно за свои поступки придется платить? – не своим, а каким-то ледяным голосом спросил сенатор, закинув ногу на ногу.

– Хм, мои поступки отражают мою суть. Таким меня создал Бог, – развел он руками, – значит, ему было угодно, что я делал то, что считал правильным.

– Тебя не Бог создал, а дьявол. Он по тебе соскучился и ждет тебя в аду, – прошипел сквозь зубы Кристофер, чувствуя, как руки наливаются кровью.

Дальше все произошло слишком быстро, чтобы старик Уокер успел среагировать. Сенатор Мерфи резко вскочил с кресла и схватил ножницы для бумаги, лежавшие перед Уильямом. Затем он со всей силы воткнул ножницы в горло старика, выдернул и снова воткнул. И так шесть раз. Уильям был крепким орешком, он не умер сразу, еще с минуту он хрипел и хватал себя за шею, пытаясь остановить кровь. Мерфи сделал шаг назад, брезгливо бросил ножницы на стол. Серый костюм сенатора был весь в крови, кровь старика была на его лице, на волосах, но его это не волновало. С чувством выполненного долга он спокойно выдохнул и только сейчас заметил, что руки его больше не дрожат. Одернув окровавленный пиджак, Кристофер вышел из квартиры. Прикрыл за собой дверь и пошел вниз по лестнице. Он видел все как в тумане, ноги едва его слушались, но он продолжал идти. Окровавленной рукой он открыл входную дверь и вышел на улицу. В эту же секунду начался сильный дождь. Мерфи не стал садиться в машину, а просто пошел вперед по узкому тротуару. Он держался за стену, и от входной двери теперь тянулся длинный кровавый след. Кристофер дошел до перекрестка и вышел на середину. Рядом не было ни души, лишь холодный дождь обжигал лицо, смывая с него кровь. Сигнал приближавшейся на высокой скорости машины казался нереальным и идущим откуда-то издалека. В следующую секунду, когда сенатор посмотрел налево, он увидел приближающийся мусоровоз. Он видел, как водитель пытается затормозить, как отчаянно жмет педаль тормоза, а машина его не слушается.

– О боже! – вдруг очнулся из своего дурмана Мерфи, но было уже слишком поздно. От удара о бампер тяжелой машины его отбросило на тротуар. Он буквально врезался в стену здания, а дальше изувеченное тело сенатора Мерфи упало на мокрый грязный асфальт. Ручейки его крови и крови Уокера стекались в один и устремлялись вниз по дороге.

Дождь застал Марию прогуливающейся по узким улочкам старого Гарлема, где старые дома соседствовали с дорогими тематическими ресторанами. Отчего-то на улице было немноголюдно, видимо, дождь и серое небо всех распугали. Лазарь смотрела по сторонам на

старые, повидавшие многое дома и ловила себя на том, что они так похожи на здания после бомбежек. На некоторых улицах складывалось впечатление, что война и не заканчивалась вовсе. В некоторых пустых домах, где окна были еще целы, виднелись огоньки ламп. Мария вслушивалась в музыку дождя, когда до ее обостренного слуха донеслись гулкие отзвуки ударов и противный сдавленный смех нескольких людей. Она смело пошла на звук. С каждым шагом к переулку, из которого доносился шум, она все лучше понимала, что она там увидит. Лазарь свернула за угол и увидела, как группа из четверых чернокожих ребят избивает мужчину, одетого в рабочую одежду. Он лежал на земле и, кажется, не подавал признаков жизни. Мария подобрала валявшийся на мокрой земле кусок окровавленной арматуры. Молодые и незаконопослушные не слышали ее приближения и продолжали издеваться над мужчиной. Подойдя достаточно близко, она свистнула им.

– Эй! – крикнула она, все четверо обернулись. – Проваливайтека подобру-поздорову, – спокойно сказала она, крепче сжимая арматуру.

– Иди своей дорогой, цыпочка! – заулыбались чернокожие.

– А то и тебе достанется, – сказал самый высокий из них, чуть приподняв куртку, показывая, что у него под ней припрятан пистолет.

– Убирайтесь отсюда, обезьяны, – прошипела Лазарь.

– Какого черта ты сказала, Белоснежка? – трое направились к ней, характерно для африканцев размахивая руками. – Проблем захотела? Так они у тебя сейчас будут!

Только чернокожий полез за пистолетом, как кусок арматуры прилетел ему прямо в голову. Ударив по ней, окропленное новой кровью оружие отлетело в сторону. Он сразу же осел на дорогу с широко открытыми глазами.

– Бен! – присели рядом с ним его друзья. – Бен, ты нас слышишь?!

– Нет, идиоты, он, наверное, умер, – ответила женщина с накинутым на голову капюшоном, они не могли разглядеть ее лица. – Но, может быть, у него еще есть шанс. Зависит от того, как быстро вы донесете его до больницы.

Они не стали больше ничего говорить. Похватав свои вещи и взяв под руки Бена, они поспешили прочь.

– Не успеете, – прошептала им вслед Мария. – Оно и к лучшему, одной тварью меньше. – Она выдохнула. – Как это негуманно, Мария, это ведь не наш метод...

Она подошла к мужчине, лежащему на земле. Опустилась перед ним на одно колено.

– Живой.

Незнакомец был сильно избит, к удивлению Лазарь, он оказался индейцем. Он с трудом открыл глаза, когда увидел, что незнакомая женщина взяла его телефон и набрала 911.

– Не волнуйтесь, сэр, скорая уже в пути.

Он хотел было ей что-то сказать, но снова провалился в темноту.

Придя домой, Мария первым делом пошла под горячий душ, а потом, укрывшись под теплым одеялом, она еще долго лежала и выискивала в своей душе чувство вины, какие-то эмоции. Однако ничего не находила, ее «Я» молчало. После двух часов ночи она провалилась в глубокий сон без сновидений. Утром она, как всегда, отправилась на работу. В офисе она была первой. Как всегда. Джулия отчего-то задерживалась. Зато доктор Зев пришел на пятнадцать минут раньше обычного. Вид у него был разбитый и в то же время озабоченный, движения выглядели суетливыми.

Лазарь стояла у окна рядом со столом Джулии и курила, когда Гэбриэл наконец ее заметил.

– О, Мария... ты... ты уже знаешь? – чуть дрожащим голосом спросил он.

– О чем? – не поворачивая головы, спросила она.

– Крис Мерфи... он... он вчера убил Уокера... ножницами для бумаги... – голос доктора садился, переходил на шепот. Он действительно потерял дорогого друга. – А потом сам, – он шумно сглотнул, – бросился под грузовик... представляешь? Господи, какой ужас... – он закрыл рот ладонью и сел на стул у стены.

– ...М-да, какая неприятность, – ответила Мария, выпуская клубок дыма и глядя на свое отражение в стекле.

С самого утра работа в офисе не задалась. Доктор Зев отменил все записи на сегодня. Он заперся в своем кабинете и, лежа на кушетке, молча разглядывал потолок. Гэбриэл пытался осознать глубинные причины поступка сенатора Мерфи. С одной стороны, он казнил себя за то, что не разглядел какого-то маниакального желания в поведении Мерфи. С другой, понимал, что у Мерфи не было никаких объективных причин так поступать.

Мария и Джулия не беспокоили доктора, а занимались своими делами. Верней сказать, Джулия смотрела очередной сериал, а Мария, закончив составление отчетов для Зева, читала журналы для посетителей. Прочитав один, она тянулась за другим. Тут в руки попался журнал National Geographic от 2009 года. Пролистав с десяток страниц с разными фотографиями, она вдруг остановилась на одной

статье. Статья была о Сербии в целом и о Косово в частности. Читать ее ей не хотелось, но она принялась разглядывать фотографии. Среди всех прочих картинок была одна из города Врнячка Баня. Мария провела пальцем по картинке, будто хотела почувствовать горную прохладу и тепло горячих источников...

Сербия, Врнячка Баня, 26 марта 1941 года

Новости из бушующего Белграда, объятого протестами против присоединения к Тройственному пакту, предложенному Гитлером, шли одна за другой. Телеграф с трудом справлялся с объемами. Хозяин единственного работающего в городе книжного магазина Жарко Попичич вышел из здания почты взволнованным. Осмотревшись по сторонам, он спрятал поглубже во внутренний карман пиджака полученное письмо. Он старался не спешить, но ноги сами несли его скорей домой. В его голове с бешеной скоростью метались мысли, он обдумывал, как лучше поступить. Наконец, добравшись до дома, он снова достал письмо и дважды перечитал его. К нему вышла его жена Милица. В свои сорок она выглядела на двадцать пять, отчего вызывала неимоверную зависть у всех их знакомых. Милица была мудрой женщиной и по одному выражению глаз своего мужа поняла, что их семью ждут большие перемены.

– Я получил письмо от Йозефа Кербела... – выдохнул Жарко, снимая кепку и аккуратно вешая ее на крючок. – Он пишет, что в Белграде готовят переворот. И, скорей всего, Германия нам его не простит и для нас начнется война – война, к которой мы не готовы.

– Что еще он пишет? – Милица дышала спокойствием.

– Пишет, что на евреев опять начались гонения со стороны дружественных фашистам структур. Он с семьей не может покинуть Сербию. Милая, мы должны им помочь. Я давно его знаю, он хороший человек.

– Настолько хороший, что отказал тебе в помощи, когда ты просил, – нахмурилась женщина, убирая выбившуюся прядь черных волос за ухо. – Он неблагодарный, как весь их род.

– Мой отец учил меня помогать тем, кого однажды назвал другом, – виновато ответил мужчина, стараясь не смотреть в глаза жене. – Я помню, что он отказался нам помочь, хотя это и было в его силах. Но я не он, я помогаю людям, когда меня просят.

– Это-то нас и погубит. – Она сложила руки на груди. – Как ты собираешься ему помочь? Отправить за границу ты его не сможешь. Да и куда? Война повсюду...

– Они будут жить у нас, мы спрячем их от фашистов. – Брови Милицы взлетели вверх. – Будут прикидываться местными, пока не найдем способа вывести их в безопасное место.

– Я люблю тебя, Жарко, и я до конца с тобой, но мне от этой затеи не по себе. Пообещай мне, что наши дети эту войну переживут, что мы ее переживем и увидим восход солнца над свободным миром.

– ...Я обещаю сделать все, чтобы так оно и было, – немного помолчав, ответил Жарко, а затем подошел и обнял Милицу.

– Нужно рассказать об этом Обиличу. Он должен знать, – прошептала его жена. – Так он сможет помочь, если что.

– Да-да, сегодня же поговорю с ним.

Радован Обилич был старинным другом Жарко, еще мальчишками они подружились, когда родители Попичича жили в Косово, в небольшом городке Обилич. Вместе ходили в одну школу, да и когда жизнь отправила их по разным дорожкам, связи они не теряли. На радость Жарко Радован на некоторое время переехал в их маленький городок. Жена Радована проходила курс лечения в одном из санаториев города. Друг к идее Жарко отнесся крайне скептически, но понимал, что доброе сердце друга не сломить разговорами...

Уже через месяц не стало Югославии. Разорвав ее на части, фашистская Германия продолжила свои завоевания. В одном из старинных особняков города Врнячка Баня расположился штаб гестапо. С первых дней капитуляции Югославии немцы стали устанавливать свои порядки, в частности направленные на евреев. Опасно для них было во всех городах и селах.

Жарко поселил семью Кербела в одной из частей своего дома с отдельным выходом, где и ему, и его жене, и их двоим малолетним детям было комфортно. Чтобы не бояться проверок, Попичич придумал легенду для Йозефа – они прикидывались родственниками, благо внешность позволяла сойти за местных. А детей не особо разглядывали, они бегали все в старой потрепанной одежде и перемазанные неизвестно чем.

Дочка Йозефа Мария-Яна с удовольствием играла с детьми Жарко – Предрагом, Драганом и Анной. Анна, которая была старше Марии на три года, любила играть с ней в саду. В те времена жена Попичича обучала своих детей французскому языку, ей нравилось его звучание, да и знание иностранного языка, думала она, пригодится в будущем. Мария-Яна частенько принимала самое активное участие в обучении. Ей так сильно нравилось звучание языка, что хотелось, чтобы и ее звали на французский манер. Из всех имен, что предложила Милица, ей очень понравилось имя Мадлен. Так и стали ее звать – Мадленка.

– До Мадлен ты еще не доросла! – смеялись над ней взрослые, когда девочка, хмуря бесцветные брови, требовала звать ее именно так. Ее всегда обижало, что взрослые чаще звали ее Мадди, подчеркивая, что она та еще грязнуля. Ведь по-английски «mud» – это грязь.

Пока в мире шла война, иногда еще встречались мирные уголки, где был слышен детский смех. Юной Марии-Яне уже стукнуло семь лет.

В дом Попичича часто приходили гости, и не все они нравились новоиспеченной Мадленке. Особенно ей не нравился мужчина по имени Радован, она не раз жаловалась родителям, что ее жутко пугает его суровый взгляд. Ей казалось, что он видит ее насквозь. В апреле сорок четвертого, как раз в канун Пасхи, Радован снова побывал в доме Жарко. Где он пропадал три года, Мадлен не знала. В тот день она невольно подслушала разговор Радована, Жарко и своего отца. Втроем они сидели на кухне при зашторенных окнах и разговаривали негромко.

– Пока для вас нет возможности уйти, – сказал Радован, покачав головой и глядя на Йозефа. – И дело вовсе не в проверках, – отмахнулся он. – Сейчас идет мощное наступление советской армии по всему советско-германскому фронту. Мы уже достаточно далеко продвинулись в отвоевании наших земель у фашистов.

– Неужели нет никакой возможности нам перебраться в Англию? – спросил Кербел.

– Пока ни единого шанса. Подождите еще чуток, и война закончится. Тут вам все равно практически ничто не угрожает, – развел руками Обилич. – Как у Христа за пазухой живете. – Он улыбнулся и похлопал по плечу притихшего Жарко.

– Для нас тут ничего не изменится. Уйдут фашисты, придут коммунисты. Еще неизвестно, что хуже, – прошептал Йозеф.

– Как ты заговорил-то, – ухмыльнулся Радован. – Коммунисты сейчас мир от коричневой чумы освобождают, а ты, крыса тыловая, – и без того круглые глаза еврея округлились сильнее, – ты отсиживаешься в доме доброго человека, который, так между прочим, коммунист. И у тебя наглости хватает оскорблять его в его же доме...

– Ну, тебе, Жарко, не пришлось бы меня тут прятать, если бы ты следовал плану изначально и переправил нас во Францию, – возмутился Кербел.

– Ты прекрасно знаешь, что на тот момент это было невозможно. Вывозить вас под бомбежками – не самый лучший вариант. Умирать за тебя я не собирался. – Голос Попичича отдавал сталью.

– А что ты забыл там, в Англии? – спросил Обилич.

– Хочу перебраться в США. – Он с вызовом посмотрел на двух сербов, те переглянулись.

– ...Мы только за. Правда, вот помогать тебе не будем, – ответил Радован. – Мы и так всем городом для твоего народца много сделали, а даже спасибо не услышали, когда вам последний кусок хлеба отдавали. А теперь тебе коммунисты плохие, ну, может тебе в концлагерь охота, от которого Жарко тебя спас? Так я это устрою.

– Я твоих угроз, Рад, не боюсь, – нахмурился Йозеф.

– Боишься. Ты меня больше фашистов боишься. Я это в твоих поросячьих глазках вижу.

– Радован... – хотел вмешаться Жарко, но Обилич его остановил жестом руки.

– Через неделю партизаны и ОАЮ освободят Врнячку Баню, вот тогда и свалишь с нашей такой негостеприимной, – он сделал особый акцент на этом слове, – земли. А до тех пор сиди тихо и не рыпайся.

– Жду не дождусь, – сдержанно ответил Йозеф. – Только не забывай, что и я кое-что о тебе знаю и также могу сдать немцам.

– Ну попробуй, – хмыкнул Радован. – Мне даже любопытно на это посмотреть.

– А что? Один из жителей регулярно принимает одного из начальников партизанского движения в своем доме, ведет беседы, строит планы... им будет интересно. – Кербел закинул ногу на ногу, чувствуя свое, как ему казалось, превосходство. – Видишь, Рад, твои угрозы не работают.

– Видишь ли, Йозя, – Обилич встал из-за стола, выпрямился во весь свой исполинский рост. Он был скалой в сравнении с щупленьким Кербелом. – Ты очень боишься смерти, и сдай ты меня кому угодно – ты умрешь. Причем быстро, причем вместе со своей семьей.

– ...Варвар. – Йозеф прекрасно понимал, что Обилич прав.

– Терпеть тебе еще недолго, от силы год. – Радован попрощался с другом и пошел к выходу. Проходя мимо детской спальни, он заметил дочь Йозефа, та быстро юркнула в темноту. – ...Что за народ... – покачал он головой и покинул дом друга.

Йозеф пожелал Жарко спокойной ночи и пошел на свою половину дома, по пути он заглянул в детскую к дочери. Та не спала, она стояла у окна и разглядывала беззвездное небо.

– Ты почему до сих пор не спишь? – спросил он, подходя к ней.

– Папа, этот Радован – кто он такой? Почему он позволяет себе с тобой так разговаривать?

Кербел погладил ее по голове.

– Местный геройчик, партизан и просто плохой человек, как и большинство в этой варварской стране, где мы оказались запертыми. – Он сел на кровать и тоже посмотрел в окно. – А сейчас уничтожат фашистов и будут строить свой коммунизм, – выдохнул он, – нигде от них спасения нет, от этих жаждущих сказки для всех.

– А разве это плохо? – Мария-Яна села рядом с отцом. – Сказка для всех?

– Не все достойны сказки, моя дорогая.

– А кто решает, кто достоин, а кто нет?

– Мы, – твердо ответил он. – Наш народ должен решать, нас выбрал сам Бог для этого. Нам нужно построить такое государство, которое будет вершить судьбы мира. Мы должны помочь Богу в отборе лучших для его ангельской армии.

– Почему не могут другие?

– Потому что не способны видеть дальше своей собственной выгоды. Бедны духом, милая моя.

– Нас поэтому хотят убить? Что мы... особенные?

– Именно поэтому, – кивнул Йозеф.

– Папа, я думаю, – она впилась глазами в лицо отца, – мы должны наказать Радована. Он ведь угрожал тебе.

– Накажем. Обязательно, но чуть позже. Так, уже совсем поздно. Давай-ка ложись спать.

Кербел поцеловал дочь в лоб и тоже пошел спать, правда, он и не догадывался, что за план родился в голове Мадленки...

С самого утра следующего дня Мария-Яна следила за домом, где жил Обилич со своей женой. Она знала, что он там появляется крайне редко. Мадленка наблюдала за Бранкой Обилич и делала какие-то пометки в своей тетрадке. К ее лицу прилипла кривая довольная ухмылка, она была в предвкушении своей маленькой мести.

Странное поведение Марии-Яны заметил старший сын Жарко – Предраг. Он решил проследить за девочкой. Закончив свое наблюдение за Бранкой, Мадленка уединилась в своей комнате и на чистом листе бумаги начала писать письмо-записку. Неуверенным детским почерком она выводила отнюдь не детские слова и предложения. Закончив письмо, конверта она не нашла. С досадой она спрятала письмо в карман своего серого платья и, улучив момент, вышла со двора дома Попичичей и направилась в город. На улице уже темнело, и она с трудом ориентировалась, но шла вперед уверенно. Предраг шел за ней, в глубине души он уже догадался, куда именно она шла, но гнал прочь эти мысли. Наконец она дошла до пункта своего назначения и остановилась в ста метрах от здания, где расположилось гестапо. Это был двухэтажный особняк из серого камня с большими витражными

окнами и тяжелыми резными дверьми. На фоне иссиня-черного неба он выглядел зловеще и в чем-то пугающе. От него веяло холодом. По улице то и дело проходили люди, чуть ускоряя свой шаг перед особняком. Мадленка достала из кармана свернутый втрое лист бумаги и, развернув его, решила прочитать еще раз. Предраг подошел к ней тихо, так что она не услышала, и смог заглянуть в письмо. Прочитав первые две строчки, он почувствовал, как холодок пробежался по спине, он не мог поверить своим глазам.

– Ах ты! – он быстрым движением руки вырвал из рук девочки письмо. – Ты тварь! Как ты могла такое написать? – изо всех сил сдерживал себя шестнадцатилетний парень. – Он защищал твою поганую семью, как и мы, а это твоя расплата?! – в сердцах он дал ей пощечину.

– Он угрожал моему папе, теперь будет знать! – срывающимся голосом ответила Мария-Яна, гладя себя по щеке. – Отдай письмо! – даже в темноте было видно, как краснеет ее лицо и глазенки наливаются то ли гневом, то ли слезами.

– Еще чего! А ну пойдем домой! – он скомкал письмо и убрал в карман, а девочку взял за руку.

– Нет!!! – громко запищала Мадленка, а потом увидела, как из особняка выходят военные. – Помогите! Дяденьки! – завопила она, тут же начиная плакать на всю улицу. – Отпусти меня! – она картинно вырывалась, хотя Предраг ее держал не крепко. – Помогите! – Военные с любопытством наблюдали.

Девочка продолжала играть одной ей ведомую роль, вспоминая все свои спектакли в школе и детском саду. Предраг отпустил ее руку, и она со всех ног побежала к немцам. Не добежав десяти метров, она специально упала на дорогу.

– Я... я узнала, что этот мальчик... – всхлипы перебивали ее речь, – он сын партизана, его семья укрывается в доме дяди Радована Обилича! Он хотел меня остановить!

Лица немцев изменились, больше в них не осталось праздного любопытства. Один из них помог девочке подняться.

– Все хорошо, не плачь, – сказал он, своим белым платком вытирая слезы и грязь с ее лица.

Предраг не мог пошевелиться. От услышанного его как громом поразило, он не мог поверить в то, что это происходит на самом деле.

– Эй, мальчик! Иди сюда! Не бойся! – крикнул Предрагу другой немец. Парень сделал шаг назад. – Давай-ка без глупостей!

Предраг сорвался с места и скрылся в ближайшем переулке. Со всех ног он мчался домой. Один из немцев тут же побежал следом.

– Как тебя зовут? – спросил девочку военный.

– ...Мадлен, – чуть успокоившись, ответила она.

– Хорошо, Мадлен, где живет этот мальчик? – Марии-Яне очень понравилось, что взрослый назвал ее именно Мадлен, ей нравилось звучание своего нового имени. Она тут же назвала адрес Обилича и пересказала текст своего письма, которое осталось у Предрага.

– Ступай домой, Мадлен. Мы разберемся со всем.

– Точно?

– Точно, – улыбнулся офицер, отдавая ей платок. – Ты ведь дойдешь сама? – Она кивнула. – Тогда беги!

Двое военных переглянулись, проводив ее взглядом, и поспешили вернуться в штаб. Новая информация была как нельзя кстати. Зайдя за угол, Мадленка стояла прижавшись к стене, пытаясь отдышаться. Она была настолько довольна своей игрой, что жалела лишь о том, что зрителей было ничтожно мало.

Немец бежал за мальчиком, нагоняя его с каждым шагом. Предраг все не мог от него оторваться, то и дело сбивалось дыхание. Дом Обилича был впереди, до него оставалось совсем чуть-чуть. В окнах горел свет, и была вывешена красная тряпка – Радован был дома. Предраг перепрыгнул через невысокий забор и через расцветающий вишневый сад ринулся напрямую к дому. Обилич вышел на улицу.

– Радован!! – крикнул Предраг. – Радован! – Мужчина заметил бегущего следом за мальчиком немца. – Дочь Йозефа ходила к немцам, она рассказала, кто вы!

– На землю! Падай на землю! – крикнул Обилич, вынимая из кобуры пистолет и прицеливаясь во врага. Предраг хотел было упасть, но острая боль, пронзившая спину, сама бросила его на землю. А секунду спустя над его головой просвистела пуля, угодившая немцу в сердце. Тот упал замертво.

– Предраг!

Радован кинулся к мальчику, тот попытался встать, но ноги его не слушались. Обилич поднял с земли истекающего кровью парня и понес его в дом.

– Только не засыпай, слышишь меня, Предраг?..

– Эта тварь рассказала им о вас... – шептал мальчик. – У меня в кармане письмо, которое она хотела им отдать... – Потом он потерял сознание и не знал, каких усилий стоило врачу-хирургу Бранке Обилич удержать его на этом свете.

Обилич пришел в дом Попичича и рассказал ему о случившемся. Жарко с Милицей помчались к сыну в соседний дом, куда уже стягивались значительные силы партизан.

Мария-Яна вернулась домой с довольной улыбкой на лице.

– У меня для тебя хорошая новость, Йозеф, – тихо проговорил Радован, – ты тут больше не живешь. Ты едешь в Белград, где будешь сам спасать свою гнилую шкуру.

– Милая, иди в свою комнату.

– Зачем же? Пускай расскажет, как она помогла папочке, – хмыкнул Обилич. – Пусть расскажет, как пошла сдавать меня немцам, как из-за нее немец стрелял в Предрага.

– Я не понимаю, о чем ты... – мотнул головой Кербел, в недоумении глядя то на дочь, то на серба.

– Яблочко от яблони, знаешь ли. Собирайте свои вещи, мы поможем вам в последний раз.

– Мария, что ты наделала?

– Я лишь следовала твоему совету, папочка. Я помогла Богу увидеть, кто плохой, а кто хороший.

– Как мило, – улыбнулся Обилич. – Мы плохие, значит. А почему, собственно, а, Йозя? Спасали твою шкуру, кормили, поили, одевали, прятали... Плохие? А с чего ты взял, что ты хороший?

– Я ничего плохого не делаю.

– Уже сделал. А ты, маленькая тварь, – он посмотрел на девочку, – всегда помни о том, что за все зло, причиненное людям тобой, ты будешь платить лично.

– ...Я найду на кого переложить ответственность, – совсем по-взрослому ответила девочка.

Спустя час семья Кербела была уже на пути в Белград, а партизаны совместно с освободительной армией Югославии начали зачистку Врнячки Бани от немцев. Мадлен была довольна их отъездом, семья Попичичей ее довольно сильно раздражала, а Предраг... он заслужил пулю в спину, думала она, ведь он так и не ответил на ее любовное послание.

По прибытии в Белград Йозеф смог связаться со своими бывшими коллегами по посольству в Чехии. И тут среди сербов нашлись добрые люди, в очередной раз пустившие его семью под свою крышу. Правда, лично для себя он решил, что фрагмент их жизни в Сербии во время войны нужно будет переписать. Посему при переезде в США он сменит фамилию на Корбел и начнет писать совсем другую историю.

В тот год Пасха была 16 апреля, и сотни людей отправились в храмы Белграда в хорошем настроении, и не было ни у кого и мыслей о надвигающейся беде. Мария-Яна и ее семья не были исключением. Они так же, как и все, принимали участие в праздновании, когда в одиннадцать утра над городом разнесся гул воздушной тревоги, а

уже в двенадцать часов на ничего не подозревающих людей всей своей мощью обрушились союзные войска – бомбардировщики США и Англии. Говорят, они метили в военные объекты немцев, но попадали лишь по жилым домам и больницам да храмам... Те бессмысленные в стратегическом плане бомбардировки продолжались долго. Единственным объяснением было то, что англо-саксы хотели проверить тактику ковровых бомбардировок. Для Мадлен это были самые страшные дни, когда она боялась громких звуков как огня. Она никому не рассказывала, но тогда она подумала, что этот ужас и есть то наказание, о котором говорил Обилич. Для себя она решила, что когда построит такое государство, о котором говорил ее отец, такой же ужас будет ждать тех, кто будет плохим... в ее понимании.

Мария Лазарь закрыла журнал и закрыла глаза. В офисе было душно, и так и хотелось вырваться из четырех стен и прогуляться на свежем воздухе. Нежданный гость появился на пороге ровно в четыре часа дня. Это был невысокого роста пожилой человек, ухоженный, в черном дорогом костюме. Джулия сразу же приметила дорогие часы на его правой руке, явно именные и сделанные на заказ.

– Здравствуйте, леди. – Он натянуто улыбнулся, Мария молча кивнула в знак приветствия. – Доктор Зев у себя?

Он с интересом разглядывал Лазарь, что-то в ней привлекало его.

– Да, но он сегодня не принимает...

– О, милая моя, меня он примет. Позволите? – он сам подошел к двери кабинета и постучал.

– Оставьте меня! – крикнул Гэбриэл.

– Это Джейкоб. Я войду? У меня был долгий перелет, и я не хочу тут стоять в ожидании.

Спустя секунду Гэбриэл сам открыл ему дверь.

глава V

Джулия подскочила с места и кинулась к Марии.

– Ты знаешь, кто это?!

Лазарь мотнула головой.

– Да это, – чуть ли не задыхалась от восторга девушка, – это же сам четвертый барон Ротшильд!!! Натаниэль Чарльз Джейкоб в нашем офисе... с ума сойти!

– Барон? – удивилась Мария. – Один и без охраны?

– Я думаю, что вся охрана осталась за дверью. Дай-ка посмотрю! – она сначала подбежала к окну. Внизу и впрямь были две машины сопровождения и один лимузин. Мини-кортеж занял пол-улицы. – А за дверью... дай-ка гляну.

Но Мария ее опередила, она подошла к двери и настежь ее открыла. У входа в офис Зева стояли два человека, в костюмах и вооруженные.

– Ой! Здравствуйте! – просияла Джулия, питавшая слабость к крупным мужчинам при оружии. Она не могла отвести глаз от одного из них, явно главного.

– Добрый день! – ответил он, улыбаясь и с любопытством разглядывая помощницу Гэбриэла.

– Не хотите войти? – спросила Джулия, когда Лазарь, потеряв интерес к незнакомцам, вернулась к креслу у журнального столика. Села и, достав сигарету, закурила. – Могу предложить вам чудный кофе. – Она уже почти влюбилась в этого статного высокого брюнета с темными глазами.

– Не откажусь, – ответил он. – Бен, вызови Кевина, – обратился он к напарнику. Тот кивнул. – Меня зовут Вук, милые дамы, – улыбнулся он. Лазарь подняла глаза на мужчину.

– А меня зовут Джулия, а эта молчаливая особа – Мария.

Лазарь продолжала молчать, но уже с интересом рассматривала Вука.

– Позвольте, я присоединюсь? – он сел в кресло слева от Марии и тоже достал пачку сигарет. – Как работается вам, леди?

Аромат сигарилл с вишневым вкусом наполнил комнату.

– В целом неплохо, но сегодня пустой день. У нашего начальника траур. Убили его друга.

– Да-да, в новостях с самого утра рассказывают. А вы тоже знали Уокера?

– Нет... но убийца вчера приходил к нам...

– Вук – довольно редкое имя, вы ведь не из Америки? – перебила Джулию Мария, посмотрев на гостя.

– Да, вы правы. Это сербское имя. Слыхали о Сербии?

– Доводилось, – кивнула Мария.

– Мои предки оттуда, а сам я родился и вырос тут. Так что самый что ни на есть американец.

– Акцент, – тихо заметила Мария.

– Что, прости? – он посмотрел на Лазарь, которая смотрела не на него, а в окно.

– У тебя сильный акцент, что говорит о том, что английский не твой родной язык и ты не урожденный американец.

– А ты наблюдательная, прям-таки шпионка.

– Как твоя фамилия, американец? – спросила Мария с иронией.

– ...Бранкович, – ответил Вук. – И запомните эту фамилию, дамы, вы о ней еще услышите.

– Ну, еще бы, – хмыкнула Лазарь.

Вук чувствовал, как злится на выскочку, но старался держать себя в руках. Он решил переключить свое внимание на рыженькую секретаршу. Та буквально пожирала его взглядом.

– Скажи, Вук, – сразу перешла на «ты» Джулия и, как могла, старалась быть обаятельной, – а вы давно работаете у барона Ротшильда? Ты его телохранитель, да?

– Да, я начальник охраны. Отвечаю за безопасность. А давно ли... Лет десять уже. – Бранкович поднялся с кресла и стал расхаживать по комнате и рассматривать интерьер и копии картин Клода Монэ.

– И бывали опасные ситуации?

– Куда же без них, – пожал плечами Вук. – Бывают иногда.

Вдруг из кабинета выглянул Зев.

– Мария, зайди, пожалуйста.

Лазарь сразу поднялась с места и вошла в кабинет доктора.

– Чем могу быть полезна, Гэбриэл? – тихо спросила она.

– Приготовь нашему гостю кофе, у тебя это лучше всех получается. Плюс принеси мне дело Мерфи, – сказал он на иврите. Мария послушно кивнула и удалилась на кухню, стараясь не попасться на глаза гостю.

Пока кофе варился, она зашла в соседнюю маленькую комнату, где Зев разместил картотеку своих пациентов. Папка сенатора Кристофе-

ра Мерфи лежала на самом виду, Лазарь не стала убирать ее далеко вчера.

– Здравствуйте еще раз, сэр Джейкоб, – обратилась на иврите к гостю Мария, отдавая папку Гэбриэлу.

– О! В наше время редко встретишь молодежь, говорящую на родном языке, – отметил гость. – Похвально, мисс. Только Джейкобом меня зовут в миру, а для друзей я Натаниэль. – Он улыбнулся. – Только никому не слова, я вам доверяю.

– Благодарю. – Лазарь изобразила подобие улыбки и снова удалилась на кухню разливать кофе по чашкам.

– Милая девушка, – сказал Натаниэль, – что у нее за семья?

– Она дочка Бенедикта и Лауры Лазарь. – Барон кивнул. – Он был отличным хирургом, великолепный был специалист, – покачал головой Зев, – они десять лет назад переехали в США. А два года назад погибли в автокатастрофе. Мария выжила лишь потому, что в то время проходила практику в больнице. Бедное дитя, осталась совсем одна.

– Это тот Бенедикт, который оперировал нашего общего знакомого Дэвида? – Доктор кивнул. – Да уж... какая потеря. Не знал, не знал. Дэвид после той пересадки был как новенький, только в этом году понадобилась очередная пересадка.

Минуту спустя Мария вынесла поднос с двумя чашками кофе и поставила его на стол доктора.

– Спасибо, дорогая.

– Так, Мария, присядь-ка с нами. – Зев протянул папку. – Расскажи нашему гостю о сенаторе. – Ему явно было противно даже смотреть на убийцу своего друга.

– Все о нем не надо, лишь возможные зацепки, может, вы что-то заметили? Не было ли у него сообщников, и не был ли это план?

– За сорок минут гипнотического сеанса...

– О! Забыл тебе сказать, она мастер-гипнолог! Талантище! Кхм, продолжай.

– ...Спасибо, – она улыбнулась, – я лишь заметила, что он нервничал, что-то его сильно беспокоило, но никаких предпосылок агрессивных не было... Он был психически нормальным человеком, это я могу говорить со стопроцентной уверенностью.

– Увы, но поступок его отнюдь не нормален, – покачал головой барон.

– Может, он готовил это убийство очень долго, – предположила Лазарь.

– Что ж, пускай этим делом займется полиция. Ладно. Хватит о нем. – Ротшильд стряхнул с брюк пушинку. – Билли, – сказал он и

посмотрел на доктора и его помощницу, – Билл де Блазио, – уточнил он, – мэр города, предложил семье Уокера, чтобы церемония прощания прошла здесь. Семья приняла этот жест. Церемония состоится послезавтра.

– Я обязательно на ней буду, – с готовностью ответил Гэбриэл.

– Само собой, – кивнул барон. – Только это не все события на пятницу.

Мария уже чувствовала себя лишней. Заметив, что чашки опустели, она поспешила забрать их и скрыться на кухне.

– В семь часов вечера в общинном еврейском центре, что на Амстердам-авеню, состоится вечер памяти Уильяма Уокера. Соберутся его бывшие коллеги, друзья.

– Боюсь, всех его друзей центр не вместит, – опустил голову Зев.

– Также состоится презентация одного любопытного экспоната. Из своих надежных источников я узнал, что им активно интересовался Мерфи.

– Что же это? – полюбопытствовал Гэбриэл.

– Голова... нетленная.

– Позволь спросить, чья голова?

– Голова князя Лазаря, – Мария замерла на месте, – балканская реликвия. Давно утерянная для них, но представляющая для населяющих ту местность народов великую ценность.

– В чем же ее ценность? Очередные мощи гоя для поклонения гоев... – откинулся на спинку кресла Гэбриэл, потеряв интерес к теме.

– Видишь ли, не только сербы верят в ее силу – греки, турки, знающие европейцы. Пока голова не воссоединится с телом, Балканы будут разжигателями войн. – Барон говорил медленно, смакуя каждое слово.

– Ты всегда был мистическим человеком, Натаниэль, – улыбнулся доктор.

– Вот уже 626 лет, как она переходит от одного владельца к другому. Сербы уже больше двухсот лет просят турков вернуть ее, а те молчат. Знаешь почему? Потому что ее и у них нет. Каждые пятьдесят лет она меняет владельца, трофей переходит от одного рода к другому, наделяя силой. Верь или не верь, но так оно и есть.

– Что ж, люди и в копье Судьбы верят...

– Я приглашаю тебя на церемонию передачи этой реликвии моей семье на хранение. Тебе, я уверен, будет приятно повидаться со старыми друзьями.

– Мне не с кем пойти на это мероприятие, – нахмурился Зев, который никогда не любил массовые скопления людей.

– Возьми Марию. – Барон кивнул в сторону кухни. – Такой чистой еврейской крови негоже пропадать. Познакомим ее с кем-нибудь достойным.

– Мария! – позвал ее Гэбриэл, та тут же вышла из кухни. – Сопроводишь старика на вечеринку? – Он улыбнулся отбеленными зубами.

– Сочту за честь. – Она заставила себя приветливо улыбнуться.

– Вот и дивно. – Ротшильд встал с кресла. – Также там и обсудим еще кое-что. Уже по твоей части, возможно, мне нужна твоя помощь как психоаналитика.

– Всегда готов помочь! – как ужаленный подскочил с места Зев.

– До пятницы. До встречи, мисс Лазарь. – Он кивнул в ее сторону и вышел за дверь. Гэбриэл побежал его провожать.

– ...До свидания... – тихо ответила Мария, переваривая услышанную информацию. Как-то это все невероятно, слишком хорошо, чтобы быть правдой...

Когда гость со своей охраной ушел, Джулия выловила Марию и принялась рассказывать ей о своей новой пассии – Вуке Бранковиче. Она восхищалась всеми его мелкими заслугами и всем тем, чем он успел ей похвастаться. Но мыслями Лазарь была далеко. Снова мысли хаотично бегали в ее голове, пытаясь сложиться в логичный план.

– Так, милые мои, – Зев собрался уходить, – на сегодня рабочий день окончен. И, скорей всего, на всю неделю вперед.

– Но у нас полно записей, дядя! – возмутилась Джулия.

– Отмени и перенеси на другое время. Я не в состоянии работать, да и нужно подобрать костюм к вечеру памяти. Уиллу не должно быть стыдно за своего друга.

– ...Как скажешь, – поморщила нос Джулия.

– Мария, надеюсь на твою помощь в пятницу. Без твоей поддержки мне там не справиться.

– Все будет хорошо, доктор Зев.

– Верю, – кивнул он. – Тебе я всегда отчего-то верю.

Попрощавшись с девушками, он покинул офис. Джулия неохотно вернулась на свое рабочее место и, открыв расписание сеансов, принялась обзванивать всех пациентов.

– Тебе хорошо, – Джулия по-детски надула губки, – ты можешь идти домой и отдыхать. И вообще, почему меня не пригласили на эту вечеринку?!

– Это вечер памяти, а не вечеринка, – ответила Лазарь, переодевая офисную обувь на уличную.

– Там наверняка будет Вук, – мечтательно проговорила секретарша. – У нас бы были красивые дети...

– О боже, избавь меня от этого, – раздраженно бросила Мария.

– А тебе есть что надеть, или пойдешь опять в одном из своих серых брючных костюмов?

– Нет, оденусь в розовый латекс, чтобы уж наверняка.

– Зачем так грубить? Я же по-дружески спросила, – нахмурилась Джулия. – Ладно, куда направляешься? Может, составишь мне компанию на ужин?

– Пойду прогуляюсь.

– Куда? – не унималась девушка.

– На мост.

– На мост? Зачем?

– Буду думать о бренности своего бытия, курить и потом спрыгну вниз. Хороший план?

– Ты слишком много куришь, так ты замуж никогда не выйдешь. – Мария закатила глаза и вышла из офиса. – Я серьезно! Кому нужна курящая жена?!

– Тому, кому была нужна, – того уже нет... так какая разница, что со мной будет?.. – прошептала Лазарь, спускаясь по лестнице вниз.

Как только она вышла на улицу, тут же зарядил снегопад. Накинув меховой капюшон на голову, Мария пошла в сторону дома. Шла она медленно, то и дело поглядывая в небо и ловя снежинки ртом. Прохожие не обращали на это внимания, Нью-Йорк давно привык к людям со странностями. Домой ей идти не хотелось. Пройдя квартал, она села в первый остановившийся автобус и решила ехать, пока не захочется выйти. Бело-синий старенький автобус медленно двигался по своему маршруту, оставляя на дороге, засыпанной свежим снегом, одинокий след. Отчего-то движение в этот час было свободным и мимо окон редко проносились машины. Лишь изредка встречались одинокие прохожие, спешащие по своим делам. Отвлекшись от своих мыслей, Мария посмотрела в окно. В темноте она успела разглядеть название улицы.

– Ну, привет, неприятности, – хмыкнула она, поднимаясь с места.

Лазарь вышла на остановке на пересечении Амстердам-авеню и Западной Сто восемьдесят первой улицы. Вокруг не было ни души. Мария сделала несколько шагов. Неожиданно среди полной тишины из открытого окна, обклеенного скотчем, послышалась индейская музыка. Мария стояла посредине дороги и вслушивалась в приятную мелодию, кивая в такт музыке и шепотом подпевая. Она закрыла на мгновение глаза, и ей показалось, что она перенеслась в какое-то другое, волшебное место.

– Эй! – вырвал ее из медитации мужской голос. Она открыла глаза. В открытом окне появился мужчина в одних шортах. Его лицо показалось ей знакомым. – Не стой на дороге! – крикнул он. – Это опасно!

– Да-да, расскажи мне что-то, чего я не знаю про опасность, – мотнула головой Лазарь. Налетевший ветер скинул с ее головы капюшон.

– Это ты?! – едва слышно спросил мужчина. – Подожди! Не уходи никуда!! Я сейчас спущусь! – крикнул он и бросился одеваться.

– Догонишь...

Посмотрев по сторонам, Мария направилась в сторону старого Вашингтонского моста. Тротуар обрывался внезапно. Продолжение было чуть дальше, но спускаться по лестнице и снова подниматься не было никакого желания. Машины в эту ночь были редкостью, и она пошла по дороге вдоль обочины. На мосту Лазарь перешагнула через отбойники и оказалась на узкой пешеходной дорожке. Морозный ветер смешивался с запахом еще замерзшей реки Гарлем. Марии всегда нравились мосты, а особенно виды, с них открывающиеся. С маленькой смотровой площадки, изрисованной разноцветными буквами «П», открывался унылый вид на грязную реку, гарлемские высотки. Лишь деревья и кустарники, что росли вдоль реки, сглаживали впечатление. Мария посмотрела по сторонам – никого, ни людей, ни машин. Как по заказу, и фонарь потух. В темноте Лазарь ловко перелезла через ограждение и пошла вперед по широким перилам, каждые пять метров переступая через каменные пирамидки. Она остановилась между двумя фонарями и посмотрела вдаль. Не спеша села на перила, свесив ноги вниз. Снова оглядевшись по сторонам, она хмыкнула, вспомнив что-то.

– Что бы ты сделал, увидев меня тут?.. – Она снова улыбнулась. – Боже, как бы ты ругался на меня. – Даже через холод она почувствовала, как защипало в носу. – Как же сильно мне бы этого хотелось... – скатывающиеся слезинки сдуло ветром. Достав из кармана пачку сигарет, она закурила.

– О господи! Мисс, не делайте этого! – негромко взмолился кто-то. Лазарь лениво повернула голову: это был тот индеец из дома у остановки, тот самый, которого она спасла от разбушевавшихся негров вчера.

– А ты быстро поправился. – Она снова отвернулась.

– Не прыгайте... что бы это ни было, оно не стоит вашей жизни, – не унимался мужчина. Он был высокого, под два метра, роста. Длинные черные, как смоль, волосы были заплетены в косичку и доходили до середины спины. Он был настоящим краснокожим, как с картинки. Не хватало лишь перьев.

– Я не прыгаю, идиот, я – думаю. А ты мне мешаешь.

– Странное место для подумать, вы не находите? – он искал способы добраться до девушки, чтобы перетащить ее на безопасную сторону.

– Ты чего хотел, Чингачгук?

– ...Поблагодарить тебя за то, что спасла меня вчера.

– Не стоит.

– Довольно смелый поступок для белой женщины.

– Безрассудный скорей.

– Я прошу тебя, перелезь обратно. Это опасно, ветер подует сильней, и ты упадешь, погибнешь.

– Да ну? Что ж, все мы не вечны, – пожала она плечами.

– Как тебя зовут? Аккуратней! – чуть не завопил он, когда Мария стала подниматься с места. Выпрямившись во весь свой рост, она повернулась лицом к индейцу.

– Я не знакомлюсь на мостах, знаешь ли. – Оперевшись на ограждающий забор, она легко толкнулась ногами и перепрыгнула через него. Уже через пару секунд она стояла перед незнакомым мужчиной. – Спасибо за компанию, – улыбнулась она, глядя на ошеломленного индейца, который давно так не боялся, тем более за абсолютно незнакомого человека. – Удачи! – Она развернулась и пошла по мосту дальше.

– ...Мы еще встретимся, – прошептал ей вслед индеец, переваривая все произошедшее. В этой девушке было что-то такое загадочное и манящее. Он не мог понять, что именно. Постояв на мосту еще пару минут, когда Мария исчезла из вида, он поспешил вернуться домой.

Мост оказался длинным, и на другую сторону Лазарь добралась лишь спустя минут пятнадцать. А потом еще полчаса ушли на поиск цивилизации и такси. Домой она добралась ближе к десяти часам. По дороге пришлось заглянуть в ближайший супермаркет – умирать с голоду желания не было. Придя домой, разложив продукты по местам, она подошла к всегда включенному ноутбуку. Этот компьютер жил какой-то своей жизнью. В браузере была открыта ее страничка на фейсбуке. Она тоже жила своей жизнью. Прямо на глазах девушки велась переписка с десятками друзей – людьми, которых она не знала. Лазарь закатила глаза.

– Вот так рождаются легенды... приду домой как-нибудь, и – бац! – я уже лауреат Нобелевской премии за мир... – Она взяла со стола зеленое яблоко и откусила. – Наверное, у меня и инстаграм свой есть, я выкладываю там селфи с едой... – махнув рукой, она пошла в ванную умываться.

Помыв руки и умывшись, она проделала уже привычную процедуру – вытащила линзы из глаз и бросила их в очищающий раствор. Снова умывшись, девушка посмотрела на себя в зеркало.

– Ну, привет... – она подмигнула сама себе.

Выйдя из ванной, она села на диван и включила телевизор. Новостные каналы разрывались от экспертных мнений и комментариев

по поводу убийства Уокера. Жена сенатора Мерфи то и дело мелькала на экране. Одни обвиняли ее в пособничестве, другие защищали.

– Бедняжка, – выдохнула Мария, доедая яблоко, оставляя лишь черенок, – но, увы, и тебе наверняка есть за что платить.

Лазарь устроилась на диване поудобней, накрылась пледом и под новостные выпуски сама не заметила, как уснула. В голове было слишком много мыслей, и только сон мог их устаканить.

Половину следующего дня Мария провалялась в кровати. Было невероятно лень что-либо делать и куда-то идти. Ночь ей импонировала куда больше. К сожалению, сон не разложил мысли по полочкам, а лишь придал им сил. Лазарь сидела за столом и смотрела в монитор своего ноутбука. Так хотелось с кем-то поговорить, с кем-то, от кого не нужно скрывать настоящую себя. Поразмыслив несколько секунд, она запустила одну из программ, существовавшую в двух экземплярах – у создателя и у нее. Тут же открылось окошко чата на черном экране. На той стороне никого не было, горел красный огонек.

– Ну давай, – прошептала она, – подойди к компьютеру, Горан.

– Что случилось? – спустя две минуты загорелся зеленый огонек, и Горан отписался.

– Не прошло и года... – она выругалась не на английском и тут же осекла себя. – Голова Лазаря, – напечатала она.

– Та, которая пропала, или тебя чья-то еще интересует?

– Завтра я иду на вечер, где ее передадут следующему хранителю... Я не знаю, что мне делать.

– А что тут сделаешь? Сходи посмотри... где еще такое увидишь... – Мария поморщилась от раздражения. Ее собеседник явно не понимал ценности реликвии. Ей не нравились его интонации, хотя она видела лишь текст. На том конце провода явно что-то изменилось, а ее забыли предупредить.

– Послушай меня, Мария, – напечатал Горан, – через два месяца мы завершим план. Он будет выполнен. Ты можешь жить полной, обычной жизнью... Забудь о прошлом, живи настоящим. Это то, чего бы хотел Микаэль.

– Может быть, он этого и хотел бы, да только он умер, – написала она в ответ, чувствуя, как подступают слезы. – И я хочу, чтобы его мечта осуществилась все равно, – сказала она, глядя в монитор. – И по каким-то неведомым причинам Бог дает мне шанс сделать это... – Лазарь положила голову на стол и закрылась руками. – Я попробую... может, это ты ведешь меня?.. К себе... самым коротким путем...

Снова зажегся красный огонек, и программа сама закрылась, а компьютер продолжал жить своей жизнью, не обращая никакого внимания на капающие на него слезы.

В тишине Мария слышала, как семейная пара в соседней квартире обсуждала произошедшее вчера убийство, а в другой квартире женщина играла на гитаре и напевала песенку на французском.

– ...Chanson un peu triste, je crois... C'est une chanson d'amour fan , comme celle que tu fredonnais... – пела незнакомка чуть хриплым голосом.

– Да... грустная песня об увядшей любви, которую ты напевал... – повторила Мария слова песни не на английском. – Мне не хватает твоих песенок...

Какой-то ребенок бегал по коридору. Потом его легкие шаги дополнились тяжелыми шагами взрослого человека. Он подходил к каждой двери на этаже и засовывал под двери глянцевые черные флаеры. Один достался и Лазарь.

Она дождалась, пока шаги стихнут, и подошла к двери, подняла флаер с пола.

– Вечер индейской музыки в баре «Этно Гарлем», – прочитала она вслух. – Открытие бара сегодня в 20.00, каждый третий напиток – за счет заведения. – Она еще раз пробежалась по тексту глазами. – Хм, кто-то хочет споить целый район. А вот индейцы меня явно преследуют...

Остаток дня Мария посвятила уборке квартиры. Это помогало отвлечься от всевозможных нехороших мыслей. Закончив ужин, она взглянула на часы – шел десятый час. За окном снова разыгралась несильная метель. Нацепив старые джинсы, теплый толстый белый свитер и пуховик, Мария вышла из дома и направилась вниз по улице. Новый бар расположился всего в ста метрах от ее дома. Несмотря на плохую погоду, народу было много. Местные стягивались к новой алкогольной мекке. Белых среди жаждущих выпить было меньшинство. Возможно, пиво и индейская музыка их не так привлекали, как цветных. Новый бар расположился на первом этаже пятиэтажного кирпичного дома. Дом относительно недавней постройки, от силы лет двадцать.

Возле входа толпились люди, а из приоткрытых дверей доносилась приятная узнаваемая музыка североамериканских индейцев. Лазарь остановилась у входа. Эту же песню она слышала и вчера. Девушка вошла в бар. Помещение было небольшим, отчего-то прохладным и переполненным уже разгоряченным народом. Расстегнув куртку, Мария стала прорываться к барной стойке. Как раз освободилось одно местечко в уголке – отличный обзор, да и близость к

выходу. Заняв место, девушка сделала заказ. Бармен даже не стал ей предлагать чего-либо сверх, а просто пошел выполнять заказ. Получив свой коктейль, Лазарь устремила взгляд на маленькую сцену, где пять музыкантов индейского происхождения напевали любимые мотивы своих предков. Публику эта музыка интересовала мало, все были поглощены собой и своим обществом. Мария с любопытством разглядывала людей и, казалось, наслаждалась тем, что никто из них даже не смотрит в ее сторону. Только сейчас она поняла, что забыла надеть линзы.

– Ну, оно и к лучшему... – сказала она сама себе и закурила. – Опять он... – Она заметила своего знакомого индейца у края сцены. – Что ж, еще один коктейль, и уходим. Пока Чинганчгук нас не приметил.

Допив свой «Апероль шприц», Лазарь расплатилась с барменом и направилась к выходу. На улице было тихо, все люди разошлись. Опять улица наполнилась лишь тихим завыванием ветра. Мария медленно пошла к дому. Боковым зрением она увидела, как кто-то вышел за ней. Она хмыкнула и покачала головой.

– Знаешь, если бы у меня была паранойя, я бы решила, что ты меня преследуешь.

– Может, это небесам угодно, чтобы мы вновь встретились.

– Да зачем ты на мою голову с этих своих небес свалился?..

– Постой! – крикнул индеец. – Я знаю твой секрет.

Мария остановилась.

– Какой из них? – она глянула на него через плечо.

– Тот, который позволяет тебе быть невидимой для жителей этого района.

– Какая глупость, – фыркнула Лазарь.

– Ты живешь в доме для афроамериканцев, ходишь среди них, а они не обращают внимания на белую женщину среди них... они в твоей власти...

– Знаешь, мои услуги психиатра дорого стоят.

– Это твой дар. Он большая редкость... мой дед рассказывал мне о таком. – Индеец сделал несколько шагов к Марии.

– Дар, говоришь? Знаешь, те, кто его ощутил на себе, считают его проклятьем. – Она повернулась лицом к незнакомцу и посмотрела ему в глаза.

– На меня не работает. – Он покачал головой. – Но наша встреча не случайна, мне ее предсказывали.

– Как мило, – передернула она плечами. – И теперь ты спасешь мир? – Девушка улыбнулась.

– С твоей помощью, – кивнул индеец.

– Мой тебе совет, Чингачгук, не пей больше. Козленочком станешь. Давай, бывай! – она махнула ему рукой и продолжила путь домой.

– Мы еще встретимся, – кинул он ей вслед.

Мария вернулась домой и, побросав ботинки и верхнюю одежду на пол у двери, забралась с ногами на подоконник. Небо было в серых снежных тучах, снегопад усиливался с каждой минутой. Лазарь смотрела в небо, будто ища там что-то.

– ...Даже в самом темном небе всегда ищи просвет, – прошептала она, касаясь стекла пальцами. – Ты никогда не говорил, что делать, если его нет...

Она прислонилась головой к стеклу и закрыла глаза.

28 февраля 2008 года, Сербия, близ села Сене

Весна в этом году выдалась ранней, но лишь в некоторых районах страны. У подножия Кучайских гор все еще царствовала зима. Деревья на склонах были усыпаны белоснежной мишурой, и морозный ветерок гулял по верхушкам. У самых гор высился древний монастырь Раваница. Когда-то давным-давно он был обнесен высокой крепостной стеной с семью башнями, но до наших дней дожили лишь три. Зимой тут было немноголюдно и тихо. У подножия гор стояла церковь Вознесения Господня. Дорога к ней, выложенная камнями, была засыпана свежим снегом, никто еще не проложил ко входу путь.

Два человека не спеша шли по дороге, о чем-то тихо разговаривая. Мужчина держал за руку свою спутницу так крепко, будто боялся, что ослабь он руку – она исчезнет.

– Не думаешь, что нам бы следовало вернуться домой? – спросила девушка, поправляя шарф.

– Зачем? – спросил Милош Лазарь, с восхищением рассматривая церковь. – Ничего не изменится с нами или без нас. На следующей неделе вернемся, и наша война продолжится. Только теперь мы будем вне закона, только теперь против нас будет полмира.

– Милош, – девушка остановилась, – я уже не понимаю, за что мы боремся. – Она замотала головой. – Если такое сопротивление, может, это никому, кроме нас, не нужно?

– Ну что ты, цветочек мой. – Он повернулся к ней лицом и рукой провел по ее щеке. – Люди боятся, а смелых очень мало. Нас загнали в угол и хотят, чтобы мы сдались. А я не хочу сдаваться, – он улыбнулся, – я хочу совсем другого.

– Чего? – невероятного фиалкового цвета глаза впились в его лицо, ожидая ответа.

– ...Это так здорово, что я могу быть с тобой, когда дома война. Но еще больше я хочу, чтобы эта война никогда не дошла до тебя. Все очень просто, Сенка, я хочу, чтобы на Балканы вернулись мир и покой. Чтобы Сербия была Сербией, а не театром боевых действий между Востоком и Западом.

– А я не верю в мир и покой. Всегда найдется кто-то, кому мир придется не по душе.

– Пускай. Знаешь, когда я был малым совсем, мы семьей приезжали сюда. С тех пор здесь мало что изменилось. – Милош посмотрел вокруг. – Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Он взял ее за руку и повел в сторону церкви. Тяжелая деревянная дверь была немного приоткрыта. Вдвоем они вошли внутрь. Внутри никого не было, стояла первозданная тишина. На бледно-серых стенах до самого потолка просматривались старинные фрески. А золотые лики на алтаре поблескивали в лучах зимнего солнца и отражались на мраморном полу. Над ним на длинных цепях свисала кованая люстра с белыми свечами. Справа от алтаря в нише висела икона князя Лазаря. Под ней в стеклянном саркофаге лежали его нетленные мощи. Милош, взяв Сенку за руку, подвел ее к ним.

– Ты ведь знаешь, кто это.

Девушка кивнула.

– Помнишь старую легенду о голове Лазаря?

Сенка мотнула головой.

– Ее мало кто помнит... – Милош посмотрел на икону. – ...Покуда не вернется голова к телу, Балканы не будут знать мира и будут тонуть в собственной крови за то, что не уберегли...

– Никто не знает, где она, Милош. И ведь не факт, что с ее возвращением все так и будет.

– Верно. – Он кивнул. – Но знаешь, если бы мне представилась такая возможность – я бы ее вернул. Шанс всегда есть... – Сенка обняла его сзади и прижалась к спине. – Может, – прошептал он, положа свои руки на руки Сенки, – дорога, по которой этой голове придется пройти, и будет тем шансом...

– Дорога важней итога, – прошептали они вместе.

Мария открыла глаза и снова посмотрела на небо. Среди серых снежных туч появилась крошечная прозрачная область. И именно через нее было видно то звездное небо, которое так тщательно скрывается от глаз людей. Мария видела лишь одну звезду, и чем дольше она на нее смотрела, тем сильней глаза наливались слезами. Она слезла

с подоконника и присела на колени. Один кирпич под окном был не закреплен. Лазарь поддела его пальцем и выдвинула на себя. За ним была небольшая ниша – тайник. В нем лежала лишь одна старенькая железная коробка из-под клюквенного печенья. Мария достала коробку и вернулась на подоконник. Открыла ее. Внутри была одна-единственная выцветшая фотография и толстая серебряная цепочка с двумя серебряными кольцами. Она тихонько коснулась колец, затем взяла их в руку и поднесла ближе к лицу. На внутренней стороне обоих колец были одинаковые надписи кириллицей: «Zajedno zauvek»[1]. Мария сжала кольца в кулак и взяла со дна коробки фотографию. На ней мужчина в форме цвета хаки сидел на зеленой траве под раскидистой яблоней и улыбался тому, кто его фотографировал. Мария медленно провела по его лицу пальцами.

– ...Дорога важней итога... – прошептала она. – Да будет так. – Несколько слезинок упали на фотографию.

[1] Вместе навсегда *(серб.)*.

глава VI

Нью-Йорк, наше время

Пятница утром мало отличалась от четверга вечером – все так же шел снег, а небо было серым, как и жители «большого яблока». Марию разбудил телефонный звонок без десяти семь утра. На экране высветилось лицо доктора Зева.

– Да, Гэбриэл?

– Доброе утро, Мария! – бодрился психоаналитик. – На работу сегодня не выходим, я отменил все встречи. Вечером в 19.00 заеду за тобой. Скажи мне свой адрес.

Лазарь зашла в ванную и стала расчесывать волосы.

– Не стоит, доктор Зев. Давайте я просто подъеду куда нужно.

– Глупости какие! Ты моя спутница на этом вечере, мы должны приехать вместе, а не врозь, – недоумевал Гэбриэл.

Мария посмотрела на себя в зеркало, взгляд был крайне недобрым.

– Слушай меня.... – Зев вдруг перестал причитать и замолк. – Ты не приедешь за мной, а будешь ждать у офиса в шесть тридцать вечера...

– ...В шесть тридцать, у офиса... – неуверенно повторил Гэбриэл.

– Хорошая погода сегодня, вы не находите? – сменила тему Мария.

– А? О! Да уж... – Зев снова стал прежним. – Сама природа оплакивает моего друга.

– Угу, а вместе с ним и еще пару десятков тысяч умерших с ним в один день, – прошептала девушка. – До встречи вечером, Гэбриэл.

– Да-да, пока, дорогая моя. – Он отчего-то поспешил повесить трубку.

Вечер наступил быстро. Зев встретил Марию у офиса, и вместе они отправились на Амстердам-авеню. Они ехали молча, каждый был погружен в свои мысли. Мария смотрела на проносящиеся за окном огоньки и вслушивалась в странную песню, доносившуюся из динамиков. Она не понимала ни слова из нее, но отчего-то каждое слово находило отклик в сердце, будто мужчина пел о чем-то родном для нее. Из раздумий и ее, и доктора вырвала внезапно лопнувшая шина. Зев поспешил затормозить. Они проехали лишь полпути.

– Как я понимаю, мы приехали, – хмыкнула Мария, посмотрев на водителя.

– Не смотри на меня, – развел он руками, – я чинить машины не умею.

– Запаска-то хоть есть?

– Если мне не изменяет память, – почесал он в затылке, – это она и была.

– Класс. Дальше поедем на такси. – Мария вышла из машины.

– А куда мою красавицу денем?

– Ее эвакуируют... тут парковать нельзя. – Лазарь кивнула на запрещающий парковку знак.

– Черт! – выругался Зев. – Мы опаздываем уже... – Он глянул на часы и всплеснул руками.

– Не думаю, что кто-то заметит наше отсутствие, – пожала плечами девушка. – Не такие уж знатные птицы.

Вдалеке замаячила заветная желтая машина.

– Все равно опаздывать неприлично.

– Вот увидишь, Гэбриэл, все самое интересное начнется, когда мы приедем.

Такси остановилось напротив главного входа в общинный еврейский центр в 19.23. Двое вышли из машины.

– Пойдем же скорее! – поспешил внутрь Зев, беря под руку Марию. – И так уже опоздали, как школьники...

Пройдя через стеклянные двери, они оказались в просторном холле. Званых гостей внизу уже не было. Кроме администратора на стойке информации и человек двадцати охраны, на первом этаже никого не было видно.

– Добрый вечер! – подскочил к администратору Гэбриэл. – Меня зовут доктор Гэбриэл Зев, я...

– Да-да, господин Зев, – улыбаясь, закивала девушка, – вы и ваша спутница немного опоздали, но еще не пропустили ничего важного. Проходите к лифту и поднимайтесь на седьмой этаж. Вас там встретят.

– Спасибо, милая.

Мария и Гэбриэл зашли в лифт.

– Готова познакомиться с лучшими людьми этого мира? – улыбнулся Зев. – Все они собрались тут сегодня, и мы среди них. – На миг Марии показалось, что от тщеславия доктор забыл причину, по которой они все тут собрались.

– Лучшие уже давно на небесах, Гэбриэл, – заметила Мария.

– ...И то верно, – кивнул доктор. – Познакомим тебя с кем-нибудь достойным, негоже тебе жить одной в твоем-то возрасте.

– Не стоит, Гэбриэл, мне это неинтересно.

Лифт остановился, и двери медленно открылись, представляя на обозрение огромный зал с высокими окнами и отличным видом на вечерний Манхэттен. В зале было шумно, и голоса людей, будто жужжание пчел, заполняли все пространство. Между группами гостей ловко лавировали официанты, предлагая закуски и напитки. Слева от лифта была галерея фотографий Уолкера – стена памяти. Горели поминальные свечи, но никто не вспоминал на самом деле. Справа от лифта вдоль стены был смонтирован муляж крепостной стены, а за ним на экране висела панорама поля... усеянного телами убитых солдат. В конце поля стояли турецкие шатры. Марии даже показалось, что она слышит, как ветер гуляет по этому полю.

Лазарь была права – на их прибытие никто не обратил внимания. Зев стал искать глазами среди гостей своих знакомых и не заметил, как Мария ушла и затерялась в толпе. Обходя группы пьющих и жующих людей, она шла к крепостной стене. В самом центре инсталляции на широком мраморном пьедестале, под стеклом, на красном бархате лежала нетленная голова князя Лазаря. На бархате золотом было вышито на иврите: «Гой, чьей мечте не суждено сбыться». Слева от головы лежал сияющий золотом шлем с вырезанным на нем драконом, а справа – корона князя.

Мария смотрела не отрываясь, не моргая на святые мощи и не могла поверить своим глазам. Из доносящихся сзади разговоров она то и дело улавливала отдельные слова, фразы. Потом среди всех прочих она выделила уже знакомый голос барона Ротшильда. Он смеялся над чьими-то словами, словами какой-то женщины. С трудом оторвав взгляд от экспонатов, Мария через плечо посмотрела на барона и его собеседницу. Ее лицо было ей знакомо. Вокруг них были еще люди, все их лица порой мелькали в новостных сводках. В этот момент к ним как раз подошел Зев.

– Госпожа Олбрайт! – воскликнул Гэбриэл, по спине Лазарь пробежал холодок. – Боже! Как давно мы с вами не виделись! А вы все так же прекрасны!

– Что вы, доктор Зев! – махнула она рукой, широко улыбаясь. – Вы всегда были льстецом.

– Не-ет, – протянул он, – это вы всегда неотразимы! Потрясающая инсталляция... – он указал пустым бокалом из-под шампанского на крепостные стены. – Какого города это стены?

Мадлен и Натаниэль переглянулись.

– Это крепость Калемегдан в Белграде, – поморщившись, ответила Олбрайт. – Слышали о таком, Гэбриэл?

– Приходилось, – кивнул он, рассматривая нетленную голову. – Все равно не вижу в этом никакой ценности.

– Ну, знаете, суеверия иногда спасают жизнь, – улыбнулся Ротшильд. – Да и посмотри новости, Гэб, и ты увидишь, что голова работает. Слышал о Македонии? Пламя разгорается вновь.

– Не без нашей помощи, барон, – улыбнулась Олбрайт.

– Думаете, будь у сербов эта голова, они бы удержались от войн? – не унимался Зев.

– Ты себе не представляешь силу веры, Гэбриэл, она творит чудеса. А такое оружие я предпочитаю хранить у себя дома. – Ротшильд отпил красного вина из бокала.

– Кому она принадлежала до тебя? – поинтересовался Зев.

– Ты удивишься, но последние десять лет – никому. Уокер спрятал ее в своем хранилище до лучших времен. Увы, для него они уже не настанут. Его родственники пришли к выводу, что у меня она будет сохраннее.

– Смешно с этой Сербией, – задумавшись, тихо сказала Олбрайт, – ее судьба всегда решается не на ее территории.

– В смысле? – повернулся к ней барон.

– Занимательно и то, что судьба Югославии была решена не где-нибудь, а в мужском туалете. – Она ухмыльнулась, а Мария сильней сжала кулаки. Лазарь смотрела в высохшие глазницы князя Лазаря, и ей казалось, что она видит его серо-зеленые глаза, смотрящие на нее то ли с надеждой, то ли с укором. – Вы не знаете этой занимательной истории? – удивилась бывшая госпожа госсекретарь. Барон и доктор мотнули головами. – За пару дней до бомбардировок в Вашингтон к нам наведывался Тони Блэр. Этот озорник хотел последних согласований об участии Англии в операции. На встрече были Билл, я, двое моих помощников и Блэр с парой своих коллег. Я быстро смекнула, что он все еще сомневается в правильности решения. Он хотел это обсудить лично с Биллом. Но по формату встречи не было места разговорам с глазу на глаз.

Вашингтон, 1999 год, Белый дом

Тони Блэр поймал на себе взгляд Клинтона и тут же подал ему глазами знак.

– Билл, нужно поговорить, – мысленно произнес он, вставая с места, на него устремились удивленные взгляды. – Прошу прощения за нескромный вопрос, но я давно не бывал в Белом доме. – Он улыбнулся. – Пойду поищу уборную...

– Я покажу вам, Тони, – гостеприимно улыбнулся Клинтон. – У нас тут самый настоящий лабиринт!

Вдвоем они покинули комнату совещаний. Олбрайт довольно улыбнулась и поправила брошку в виде ангела на своем пиджаке.

Клинтон и Блэр не спеша курили в мужском туалете, предварительно закрыв его на защелку изнутри. Клинтон стоял у зеркала и внимательно себя разглядывал. Блэр же по школьной привычке сидел на подоконнике и выпускал клубы дыма под потолок.

– Что думаешь делать, Тони? Вы с нами? – спросил президент США.

– С вами, конечно. Только что-то мне все это не по нраву. Мы уничтожим целую страну... просто потому что, – он посмотрел на Билла, – просто потому что ее гибель приблизит гибель России?

– Мы уничтожим диктатора в центре Европы и покажем им подобным, к чему приводит дружба с Россией. Мы подложим бомбу замедленного действия под весь регион и, когда нужно будет, – взорвем ее. Побеседуй с Мадлен, она расскажет тебе о сути.

– ...Мы ведь убьем сотни гражданских, – мотнул он головой. – Потом годами будем разгребать.

– Не относись к ним как к людям, себе равным, или как к людям вовсе, Тони. Они скот, который пришло время отправить на убой. Сам посуди, даже судьба существования этой паршивой Югославии решается в туалете, под шум нечистот в трубах. Символично, на мой взгляд. – Клинтон обвел руками помещение. – Да и разгребать не ты будешь, найдутся люди.

– Что ж, если все наши договоренности в силе, то я согласен. Югославии быть не должно. – Блэр посмотрел на почти докуренную сигарету, а затем бросил ее в унитаз.

Вдвоем они вернулись в комнату совещаний, где их уже заждались. Олбрайт знала, что ответ будет положительным.

– Мадлен, – Клинтон коснулся ее плеча, – как назовем нашу операцию против Милошевича?

Госсекретарь улыбнулась одними губами и, коснувшись своей брошки, задумалась на мгновение.

– Милосердный ангел... из милости к этим варварам мы убьем их, чтобы не мучились...

Наше время

Барон, доктор Зев и Мадлен звонко рассмеялись. Марии, все это время стоявшей к Олбрайт спиной и слушавшей ее рассказ, было не

по себе. Она с трудом могла дышать, редко делая тихий глубокий вдох. Девушка медленно осматривалась по сторонам и разглядывала лица приглашенных. В этом зале она была одна среди врагов. От осознания этого голова шла кругом. Мария снова посмотрела на видеоинсталляцию Косова поля, на турецкие шатры вдалеке. На один краткий миг она почувствовала себя Милошем Обиличем в стане врагов. И где-то совсем рядом был он – султан, которого нужно было убить...

27 июня 1389 года, Косово поле

Страна меда и крови давно сотрясалась от распрей и войн. И никто не знал, с чего они начались и где им конец.

Весь день над полем гулял ветер, не было слышно ни птиц, ни людей. С одной стороны турки раскинули свои шикарные походные шатры и невиданные для этих краев верблюды с опаской выглядывали из-за наспех сооруженных укреплений. На другой стороне раскинулся лагерь царя сербского Лазаря. Уже несколько дней в него все прибывают новые силы, но единства мнений среди них нет. Лазарь с горечью в сердце смотрит на то, как его подданные плетут интриги, замышляют измены, как сговариваются одни против других. Однако, несмотря ни на что, они явились на Косово поле – защищать Сербию от унизительного владычества турок.

В эту ночь Лазарю не спалось, сотни мыслей не давали сомкнуть глаз. Ближе к полуночи к нему в шатер пришел князь Милош – молодой воин, князь, герой Белградского удела и муж его дочери Оливеры. Царь всегда относился к нему как к сыну и выделял его среди остальных своих подданных. Да и не мог быть плохим человек, которого любит его дочь. Войдя в шатер, Обилич снял свой диковинный шлем с драконом и поклонился царю.

– Господарь, Юг Богдан пришел с сыновьями, войско свое привел вам на службу. Воевода боснийский Владко Вукович на подходе, к утру у нас будет, – отрапортовал Милош.

– Что тебя гнетет, князь? – заметив угрюмое выражение лица воина, спросил царь.

– Войско наше в три раза меньше османского. Не взять их силой, – он посмотрел на Лазаря с вызовом, – но хитростью можно! – правую руку он к сердцу приложил.

– И каков твой план? – погладил себя по бороде Лазарь.

– Напасть на турок ночью... застанем их врасплох. – Царь молчал.

– Как неверующие грешники, как воры или цыгане, скрываясь от света Божьего?..

– Зато на рассвете Бог увидит нашу победу, – стоял на своем Милош.

– Нет, князь, – мотнул он головой, – тут я с братом твоим названым согласен – драться будем при свете дня, как предки наши дрались.

– Нет у меня больше названого брата. – Голос Обилича стал жестким, а иссиня-голубые глаза сверкнули злой искрой. – Предатель он, господарь.

– Как ты можешь так о Вуке говорить... всю жизнь вы с ним как два брата, плечом к плечу, жизнь друг другу не раз спасали...

– Знал бы, что он так с Сербией поступить захочет, – не спасал бы, сам бы убил в ночи.

– Побойся Бога, – сказал царь.

– Не страшно, господарь. Я ада не боюсь, – мотнул он головой. – Да и не мне справедливость в нашем с Вуком споре искать, потомки наши сойдутся. Там и видно будет – на чьей стороне Бог.

– Чтобы потомки ваши сошлись, им надобно выжить. – Лазарь повернулся к нему спиной. – Им надобно выжить. – Он глубоко вздохнул.

– Вот это мы на поле боя и сделаем. – В шатер вошел Вук Бранкович. Он с презрением посмотрел на Обилича. – Мое войско знатное по левому флангу пойдет, и можешь быть уверен, господарь, не посрамим имени нашего.

– Да уж, перед турками не посрамите чести нашей. – Царь повернулся к ним, больно было ему смотреть на двух князей, двух друзей в такой вражде, будто черный колдун какой порчу навел.

– Если есть что сказать – говори, – хмыкнул Вук. Милош смерил его взглядом и вытащил из-за пазухи свиток. Бранкович настороженно посмотрел на него, турецкий герб на нем был.

– Вот, господарь, этот свиток попал в руки моим воинам в Будве, но не мне он адресован. А князю Вуку Бранковичу.

– Вздор! – нахмурился Вук, но Лазарь взял свиток из рук Обилича. – От Якуба ибн Мурада Вуку Бранковичу... На престоле сербском тебе быть, и в этом я помогу тебе... Во время битвы решающей уведи свое войско с поля... – зачитал вслух несколько строк Лазарь и не мог глазам своим поверить. Глянул на Бранковича, тот заметно побледнел.

– Он дружбу с сыном султана водит, господарь, и твое место занять хочет...

– Молчи, Милош! – пытался взять себя в руки Вук. – Господарь! – бросился в ноги к царю витязь. – Сам Милош это письмо написал, не

будут турки на сербском писать! Раздор он послан турками в наши ряды внести! А верность моя тебе и Сербии не знает преград!

– Целуй крест, коли правду говоришь! – протянул ему крест Лазарь, не в силах понять суть происходящего. Бранкович бросился целовать крест. Обилич недовольно покачал головой.

– Не было еще случаев, чтобы от поцелуев грешных крест рассыпался, – тихо проговорил князь. – И сейчас не будет. Вы мне не верите, а поцелуям Иуды как себе доверяете... И завтра уведет он войско свое, и проиграем мы, и останемся под турками ходить, покуда Бог другого не пожелает. – Обилич надел шлем, и облик его стал грознее прежнего.

– Поди прочь с глаз моих, – ответил царь. – Не рады тебе боле, изменнику.

– Завтра узнаете, что я Мурада убил, тем верность Сербии и вере нашей доказал. А он, – Милош кивнул на Бранковича, – навсегда предателем останется, пусть и на престоле сербском.

Князь Обилич вышел из шатра царя и направился к своему войску. Отыскал своего верного друга и соратника – Тихомира.

– Слушай меня, – тихо начал князь, – не быть тебе завтра на поле Косовом. Возьми сына моего и езжай с ним подальше от сих земель. Умри, но жизнь ему сохрани. В янычары я его не отдам, и рабом он ходить не будет.

– А жена твоя, Оливера, а дочери твои? Неужто их сберечь не хочешь?

– Оливера позаботилась о них заранее, туркам они не достанутся. Сама же она решила подле отца остаться. И так тому и быть. Мне Луны больше не увидеть и смеха ее больше не услышать. Прощай, друг!

– Прощай и ты! Знай, что никогда в твоей верности Сербии не сомневался ни я, ни кто-либо из воинов твоих! – бросил ему вслед Тихомир, радуясь в глубине души, что князь не обернулся и не увидел проступивших слез.

Несколько человек видели, как Милош попрощался с сыном, обнял его, прошептал что-то на ухо и покинул расположение сербских войск. Видели, как он безоружный пошел в сторону турецких шатров. Луна в ту ночь видела Милоша Обилича живым в последний раз.

Когда все стихло в лагере Лазаря, царь долго не мог уснуть. Он долго ворочался, пытаясь отогнать печальные мысли. Царь не верил в предательство Милоша, да и в то, что Бранкович может так с ним поступить, тоже не верил. Но больше всех забот заботила его судьба Сербии. В глубине души он понимал, что победить им не удастся. С

этой тягостной мыслью он провалился в забытье. И приснилось ему, что идет по полю Косову, кругом тела воинов его, военачальников. Знамена их лежат в землю втоптанные, кровью обагренные. Шатры турок вдалеке как в огне. И вдруг царю является Богородица. Она в сиянии теплого света приближается к нему и говорит:

– У тебя, царь, есть два пути. Первый – это победа и царство земное, которое продлится, покуда род твой живет. Второй путь – это Царство Небесное для всех сербов. Выбирай.

Лазарь осенял себя крестным знаменем перед Богородицей до тех пор, пока она не растаяла в воздухе. Царь сербский огляделся по сторонам и увидел, чем стали Балканы для мира, и было много боли. Плача над судьбой Балкан, он видел, что лишь поражение его на Косовом поле подарит Сербии и сербам силу и надежду справиться со всем грядущим.

На рассвете сербское войско вышло на поле Косово, а им навстречу вышло войско османское. Вглядывались воины в ряды турок, но султана нигде видно не было. Когда царь Лазарь вышел из своего шатра, к нему подскочил только что вернувшийся лазутчик.

– Господарь! Султан Мурад убит! Милош Обилич прокрался ночью в его шатер и заколол его кинжалом!

Лазарь замер на месте, сердце его сжалось от боли. Бранкович лишь ухмыльнулся.

– Царство тебе Небесное... сын мой, – прошептал Лазарь, взбираясь на коня. – Кто стал вместо Мурада? Якуб?

– Баязид убил Якуба, сам теперь султан.

– Безбожники... – покачал он головой.

Прежде чем вести войско в бой, Лазарь рассказал им свой сон и свой выбор. Тесть его Юг Богдан поддержал царя, и девять сыновей Богдана согласились. Воины албанского князя Юрия Кастриота молча поклонились в знак принятия выбора Лазаря. Верный витязь Баня Страхинич перекрестился и улыбнулся небу.

Когда красное солнце взошло над полем, тогда и началась великая битва. Поле черных дроздов медленно превращалось в поле убитых и раненых. Кровь всех воинов смешивалась, пропитывала собой землю, и багровой становилась вода в реке Ситнеце. Сталь гремела и оглушала. Битва длилась как-то немыслимо долго. Сначала войско сербское теснило воинство покойного Мурада, но победить никак не могли. Царь был в самом пекле сражения, его меч свистел в воздухе, разя врагов. Уже десятки турок полегли от его руки. Лазарь не чувствовал усталости, но все посматривал на небо – солнце перешло за

полдень. Он окинул взглядом поле. Справа, рядом с ним, Страхиня мечом машет, головы османам одним движением сносит. Понимает царь, что сейчас витязем его только гнев и месть движут. За жену он свою мстит, за дом. Слева же воины Вука Бранковича стоят насмерть. Сам Вук сражается как в последний раз. Глянул царь в глаза зятю своему, и холодок по спине пробежал, что-то в этих глазах изменилось. Впереди же воины князя Београдского убивают турок десятками, но тех меньше не становится. На одного воина сербского по пять турецких! Но месть за командира своего выше смерти для них, за Обилича они сейчас сражались, за Сербию.

Солнце уже ко сну собиралось, а Видовдан все продолжался, и не было ему конца. Вороны кружили в небе над полем Косовым. Вдруг видит царь, что войско османское перешло в наступление, да и числом их не счесть. Туча, не иначе. Лазарь приготовился сражаться, он выставил меч вперед, щитом закрыл сердце свое. Конь его шипит и копытами землю кровавую топчет. Смотрит царь по сторонам, на войско свое, – и только сейчас заметил, что слева брешь в строю... нет там Вука Бранковича. Лазарь стал оглядываться по сторонам и только успел увидеть уходящие за горизонт знамена Вука. Предал его зять, как Милош и говорил. Страхиня и Богдан приказали сомкнуть ряды да заделать бреши. Без предателя справимся, думали они, крепче сжимая в руках мечи да копья. Смотрит царь вперед и видит, как Баязид гонит войско свое на них. Янычары с горящими глазами летят впереди. Уставшим сербским воинам с этой волной не справиться, но не сдаваться же туркам...

Не успел Лазарь и глазом моргнуть, как сразили янычары Страхиню да Лучича. Юг Богдан богу войны был подобен, так сражался, но и он пал под натиском османов. По очереди и сыновья его за ним последовали в Царство Небесное. Следом за Вуком бежали и боснийцы с албанцами, и не стало так великого войска сербского, единого. Царь Лазарь сражался в первых рядах, когда настигла его стрела турецкая и повалила с коня. Конь упал рядом замертво. Окружили царя янычары, да добивать не торопятся. Взяли его, раненого, под руки и поволокли в свой лагерь. Те из воинов сербских, кто не бежал, – сражались до смерти. Но и бежавших было много. Не винил их в этом Лазарь, ведь то и был его выбор...

Притащили царя к шатру султана. Рядом с ним в землю были столбы вбиты, а в столбах иголки. К трем столбам люди привязаны. Все мертвы, кроме одного. Присмотрелся Лазарь и видит в избитом до

полусмерти князя Милоша. Тот весь в крови и грязи, некогда светлые волосы от крови почернели, но глаза, эти невероятные глаза были живы.

– Милош... – прошептал царь. Князь с трудом поднял голову. Он смотрел на свекра своего и не верил в происходящее. Как же так... он спасать его от такой участи шел, а царя в плен взяли. – Прав ты был... предал нас Вук. – Еще сильней от гнева сердце князя забилось, и попытался вырваться, освободиться от пут, но лишь иглы сильней в тело впивались. – Оставь, Милош, – покачал головой царь, – на все воля Божья. – Хотел было Обилич что-то сказать, но Лазарь покачал головой.

Вышел из шатра новоиспеченный султан – Баязид, кого позже нарекут Молниеносным. Посмотрел он, довольный, на своих пленников и погладил себя по бороде. К нему подошел один из слуг его. Янычары отпустили царя и отошли от него на несколько шагов. Ухмыльнувшись, султан заговорил, а слуга его переводил сербам.

– Убил твой князь отца моего, – с сильным акцентом говорил переводчик, – боль и горе причинил мне. Долго думал, как отомстить ему. Смерть не страшна ему своя, посему выбрал я другую месть. Заберу у него его Сербию. – Баязид подошел к еле стоявшему на ногах Лазарю, державшемуся за кровоточащую рану на груди. – А для начала заберу у Сербии правителя ее. А дальше раздам ее по частям предателям ее, кто мне служить будет.

– Ты все равно проиграл, – прошептал Лазарь, а переводчик тут же перевел.

– Отчего же? – удивился Баязид. – Я знаю свою судьбу, – спокойно ответил он, – не вам меня убивать. Это отцу моему было уготовано от владыки светлого умереть, а меня только темный владыка с востока победит.

– ...Мы победили, Баязид, – стоял на своем царь. – Ты одержал победу земную, а Сербия победила тебя на небе...

– Пустое это, – покачал головой султан. – Отправляйся на свое небо и смотри, на что ты обрек свое царство. – Баязид кивнул янычарам, стоявшим за спиной царя.

– ...Нет... – одними губами сказал Милош, снова попытавшись вырваться. Лазарь посмотрел на своего князя. Его глаза улыбались, Обилич же мотал головой. – Нет, нет... – бессильно повторял он.

– ...Само слого Србина спасава[2]... – прошептал Лазарь и поднял глаза к небу, отдаваясь Его милости.

В следующий миг замахнулся янычар мечом и снес голову царю сербскому одним ударом. Голова царя упала рядом с князем Обиличем, когда тело бесшумно опустилось на окровавленную землю. Милош смотрел на голову царя и чувствовал, каким гневом закипает кровь и как абсолютное отчаяние охватывает сердце.

[2] Только единство спасет сербов *(серб.)*.

Баязид, видя все это, подошел к князю и поднял голову с земли. Он посмотрел на нее со всех сторон.

– Покуда эта голова не обретет тела своего, будет ваша страна крови и меда утопать в крови... – он бросил победоносный взгляд на князя. – Какова судьба! – хмыкнул он, бросая голову слуге. – Тело отдайте царице, а голову же спрячь и сохрани.

Пока отвлеклись все, никто на сербского князя не смотрел, смог он развязаться. Схватил свой кинжал, что бросили турки рядом с ним, и вскочил на ноги. Сам не знал, откуда силы взялись. Не разбирая дороги он бросился на султана с кинжалом. Чуть-чуть князю не хватило времени, чтобы заколоть нового султана. Семь черных стрел вонзились ему в спину. Милош встал на месте, из ослабшей руки выпал кинжал, а глаза его невероятного цвета остекленели будто, и замертво он упал на землю подле тела царя.

– Что с ним прикажете делать, мой господин? – поклонился глава янычаров.

– Похороните его по их обычаям, но так, чтобы могилы его никто не знал. Героем для них станет... так пусть и могилы его не знают...

Наше время, Общинный еврейский центр

Не в силах больше находиться среди врагов, Мария, лавируя между гостями, незаметно для многих вышла из зала в коридор. Уходить без Зева было нельзя. Она глянула по сторонам и пошла к пожарному выходу – немного свежего воздуха ей бы сейчас не помешало. В голове роились тучи мыслей и сменялись образы. Дверь вела на внешнюю пожарную лестницу. На улице было холодно и моросил противный хлесткий дождь. Поежившись, Лазарь спустилась на пару этажей ниже, где начиналась уже другая лестница, широкая и каменная, ведущая на задний двор центра. Оглядевшись, Мария села на ступеньки, прислонилась к стене и наконец сделала глубокий вдох. Свежий воздух приводил разум в чувство. Тут было тихо, только иногда доносились голоса работников центра из подсобных помещений. Машин слышно не было. Лазарь закурила и снова погрузилась в свои мысли. Из размышлений ее вырвал звук громко открывающейся внизу железной двери. Из нее вышел человек в униформе, вытаскивающий мусорные баки на улицу. Глубоко затягиваясь сигаретным дымом, девушка с любопытством наблюдала за мужчиной. Что-то в нем при-

влекало внимание – не каждый день видишь мусорщика с волосами, собранными в косичку, доходящую до пояса.

– Матерь Божья... – прошептала она, ухмыльнувшись. – Неужели и тут он?

Мусорщик отнес баки к воротам, не заметив Марию. Отряхивая руки и снимая перчатки, он пошел обратно. Теперь он заметил ее и встал на месте.

– Ты, я смотрю, многостаночник, – хмыкнула Лазарь. – Где только не работаешь.

– Ты не поверишь, но мой друг именно сегодня попросил подменить его, – пожал он плечами. – Не мог подвести его.

– Не думала, что сюда на работу могут взять индейца.

– Они и не брали, я просто выручаю друга. Да и кто меня тут увидит?..

– И то верно, – согласилась она, выпуская дым в сторону от незнакомца. – Итак, раз уж ты меня преследуешь, может, хоть представишься? Или нет, – мотнула она головой, протягивая ему пачку сигарет, – раскурим трубку мира для начала.

Он молча взял пачку, достал сигарету и закурил.

– Скажи, ты бывал когда-нибудь в доме, полном врагов? Тех, кто убил твою семью, друзей, разорил твой дом?.. – тихо спросила она, сама не понимая почему.

– Только что из него вышел, – ответил индеец, разглядывая девушку. Его внимание привлек гостевой бейджик с именем. – Признаться, ты не похожа на Марию.

– Да и ты не Эрик, – хмыкнула девушка, кивнув на его бейджик.

– Для бледнолицых я как раз Эрик. – Он улыбнулся. – Зачем им мое настоящее имя? Они не поймут его, – пожал индеец плечами. – Как твое настоящее имя?

– ...Мария Лазарь. И никак иначе. – Она замолчала, давая понять, что дальше говорить не хочет.

– В этом доме столько врагов и твоих и моих, – он кивнул на пожарный вход, – и ведь ничего им не делается, никакой сумасшедший не забежит и не подорвется среди них... – покачал Эрик головой. Мария хмыкнула.

– Слишком просто. А они не заслуживают «просто».

– В смысле?

– Справедливость восторжествует лишь тогда, когда они получат по заслугам. А именно, когда зло к ним втройне вернется. Закон трех, слышал? – Лазарь поднялась на ноги и, прислонившись к кирпичной стене, посмотрела на беззвездное серое небо. Индеец рассматривал ее и что-то обдумывал.

– ...Невероятно, – прошептал он, – это действительно ты. – Мария вопросительно посмотрела на него. – Все как предсказано.

– Избавь меня от разговоров об избранности, – закатила она глаза. – Оставь эти сказки американским детям.

– А что плохого в избранности?

– Вот именно поэтому человечество в такой заднице... – выдохнула девушка. – Каждый думает, что к нему явится добрый Морфиус и официально объявит его избранным, выдаст полномочия и привилегии... А до тех пор никто и пальцем не пошевелит. – Она бросила окурок на землю. – Жизнь не кино, тут за результат нужно бороться, работать на него. Ты и только ты можешь назначить себя избранным, никому другому это не под силу. Кино специально сняли таким, чтобы люди даже не пытались, сидели ровно на жопе и не рыпались.

– Как же Иисус? – спросил индеец. – Он был избран же...

– Он никогда не заикался о своей избранности, – покачала Мария головой, – он делал то, что считал нужным. И лишь после распятия люди избрали его своим спасителем... Ему пришлось умереть, чтобы люди приняли его учение. А теперь никто не идет по его стопам, а тупо ждут, когда он снова придет и умрет за них, а они на его поступке заработают. Вот как устроен мир человека сегодня – выгода.

Лазарь отряхнула руки и направилась вверх по лестнице, затем остановилась и снова повернулась к ошеломленному Эрику.

– Знаешь, о чем я? – Он мотнул головой. – ...Коллективная человеческая вина... Ни один новорожденный с неизлечимым недугом не был избран для страданий, как и его родители. Если бы только люди осознавали, что все их поступки возымеют эффект рано или поздно... – Лазарь замолчала, ей не нравилось, что она позволила себе столь эмоционально разговаривать с незнакомцем, но отчего-то именно ему хотелось выговориться. – ...К ошибке, приведшей к фатальному исходу, шли долго, вместе, совершая поступки не думая, принимая необдуманные решения. Все и вся в мире связано между собой, и причины событий лежат в этом – в отказе принять коллективную и личную ответственность за происходящее.

– Вот именно об этом и сказано в предсказании моего деда. Я нашел ту, кто принимает свою ответственность и изменит ход вещей.

– Запомни, Эрик, – покачала она головой, – я – никто. Ничего изменить не могу.

– Можешь. – Индеец сложил руки на груди. – Уже очень скоро тебе представится шанс. – Он осекся. – Нам нужно поговорить в другом месте. Предлагаю уйти сейчас. – Девушка криво улыбнулась.

– Я не могу уйти без Зева. Так что давай встретимся завтра.

– Согласен, – кивнул Эрик. – Где?

– Ты же знаешь, где я живу. Вот и подходи туда, как проснешься.

– До завтра, Мария Лазарь!

– И тебе до завтра, Чингачгук! – она не поворачиваясь махнула рукой, поднимаясь по лестнице.

Всю дорогу до зала она ругала себя и в то же время не могла понять, отчего так разговорилась с этим краснокожим. Она уже года три ни с кем так эмоционально не беседовала. Вернувшись к гостям, она довольно быстро нашла глазами в толпе Гэбриэла. Взяв со стола бокал шампанского, Лазарь сделала вид, что уже давно стоит тут у фотографий Уокера и... скучает. Доктор Зев подошел к ней улыбаясь.

– Как проводишь время? Познакомилась с кем-нибудь? – он приобнял ее за плечи. – Ты разуй глаза и присмотрись! Тсс, тут полно холостяков. – Зев явно перебрал с шампанским, и оно ударило ему в голову. Лазарь снисходительно ему улыбнулась. – Знакомься с этими людьми, Мария. Эти люди – вершители мировых судеб. Дружба с ними – это залог радужного будущего.

– Я не хочу разделять с ними свое будущее, доктор Зев. – Она отступила от него на шаг. – Быть может, нам пора уходить?

– Нет, – твердо ответил Гэбриэл. – Я столько о тебе тут рассказывал, так тебя расхваливал. Натан изъявил желание познакомить тебя с кем-нибудь достойным. Стой здесь, сейчас я его найду.

– Гэбриэл, не надо... – поморщилась девушка, когда шеф исчез в толпе.

– Не думал тебя здесь встретить, – услышала она знакомый голос за спиной. – Пригласили все-таки.

Она обернулась, рядом с ней стоял начальник охраны Ротшильда – Вук. Он разгуливал по залу со стаканом виски и многозначительно ухмылялся, разглядывая фотографии и инсталляции, будто ему одному была известна великая тайна.

– Подозреваешь меня в чем-то? – тихо спросила Мария.

– Лишь в том, что ты странная. – Он сделал глоток. – И... непредсказуемая.

– Видел меня лишь однажды, и сразу такие выводы. Да ты эксперт, – парировала Лазарь.

– Видишь вон ту башку... – он указал пальцем на голову царя Лазаря, – знаешь, чья она?

– Под ней написано, – сухо ответила девушка.

– А знаешь, в чем ее сила?

– Понятия не имею.

– Пока она тут, у Сербии нет будущего.

– Ну так и вернул бы ее на родину.

– Зачем мне это? Мои предки и так достаточно сделали для этой прогнившей страны, а как нас отблагодарили? Забвением! Пускай все будет как есть сейчас, они это заслужили. – Бранкович уже изрядно перебрал, и его тянуло на псевдофилософские беседы, которые Лазарь слушать никак не хотелось. Она сделала один шаг к нему ближе и прошептала ему на ухо:

– Если народ забывает своих героев, то, может быть, ты просто подумай хорошенько, они и не герои вовсе, а лишь лжецы, оставшиеся в живых и написавшие свою историю...

Не дожидаясь ответа, Мария пошла в другой конец зала, откуда ей уже с минуту махал доктор Зев. Гэбриэл стоял в окружении тех, кого бы он с удовольствием назвал друзьями, но здравый смысл его каждый раз останавливал. Он широко улыбнулся, увидев приближающуюся к ним Марию, и, поправив сползшие на нос очки, взял слово:

– Господа, позвольте представить вам мою помощницу Марию Лазарь.

– ...Добрый вечер, – тихо сказала Мария, оглядывая титулованных особ. Четвертого барона Ротшильда она уже знала, двоих других стариков вживую видела впервые, а вот пожилую женщину маленького роста, с короткой стрижкой и крайне яркой помадой, она видела не раз. Женщина с ухмылкой и плохо скрываемой завистью к молодости и красоте рассматривала Марию.

– Мадам Олбрайт, – заговорил Зев, – позвольте вам представить мисс Лазарь: талантливый врач и моя правая рука.

Мадлен улыбнулась и протянула руку Марии, та ее пожала. Взгляд Лазарь упал на брошку женщины, прикрепленную к темно-синему пиджаку поверх синего длинного платья, – на ней был изображен лев, склонивший голову над костями... своей жертвы.

– Мария, ты уже имела честь познакомиться с четвертым бароном Ротшильдом, а теперь познакомься с господином Дэвидом Рокфеллером!

– Очень приятно познакомиться, сэр! – Мария кратко наклонила голову, соблюдая этикет.

– Ваша фамилия Лазарь, хмм, а ваш отец случайно не Бенедикт?

– Бенедикт, – кивнула Мария.

– Хороший был человек, – поджал губы Дэвид. – Почки, что он мне пересадил, прожили во мне аж двадцать шесть лет! Вы на него очень похожи.

– Спасибо, сэр, – изобразила полуулыбку Лазарь.

– Симпатичные у тебя помощницы, Гэбриэл, – улыбнулась Мадлен. А Мария продолжала смотреть на эту женщину, и сотни мыслей проносились у нее в голове, и каждая требовала немедленного дей-

ствия. – И какой талант у этой? – она еще раз смерила Марию взглядом.

– О! У нее талант гипнолога!

– Неужели? – Олбрайт отпила из своего бокала. – Почему бы ей не продемонстрировать его нам прямо сейчас?

– Госпожа Олбрайт, – вступил в беседу барон Ротшильд, – не думаю, что это уместно в такой день и в таком месте.

– Да будет вам! – махнула она рукой. – Уокер обожал всю эту мистику, да и потом, его жена работала в Тавистоке, а там, знаете ли, гипноз изучают вдоль и поперек. Ну так что, Мария, моя дорогая, покажешь нам, что умеешь? – Мадлен с явным вызовом посмотрела на девушку.

– Вынуждена вас огорчить, мадам Олбрайт, но я не клоун, и здесь не цирк, – ответила Лазарь, вызвав довольные ухмылки на лицах Дэвида и Натаниэля.

– Даже так... – нахмурилась Олбрайт, которой явно не нравилось своенравие молодых. – Напрасно, – покачала она головой, допивая свое шампанское. – Я бы посоветовала тебе, Гэбриэл, более внимательно относиться к подбору персонала. Прошу меня извинить, господа. – Олбрайт развернулась и направилась к другим гостям.

– Мария, – покачал головой Зев, – как ты могла меня так... подвести?..

На миг ей показалось, что доктор сейчас расплачется.

– Может быть, Гэбриэл, мне стоило нарядиться в шутовской костюм и так сопровождать вас? А вы бы играли на дудке, и я танцевала под нее? – Зев смотрел на Марию по-детски обиженными глазами. – Прошу меня извинить, джентельмены, – обратилась она к Ротшильду и Рокфеллеру, – но если кому-то из вас захочется пройти курс лечения гипнозом, то вы всегда можете связаться с доктором Зевом, и он все устроит.

– Мария! – улыбнулся Дэвид. – А вы не думали попробовать свои силы в Тавистоке? Если вы действительно талантливы, то вам самое место там.

– Никогда об этом не думала, сэр.

– Может, сначала нужно проверить ее в деле, а, Дэвид? – спросил Натаниэль. – Меня как раз уже больше двух лет мучают головные боли и нервишки шалят. Если она сможет мне помочь, дадим ей рекомендацию...

– Думаю, дочка Бенедикта справится, ее отец достал меня с того света. Уверен, его талант передался и ей.

– Ну, тогда мне нечего опасаться и я могу быть уверен, что в Лондон вернусь абсолютно здоровым.

– Я сделаю все возможное, сэр Ротшильд, – кивнула Мария, видя, как поменялось настроение Зева. Доктор был доволен. Такого клиента у него еще не было.

– Придется теперь задержаться в Нью-Йорке, – вслух подумал Натаниэль. – Только вот что, Гэбриэл...

– Да-да? – просиял Зев.

– К тебе в офис я наведываться не стану. Зачем мне лишние слухи... Пускай Мария приходит в мой дом. Да и мне так уютней. Вы ведь не против, мисс? – Лазарь покачала головой. – Вот и отлично. Тогда жду вас завтра по этому адресу в двенадцать. – Он протянул ей визитку.

– Я буду вовремя, сэр. Спасибо за доверие.

Ротшильд и Рокфеллер направились к другой группе гостей.

– Мария, можешь идти домой, если хочешь, я тут задержусь. – Отчего-то Гэбриэл нервничал.

– Что-то не так, доктор Зев? – поинтересовалась Лазарь.

– Как бы твоя дерзость не сыграла с тобой злую шутку.

– Олбрайт всего лишь человек. Ни у кого нет права помыкать другими. Я просто напомнила ей об этом, – передернула плечами девушка. – И вам не стоит пресмыкаться перед власть имущими. Ничто не вечно под луной.

– Так-то оно так, милая Мария. – Он выдохнул, поправляя очки. – Но эти люди могут испортить жизнь и даже больше того.

– Я не боюсь этих людей, Гэбриэл.

– ...Не знаю, к счастью ли, к сожалению ли, но ты ничего не боишься. – Зев смотрел в пол и думал о чем-то своем.

– Да. И во многом это заслуга этих вот людей, – прошептала Мария. – Хорошего вам вечера, Гэбриэл.

– Я вызову тебе такси! – встрепенулся он. – Не хватало еще, чтобы моя помощница разгуливала по ночному городу! Тем более когда у нее завтра важная встреча. Все-таки постарайся завтра, мне не помешает реклама в их кругах. Клиентура редеет с каждым месяцем.

– Сделаю все возможное, – улыбнулась Лазарь.

Доктор Зев вызвал такси и проводил Марию до машины, когда та приехала. Девушка села в нее.

– Доброй ночи, Мария.

– И вам, доктор Зев. Постарайтесь больше не пить шампанского, пускай и в память об Уокере.

– В память о нем мне нужно пить пиво... – улыбнулся грустно Зев. – Он его так любил.

– Тогда пейте темное.

Машина тронулась с места, и витиеватым маршрутом таксист-индус повез Лазарь по указанному ею адресу. Видимо, думая, что она

не знает захолустного Нью-Йорка, он вез ее самым длинным маршрутом, накручивая центы на счетчик. На его счастье, Мария не возражала против долгой поездки домой. За окном мелькали небоскребы, и тысячи огней озаряли небо над Манхэттеном. На удивление Лазарь, в машине не играла музыка, мужчина слушал аудиокнигу, часто перебиваемую сообщениями диспетчера. Это был не роман, а стихи. Таксист слушал стихи Томаса Дилана, валлийского поэта прошлого века. Их читали разные люди разных возрастов. Глядя в окно, Мария невольно стала вслушиваться в текст очередного стихотворения. Его читала молодая женщина с низким голосом, который мог проложить путь к любой душе.

– Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы.
Пусть тлеет бесконечность в яростном закате,
Пылает гнев на то, как гаснет смертный мир,
Пусть мудрецы твердят, что прав лишь тьмы покой
И не разжечь уж тлеющий костер.
Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы... –

повторял за женщиной таксист.

Мария посмотрела в небо. Тучи уже разошлись, оголив островок звезд. Девушка вглядывалась в них, будто ища там кого-то.

– Не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы... – шепотом повторила она несколько раз. – Остановите здесь, – громко сказала она, вырвавшись из раздумий. Индус неохотно притормозил у тротуара.

– С вас двадцать долларов.

Лазарь молча сунула ему двадцатку и вышла из машины.

Когда такси скрылось за поворотом, на улицу снова вернулись тишина и полумрак. Не было слышно музыки и голосов, и даже из домов не доносилось ни звука. Тенью Мария проскользнула во двор и медленно шла по узкой дорожке. В голове все крутилось стихотворение Дилана. И от каждого повтора сильней щипали глаза, но остановиться было невозможно. Спать не было никакого желания. Мария села на деревянную скамейку под раскидистым дубом. Посмотрев по сторонам и убедившись, что рядом никого нет, она закинула голову назад и закрыла глаза. Медленно вдыхая аромат свежего воздуха, она буквально чувствовала, как уходят из головы накопившиеся дурные впечатления этого длинного дня.

– И что же будет дальше?.. – шепотом спросила она. – Куда ты меня ведешь? Зачем мне эта новая работа, да еще и с выездом на дом?.. Что у тебя за план на меня, а, Бог? – спрашивала она небо не на английском и не на иврите. – Когда ты поделишься им со мной?..

С одной из веток сорвался высохший желтый лист и упал прямо в руки девушки. Она посмотрела на него: он был покрыт тонкой корочкой льда. В ее руках он тут же начал таять, оголяя идеально гладкую поверхность.

– Спасибо и на этом, – улыбнулась Мария, убирая лист в сумку. – Мало кто знает, но листья, упавшие в руки, нужно сохранять, – повторила чьи-то, одной ей известно чьи слова, – это ведь лотерейный билет от самого Бога... – Лазарь снова улыбнулась какому-то воспоминанию. – Чую, завтра будет интересный денек...

Выкурив пару сигарет, Мария наконец-то замерзла и решила идти домой – отогреваться и спать. Зайдя в квартиру, она мельком глянула на монитор компьютера, жившего своей жизнью, и, не увидев никаких изменений, прошла в ванную. Затем вернулась и, достав из сумки листок дуба, положила его на клавиатуру.

глава VII

Мария проснулась за час до будильника. Неохотно выбравшись из-под теплого одеяла, она невольно поежилась от холода. За окном начинался новый, крайне холодный день. Небо было затянуто серыми тучами, через которые с трудом пробивался солнечный свет. Радовал лишь пушистый снег, опускавшийся на пока еще безлюдные улицы. Лазарь быстро привела себя в порядок, оделась и решила заскочить в одну кафешку близ Центрального парка – позавтракать. Пускай это и была обычная пончиковая от «Dunkin Donuts», но там давали отличный кофе и в такой ранний час не было толпы народа. Нужный автобус подошел, как обычно, в 10.53 и ни минутой позже. До Центрального парка ехал только он.

Добравшись до кафе, Мария взяла кофе, сэндвич с ветчиной и села в самом дальнем углу у окна. Снова погрузившись в свои мысли, она и не заметила, как прибавилось посетителей в заведении. Большинство составляли полицейские, спешащие на службу и запасающиеся пончиками. Они галдели без умолку и явно требовали к себе не просто уважения, но и почитания их «боевых заслуг» в виде с трудом застегивающихся на животе курток.

Лазарь быстрей обычного доела завтрак и поспешила покинуть вдруг ставшее шумным заведение. Выйдя на улицу, она стала искать в сумке визитку Ротшильда. На красивой матовой приятно шершавой карточке с золотым тиснением было лишь имя четвертого барона. На обратной стороне мелким почерком был написан адрес.

– Шестьдесят восьмая улица... – вслух прочитала Мария. – Странный выбор... – покачала она головой.

Нужное место было недалеко от Центрального парка, но за полчаса до него не дойти. Мария поймала такси и направилась по указанному адресу. Без двадцати двенадцать она была на нужной улице, правда, вышла за пару домов до нужного.

– Как предсказуемо, – хмыкнула она, увидев перед собой здание синагоги.

Двери ее были открыты, и возле них толпились люди, что-то бурно обсуждая. Когда Лазарь проходила мимо, к ней кто-то обратился на иврите.

– Не сегодня, – ответила Мария на с трудом расслышанную фразу.

– Приходи обязательно! – крикнула женщина ей вслед. – Здесь все свои!

Пройдя три дома, Мария остановилась у явно старинной постройки дома из красного кирпича, до второго этажа обложенного каменной плиткой. Он был похож на английский особняк. В нем не было ожидаемой роскоши, но от него веяло статью, историей и силой. За невысоким забором просматривался небольшой сад в немного запущенном состоянии, но и это не портило общего впечатления. Был там и маленький фонтан, и даже столик со стульями. Все это было покрыто толстым слоем снега. На узких воротах по разным сторонам стояли две цифры – 12 и 14. Рядом с домом были припаркованы три автомобиля с тонированными окнами и явно пуленепробиваемыми стеклами. На домофоне была видна лишь одна кнопка, все остальные были смазаны. Без долгих раздумий Лазарь нажала на нее.

– Кто? – спросил мужской голос.

– Мария Лазарь.

Молчание. Через пару секунд замок щелкнул, девушка вошла внутрь.

Пройдя по узкой дорожке к двери дома, поднявшись по трем ступенькам, она постучала в тяжелую дверь, украшенную искусной резьбой с замысловатыми изображениями.

– Доброе утро, мисс Лазарь, – открыл дверь дворецкий. – Спасибо, что пришли раньше.

– ...Да, на целых десять минут. – Девушка вошла в дом. Ее пальто и шарф забрал дворецкий. Из комнаты напротив вышел уже знакомый ей Вук Бранкович с кружкой кофе в руках.

– Признаться, меня начинают напрягать встречи с тобой, – тихо сказал он и сделал глоток кофе.

– Разве тебе не положено проверять людей, которые приходят в этот дом, в гости к твоему господину? – с улыбкой спросила Мария.

– Техника последних лет отлично справляется с этой задачей. – Он кивнул на датчики, расположившиеся над дверным проемом. – Кроме твоего острого языка, оружия у тебя нет. И меня это вполне устраивает.

– Вот и славно, – натянуто улыбнулась Лазарь.

– Никогда не понимал смысла работы психологов. Зачем вы вообще нужны?

– Поделись своими соображениями, Вук. – Мария подошла к зеркалу и сделала вид, что поправляет прическу. – Ведь твое понимание предмета имеет величайшую ценность для мира.

Бранкович все никак не мог понять, откуда у него к этой незнакомой женщине столько ненависти, но один ее вид заставлял его пульс учащаться, будто перед ним стоял его истинный враг. В глубине души он ждал малейшего повода, чтобы убить ее, задушить собственными руками.

– Прошу прощения, что прерываю вашу беседу, – вернулся в прихожую дворецкий, – но барон Ротшильд готов принять вас, мисс. Следуйте за мной.

Мария послушно пошла за ним на второй этаж. Вук проводил ее недобрым взглядом. Дворецкий довел ее до третьей двери и, постучав в нее, открыл.

– Мисс Лазарь, сэр.

– Да-да, спасибо, Мартин, – ответил барон, не вставая из-за стола. – Доброе утро, Мария!

Девушка вошла в просторный кабинет, по периметру обставленный книжными шкафами до самого потолка. Под потолком свисала хрустальная люстра, переливающаяся всеми цветами радуги. Резная мебель, инкрустированная драгоценными камнями, казалась музейными экспонатами, а не предметами обстановки. Паркетный пол покрывал ковер с вышитым на нем крайне замысловатым и переполненным символами фамильным гербом Ротшильдов.

– Здравствуйте, сэр! – слегка наклонила голову девушка, подходя ближе к столу в обход ковра.

– Хмм... спасибо, – улыбнулся барон, смотря на ковер, потом переводя взгляд на удивленную Лазарь. – Давно не встречал людей, которым бы не хотелось потоптаться на нашем фамильном гербе.

– При всем уважении, сэр, но зачем он тогда лежит на полу?

– Так легче разглядеть истинные намерения человека. Присаживайтесь, хотите кофе? Я, знаете, не могу жить без кофе.

– Не откажусь, – скорей из вежливости, чем от желания выпить кофе ответила Мария. Ротшильд нажал на одну из многочисленных кнопок, встроенных в стол. Тут же пришел очередной слуга и принес поднос с двумя чашками из белого фарфора и большим кофейником.

– Дальше мы сами, Мартин, – снисходительно сказал барон. Дворецкий поставил поднос на специальный столик и поспешил покинуть кабинет. – Итак, – занялся розливом кофе по чашкам Натаниэль, – как проходит сеанс? Я, знаете ли, с гипнозом не сильно знаком... во всяком случае, лично. – Он то ли крякнул, то ли хмыкнул с улыбкой.

– Это вовсе не то, что показывают в кино, – мотнула головой Мария. – Посредством гипноза человеку легче погрузиться в самого себя, вспомнить что-то давно забытое, например, осознать причину своих тревог. Это не то, что вам прикажут выйти в окно, и вы выйдете.

– Не будет как с Мерфи? – с хитрецой посмотрел на нее Ротшильд. – Не убью очередного Уокера я после сеанса? Не брошусь под автобус после этого, а? – шутил старик.

– Если бы гипноз действительно обладал такими возможностями, думаю, военные давно бы вооружились армией гипнотизеров, – пожала плечами девушка.

– И то верно. – Он поставил перед Марией чашку кофе и уселся в свое высокое кожаное кресло. – Я привык знать, за что плачу. Поэтому хочу знать о процедуре больше. Не в обиду вам, я уважал вашего отца, у меня нет сомнений в вашей честности...

– Я понимаю вас, сэр, – кивнула девушка. – Вы жаловались на головные боли, как я понимаю, обращение к врачам не дало результатов. Из чего можно сделать вывод, что причина может быть психосоматическая. Сам курс, разработанный доктором Зевом, состоит из нескольких встреч-сеансов. На первой встрече терапевт узнает подробнее о недуге пациента, проводится первичная диагностика. На второй встрече начинается проработка выявленных в диагностике моментов. Так как доктор Зев и я являемся психоаналитиками, то мы прибегаем к различным техникам психоанализа. Проще говоря – вы сами будете помогать себе, я буду лишь направлять вас. Если вы столкнетесь с какими-то барьерами в своем бессознательном, то тут придет на помощь медицинский гипноз.

– И в чем он заключается?

– Полусон, который позволит вам обхитрить самого себя и пройти внутреннюю защиту.

– А вы сможете как-то повлиять на то, что за этой защитой?

– Нет, – твердо ответила Мария. – Я лишь даю вам ключи, а подбираете их к замкам вы сами.

– Звучит интригующе! Люблю иногда покопаться в себе. Всегда хотел знать, кого я вижу в отражении. – Он сделал глоток кофе. – Говорят, зеркало отражает зло. Слышали о таком? – Ротшильд устроился поудобней в кресле. – Можно ли смотреться в зеркало и не стать злом?.. – прошептал он едва слышно.

– Зеркало не отражает зло, оно его создает, – ответила Мария, оглядывая кабинет. Только сейчас она заметила, как много в нем зеркальных поверхностей. – Поэтому в зеркало нужно смотреть мельком...

– Любопытно. Что ж, диагностика? Начинайте. Я весь в вашем распоряжении.

Мария улыбнулась.

– Расскажите мне, на что жалуетесь, для начала, и как давно это вас мучает...

Натаниэль Ротшильд сам не понимал, отчего ему вдруг захотелось поделиться своей историей с дочкой Бенедикта Лазаря. Мария внимательно слушала, делала какие-то пометки в своем блокноте. Иногда улыбалась, когда того требовала ситуация, но неохотно. Старик не рассказывал ничего необычного, и Мария уже давно рассчитала план сеансов и что через пять таких встреч можно будет распрощаться.

– Эх... и после всего, что я когда-либо сделал, я, знаете ли, отлично сплю. Как младенец! О чем это говорит?

«Об отсутствии совести», – подумала Лазарь.

– О хорошем психическом здоровье, – снова улыбнулась одними губами девушка.

– Итак, каков диагноз? Мне можно помочь?

– Конечно, можно, сэр. Я думаю, пять сеансов, и вы разберетесь в своих головных болях.

– Было бы неплохо. Еще бы я не возражал вспомнить и не забывать дату рождения моей жены. – Он засмеялся.

– Мы что-нибудь придумаем, – ответила Лазарь, поднимаясь с места. – Когда вам будете удобно встретиться со мной вновь? – вежливо поинтересовалась девушка.

– Так-с, сегодня у нас пятница... Хмм, – думал он вслух, – в понедельник в это же время.

– Хорошо. Тогда до понедельника, мистер Ротшильд.

– В этих стенах можете звать меня Натаниэль. До свидания, Мария!

После этих слов он тут же потерял ко всему происходящему интерес и погрузился в чтение утренних газет, даже не проводив гостью взглядом. Лазарь вышла из кабинета и спустилась на первый этаж. Внизу ее уже ждал дворецкий с ее пальто и шарфом. Он помог ей одеться.

– Хорошего вам дня, мисс, – сказал он, открывая дверь. – До свидания!

– До свидания...

Выйдя на улицу, Мария посильней укуталась в шарф, поднявшийся ветер пробирал до самых костей. Она вышла за ворота и повернула направо. Совсем рядом впереди в снежной пелене просматривались холмы Центрального парка. Дойдя до дороги, Лазарь повернула налево и направилась в сторону метро. К ее удивлению, на улице практически не было народу, да и машин попадалось мало. Будто порывистый ветер и метель испугали всех. Правда, продавцов хот-догов не пугало ничто. Они готовы были стоять на холоде и вовсю зазывать народ, прыгая с ноги на ногу, дабы согреться. Мария думала лишь о том, как поскорей вернуться домой и нырнуть в теплую ванну. О встрече с одним из богатейших людей на планете она даже и не думала. Для нее он был очередным пожилым пациентом с многочисленными тараканами и... манией величия. И случай с его психосоматическими головными болями не был чем-то неординарным – просто пациент, просто лишние пять сотен в зарплатном чеке.

Нырнув в подземку спустя двадцать минут быстрого шага, Лазарь долго отряхивалась от снега.

– Да сегодня прям мой день, – хмыкнула она, когда к платформе подошел именно тот поезд, что ехал в сторону Гарлема, – везунчик я... – с долей сарказма прошептала она не на английском языке.

Спустя тридцать минут она вышла на конечной и поднялась на улицу, купив себе горячий кофе в автомате в переходе. Станция метро располагалась аккурат напротив ее дома. Как и в центре, народу на улице не было. Снег застилал дороги искрящимся пушистым ковром. На автобусной остановке рядом с метро сидел, съежившись, высокий мужчина. Его ботинки заметно замело, будто бы он сидел там без движения как минимум час. Мария подошла к переходу, выбросила пустой стакан в урну и хотела было переходить дорогу, как вдруг кто-то окликнул ее.

– Мария! – услышала она уже знакомый голос. Она обернулась, мужчина поднялся с места и пошел в ее сторону. Под двумя шарфами и шапкой, надвинутой на брови, она с трудом узнала «Эрика».

– Чингачгук... И давно тут сидишь?

– Это неважно. Главное, что дождался.

– И?

– Не против пиццы? Тут недалеко.

– Ладно, пойдем, – сжалилась над индейцем Лазарь.

До пиццерии они шли молча, каждый был погружен в свои думы. Добравшись до «Домино», они зашли в маленький и уютный ресторанчик. От тепла на душе становилось легче. Индеец выбрал самый дальний столик в углу, где никто бы не мог помешать беседе.

– Ты бы нас еще в туалетной кабинке усадил, для пущей конспирации, – хмыкнула Мария, снимая пальто и вешая его на плечики.

– Ходят слухи, что туалеты тут не самые чистые.

– Тебе видней, – выдохнула девушка и села за стол. Лениво стянула с себя шарф и положила его на стул рядом с собой. К ним, единственным посетителям, подошла милая девушка с меню.

– Добрый день! Рады видеть вас в пиццерии «Домино»! – сказала она заученную фразу. – Ваше меню, – она положила на стол тонкий

буклетик с картинками, – или вы сразу желаете заказать? – официантка вопросительно посмотрела на Лазарь.

– Все, что пожелает этот краснокожий джентльмен, – развела руками Мария. Индеец с ухмылкой посмотрел на нее, затем на немного шокированную такой нетолерантностью официантку.

– Будьте добры, нам пиццу «Мемфис» с курицей, большую, и две большущих чашки горячего какао. – Официантка с бейджиком «Мэри» кивнула и тут же скрылась за прилавком.

– Я смотрю, ты не очень-то следишь за словами. – Индеец снял шапку и положил ее на колени.

– Я просто называю все своими именами, – пожала плечами Мария. – Если тебе обидно слышать правду, то это только твои проблемы.

– В США за такое своеволие наказывают.

– Пусть приходят, – хмыкнула девушка. – Итак, о чем ты хотел со мной поговорить... Эрик?

– О будущем.

– Туманном и бесперспективном?

Индеец улыбнулся. Было в нем столько внутреннего спокойствия, что никакие остроты и подколки не могли вывести его из себя. Он был как скала, которая не склонится ни перед чем.

– Наоборот как раз.

– Ты случайно не глава подпольной организации? Поклонники Усамы? Свидетели Обамы? – перешла на шутливый шепот Мария. – А?

Эрик продолжал улыбаться и рассматривать собеседницу, будто видя в ней что-то особенное, невидимое никому вокруг.

– Я просто индеец из богом забытой резервации, – пожал он плечами. – Волей судьбы сведенный с тобой одним зимним днем.

– Этот обед, как я понимаю, – твоя благодарность за спасенную шкуру?

– Это просто обед, Мария, причем очень вкусный. – Он провел рукой по волосам и вытер со лба растаявший снег. – Помнишь наш вчерашний разговор? – Она кивнула. – Я говорил, что тебе представится шанс все изменить. Это произошло.

– Да ладно? – хмыкнула девушка. – Уже?

– У тебя ведь была сегодня важная встреча. – Пришла Мэри и поставила на стол две чашки с какао. – Спасибо! – Девушке он явно понравился, и она все искала поводов заговорить, но по глазам его спутницы Мэри понимала, что не в этот раз. – Была?

– Врач встретил пациента. В рамках мироздания это очень важно...

– С кем ты встречалась?

– Ты у нас провидец, пролей свет на истину. – Мария сложила руки на груди и откинулась на спинку стула.

– Я знаю, что тебе дал свою визитку барон Ротшильд. – Лазарь улыбнулась губами. – Это он твой новый пациент?

– Брависсимо, Шерлок!

– Ты знаешь, кто он такой?

– Очередной толстосум с Уолл-стрит. Какая мне разница, кто он?

– Помнишь, вчера ты говорила о доме, полном врагов? А ты знаешь, что этот человек имеет к ним ко всем прямой доступ?

– Это очевидно, богачи держатся вместе, – передернула она плечами. – Конечно, они знают друг друга.

– Знать – это одно, а иметь над ними власть – совсем другое. И среди богачей есть те, кто выше других...

– Да, список Форбс в помощь, – всплеснула она руками.

– Мария, послушай меня внимательно, – изменился в голосе индеец, став пугающе серьезным. – Этот человек держит мир на коротком поводке, и это он стоял у истоков твоих и моих бед. Только потому, что у него и восьми его единомышленников есть идея, к которой они идут по трупам невинных людей, ты осталась без дома, без семьи, без родины...

– Что же это за план такой? Дай угадаю: новый мировой порядок? – она недовольно фыркнула. – Сколько конспиративных видео ты пересмотрел на Ютубе? Все небось...

– Уильям Уокер, – произнес имя недавно убитого Эрик, – подручный Олбрайт, цепной псины Клинтона, марионетки Ротшильда... Никто из них не сделал бы и шага без дозволения хозяина. И ты думаешь, что они все не повязаны?

– Уокер, чтобы ты знал, поплатился за свои преступления, – прошептала Лазарь, приблизившись к Эрику. – Он получил по заслугам.

– Согласен, – кивнул индеец. – Но эти преступления была не его идея, он лишь исполнитель.

– Кто ты такой, черт тебя побери? – злилась Мария. – Чего тебе от меня нужно?

– Я твой друг и... проводник по земле моих предков.

– Бред!

– Я знаю о твоем даре, и о том, что нам предстоит сделать, тоже. Это давнее пророчество моего народа, и не нам его менять. Твое негодование также описано и неминуемо...

Лазарь отвернулась и уставилась в окно, наблюдая за падающим снегом. Она все никак не могла сообразить, отчего у нее такая плохая карма, что ей так везет на умалишенных фанатиков.

– Твой дар, Мария, может подчинить его и заставить делать то, что ты захочешь. Ты сможешь осуществить задуманную месть, исполнить

мечты павших родных и близких. Вернуть свободу не только своей стране, но и всем.

Лазарь встала с места, быстро надела пальто, взяла шарф и подошла к индейцу. Наклонившись, она прошептала ему на ухо:

– Я не могу осуществить месть. В вашем пророчестве ты этот момент, видимо, проглядел...

– Тебе будет знак, – ответил Эрик. – Ты все поймешь, найдешь свой путь. И вот тогда – ты знаешь, где меня найти...

– Чао! Спасибо за какао! – Мария вышла из пиццерии и быстрым шагом направилась домой.

– До скорой встречи, тень... – прошептал индеец, провожая ее взглядом.

Мария быстро дошла до дома и, зайдя под арку, наконец остановилась. Отдышавшись, она достала из кармана пальто сигарету и закурила. Мысли роились в голове и сменяли друг друга. И на каждую шла жесткая негативная реакция. Марии хотелось закричать и высказать мелькающим образам все, но, как всегда, она удерживала себя от подобных проявлений. С каждым вдохом табачного дыма мысли успокаивались.

– Это уже зависимость... – прошептала она, глядя на сигарету, и сделала глубокий вдох-выдох. – Почему мир просто не оставит меня в покое?..

Докурив, она бросила окурок в снег и пошла к дому. На улицах по-прежнему никого не было, не видно ни соседей, ни детворы, даже со школьной площадки не доносились голоса.

Лазарь не спеша поднялась на шестой этаж и вышла в коридор. Из одной из квартир вышел мужчина. Он на краткий миг замер, посмотрев в сторону женщины, но тут же молча отвернулся и начал закрывать дверь. Мария вошла в квартиру, два раза повернула замок, оставляя ключи в замочной скважине. Повесила пальто на вешалку, сняла и бросила сапоги в угол прихожей и лениво прошла в гостиную. Она устало села на диван и, положив голову себе на колени, закрыла ее руками, будто не желая ничего слышать и видеть. Часы в комнате пробили четыре часа, больше половины дня было уже позади, что не могло не радовать Лазарь. От шумного диалога в коридоре начинала болеть голова. Выяснения отношений на шестом этаже были не редкостью, но сегодня речь шла не о семейной жизни и не о том, кто гуляет с собакой. Мария прислушалась. Больше всех кричала гаитянка Мелла – колоритная женщина средних лет с тремя детьми и парочкой мужей в каждом районе. Похоже, что она отчитывала своего старшего сына, а под горячую руку попались и соседи, невовремя вернувшиеся домой.

– Мелла! Что такого натворил Гарри, что ты его так отчитываешь?! – возмутилась ее соседка.

– Этот оторва, шкода, бездарь не способен различить номер собственной квартиры! Ты только представь, Тереза, он притащил чужую почту в свой дом! Чужую!

– Мам, я открывал наш ящик, там были эти письма...

– Взламываешь почтовые ящики!!! Что дальше? Ты грабанешь банк? Будь добр, укради мне миллиончик и засунь в почтовый ящик, и исчезни при этом, так, чтобы до тебя я не добралась! – Мелла много жестикулировала, а ее акцент придавал ситуации комедийный акцент.

– Да будет тебе! – махнула рукой Тереза. – Пускай отнесет письма в нужную квартиру, и делов-то!

– Да, отнесет, как же! Там сейчас никто не живет!

– Ну, значит, и письма никому не нужны.

– ...Нужны, – покачал головой мальчик. – Я видел, как сегодня днем мужчина какой-то открывал ящик и проверял почту... но ее там не оказалось.

– Да верните ее в ящик! – возмутился уже муж Терезы.

– У нас там камеры, еще чего не хватало – перед ними светиться! – возразила женщина. – Иди и брось их под дверь! Если там кто-то бывает, то заберет свою почту!

– Какая глупость! – выругалась Тереза.

– Сама подумай, если в этих письмах что-то плохое и мой сын их в тот ящик положит... кто будет крайним? Правильно, чернокожий! В этой прогнившей стране всегда и во всем виноваты чернокожие!! Брось их под дверь немедленно!!

Парень дошел до конца коридора, присел на одно колено и просунул под дверь четыре письма.

Лазарь видела, как четыре тонких конверта скользнули на ее ковер. Даже с дивана она видела, что три явно со счетами или чем-то подобным. Когда все стихло, Мария поднялась с дивана и подошла к письмам, подняла их с пола. В двух письмах не было ничего особенного, счета и прочая ерунда, третье было каким-то приглашением на вечер поэзии, а вот четвертое... на нем не было адресата и отправителя. Простой некогда белый, но пожелтевший на солнце конверт. Она перевернула его – на обратной стороне в уголке простым карандашом была нарисована ромашка с двумя заштрихованными лепестками. Лазарь смотрела на рисунок и не могла пошевелиться, в горле будто застрял комок. Непослушными руками она аккуратно вскрыла конверт и достала из него два свернутых листка бумаги в клетку. Между ними был высушенный цветок сиреневого колокольчика, что растет на балканских лугах. Взяв его в руки, Мария была не в силах стоять на

ногах, она опустилась на пол и почувствовала, как защипало в глазах. Она раскрыла листки и увидела знакомый почерк, который нельзя было не узнать.

Здравствуй, Цветочек!

...Сорвал его в день твоего отъезда. Неплохо он сохранился... в отличие от меня. Прости. Знаю, что если ты это читаешь, то меня нет больше. Еще знаю, что ты хочешь уйти вслед за мной, просто так, за компанию. Не надо, Цветочек. Уверен, есть еще незаконченные дела, например, дожить до глубокой старости...

Мария несколько раз перечитала все письмо и уже в десятый раз перечитывала концовку, не веря своим глазам:

Я верю, что нашей истории еще не конец, и только от нас зависит, каким он будет. Не знаю, куда приведет нас то, что задумано годы назад, но знаю наверняка, что ты завершишь начатое.

Цветочек мой... я снимаю с тебя клятву, распорядись этим мудро. И умоляю, не уходи смиренно в сумрак вечной тьмы...

Твой навсегда, Милош Лазарь

Лишь когда за окном стемнело и в окна ударил электрический свет, Мария перестала бесконечно перечитывать письмо. Она подошла к окну и сделала глубокий вдох морозного зимнего воздуха.

– Чертов Чингачгук со своей мистикой... ясновидец чертов... – выругалась она вслух. – Тебе будет знак, тебе будет знак... Чтоб тебя...

Резкий порыв ветра скинул со стола письмо с приглашением на вечер поэзии и принес его прямо к ногам Марии.

– Класс, теперь еще и на вечер поэзии тащиться. – Тут она лукавила, ей нравилась поэзия, особенно когда стихи читали вдохновенно и проникновенно.

Она раскрыла письмо с приглашением. Вечер начинался в девять и проходил неподалеку ниже по улице в джаз-ресторане «Минтонс». Лазарь не стала читать программу, просто пошла собираться. Мария мельком глянула на себя в зеркало, пришлось подойти ближе – вид был не из лучших, зато свой, родимый, без этих надоевших линз. Быстро переодевшись, вышла на улицу. До ресторана она шла пешком, приводя мысли в порядок и постепенно успокаиваясь.

У «Минтонс» уже собирались люди. Глядя на их лица, не ошибешься, кто перед тобой, – определенно доморощенные витии. Марии повезло – ей достался столик подальше от сцены, но с отличным обзором зала. Она заказала себе курицу в деревенском соусе, которой славится это заведение, салат, много кофе и пепельницу. К ее радости, здесь еще можно было курить и простым белым посетителям.

На сцене сменялись люди, музыка и настроение, а Мария была далеко от этого места – в своих мыслях и в своей трагедии. Она все прокручивала про себя письмо Милоша, и ей казалось, что она чувствует запах тех самых колокольчиков. Потом мысли непроизвольно возвращались к сегодняшнему разговору с индейцем. Лазарь в очередной раз повторяла самой себе, что это все чистой воды бред. Когда она вдруг вырвалась из своих раздумий, в зале заиграла грустная протяжная мелодия и мужчина со сцены начал читать стихи, которые последние два дня преследовали Марию. Девушка вслушивалась в слова и мысленно повторяла их, будто ища в них что-то особенное.

– Слепец прозреет в миг последний свой:
Ведь были звезды-радуги когда-то...
Встань против тьмы, сдавившей свет земной.
Отец, ты – перед черной крутизной.
От слез все в мире солоно и свято.
Не гасни, уходя во мрак ночной...

повторяла она слова вместе с выступающим. –

Встань против тьмы, сдавившей свет земной...
Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей –
Не уходи безропотно во тьму!
Не дай погаснуть свету своему!

Читающий замолчал, и в зале повисла тишина.

Лазарь сидела молча, уставившись на догорающую в ее руке сигарету.

– Все равно мне нечего терять, все уже потеряно, – выдохнула она. – Будь по-твоему, Чингачгук...

Субботнее утро выдалось солнечным и безоблачным. Мария провалялась в постели часов до одиннадцати. Приняв душ, позавтракав, она собралась и направилась туда, где точно бы встретила того индейца. Отчего-то сегодня ей стало интересно, что еще он сможет ей рассказать. Выйдя из дома, она села в автобус и поехала на Амстердам-авеню, где и жил, как она думала, Чингачгук.

Добравшись до места назначения, она с минуту рассматривала старый кирпичный дом. Ночью в нем было больше загадочности. Сейчас же обклеенные белым скотчем окна и обшарпанные стены производили удручающее впечатление. Идея стоять посреди тротуара и звать Чингачгука не показалась ей правильной, и она подошла к входной двери, расположившейся аккурат рядом с магазинчиком сотовых телефонов. Если и не краденых, то пользованных точно. Стала изучать домофон и имена постояльцев. Вдруг дверь открылась, и на улицу вышел один из жильцов. Мария проскользнула внутрь, тем более что никаких «Эриков» здесь не числилось. Мария поднялась на третий этаж, мысленно прикидывая, окна какой квартиры выходят на нужную сторону. Она остановилась напротив квартиры номер 73Б. Именно из ее окна кричал «Эрик». Лазарь постучала в дверь уверенно и громко. Потом еще раз. Наконец дверь приоткрылась. Через узкую щель на Марию смотрели огромные глаза индейского мальчика лет пяти.

– А ты кто? – спросил ребенок.

– Взрослые дома есть? – ответила вопросом на вопрос девушка.

– Кто там, дорогой? – к двери подошла мама ребенка. – Добрый день! – улыбнулась она. – Вы к кому?

– Ищу своего знакомого индейца, представляющегося Эриком, – пожала плечами Мария. – Как-то раз видела его выглядывающим из вашего окна.

– Вы из полиции?

– А похоже?

Женщина кивнула.

– Ясно-понятно... – выдохнула она.

– Здравствуй, Мария! – индеец шел с сумками по коридору. – Рад снова тебя видеть! – У него было хорошее настроение. – Ты немного не угадала с квартирой, моя следующая. Привет, Майки! – ребенок застеснялся и скрылся в квартире.

– Все в порядке, Эрик? Ты ее знаешь? – настороженно спросила женщина.

– Да. Не волнуйся, все так, как надо. – Он подошел к своей квартире, открыл дверь. – Зайдешь? Как раз обед готовить собирался. – Лазарь молча пошла за ним, хотя на ее лице было написано явное недовольство.

Когда дверь в квартиру 74Б захлопнулась, хозяйка квартиры 73Б покачала головой и тоже скрылась за дверью.

глава VIII

Мария стояла в прихожей и осматривалась по сторонам. На стенах висели портреты, старинные фотографии в рамках, элементы индейской одежды, перья, с потолка свисала дюжина «ловцов снов» и еще тьма каких-то не виданных ею ранее оберегов. Правда, несмотря на превалирующую индейскую тематику в интерьере, квартира уже давно и надолго пропахла китайской лапшой из соседнего супермаркета и насыщенным карри. Последовав примеру Эрика, Лазарь также сняла обувь в прихожей и прошла в гостиную, служившую и спальней, и столовой, и кабинетом. Индеец молча отнес продукты на кухню, по дороге включая радио в коридоре. Девушка прошла на кухню. Индеец довольно хмыкнул.

– Ну и каков мой диагноз? – в шутку спросил он.

– Не знаю... – она взяла со стола яблока и откусила его. – Тебе нужна справка о вменяемости?

Она подошла к пожелтевшей от времени фотографии, висевшей в рамке у холодильника.

– Это мой прадед, который, кстати, предсказал нашу встречу.

– А у холодильника – это почетное место, ближе к еде, так сказать? – улыбнулась Мария.

– Просто чаще всего я подхожу к холодильнику и тут вижу его, – пожал индеец плечами.

– Ты тут один живешь? – Мария продолжала есть яблоко и осматривать квартиру.

– Когда как. – Разложив продукты по полкам, он включил чайник. – Чай, кофе будешь?

– ...Чая будет достаточно.

– Вот и отлично, тем более что кофе есть только одна порция, – пробубнил себе под нос Эрик.

– Тогда давай кофе, – услышала его Лазарь.

– Черт...

Наконец они сели в гостиной друг напротив друга, каждый со своим горячим напитком.

– Почему психология? – нарушил молчание индеец. – Почему именно эта область из всех возможных?

– Разве ответ не очевиден? – подняла на него глаза Лазарь. – Потому что это именно то, чему я училась. Зачем изобретать велосипед...

– Я про изначальный выбор. – Эрик поставил чашку на деревянный стол, заваленный газетами и журналами.

– Чтобы понять себя и... – она вдруг замолчала.

– И свой дар?

Мария кивнула неохотно.

– Помогло?

– Нет. Особенно когда понимаешь, что психология далека от идеалов древности, а уже давно служит иным целям.

– Каким же?

– Не познанию, а предсказанию и управлению поведением человека.

– Разве ты в конторе Гэбриэла не помогаешь людям?

– Помогаю... избавляться от лишних денег. – Она притянула к себе свою сумку и достала оттуда пачку сигарет.

– В этом доме не курят.

– Иди к холодильнику и спроси своего прадеда обо мне еще раз – он скажет тебе, что я курю, причем тогда, когда хочу. – Лазарь уже вовсю себя ругала за то, что поддалась эмоциям и пришла в гости к индейцу.

– Это грубо, Мария, – мотнул головой Эрик.

– Что у тебя за план, Чингачгук? Что тебе напророчил твой прадед, что ты готов преследовать меня повсюду? – она выпустила клубок дыма в сторону открытого окна, не сводя взгляда с индейца.

– План... – прошептал индеец и опустил голову, уставившись на расшитый ковер. – Твоими руками достичь общих целей... – еще тише проговорил он.

– М-м, знаешь, мистер Загадочность, прежде чем использовать, меня нужно задобрить. – Она поднялась к дивана и подошла к окну. – И наши цели не могут иметь ничего общего. Ты слишком, – она задумалась, подбирая нужное слово, – радеешь за человечество, за эту планету... Тогда как мне нет никакого дела до человеческого вида и места их обитания.

– Твой путь саморазрушения пагубно на тебя влияет. В том нет твоей вины, но тебе нужно с этим бороться. На то ты и Тень.

– Что, прости?

– Ты – Тень.

– Чья? Отца Гамлета? – хмыкнула Мария.

– Твое имя ведь Тень? – Индеец подошел к Марии. – Твое настоящее имя означает тень. Прадед так говорил. – Лазарь молчала. – Он говорил, твой предок был великим воином, настоящим Пахана – потерянным белым братом...

– У каждого в роду найдется воин. – Девушка выбросила докуренную сигарету в окно. – И я не исключение.

Индеец вернулся к креслу и сел в него, сделал глоток уже остывшего чая и снова задумался о чем-то своем.

– ...Мое настоящее имя... Тогай Акечета, я родом из племени Оглала-Лакота. Родился и вырос в резервации Пайн-Ридж, в Южной Дакоте. Богом забытое и оставленное Великим Духом на растерзание времени место. Мой прадед Кохана Чайтон, Стремительный Сокол, был вождем нашего племени и одним из последних шаманов, кому посчастливилось общаться с Великим Духом. А я был последним, с кем общался прадед.

Южная Дакота, Пайн-Ридж, 18 ноября 1982 года

Кохана Чайтон сидел на плохо сколоченной скамейке у своего дома-фургона вблизи водонапорной башни. Он получил этот дом в качестве гонорара еще в далеком 71-м. Он был предназначен для семьи из трех человек, но кто виноват, что семья Коханы насчитывала куда больше людей. Сейчас в этом трейлере ютилось шестнадцать человек. Не было никаких удобств, и цивилизация белых людей была далека от этих мест. Но все трудности лишь придавали сил племени.

Холодный осенний ветер бил в лицо, а старик лишь улыбался ему. Иногда он мечтательно смотрел в небо, отчего-то сегодня он очень ждал заката. Его пятилетний правнук Тогай с нескрываемым любопытством наблюдал за ним из окна их семейного навеки припарковавшегося трейлера. Кохана подмигнул мальчугану и жестом руки разрешил к нему подойти. Мальчик с огромными глазами цвета грецкого ореха и с иссиня-черными прямыми волосами подошел к шаману. Старик притянул его к себе так, будто давно его не видел. Кохана набросил ребенку на плечи свою теплую накидку, расшитую вручную изображениями мустангов.

Вместе они сидели молча и смотрели в небо. Тогай пытался проследить, куда смотрит дед, и также устремлял свой взгляд на пустоту в небе.

– Деда, а куда ты смотришь, что ты ищешь там, в небе?

Старик улыбнулся, как только заметил сверкнувшую на небе бледную звездочку.

– Смотри на звезду, Тогай, только что родился бледнолицый друг нашего народа.

– Пахана?

Чайтон улыбнулся и покачал головой.

– А кто же?

– Вестник Великого Духа... Странник с далекой земли, земли крови и меда. Через три десятилетия этот странник спасет тебя, сын мой. – Мальчик обратился в один сплошной слух, каждое слово шамана навеки отпечатывалось в сознании. – У вестника этого есть удивительный дар, который он будет считать проклятием. Не ищи с ним встреч, духи будут вести вас. В пятый раз встретишься с вестником, в тот день будет ему знак, открывающий дорогу к его дару...

– Что у него за дар, деда?

– Он усыпляет защиту и проникает в суть... так я вижу. Когда вестник придет к тебе сам – прими его как брата. Говори с ним, – старик сильней прижал к себе правнука, – вместе вы пройдете длинный путь, и вместе вернете вы утраченное... – Кохана смотрел на эту звезду, и не было у него никаких сомнений, что эта далекая сверхновая оправдает все его ожидания.

Старый индеец еще много всего шептал на ухо Тогаю, а потом вдруг замолчал. Дыхание его становилось все тише, пока не прекратилось вовсе. Кохана Чайтон, Стремительный Сокол, умер на девяносто пятом году жизни. Его глаза были открыты и устремлены к звезде, таявшей в лучах заходящего солнца.

Наше время

Мария сделала глубокий вдох и шумно выдохнула. Она молча посмотрела сначала на индейца, потом отвернулась к окну.

– Ты ничего не скажешь? – нарушил тишину Тогай.

– ...Что ты хочешь вернуть? – не поворачивая головы, спросила Лазарь.

– Я хочу вернуть своему народу то, что у нас отняли.

– Свободу? – хмыкнула Лазарь, чуть закатывая глаза. Такой банальности она не ожидала.

– ...Америку. – Тогай поднялся с места, ловя на себе удивленный взгляд девушки.

– А зачем она вам, Америка? – Она направилась к индейцу. – За годы изгнания вы не сделали для нее ничего, а теперь что? Возглавить ваш бунт предлагаешь и повести вас в светлое будущее? А может, еще умереть за вас скажешь? – ее голос отдавал сталью и буквально резал и без того напряженный ледяной воздух в комнате.

– Никакой бунт не принесет нам желаемого, его подавят в зачатке! Лидеров и вдохновителей убьют и снова забросают резервации самогоном и наркотиками. – Он сделал шаг к Марии и положил руки ей на плечи. – Поверь, мы проходили через это не раз. И каждый раз по нам наносили такой удар, что выстоять смогли единицы. – Тогай смотрел в глаза Лазарь, но даже сквозь ее темно-коричневые линзы он чувствовал, как она смотрит в него, в его суть.

– Тогда что? – Лазарь убрала его руки и сделала шаг назад.

– Есть горстка людей, стоящих за всем происходящим. Именно они на протяжении долгого времени не дают миру дышать спокойно.

– Да ты, друг мой, конспиролог. – Мария слегка хлопнула себя ладонью по лбу. – Как я сразу не догадалась... Масоны, иллюминаты и новый мировой порядок... я угадала? – она села на диван.

– Тогда почему ты назвала людей на вечере памяти врагами?

– Потому что все они имели отношение к преступлению против моего народа.

– Но не только твоего. Не вы первые, не вы последние. Ты же понимаешь, что не будь этих людей, то многого бы не случилось?

– Хмм, как говорится, хорошие люди должны собраться и убить плохих людей? Это твой план? – Лазарь снова закурила. – А ты в курсе, что если отрубить многоглавому змею голову – на ее месте вырастет другая? Свято место пусто не бывает. – Она покачала головой, выпуская дым и забираясь на диван с ногами.

– А никто и не говорит рубить по одной голове. – Тогай хитро улыбнулся и сел в кресло напротив Марии. – Я говорю о самоубийстве змея, он сам откусит себе головы, сам бросится на нож.

– Ок, а что будет дальше? Ну, умерли все плохие, дальше что? Их приспешники останутся и...

– Не останутся, – перебил ее индеец. – Для этого должна быть разрушена вся система.

– А какая мне польза? Как это ваша свобода вернет мне утраченное? – она вдруг осеклась и задумалась. – Или я жертвенный агнец, жаждущий смерти, и потому отличная находка?

– Не все, что ты потеряла, можно вернуть, но многое.

– Я не против смертельного финала, но против того, чтобы мне врали. Что твой прадед предсказал бледнолицему вестнику?

– Он сказал, что ты вернешься домой, туда, где все началось.

– И? – развела она руками.

– Исполнишь задуманное, сказал. Я его, правда, не очень понял, он произнес непонятную фразу на нашем языке.

– Какую фразу?

Тогай закрыл глаза, вспоминая дословно:

– ...Прах с гор разносится по полю, я вижу голову в руках у девы, и старец, обретающий покой, возносит добрую весть на небо... Такую вот.

– Прах по полю... – повторила шепотом Мария. – Он ведь говорил тебе мое имя?

– Тень, он звал тебя Тенью. Ведь тебя так зовут?

– Это лишь значение имени. Кстати, что значит твое?

– Тогай – Воин. Просто имя. Мне не дали прозвища, не то время было. Не проявил себя, видимо.

– Звучит неплохо, – улыбнулась Лазарь.

– Твоя очередь.

– А у тебя разве тут не клуб анонимных конспирологов? – Она затушила сигарету в блюдце. – Можешь звать меня Тенью. – Мария отряхнула руки. – Отличный позывной.

– Я серьезно, – нахмурился Тогай.

– Зачем тебе это? Мария Лазарь – недостаточно?

– При всем уважении, имя Мария имеет совсем другое значение.

– Придет время – расскажу, а пока я послушаю твой план.

– План рассказывать буду не я.

– У нас есть сообщники? – продолжала саркастично Лазарь.

– Можно и так сказать, собирайся. Мы идем к моему другу. Он покажет тебе весь размах заговора.

– Против кого?

– Против нас всех.

– Сплю и вижу. – Индеец снова бросил на нее хмурый взгляд. – Ладно, ладно, пойдем к твоему другу... Гулять так гулять...

Вдвоем они вышли на улицу и подошли к автобусной остановке. Тогай посмотрел на часы.

– Куда нам ехать? – спросила Мария, усаживаясь на скамейку. – Может, проще поймать такси?

– Клуб конспирологов не ловит такси, – хмыкнул индеец. – Тут недалеко, за мостом сразу.

– А-а, – протянула девушка, – удобно. Пешком дойти не проще?

– Не-а, – в тон ей ответил мужчина. – Вот и наш транспорт.

Они сели в полупустой автобус. Мария села у окна, перед ней сел Тогай.

– На третьей выходим.

– Как скажешь, – пожала она плечами.

Через пять минут они пересекли мост и вышли на остановке «Андерклиф-авеню». Погода ухудшалась, и сильные порывы ветра с реки пробирали до самых костей. Тогай сильней кутался в свой оранжевый шарф и глубже прятал руки в карманы вельветовых брюк, пытаясь

хоть как-то согреться. Выйдя на нужной остановке, они пошли вниз по улице, вдоль набережной реки Гарлем. Шли они молча.

– Куда мы идем? – наконец поинтересовалась Мария.

– К другу, сказал же.

– Куда конкретно?

– Тут рядом есть компьютерный клуб «Пересмешник», очень своеобразное подпольное заведение.

– Не вижу рекламы и прочей атрибутики. Наверное, очень популярный клуб, – фыркнула Лазарь.

– Смотря среди кого, – пожал плечами индеец. – Мексиканцам там нравится.

– Чудно, будем трескать бурритас и запивать текилой.

– Я смотрю, ты в ударе. – Он недовольно посмотрел на нее через плечо. – Шутишь много сегодня.

– Радуйся, что шучу. Иначе ты бы плакал.

Через несколько минут сквозь холод и ветер они подошли к одиноко стоящему у подножия холма двухэтажному дому. Когда-то он был белый, но несколько пожаров сделали свое дело, и он до самой крыши покрылся копотью. Окно на первом этаже было защищено решеткой, хотя стекло и так уже было разбито. Над окном сияла вывеска на испанском, мигающая розовым и зеленым цветами: «Компьютерный клуб – интернет для своих». У тяжелой железной двери, изрисованной граффити, толпилась группа молодых парней, латиносов. Они что-то бурно обсуждали, хотя больше это было похоже на выяснение отношений. Музыка из клуба лилась рекой, и тяжелые биты выдавали киберпанковскую депрессию, закравшуюся в души мексиканских интернетоманов.

Мария отметила большое количество мусора у дома, помимо фантиков и алюминиевых банок встречались и использованные шприцы. Лазарь недовольно покачала головой. Потом где-то за домом послышались выстрелы. Тогай замер.

– Не стой так, пристрелят, – хмыкнула девушка, хлопая его по плечу.

– Тут последнее время часто разборки бывают.

– Тебе-то не привыкать, – она ему подмигнула, намекая на недавний инцидент.

– Ха-ха. Очень смешно. Да.

Тогай открыл перед ней дверь, пропуская вперед. Из помещения хлынул теплый воздух, перемешанный с застоявшимся запахом табака и энергетических напитков. Они вошли внутрь, и дверь захлопнулась. Справа от входа был узкий коридорчик, который вел в мини-

атюрную кухню, где хозяйничала женщина средних лет. Она что-то проворчала по- испански, увидев новых посетителей.

– Но такос тудэй! Но! Бурритас дэй! – махнула она. Акцент у нее был забавный.

– Мы в клуб. – Тогай кивнул в сторону лестницы.

– Гарсия! – крикнула она громко. – Клиенты!

Перед ними была старая лестница, пережившая пожар, а может, даже не один. Мария поднималась следом за новым товарищем и пальцами касалась шершавой стены – холодной, но на удивление не грязной. Лестница упиралась в дверь комнаты. Рядом с ней сидел на корточках мужчина и задумчиво курил сигару. Он лениво посмотрел на гостей, но тут же потерял к ним всякий интерес. Слева в коридоре тоже были люди, но все они были поглощены друг другом.

– Нам сюда, – рукой указал путь индеец.

Они повернули направо и пошли в конец коридора. Комната под номером четыре была открыта. Внутри стояли два ряда стареньких столов с компьютерами прошлого века, издававшими очень много шума. В полутьме практически ничего не было видно, и голубые мониторы служили маяками. Всего Мария насчитала шесть компьютеров. За двумя из них сидели люди в наушниках. Один с кем-то болтал по скайпу, второй задумчиво рассматривал сайт с газонокосилками.

– Побудь тут, я его позову.

Тогай направился в конец комнаты, где за черной плотной занавеской была еще одна дверь. Мария осматривалась по сторонам. На стене за ее спиной были следы от пуль. Будто автоматная очередь прошлась по ней.

– Какое дружелюбное местечко, – вслух сказала она.

Лазарь направилась к открытому окну, а верней, к тому, что им когда-то было. Ни рамы, ни стекол, просто дыра в стене. Чем ближе она подходила, тем отчетливей слышала, как кто-то там внизу ругается с кем-то. Под ее ногами жалобно скрипели половицы. Подходить туда явно было опасно.

– Эй! Отойди от окна! – снял наушники один из мексиканцев. – Быстро отойди! – на его лице читалась паника и страх. – Убьют же!!!

Лазарь слышала шум борьбы на улице и грохот перевернутых мусорных баков, а потом снова прозвучал выстрел. Мария не могла отказать своему любопытству и выглянула наружу, в эту же секунду прозвучал еще один выстрел. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от Лазарь и впилась в потолок. Девушка улыбнулась.

– Ми-мо, – шепотом ответила она, глядя на стрелка, замершего на месте.

Не успела она сделать шаг назад, как стальные жалюзи стали опускаться, закрывая окно. Рядом с ней стоял незнакомый мексиканец и удерживал черную кнопку на стене. Он был чуть ниже Марии, коротко стриженые черные волосы, белоснежная улыбка до ушей и сияющие темные глаза. Складывалось впечатление, что он был чертовски рад ее видеть.

– У нас тут иногда стреляют, и лучше бы, чтобы свидетелей не было, – снова улыбнулся он и виновато поднял плечи и развел руками.

– Учту, – губами улыбнулась девушка. За спиной мексиканца появился Тогай. – Это он, тот самый друг? – Индеец кивнул.

– Привет! Я Эвис Гарсия. – Он протянул ей руку.

– Эвис? – переспросила Лазарь.

– Да, как Элвис, только без «л», – просиял Гарсия.

– Без «л»-то оно, конечно, круче, – закивала девушка, пожимая ему руку.

– Ну, пойдем в мою каморку!

За второй дверью была довольно просторная комната, но безумно захламленная. Среди десятков картонных коробок, набитых вещами, техникой, старыми газетами, журналами и каким-то мусором, можно было скорей потерять себя, чем найти что-то нужное. За коробками, служившими ширмой, скрывался маленький письменный стол, заставленный ноутбуками, планшетами и телефонами. Из выдвижных шкафов вываливались бумаги и записки.

– Это не краденое, – проследил взгляд девушки Гарсия. – Честным трудом заработанное.

– Мне все равно, – ответила Мария, продолжая осматриваться по сторонам.

– Итак, – Тогай сел в кресло у стола, – вот мы все и в сборе.

– И за что борешься ты? – спросила Эвиса Лазарь.

– В смысле? – удивился Гарсия, направляясь к маленькому холодильнику и доставая бутылочку фанты.

– Тогай вот за Америку, которую у него отняли, а ты за что? – индеец недовольно закатил глаза.

– Ах, это! Ну, я еще не определился. – Он сделал глоток. – Просто потому что это правильно. Не должны несколько человек решать судьбы мира. Каждой стране – свое. Я так думаю.

– Логично, – кивнула Мария. – А чем ты занимаешься? Ладно Тогай, он многостаночник, а ты чем живешь? – девушка остановилась напротив одной коробки и достала из нее первый попавшийся жур-

нал. – Интересуешься политикой, смотрю. – Она улыбнулась, в ее голосе было по-прежнему много скепсиса и сарказма.

– А как иначе, – пожал он плечами, – если ты ими не интересуешься, то они будут интересоваться тобой. Я программист, как это ни странно. Этим и живу. Найти работу в сети нетрудно.

– Он скромничает, – улыбнулся индеец, – он гений, и его талант нарасхват.

В комнате вновь повисла тишина, и Лазарь продолжила осматриваться. Вдруг ее внимание привлекла плохо заметная темная занавеска на стене. Заметив, куда она смотрит, Гарсия подошел к стене и отодвинул штору. Мария замерла на месте в изумлении. Вся стена комнаты, скрывавшаяся за шторой, шесть метров в ширину и три в высоту, была обклеена фотографиями, выписками и вырезками, какими-то схемами. От одних людей тянулись красные нити к другим. Перед Марией предстало гигантских размеров генеалогическое древо неизвестно кого. Некоторые участки стены были занавешены отдельными кусками рваной ткани.

– Впечатляет, да? – с гордостью спросил Эвис. – Я над этой стеной лет пять тружусь, еще, правда, остаются белые пятна. – Он почесал в затылке.

– Здесь столько имен – это все цели? – спросила Лазарь, указывая на стену, которую нельзя было объять одним взглядом.

– Ну, в общем, да, – развел руками Гарсия, – правда, всех необязательно. – Он хмыкнул. – Многие из них – лишь пешки, шестерки, которые мало на что способны в одиночку. Достаточно убрать верхушку. – Он указал пальцем на прикрытую часть стены. – Правда, к ней просто так не подберешься. – Он посмотрел на Тогая.

Мария переводила взгляд с одной фотографии на другую. Некоторые были связаны между собой, другие нет. Но от всех них шли толстые красные линии к кому-то под занавесом. Она сделала шаг ближе и отодвинула занавеску. За ней скрывался овал, олицетворяющий стол, за которым сидели девять человек, к которым тянулись нити со всей стены. А нити от восьми сходились над одним человеком, по мнению создателя схемы, контролировавшим всех и вся.

– Тут еще хватает неточностей, где какая контора и за что она отвечает, а так все верно. Проверяли десятки раз, – не без гордости говорил Гарсия, но Мария его практически не слышала. Она продолжала рассматривать старенькие полароидные фотографии, будто ища что-то конкретное.

От одних лиц расходились черные нити по разным континентам и спискам событий по годам. Заметки, висевшие рядом, сообщали о причинах и выгоде для того или иного участника схемы. Многие из

этих людей мелькали на страницах газет, во всех телевизорах мира, а некоторых Мария не видела никогда – исполнителей мало кто знал в лицо. Правда, было одно исключение.

На правом нижнем участке стены она увидела фотографию Мадлен Олбрайт с обложки журнала «Тайм» от 1999 года. На ней госсекретарь США была запечатлена в очках, съехавших на нос, с крайне раздраженным выражением лица разговаривающей по спутниковому телефону. Подпись к фото гласила: «Война Олбрайт: за кулисами с госсекретарем в то время, как она идет на победу в Косово». От ее фотографии расходилось несколько нитей. Одна вела к неизвестному Лазарь человеку, а вторая к покойному Уокеру. Фотография была перечеркнута красным крестом. От Уокера лучи расходились по трем направлениям на разные континенты. Два Лазарь не интересовали, но она не могла оторвать взгляда от третьей. Мария протянула к ней руку и аккуратно сняла ее со стены. Она всматривалась в знакомые очертания старинного памятника, стоящего на фоне затянутого серыми тучами неба...

28 июня 1989 года, Косово поле

Радован Обилич вместе со своей внучкой и десятком соседей по селу ехали в автобусе в сторону памятника Газиместана, что на Косовом поле. Сегодня был особенный день, и Радован очень хотел, чтобы его любимая внучка запомнила этот день. Сегодня исполнялось ровно шестьсот лет со дня великой для Сербии битвы.

– Деда, а почему ты не взял Косту, почему только меня? – спросила его внучка. Ее невероятного цвета глаза с восхищением смотрели на Радована, и видно было, что ребенка переполняют эмоции.

– Потому что, милая, только ты сможешь увидеть и понять, – серьезно ответил дедушка.

– Что понять?

– ...Суть вещей.

– А что такое суть? – не унималась девочка.

– Придет время, и поймешь. Коста, если ты помнишь, не очень-то хорошо себя вел последнее время. Плохо слушался Анну, да и меня.

– Просто он скучает по маме и папе. – Девочка отвернулась к окну и смотрела на вереницы людей, направлявшихся на поле.

– А ты, Сенка? Не скучаешь?

– Да, скучаю, – кивнула она. – Только, в отличие от Косты, я знаю, что они никогда не вернутся.

– Думаешь, ему нужно сказать правду?

– Нет, – мотнула она головой. – Он ее знает, просто забыл.

– ...Ну, может, оно и к лучшему, как думаешь, милая? – Радован приобнял внучку.

– Что это за башня впереди, деда? – сменила тему Сенка.

– Это не башня, синку, это памятник битве, о которой я тебе рассказывал. Это Газиместан... – Обилич посмотрел на него. – Это Косово поле, Сенка, место, где сошлось войско сербское с войском турецким.

– Тут погиб Милош... – сказала девочка. – А мы пойдем на его могилу?

– Никто не знает, где она.

– Даже ты?

– Даже я, – улыбнулся Обилич.

Когда дед и внучка вышли из автобуса, то увидели заполненное людьми поле. Люди старались пройти ближе к памятнику, все они чего-то ждали. Радован взял внучку на руки.

– Что там видно, Сенка?

– Там трибуна, деда, к ней идет какой-то дядя.

Толпа взорвалась приветствиями и овациями.

– Смотри на него внимательно, что ты видишь?

Девочка устремила свой взгляд на незнакомца.

Слободан Милошевич медленным шагом шел к деревянной трибуне с установленными на ней тремя микрофонами. По пути он вытаскивал из кармана пиджака свернутый листок бумаги. Накануне он наконец-то дописал свою речь. Четыре варианта ушли в корзину, да и пятый ему не особо нравился. Милошевич прокручивал в голове события последних месяцев и прекрасно понимал, что то, что он хочет сказать на самом деле, будет воспринято в штыки. Встав за трибуну, он окинул взглядом Косово поле. Тысячи глаз были устремлены на него, и в каждой паре горел огонек надежды.

– Ему страшно, деда, – сказала Сенка.

– Чего он боится, родная? – удивился Обилич.

– Ему страшно не за себя... за нас всех...

Милошевич развернул листок бумаги и положил его перед собой. Он поприветствовал собравшихся и начал свою речь. Он посматривал на листок и на реакцию людей. Ему не хотелось читать дальше. Вдруг, сделав паузу, он незаметно для всех перевернул листок. Посмотрел на чистую обратную сторону и улыбнулся одними губами неизвестно чему.

– Я хочу вам сказать, товарищи, что вы должны оставаться здесь. – Он услышал довольные возгласы. – Это – ваша земля, это – ваши домашние очаги, ваши поля и сады, это – ваша история! Вы не должны оставлять эту землю только потому, что жизнь здесь трудна, потому,

что вы подвергаетесь унижениям. Сербы и черногорцы никогда не пасовали перед трудностями, никогда не отступали в часы сражений. Вы должны оставаться здесь – во имя ваших предков и ваших потомков. Югославия не существует без Косова!

После этих слов Косово поле взорвалось овациями и возгласами: «Косово је Србија!» В глазах некоторых стояли слезы. Радован и Сенка молча смотрели и слушали. Девочка все вглядывалась в лицо Слободана и в незнакомые лица вокруг.

– Запомни этот день, Сенка, ибо с него начинается наша борьба.

– Нет, деда, она началась гораздо раньше, – по-взрослому ответила внучка.

– Когда же это? – удивился Обилич.

– 600 лет назад, деда.

Наше время

– Мария? – услышала она голос индейца. – Ты в порядке?

– Да, – кивнула она, мотнув головой, отгоняя воспоминания, от которых щипало в глазах.

– Ну так что, рассказать тебе весь план? – хлопнул в ладоши Эвис.

– Вы уверены, что мне нужно знать все?

– А как иначе? – развел руками индеец. – Нужно же с чего-то начинать.

– И с чего вы собирались начать?

– С устранения белых пятен и установления всех действующих лиц.

– Хорошо, а потом? – Мария снова посмотрела на фотографию в своей руке.

– Потом подумаем и снова подумаем.

– То есть дальше схемы плана нет? Вы даже не знаете, как подобраться ко всем этим людям, которых охраняют армии... – покачала она головой.

– Вот поэтому нам нужна твоя помощь. Без тебя все это невозможно, – резюмировал Тогай.

– Допустим, мы закрыли белые пятна. Что вы хотели убрать первым, какое звено? – Оба собеседника пожали плечами. – Чудно, дилетанты-заговорщики, что может быть лучше, – покачала она головой. – Значит, так. Или мы начинаем с этого, – она показала им снятую со стены фотографию, – или не начинаем вовсе.

Гарсия посмотрел на индейца, потом на стену.

– Понятно, – согласился Гарсия. – Вижу, у тебя есть свой план. И к кому у тебя есть доступ с этой стены? – Мария молча указала пальцем

на верхушку. – Даже та-ак? – протянул Эвис и посмотрел на Тогая. – Ты мне этого не говорил!

– Сам узнал недавно.

– Прям как твой прадед предсказывал... офигеть!

– Ближе к делу, пожалуйста, – перебила их Мария.

– Серьезная какая... – почесал подбородок мексиканец. – Теперь нужно найти что-то, что позволит прийти к твоей... цели. – Он говорил как-то неуверенно, будто сомневаясь в чем-то. – Ты знаешь, чем его зацепить? М-м, повлиять? Надеюсь, и эта часть предсказания – правда...

– Есть одна идея. – Лазарь отвернулась к стене. – Всего одна, – прошептала девушка.

– Любопытно будет послушать, – сказал Тогай.

– Смотрите на стену, – она обвела всю ее руками, – из схемы Эвиса видно же.

– Не-а, – мотнул головой Гарсия. – Ни черта мне не видно.

– Имея все это, можно бояться лишь одного – потерять все это... – прошептала девушка.

– Поймать на страхе старикашку? Можно и так, – закивал Гарсия. – А можно так, чтобы никто ничего не заподозрил? Дабы оставаться в тени и в... безопасности?

– Мне все равно терять нечего, – пожала девушка плечами. Она повернулась к ним лицом и сделала пару шагов вперед, явно собираясь уходить.

– М-м, а тебе когда-нибудь уже приходилось делать такое, а? Ну, в смысле, подчинять людей своей темной воле и все такое?

Мария молча и с ухмылкой указала пальцем на правый нижний угол, где красовалась фотография Уокера. Гарсия громко сглотнул. Она протянула ему фотографию Газиместана.

– Отлично, когда начинаем?

– В понедельник.

– Ок, когда встречаемся? – спросил мексиканец.

– В понедельник в десять на Кларендон-авеню, 2910, квартира 73.

– Это Бруклин, что ли?

– Именно, – кивнула Мария.

– Почему там? Что там за место такое? Конспиративная квартира?

– Там тихое место, где как минимум не стреляют и никого из нас искать не будут.

– Нас уже ищут, что ли? – хмыкнул Гарсия.

– Провожать не надо. – Девушка обошла Тогая и покинула комнату. Двое мужчин переглянулись.

– Ну, Бруклин так Бруклин, – развел руками Эвис.

Тогай подошел к окну. Мария вышла в темноту улицы, нисколько ее не боясь. Толпившиеся у входа в клуб парни бросили ей вслед какие-то фразы, но она на них даже не среагировала. Глянув по сторонам, Мария направилась к мосту. По дороге она остановилась и повернулась к клубу, закуривая. Несколько раз чиркнув зажигалкой, она заметила наблюдавшего за ней Тогая. Смерив его взглядом, она отвернулась и пошла дальше. Ветер стих, и в воздухе висела морозная свежесть, а небо было озарено десятками звезд.

Переходя длинный мост Вашингтона, она смотрела на ночной Манхэттен, тонущий в огнях, и с трудом верила во все происходящее и в то, что согласилась присоединиться к плану «клуба юных конспирологов». Выпуская облачка дыма, она лишь сильней чувствовала приближение чего-то необратимого. Но с каждым шагом эта идея переставала казаться чем-то глупым. Эта одна-единственная попытка вела либо к искомому эффекту, либо к фатальному.

– Так тому и быть, – решила она и выбросила окурок в реку. Оба варианта устраивали Марию Лазарь.

глава IX

Мария вернулась домой под покровом ночи. На третьем этаже громко играла музыка, сосед снова впал в период панк-транс-паранойи. Лазарь вошла в квартиру, сняла ботинки и, не включая свет, прошла в ванную. Вынула линзы, умылась и вздохнула с облегчением. Выйдя из ванной, она подошла к столу и взглянула на компьютер – на рабочем столе мигало оповещение о пропущенных сообщениях.

– Что там еще... – недовольно сказала девушка, открывая защищенный чат-канал. В черном окне чата было три сообщения. Все от Горана:

«19.07 Мария, тут?»
«20.13 Где тебя черти носят?!»
«20.53 Мария, это последнее сообщение. Проект завершен, мы сворачиваемся. Больше не сможем вести тебя. Канал будет удален в полночь. Теперь ты одна. Прощай».

– Я уже давно одна, тоже мне новость. – Она открыла интернет. Ее страница в фейсбуке больше не сообщала многочисленным френдам о «позитивчике» и не постила картинки. – Вот и чудненько. Еще недельку повисим, и удалю ее к чертям... Такое позорище... – Она недовольно фыркнула, снова вернулась к чату и напечатала:

«22:34 Готовься. Покров спадет, падут оковы, обнажатся тайны, и это все не ново. Скоро будет жарко, Горан».

Дальше Лазарь отошла к противоположной стене. Она села на пол и, достав из куртки пачку сигарет, закурила. Медленно выдыхая дым, девушка смотрела на монитор компьютера, на открытый чат, который больше никогда не заговорит. Вдруг она услышала за дверью чьи-то шаги, тень незнакомца мелькала по полу. Мария повернула на шум голову и прислушалась. Какое-то время незнакомец стоял у двери и явно тянул руку к ручке.

– Марк! Ты чего? Нам сюда! Не в ту квартиру ломишься! – окликнул мужчину кто-то. Потеряв интерес к происходящему, Мария снова уставилась на компьютер, но мысли унесли ее далеко за пределы ее квартиры.

Она воспроизводила в памяти весь сегодняшний день и все возвращалась к этой стене-схеме, сделанной Гарсией. Было в ней что-то притягательное и что-то такое, что не могло отпустить никого хоть немного интересующегося происходящим. Лазарь закрыла глаза. Оставался пустяк – составить план действий.

Апрель 2009 года, Сербия, Косово

В старом и давно опустевшем доме семьи Бояновичей, расположившемся в самой нижней части на окраине села Сойево, было многолюдно. Группа из пяти человек выбрала именно это здание для своей временной базы. Соседей тут не было – все дома стояли пустыми, и албанцы, жаждущие легкой наживы, уже побывали в каждом доме и перевернули их вверх дном. Наверное, поэтому в домах было невозможно встретить ни одной целой тарелки или столового прибора. В группе была только одна женщина, и она была занята приготовлением незамысловатого ужина. Двое молодых мужчин устроились в столовой и, разложив на столе множество электронных приспособлений, пытались подключиться к интернету. Еще один мужчина с довольно грозным видом чистил пистолеты, которых у незнакомцев было предостаточно.

– Ура! – воскликнул один из парней, возившийся с компьютером. – Есть сигнал, о!

– Стабильный? – Горан был невысокого роста, с обритой головой и пятидневной щетиной, которая, как он думал, безумно его красила. На шее красовалась татуировка с изображением тигра. – Или еще покрутить?

– Думаю, да. Можно выходить на связь.

– Добро. – Горан поднялся с пола и стал собирать не пригодившиеся детали в армейский рюкзак. Его взгляд на секунду задержался на девушке, что готовила на них на всех ужин. Так же, как и все, она была одета в военную одежду. – Сенка! Скоро там еда поспеет?

– Потерпишь! – ответила она, махнув рукой, не поворачиваясь к нему. Горан недовольно покачал головой, но тут же усмехнулся одному ему известной мысли. – Радуйся, что генератор работает, иначе бы пришлось есть все сырое.

– Ну, побей меня еще! – буркнул мужчина себе под нос.

Нарезав и приправив овощи, девушка бросила их на сковородку. Аромат от них смешивался с запахом фасолевой каши, приготовленной на электроплитке. Она осмотрела будущий ужин.

– Мы так скоро станем вегетарианцами... – выдохнула она.

Сенка остановилась на миг и посмотрела в окно, открыла его. На улице был светлый день, клонившийся к вечеру. На небе не было ни облачка. Деревья в одичавшем яблоневом саду у дома тихонько раскачивались на ветру. Девушка отвлеклась от красивого вида лишь на минуту, а когда снова посмотрела в окно, то на подоконнике лежал букет из маленьких лиловых цветков, перевязанный травинками. Сенка улыбнулась и взяла букет в руки.

– Красивые, – улыбнулась девушка.

– Под цвет твоих глаз.

– Где ты только их находишь?.. – спросила она.

– Ты не поверишь, – в окне появился мужчина лет тридцати пяти в одежде цвета хаки, с ружьем на плече. Его загорелое лицо, казалось, сияло, а темные, зеленые, как самая глубокая чаща леса, глаза буквально искрились счастьем. Счастьем, которое никто из его окружения никогда не мог понять, – но везде, где ты проходишь, появляются цветы. Просто, в отличие от тебя, – он подмигнул ей, – я оглядываюсь чаще.

– ...Спасибо, – улыбнулась она, коснувшись ладонью его щеки. – А теперь мыть руки и ужинать!

– Бегу. – Он улыбнулся и снова окинул взглядом поле за спиной: в паре километров просматривалась американская база «Бондстил». Постояв так несколько секунд, он направился в дом.

Милош Лазарь зашел в дом, и к нему тут же подскочил Стеван – главный хакер их маленькой группы.

– Милош! Мы наладили связь! Можно выходить на контакт.

Лазарь осмотрел комнату, встретился глазами с Гораном.

– Ты уверен в этом человеке, Павлович? – спросил командир группы, глядя на друга. – Не будет как в прошлый раз?

– Черт, Милош, – всплеснул руками Горан, – ты мне этого албанца будешь всю жизнь теперь вспоминать, а?!

– Пока не проколешься с кем-то еще, – засмеялся из коридора Сава.

– Да замолчи ты, Савко! – Горан в шутку замахнулся на него первым попавшимся под руку предметом.

– Ладно, – прервал их Милош, – давай выходи с ним на связь. – Милош и Сава сели за стол рядом со Стеваном и Гораном. – Пора получить последнюю порцию наводок.

– Он нам и так достаточно рассказал, – буркнул Горан, – теперь контакт ждет какой-то проверенной информации, чего-то, что взорвет общественность.

– Мы недалеко от американской базы, – улыбнулся Сава, – можем одолжить у них пару килограмм тротила и взорвать албанскую общественность. Ну, как вариант, – развел он руками.

– Ты сегодня кровожадный, бато! – улыбаясь, похлопал его по плечу Лазарь.

– Я всегда такой! Просто сегодня я еще и голодный!

– Вам бы все шутки шутить, – хмурился Павлович. – Это серьезные люди...

– Мы тоже тут не в игрушки играем, – ответил Лазарь. – А то, что он от нас требует, крайне опасно, и я не хочу рисковать нашими жизнями только чтобы кто-то там черт знает где напечатал сенсацию.

– Поздно спохватился. – Горан с вызовом посмотрел на Милоша. – Если бы так боялся за наши головы, то не дал бы нам пойти с тобой. Да и потом, разве это не привлечет внимания мира к нашей проблеме?

– У мира было достаточно времени, чтобы обратить внимание на нашу, как ты выразился, проблему, – сказала вошедшая в комнату Сенка. Она также села за стол рядом с Милошем.

– Я вас не понимаю, – мотнул головой Горан, вставая с места. – То вы хотите с ними сотрудничать, теперь на попятную? На черта тогда мы тащились в эту глухомань, к врагу под бок?

– Успокойся ты, – примирительно поднял руки Милош. – Никто не собирается сворачивать с выбранного пути, просто у меня нет оснований доверять горстке хакеров из Австралии.

– Они единственные, кто может повлиять на общественное мнение, хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию в Косово. Вы же понимаете это?

– Наверное, – тихо заговорила девушка, – из нас из всех ты единственный, кто верит в сверхвозможности интернета.

– Да, Горан, – развел руками Сава, – такие вот у тебя отсталые братья по оружию.

– Ладно, ребята, – остановил разгорающийся спор Милош, – мы это делаем ради общего блага. Если есть хоть малейший шанс остановить преступников у власти – мы сделаем это.

– По мне, так это уже лишнее, – заметил Сава, почесывая себя по подбородку. – Ну выведем мы уравнение, которое равняется Хашиму, а какой толк? Мы больше пользы принесем, охраняя наши села и деревни от этих разбушевавшихся обезьян, чем выкладывая статейки на всеобщее обозрение. Мне больше по душе ломать кости торгашам на улицах Приштины, чем бегать сети их раскрывать.

– Не прав ты, Савко, – замотал головой Горан. – Может, прямо сейчас от этого не будет пользы, но когда дело дойдет до суда, то ему не отмахаться будет.

– Пф, – фыркнула Сенка, – никто из нас не доживет до суда над ним.

– Я помню, что ты та еще оптимистка, – парировал Горан. – Раскроем их сеть, прикроем ее, и наркоты на территории того же Обилича станет меньше.

– Нет, Горан, – покачала она головой, – наркоты станет меньше, если мы их не раскроем, а просто уничтожим.

– Не хочу тебя огорчать, но нас тут пятеро, и у каждого только по две пушки.

– У нас под боком американская военная база, – пожал плечами Сава. – Так что есть вариантик. – Он хмыкнул.

– Так, – остановил их Милош, – друзья-заговорщики, давайте придерживаться основного плана. Мы тут за информацией и доказательствами. Добываем все необходимое и возвращаемся. Без нас Дарко и остальные не справятся, за всем не уследят. Давай, Стеван, вызывай того парня. – Лазарь указал на компьютер.

– Ты ведь не позволишь им груз до места назначения доставить? – тихо спросил Стеван.

– Ты знаешь меня, – ответил Милош. – Бандитов я живыми не отпускаю.

Стеван застучал пальцами по клавиатуре, заходя в безопасный канал связи. После минутного ожидания в окне открывшегося зашифрованного чата появился искомый контакт под ником «Летрикс».

– Информации немного. Выяснил, что передача в 3.43, два грузовых вертолета ВВС США, рейс то ли из Турции, то ли из Афганистана. Имен никаких не нашел, разбираться на месте придется. Есть время ответить на вопросы.

– Есть у нас вопросы? – спросил юный хакер, глядя на Милоша.

– Нету, – покачал головой Лазарь. – Приходим, ставим маячки на контейнеры, уходим. Отследим груз – накроем сеть.

– Накроем сеть – приблизимся к падению Корпорации, – продолжил Савко.

– Нет Корпорации – нет власти США. Нет власти – возвращаем Косово себе, – улыбнулся Стеван.

– Все согласно плану, – согласился Горан. – Ничего нового. Потом отсылаем ребятам в Викиликс добытую информацию и смотрим, как благодаря нам разоблачают план американцев. Просто! – он улыбнулся.

– ...На словах. – Сенка встала из-за стола. – А на деле это разоблачение захлебнется среди прочих. – Она подошла к окну. – Мы просто рубим хвост вместо головы.

– Извини, Цветочек, – заговорил Милош, – но до головы нам не добраться. Во всяком случае пока. – Он развел руками. – Но я не против укоротить ручки албанской «Коза Ностра». Это то малое, на что мы способны.

После скромного ужина группа разбрелась по дому. Стеван устроился спать прямо в столовой, на уютном стареньком двухместном диванчике. В отличие от остальных, он мог спать где угодно и в каком угодно положении. Сава дремал на втором этаже. Горан же, спасаясь от храпа Савко, укрылся одеялом с головой в самой дальней комнате. Он не спал нормально уже два дня, а предстоящая операция требовала бодрости. Милош и Сенка сидели рядом на крыльце и тихо разговаривали.

– Тебе не кажется, что то, что мы делаем, глупо и незначительно? – спросила девушка. – Бессмысленно...

– А что мы можем делать, милая моя? Я собрал всех, кого мог, всех, у кого хватает храбрости жить на своей земле и защищать ее от захватчиков. – Он взял в руки большую кружку с уже остывшим душистым фруктовым чаем и сделал глоток. – Мы делаем доброе дело. – Лазарь посмотрел на небо, будто ища там поддержки. – Мы продолжаем охранять нашу землю и наш народ.

– Это понятно, но с каждым днем мы все дальше от целей. Мы теряемся в этой борьбе с системой. Мы уничтожаем пешки, а до короля нам не добраться. – Сенка закрыла глаза и запрокинула голову назад.

– То, что ты не видишь в этом смысла сейчас, вовсе не означает, что его нет. – Милош обнял ее и притянул к себе. – Порой даже самая маленькая деталь может вывести из строя всю систему. Просто мы еще не нашли эту деталь. Главное – не прекращать ее искать. Да? – он улыбнулся и поцеловал ее в висок. – Ты удивишься тому, как все будет хорошо. Уже очень скоро. Закончим начатое, и все будет по-старому, по-нашему, – прошептал Лазарь.

В 2.30 ночи группа собралась на свое задание. Стеван укладывал в сумку маячки, еще раз перепроверяя их работоспособность.

– Все рабочие. – Удостоверившись, он застегнул сумку и протянул ее Савко. – Может, возьмете и мое оружие? Мне тут оно не понадобится.

– Понадобится, – возразила Сенка, проверяя боеготовность своего пистолета.

– От комаров, что ли, отстреливаться? – засмеялся парень. – Тут рядом никого.

– Ничто не мешает им прийти.

– Она права, Стеван, держи пушку при себе.

– Так точно! – кивнул Милошу хакер. – Только метко стрелять я так и не научился.

– Будем надеяться, что не понадобится, – серьезно ответил командир.

– У меня с моим пистолетом проблема. – На пороге появился Горан. – Похоже, все-таки придется брать твой, Стеван.

– Дай сюда! – протянул руку Сава. – Я лично его проверял, все нормально было.

– Ну, значит, так проверил, – протянул оружие Павлович.

– Хмм, нужно разбирать, похоже, что-то с возвратной пружиной...

– Ладно, Стеван, отдай ему свой пистолет, – сказал Милош. – Так, держим с тобой связь.

– Да, я настроил ваши рации на американскую волну, будете слышать все их переговоры.

– Отлично. – Милош закинул сумку с маячками на плечо. – С богом.

Стеван вернулся в дом, в котором единственными источниками света были мониторы его трех ноутбуков. Он некоторое время стоял у окна, наблюдая, как четверо его друзей пересекают в темноте поле и скрываются за деревьями. Потом вернулся за стол: у него было еще одно важное дело, порученное ему Милошем. Хакер погрузился в поиск нужной информации, до первого выхода на связь с командой оставалось пятьдесят три минуты.

– Почему ты не веришь ему, а, Милош? – вслух спросил Стеван, прокручивая в голове недавний разговор с командиром. – Что ты такого почувствовал, интересно... И где бы отыскать нужную инфу... Где, черт ее побери? Только такому, как он, могла прийти в голову идея проверить этих ребят... А что, если он прав?..

Оставив риторические вопросы, Стеван вновь застучал по клавиатуре, бегая глазами по многочисленным статьям и комментариям, мелькавшим на экране. Сегодня ему не могли помочь даже ребята из глубин интернета.

Группа уже значительно продвинулась вперед, когда Горан вдруг остановился.

– Что не так? – спросила его идущая впереди Сенка. Горан ощупывал свои карманы, будто ища что-то.

– Телефон оставил...

– И? Боишься пропустить важный звонок? – нахмурилась девушка.

– Там нужные координаты.

– Я их помню и так, напомнить? – Сенка посмотрела на идущих впереди Милоша и Саву. – Что там в твоем телефоне?

– Наш контакт собирался скинуть мне обновленную инфу.

– Он знает твой номер? – удивилась девушка.

– Прикинь, Обилич, знает, – злился Горан.

– А ты в курсе, что тогда мы для него больше не горстка анонимусов? – она сделала шаг к Павловичу, ее взгляд не излучал дружелюбия.

– Другая симка там, успокойся, – махнул он рукой. – Если что-то изменится, а мы не узнаем, подумай о последствиях!

– Нам хватит переговоров военных, мы слушаем весь эфир.

– Да шучу я, господи! Неужели я похож на идиота, который телефон будет раздавать кому попало?! Ключи от фургона я в куртке оставил! Вот что!

– Как можно было забыть наш путь отхода?! – прошипела девушка.

– Ну забыл вот... черт! – он пнул носком землю.

– Давай назад живо!

– Я быстро догоню, ты же знаешь, я отлично бегаю. Погнал я!

– Растяпа... – покачала она головой.

Но он не стал дожидаться ее одобрения, развернулся и побежал к дому.

Хакер группы продолжал искать. Вдруг внимание Стевана привлек сигнал пикающего мобильного телефона. Он осмотрелся по сторонам – звук шел из сумки Горана. Он встал из-за стола и подошел к сумке.

– Как странно, он его никогда раньше не оставлял.

Сигнал не утихал, Стеван достал телефон из сумки. Номер был скрыт.

– Может, это Дара? – пожал плечами хакер и ответил на звонок. – Привет! – только и успел он сказать, ожидая услышать на том конце провода девушку своего друга. Но вместо этого он услышал мужчину, говорившего на албанском.

– Надеюсь, твоя группа уже на месте. Тебе стоит их поторопить.

– ...Они вышли, на месте будут минут через двадцать, – взяв себя в руки, ответил Стеван, пытаясь придать своему голосу свойственную Горану хрипоту.

– Отлично. Их там радушно встретят. – Незнакомец засмеялся. – Твоя награда будет ждать тебя дома. Не хочешь спросить, как у нее дела, а?

– Хочу. – Стеван чувствовал, как замирало его сердце, его начинала бить дрожь.

– Горан! – услышал он голос Дары. – Помоги мне!

– Давай, скажи ему, как хорошо с тобой тут обходятся... – неизвестный явно оттолкнул девушку от себя. – Жива она, – прошипел он в трубку. – Пока что. Как только мне сообщат о смерти Милоша, сразу отпущу ее. Если улов будет гуще, то ты получишь и обещанный

довесок – можешь взять парочку килограммов на реализацию. Хех! Конец связи, сербик.

Стеван стоял белее белого и был не в силах пошевелиться. Только сейчас он вспомнил, что действительно давно не видел Дару, да и Горан как будто без причины был мрачнее тучи.

– Но почему он все не рассказал?! Милош бы нашел способ ее спасти... – без сил Стеван сел на стул. – Господи! Я должен их предупредить!

Четыре человека уже подходили к пункту назначения, когда услышали в эфире треск.

– Стеван, – откликнулся Милош, – что за помехи?

Тишина.

– Йованович, черт тебя дери?!

Йованович проклинал все на свете. Именно когда было необходимо, связь с группой нарушилась. Он искал хоть какой-то способ ее наладить. Рация решительно не откликалась.

– Привет! – появился на пороге Павлович. От неожиданности Стеван вздрогнул. – Как ты тут? – улыбнулся мужчина, осмотрев комнату и увидев свой телефон на столе. – Мне кто-то звонил? – он сделал шаг вперед.

– Как ты мог нас предать? – прошептал Йованович. – Мы же как братья...

– Не было выбора, – пожал он плечами, снимая с предохранителя пистолет. – Да и надоело мне бегать, как сайгак, по всему Косову.

– Милош тебе этого не простит, – пятясь к стене, проговорил парень, ища глазами хоть что-то, что могло бы послужить оружием.

– А он и не узнает. – Горан нацелил пистолет в сердце друга. – Печально, да?

– Тебе это с рук не сойдет.

– Уже сошло, – ухмыльнулся Павлович. – Передавай родственникам привет...

Горан сделал три выстрела в друга. Стеван медленно сполз по стене на пол. Две пули пробили грудную клетку, а третья угодила прямо в сердце.

– Ну а теперь самое время разобраться с делами.

Мужчина взял со стола свой телефон и посмотрел последний вызов. Отыскав нужную функцию на телефоне, он включил запись воспроизведения звонка.

– Что ж, пока все по плану. – Он сел за компьютер. – Теперь немножко конспирологии не повредит.

Достав из нагрудного кармана флешку, он вставил ее в ноутбук. После нескольких минут нехитрых манипуляций он перенес нужную информацию в систему Стевана. Потом подошел к телу мертвого хакера и достал у него из кармана брюк телефон. Спустя пару минут несостоявшийся разговор был в телефоне убитого. Горан положил телефон в раскрытую ладонь Йовановича.

– Какой нехороший человек оказался, – покачал головой убийца. – А мы-то думали, друг наш. Ай-ай-ай. – Он хмыкнул. – А теперь дело за малым...

Горан развернулся и покинул дом. Ему еще предстояло нагнать группу.

Тем временем группа из трех человек проникла на территорию «Стального узла». Они успешно прошли мимо пропускного пункта, обошли часовых. Несмотря на поздний час и, казалось бы, армейский распорядок, из дальних бараков-клубов слышалась громкая музыка и гогот. Албанцы вовсю развлекают военнослужащих – как-никак, каждый албанец в новоиспеченной «республике» стремился получить здесь работу. Ведь после двух лет труда человеку выдавали гринкарту – предел мечтаний многих. И никого не волновало, что главным условием труда была способность держать язык за зубами и не распространяться о происходящем на базе. Даже спустя долгое время эти люди хранят тайну «Стального узла».

Милош со своей группой подобрались к месту посадки вертолетов. До обозначенной контактом Горана точки было всего каких-то сто метров по пересеченной местности. Благо прожекторов в этой зоне не было, к вертолетам можно было подойти, не прячась в низкой траве. Три человека забрались в небольшое углубление в земле – заброшенный старый окоп минимум пятилетней давности. Переводя дыхание, Савко потянулся к рации.

– Горан! Где ты? – спросил по рации Сава.

– Иду, – услышали они в рации. – Семь минут, и с вами.

– Долго идешь.

– Как умею. – Павлович тяжело дышал, явно быстро бежал.

– Ясно. Догонишь. Мы начинаем. Конец связи.

– Начинай, дорогой, начинай, – прошептал Горан, зная, что его никто не слышит.

Лазарь выглянул из окопа и осмотрел вертолетную площадку. Что-то было не так, его чутье подсказывало ему, что впереди опасность. Посадочные огни горели, и явно ожидался прилет нового борта.

Сенка выглянула следом. Ее взгляд вдруг привлекла противоположная сторона площадки. Там уже стоял армейский грузовой верто-

лет, шли погрузочные работы. У их же объекта нападения никого не было, разве что горстка людей в гражданской одежде, сидящих на деревянных ящиках. В таких перевозят снаряды, но никак не наркотики.

– Милош, – коснулась Сенка его руки, – что-то не так. Похоже на ловушку.

– Вижу. – Он бросил беглый взгляд на Саву: тот возился с оружием и не слушал товарищей.

– Думаешь, Горан снова попался на чью-то уловку?

– Нет, Цветочек, думаю, это мы попались на его уловку, – сказал Лазарь.

– Что? – мотнула головой девушка. – Горан не мог нас так подставить... Не мог ведь?

– Мог и, скорей всего, это сделал. Только вот целью не являетесь вы двое. За мою голову клан Османи много даст. Только подумай, сколько крови я им попил, сколько дел сорвал. Они давно хотели, – он сел поудобней, – со мной поквитаться. И слышал, за мою голову много дают. Причем не только Корпорация.

– А Стеван? Он с ним заодно?

– Нет, конечно. – Лазарь посмотрел на ночное весеннее небо, усеянное звездами. – Горан не из тех, кто будет делиться.

– А теперь что мы делать будем? Назад пойдем? – спросила Сенка.

– То, что и хотели, – пожал плечами Лазарь. – В тот дальний вертолет что-то грузят, и слышна албанская речь. Разведаем.

– А с этим что? – Савко кивнул на будто притаившийся поблизости вертолет.

– Ничего.

– А с Гораном? – поинтересовалась Сенка.

– И с ним ничего не сделаем, – присел на одно колено командир. – Во всяком случае, пока. Понаблюдаем. Посмотрим, кто на него вышел, кто купил. Кто убьет за невыполнение заказа, посмотрим.

– Милош, ты уверен? – вступил в разговор Сава, который все же слышал разговор. Видно было, что он никак не ожидал предательства от того, кого считал другом.

Лазарь кивнул.

– Почему... – покачал мужчина головой. – Как он мог так поступить?.. После всего, через что мы прошли...

– Именно поэтому и смог, Сава, – положил руку ему на плечо Лазарь. – Не все смогли пройти испытание войной. Тебе ли не знать.

В эфире снова пошел треск и послышалось чье-то прерывистое дыхание. Сенка и Сава подумали, что это на их волне, но звук шел по следующей – одной из волн лагеря «Бондстил». Милош замер на месте, будто этот звук ему что-то напомнил.

– Милош? – девушка коснулась его плеча. – Все в порядке?

Но он молчал и вслушивался в звуки, идущие из рации. Сава тоже напрягся, глядя на рацию в руках командира.

– Это ведь не то, что я думаю? – спросил Савко.

– Ау, «Бондстил», – появился новый голос в эфире, говоривший на английским с американским акцентом, – всех, кому не спится этой ночью, приглашаем на нулевой уровень. Сегодня в меню много крови. Прием.

– Что это за канал? – спросил Сава, подползая к Милошу. – Разве мы не должны слышать только основные переговоры?

– ...Стеван пошел дальше, – покачал головой Лазарь. – Он настроил нам и скрытые каналы.

– Подключись к полицейской волне, – попросил новый голос на ломаном английском, – дай им послушать, пусть вспомнят, как это было.

– ...Твари, – прошипел Милош.

– Они тут что, пленных держат? – спросила девушка. – Может, тут и тюрьма имеется?

– Похоже на то, – согласился Сава. – Причем еще и с пытками. Думаю, такого будет вполне достаточно, чтобы взорвать общественность. – Он вяло улыбнулся.

– Выходит, тут не такой уж пионерлагерь, как мы все думали. – Лазарь ударил кулаком по земле. Потом посмотрел на часы. До обозначенного контактом времени оставалось двадцать минут. – Нужно отыскать этот нулевой уровень.

– Я пойду, – вызвалась Сенка. – А вы пока разберитесь с грузом.

– Есть идеи, где это? – спорить с ней Лазарь не собирался, понимал, что она пойдет все равно.

– Нет, – мотнула она головой. – Похожу, поищу. Тебе будет спокойней. Я вполне сойду за свою, – она указала на нашивки на рукаве, – все-таки не зря мы запаслись американской формой. А ты еще спрашивал, зачем... – она улыбнулась.

– В четыре утра за периметром, где условились, – сказал командир. – Павлович что-то долго идет.

– Горан, прием, – вызвала его Сенка, пряча свою только что появившуюся неприязнь как можно глубже.

– Я почти на месте, сто метров, и с вами. Прием.

– Поняли тебя. Ждем.

Спустя три минуты Горан нырнул в старый окоп.

– А вот и я! – улыбнулся он. – С ключами. – Он потряс связкой автомобильных ключей в воздухе. – Что тут у нас?

– Почему Стеван не отвечает? – поинтересовалась Сенка.

– ...Стеван... – Павлович сделал многозначительную паузу, привлекая внимание. – Он предал нас, – услышала группа.

– Что ты такое городишь? – переспросила девушка.

– Когда я вошел в дом, он говорил по телефону по громкой связи с каким-то албанцем. Он обсуждал с ним нас, куда мы идем. Тот обещал ему денег за твою голову. – Он указал пальцем на Милоша.

– Что за албанец? Имя слышал, может быть? Голос не узнал?

– Знакомый, но не узнал, – с готовностью ответил мужчина. – Думаю, кто-то из Османи.

– Странно, что ты не узнал, – сквозь зубы заметил Савко. – Ты же их всех знаешь.

– Не Тачи, точно, – улыбнулся тот.

– Что со Стеваном? – спросила Сенка.

– ...Мертв.

– Убивать-то зачем было? – возмутилась она. – Он мог бы рассказать что-то полезное...

– Все полезное у него в компьютере и в телефоне. Вернемся – проштудируем его переписку. Может, там и Тачи с Рашимом у него найдутся в друзьях. – Горан посмотрел на часы. – Пора бы начинать.

– Да, – согласился Милош. – Только план немного изменился.

– В смысле? – все трое заметили, как спал с лица Павлович, но все сделали вид, что не заметили.

– Ты, Сава и я пойдем к тому вертолету. У нас появились подозрения, что твой контакт ведет нас в ловушку.

– Да, Горан, – ухмыльнулся Савко, – кажется, теперь тебе будем припоминать нового албанца.

– Сенка пойдет отдельно от нас. У нее новое поручение.

– Я чего-то не знаю? – удивленно посмотрел на друзей Павлович.

– Одной вылазкой убьем двух зайцев, – пожал плечами Лазарь. – Больше материала для твоих Викиликс, разве нет?

– Так-то да, – согласился он, почесывая в затылке. Издалека донесся шум вертолета.

– Начинаем, – скомандовал Лазарь. Группа разошлась по своим маршрутам.

Горан посмотрел на первоначальный объект и тихо выругался. Настроение было на нуле, и он все перебирал в голове возможности вернуть все на круги своя. Его внимание привлек тающий вдалеке силуэт Сенки. Она двигалась быстро и практически незаметно. В голове Павловича стал постепенно вырисовываться новый план.

Часы показывали ровно 3.43, когда грузовой вертолет приземлился на базе «Бондстил». Как и было задумано, пилот и четыре человека охраны с одной собакой покинули судно и направились к группе

«скучающих грузчиков». Охранники все поглядывали на поле, ожидая увидеть там обещанную цель, но пока все было тихо. В 3.50 пилот отправил короткое сообщение кому-то. В 3.51 Горан почувствовал вибрацию во внутреннем кармане – пришло СМС. Он наполовину вытащил телефон из кармана и глянул на текст: «У тебя девять минут». Павлович выругался про себя и посмотрел вперед. Милош и Сава уже подобрались к вертолету. Погрузка была почти завершена, из ангара везли последнюю партию. Милош тенью проскользнул внутрь машины. Пилот ничего не заметил, да и охраны не было. На борту было два вида контейнеров. Вокруг первых было много песка, и на деревянных ящиках были надписи на турецком. Вторые загружали прямо здесь. Лазарь вскрыл один маленький контейнер из старого груза. Внутри аккуратными рядами были сложены целлофановые пакетики с белым порошком. Милош поморщился от того, сколь велико было количество опиума в этом чертовом вертолете. Вскрыл он ящик из нового груза – боеприпасы.

– Ну, это нормально, – прошептал он. – Осталось выяснить, для кого все это...

Он быстрыми движениями начал прикреплять маячки слежения – миниатюрные прозрачные пластиковые круги с микросхемой внутри – на некоторые ящики. Заметить все их сразу мало кому удастся. Началась погрузка последней партии груза, Лазарь осторожно выбрался наружу через боковую приоткрытую дверь. К вертолету направлялись два человека – один в форме, другой гражданский. Благо, вокруг было много разных ящиков и коробок, за которыми можно было спрятаться. Сава, согласно приказу, отошел на безопасное расстояние и проверил работу маячков. Затем подал короткий синий сигнал лазерной указкой Милошу, что все в порядке. Двое мужчин подошли к вертолету. Гражданский был явно не американцем, он плохо говорил по-английски. Его голос показался командиру знакомым, но разглядеть лицо не представлялось возможным. Он вслушивался в диалог, но понимал немного.

– В Турции все прошло без происшествий, будем надеяться, что отгрузка пройдет в штатном режиме, – с деловым видом сказал гражданский, явно албанец.

– Наше дело доставить груз, обеспечение безопасности груза – ваша задача. Я отвечаю только за вертолет и своего напарника.

– Понял-понял.

– За остальное мне не платят. – Американец плюнул в сторону.

– И что, даже неинтересно, что там внутри и зачем?

– Я похож на идиота? – Он достал из кармана брюк пачку жвачки и забросил в рот две синие подушечки. – Думаешь, мы все тут такие

тупые и не знаем, что возим? Наркоту мы возим. А знаешь зачем? Из-за денег. 2400 баксов за месяц службы мне ой как не хватает. Нашему правительству плевать на нас, отправили и забыли, а у нас каждый тут по уши в кредитах.

– Расслабься, – примирительно поднял руки албанец. – Я нисколько не осуждаю. Я, как и ты, делаю деньги.

– Вся эта база как огромный денежный насос, я тебе скажу. Правда, на каждом уровне по-своему доят людей. Высшие чины на стадии бюджета, средние на перепродажах оружия и боеприпасов, а остальные как умеют. И скажу тебе честно – внизу мы имеем больше денег, чем те наверху. – Он указал пальцем в небо.

– Риск оправдан, – кивнул мужчина, – не спорю.

В это время погрузка последней партии завершилась.

– Меня просили передать твоему боссу, что вариант с химическим оружием обсуждается, но ответа пока не дадут. Разработка только ведется, не было тестирования.

– Передай им, что мы всегда готовы помочь протестировать. Благо подопытных хватает. – Он улыбнулся.

– Нам пора, – посмотрел на часы военный. – Бывай!

– Хорошего полета.

Американец сел в вертолет на место второго пилота. Люк судна стал медленно закрываться. Пока винт не спеша раскручивался, Милош отошел дальше, скрылся в высокой траве и направился по-пластунски к Савко.

– Где Горан?

– Потерял его из виду, когда ты был в кабине.

– Плохо. От Сенки есть что-то?

Сава мотнул головой.

– Вызови Павловича, и двигаемся к нашему выходу.

– Горан, мать твою, где тебя черти носят? Прием, – раздраженно спросил Савко, пригибаясь и следуя за Милошем.

– Я у первого вертолета, проверяю, что за груз, – с готовностью ответил Павлович.

– Мы уходим, давай к выходу.

– Я догоню. Конец связи.

– Догонит он, – фыркнул Сава. – Как бы я тебя не догнал.

Спустя десять минут двое покинули территорию лагеря и спустились в пролесок, туда, где и должны были встретиться с Сенкой и Гораном. Сава сел на землю, покопавшись в рюкзаке, отыскал пачку сигарет и закурил.

Тем временем Сенка под покровом ночи, огибая фонари и столбы с камерами слежения, обходила лагерь в поисках нулевого уровня.

Долго ей искать не пришлось, дойдя до жилых бараков, она увидела небольшую группу солдат, шедших в нужную сторону. Судя по их обсуждению – они шли смотреть какое-то шоу. Девушка, оставаясь незамеченной, следовала за ними. Сенка обратила внимание, что местами на земле были заметны бетонные блоки, служившие явно не фундаментом, а стенами чему-то внизу, под землей. Группа прошла мимо турецких жилых бараков и поднялась в один из следующих. Флага никакого рядом не было, но внутри виднелась лестница, ведущая вниз. Дождавшись, когда военные спустятся, девушка осторожно проследовала за ними. Внизу горел свет, и доносились голоса людей явно навеселе. В подземном бункере, который строился как бомбоубежище, было прохладно и сыро. Запахи пота и табака уже давно смешались воедино. Правда, был тут и еще один запах с привкусом железа. Сенка ступила на бетонный пол и прошла за спины веселящихся солдат. Люди сидели на пластиковых стульях, некоторые стояли. Все их взоры были устремлены на нечто напоминавшее сцену. На ней шутил и забавлял толпу какой-то молодой парень. Девушка замерла на месте, разглядывая происходящее на сцене. На ней была полуобнаженная девушка, явно местная, на вид лет двадцати, с изрезанными руками и ногами. На ее лице не было никаких эмоций, глаза молили лишь о быстрой смерти. От ее ноги к бетонному столбу-опоре тянулась веревка. Парни из зала выкрикивали какие-то цифры. Будто на аукционе. На лицах этих солдат на скамейке запасных была только звериная жестокость и озлобленность. Среди этих зверей были и женщины. Тут не пахло алкоголем, разве что безалкогольным пивом. Сенка отступила к стене, пытаясь взять себя в руки. Желание перебить всех зверей было слишком сильно, и рука сама тянулась к оружию. Внезапно торги закончились, и один из американских солдат направился за трофеем на сцену. Отвязав от столба, он буквально потащил девушку за сцену. За ними захлопнулась дверь.

– Что ж, дамы и господа, больше нам наши друзья из числа местного населения не предоставили живого товара для увеселений. – Зал взорвался негодованием, толпа требовала крови, их айфоны были наготове – такой кадр наберет сотни лайков на любом сайте на просторах дипвеб[3]. – Ну что вы, что вы, мы помним, что обещали вам! – По залу снова прошелся довольный гул.

– Вытаскивай преступников! Тащи их! – раздалось из толпы. Только сейчас Сенка разглядела всю колоритную публику, среди которой

[3] От англ. deep web – глубокая паутина, скрытая от поисковых роботов часть интернета.

были и гражданские. Верней, новые местные жители, испытывающие острую неприязнь к людям другой веры и другой культуры.

– Для самых терпеливых наша еженедельная рубрика, – представлял новую часть шоу ведущий, – правосудие в своей истинной форме! Мы готовы вынести свой вердикт? – срывал голос военный.

– Да-а! – вторила ему толпа обезумевших обезьян. Именно такими они виделись Сенке.

– Тогда встречайте наших обвиняемых!

Трое гражданских вывели на сцену двух мужчин. Одного пленного вывели под руки – он не мог уже идти сам. Второй еще держался на ногах. Их подвели к бетонным колоннам и привязали к ним. «Обвиняемые» были в сознании, несмотря на сильные побои, они все еще понимали, где и среди кого находятся.

Сенка посмотрела по сторонам в поисках хоть чего-нибудь, чтобы прекратить это подпольное безумие. Внимание привлекли лишь датчики дыма. Пожарных красных кнопок она не заметила. Оставался пустяк – устроить в бункере небольшой пожар. Девушка протиснулась поближе к сцене. Окинув взглядом собравшихся, она выбрала молодого парня лет двадцати пяти. На его лице было столько ненависти к заключенным, что Обилич не могла пройти мимо. Она встала рядом с ним, он даже улыбнулся ей, осмотрев с ног до головы.

– Эй! Привет! – почти крикнул он ей на ухо. – Новенькая, да?

Сенка кивнула.

– Поначалу тут непривычно, но тебе понравится. Смотри, сейчас самое интересное будет! – он указал пальцем на сцену.

– Итак, давайте же узнаем, с кем имеем дело! – восклицал ведущий шоу. – Объект под номером один... – Он подошел к мужчине, который не мог стоять на ногах. Его привязали так, что он с трудом мог дышать, голова была опущена.

Ведущий взял его за волосы и поднял голову так, чтобы все могли видеть изуродованное лицо человека. Только сейчас все присутствующие увидели, что у мужчины выколоты глаза.

– Да-да, мои дорогие, его уже неплохо наказали. За что, вы спрашиваете? Читаем. – Он посмотрел на листок бумаги, приколотый к телу несчастного. – Да у нас тут лазутчик! Перед вами Безим Андони, его к нам перевели из Приштины. Этот человек готовил бунт против Республики Косово! Подговаривал жителей города... да что там! Он готовил покушение на Хашима Тачи! И при всем этом – он албанец! Хотел предать свой народ! Каков подлец!

– Убить его надо! – крикнул кто-то из толпы.

– Но тут написано: «перед смертью помучить». Глаза его вырвали, дабы не мог больше вести своих убийц, а что сделаем мы? Как всегда, голосуем за три варианта.

По залу пошло шушуканье, и все стали передавать какие-то бумажки на сцену.

– Тут все просто, – обратился к Сенке военный, – на бумажке ставишь цифру и передаешь.

– А разница?

– За каждой цифрой какая-то пытка. – Лицо парня озарила улыбка прирожденного садиста.

– Я – пас, – мотнула головой девушка.

Наконец голосование было закончено. Ведущий честно пересчитал все бумажки.

– Да у нас тут абсолютное единодушие! – воскликнул он. – Все выбрали цифру один! А это значит – белая смерть. Раз он ничего не видит, то сыграем на его чувствах – он ощутит свои глаза всем телом!

Толпа снова зашепталась в предвкушении. Сенка достала из кармана штанов зажигалку. И пока сжала ее в кулаке.

Ведущий же откуда-то достал мешок с каким-то белым порошком.

– О да... – причмокивая, сказал американец, стоявший рядом с Сенкой. Девушка, с трудом скрывая эмоции, посмотрела на сцену. – ...Соль, да, детка! – люди свистели и искренне радовались.

Ведущий снова подошел к несчастному, схватил его за волосы и задрал его голову. Он загреб горсть соли из мешка и начал сыпать ему в зияющие свежие раны. Безим начал дергаться, изо всех сил пытался вырваться из его рук, но сил почти не оставалось. Все, что он мог, – это хрипеть и стонать, голос давно сел. Засыпав солью и вторую глазницу, ведущий отпустил голову албанца. Тот тряс головой, пытаясь вытряхнуть соль из ран, но все было тщетно. Толпа животных в форме смаковала каждый момент, от вспышек можно было ослепнуть.

Ведущий достал из нагрудного кармана мобильный телефон и показал его публике – та засвистела, они знали, что будет дальше. С режима фото они переключились в видео. Садист на сцене присел на одно колено рядом с Безимом.

– Ну-ка, скажи-ка нам номер твоего домашнего телефона. Позвоним твоей женушке... – Сенка не понимала почему, но албанец прошептал ему несколько цифр. Тот сразу же их набрал. Дальше включил громкую связь.

– Не бери трубку... – прошептала Сенка. – Не бери...

Спустя несколько гудков к телефону подошла женщина, в ее голосе была тревога. Дальше та женщина слышала лишь хрип и тяжелое дыхание своего мужа. Непостижимым образом она узнала его, Сенка

даже отсюда могла слышать, как слезы катятся по щекам женщины. Он прошептал что-то короткое и бессвязное, на что она ответила ему: «Всегда». Ведущему, видимо, стало скучно, и он приставил к голове албанца пистолет. Не убирая телефона, он выстрелил ему в голову.

– Вот и все, дорогуша, – сказал он в телефон, – ты официально вдова.

Зал взорвался хохотом.

Ведущий под одобрительные возгласы направился ко второму мужчине. Сенка присела на одно колено, будто завязывая шнурки. Никому до нее не было дела, никто даже не смотрел вниз. Она чиркала зажигалкой, а та все не хотела работать. Тем временем на сцене продолжились издевательства над вторым мужчиной. Сенка слышала лишь глухие удары какого-то предмета по телу человека.

– И вот это, дамы и господа, и есть настоящий бейсбол! – веселился мужчина. – Покажем отцу повстанца, что такое хорошее воспитание!

Тем временем на поверхности

Горан подкрался к первоначальному объекту – к группе у ящиков. В этот момент в кармане завибрировал телефон – пришло сообщение. Поморщившись, он вытащил мобильник и посмотрел на экран: «Терпение не будет бесконечным». Павлович закрыл глаза на миг и потом набрал номер отправителя.

– Все пошло не по плану, – прошептал Горан.

– А у тебя не было запасного плана? – с усмешкой спросил на албанском мужчина.

– Появился.

– Слушаю.

– У него есть слабость, на которой можно сыграть.

– И что за слабость? Неужели женщина?

– ...Да, – поразмыслив с пару секунд, ответил Горан. – И она пошла на это задание с ним.

– Хех, хорошо же он скрывал свою личную жизнь, что мы этого не знали. Может, тебе стоит пожить подольше, и мы узнаем что-нибудь еще. Что за план?

– Милош покинул базу, но она все еще где-то тут. Уходить она будет так же, как и пришла. Там вы ее сможете взять, а я вернусь к группе, чтобы у него не было подозрений.

– Ты глупый, Горан, но за наводку спасибо.

– Если оставить людей у вертолета, то не пропустите.

– Хорошо.

– Не убивай Дару...

– Я подумаю. – Мужчина повесил трубку.

Спустя несколько секунд на один из телефонов группы поступил звонок. После недолгого разговора люди начали рассредотачиваться по территории. Один с собакой направился в сторону выхода.

Горан трусцой направился к аккуратно вырезанной в заборе дырке. Он быстро выбрался за периметр базы. За деревьями стояла припрятанная машина, но ни Милоша, ни Савы рядом не было. Павлович направился ко второму месту встречи. Он с трудом нашел нужную тропинку.

– Где тебя черти носили?! – тихо спросил Савко, спрыгивая с дерева.

– Я проверял второй вертолет.

– И как прошла проверка? – поинтересовался появившийся будто из ниоткуда Милош. – Что-то интересное?

– Нет, пусто, – мотнул головой Горан. – Почему вы не ждали у машины?

– Потому что кое-кто с ключами делал бесполезную работу, – фыркнул Сава.

– Где Сенка? – огляделся по сторонам Павлович.

– Скоро придет, – ответил Лазарь.

– Вдруг что-то случилось, – с наигранным беспокойством заметил Горан.

– До того, как мы начнем волноваться, остается пятнадцать минут, – сказал Сава, садясь на землю и вытягивая ноги.

– Ну, ясно... – Горан сел рядом.

Снова в бункере

Наконец Сенке удалось поджечь одежду парочки зевак. Незаметно для всех она быстро перешла на противоположную сторону зала, встала у стены. Не прошло и минуты, как одежда троих гостей загорелась. Сработали датчики дыма, затем сирена, но это все было лишнее – паника брала свое. От неожиданности люди начали кричать и ломиться к узкой лестнице наверх. Ведущий пытался как-то успокоить людей, но катающийся по полу солдат не добавлял оптимизма. Сенка не без удовольствия смотрела на то, как никто ему не помогает. Садист спрыгнул со сцены и направился к парню, начал пытаться руками тушить огонь. Обилич подошла к сцене и взяла с пола пистолет ведущего. Перезарядила. На глаза попалась окровавленная бейсболь-

ная бита, девушка посмотрела на избитого мужчину, истекающего кровью. Убрав пистолет за пояс, она взяла биту и направилась к ведущему. Крутанув ее в руках, она остановилась в метре от него.

– Вот что такое бейсбол, – сказала она ему по-английски и, прежде чем он успел обернуться, со всего размаху ударила его по голове. Ведущий отлетел на добрых три метра. В черепе была весьма заметная вмятина. Его тело стали бить конвульсии. Сенка перевела взгляд на обгоревшего, в шоке смотрящего на нее. – Поставишь лайк? – она хмыкнула и достала из-за пояса чужой пистолет, наставила его на солдата. В его глазах был только ужас и страх, не было места раскаянию. Обилич не глядя выпустила в него две пули и бросила пистолет на пол.

Сенка забралась на сцену, подошла к захлебывающемуся мужчине и помогла ему сесть. По беглому осмотру она поняла, что жить ему осталось считаные минуты. Она быстро его развязала. Будь он лет на двадцать моложе, возможно бы, и выжил, но не сегодня.

– Как тебя зовут? – спросила девушка, держа голову мужчины двумя руками и смотря в его заплывшие глаза.

– ...Никола Йованович... – прошептал он, и Сенка вздрогнула.

– Я из «Фери»[4]. У тебя есть семья? Мы сможем о ней позаботиться.

– «Фери»... мой сын Стеван – он у вас...

– Да, – кивнула девушка.

– Хорошо... у меня есть дочка, осталась одна совсем. Позаботьтесь о ней.

– Обязательно.

– А Стеван, Стеван все делает правильно ли?

– Да, – сквозь слезы улыбнулась Сенка. – Таких умных программистов у нас больше нет, он настоящий гений.

– А я его всегда так ругал за сидение перед компьютером... спасибо. Передай ему, что горжусь им, а то я ему этого так никогда и не сказал.

Но мужчина не дождался ответа, он сделал свой последний вдох и умер. Обилич положила погибшего на пол и осмотрела зал. Выходить через главный вход было не лучшей идеей. Тут она вспомнила, как кто-то утащил девушку за сцену. Сенка направилась туда. Железная сейфовая дверь была не закрыта изнутри. Девушка открыла ее и вошла внутрь. В слабом свете фонаря она разглядела в одном из углов камеры того самого мужчину, что уволок пленницу со сцены. Он стоял, голый по пояс, над своей жертвой, которая жалобно плакала и просила ее отпустить. Сенка поморщилась и достала свой пистолет из кобуры. Сняла его с предохранителя и без каких-либо слов напутствий выстрелила в спину очередному помешанному. Девушка, прикованная к полу, вскрикнула, когда бугай завалился на спину с застывшими в удивлении глазами. Сенка подошла к убитому, пнула его тело и, наклонившись, пошарила по его карманам в поисках ключа.

[4] Справедливые (серб.).

– Кто ты? – прошептала напуганная девушка.

Обилич посмотрела на нее. «Господи, да ей лет шестнадцать», – подумала она.

– Готова к бегу по пересеченной местности? – спросила Сенка, сняв чуть ли не средневековые оковы с девушки. – Идти сможешь? Как тебя зовут?

– Милена. Мы не пройдем поверху, – потирая ноги и ежась от холода, сказала Милена.

– Есть другие идеи?

– Этот коридор, – Милена кивнула в сторону длинного темного коридора, – ведет куда-то на улицу. Меня провели через него.

– Ну пойдем. Опирайся на меня, дотащу как-нибудь.

Сенка помогла ей подняться, и Милена буквально повисла на ней. Ноги девушки едва слушались. Обилич слышала нарастающий наверху шум, вот-вот в бункер придут проверяющие или еще кто-нибудь. Как-никак, преступники всегда возвращаются на место преступления. Только в этот раз их ждет большой и кровавый сюрприз.

Освещения в коридоре практически не было, слабый свет просачивался через плотные решетки. Сенка посмотрела далеко вперед – до самого конца идти не стоило. В трехстах метрах была какая-то лестница, которая вела наверх.

– Давай-ка поторопимся, – предложила Обилич.

– Оставь меня, – прошептала Милена, – не могу больше идти...

– А мне плевать, что ты не можешь, – огрызнулась девушка, продолжая тащить бывшую пленницу.

– Я не смогу подняться по лестнице, как ты не понимаешь?..

– И на это мне плевать. – Сенка глянула через плечо назад – пока тихо, только ветер доносил отдельные фразы с чертыханиями из зала с «сюрпризом». Добравшись до лестницы, Обилич глянула вверх: карабкаться невысоко, но будет тяжело.

– Ты посиди тут, открою люк и проверю обстановку. – Она помогла Милене сесть поудобней.

Дальше она ловко взобралась наверх и как можно тише прокрутила вентиль – люк открылся. Подняв крышку, она глянула по сторонам – никого вокруг. Да и выход идеально расположен – до забора рукой подать. Только начавшийся сильный дождь не улучшал обстановки. Сенка спустилась вниз и подняла Милену на ноги.

– Сейчас я тебя подтолкну, а ты заберешься настолько высоко, насколько сможешь. Потом я тебя вытяну.

– Ничего не получится, – мотнула головой девушка. – У меня сил не хватит удержаться.

– Потерпишь, – нахмурилась Обилич. – Полезла.

Она подсадила Милену, и та, кое-как цепляясь, стала карабкаться наверх.

– Замри так, – скомандовала она и сама полезла следом.

После хитрых телодвижений Сенке удалось выбраться наверх, и она стала вытягивать наружу Милену. Та сопела и то и дело ойкала не то от страха, не то от боли. Выбравшись на поверхность, Обилич закрыла люк и осмотрелась по сторонам. Все было чисто. Какие-то люди суетились у вертолетных площадок. До выхода нужно было пройти всего триста-четыреста метров.

– Так, пошли дальше, моя хорошая. Приключение еще не окончилось.

Сенка помогла ей подняться и, придерживая рукой, потащила девушку дальше. Ее ноги чуть ли не волочились по земле, силы Милены были на исходе. Вдруг Сенке показалось, что она слышит что-то недалеко за спиной, будто собачье дыхание.

– Только этого еще не хватало... – прошептала девушка. – Знаю, ты не можешь, но бежим...

– Что там? – Милена стала пытаться оглянуться. – О нет... за нами идет кто-то.

– Бежим, – сквозь зубы процедила Сенка, доставая из кобуры пистолет.

– У меня тут две женщины! – передавал по рации преследователь. – Сюда, быстро!!!

Они кое-как пересекли дорогу, добежали до дырки в заборе и перелезли через нее. Теперь оставалось добежать до места встречи с группой, а вот это было сложнее. Тем более по размытой тропинке и по колено в грязи. Погоня стала очевидной – за ними гнался человек, а впереди него бежала его собака, явно не настроенная на поиграть.

– Не оглядываемся и бежим!

Не успели они и шагу ступить по размытой дороге, как Милена поскользнулась и упала на землю. Сенка помогла ей встать.

– Беги прямо!

Девушка, прихрамывая, направилась в сторону леса, казавшегося сейчас спасением. Она не видела, как ее спасительница стояла под дождем и всматривалась в темноту, но зато она отчетливо слышала рычание крупного пса. Потом было два выстрела, и собака, издав жалобный звук, упала на землю, в грязь. Гнавшийся за ними человек отступать не собирался, он что-то кричал в рацию. Он несколько раз выстрелил вслед убегающим.

Бежать по лужам и грязи было невероятно тяжело. Тропинка вывела их на резкий поворот, Милена не смогла устоять на ногах и на полной скорости скатилась во что-то похожее на окоп. Сенка хотела перепрыгнуть через внезапно образовавшееся препятствие. Милена вскрикнула, когда из-за высоких кустов к ним навстречу вышли трое мужчин. Именно в этот момент мимо нее пролетели три пули и вонзились в ствол дерева.

Один из мужчин, молнией метнувшийся вперед, умудрился поймать Сенку и тут же повернулся спиной к стрелявшему, прикрывая собой девушку. Преследующий замер на месте и только хотел прицелиться, как Савко выстрелил в него первым. Пуля вошла аккурат между глаз.

– Ты не ранена, а, Цветочек? – шепотом спросил Милош. Она молча мотнула головой, пытаясь перевести дыхание. – Уходим отсюда, пока не пришли остальные.

Обилич попыталась улыбнуться, но получилось не очень.

– Кто твоя подружка? – спросил Савко с улыбкой, накидывая на плечи Милены свою куртку.

– ...Милена Маркович, – прошептала напуганная девушка.

– Ух ты, она еще и разговаривает! – улыбнулся великан. – Не бойся, мы – хорошие.

– Я и не боюсь... – соврала девушка.

– Уходим, ребята! И быстро! – скомандовал Лазарь.

Группа направилась в сторону своей временной базы. Сава взял Милену на руки, иначе бы идти пришлось долго. Горан шел позади всех.

– Эй, Горан! – окликнул его Сава. – Я сочинил стишок. Хочешь послушать?

– Нет, – буркнул Павлович.

– И тем не менее. – Савко откашлялся довольно артистично. – Итак. Покров спадет, падут оковы, обнажатся тайны, и это все не ново. Скоро будет жарко, Горан... – Он сделал паузу. – По-моему, класс! – он широко улыбнулся. Сенка про себя повторила нехитрый стишок Савы и сама не заметила, как запомнила его навсегда.

глава X

Понедельник наступил быстро и даже внезапно, не давая достаточно времени к нему подготовиться. В это утро Мария проснулась позже обычного. За окном стеной шел снег, и не было никакого желания выбираться из-под теплого одеяла. Она окинула быстрым взглядом белый потолок, затем, шумно выдохнув, села на кровати. На прикроватной тумбочке лежало письмо от Милоша. Мария снова взяла его в руки и пробежалась по тексту глазами.

– Надеюсь, меня убьют раньше, чем я зайду слишком далеко, – прошептала она и натянуто улыбнулась чему-то. – Настолько, что не смогу остановиться...

Не спеша она стала собираться на вторую встречу с бароном Ротшильдом. Приготовив себе нехитрый завтрак из яичницы и бутерброда с ветчиной, она просматривала на компьютере последние сводки новостей. Вдруг зазвонил мобильный телефон, на табло высветился номер доктора Зева. Лазарь взяла трубку.

– Доброе утро, моя дорогая! – Гэбриэл был в отличном расположении духа, судя по голосу, весел и бодр. – У меня есть хорошая для тебя новость! Интересно?

– Сгораю от любопытства, – проговорила Мария, кусая бутерброд и закатывая глаза.

– У меня есть все основания повысить тебе зарплату! На счет моей скромной фирмы только что поступила плата за услуги. На месяц вперед! – буквально задыхался от радости Зев.

– От Ротшильда, я полагаю?

– Именно! Его секретарь внес плату за два еженедельных сеанса.

– Речь шла об одном. – Наконец Мария доела завтрак.

– Передо мной лежит распечатка с комментарием, и тут черным по белому написано «два». Тебе что, не хочется продвинуться по карьерной лестнице? Ты хотя бы представляешь, какой это успех для такого молодого специалиста, как ты?

– Гэбриэл, – перебила его девушка, – все это замечательно, но я не вижу причин проводить два сеанса в неделю, потому что его случай не тяжелый и не требует такого глубокого вмешательства.

– Ну, моя дорогая, ты прекрасно знаешь, что где решается одна проблема – начинается другая. И даже барон не будет исключением. Работай на отлично... я хочу, чтобы и его друзья к нам обращались.

– Зачем?

– Напишу потом мемуары, как у меня лечились великие... – мечтательно ответил Зев.

– Ясно. Это все?

– Загляни в офис сегодня после сеанса. Тут кипа карточек, которые ждут не дождутся, пока ты с ними разберешься. – Тон Гэбриэла изменился, ему явно не понравилось отсутствие энтузиазма у Лазарь.

– Буду. – Девушка повесила трубку и отложила телефон в сторону.

На часах была половина одиннадцатого, когда Мария вышла из дома и спустилась в метро. В такой снегопад добираться до центра города наземным транспортом было рискованно.

Без пятнадцати двенадцать Лазарь свернула на нужную улицу и направилась к дому из красного кирпича. У первого же здания рядом с дверью с громким названием «Читальный зал христианской науки» стоял пожилой афроамериканец, одетый, казалось, во всю имеющуюся у него одежду, и кричал осипшим голосом всем проходящим мимо о предстоящем конце света. Очередном. Мария хмыкнула, проходя мимо него, но потом вдруг остановилась и посмотрела на старика с нескрываемым любопытством. Тот, поймав на себе ее взгляд, вдруг замолчал. Потом он огляделся по сторонам, глубже укутался в бесчисленные кофты и, подышав на руки в рваных перчатках, направился к девушке.

– Ты мне веришь? – спросил он, заглядывая ей в глаза. – Знаешь, почему я говорю об этом только тут и только по понедельникам? – заговорщическим шепотом спросил он. Девушка мотнула головой. – Потом что каждый понедельник я жду, когда мимо меня пройдет тень... – он стал быстро озираться по сторонам, – в этих книгах там, – он указал на дверь, – так много пишут про скользящую тень. Я читал, что тень пройдет мимо меня и зайдет в красный дом, и вот тогда... тогда до конца света останется совсем чуть...

– Удачи... – улыбнулась Мария и направилась по нужному адресу. Бродяга стоял на дороге и смотрел ей вслед, не обращая внимания на сигналящую ему машину. Он видел, как незнакомка подошла к калитке и позвонила в дверь – ей открыли, и она зашла внутрь. Старик подбежал к калитке и увидел, как девушка поднимается по ступенькам и заходит в дом. Он посмотрел на свои ноги, и ему показалось, что он видит тень, ухмыляющуюся ему.

– Тень пришла... – прошептал он. – Тень! – закричал он. – Конец света грядет! – продолжал он кричать, убегая прочь с этой улицы.

На пороге Марию снова встретил Вук. Сегодня Бранкович был явно не в духе и даже не стал с девушкой разговаривать или задавать каверзные вопросы. Он прошел в гостиную и, сев в кресло, начал потирать виски – у бедняги раскалывалась голова. Дворецкий помог девушке снять пальто, а потом пригласил подняться наверх, где ее уже ожидал весьма любопытный пациент. Когда Лазарь вошла в кабинет Натаниэля, тот стоял у нового предмета интерьера – высокой каменной подставки в виде колонны. На ней под стеклом было что-то помещено, что-то вызывающее нескрываемое любопытство барона.

– Добрый день, Натаниэль. – Мария стояла у двери, ожидая приглашения пройти.

– Здравствуй, Мария! Рад видеть тебя снова. – Он посмотрел на нее через плечо. – Не испугалась прийти.

– И я рада вас видеть.

– Хм-м, – он повернулся к ней, загораживая какой-то экспонат, осмотрел ее с ног до головы, – странно. Ты говоришь искренне. В старости я умею это видеть. Похвально, мисс Лазарь.

– Готовы поработать? – как можно дружелюбней спросила Мария.

– Конечно! Но сначала позволь показать тебе кое-что. Ты это уже видела на вечере памяти, но не так близко. Подойди сюда.

Мария подошла к нему и посмотрела на новый экспонат. Она увидела полузакрытые глаза Лазаря, и по ее спине пробежал холодок.

– Удивительная сохранность, не правда ли? – спросил, улыбаясь, Ротшильд. Мария молча кивнула, а старик положил руки по обеим сторонам стеклянного ящика. – Югославы верят, что она способна вернуть мир в их земли. – Он ухмылялся, глядя на нетленную голову царя. – Только представь себе... их мечта о мире, их вечный сон о покое в моих руках... – он перешел почти на шепот, – я как бог сейчас...

Девушка молча смотрела и слушала.

– Знаешь, что погубило его?

– В каком смысле «что»?

– Он доверял слишком многим, а на деле не должен был доверять никому. – Барон подошел к окну и сел в высокое кресло рядом с ним.

– Есть чему поучиться... – тихо проговорила девушка и села в кресло напротив старика. Он с удивлением смотрел на нее, даже с любопытством.

– Никому не доверять трудно, это чуждо человеческой природе.

– Разве пресловутая свобода воли не позволяет человеку этого?

– Хм, – Натаниэль медленно почесал щеку указательным пальцем, продолжая с нескрываемым интересом смотреть на дочку Бенедикта, – тогда как, ты думаешь, выживает человек? Если не сбиваясь в группы по интересам, так скажем?

– У каждого свой интерес, – пожала она плечами. – Придет время, и каждый будет действовать согласно ему. А до той поры, – она устремила свой взгляд в окно, – можно идти и с группой по одной дороге.

– Рассуждаешь как мой отец. Он, поверь мне, знал толк в людях.

– Благодарю за такой комплимент. – Девушка слегка наклонила голову в знак уважения.

– ...Мило. – Барон откашлялся. – Ты совсем не похожа на своих сверстниц. Не думал, что Бенедикт воспитывал своих детей в таких жестких нормах и правилах... Похвально. – Он закинул ногу на ногу. – Я знаю, что ты уже расписала все сеансы и тому подобное, но у меня после разговора с тобой появилась одна идея.

– Слушаю вас.

– Я человек, достигший в этом мире многого. В понимании простолюдина – у меня есть все, что нужно для абсолютного счастья. И я не могу с этим не согласиться. Только вот перед сном, – он посмотрел Марии в глаза, – не подумай, сплю я как младенец, – меня одолевают разные мысли, мешающие чувству абсолютного счастья. Я не вижу причины для них. Полагаю, она скрывается где-то там. – Он коснулся своего виска.

– А может, причина в том, что оно еще не достигнуто?

– Я на верном пути к нему. Разумеется, оно еще не достигнуто, иначе бы меня тут уже не было. – Он улыбнулся. – Но меня что-то тревожит на пути, и я не могу понять что.

– Как я могу вам помочь в этом?

– Ты говорила, что есть ключи от запертых комнат сознания... – Он подался вперед. – Я хочу получить эти ключи.

– М-м, – протянула Мария, – тогда полагаю, что головные боли вас терзают именно из-за этих мыслей. Возможно, устранение их источника действительно приведет к облегчению ситуации.

– Я тоже так думаю, но, сколько бы ни пытался, не могу понять их причин. Гипноз может это исправить?

– Может, но к нему прибегать не обязательно. Можно пройти путем психоанализа...

– Это слишком долго, – перебил ее барон. – У меня нет лишних пяти лет для этого. Меня интересует быстрая выгода. Гэбриэл сказал, у тебя талант, вот давай ты воспользуешься своим даром, и мы разберемся с моим недугом за отведенные пять сеансов.

– Вы деловой человек во всем, – хмыкнула девушка. – Я поняла вас.

– Отлично. – Он довольно потер руки. – Тогда начинай. Что-то потребуется?

– Нет, – мотнула она головой. – Выберите место в комнате, где вам будет наиболее комфортно. Может быть, приляжете на диван?

– Я люблю это кресло. – Натаниэль положил руки на подлокотники. – Останусь в нем.

– Как вам угодно, – улыбнулась Лазарь. – Позвольте мне выйти помыть руки с дороги...

– Да-да, гостевая уборная на первом этаже, слева у лестницы.

– Две минуты, и я с вами. – Мария встала с кресла и направилась к выходу. На пару секунд она замерла у экспоната, затем вышла из кабинета. Девушка спустилась вниз и огляделась по сторонам в поисках уборной. Из гостиной выглянул Бранкович.

– Уже все?

– Нет. Не подскажешь, где уборная?

– Там. – Он указал пальцем на дальнюю дверь под лестницей. – Что, к делу только с чистыми руками? – Он хмыкнул.

– Именно.

– У тебя еще двадцать минут. И барону нужно ехать. Так что не задерживай его своими фокусами. – Вук кивнул на часы, затем развернулся и пошел на второй этаж. По дороге заглянул к хозяину – удостовериться, что все в порядке.

Мария вошла в туалетную комнату и закрыла дверь на защелку. Прямо напротив двери висело зеркало. Девушка смотрела на себя с пару секунд, потом включила воду. Умывшись, она снова посмотрела себе в глаза.

– Да будет так... – двумя довольно быстрыми движениями она извлекла темно-коричневые линзы из глаз и убрала их в контейнер, припрятанный в кармане ее короткого пиджака. Девушка посмотрела на себя уже своими глазами. – И пусть дорога ведет к тебе...

Мария выключила воду, повернула замок и, сделав глубокий вдох-выдох, вышла из уборной.

Она осмотрелась, Вук уже спустился и снова был в гостиной перед телевизором. Девушка неслышно поднялась по лестнице и вернулась в кабинет барона. Тот по-прежнему сидел в кресле.

– Ты быстро! – он отложил газету. – Что мне нужно делать? – бодро спросил он.

Мария не спеша подходила к нему, доставая из кармана старые часы на цепочке.

– Смотреть на часы, – она встала за креслом и держала часы перед стариком, – и слушать мой голос... – в глубине души Натаниэль по-

чувствовал какие-то странные перемены в голосе Лазарь, но не придал им большого значения.

Медленно она раскачивала часы из стороны в сторону и говорила сильным голосом то, что сам Ротшильд не раз видел по телевизору. В какой-то момент часы остановились, зависли у него перед носом, а потом и вовсе исчезли из поля зрения. Стих и голос гипнотизера. В следующую секунду перед Натаниэлем возникло лицо Марии, она взяла его руками за голову, не давая возможности отвернуться. Старик попытался закрыть глаза и прогнать, как ему казалось, наваждение, но злой шепот девушки не дал ему это сделать. Ротшильд смотрел в ее глаза и ничего не понимал, чем дольше он смотрел, тем меньше он чувствовал свое тело. В какой-то момент он видел только их. А потом он моргнул и уже не был в своей комнате. Он вдруг оказался в огромном поле, над которым висел плотный туман. Где-то высоко в небе горели мутным лиловым цветом два солнца. Барон давно не испытывал страха, но тут ему было не по себе.

– Где я? – прошептал барон. – Мария?

– Я с вами, Натаниэль, – услышал он в ответ. – Вы в своем мире, не бойтесь его. Вы там, чтобы найти ответы.

– Куда мне идти? Тут ничего не видно...

– Идите прямо. Там будет первая дверь. – Ротшильд пошел прямо, отчего-то боясь споткнуться. Вскоре перед ним действительно возникла дверь, но она была заперта.

– Как ее открыть? Я слышу за ней знакомые голоса. Кто там?

– Вы можете посмотреть через замочную скважину.

Он так и сделал.

– Это же зал девятки! – воскликнул он. – Почему я не могу войти?.. – недоумевал он. – Мое место среди них.

– Возможно, они закрылись сами. Закрылись от вас.

– Зачем им это? – возмутился барон. Но ответа он не слышал, вместо этого голоса из комнаты становились все громче и заполняли собой все сознание Натаниэля. – Что происходит?

Он озирался по сторонам, перед ним возникали образы говорящих. Он слышал то какие-то обрывки своих разговоров с ними в прошлом, то их шепот за своей спиной.

Спустя, как ему показалось, несколько хаотичных минут он смог взять себя в руки. И в этот момент туманное поле сменилось так хорошо знакомым ему кабинетом девятки. Он сидел на своем обычном месте и видел, что очередное совещание было в самом разгаре. По правую руку сидел его сын Натаниэль Филипп, слева молча слушал всех некогда враг, а теперь соратник – Дэвид Рокфеллер. Рядом с ним сидел его единственный оставшийся сын. Барон посмотрел на человека,

сидевшего напротив него, – там восседал Пьер Самюэль Дюпон-четвертый. Лица и голоса остальных были немного смазаны, хотя Ротшильд знал их всех. Люди говорили, будто не замечая его. Они рассуждали о его планах и судили его идеи. Натаниэль не мог поверить в реальность происходящего.

– Этого не может быть, – повторял он, – у нас же общие цели... Я должен услышать больше, должен понять, кто это начал и когда.

Он встал из-за стола и направился к следующей двери. Барон оказался на вечере памяти Уокера. Снова зал был наполнен знакомыми лицами. Но единственное, что Ротшильд видел отчетливо, была голова Лазаря под стеклом и улыбающиеся лица Дэвида Рокфеллера и Мадлен Олбрайт. Внезапная ярчайшая вспышка буквально ослепила барона. Он увидел, как десятки бомбардировщиков летят в сторону каких-то городов, как разрываются снаряды и вокруг все полыхает огнем.

– Он так одержим идеей уничтожения малых народов, что даже и не помышляет о том, что мы можем направить их против него, – сказал Дэвид.

– Лично я не против уничтожения этих мерзких унтерменшей, – улыбнулась Мадлен, – им самое место на том свете, подальше от нас.

– Трудно не согласиться. Однако именно они помогут нам построить из их конфликта достойную силу для уничтожения его самого. Только подумай, мы так натаскаем этих косовских албанских шавок, что они бросятся на того, кого мы укажем, когда придет время, разумеется.

– Хитро, Дэвид. Даже я не сразу поняла глубину плана. – Олбрайт сделала глоток шампанского из бокала. – Косово – отличный плацдарм для нанесения удара в спину.

– Особенно пока оно под нашим контролем...

Вдруг в зале погас свет, исчезли голоса и прочие звуки. Все, что слышал барон Ротшильд, был шепот Марии, лившийся ему в уши. Он не понимал, что она говорит, услышал лишь последнюю фразу:

– ...Когда откроешь глаза, ты не увидишь ничего странного во мне...

Потом снова была тишина. Щелчки пальцев буквально тащили его наверх, к тусклому свету.

– Натаниэль, возвращайтесь. Откройте глаза, – приказала ему Лазарь, и он очнулся. – Как вы себя чувствуете, сэр? – поинтересовалась девушка.

– ...Ого... – тихо ответил Натаниэль. – Не ожидал такого... я будто побывал в прошлом... слышал то, чего не мог слышать, но догадывался... – Он посмотрел на сидевшую напротив него Марию. – Почему мы остановились? Я хочу увидеть все.

– Это вы остановились. Видимо, пока не готовы проникнуть так глубоко. Но ничего страшного, – пожала она плечами, – продолжим в пятницу?

– Нет, – мотнул он головой, – приходи в среду.

Лазарь кивнула. Ротшильд осмотрелся по сторонам, задержал взгляд сначала на экспонате, затем на часах.

– Мне нужно ехать сейчас. – Он резко поднялся и направился к выходу из кабинета. – Малкольм проводит тебя.

– Спасибо. – Лазарь встала и взяла свою сумку. – До среды, Натаниэль.

– До среды. – Он натянуто улыбнулся и вышел из кабинета. Быстро спустился на первый этаж, где его уже ждал Бранкович.

– Все в порядке, сэр?

– Да, – кивнул барон, возвращая себе былое хладнокровие. – Немного задержались, а я не люблю опаздывать.

Лазарь вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. Вук в это время был уже в дверях, пропускал вперед барона. Начальник охраны хмуро посмотрел на девушку, покачал головой и вышел на улицу. Лазарь медленно спустилась по лестнице. Внизу уже стоял дворецкий, он достал из гардероба ее пальто. Однако Мария не дала ему возможности ей помочь – взяла пальто из его рук, поблагодарила и также вышла на улицу.

Она прошла по узкой каменной дорожке и вышла за калитку. Погода значительно улучшилась, солнце светило вовсю. Посмотрев вслед уезжающей машине Ротшильда, она довольно ухмыльнулась и, достав из сумки солнцезащитные очки, надела их. Спустя пять минут девушка была уже на полпути к метро. Сегодня еще нужно было заехать в офис.

Бранкович посмотрел в зеркало заднего вида на барона.

– Сэр, вы уверены, что все в порядке?

– Что-то не так? – холодно спросил Натаниэль.

– Мне показалось, вы чем-то были встревожены. Надеюсь, с мисс Лазарь не возникло никаких проблем, требующих немедленного решения? – он вопросительно посмотрел на своего работодателя.

– Не трогай ее, – отрезал барон. – Она действительно талантлива и может мне помочь.

– Вы доверяете ей? – аккуратно спросил Вук.

– Это не имеет значения, – барон мотнул головой, – относись к ней как к простому наемному работнику. Выполнит свою функцию, и мы с ней расстанемся. Разве что порекомендую ее в Тависток.

– А-а, настолько хороша?

Барон кивнул.

– Не возражаете, если я все-таки проверю ее, сэр?

– Это твоя работа. Ричард звонил? – вспомнил про своего помощника барон. Бранкович кивнул.

– Уже ждет вас на месте встречи с девелопером.

– Хорошо.

Больше Натаниэль не проронил ни слова, он снова и снова прокручивал в голове пережитый сеанс. Он чувствовал в глубине души, что сегодня утром нашел росток того, что мучило его уже больше пяти лет.

Доставив своего начальника на место встречи, Вук вызвал водителя на замену, а сам отправился навестить одного своего приятеля в Западном Нью-Йорке. Поймать такси оказалось отчего-то нелегкой задачей – как назло, не было ни одной машины нужного желтого цвета. Выругавшись про себя, Бранкович вернулся в машину Ротшильда и снова позвонил водителю.

– Пит, это я снова. План изменился, возьми вторую машину и приезжай на ней.

– Опять служебное положение используешь? – крякнул Пит на той стороне провода. – Ладно, через полчаса буду.

Вук нажал отбой и, бросив телефон на пассажирское сиденье, тронулся с места. Он всегда любил скорость, а нарушать правила и подавно. Нарушив все, что только возможно, он доехал до нужного места за каких-то двадцать минут. Начальник охраны Ротшильда припарковал машину на Берглайн-авеню, у магазинчика с мексиканскими товарами. Выйдя из машины, он окинул улицу хмурым взглядом: ему никогда не нравились эти кварталы с национальным колоритом. Фыркнув себе под нос, он прошел несколько метров до поворота, там еще несколько метров, и он уже стоял у подъезда. Смахнув с домофона свежий слой снега, стал искать нужный номер квартиры.

– Я никого не жду. Проваливайте! – пробился через динамик сонный голос мужчины.

– Это Вук.

– А-а... поднимайся.

Звонок – и дверь открылась.

Бранкович поднялся на пятый этаж, дверь ему уже открыли. Он вошел в довольно просторную квартиру, состоящую из кухни, кабинета и спальни, где уютно устроился его товарищ-социопат и по совместительству непризнанный гений шпионажа.

– Господи, ты получаешь такие бабки, что ж ты живешь в таком сраче?

– А что не так? – удивился мужчина лет тридцати пяти на вид, со спутанными волосами, кое-как собранными в пучок, и двухнедельной щетиной. – Я люблю, когда все вот так. Мне в моем бардаке думается лучше. – Порывшись на столе, он вытащил из кипы бумаг очки в красной оправе и, нацепив их на нос, вопросительно посмотрел на того, кого считал в общем-то своим другом.

– Итак, чем Грегори Лид может тебе помочь? Или ты просто так пришел?

– Не просто. – Вук прошел к дивану и устало уселся на него. – Нужно пробить одну девку по твоим каналам.

– Девка – это хорошо, – улыбнулся Грегори, поудобней устраиваясь перед своими компьютерами. – А конкретики побольше?

– Возможно, ничего и не найдем, но она мне чертовски не нравится. Толком не объяснить даже... нутром чую опасность, но не понимаю, почему от нее.

– Опасность прям опасность – или ты влюбился, приятель?

– В кого? В Марию? – удивленно поднял брови Бранкович. – Это не как с Лизи было... нет, – мотнул он головой. – Я нутром чую в ней что-то... как первобытное. Ты бы видел ее взгляд, подачу...

– Где ты ее взял, эту Марию?

– Барон ее нанял, она психолог какой-то, зачем-то ему понадобился такого рода специалист. Я не вникал, ты же знаешь. Но проверить ее он мне разрешил. Как-никак, это часть моей работы.

– Шеф, значит, нанял, – почесал подбородок Грег, – тогда, думаю, должно быть все чисто. Ок, фамилия?

– ...Лазарь. – Вук вытянулся на диване и, глубоко вздохнув, уставился в потолок. – Мария Лазарь... работает у доктора Гэбриэла Зева.

Лид застучал пальцами по клавиатуре в поисках нужной информации. Спустя несколько минут он все еще молчал. Бранкович потянулся за очередной сигаретой.

– Ну что там?

– Пока ничего, – мотнул головой Лид. – Просто Мария, просто психоаналитик, просто дочь Бенедикта Лазаря, просто пять лет работает с Зевом, родилась, училась... – начал перечислять Грег, – даже в фейсбуке вот есть. Симпатичная, кстати. Тебе вроде такие нравятся.

Вук привстал на локте, заглядывая в монитор. Лид повернул один из мониторов ближе к другу.

– Фоток своих немного, все природу-погоду выкладывает. Рома-а-а-а-а-нтика та-а-а-а-кая... – протянул шпион и засмеялся. – Да обычная девка. Вон о каждом своем шаге отписывается, где была, куда хо-

дила, что видела. Не нужно быть семи пядей, Вук, ты и сам можешь все это посмотреть. – Грегори указал руками на мониторы.

– А что, если это лишь видимость?

– Я пробил ее по темной базе – ничего. Ищи другие пути.

– Где она живет?

– Хм... – нахмурился Лид и снова застучал пальцами по клавиатуре, – странно... не знаю. Погоди-ка. – Он проверил еще какие-то сайты. – Любопытно, адреса нет.

– И телефона, как я понимаю, тоже?

Друг кивнул.

– Разве это не странно?

– Сейчас по айпи пробью.

Почуяв что-то интересное, Лид с большим энтузиазмом принялся искать нужную информацию. Проковырявшись больше тридцати минут он наконец изрек:

– Не понимаю.

– Ты – и не понимаешь? – Вук ухмыльнулся. – Не верю.

– Тут нагромождение всего...

– В смысле? – Вук подошел к столу и заглянул на экраны с разными надписями и открытыми окнами. – Что ты нашел?

– Я не могу вычислить ее айпи. Маршрут ведет в тупик, верней в лабиринт из цифр. Это очень круто, я такого никогда не видел. – Грег посмотрел на Вука. – Друг, это очень и очень профессионально. Простой юзер так не спрячется.

– Простому и не надо прятаться. – Бранкович остановил свой взгляд на открытой фотографии Марии. – Ладно, адрес я узнаю, и телефон тоже. А ты все-таки ищи ее на темной стороне.

– Само собой, – кивнул Лид. – Я тоже хочу так уметь. – Он указал пальцем на монитор. – Не убивай ее прежде, чем она мне это объяснит. – Он улыбнулся.

– Постараюсь, – хмыкнул Вук. – На связи, давай до скорого!

Попрощавшись с другом, Бранкович пулей сбежал по лестнице, запрыгнул в машину и направился в офис доктора Зева. Он был уверен, что Джулия ему все расскажет.

Отчего-то Марии не хотелось спешить в офис, и вместо того чтобы спуститься в подземку, она перешла дорогу и пошла в Центральный парк, к озеру. Несмотря на прохладное, даже морозное утро, на дорожках было много бегунов. Лазарь остановилась у передвижной закусочной и взяла себе маленький пакетик жареных каштанов. На холоде так приятно греть ими и руки, и душу. Дойдя до озера, Мария решила пройти парк насквозь – сразу к офису. Время летело как-то очень быстро, каштаны закончились, но покидать парк еще не хотелось. Неожиданно начался сильный снегопад, и Лазарь прибавила шаг. Еще десять минут – и она на месте.

До офиса доктора Зева Вук домчался быстро, дольше искал место для парковки. В его голове роились сотни мыслей и столько же вопросов, но действовать нужно было сдержанно и аккуратно. Пока ждал, он купил небольшой букет цветов, идти с пустыми руками не хотелось. Наконец у офиса освободилось место, и Бранкович поспешил его занять. Он вышел из машины, огляделся и направился в офис. Идя по коридору к нужной двери, он надеялся, что не застанет тут Лазарь, во всяком случае пока. Ему повезло. Джулия не могла сдержать улыбки, увидев начальника охраны четвертого барона Ротшильда. Учитывая, что она о нем думала уже неделю.

– Привет, красавица! – улыбнулся ей Вук и протянул ей цветы. – Скучаешь тут одна, наверное?

– Цветы!!! Мне?! – Она радостно схватила букет и принялась нюхать каждый цветочек. – Какие красивые... спасибо! – Она потянулась поцеловать его в щечку. – Что тебя к нам привело?

– Ты, конечно. – Он подмигнул девушке, отчего та моментально покрылась румянцем. – И маленькое поручение от шефа.

– Я могу тебе как-то помочь?

– Можешь, милая. – Вук присел на край стола. – Шеф поручил мне узнать адрес Лазарь, чтобы его лечащий врач переправил ей нужные записи.

– Эм, – задумалась Джулия, – а электронная почта его уже не устраивает?

– Боюсь, нет, – покачал головой мужчина. – Это секретная информация, или ты просто ревнуешь? – он улыбнулся и коснулся ее волос.

– А надо? – таяла девушка.

– У нее нет против тебя никаких шансов.

– Не секретно, конечно. – Она махнула рукой. – Сейчас найду. – Она встала из-за стола и направилась к высокому стеллажу. Найдя нужную папку, протянула ее Бранковичу. – Тут должно быть.

Мария вышла на Пятую авеню и перешла дорогу. У офиса она заметила припаркованный знакомый автомобиль.

– Какого черта ты тут забыл? – вслух спросила она. Оглядевшись по сторонам, Мария не стала переходить улицу и прошла чуть вперед. Встала на углу следующего дома, рядом с лестницей. Накинув капюшон, сильней закуталась в пальто и, порывшись в сумке, достала пачку сигарет. Закурив, начала наблюдать за дверью офиса.

Вук взял папку. Адрес и телефон были на первой странице. Он достал мобильный телефон из кармана и сфотографировал страничку. Закончив, вернул папку девушке.

– Ты меня просто спасла, красавица. Позволишь спасти тебя от скучного вечера? – Не стесняясь, он притянул ее к себе. – А?

– В семь сегодня, – хитро ответила девушка, – заберешь меня из офиса.

– С удовольствием.

– Кстати, Мария вот-вот должна будет прийти.

– Она мне не нужна, только адрес, – улыбнулся он.

Поцеловав ее на прощание, Вук поспешил покинуть офис. Он сел в машину и открыл только что сделанную фотографию, а затем переслал ее Грегори. Бранкович глянул по сторонам – никого и ничего подозрительного. Он сполз чуть ниже, через затемненные окна его сразу никто не заметит.

Лазарь поморщилась и, затушив сигарету о стену дома, бросила ее в подвал.

– Уж не по мою ли ты душу?.. – Она мотнула головой. – Как-то быстро, я еще не наигралась... – Она убрала сумку под пальто, и со стороны могло создаться впечатление, что девушка беременна.

Лазарь не спеша перешла улицу и вошла в калитку следующего дома. Вук не знал, что отсюда можно было пройти к пожарной лестнице. Он не придал значения беременной, вошедшей в неинтересный ему дом.

Мария прошла глубже во двор, вытащила сумку и, перекинув ремень через голову, взобралась на пожарную лестницу. Добравшись до четвертого этажа, она влезла внутрь через предусмотрительно открытое окно. Прежде чем спуститься в офис этажом ниже, она заглянула в туалетную комнату и снова надела темно-коричневые линзы. Приведя себя в порядок, направилась к Гэбриэлу.

Когда она вошла в офис, Джулия стояла у окна и мечтательно смотрела на парк.

– О! Мария! – повернулась она к девушке. – Ты даже не представляешь, какой сегодня чудесный день!

– Неужели? – натянуто улыбнулась Лазарь.

– Я иду на свидание! Ура, ура! – чуть ли не прыгала от радости секретарша.

– И кто этот счастливчик? – изобразив любопытство, спросила Мария, осматривая кабинет в поисках каких-либо изменений.

– Помнишь того парня, что приходил вместе с Ротшильдом?

Мария кивнула.

– Ну вот Вук приходил и позвал меня на свидание! Здорово, да?

– ...Да уж. Поздравляю.

– Он и про тебя спрашивал.

– Про меня? – наигранно удивилась Лазарь, снимая верхнюю одежду и переодевая обувь. – Я-то ему зачем?

– Не знаю, – пожала Джулия плечами. – Ему нужен был твой адрес и телефон, чтобы врач барона мог тебе отправить какие-то записи или что-то в этом духе.

– А-а, – протянула Мария, – понятно. – Она встала с кресла. – Гэбриэла еще нет?

– Нет, – покачала головой секретарша, – он сказал, что оставил все для тебя на своем столе.

– Ок. – Лазарь зашла в кабинет доктора Зева. Закрыв за собой дверь, она подошла к окну. Машины Вука отсюда было не видно. – Значит, мой адрес нужен... Фейсбука оказалось мало... – Лазарь села в кресло Гэбриэла и придвинула к себе кипу карточек, которые всего лишь нуждались в сортировке. – Что ж, придется сегодня переночевать там.

Спустя полчаса Мария покинула офис тем же путем, что и пришла. Бранковича уже не было. Лазарь глянула на часы: до встречи с двумя новыми друзьями оставалось еще достаточно времени. Как раз хватит закупиться и прибраться по указанному в ее личном деле адресу.

Бранкович решил не дожидаться появления Лазарь, в любом случае адрес у него уже есть, и он всегда может наведаться туда. Вук всегда любил понедельники за то, что его смена никогда не выпадала на них. Однако сегодняшний день ему нравился больше обычного, в нем было уже забытое чувство волнения. А самое главное, Бранковича никогда еще не подводило его чутье на неприятности. В хорошем настроении он притормозил у «Макдональдса» и решил подкрепиться. Как только он вышел из машины, позвонил Грегори.

– Что узнал?

– Я пробил ту квартирку. Была снята Марией Лазарь почти пять лет назад, все документы в порядке, платежи регулярные.

– Неужели ничто не привлекло твоего внимания? Не расстраивай меня так... – улыбнулся Вук.

– Странно то, что это информация не прошла в те же «Белые страницы».

– В чем странность? Давай, Грег, порадуй меня! – Бранкович открыл дверь ресторана, давая семейной паре выйти. Настроение у него было на высоте.

– Не знаю, как объяснить, – выдохнул Лид. – Но получается так, что какая-то из этой информации – фэйк[5]. Одно не ведет к другому... так не бывает.

Вук довольно улыбнулся, лишнее подтверждение того, что чутье его не обмануло, радовало.

– ...Значит, мисс Лазарь не так проста, а? – Он подошел к миловидной девушке за кассой. – Будьте добры...

– Ты опять ешь, – буркнул Грег, – как ни позвоню, ты всегда что-то жуешь.

– Может, у нее есть еще какой-нибудь адрес? – Вук уселся за свободный столик и развернул гамбургер. – И кстати, найди мне всю информацию по ее семье. С картинками.

– Может, мне еще семейный альбом их тебе принести? – буркнул Грег.

– Было бы шикарно, да!

– В общем, так, я еще покопаюсь. Ничего конкретного сказать не могу пока, но все очень непросто.

– К вечеру наскреби что-нибудь, – не прожевав, сказал Бранкович. – Наведаюсь к ней в гости. Не с пустыми же руками.

– Понял. Конец связи. – Лид повесил трубку и снова погрузился в «паутину».

Натаниэль Чарльз Джейкоб Ротшильд стоял у окна на самом последнем этаже небоскреба Голдмэн Сакс, расположившегося на Вестстрит. Он ждал, когда секретарь принесет все интересующие его документы из архива. Барон и сам пока не очень понимал, что хочет там найти, но лишний раз проверить не помешает. И ничего, что от этого в главном офисе банка сотрудники забегали быстрее, опасаясь каких-то действий. Наконец спустя двадцать минут секретарша едва слышно постучала в дверь кабинета. Тенью скользнула внутрь после разрешения и, с трудом дотащив три запечатанные коробки, поставила их на стол.

– Могу ли я вам еще чем-то помочь, сэр? – с опаской спросила она.

– Пока нет, – мотнул он головой. – Можешь идти.

Как только женщина закрыла за собой дверь, Ротшильд подошел к столу и оглядел пластиковые коробки. Прекрасно зная, что основную информацию уже давно перенесли на цифровые носители, он был уверен, что в архивных папках докомпьютерной эры может оказаться что-то весьма интересное. Он снял крышку с первой коробки белого

[5] От англ. fake – подделка.

цвета, на которой красовалась надпись фломастером: CBF-99-1. Натаниэль перебирал пальцами папки с названиями стран. Перед глазами снова возникла картина из утреннего сеанса, эпизод с закрытой дверью резко сменился на голову царя Лазаря, глазницы, казалось, испепеляли страшным огнем. Барон резко отшатнулся от стола и стал тереть глаза. Когда он снова посмотрел в коробку, то увидел лишь последнюю и самую толстую папку в коробке – Югославия. Ротшильд резко вытащил ее и положил на стол, развязал веревки и раскрыл. Внутри было много неподшитых бумажек, какие-то письма, служебные записки... все то, что никогда и никому не должно было стать известным. Барон сел за стол и начал просматривать каждый листок, ища что-то. Чем быстрей он перебирал листки бумаги, тем сильней сводило пальцы рук, что сильно его злило. После разнообразной аналитики и отчетов с тоннами цифр начался третий раздел папки – переписка. У Ротшильда защипало в глазах, он снова потер их. Спустя секунды зрение нормализовалось. Барон нахмурил брови: такого в папке он не ожидал увидеть, с чего бы письмам вообще здесь быть? Когда их место в печке...

– Это еще что за... – прошептал Натаниэль, беря в руки письмо от Рокфеллера, адресованное Голдман Сакс, – какое это имеет отношение к... – он быстро пробежался глазами по тексту. – Алан... – барон посмотрел на подпись Гринспена, тогдашнего главы ФЕДа[6], – и Дэвид? – Он отложил листок в сторону, встал с кресла и начал медленно ходить по кабинету. Он не мог понять, как, в общем-то, личная переписка могла оказаться в этой чертовой папке. Барон снова вернулся к столу и взял письмо.

В этот момент ему показалось, что кто-то постучал в дверь или... в окно. Ротшильд огляделся по сторонам.

– Не хватало еще с ума сойти на ровном месте, – прошептал он, но стук повторился вновь. На этот раз он увидел, как какая-то маленькая птица стучит клювом в стекло и с любопытством разглядывает свое отражение на зеркальной поверхности. – «...Как бы там ни было, но Югославия станет ему могилой», – зачитал он последнее предложение. – Кому? О ком вы? – Барон снова посмотрел на строчку. – «Пускай думает пока, что он главный, а когда придет время, его голова полетит первой...» – Ротшильд дочитал предложение и, все еще не веря в прочитанное, свернул письмо вчетверо и убрал во внутренний карман пиджака.

Барон проглядел и другие письма, но ни одно больше его не заинтересовало, ни одно не содержало какой-либо сомнительной или

[6] ФЕД – от англ. FED – Федеральная резервная система США.

странной информации. Он взял телефон и вызвал своего помощника, все это время проскучавшего за дверью.

– Позвони Дэвиду, передай, что я хочу с ним увидеться. И скажи, что это срочно.

– Сию же минуту, сэр Ротшильд. – Родни Уайт тут же удалился и принялся звонить помощнице Дэвида Рокфеллера. Уже через десять минут поручение было выполнено, и встречу назначили на сегодняшний поздний вечер.

– Хорошо, – одобрительно кивнул барон. – Нет ничего проще, чем спросить напрямую...

Дорога до Бруклина общественным транспортом заняла у Марии час. По дороге Лазарь зашла в небольшой магазинчик на углу Нострэнд и Клэрондон и купила запасов еды на добрых три дня. Поднявшись на третий этаж, девушка подошла к семьдесят третьей квартире и вставила ключ в замочную скважину. За почти полгода ее отсутствия под дверью накопилось достаточное количество корреспонденции, и она открылась с трудом. Мария зашла в маленькую квартиру. Окна были закрыты рольставнями, мебель накрыта. Воздух был тяжелый, пыльный и кричавший о том, что здесь никто не живет. Не снимая обуви, Лазарь прошла на кухню и положила покупки на стол. Сняв пальто и пиджак, она недовольно осмотрелась.

– Эх, – выдохнула Мария, – если играть, то красиво...

Девушка собрала волосы в хвост и сняла туфли.

– Это грязная работа, но кто-то должен ее делать.

Лазарь принялась за уборку квартиры для придания ей жилого вида. Лишь ближе к девяти все было готово, хотя и не без изъянов. Уставшая Мария сидела на диване перед выключенным телевизором и слушала, как тикают часы над входной дверью. Лазарь подошла к шкафу, кое-какая ее одежда тут осталась. Она быстро переоделась в привычные джинсы и свитер. Достав из коробки высокие ботинки на шнурках, она довольно улыбнулась. Взяв из сумки пачку сигарет, зажигалку и ключи, девушка вышла в коридор, захлопнув за собой дверь. Быстро глянула по сторонам, прислушалась – тишина и покой, даже телевизор у соседей работает тише обычного. Мария осторожно выбралась на крышу, где кто-то из жильцов разбил уютный зимний сад. Правда, сад оказался несколько заброшенным и сильно занесенным снегом. Под навесом все еще лежали какие-то тряпки и садовый инвентарь. Лазарь взяла единственное не промокшее насквозь одеяло и направилась к краю крыши. Постелив его в несколько слоев, Мария села на него по-турецки и, глядя на редкие машины, проезжающие мимо, закурила. В голове роились разные мысли. И все они крутились вокруг

сегодняшнего утра. Ей очень хотелось посмотреть на результат, но она прекрасно понимала, что это лишь начало пути. Вдруг ее внимание привлекла остановившаяся у дома напротив машина. Крайне знакомая машина, которая сегодня уже мелькала перед глазами несколько раз.

– А вот и Цербер, – ухмыльнулась Мария, выпуская дым, – припоздился... – Она затушила сигарету и бросила бычок с крыши. Поднявшись, она подхватила одеяло. Вернувшись к квартире, увидела стоящего у двери индейца. Девушка глянула на часы.

– Мы договаривались в десять, а не без десяти.

– Не люблю опаздывать, – пожал он плечами.

– Где твой друг? – спросила девушка, открывая дверь.

– В пути. – Индеец прошел в гостиную и осмотрелся. – Не похоже, что ты тут живешь.

– Неужели? – фыркнула Лазарь. – Выкурю пачку сигарет, набросаю мусора побольше и буду как дома.

– Я с подарками. – Он поднял два пакета. – Можно не курить, можно есть что-то, что пахнет.

– Китайская еда, – покачала девушка головой, – чудно. Проходи, располагайся.

Тогай прошел на кухню и расставил содержимое пакетов на столе. Затем подошел к окну, отодвинул занавеску и с опаской выглянул на улицу.

– Боишься слежки? – улыбнулась Мария, зажигая сигарету.

– Возможно.

– Из квартиры дороги не видно, окна во внутренний двор выходят и на пожарную лестницу. С крыши разве что.

– Это я знаю, как раз у выхода со двора стоит приметная машина с мужчиной внутри. Проходил мимо них сейчас. И что-то с ним не так было.

– Что за машина?

– Черный «бентли». – Тогай вернулся к столу и открыл одну из коробочек с лапшой, порывшись в пакете, отыскал и палочки. – Номер не смотрел, если тебе интересно. – Он забросил в рот лапши. – Что ты успела сделать, что уже следят?

– Он не следит, если это он. Он проверяет, та ли я, кем представляюсь.

– Кто он? – индеец начал согреваться и от этого шмыгать носом.

– Начальник охраны Ротшильда. – В дверь постучали. – А вот и третий...

– Привет! – во весь рот улыбался Гарсия. – Рад снова видеть!

– Проходи давай. – Мария выглянула в коридор – никого не было видно и слышно. – Банда в сборе... – Она закрыла дверь.

– С чего это вдруг он так заинтересовался? – спросил индеец, открывая вторую коробку с лапшой.

– Работа у него такая.

Все трое уселись за столом на кухне.

– Лапшичка! – Эвис довольно похлопал в ладоши и, притянув к себе пакет, опустил в него голову, нюхая. – С курочкой... ммм... моя любимая. – Он достал одну коробку и стал оглядываться по сторонам в поисках чего-то. – Вилка-то у тебя найдется? – Лазарь молча дотянулась до шкафа за спиной и достала из него вилку. – Спасибо, а то никакого удовольствия с этими палочками.

– Итак? Как у нас дела? – индеец обратился к девушке.

Мария шумно вдохнула.

– Это оказалось легче, чем я думала. – Она сложила руки в замок и поднесла их к губам. – Даже слишком. – Тогай заметил, что она кусает указательный палец.

– И какого результата ты уже добилась?

– Особо никакого, но посеять в нем семя сомнения было легко. Осталось лишь заставить его делать то, что нужно.

Гарсия громко сглотнул.

– Как зомби, что ли? – Эвис переводил взгляд с Марии на Тогая, не очень понимая происходящее.

– Стесняюсь спросить, – Лазарь встала из-за стола и подошла к окну, – как, ты думаешь, я работаю? – Девушка взяла с подоконника пачку сигарет и вытряхнула из нее последнюю. – А, Эвис? – Чиркнула спичка, и мексиканцу отчего-то очень не понравился взгляд Марии.

– Откуда мне знать? – попытался улыбнуться Гарсия. – Понятия не имею, если честно, – добродушно развел он руками. – Все методы хороши.

Лазарь хмыкнула и закатила глаза.

– Мда, Чинганчгук, что ж ты ему не пересказал дедушкину сказку? Человек теперь думает, что я работаю телом. – Мария выпустила клуб дыма в приоткрытое окно. – Идиоты... – прошептала она.

– Я, между прочим, ничего такого не думал, – замотал головой Гарсия. – Я полагал, речь шла о медикаментозном влиянии... Честно! – Он положил правую руку на сердце.

– Рассказал, просто он не поверил. В общем-то, я и сам не очень знаю про твой дар.

– Меньше знаешь – крепче спишь.

– Но я видел твой район. – Голос Тогая стал тише. – Видел, что тебя не замечают другие, ты там словно тень. Уверен, спроси я кого-либо из твоих соседей, видели ли они тебя, мне скажут «нет». Ума не приложу, как тебе это удалось.

– На это ушло время.

– А поподробнее можно? – Гарсия поерзал на стуле. – Жажду подробностей. – Он широко улыбнулся.

– Гипноз... – сказал Тогай.

– Да ладно! – Эвис с восхищением посмотрел на Лазарь. – Правда? Это когда часами перед глазами машут и отдают команды громким строгим голосом?

На кухне повисла тишина. Индеец и девушка с нескрываемым удивлением смотрели на Гарсию.

– Что? И тут наврали? Печаль...

– Не расстраивайся, – улыбнулась Мария, – про результат не наврали, точно.

– И давно ты это умеешь? Черт! Хочу на себе ощутить! Загипнотизируй меня! – он поудобней уселся. – Заставь меня что-то сделать против моей воли!

– Эвис, – покачал головой Тогай, – мы не в цирке, и она не клоун тут...

– Да погоди ты! – отмахнулся мексиканец. – Я просто хочу ощутить это на себе!

Лазарь молча смотрела в окно.

– Мария?.. Извини, если...

– Сейчас вернусь. – Она вышла из кухни и скрылась за дверью ванной комнаты.

– ...Обидел, – договорил Гарсия и посмотрел на индейца. – Что? Ну конечно, Эвис плохой, Эвис все портит. – Он махнул рукой и вернулся к столу.

Через пару минут Мария вернулась на кухню и села на свое место, как раз рядом с Гарсией. Придвинув себе пакет с коробками лапши, девушка достала последнюю.

– Теперь, – она открыла коробку, – мне нужны имена. Как привести барона к ним и прочее из вашего плана.

– О-о! Имена – это я могу, это по моей части! – Гарсия рванул в коридор за своей сумкой. Притащил ее на кухню, достал свой ноутбук в армейской раскраске и поставил его на стол. – Сейчас все покажем, расскажем. – Он принялся искать нужную информацию. – Так, мы какую часть карты ищем? – Эвис почесал в затылке.

– Линия Уокера. – Лазарь смотрела на Гарсию выжидающе, наконец он повернулся к ней. – И вся цепочка до барона... – она не моргая смотрела в его темно-ореховые глаза, а тот не мог отвести взгляд.

– Это длинная цепочка.

– Эй, Эвис, – улыбнулась Мария, – куда ты смотришь?

– На тебя, эм?

– Но ты меня не видишь. – Она улыбнулась. – Пока я не скажу обратное.

– Не понял? – Лазарь отвернулась и принялась есть лапшу. Тогай сидел напротив них и хихикал.

– Как дети, ей-богу, – смеялся он.

– А где Мария? – оглядываясь по сторонам, спрашивал Эвис. – В ванной до сих пор?

Индеец с интересом смотрел на друга, с интересом и несказанным удивлением. Он перевел взгляд на девушку.

– Куда ты смотришь? – удивился Эвис.

– И как долго это длится, а, Мария?

– Пока я не скажу. – Она довольно улыбнулась.

– Это уже не смешно, – нервничал Гарсия. – Вы прикалываетесь? – Он вскочил с места и прошел в ванную. Дверь была открыта. Он заглянул в гостиную. – Мария? – он вернулся на кухню. – Не смешно, – нахмурился он, видя смеющегося индейца.

Мария встала с места и подошла к немного напуганному хакеру.

– Эвис, – прошептала она, – ты меня видишь.

Прямо на глазах Гарсии перед ним сначала появился силуэт девушки, спустя пару секунд он уже видел ее, как раньше. От неожиданности парень даже отшатнулся.

– Ничего себе! – выдохнул он. – Да это невероятно! Как у тебя?!.. Невероятно!

Мария указала ему на место.

– Имена. – Она указала пальцем на экран ноутбука.

– Да, сейчас! – Он сел за стол. – Блин, – выругался он, – теперь я тебя боюсь.

– И правильно делаешь. – Девушка снова улыбнулась.

Эвис долго ковырялся в своих файлах. За это время Тогай и Мария успели приготовить чай и перебраться в гостиную.

– Твой дар, – поставил на стол чашку Тогай, – он удивительный.

Лазарь криво ухмыльнулась, будто вспомнив что-то.

– Я знаю много людей, кто с тобой бы ни за что не согласился.

– Ты никогда им не пользовалась раньше?

– Было дело. Правда, давно.

– А как же люди в районе?

– Это мелочи, как трюк с Эвисом. – Она передернула плечами. – Я ничего еще не сделала из того, что могу.

– А когда делала последний раз?

– В детстве. После чего с меня взяли обещание никогда этого больше не делать. – Мария забралась на диван с ногами. – Но тот, кто брал

с меня это обещание... умер... а перед тем как исчезнуть, и вовсе снял с меня это обещание.

– А как же Уокер, Мерфи?

– А что с ними?

– Ведь это ты сделала? Нарушила свое же обещание и сделала?

– Возможно, – Ттихо ответила она. – Не удержалась... только наказать меня за это уже нельзя. Уже наказали.

– Как?

– ...Забрали все.

– Есть! Нашел! – Гарсия пришел с ноутбуком к друзьям и сел рядом с Марией. – Вот тут я подробно расписал всю цепочку. – Он указал пальцем на монитор и подвинул его к девушке. – Правда, все эти имена упоминаются и в других цепочках. Заказчик всегда один, исполнители разные, но одни и те же, собственно. Много пешек и шушеры ненужной.

– Немаленький список.

– Угу, – согласился Эвис, почесывая свое плечо.

– Вы ведь даже не знаете, что делать дальше, да? – Мария отодвинула ноутбук от себя и посмотрела на новых приятелей. – Кроме той стены с именами, у вас нет плана?

– Нет, – кивнул Тогай. – Инструкции, видишь ли, оканчивались на нашем объединении. А дальше, – он разве руками, – все в наших силах.

– А у тебя есть план? – Эвис вопросительно посмотрел на Марию.

– На твоей схеме в самом верху, под занавеской, было девять имен за круглым столом. Кто они?

– Я называю их Советом старейшин из ада, – с налетом таинственности ответил Гарсия. – Это главы основных кланов, управляющих всем, что ниже. Верхушка пирамиды, в общем.

– То есть, – Мария прикусила нижнюю губу, – если снести эту верхушку, рухнет все остальное?

– Зависит от того, как хорошо снести...

– Если их не станет?

– У них большие семьи, Мария, – вступил в диалог Тогай, – на смену одному придет другой.

– Ну... это если будет кому приходить, – заметила Лазарь. По лицу девушки пробежала недобрая тень, придавая ее глазам еще больше загадочности.

– Мне кажется, или у тебя созрел план? – поднял брови Гарсия, довольно улыбаясь одними губами.

– Каждый клан отвечает за что-то одно?

– Да, по большей части, – кивнул мексиканец.

– Хм-м... а в этом что-то есть, – сказала Мария в ответ своим же мыслям.

– Что ты задумала? – одновременно спросили друзья.

– Да так, – улыбнулась девушка, – справедливость, наверное.

– А именно?

– ...И вы подобно так падете, как с древ увядший лист падет... И вы подобно так умрете, как ваш последний раб умрет... – едва слышно проговорила Лазарь на незнакомом приятелям языке.

– Эм-м, – мужчины переглянулись.

– Тут мы тебя совсем не поняли, – заметил Гарсия.

– Если я правильно понял ход твоих мыслей, ты хочешь, чтобы каждая семья умерла от того, чем занимается? – переспросил Тогай.

Мария кивнула.

– А их шестерки?

– Сам подумай, Эвис, – Лазарь откинулась на спинку дивана и сложила руки на груди, – когда вокруг шестерки все будет полыхать, у нее не будет вариантов... кроме как пасть вместе с хозяином.

– На их место придут другие... – вздохнул мексиканец.

– Конечно, придут, – согласилась девушка. – Только пройдет уже много времени, и мир изменится и, возможно, будет сильнее и не падет к ногам меньшинства.

– Это утопия...

– Не волнуйся, друг, – потрепал Гарсию по плечу индеец, – на наш век и век наших детей хватит.

– Даже не представляю, как это можно сделать. – Эвис посмотрел на Марию и Тогая. – Мы такие маленькие люди против огромной системы. Ума не приложу. – Он приложил ладони к лицу и покачал головой.

– Мы не сможем подойти к этим людям и на сто метров, но нам и не придется. У нас есть один человек, который имеет власть над ними всеми. Главное – направить его в нужное нам русло, а дальше сидеть и наслаждаться спектаклем. – Лазарь снова закурила.

– Сколько раз ты с ним еще увидишься? – спросил Тогай. – Успеешь ли?

– Еще четыре встречи. Если все пойдет как я думаю, то ему будет не до головных болей.

– Честно, ребята, – улыбнулся Эвис, – у меня такое чувство, что я в кино. Чертовски приятное ощущение, я вам скажу! Три маленьких человечка сидят и обсуждают, как спасти мир. Круто же!

– Мне нет до мира никакого дела, – помотала головой Лазарь. – Я хочу свою месть, а если по пути я помогу вам, то так тому и быть.

– Ты ведь не собиралась никому мстить. – Тогай подался вперед и взял со стола свою чашку с остывшим чаем. – Там, на мосту, я видел это в твоих глазах. Тебе было все равно...

– Тут ты прав, – согласилась девушка. – Но у тебя было пророчество твоего деда, у меня под дверью письмо с того света, а у Эвиса схема и список имен всех тех, кто стоит за моим личным несчастьем. Я не боюсь умереть, я ищу смерти, но я буду не против забрать на тот свет и всех тех, кто вынудил меня ее искать.

– Мария, а ты уверена, что никто не помешает тебе осуществить задуманные четыре встречи? – спросил Эвис. – Если уже начальник охраны тебя проверять взялся?

– Ну, это было предсказуемо, – выдохнула девушка. – Я довольно хорошо защищена от подобного рода проверок. Я так думаю, во всяком случае.

Гарсия сморщил нос, как в знак несогласия.

– В век интернета от хорошего хакера мало кто защищен. Да никто, в общем-то. – Он почесал в затылке. – Если они глубоко копнут, наверняка найдут что-то странное. Какие-нибудь нестыковки.

– Можешь заняться моей защитой в интернете. – Она улыбнулась.

– Да уж придется. – Он засмеялся. – Эвис может. Кстати, намекника, где могут быть самые явные огрехи?

– Явные?.. В семейной легенде. Верней, в фотографиях.

– У-ух, вот это засада, – присвистнул Гарсия.

– Есть такое, – хмыкнула Лазарь.

– А этот человек барона сможет до них добраться?

– Может.

– Что для него там будет открытием?

– Открытием? – подняла одну бровь Мария. – Хотя бы то, что вся семья Бенедикта Лазаря погибла и никаких детей не осталось...

– Что?! – аж подпрыгнул на месте Гарсия. – Это еще и в газеты лезть придется?!

– Была всего пара-тройка заметок, они были, скажем так, подкорректированы. Во всяком случае, те, что в электронных архивах.

– Уже лучше, – выдохнул Гарсия, закрывая ноутбук. – Я все понял, буду пока прикрывать тебя на просторах интернета.

– Я должен буду уехать на пару дней в резервацию. Надеюсь, не натворите бед в мое отсутствие. В четверг я вернусь, и можем увидеться...

– Хорошо, – кивнула Мария, – в этот раз можно в клубе Эвиса.

– Отлично! Заседание клуба мстителей закрыто? – Он с улыбкой оглядел друзей.

– Да! – Индеец встал с дивана. – Пора домой идти.

– Эвис, уходи через главный вход, Тогай, по пожарной лестнице. – Мария подошла к двери. – Не будем создавать лишних примечательностей.

– Доброй ночи. – Гарсия кратко наклонил голову и, взяв под мышку свою сумку, вышел за дверь. Тогай еще надевал ботинки.

– Что ты забыл в Пайн-Ридж? – поинтересовалась Лазарь.

– Мать попросила приехать, а меня не нужно просить дважды. – Он завязал шнурки и выпрямился во весь рост. – Ты будь осторожнее. Мое чутье мне подсказывает, что уже очень скоро мы не сможем так вот спокойно собираться.

– Не пропадем, – ответила Мария.

– Спокойной ночи! – Тогай вышел в коридор и, оглядевшись по сторонам, вышел через запасной выход. Мария проводила его взглядом, а затем закрыла дверь.

Оставшись в квартире одна, погасив везде свет, она села у стены напротив окна и окинула взглядом комнату. Кажется, совсем недавно она приехала сюда, не зная никого и ничего, не зная, как жить. Правда, тогда была надежда... которая умерла всего-то пару недель назад...

Май 2009 года, Косово, Обилич

После погромов в 2004 году в маленьком городке к северу от Приштины сербского населения почти не стало. Дома сербов были сожжены, из десятка церквей осталось две неповрежденные. Жить среди враждебно настроенных албанцев простые люди, немусульмане, не желали. А те, кто остался, вынуждены были каждый день и каждую ночь держать оборону. На окраине города среди заброшенных и сожженных сербских домов было пять отстроенных заново. Каждый был окружен невысоким забором, имел небольшой огород и сад на заднем дворе. Здесь не было слышно детских голосов, и не свои тут практически не ходили. Солнце давно уже скрылось за горизонтом, но ночь отчего-то долго не входила в свои права. К дому с крышей из красной черепицы подъехала старенькая «ауди» побледневшего грязно-голубого цвета. Горан притормозил у ворот, заглушил мотор, но оставил фары включенными. С минуту он сидел и смотрел на рассеянный белый свет, затем перевел взгляд на свисающие с зеркала заднего вида четки, кулон с выцветшей фотографией какой-то девушки. Горан еще крепче сжал руль, по его лицу ходили желваки. Он будто готовился к чему-то, собирался с духом. Наконец погасил фары и вышел из машины. Павлович огляделся и, сплюнув под ноги, пошел к калитке. Пройдя по узкой дорожке из гравия, он уткнулся в крыльцо

дома. На ступеньках сидел Милош и, отрезая от яблока маленькие кусочки, закидывал их себе в рот.

– Привет! – сказал Горан. – А ты чего тут? – он сел рядом.

– Я думал, ты не вернешься, – спустя минуту тихо проговорил Лазарь. – А кстати, почему ты вернулся? – он внимательно посмотрел на друга.

– В смысле? – Павлович посмотрел на Милоша, стараясь всем своим видом показать, что удивлен вопросом.

– Тебе простили вторую ошибку подряд. – Лазарь закинул еще один кусочек яблока в рот. – И даже не подпортили фасада... Что ты наобещал им в этот раз?

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – покачал головой Горан. – Я ездил в Приштину, к матери. Ты же знаешь. – Он полез в карман за сигаретами.

– Ты ведь им все рассказал? Да, брат? – с ухмылкой продолжал спрашивать Лазарь. – Мне плевать, что ты им рассказал про меня, про отряд, про ребят и спонсоров... Но вот ответь мне на один вопрос, будь добр: ты сдал им Сенку?

– Кому «им»? – закатил глаза Павлович, продолжая изображать непонимание. – У тебя очередной приступ мании преследования? Шпионов снова ищем внутри?

– Шпион из тебя никакой, а вот крыса отличная, – выдохнул Милош. – Значит, и про нее им рассказал. А я думал, хватит ума этого не делать.

Горан закурил и молча смотрел на поднимающийся к небу дым.

– ...Выбора не было, – выдохнул мужчина, жмуря глаза.

– Ума у тебя не было. – Лазарь выкинул оставшийся от яблока огрызок в кусты и вытер нож о штаны. – Я многое понимаю, Горан, но, сколько ни думал, не могу объяснить твое поведение. Сколько ты стоишь, Павлович? – спросил Милош, не глядя на некогда друга.

– Не дороже твоей головы, – выдохнул тот. – А понять меня не трудно, если вспомнить, как я жил.

– Все так жили, – перебил его командир.

– Никогда не хотел как все.

– Поэтому предал всех? – усмехнулся Лазарь.

– Как ты узнал вообще? – Горан бросил выкуренную сигарету и потянулся за следующей. – Как?..

– По запаху. – Милош посмотрел на Горана. – Предательство... оно воняет.

Лазарь поднялся со ступенек и встал перед Павловичем, тот тоже поспешил встать.

– У них была Дара... я не мог...

– Да брось ты, – покачал головой и криво улыбнулся Лазарь, – она у тебя была сколько, три недели? А до нее кто был? А до той? Ты менял их каждый месяц, по последним четвергам. И всегда этим хвастался. Внезапно Дара становится особенной. – Милош жонглировал ножом, не сводя глаз с предателя. – Ты предал нас еще полгода назад.

– Пускай так, – кивнул Горан, – но меня прижали к стенке, а я жить хочу.

– На чем тебя прижали? На том, что влез в их бизнес, захотел нажиться на своих, как они наживаются? Мне вот любопытно, – Милош поймал нож и поднес его к шее Павловича, – ты, когда этот бизнес начинал, моим именем прикрывался? – Горан молчал. – Моим, значит...

– Слушай, – голос Горана подрагивал, он видел уже такой взгляд Лазаря и никогда не хотел ощущать его на своей шкуре, – я тогда испугался и, да, сболтнул лишнего. Я хотел чтобы они от меня отстали... отпустили Дару и...

– Мне лет десять удавалось скрывать ее от них, она была рядом со мной, и никто ни о чем не догадывался... Потом в тебе, видимо, проснулась зависть, и ты решил, что я не заслуживаю своего счастья, так, брат? – Лазарь убрал нож и вполсилы ударил Павловича в живот. Тот согнулся пополам и начал кашлять, пытаясь ловить ртом воздух.

– Не я один знаю о вас, – прошипел Горан, держась за живот, – Сава тоже знает. Почему ты не подозреваешь его?..

Милош схватил Павловича за горло и сильно сжал.

– Хотя бы потому, что он свободен от зависти, – наклонившись к предателю, прошептал командир и толкнул Горана назад. Тот упал на землю, но тут же поднялся. Ноги его шатались, тело бил озноб, и дыхание все не хотело приходить в норму.

– Да! Да! Я захотел лучшей жизни! – крикнул Горан. – Под твоим чутким руководством все, что нам светило, – это бегать по лесам и ползать в грязи! Перебиваться подачками от гражданских! Нищета! Я этого не хотел! – От напряжения вены на шее Павловича взбухли, глаза налились кровью.

– Зачем тогда пошел за мной? Я не настаивал.

– Думал, будет иначе, – Горан плюнул в сторону, – но не с ней. Не знаю, что там она шепчет тебе на ухо, но это из-за нее ты выбрал глупый путь борца за справедливость! Из-за нее, понимаешь, брат?! Если бы не она, мы бы уже были миллионерами!

– Она была в моей жизни почти с самого начала, – покачал головой Лазарь. – Без нее я не был бы и половиной того, чем являюсь. Где тебе понять это...

Дальше Милош сделал резкий рывок вперед и повалил Горана, прижав его голову к земле. Тот пытался вырваться, но тщетно.

– Ты думаешь, албанцы страшные, – прошипел ему над ухом командир, – ну так вот, я страшнее. И дальше, если хочешь остаться в живых, будешь делать то, что я скажу. Выполнишь мою, скажем так, просьбу, и я отпущу тебя. Идет?

– Что за просьба? – прокряхтел Павлович.

– Ты поможешь мне отправить Сенку отсюда подальше. Да так отправить, чтобы никто из твоих новых друзей не знал ничего. Я хочу, – прошептал Милош, – чтобы у нее там была нормальная жизнь, другое имя и абсолютная безопасность. Чтобы никто не мог подкопаться... Я понятно выражаюсь?

– Я понял... я смогу это устроить...

– Конечно, сможешь, иначе я тебя убью... – Лазарь отпустил его и поднялся. Отряхнув штаны, он направился к дому. – Начинай работать, и чтобы без глупостей. – Милош поднялся по ступенькам и скрылся за дверью дома.

Горан еще долго сидел на земле и глотал ртом воздух, обдумывая план дальнейших действий. Единственным выходом было сделать так, как хочет Лазарь. Правда, спрятать человека от всего мира и дать ему новую биографию – задача не из легких.

Несколько дней спустя

Весь вечер за окном лил дождь, но казалось, что темные тучи кружили и в самом доме. Три человека сидели в гостиной. Горан обставил себя ноутбуками, рядом лежала папка с разными всевозможными документами.

– Итак, Горан, – Милош сидел в кресле напротив Павловича, закинув ногу на ногу, – изложи мне план.

– Я все подготовил. Благодаря наработкам Стевана получилось создать реального человека, – ответил предатель, не поднимая головы. – Я свел все факты, как ты сказал, смог залезть в газетные архивы...

– Той семьи, что я говорил?

Горан кивнул.

– Что еще?

– Для них там она будет простым человеком. Я, как и договаривались, буду вести ее социальную активность в сети. Пять лет... после чего в этом уже не будет необходимости. – Он впервые за весь вечер поднял глаза на командира.

– Если все пойдет по плану, – буркнул себе под нос Сава, – если по плану.

– Даже если у нас тут что-то сорвется – она будет в безопасности, – кивнул Горан. – Все будут думать, что она еще одна из толпы. Как ты и хочешь...

Милош встал с кресла и подошел к окну. Отодвинув занавеску, он посмотрел на яблоневый сад, заливаемый дождем.

– Она никогда не будет одной из толпы... – тихо произнес Милош, но никто его не расслышал. Он улыбнулся чему-то.

– Милош, – Горан откинулся на спинку стула, – билеты куплены. Вылет через три дня. Думаю, пора ей сообщить об этом. Нам еще через две границы перебираться...

– Не завидую я тебе, – покачал головой Сава, встав с дивана, подошел к другу и положил руку ему на плечо. – Все будет хорошо, брат. Каких-то пять лет, и вы снова будете вместе.

– Ты мог бы с ней поехать, – пожал плечами Горан.

– Не могу, хотя безумно этого хочу. В отличие от тебя, я знаю, что такое долг, и никто с меня погоны не срывал... я все еще служу Сербии... пускай и в качестве лидера повстанцев. Моя работа будет закончена тогда, когда Косово вернется домой.

– А если этого никогда не случится? Бросишь Сенку в Америке, что ли? – возмутился Савко. Лазарь хмыкнул.

– За пять лет я разберусь с опасностью, и она сможет вернуться. Я надеюсь.

– Ну, – выдохнул Павлович, – надежда умирает последней. И вы не сможете поддерживать связь никак. Этот ноутбук будет у нее. – Он положил руку на закрытый компьютер. – Должен быть включен всегда, ну, это я проконтролирую. Я установил на него программку одну, типа чата что-то. Но выходить на связь можно только в экстренных случаях. Почта есть, но письма только зашифрованные и не от тебя.

– То есть, – почесал щеку Сава, – пять лет он не сможет ей и слова сказать?

Горан кивнул.

– Сам подумай, за ним следят и ждут его промахов, если он будет слать свои сообщения куда-то в Америку, они начнут копать, и тогда нафиг все это вообще было нужно.

– Ладно, – махнул рукой Лазарь. – Тема закрыта. Сава, готовь машину, через два часа выезжаем. Горан, делай свое дело и не забывай про наш разговор.

– Понял, – нахмурился Павлович и снова уткнулся в компьютер.

Он уже сотню раз пожалел о том, что согласился. Сейчас ему хотелось быть мертвым, хотя он и изображал из себя довольного живого. С одной стороны от него ждали результата заказчики, которые заплатили кругленькую сумму, а с другой стороны был сам Лазарь, который

все знает и убьет при первой же оплошности. Выбирая, от чьих рук помирать, Горан склонялся больше к Милошу. Однако он все еще искал способа избежать печальной участи вовсе. У него была одна идея. В этот раз будет проще действовать напрямую. Не будет Сенки, не будет и препятствия. А пока можно и поизображать раскаяние...

Милош поднялся на второй этаж и прошел до комнаты в конце коридора. Он тихо приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Обилич сидела на подоконнике и смотрела в темное небо.

– Звезды ищешь? – Лазарь прошел в комнату, закрывая за собой дверь.

– Ты его простил? – не поворачивая головы, спросила девушка. – Почему?

Командир улыбнулся и, подойдя к окну, сел на стул рядом.

– Дело не в прощении, Цветочек, дело в том, что он все еще может быть нам полезным. Другой вопрос, что никто не доверит ему больше ничего.

– Я бы отдала его албанцам.

– Я знаю. – Милош провел рукой по волосам и шумно выдохнул. Он посмотрел на Сенку, сидевшую поджав ноги. Он опустил глаза на ее руки и потянулся к ним. Коснулся пальцев. – Тебе нельзя больше тут быть.

– В смысле? – она нахмурила брови.

– Горан своим заказчикам-спонсорам рассказал про то, что я не так одинок, как они все думали. – Он посмотрел ей в глаза. – Теперь они будут пытаться поймать тебя.

– И раньше пытались. – Сенка спустила ноги вниз, поворачиваясь к мужчине.

– Я хочу разобраться с ними до конца. Хочу провести операцию по их полному уничтожению. Но я не смогу этого сделать, если ты будешь со мной.

Обилич молча слушала, лишь сильнее сжимая руку командира. Она прекрасно понимала, к чему он клонил, в носу начинало предательски пощипывать.

– Что ты придумал для меня? – тихо спросил Сенка. Лазарь на это закрыл глаза.

– Ты уедешь в Америку. С другим именем, другой историей, будешь там жить жизнью обычного человека... Пять лет, всего пять. Потом либо приеду я, либо вернешься ты.

– Что я там делать буду? Я ничего там не знаю...

– Будешь работать по профессии, как ты всегда хотела. Гулять, веселиться, как хочу я. – Он встал со стула и обнял девушку, крепко к

себе прижимая. – Только придется воспользоваться своим даром, совсем чуть-чуть.

– Я не могу им пользоваться, ты же...

– Иначе не получится устроиться на ту работу, что я подыскал для тебя. Ты всегда была немножко актрисой, – он поцеловал ее в лоб, – поиграешь чуток и там.

– И как меня звать будут? – она уткнулась носом в грудь Милоша, с трудом сдерживая подступающие слезы.

– Ну, выбор был небольшой, – улыбнулся командир. – Мария.

– Какое необычное имя, – хмыкнула девушка.

– А фамилия интересна?

Она кивнула.

– Лазарь... – Сенка подняла голову. – Всегда хотел дать тебе свою фамилию. – Он улыбнулся. – Хотя бы так пока.

– Разве по-английски она будет звучать так же?

– Нет. Для них всех ты будешь прилежной еврейской девочкой из семьи погибшего Бенедикта Лазаря, но мы-то знаем, как надо. – Милош подмигнул ей. – Не зря же ты учила иврит, а?

– Громко сказано – учила, просто ходила с Миланой за компанию.

– Пригодится теперь. – Он провел ладонью по ее лицу.

– И когда?

– Уже пора ехать. Вылет через три дня.

– Три дня?! – Сенка чуть не вскрикнула от огорчения.

– Я не хочу рисковать, – пожал он плечами. – Давай соберем твои вещи, нам правда пора ехать. Я расскажу все подробнее в машине.

Обилич не хотела с ним ругаться и спорить, это бы ничего не изменило, а ссориться перед долгим отъездом никто не хотел, да и не ссорились они толком никогда. Милош достал из шкафа коричневую кожаную сумку и поставил ее на пол.

– Я не отдам тебе этот платок. – Он снял с вешалки ее шелковый платок.

– Будешь сам носить? – посмеялась она, вытирая слезы.

– Может, и буду, – подмигнул ей командир.

Спустя два часа Сенка, Сава и Милош были в машине на пути в Черногорию, откуда свое дальнейшее путешествие Обилич продолжит одна. В пути они сделали несколько остановок и даже зашли в маленький уютный ресторанчик, где весело провели время. По дороге Милош прошелся по новой биографии Сенки.

– Ты уже сняла в Нью-Йорке квартирку, – улыбнулся Савко, – только потом смени ее на другую, не на свое имя. Пусть будет в качестве места для анкет и тому подобного.

– А соседи, с ними как быть?

– Ну, милая моя, – сладко потянулся Милош, – с ними ты знаешь, как разобраться. Пусть они думают, что ты там живешь или не живешь.

– Ты мне правда разрешаешь? – еще раз спросила Сенка.

– В этой ситуации разрешаю.

– Так, Сенка, – посерьезнел Сава, – у тебя новехонький американский паспорт. Легенда, что был утрачен и выдан новый в посольстве в Черногории. Отметка об этом стоит. Так что забудь свое настоящее имя и начинай играть.

– Я не хочу ничего забывать, – помотала она головой. – Мое имя мне еще понадобится...

– ...Линзы, – Лазарь протянул ей белый контейнер, – знаю, ты их не любишь, но твои глаза у всех вызовут слишком много вопросов. – Нахмурившись, Сенка взяла их. – В аэропорту поменяешь. Кстати, – он достал из внутреннего кармана конверт, – твой паспорт.

Девушка открыла его и достала документ.

– Странное ощущение, – натянуто улыбнулась она. – Тоскливое какое-то.

– Все будет хорошо, – попытался ободрить ее командир.

– И никак иначе.

Прощание было недолгим, но тяжелым для обоих. Из Подгорицы уже Мария Лазарь улетела в Рим, а оттуда в Нью-Йорк, где ее ждал мир, который ей был абсолютно чужд.

Наше время

Черный «бентли» ехал со средней скоростью в сторону Покантико-Хиллс, расположенных чуть правее от окутанной ореолом таинственности Сонной лощины. Спустя сорок минут впереди появились огни поместья Кайкет и десятка частных домов, принадлежащих детям и внукам семейства Рокфеллеров. Зимой большая часть территории закрыта для туристов, хотя всегда находятся те, кто жаждет пошпионить за семьей. Машина съехала с главной дороги на узкую, ведущую к двухэтажному дому с большой конюшней и выходом к лугам. Охранники парами ходили по территории, грозного вида собаки внимательно внюхивались и всматривались в темноту, ожидая нападения в любой момент.

– Прибыли, сэр, – доложил водитель.

Подошедший дворецкий открыл дверь машины для барона.

– Добрый вечер, сэр Ротшильд! Прошу вас, проходите.

Натаниэль с хорошо скрываемым недовольством вышел из машины и направился к дому. Его проводили в кабинет Дэвида Рокфеллера. Ротшильд медленно прошелся вдоль высоких деревянных стеллажей с искусной резьбой и сел в глубокое кожаное кресло. От напитков и еды отмахнулся. Когда он остался в кабинете один, он начал не спеша осматриваться. Давно он не бывал в этом кабинете, но тут мало что изменилось. Разве что сменились картины на стене у окна, выходившего на Манхэттен. Раньше там всегда висела картина Пикассо «Время», теперь же на ее месте красовался «Ночной дозор». Барон достал из внутреннего кармана найденное днем письмо и, раскрыв его, еще раз пробежался глазами по тексту. В эту минуту в кабинет вошел Дэвид, одетый в свободную одежду.

– Доброй ночи, Нэт! – он прошел к своему столу и сел в кресло рядом с Ротшильдом. – Обожаю ночные конные прогулки. Такое удовольствие! Рекомендую! – Он взял со стола стакан воды и сделал пару глотков. – Итак, что за срочность? Что-то случилось?

– Думается мне, что да. – Барон закинул ногу на ногу и попытался расслабиться. – Сдается мне, что в нашем кругу завелись крысы. Крысы, которые видят наши конечные цели иначе.

– Не очень тебя понимаю, – нахмурился Дэвид. – О ком ты конкретно говоришь?

– Видимо, о тебе. – Ротшильд протянул письмо Рокфеллеру, тот взял лист бумаги. – Узнаешь?

– Нет, – мотнул тот головой. – Что это? – он еще раз пробежался по тексту глазами. – Внутренняя банковская переписка, какие-то транзакции.

– Наши семьи заключили мир не так давно, не стоит портить отношения сейчас.

– Извини, но я тебя не понимаю. Просишь встречи, показываешь мне какую-то бумажку и обвиняешь меня в неверности нашим общим целям! Ты в своем уме?!

– То есть ты отрицаешь, что ты это писал? – Натаниэль кивнул на лист бумаги в руках старика, смотрящего на барона с нескрываемой неприязнью и какой-то плохо скрываемой обеспокоенностью.

– Да, – кивнул Дэвид. – Тут даже подписи есть тех, кто это писал. И это никак не моя подпись. Натаниэль, ты себя хорошо чувствуешь? Выглядишь ты не очень.

– Еще бы, – прошипел себе под нос Ротшильд. – Ладно, разберусь с этим.

– Я не понимаю, что ты говоришь. – Дэвид налил во второй стакан воды и протянул его барону. – На, выпей, полегчает.

Натаниэль взял стакан и выпил до дна.

– А теперь давай-ка с самого начала. Что происходит? Или это розыгрыш? – Рокфеллер натянуто улыбнулся. – Я, знаешь ли, терпеть их не могу.

Ротшильд встал с кресла и медленно, раздумывая о чем-то, подошел к окну. Отодвинув тяжелую багровую штору, он увидел Гудзонский залив. В ночной тиши он выглядел куда более угрожающим, чем при свете дня. Даже сверкающий всеми огнями Манхэттен не мог ничего изменить.

– Скажи мне, Дэвид, – выдохнул барон, – все идет согласно нашему плану? – Натаниэль поднес руку к окну и стал пальцем выводить какой-то символ на запотевшем стекле. – Или есть какие-то проблемы?

– Хм-м, – нахмурился Рокфеллер, – ты сам говорил, что это длительный процесс. Хотя, согласен, времени у нас не так много. События развиваются стремительно. И сам знаешь, что русские сильно портят нам игру.

– Ничего они не портят, – покачал головой барон. – Ведут себя, как и должны. Защищаются. – Натаниэль развернулся и снова подошел к креслу. – Ничего другого от них мир и не ждал.

– Да-да, силой их не одолеть, – махнул рукой Дэвид. – Сами себя съедят, вслед за Европкой. – Он весело крякнул. – Отличная была идея... правда, я хотел бы дожить до всего этого, не хочется пропускать такое шоу. Столько лет работы.

– Давно хотел поинтересоваться, – Ротшильд стоял и незаметно для собеседника сжимал мягкую спинку кресла, – а каким видишь ты день достижения цели?

Он поднял глаза на Дэвида, стараясь уловить движения всех мышц его лица.

– Солнечным. – Рокфеллер закинул ногу на ногу. – Да и не будет это все одним днем, все произойдет постепенно. Мы просто будем править миром. Как и собирались.

– ...Мы... – шепотом повторил барон и быстро сглотнул.

– Да, мы. Девять кланов, что стоят у истоков, – кивнул Дэвид. – Разве мы не об этом договаривались? Каждому – своя зона влияния и абсолютный над ней контроль.

– Об этом, – согласился барон. – Только если в ряды не затесалась крыса.

– Ты странно сегодня говоришь, никогда тебя таким прежде не видел. С тобой все в порядке?

– Будь осмотрительней, Дэвид, среди нас затаился предатель.

– И какая же у него цель?

– Пока не знаю, – мотнул он головой, – но зачем рисковать?..

Ротшильд спешно попрощался и покинул дом Рокфеллера. На пути домой он все не мог отделаться от навязчивой мысли, что его хотят обмануть.

Дэвид несколько минут молча сидел в кресле, поглаживая гладко выбритый подбородок. Он слышал, как отъехала машина, свет ее фар быстро скользнул по окнам. Затем он встал и, подойдя к столу, взял свой телефон. В списке контактов отыскал нужный и нажал вызов. На той стороне долго не отвечали.

– Брайан, здравствуй! – поприветствовал своего друга и соратника Дэвид. – Хотел поинтересоваться: что у нас творится с бароном Ротшильдом? Ты общался с ним последнее время?

– Нет, – хрипло ответил Брайан, – только на вечере памяти обмолвились парой слов. А что случилось?

– Он подозревает кого-то из девяти в предательстве. – Рокфеллер обернулся на звук – ветер теребил штору. Присмотревшись, Дэвид заметил какое-то пятно на стекле. Он подошел к окну и дыхнул на пятно. Тут же оно приобрело более понятные очертания.

– Бред какой-то... – прошептал он.

– Не понял?

– Барон нарисовал на моем стекле глаз.

– Я слышал, он договаривался о встрече с психологом, может, в этом дело?

– Ах, да, с этим докторишкой, – закивал Дэвид, – как там его зовут?.. Зев вроде.

– Да, Гэбриэл Зев, он психоаналитик.

– Разузнай у него, будь добр, что там с нашим бароном.

– Хорошо.

– Боюсь, что он натворит дел и помешает нам всем добиться желаемого. – Рокфеллер стер рисунок со стекла. – А у меня нет вечности впереди. Может, нам действительно придется сменить четвертого барона на молодого, тот всяко посговорчивей...

– Я услышал тебя. Завтра позвоню и дам знать.

– Доброй ночи, Брайан.

Дэвид отключил телефон и бросил его на стол.

– Только попробуй соскочить сейчас, Нэт, и я убью тебя своими же руками... – прошептал Рокфеллер, поморщившись.

Бранкович лениво потягивал шоколадный коктейль из трубочки и закусывал его чипсами. Он все смотрел на дом, где жила Лазарь, и искал глазами нужную квартиру. За те два часа, что он тут сидел, ничего подозрительного не произошло, но интуиция, чутье трубили

вовсю. Решив размяться, Вук вышел из машины и направился к дому. Ему повезло – кто-то вышел, и он смог войти внутрь. Начальник охраны осторожно, не спеша поднимался по лестнице. Потом буквально крался по коридору. Дойдя до квартиры 73, он встал напротив двери и прислушался. Он слышал, как гудел ветер, слышал запах китайской лапши и табака. Больше всего удивляло его то, что за дверью была абсолютная тишина.

«Ты ведь не ложишься спать в такую рань?.. – про себя спросил он. – Никогда не поверю».

Вдруг из квартиры в начале коридора вышла женщина в возрасте. Бранкович быстрым шагом направился к ней, навешивая на лицо маску доброжелательности.

– Простите, мэм, – обратился он, – вы случайно не знаете, в этой квартире, в семьдесят третьей, еще живет Мария? Она мой давний друг, и я решил ее навестить, но что-то никто не открывает. – Женщина смотрела на него с удивлением. – Вы знаете Марию Лазарь? Она там живет...

– Там никто не живет вроде, – мотнула головой женщина, смотря в конец коридора. – Вообще я сюда месяц назад переехала. Почти никого не знаю, – всплеснула она руками. – Вы лучше у моей внучки спросите. Джен, милая, выйди!

На пороге появилась молодая женщина.

– Вот, помоги человеку, а то меня уже такси заждалось.

– А вы не знаете, Мария Лазарь живет в семьдесят третьей? – повторил свой вопрос Вук.

– Да, знаю, что там живет женщина молодая, но имени ее не знаю.

– И давно она там живет?

– Да лет пять уже, – пожала плечами девушка. Бранкович с недоверием прищурился. – Просто мы с ней редко пересекаемся.

– А вы хотя бы можете ее описать?

– Вы кто такой? Полицейский? – резко сменилось настроение Джен. – Детектив? Документы ваши покажите, – потребовала она.

– Ладно, – махнул он рукой, – спасибо за помощь.

Бранкович спустился вниз и подошел к почтовым ящикам. Ящик под номером 73 был доверху наполнен всякой рекламой, но, к сожалению Бранковича, так же выглядели и соседние ящики. Неожиданный звонок телефона выдернул Вука из раздумий. Звонил Грегори.

– Весь внимание. – Бранкович вышел из дома и направился к машине.

– Я нашел только две фотографии семьи, и она там есть.

– Только две? – удивился Вук.

– Да, и одну из них можно найти и на ее странице в фейсбуке, в совсем ранних постах.

– Чувствую, что это не главная находка. – Начальник охраны сел в машину и закрыл дверь. Поеживишись от холода, он завел мотор.

– Есть кое-что. На глубине мне выдали одно имя, верней, подсказали, что есть еще и такое. Чувак сказал, что англоговорящему не понять, а такому, как ты, разница должна быть очевидна.

– Ты меня заинтриговал, что за имя?

– Ты когда-нибудь слышал о Милоше Лазаре? – По лицу Бранковича пробежали желваки. – Он...

– Знаю я, кто это, – буркнул Вук, – майор полиции, служил когда-то в SAJ[7]...

– В группе А, – добавил Лид. – Только тут не сказано, что он бывший.

– В партизаны заделался и стал бывшим.

– Ты его лично знаешь, что ли?

– Нет, – мотнул Вук головой. – Верней, пересекались наши дорожки пару раз, но с его неподкупностью и жаждой справедливости была масса проблем у моего начальства...

– Тебе не кажется странным, что фамилии похожи?

– Нет. Тем более что они не похожи. Куда тебе до тонкостей языка, – закатил глаза Вук.

– А что, если она все-таки его сестра или жена какая-нибудь, и он отправил ее сюда?

– Ты с ума-то не сходи, Грег, – улыбнулся Вук. – Она просто девка с мутной биографией, а не партизанка из Косово. Если, ты говоришь, на старых семейных фото она есть, значит, ищи дальше.

– Бесполезно. Я все уже раз двадцать пересмотрел, в семейной истории все вычищено. Есть странности на сегодняшний день, но никакого криминала.

– Значит, ищи еще. Телефон ее пробей, кому звонила, кто ей звонил.

– Только звонки с работы ей и звонки клиентам их фирмы от нее.

– Частных звонков нет? – поднял брови Бранкович.

– Ни одного.

– Это как так?..

– Вот так, при такой общительности в сети у нее ноль контактов с реальными людьми. И это очень странно.

– Она где-нибудь бывает? Какие-то отметки нашел?

[7] SAJ – специальное антитеррористическое подразделение министерства внутренних дел Республики Сербии.

– Судя по истории платежей, супермаркет – ее любимое заведение. На втором месте плата за квартиру и сопутствующие услуги, не фанатка шопинга, так скажем.

– Сколько денег у нее на счету? Может, копит на что-то.

– Пятьдесят две тысячи у нее на счету. В общем, вся ее зарплата за полгода.

– Странно все это как-то, она же молодая баба. Мужика рядом какого-то не нашел?

– Нет, – выдохнул Лид. – Вук, добудь компьютер или ноутбук этой Марии. Там по-любому больше информации будет.

– Завтра добуду. Не ночью же мне в квартиру вламываться.

Попрощавшись с Грегори, Бранкович направился домой. Завтра с утра заступать на смену, а шеф не любит и не прощает опоздания.

глава XI

Мария пришла на работу, как всегда, без опоздания. К ее великому удивлению, Джулия была уже на месте. Правда, на лице не было и капли привычной наигранной приветливости и радости. По припухлым глазам можно было понять, что племянница доктора Зева накануне дала волю слезам.

– Умер хомячок? – спросила Лазарь, переобуваясь.

– Хуже. – У Джулии снова были глаза на мокром месте.

– Что может хуже смерти хомячка? – хмыкнула Мария, встав с кресла и подойдя к столу секретарши. Она взяла стопку корреспонденции и стала просматривать письма.

– Меня вчера просто кинули... Представляешь?! Он не приехал, как обещал!

Лазарь брезгливо посмотрела на снова расплакавшуюся Джулию и подвинула к ней коробку с салфетками.

– Кто «он»?

– Вук! – вытирая слезы, ответила та.

– Бранкович, что ли?

Джулия кивнула.

– А-а, – протянула Мария, – у него такая работа, всякое могло приключиться, долг позвал.

– Мог бы предупредить! Телефон уже изобрели! – не унималась девушка.

– А ты давала ему свой номер?

Джулия мотнула головой.

– Ничего, явится сегодня, вот увидишь.

– Ты думаешь? – всхлипнув, спросила она.

– Уверена. – Лазарь положила письма обратно в корзинку и направилась в кабинет Гэбриэла. – Кстати, – остановилась у двери Мария, – кто у нас сегодня на приеме будет?

– Кэрол и мистер Рид. Это для тебя одной. Еще две записи на вечер, но Гэбриэл сказал, что с ними он пообщается сам.

– То есть он сегодня не придет?

– Придет, но во второй половине дня. Кэрол будет через полчаса.

– Ну ладно... подготовлю пока все, – нахмурилась Лазарь, – а где пропадает твой дядя последнее время? Как ни приду, его все нет.

– Говорит, ищет новых клиентов, – пожала плечами Джулия.

Вук поднялся на второй этаж следом за дворецким, несшим поднос с кофейником, большой чашкой и доставленной только что корреспонденцией. Вдвоем они вошли в кабинет барона. Тот сидел за столом, обложенный многочисленными папками и бумагами. Мартин налил кофе и поставил чашку на столик рядом с Ротшильдом. Почту положил на край стола, как всегда. Поклонившись, он вышел из кабинета. Бранкович стоял у книжных шкафов и рассматривал начальника, будто пытаясь найти в его облике что-то новое. Натаниэль хмуро посмотрел на него исподлобья.

– Если тебе есть что сказать – говори.

– У вас сегодня запланированы три встречи. Одна из них через сорок минут, пора выезжать.

– Я их отменил, – мотнул головой барон. – Ко мне сегодня придет один человек, старый друг. Я никуда не собираюсь выходить. Во всяком случае, пока. Что-то еще?

– ...Нет.

– Свободен, – не глядя на Вука, сказал Ротшильд. – Кстати, – остановил он Бранковича у самой двери, – что тебе удалось узнать про Марию Лазарь?

– Пока ничего, сэр, но я ищу.

– Ясно, как я и думал, – ухмыльнулся Натаниэль. – Я не ошибаюсь в людях, молодой человек, чего не скажешь о вас.

– Да, сэр, – с трудом сдерживаясь, сквозь зубы процедил Вук и вышел из кабинета.

Закрыв за собой дверь, он сжал кулаки и еще несколько секунд шумно вдыхал и выдыхал, пытаясь расслабиться.

– Только вот в ней ты ошибаешься, старик, – прошептал он. – Ну, раз сегодня ты дома, то самое время наведаться в гости.

Быстро собравшись, Бранкович вышел на улицу. Мороз пробирал до самых костей, мужчина поднял воротник и застегнул молнию до самого горла. У Центрального парка ему удалось поймать такси. До дома Лазарь было полчаса езды.

Эвис давно уже не страдал от своей бессонницы, он наслаждался ею. Во всяком случае, именно ночью его производительность возрастала в разы, и он успевал сделать куда больше дел, нежели утром. После встречи с Тогаем и Марией в голове роилось слишком много мыслей, которые не позволили даже прилечь. Вернувшись домой, он

заперся в своей комнате. Включил любимую электронную музыку и долгое время рассматривал свою схему, ища в ней какие-то недочеты и нестыковки. Однако все было идеально в его понимании. Отвлекшись от схемы, полез в интернет, отчего-то ему захотелось найти какую-то информацию о Марии. Она была интересным персонажем для него, даже странным, но если Тогай ей доверял, то Гарсия в ней не сомневался.

– И все-таки, Мария, давай-ка глянем, что о тебе знает Гугл, – улыбнулся Эвис, открывая страничку. – Начнем с первого уровня.

Спустя некоторое время он забрел и в первые посты на ее странице в фейсбуке. Эвис открывал одни фотографии, смотрел лайки и проверял людей, их оставивших. Гарсия начал щуриться от недоверия и непроизвольно морщиться от неполного понимания картины перед ним.

– Это все какое-то ненастоящее, – пробормотал он и посмотрел на стоящего на своем столе белого кролика. – И куда же ведет айпи, где ты живешь тогда?..

Сначала он посмотрел айпи страницы Марии, затем первого попавшегося друга из ее контактов.

– Невероятно! – чуть не подпрыгнул на стуле хакер. – Да что там! О-фи-геть!

Он потер нос и с нескрываемым азартом стал погружаться в лабиринт, куда его тащил неизвестный адрес.

– Тупик... – спустя получаса возни с кодами констатировал он. – Как так? Как это сделано-то? – Он пробежался глазами по экрану, по одному, второму. – Тоже хочу так уметь.

Гарсия сделал в своем блокноте какие-то записи и снова посмотрел на открывшиеся окна кодов.

– Ладненько, зайдем с другой стороны.

Он нашел архивы двух газет, где была заметка о смерти доктора Лазаря и его жены. Гарсия скопировал два единственных фотоснимка. Что интересно, фотографий Марии в сети не было, разве что со спины и в профиль издалека. Что было очень странным для человека с такой социальной онлайн-общительностью.

Увеличив фотографии дочери Бенедикта, Эвис довольно хмыкнул, заметив один недочет.

– Гениально, – похвалил он неизвестного, – как только вам это удалось? Это даже не фотошоп... это же скан реальной фотографии... Невероятно!

Отвлекшись от своего мини-расследования, он встал из-за стола и направился к холодильнику. Достал бутылку газировки, вернулся к столу и глянул на третий монитор. Там уже несколько часов мигал сигнал о новых сообщениях и несколько уведомлений.

– Какие активные сегодня дайверы, – вслух сказал Эвис. – Что там у вас такого интересного?..

Но прежде чем перейти к непрочитанным, Гарсия открыл уведомления. Написанная им же программа выдала ему список отслеженных запросов по установленным им маячкам.

– А ты кто еще такой?.. – нахмурился Эвис, еще раз прочитав уведомление: «73 запроса Мария Лазарь». А ведь он только в субботу завел эту машинку.

В непрочитанных сообщениях с ним пытались выйти на связь с форума, где он числился знатоком поиска информации и людей. На форумной страничке некто JOK732 искал информацию о Марии Лазарь. К нему на помощь пришла пара человек, и вместе они набрели на имя какого-то Милоша Лазаря. На радость Гарсии, эти трое просто собирали информацию, а не искали наемного убийцу, что на Глубине не редкость. Вместо того чтобы вступить в дискуссию, Эвис начал пробивать этого неизвестного. Очень скоро он вышел на него – простой анализатор, ничего конкретного. Еще через час этот Джок всплыл в чате искателей, где частенько собирались хакеры со всего мира. В этот час народу онлайн было немного. Неизвестный несколько раз повторял вопрос о Марии. Гарсия жадно всматривался в новые строчки чата. Когда все уже забыли про его вопрос, вдруг появилось сообщение:

– Зачем тебе она?

– Нужна любая информация, – настаивал на своем Джок.

– С какой целью?

– У тебя что-то есть, или ты просто так спрашиваешь?

– Есть, – спустя минуту ответил неизвестный под ником Кос.

Дальше два персонажа перешли в приватный чат.

– Далеко собрались?.. – Гарсия быстренько смог подключиться и к их зашифрованному чату. Это просто, когда ты создатель этого чата. Он, будто привидение, наблюдал со стороны за анонимными собирателями.

– Сколько стоит твоя информация? – спросил Джок.

– Зависит от твоей конечной цели.

– Цель зависит от информации. Если девушка опасна для заказчика, то ее устранят.

– Любопытно. Как именно устранят? Убьют?

– ...Да.

– Хорошая новость – она вообще опасна.

– Чем же?

– Не та, за кого себя выдает.

– А вот это уже мне не нравится, – прошептал Гарсия и запустил какое-то приложение. – И нечего вам тут миловаться.

Через пару секунд он отключил от чата обоих и удалил их учетные записи. Теперь анонимам придется попотеть, чтобы вернуться в чат искателей.

– Найду и тебя.

Спустя еще каких-то сорок минут он нашел и Коса. Тот не сильно шифровался, и его след вел в Косово. Эвису пришлось изрядно потрудиться, чтобы удалить упоминания Коса на подконтрольных ему страницах, но всю Глубину очистить от него не получится. Эти двое будут искать друг друга в любом случае. Однако Гарсии удалось выиграть пару дней тишины.

Бранкович приехал к дому Марии. При свете дня трехэтажка из бежевого и серого кирпича выглядела неприглядной и довольно дешевой. Хотя сам район был вполне себе средним. Вук дождался, пока кто-нибудь выйдет из подъезда, и зашел внутрь. Он поднялся на третий этаж и тихо прошел в конец коридора к квартире 73. В глубоком кармане дубленки он нащупал отмычки среди прочих мелочей. Минуту спустя он уже стоял в прихожей. Вук тихонько закрыл за собой дверь, стараясь не производить шума. Снял обувь и прошел в гостиную. С минуту он осматривался. На столике у дивана была пепельница, что ж, она точно была тут этой ночью, но в остальном квартира производила странное впечатление. Бранкович прошел в спальню. Кровать была собрана, халат небрежно брошен на стул, двери гардероба открыты. Вук подошел к нему и посмотрел одежду.

– В таком в офис ты точно не пойдешь. – Он огляделся в поисках других шкафов. – У тебя только один костюм? – вслух спросил он. – И одна пара обуви...

Зазвонил мобильный Бранковича, на экране высветилась фотография Грегори.

– Слушаю.

– Привет, Вук! Как успехи с ее компьютером? – голос Лида звучал обеспокоенно, даже взволнованно. – Нашел его?

– Пока нет. Хожу по ее квартире вот...

– И?

– Без «и». Тут чисто, по-бабски прибрано, но, черт, как-то не похоже, что тут живут.

– Компьютер?

– Нету. На кухне посмотрю сейчас.

– Может, она его на работу берет?.. – спросил Грег, явна грызя ноготь в этот момент. Бранковича выводила из себя эта человеческая привычка.

– Что случилось, что ты опять их грызешь? – сквозь зубы спросил Вук.

– Я нашел одного человечка, который что-то о ней знает. Причем заинтересован в ее физическом устранении.

– Ого! – присвистнул Бранкович. – Полегче на поворотах, Грег! Я не убийца какой-то. Я не хочу ее убивать, – мотнул головой охранник, – я просто хочу знать правду о девушке.

– Это не важно. В какой-то момент в чат влез администратор. В общем, хозяин отрубил нас обоих и удалил учетки. Еще и подчистил поле про моего собеседника.

– И зачем он это сделал? Какой его интерес? – Бранкович не хотел признаваться ни себе, ни другу в том, что понял лишь половину из сказанного.

– Интерес, – задумчиво прошептал Грег, – разве что защитить девушку...

– Как зовут-то его?

– Не знаю, скрывался под ником «Кос».

– Кос? – переспросил Вук. – Черный дрозд... – уже шепотом сказал он.

– Что, прости?

– Ничего, – мотнул Бранкович головой. – Ищи его, я пока тут продолжу.

Убрав телефон, Вук еще минут десять ходил по квартире, но так ничего и не нашел. Убедившись, что не наследил, он покинул квартиру Лазарь. Призадумавшись, он снова достал из кармана телефон и открыл последнюю сделанную фотографию. На ней было и фото Марии из личного дела. Бранкович постучал ногтем по экрану, будто раздумывая о чем-то, и подошел к квартире 72. Из нагрудного кармана достал полицейское удостоверение. Поддельное, да, но отличить от оригинала непрофессионал не сможет. Мужчина постучал в дверь. Ему открыли не сразу. Он сразу же предъявил блестящий полицейский жетон.

– Лейтенант Бриз, – представился он. – Добрый день, мэм.

Женщина с опаской кивнула в ответ.

– Я из департамента по розыску пропавших. Не видели ли вы тут эту девушку? – он показал фотографию на телефоне. – Может, встречали раньше?

– Первый раз вижу, – ответила женщина. – Я здесь недавно живу.

– Она проживает в семьдесят третьей квартире. – Вук указал пальцем на соседнюю дверь. – Неужели не видели вчера или сегодня?

– Там никто не живет, – настаивала на своем женщина. – Вам лучше спросить этажом ниже. Месяц назад мы группой въехали в этот

дом. На нашем этаже навряд ли кто-то что-то знает. – Она задумалась. – Хотя вот в первой от лестницы квартире живет старушка, которая наверняка что-то видела.

– Вы уверены, мэм, что не видели эту особу тут вчера или сегодня утром?

– Слышала, возможно, как закрывали дверь, но не уверена, что это была именно семьдесят третья квартира.

– Спасибо. Всего доброго.

Дверь закрылась, и в полном замешательстве Бранкович остался стоять в коридоре. Воспользовавшись советом женщины, он спустился этажом ниже и постучал в первую попавшуюся квартиру – никого, вторую, третью. Дверь четвертой ему открыл мужчина лет сорока, рядом с ним суетилась собака.

– Чем могу помочь офицеру? – улыбнулся мужчина.

Вук повторил ему свою легенду и показал фотографию.

– Конечно, знаю, это ж Мария. Она живет на третьем, – с улыбкой ответил он. – Давно тут живет, лет пять уже. Даже пса моего пару раз брала на прогулку.

– Вы уверены?

Мужчина кивнул.

– А вчера или сегодня ее видели?

– Да. Каждый день ее вижу, уходит на работу и приходит с нее. Трудоголик, одним словом.

– А вы давно тут живете?

– Всю свою жизнь сознательную.

– Ясно. Спасибо, – почесал щеку Бранкович.

Мужчина закрыл дверь. Вук, почесывая теперь шею, спустился вниз. На первом этаже никого дома не оказалось, но он не сомневался в том, что и они будут ее знать.

– Что здесь происходит, черт побери?.. – вслух спросил он. – Ладно, наведаемся к тебе на работу.

Он вышел на улицу.

– Черт! – выругался он, вспомнив, что совсем забыл вчера про Джулию. – Ладно, придумаю что-нибудь...

Сеанс с мистером Ридом затягивался. Несмотря на то, что основную часть работы Мария завершила, Тони очень хотел рассказать обо всех своих переживаниях именно сегодня. Тем более что была пара лишних ушей, готовая его выслушать. Лазарь ему нравилась, внушала доверие и была приятным, умным собеседником. Незаметно для пациента Мария то и дело поглядывала на часы. Хотя у нее не было запланировано каких-либо дел и встреч, ей очень хотелось вырваться на обед.

Такси быстро домчало Бранковича до нужного места. Выйдя на перекрестке, Вук купил пакет жареных каштанов в глазури. Он был уверен, что таким образом точно задобрит разгневанную Джулию. Не то чтобы ему до нее было дело, но приличия ради. Прошло каких-то десять минут, и он вошел в офис Гэбриэла.

– А чего так рано? Еще бы погулял пять часов – и опоздал бы ровно на сутки, – надувшись, пробурчала девушка.

– Я с дарами. – Бранкович, улыбаясь, подошел к столу и поставил перед Джулией источающий аромат пакетик. – Прости меня, – он старался сделать виноватый вид, – поручениями загрузили, а твоего телефона у меня нет.

– Позвонил бы в офис, – сложила она руки на груди. – Я же ждала...

– Не додумался. Готов исправиться и пригласить тебя на обед.

– Хм-м, когда?

– А зачем откладывать?

– Сейчас Мария отпустит пациента, и у нас как раз обед будет. Подождешь десять минут?

Бранкович кивнул.

– Мария тут?

– Да, в кабинете, но у нее пациент.

– Милая моя, у вас тут немного места, а за каким столом она сидит? Где ее рабочее место?

– У нее его нет. Она работает вместе с Гэбриэлом. Да и нет времени у нее за столом сидеть. Тут всеми бумажками я заведую, – отмахнулась Джулия.

– Какая ты, – улыбнулся Вук, не переставая заигрывать с юной племянницей Зева. – Весь офис на себе тащишь. – Он оглядывался по сторонам. – Неужели Лазарь ничего по офису не делает? С ноутбуком ведь ходит.

– С чем? – криво улыбнулась Джулия. – Никогда ее за компьютером не видела, она, по-моему, и пользоваться-то им не умеет. Даже телефон и тот кнопочный...

– Старомодная, видимо.

– Чересчур, – надула губы Джулия.

Не успел Бранкович удобно расположиться на краю стола, как из кабинета вышла Мария. Она смерила их взглядом. Проводив мистера Рида, она закрыла за ним дверь и повернулась к этим двоим.

– Здравствуй! – поприветствовал ее Вук. – Давно не виделись. – Он улыбнулся как можно приветливей.

– И тебе привет. – Лазарь вернулась в кабинет за сумкой. – Джулия, я закончила и ухожу на обед.

– Отлично! – хлопнула в ладоши секретарша. – Мы тоже.

– Мария, – Бранкович сделал к ней пару шагов, когда она переобувалась, – а правда, что ты не умеешь пользоваться компьютером?

– Конечно, Вук, я даже не знаю, что это такое. И до сих пор звоню из телефона-автомата. – Она надела пальто и стала наматывать на шею шарф, стоя перед зеркалом.

– Я видел твою страничку в фейсбуке, – Вук смотрел на ее отражение, – ты там такая общительная. Что меняется, когда ты не там?

– Там все общительные, – натянуто улыбнулась ему Лазарь. – И если тебя так интересует мой компьютер, то он в ремонте. А общаться можно и через телефон.

– Ну не кнопочный же, – развел он руками. – Это же неудобно. Двадцать первый век на дворе!

– Дело привычки, – пожала она плечами.

– Ты вообще не фанатка излишеств, да? – на лице Вука уже не было и намека на шутку, его глаза просияли каким-то недобрым огоньком. От одного присутствия Лазарь его одолевала какая-то непонятная внутренняя напряженность.

– Зато ты не знаешь меры использования туалетной воды, – тихо и без улыбки ответила ему Мария, глядя на его отражение. Бранкович недовольно поморщился.

Мария взяла свою сумку и, попрощавшись, покинула офис. Джулия довольно проводила ее взглядом и, взяв под руку, как она думала, своего новоиспеченного жениха, повела его в свой любимый ресторанчик недалеко отсюда.

Лазарь шла в двухстах метрах впереди. Джулия продолжала что-то рассказывать о своих буднях, а Вук всячески подыгрывал ей. Он был уверен, что эта девушка ему еще пригодится. Более того, было похоже, что они направляются в то же место, куда и Мария.

Мария видела, что парочка идет за ней.

«Ну ладно, Вук, – про себя подумала она. – Поиграем». Девушка улыбнулась своей идее.

Вместо того чтобы пойти туда, куда собиралась, Лазарь сделала небольшой крюк и вышла на Семьдесят шестую улицу, что была в двух минутах ходьбы от офиса, там она дошла до кафе «Болуд», которое на деле было довольно дорогим французским рестораном.

– Готовься, Вук, Джулия любит покушать, – прошептала Мария, заходя в ресторан.

В этот час в заведении было немноголюдно и можно было занять практически любой понравившийся столик. Лазарь выбрала тот, что

был в дальнем углу напротив входа, – отличное место обзора. Девушка села на мягкий диван и, взяв меню, ожидала представления.

Вук со своей спутницей вошли в ресторан, и им предложили столик на двоих слева от входа. Открыв меню, Бранкович недовольно закатил глаза от представленных названий и цен. Его спутница должна быть богиней, чтобы он привел ее в такое место на первое свидание. Он покосился на Лазарь, та уже делала заказ. Джулия рассуждала о блюдах и не знала, что выбрать.

Когда племянница Гэбриэла делала заказ, Бранкович в уме подсчитывал и злился: сегодня он не собирался пускаться в такие траты.

– Здесь так мило, Вук. Никогда тут не была раньше.

– Значит, будем бывать тут чаще, – заставил себя улыбнуться мужчина.

– Я, признаться, удивилась, что ты предложил сюда пойти. Тут все так... дорого.

– Для тебя не жалко, – махнул он рукой. – Я смотрю, и Мария тут пообедать решила. – Он кивнул в сторону Лазарь, читавшей газету.

– Она нам не помешает, – перешла на шепот девушка. – Не думаю, что она к нам подсядет. Тот еще интроверт. И такая некомпанейская! Неудивительно, что у нее все друзья только в интернете.

– Не чета тебе. – Вук отломил от булки кусочек и закинул его в рот. Что-что, а выпечка была в этом ресторане отменная – таяла во рту.

– А расскажи мне о себе. – Глаза Джулии сияли от радости. – Откуда ты родом и как давно работаешь на барона? Что любишь есть, пить, какой твой любимый цвет? – она не могла остановиться.

– А твой?

– Все цвета люблю... Ой! Погоди, я руки схожу помою. – Джулия подскочила с места и быстро удалилась. Бранкович лишь проводил ее удивленным взглядом.

Затем он перевел свой взгляд на Марию. Та сидела, откинувшись на спинку дивана, и держала в руке бокал с красным вином. Она без стеснения наблюдала за парочкой. Встретившись с Вуком глазами, она насмешливо улыбнулась и подняла бокал. И по ее губам Вук прочел: «За вас».

– Стерва, – прошептал он. На что девушка ему подмигнула и снова вернулась к чтению газеты. – Специально сюда пошла... вот тварь, – покачал он головой и крепче сжал нож, который держал в руках.

Гэбриэл пришел в свой офис и даже порадовался, что в нем никого не было. Так ему будет легче настроиться на работу. Переодевшись и поставив кипятиться чайник, Зев разгуливал по своему кабинету. На столе лежали три уже готовых отчета по утренним пациентам и по

Ротшильду от Лазарь. Он пролистал их и положил в коробку с личными делами – он знал, что там все безупречно, читать их полностью не было никакой необходимости. Гэбриэл заварил себе кофе в большой чашке с крупной надписью «БОСС» и, взяв ее, подошел к окну. Зазвонил мобильный телефон. Зев достал его из кармана брюк – неизвестный номер.

– Слушаю, – ответил он.

– Доктор Гэбриэл Зев? – спросил мужчина.

– Да, с кем имею честь?

– Меня зовут Брайан Олдман, я помощник господина Рокфеллера. Звоню вам по его поручению.

– Да-да, конечно. Весь внимание. – Зев огляделся в поисках стула, от накатившего волнения ноги отказывались его держать.

– Верно ли то, что господин Джейкоб Ротшильд является пациентом вашей клиники?

– Джей?.. А, Натаниэль... Я не могу ответить на ваш вопрос, это конфиденциально.

– Какова цена вашей конфиденциальности?

– Я не продаю информацию о друзьях, – твердо заявил Гэбриэл.

– Что ж, доктор Зев, тут вынужден с вами не согласиться. Вы уже не раз передавали подобную информацию третьим лицам.

– Цена вопроса пятьдесят тысяч, – поправил очки Гэбриэл. – Если нужно больше, то и цена соответственно выше. – В трубке повисло молчание. Затем Зев услышал сигнал об смс, отнял трубку от уха и посмотрел на экран. Это было уведомление из банка о пополнении его счета на сто тысяч долларов.

– Я слушаю вас, Гэбриэл.

– Он является нашим пациентом, – Зев вернулся к коробке с личными делами и достал отчет Марии, – проходит курс психоанализа, основная жалоба – сильные головные боли. В курсе применяются психоаналитические методы, используется медицинский гипноз...

– Какие-то патологии ваш сотрудник отметил? Что-то ненормальное? Отклонения от нормы?

– Эм, – Зев листал семистраничный отчет, – нет... Он в общем здоровый человек...

– Гипноз может как-то на него повлиять негативно?

– Нет, конечно, – помотал головой Гэбриэл. – Пациент погружается в гипнотическое состояние, и прорабатываются определенные моменты. Мы ученые, а не экстрасенсы.

– Я услышал вас, – холодно сказал Брайан. – Скажите, человек после подобных сеансов может измениться?

– В каком смысле?

– Обзавестись паранойей или манией какой?

Зев шумно выдохнул.

– Скажу вам честно, – Гэбриэл снял очки и устало потер переносицу, – после избавления от одной проблемы обязательно появляется новая. Сознание человека – это запутанный мир, где никогда не знаешь, что скрывается за поворотом.

– Любопытно. Я еще свяжусь с вами. И да, пришлите мне копию этого отчета. Всего доброго.

Олдман, не дожидаясь ответной реплики, повесил трубку, оставляя Гэбриэла в тишине. Никогда Зев еще так быстро не зарабатывал деньги. Угрызений совести он не испытывал. Давно уже похоронил ее. Особо не раздумывая, он сделал фотографии каждой страницы и отправил их звонившему. Подковерная борьба и интриги всегда завораживали Гэбриэла, а еще больше ему нравилось быть осведомителем противоборствующих лагерей. Дать людям нужную информацию, а потом наслаждаться зрелищем – вот настоящее реалити-шоу, которое Зев ни за что бы не пропустил.

– Посмотрим, к чему приведет эта ваша борьба. – Он улыбнулся. – Признать человека сумасшедшим после гипноза... Кто в такое поверит?.. Хотя... – Он махнул рукой. – Мою пенсию вы мне обеспечите сполна. – Гэбриэл хлопнул себя по коленкам. – Да еще какую! Хех!

Брайан сидел в кабинете Дэвида Рокфеллера напротив своего начальника и просматривал на планшете фотографии отчета.

– Из отчета ничего такого не следует, но вам прекрасно известны возможности гипноза. – Он протянул планшет Дэвиду.

– Само собой разумеется, что эта девчонка ничем ему не навредит, но эта его внезапно проснувшаяся подозрительность... письмо где-то откопал... Зачем он туда вообще полез? Кто надоумил, хотел бы я знать?

– Вы рассказывали, что у него когда-то давно уже был приступ паранойи, – задумчиво сказал Олдман.

– Не у него, у всего их семейства, лет так сорок назад, когда чуть было не сорвали нам разрушение золотого стандарта, – хмыкнул Дэвид. – Вот и сейчас что-то в нем проснулось глубинное, клановое. – Он хмуро посмотрел в окно. – А все-таки отлично мы их тогда к ногтю прижали, как шавки дворовые, поджав хвост, в угол забились...

– Мы будем придерживаться основного плана?

– Будем. Организуй нам встречу с младшеньким. Соберемся впятером и пообщаемся. – Рокфеллер облокотился на стол и сложил руки

в замок. – Думаю, тщеславный мальчик не сможет нам отказать. – Он облизнул нижнюю губу и ухмыльнулся. Затем притянул к себе поближе планшет и открыл фотографии отчета. – Придай этим картинкам пугающий вид. Никто из Ротшильдов не захочет потерять империю из-за болезни главы клана...

– Сделаю...

– Еще совсем чуть-чуть, и мы выжмем их из Америки. А потом и с планеты. А дальше просто сядем на единственный трон.

– Думаю, до празднования победы еще далеко, Дэвид, – покачал головой Брайан.

– Я терпеливый. – Он довольно похлопал себя по сердцу. – Надо будет, найдем еще какого-нибудь здорового юнца и заберем нужные мне запчасти. – Рокфеллер весело крякнул. – А то и двух.

– И все же, стоит отдать ему должное, новая стратегия, придуманная им в 2009-м, единственно верная в сложившейся ситуации. – Брайан снял очки и, достав из кармана пиджака платок, принялся их натирать.

– Да-да, гладко было на бумаге, но забыли про овраги... Я не хочу возрождения Британской империи, друг мой, я хочу нашу Американскую империю возродить и возглавить... тайно, конечно...

Ротшильд сидел в столовой и заканчивал обед. Не было слышно ни звука. В доме царила тишина, хотя в нем было предостаточно народу. Барон посмотрел на настенные часы, до прихода гостя оставалось полчаса. Натаниэль вытер рот салфеткой и, положив ее рядом с тарелкой, встал из-за стола. Он прошелся по комнате, подошел к старинным напольным часам. На них были вырезаны образы воинов, всадников, а венчал все скрупулезно, до мельчайших деталей повторенный герб семьи Ротшильдов. Барон коснулся рукой вырезанных под гербом слов.

– Согласие, честность, трудолюбие... – вслух сказал он. – Как всегда, мы одни против всех... Ничего не изменилось.

Эти часы перевезли сюда из Австрии, когда эмигрировали во время Второй мировой. Из всех богатств и наследия семьи бросить любимый предмет мебели барона Людвига фон Ротшильда не могли. Хотя главная ценность этих часов была в их дорогой начинке, послужившей хорошим подспорьем для безбедного существования.

15 августа 1971 года, Вашингтон

На часах лишь половина девятого утра, а президент Ричард Никсон уже был на ногах, в Овальном кабинете Белого дома проходило очередное совещание. Правда, в этот раз на нем присутствовало только четыре человека – президент, советник по национальной безопасности Генри Киссинджер, глава Совета по международным отношениям Дэвид Рокфеллер и советник президента Дональд Рамсфельд.

Дэвид удобно устроился на диване, Генри расположился на одном из стульев у окна. Закинув ногу на ногу, он внимательно изучал какие-то документы. Президент сидел за столом и молча смотрел на присутствующих, будто выжидая чего-то. Дональд расхаживал по кабинету и изредка поглядывал на Киссинджера. Наконец Генри закрыл папку и пренебрежительно бросил ее на стол Никсона.

– Что скажешь? – поглаживая себя по подбородку, спросил Рокфеллер.

– Не знаю, – цокнув языком, мотнул головой Генри. – Эта твоя идея, с одной стороны, хороша, но, с другой, она полностью разделит совет на два враждующих лагеря.

– Это не только мой план, да и не вражда это, – покачал головой Дэвид. – Это цикличность власти. Корона переходит от одного к другому. Это естественно.

– Да, но, – вмешался в диалог Рамсфельд, – если бы это было, как ты говоришь, естественно, то в этом кабинете были бы еще люди. А их тут нет.

Рокфеллер обвел взглядом всех присутствующих.

– Как вы все могли заметить, это гениальная многоходовка, которая позволит нам не только укрепить свои позиции на арене, но и поставить весь мир на службу доллару, а следовательно – нам.

– Только вот этот доллар не будет обеспечен золотом или еще чем-то, – подал голос Никсон. – Его цена будет зависеть от доверия народа... сомнительная гарантия.

– Ты, видимо, невнимательно прочитал, – потер висок Дэвид. – Золотой стандарт, за который ты хватаешься, сейчас неуместен. Доллар и так самая могущественная валюта в мире, другие валюты основаны на его курсе. Мы убедим эту вшивую общественность, что, закрыв золотое окно, мы нанесем сильный удар по иностранным спекулянтам.

– Как бы этот ход не положил конец эре стабильности и экономического расцвета... – буркнул Рамсфельд.

– О народе ты не беспокойся, ему не до этого. Заморозка цен, зарплат – поверь мне, им есть о чем волноваться. Потом, война скоро закончится, и они будут тонуть в дурмане победы. А мы в это время будем идти к своей цели.

– Мне в этом плане нравится то, – постучал по папке на столе Киссинджер, – что он отвязывает от нас финансового паразита в лице

Ротшильдов и оных с ними. Прогоним их, наладим систему, а там уже видно будет.

– Вы с такой легкостью готовы рисковать всем? – поднял голову Никсон. – Вам не страшно потерять все, что имеете?

– Мы ничего не потеряем, – покачал головой Рокфеллер. – Только приобретем. Да и тебе нечего бояться...

– Не хотелось бы последовать за Кеннеди раньше времени, – натянуто улыбнулся Ричард.

– Это не их метод, – покачал головой Рокфеллер. – Скорее наш. Ты, главное, веди себя правильно, и будет у тебя все хорошо.

– Да, – согласился Рамсфельд, – выступишь сегодня перед народом. Устроим ему эдакий Никсон-шок.

Спустя два часа президент Ричард Никсон выступил по телевидению с обращением к нации о выходе США из системы золотого стандарта.

Наше время

Ротшильд не услышал, как в столовую зашел Мартин и, убедившись, что барон закончил обедать, начал убирать со стола.

– Скажи мне, Мартин, – отвлекся от рассматривания часов Натаниэль, – как давно твоя семья работает на мою семью.

– С тысяча восьмисотого, сэр, – негромко ответил тот, ставя тарелки на поднос. – И боюсь, что я буду последним.

– Последним? – удивился барон.

– Бог не дал мне семьи, сэр. Да и когда мне было ею заниматься? Я же еще мальчишкой начал работать у вас.

– ...Двести лет... ты не понаслышке знаешь, через что прошла моя семья. Все беды и невзгоды. Я даже сейчас иногда ощущаю любимый с детства вкус того суфле, что готовила твоя бабушка... Божественный рецепт. – Ротшильд облизнул губы, будто снова почувствовал вкус сладкого.

– Не могу с вами не согласиться, сэр, – учтиво поклонился Мартин.

– Скажи, а доверяли мои предки кому-то кроме семьи?

Райсман поднял поднос с посудой и понес его на кухню. Он молчал, но у самой двери остановился и, повернувшись к барону, сказал:

– Никогда, сэр. Более того, если позволите, в семье и принцип согласия давно утерян. – И вышел из столовой.

– В этой семье нет ни согласия, ни честности, все, что осталось, – это трудолюбие... – пробормотал ему вслед барон, качая головой. – А

доверять по-прежнему некому, – он бросил хмурый взгляд на стену, увешанную фотографиями различной давности, – один Нэт... да и за него пришлось сражаться...

Джейкоб подошел к фотографиям и снял со стены ту, на которой было двое молодых ребят – его сын Нэт и племянник Рафаэль. Объектив семейного фотографа-любителя Амшеля поймал их готовящимися к спуску с горнолыжного склона где-то в Швейцарии. Это было в далеком 1995 году. Через год Амшеля не стало.

31 октября 1980 года, Бэкингемшир, Англия

В фамильном поместье Ротшильдов Уоддесдон на празднование семидесятилетия третьего барона Ротшильда, Виктора, собралась практически вся семья.

Бывший советник Маргарет Тэтчер по международным делам, сотрудник МИ-5 и глава семейного банка Виктор с улыбкой и раскрытыми объятиями встречал всех прибывающих. Особенного внимания удостоился сорокадевятилетний Эвелин Роберт де Ротшильд. Будущий четвертый барон видел это со стороны и уже начал догадываться, что это может означать для него. Что ж, его отец никогда особо не жаловал, ведь он был сыном не от большой любви, а от какой-то навязанной обязаловки. Из рассадки семьи тоже ничего хорошего не следовало. Во главе стола сидел сам Виктор, по его правую руку – Эвелин, слева – Дэвид де Ротшильд, сын Ги. Рядом с Дэвидом сводный брат Натаниэля – Амшель. Нэту же досталось место в конце стола. Даже мачеха сидела ближе, да и сестры. Он видел, как с нарочитой жалостью на него поглядывали ближайшие родственнички, кто-то даже с плохо скрываемой улыбкой. Натаниэль держался отстраненно, но демонстративно пропустил свою очередь говорить тост, чем вызвал шумный выдох Виктора.

После вкуснейшего ужина и огромного количества поздравлений и тостов мужчины перешли в просторный зал заседаний. Натаниэль не стал садиться на отведенное ему место, а неспешно прошел к столу и сел в самом конце, напротив отца. Тот смерил его недовольным хмурым взглядом, но ничего не сказал.

После пяти минут разговоров ни о чем глава дома предложил перейти к делам важным и насущным. Обсудив нынешнее состояние дел, Виктор сделал глоток винтажа с фамильного виноградника. Бутылочку 1843-го как раз привез Эвелин, чем порадовал дядю.

– Я давно собираюсь вам сказать, что принял решение уйти с поста председателя нашего банка. Считаю, что в мои семьдесят мне уже можно заняться тем, что я люблю больше денег, – его губы расплылись в хитрой улыбке, – наукой биологией. – По лицам родственников также пробежали мимолетные улыбки. Только сын Виктора, сидевший напротив, поморщил нос и продолжал исподлобья смотреть на отца. Его сложенные в замок кисти рук были холоднее льда, он даже не слышал ударов своего сердца. Он чувствовал лишь то, что его привычный мир рушится, хотя надежда еще оставалась.

– На этом посту, – продолжал Виктор, – я вижу только одного человека. Только один из вас достоин стать главой семейного банка, чистый сердцем, преданный делу, – третий барон обращался ко всем, но всячески старался избегать взгляда Натаниэля, – и неспособный поставить свои личные интересы выше семейных.

– Разве не все мы достойны? – перебил Виктора сын. – Каждый из нас обладает этими качествами, отец.

– Не все, увы, – поморщившись, проговорил барон и сделал еще глоток винтажа. – Не ты, в любом случае.

– И в чем же провинился я? – ухмыльнулся Натаниэль. – Неужели в том, что посмел родиться?

Виктор резко стукнул по столу кулаком, отчего все вздрогнули. Он всегда отличался сдержанностью, но вино, видимо, делало свое дело.

– Ты с двадцати шести лет работаешь в нашем банке. Из нас из всех ты один до сих пор водишь дружбу с Рокфеллерами, Киссинджером, – чуть ли не змеей шипел Виктор. – У меня нет доказательств, но моя интуиция подсказывает мне, что тот план Никсону американка подсунул не просто так.

– И ты не придумал ничего лучше, как обвинить в этом меня? – ухмыльнулся Натаниэль. – Браво, отец, браво.

– Ты всегда был непохожим на Ротшильдов, – махнул на него рукой Виктор, закидывая ногу на ногу. – Видимо, от мамаши дурная кровь передалась. – Он поморщился. – Значит, так. На мое место я ставлю Эвелина. – Тот с готовностью встал с места и наклонил голову.

– Благодарю, дядя, за такую великую честь.

– Я верю в тебя, – с улыбкой проговорил Виктор. – Я хочу, чтобы ты назвал своего преемника. Сейчас.

– Если со мной что-то случится, то им будет мой кузен, – он указал рукой на молодого мужчину, сидевшего напротив, – Дэвид Рене де Ротшильд.

– Великолепный выбор, – одобрил третий барон. – Преемником Дэвида я назначаю тебя, сын мой. – Натаниэль поднял голову, но увидел, что взор отца устремлен на Амшеля. – Втроем вы составите прекрасную команду.

Спустя еще несколько минут обсуждений и поздравлений было решено сделать небольшой перерыв и отведать дивных на вкус пирожных по старинному рецепту семьи. Взяв одну пироженку с подноса, Натаниэль отошел к окну и, отодвинув тяжелую штору, уставился на сад, утопающий в желто-красных листьях. Он не услышал, как к нему кто-то подошел.

– Нэт, мне жаль, что так получилось, – услышал он голос Амшеля за спиной. – Я только на днях об этом узнал.

– Это не важно, – покачал головой сводный брат. – Все равно в этом бизнесе сейчас нет никакого смысла. Он ведет в тупик. – Ротшильд слизнул с кончиков пальцев крем.

– Как это не важно? – удивился Амшель. – Это наше общее семейное дело.

– Я к нему больше не имею никакого отношения. – Натаниэль повернулся лицом к сводному брату, которого никогда особо не любил. Верней, так и не смог привыкнуть к его матери с ее навязчивой заботой и тягой отправить его куда подальше.

– Ты Ротшильд, ты часть семьи. Хочешь ты того или нет.

– Я продам тебе мою долю. Она мне тоже не нужна, – перешел на шепот Натаниэль. – Я отойду в сторону, как ваша тройка и хочет, но взамен вы отдадите мне наш инвестиционный траст. Мы его только создали и уже успели забыть, а мне он нужен. И еще вы не будете лезть в его дела. Никогда.

– Я не могу такие решения принимать в одиночку.

– Ты ведь будущий глава семьи, – ухмыльнулся тот, – учись.

– Не говори глупостей, – отмахнулся Амшель. – Я далек от всего этого. Банки и финансы – это не мое все.

– Это у тебя в крови, братишка, – похлопал его по плечу будущий четвертый барон.

Натаниэль перевел взгляд на кузена, стоявшего чуть поодаль. Дэвид беседовал с кем-то из родственников и довольно улыбался. Возможно, именно в этот день и зародилась вражда между двумя ветвями клана, французской и английской, а может, она была всегда.

8 июля 1996 года, Париж, отель Bristol

Сорокаоднолетний Амшель Ротшильд только забрался в душ, как зазвонил телефон. Кое-как смыв пену, он вылез из ванной и пошел в спальню. Снял трубку.

– Ну, здравствуй, кузен, – услышал он недовольный голос Дэвида. – Потрудись-ка мне объяснить, какого черта ты сорвал слияние?!

– Я не вижу в нем перспективы. Оно нам ничего не принесет, – устало ответил Амшель, вытирая голову махровым полотенцем.

– Это тебе кто подсказал, твой внутренний финансовый гений? – злился кузен. – Ты в этом никогда ничего не понимал! Нужно было делать то, что сказали! Мне и так приходится скрывать убытки в нашей инвестиционной компании! Как только ты сел в кресло директора... тебе напомнить, насколько упала прибыль? На десять миллионов, Амшель, десять, черт их дери!

– Все решения мы принимали вместе, – попытался защититься младший Ротшильд, сохраняя спокойствие. – Вы так же, как и я, в ответе за это. Да и потом, может, нам просто не повезло, – пожал он плечами.

– Да, нам очень с тобой не повезло, идиот! Договаривайся на новую встречу с ними, мы подпишем это слияние! – Дэвид в сердцах бросил трубку.

Амшель повесил трубку, но, посидев в тишине пару минут, снова ее взял и набрал один номер. Там трубку сняла секретарша.

– Соедините меня с Джейкобом, – сказал он. – Это Амшель Ротшильд.

– Здравствуй, Амшель, – без эмоций поприветствовал его сводный брат. – Чем обязан?

– Мне нужен... твой совет.

– Мой? – искренне удивился четвертый барон. – С каких пор, с чего это?

– Знаешь, я не оправдал ожиданий отца. Не стал тем, кем он хотел, – признался Амшель. – Мне кажется, что я и бизнес, доверенный мне, уничтожаю, – продолжал он. Натаниэль молча слушал и лишь ухмылялся. – Я подвел семью.

– Почему ты звонишь мне? Позвони жене, поплачь ей в трубку. Я давно отошел от этой семьи. У меня своя дорога.

– Вот поэтому и звоню. Я думаю, что и меня попросят сойти с пути и пойти за тобой следом.

– И?

– Я тут подумал, может, мы сможем работать вместе?

– Ты с ума сошел? – холодно спросил барон. – Ты ноль в банковском деле, ты машинки любишь, в земле копаться, вот и копайся. Тебе заработанного хватит пожить. Ради бога, оставь бизнес тем, кто в этом хоть чуть-чуть разбирается.

– То есть я и тебе не нужен?

– Что? По тебе психолог плачет, братишка.

– Я не могу просто заниматься тем, что люблю! – почти выкрикнул Амшель. – Это никогда не удовлетворило бы отца!

– Отец сдох в девяностом, Амшель! Чтобы узнать, удовлетворен ли он, тебе нужно спуститься за ним в ад. Все, мне некогда. Позвони как-нибудь в декабре, поздравь меня с Ханукой.

– Что мне делать? – безнадежно выдохнул младший Ротшильд.

– Что хочешь, – огрызнулся барон. – Хотя, если тебе так плевать на все и не терпится пообщаться с папашей, – вешайся. Самое то.

– Но тогда семья останется без главы...

– Без тебя разберемся.

– Вы же съедите друг друга, – прошептал Амшель.

– До свидания, Амшель. – Натаниэль повесил трубку, оставляя сводного брата наедине со своими мыслями в тишине гостиничных апартаментов.

Амшель встал с кровати и начал расхаживать по комнате. Он кутался в белый халат от холода и накативших мыслей. В голове все звенел голос сводного брата и его фраза об отце. Крутя в руках пояс от халата, он все искал что-то, что могло бы его удержать от внезапно появившегося решения проблемы. Он пытался вызвать перед глазами лицо жены, детей, но тщетно. Медленно Амшель пошел в сторону ванной. Может, думал он, душ смоет все негативные мысли. Мужчина снял халат и залез в душ. Стоя под струями воды, он не моргая смотрел в потолок, изучал его конструкцию. Выключив воду, он подпрыгнул невысоко и выбил одну из панелей потолка. Затем он аккуратно встал на тумбу у ванной. Его взору открылась узкая металлическая балка. Амшель, закусив нижнюю губу, поднял с пола халат и вытащил из него пояс. Под капающей водой он перекинул пояс через балку. Покрепче привязал пояс к ней, а на другом конце сделал петлю. Окинув комнату грустным пустым взглядом, он просунул голову в петлю и со всей силы оттолкнул тумбу из-под своих ног.

11 июля 1996 года, Лондон, Англия

Несмотря на летний день, на улице лил дождь. Казалось, что на въезде в северный Лондон тучи становились темнее. Небо над еврейским кладбищем Эдгварбури было окрашено в темно-синий цвет, и дождь шел не переставая. Практически все подъезды и стоянки были перегорожены рядами траурно-черных «роллс-ройсов». Прибывающих сопровождали к месту прощания, через громкоговоритель рассказывали об умершем. Гостей было много, но скорбящих среди

них – единицы. Пожалуй, горе было лишь у жены и детей. Пока шла подготовка к погребению, гости могли постоять под специально оборудованными навесами, могли сказать добрые слова в адрес ушедшего из жизни. Тут же, на мраморном кубе, завернутое в белый саван, лежало тело младшего сына Виктора Ротшильда.

На табличке из белого мрамора, лежавшей на сырой земле, золотыми буквами было выбито: Амшель Мэйор Джеймс Ротшильд, 18 апреля 1955 – 8 июля 1996.

Четвертый барон Ротшильд сидел в сторонке, положив ногу на ногу, и не спеша попивал кофе. На шепчущихся всюду людей он старался не смотреть, хотя среди них и были некоторые, кто изображал горе лучше, чем в индийских фильмах. На таких Натаниэль смотрел со снисходительной улыбкой. От скуки он даже увлекся рассматриванием собственных пальцев и ногтей. Он не заметил, как к нему подошел Дэвид де Ротшильд и сел в плетеное кресло, стоявшее рядом.

– Наслаждаешься результатом? – сквозь зубы спросил он.

– Скорблю, – цокнул Натаниэль, не глядя собеседника, меняя ноги, – неужели не видишь?

– Ты его довел до суицида. Знаю, что ты, – шептал Дэвид, его руки то и дело сжимались в кулаки. Барон лениво посмотрел на собеседника.

– Да как я мог?.. Меня даже на континенте не было в этот день.

– Думаешь, мы не в курсе, что это ты подвел его к тем неправильным решениям? Ты сорвал это слияние, тварь. Мне раскопали информацию о том, что это твоя фирма. Ты специально выставил неприемлемые пункты.

– Запахло конспирологией, – улыбнулся губами барон. – Странно, что ты не назвал меня еще дьяволом во плоти.

– Скажи, за что ты так семью ненавидишь? Разве мы не на общее благо работаем?

– Дэвид, Дэвид, – покачал головой Натаниэль, – не обманывай самого себя. Вы все давно работаете лишь на свой карман. Тогда как лишь я один следую заветам нашего прапрадеда.

– Не зря Виктор тебя отстранил от дел, – нахмурился де Ротшильд., – Видимо, чувствовал в тебе это.

– Ты ведь сильно старался, шептал ему на ухо, подсовывал какие-то бумажки.

– Я показал ему, кто ты на самом деле. Такой предатель, как ты, не может быть патриархом семьи.

– Он сделал мне большое одолжение, развязав руки. Только вдали от этих ваших делишек я могу построить новый мир. Тот, о котором

мечтал Майер Ротшильд. – Натаниэль сделал несколько глотков кофе из чашки. – Я все равно займу трон. – Барон смерил Дэвида злым взглядом. – И все ваше снова станет моим.

– Мы найдем на тебя управу, – до белых костяшек сжал подлокотник Дэвид.

– Убьешь меня, как ты это делал с другими неугодными? Я потащу тебя за собой, кузен. Так что учись думать, пока не поздно.

– Советую тебе почаще смотреть по сторонам. Мы найдем и твое слабое место. – Дэвид кивнул в сторону стоявшего поодаль сына барона – Нэта.

– ...Удачи.

Барон отставил чашку и встал с кресла. Одернув пиджак, он пошел к гостям «горевать» вместе с ними.

Среди надгробных речей от всевозможных родственников была и пара слов от мужчины явно не из семьи. Это был управляющий парижского отеля Bristol. Он произнес лишь несколько сдержанных слов, боясь поднять глаза, будто считал себя виновным перед всеми в смерти Амшеля.

Спустя два часа кладбище уже опустело, были убраны все следы недавнего шатра. Лишь дождь колотил по мраморной табличке с именем, омывая ее искренними слезами неба.

21 апреля 2000 года, Нью-Йорк

На часах была уже половина второго, когда в квартире зазвонил телефон. Молодой мужчина лениво снял трубку, не вылезая из-под одеяла.

– Да?.. – сонно пробормотал он.

– Эй, Нэт! Ты еще спишь, что ли? Это я, Раффи. – Голос у звонившего был бойкий, бодрый и источал сплошной оптимизм.

– Чего ты хотел, Раф? – Нэт сел в кровати, но продолжал кутаться в одеяло.

– Как чего?! Сегодня же пятница! Забыл, что ли?

– Ах, да, – потер лицо Нэт, – вечеринка у Дастина.

– Не просто вечеринка, кузен, а «полет у Дастина».

– Все уже готово? – удивился Нэт.

– Ну да. Заказ осталось только подтвердить, и все доставят. Можем это вечерком и сделать, – деловито ответил Рафаэль де Ротшильд.

– Все свои будут? – сын четвертого барона встал с кровати и пошел на кухню, к холодильнику. – Или опять чужих напригласали?

– Свои, свои, – успокоил его Раффи. – Даже девочки свои.

– О! – Нэт достал апельсиновый сок и отпил прямо из пакета. – Ты ведь еще с теми модельками из «секрета»[8] общаешься?

– Угу.

– В-о-о-т, – протянул Нэт. – Пригласи эту, как ее там, Джилл!

– Сделаю, что смогу, – хмыкнул Рафаэль. – К восьми подходи.

Наспех пообедав остатками пиццы, Нэт занялся приведением себя в порядок. Выйти из дома в непристойном виде он себе позволить не мог. В половине пятого он вышел на улицу и, прежде чем отправиться в лофт[9] художника XXI века Дастина Йеллина, решил заглянуть в пару мест. Не успел он сесть за руль своего новенького «ягуара» с открытым верхом, как в машине зазвонил телефон.

– Але? – завел мотор Нэт.

– Какие планы на завтра? – без приветствий спросил отец.

– Как всегда – никаких, – закатив глаза, ответил сынок.

– Опять вечеринки?

– Возможно.

– Значит, так, слушай меня внимательно, завтра в семь утра чтобы летел в Лондон. И это не обсуждается, если ты, конечно, не хочешь закончить с безбедным существованием.

– Понял тебя, пап. Буду.

– Билеты уже заказаны. Рейс в семь, так что сегодня без обычного времяпрепровождения. – В голосе не было осуждения. – Пусть «дарами» наслаждаются другие, – холодно добавил Натаниэль.

– Да-да, ограничусь вином. Все, пока!

Барон Ротшильд повесил трубку и снова посмотрел на своего собеседника – Карла Блисса. Это был его давний информатор из французского отделения, к сожалению, этот человек никогда не приносил добрых вестей.

– Ты уверен?

Блисс кивнул.

– Что ж, осталось теперь повернуть все против них самих.

– Я об этом уже позаботился. – У Карла был низкий хриплый голос. – С заказанным товаром прибудет и один человечек, который сыграет не последнюю роль.

[8] Имеется в виду модель Victoria's Secret.

[9] Архитектурный стиль XX-XXI века, переоборудованная под жилье, мастерскую или офисное помещение верхняя часть здания промышленного назначения.

– Главное, чтобы не досталось Нэту.

– Само собой.

Вечер наступил незаметно быстро. Порядка двадцати человек собрались в лофте Дастина на Десятой авеню в районе Челси. Музыка была слышна с улицы, а света на пятом этаже хватило бы и на целую улицу. Нэт припарковался напротив входа. Выйдя из машины, он окинул взглядом улицу. Старинный дом из красного кирпича, где когда-то жили работники фабрики по производству скипидара и камфена, стал обителью для художников и архитекторов, еще не признанных XXI веком. Рафаэль уже был на месте и стоял у входа в дом, у закрытого на некогда белые рольставни въезда на склад. Увидев кузена, он махнул ему рукой.

– Ну где тебя черти носят?!

– Были дела, – с загадочной улыбкой ответил он.

– А-а, – заулыбался Раффи, – понимаю, понимаю. Мне косячок приберег, надеюсь?

– А то! – похлопал его по плечу Нэт. – Разве я могу забыть про моего братишку!

Вдвоем они поднялись на третий этаж, где вечеринка была в самом разгаре. Нэт быстренько со всеми поздоровался.

В воздухе уже висел запах легких наркотиков, алкоголя, а в туалетной комнате сын барона заметил и белую пыль у раковины.

– Какое расточительство, – покачал он головой и облизнул палец. Стерев остатки пыли, он снова взял палец в рот и на секунду мечтательно закрыл глаза. – Сегодня без «чудес», – выдохнул он.

– Нэт! – нашел его Рафаэль. – Позвонили, скоро будут! С тебя соточка.

– Чего это вдруг так дешево?

– Препаратик экспериментальный. Дастин раздобыл. Пока народ не распробовал – дешево. Кстати, я вчера принял дозу, хочу тебе сказать, что такого вдохновения никогда еще не испытывал. Я такой текст за ночь сварганил! Поэма!

– Соточку держи, но сегодня без меня, – покачал он головой. – Мне в семь домой лететь. Отец вызвал.

– Сочувствую. Я сберегу для тебя горку!

Курьер прибыл в 22.41. К удивлению Нэта, посылка оказалась маленькой и рассчитанной от силы на двоих. Появившаяся на вечеринке Джилл быстро заставила не думать о химии и перейти к темам куда более приятным. Раффи отсутствовал недолго, никто и не заметил. Когда он снова вплыл в зал, то был в отличном расположении духа и танцевал со своей бывшей девушкой Карен. Смеялся и всячески ве-

селил публику своими историями и анекдотами. Его глаза светились радостью, и Нэт все не мог понять, был ли это эффект наркотиков или на то были естественные причины. Дастина видно не было, но этот человек искусства никогда не знал меры.

После трех ночи буквально все свалились спать кто где мог. Правда, из гостевой спальни, которую оккупировал Рафаэль, доносился жуткой силы храп. Чего раньше за де Ротшильдом не замечали. Дастин же после внутривенной порции чего-то новенького провел ночь у унитаза в обнимку с канистрой воды. Сын барона поинтересовался у того, как так вышло.

– Решил уколоть эту гадость... надо было как Раффи... нюхать, – прохрипел молодой мужчина.

– Эх, Дасти, у тебя же есть деньги, ты можешь себе позволить и нечто нормального качества...

– Нормальное уже не берет...

Сын барона решил проведать кузена.

– Эй, Рафф! – коснулся он его плеча. – Ты в порядке? – Тот резко дернулся, проснувшись. – А то Дастину вон плохо...

– А, что? – сонно спросил он, пытаясь сфокусировать взгляд. – Да-а, я же супермен, я неуязвимый... – он снова положил голову на подушку и опять заснул.

В лофте все заснули. Редкие тени проезжающих мимо машин освещали потолок. Где-то в соседнем квартале работала полицейская сирена, но после трех Челси наконец-то погрузился в тишину.

Нэт проснулся в пять и, стараясь никого не разбудить, бесшумно покинул лофт – самолет ждать не будет.

Оставшиеся гости стали просыпаться ближе к двенадцати. Карен, умывшись и приведя себя в порядок, направилась в комнату, где спал Рафаэль.

– Эй, соня! – девушка коснулась плеча друга. – Вставай давай, нам сегодня еще выставку помогать организовывать.

Де Ротшильд не откликался, тогда она потормошила его сильней.

– Раффи... – с улыбкой позвала Карен и скинула с него одеяло. – Раф? – Она снова к нему прикоснулась, он был холодным, как лед. Его майка и штаны были испачканы.

Не помня себя от испуга, она начала трясти друга, пытаясь привести его в чувство. Она умудрилась нащупать крайне слабый пульс. Девушка звала на помощь так громко, что в комнату сбежалось человек семь. Каждый попытался как-то помочь Рафаэлю, но он не приходил в

себя. Слабо мычал и с трудом дышал. В комнату из туалета по стеночке, держась за живот, доковылял Дастин.

– Героин был не тот... – прошептал он.

– Героин?! Вы снова нанюхались его?! – кричала Карен. – Ты же обещал! Он же всегда был так аккуратен...

– Да он маленькую дозу принял, – развел руками художник, – я больше...

– Господи, наберите кто-нибудь 911!!!

– Точно! – взялся за голову Дастин. – Нужно вынести его на улицу! Так они смогут его быстрей забрать!

Гости быстро разбегались, никто не хотел никаких лишних вопросов. С трудом Дастин подхватил Рафаэля и потащил его вниз. Парень волочил ноги и был не в силах идти. Йеллин спустил его вниз и вывел на улицу. Он озирался по сторонам и ждал звука сирены спасительной скорой, но было тихо. Он посадил друга на тротуар. Снова попытался привести его в чувство, но Раффи синел на глазах и уже даже не мычал и не стонал.

– Я сейчас, друг, сейчас! Еще раз им позвоню! – художник помчался в свою квартиру за телефоном, оставляя де Ротшильда сидеть на холодном тротуаре.

Люди шли мимо и с нескрываемой брезгливостью смотрели на молодого человека в грязной, испачканной рвотой одежде. Де Ротшильд открыл глаза в свой последний раз и окинул быстрым взглядом улицу. Если смотреть вверх по ней, то где-то там, на Пятой авеню, стоит и дом, где он вырос. Дальше взгляд молодого человека остекленел, и он больше ничего не видел и не слышал. Прибывшие на место медики лишь констатировали смерть от передозировки героина...

Нэт прибыл домой в Лондон и только там узнал, что приключилось с его кузеном. На лице парня застыла маска ужаса и шока. Он сидел в кабинете отца и не мог выдавить из себя ни слова. Раффи был, пожалуй, единственным членом семьи, которого ему будет по-настоящему не хватать. Барон стоял у окна и смотрел на цветущий сад.

– На его месте должен был быть ты.

– Что? – поднял голову Нэт.

– Тебя хотели убить, но получилось так, что они нанесли удар по самим себе.

– Кто они, пап?

– Родственники, сынок, родственники, – выдохнул Натаниэль. – Хотели забрать у меня моего наследника. – Он повернулся к сыну. – Но... – Барон поджал губы. – Жаль Рафаэля, хороший был парень.

Ротшильд-старший вернулся к столу и сел в кресло.

– Теперь пришло время начинать жить по моим правилам, сын.

– Они хотели убить меня?

Барон кивнул.

– Но мы же семья... они пусть не думают, что я забуду про это...

– Не забудешь. И это будет тем, что даст тебе силы на борьбу с ними.

Наше время, Нью-Йорк

Барон не спеша поднялся в свой кабинет. До прихода гостя оставалось еще полчаса. Закрыв за собой дверь, Ротшильд подошел к реликвии чуждого ему народа и внимательно посмотрел на нее. Затем провел пальцем по стеклу.

– Какой неподходящий момент вы выбрали, – прошептал он. – Только все забыли об этом думать... Только все пошло по плану... – Ротшильд шумно выдохнул. – Что ж, придется подправить ваш план.

Через полчаса к дому барона подъехал черный «бентли», из него, стараясь не привлекать лишнего внимания, вышел высокий худощавый человек. Он поднял воротник пальто и махнул рукой водителю, чтобы тот уезжал. Еще раз глянув по сторонам, человек позвонил в звонок. Ворота тут же щелкнули, гость быстрым шагом подошел к дому, где Мартин уже открыл ему дверь.

– Здравствуйте, мистер Керри, лорд Ротшильд уже ждет вас.

Гость молча кивнул, снимая пальто. Мартин указал ему на лестницу и на дверь кабинета, зная, что этот гость не любит сопровождения. Джон поднялся по лесенке и постучал в дверь.

– Добрый день, Джон! – поприветствовал его барон, наливая себе в чашку крепкий кофе.

– Признаться, он не кажется мне добрым, – натянуто улыбнулся Керри. – Мой внезапный отъезд из Вашингтона может привлечь внимание.

– Ну ты же был аккуратен. Госсекретарь как-никак. – Ротшильд, улыбнувшись одними губами, сел в кресло и жестом руки пригласил Джона присесть напротив.

– Никто не знает, что я тут, – с готовностью ответил Керри, усаживаясь поудобней. Хотя отчего-то он чувствовал себя неуютно. – Я так и не понял, чем могу вам быть полезным...

– Хм-м, – задумался Натаниэль, – я смотрю, в Европе все идет по плану?

– В общем, да. К сожалению, медленно, и есть сопротивление.

– Так даже интересней, – сделал глоток барон. – Что там слышно про Косово?

Керри поднял глаза на Ротшильда с удивлением.

– А что Косово? – Натаниэлю показалось, что Керри занервничал, но пытался это всячески скрыть.

– Какая ситуация сейчас на Балканах?

– Согласно плану, вместе с ООН мы медленно гоним их в сторону НАТО и ЕС, есть очаги сопротивления – сербы и их непризнание Косова. Работы в этом направлении ведутся. Полагаю, через пять лет мы возьмем все Балканы под наш контроль. От влияния России не останется и следа. – Джону казалось странным, что барон задает такой вопрос, ведь он сам все знал прекрасно.

– Что известно по наркотрафику?

– ...Переводится в Албанию, – сглотнув, ответил госсекретарь.

– Почему? – Ротшильд чувствовал, что нащупал то, что видел в своем гипнотическом сне.

– Слишком нестабильная ситуация. Действующие партизанские отряды уничтожают товар, уничтожают курьеров и тому подобное...

– Как должно быть странно, – откинулся на спинку кресла барон, – такие люди, как ты и я, сидим обсуждаем такую мелочь и низость, как наркотрафик... Не находишь?

– Нахожу, – улыбнулся Джон. – Но это приносит отличные дивиденды. На эти деньги мы несем демократию в мир все-таки.

– Я хочу, чтобы Обама на одном из выступлений заикнулся о возврате Косова сербам.

– Что?! – подпрыгнул в кресле Керри. – Вернуть?! Как? Зачем?!

– Планы, видишь ли, изменились, – с ухмылкой ответил Ротшильд. – Они больше не нужны.

– Вы, простите, в своем уме? Это уникальная зона влияния! Более того, там ресурсов на миллиарды долларов, там важные точки сбыта оружия...

– Ты же такой верный пес Совета, вот и исполняй.

– Совет никогда бы такое не одобрил, – мотнул головой Керри. От нервного перенапряжения и потрясения кожа на его шее покраснела, он чувствовал, как заныла его левая нога на месте шрама от шрапнели. – Это глупость.

– Ты ведь хочешь остаться госсекретарем? – сложил руки на груди барон. – Хочешь же с почетом уйти на заслуженную пенсию? Признайся, ты ведь не хочешь, чтобы вся Америка узнала, за что именно ты получил свои медальки? – ухмыльнулся Ротшильд.

– Вы меня шантажируете?

– Нет, – покачал он головой, – я отдаю тебе приказ.

– Но это невозможно... как можно им его вернуть? Это же такое унижение для ООН, США...

– Унижение? Нет, что ты. Так они побегут в НАТО быстрее. Сам подумай, Сербия от такого жеста сильней полюбит Америку, забудет про многое зло.

Джон, задумавшись, начал хмурить брови: а ведь в этом плане что-то было.

– Тут не могу не согласиться, – закивал он, – но что скажут остальные члены Совета?

– Какая разница тебе?

– Никакой, – облизнул пересохшие губы Керри. Давно он не чувствовал себя юнцом, подчиненным и вынужденным отчитываться. – Это должно проходить под нашим контролем или под эгидой ООН?

– Нет. Зачем тратиться на варваров? Пускай сами забирают свое.

– Как так?

– Пусть США со своей стороны лишит их поддержки, отмените все договоренности, порвите связи. Заберите все, покажите, что эти гиены больше не в фаворе, и сербы сожрут их.

– Это может привести к военным столкновениям, жертвам.

– Какое нам дело до этих жертв? Пусть дохнут.

Джон молчал, не в силах осмыслить ход мыслей барона.

– Это действительно желание Совета? Мы добьемся своих целей таким путем?

– Ты же бывший военный, откуда в тебе такая трусость перед неизведанным? Ах, да, она была всегда. – Ротшильд снова ухмыльнулся, почесывая висок. – Делай что тебе говорят. Наша обезьянка порадуется, ее рейтинг поползет вверх. А то все в несолидном минусе.

– Разве не так задумывалось?

– Планы имеют обыкновение меняться. Можешь приступать, Джон. – Натаниэль встал с кресла и протянул руку Керри, тот с готовностью пожал ее. – Я надеюсь на тебя.

Джон Керри покинул дом Ротшильда в абсолютном замешательстве. Не исполнить приказ он не мог, но от этого решения дурно пахло, и он был не в силах понять причины такого решения Совета.

Ротшильд сидел в тишине своего кабинета и разглядывал семейный герб, вышитый на спинке кресла. Какая-то его часть из глубин сознания кричала, чтобы он одумался и не совершал ошибок, но барон отказывался ее слушать. У него не было вопросов к своим действиям. Натаниэль прекрасно понимал, что, вырвав из плана врагов одно звено, он значительно подпортит весь план.

– Зачем мне какие-то Балканы, когда взамен я получу весь мир. А этот регион сожрет сам себя, – он перевел взгляд на голову Лазаря, – такова его судьба без тебя...

Мария закончила свой скромный обед, сидела и просто читала газету, иногда поглядывая на парочку. Посмотрев на часы, она попросила счет. Рассчитавшись, девушка встала, надела пальто и подошла к столику.

– Ну что, Вук, – Лазарь посмотрела на него с усмешкой, – одолжить тебе пару сотен?

Бранкович смерил ее хмурым взглядом.

– Всего вам доброго, – улыбнулась девушка и покинула ресторан.

– Сука... – сквозь зубы прошипел Вук, сжимая вилку и нож со всей силы.

– Да не обращай внимания, – махнула рукой Джулия, – у нее всегда такое странное чувство юмора.

– Это не чувство юмора, это слишком длинный язык, – цокнул начальник охраны. – Который могут и оторвать.

– Я бы не возражала, – пожала плечами девушка. – Она мне никогда не нравилась. Всегда такая надменная, смотрит свысока. Не знаю, что дядя за нее так ухватился. По мне, так она больше притворяется, чем работает.

– Неужели? – поднял одну бровь мужчина. – Притворяется?

– Ну да, – кивнула Джулия. – Ей неинтересно работать, она через силу это делает.

– А, это, – разочарованно выдохнул Вук, – это у многих так.

Эвис готовил себе на обед пиццу по своему фирменному рецепту – выкладывая на тесто все, что нашел в холодильнике.

– Пресвятая дева Мария! – всплеснула руками его мать, заходя на кухню. – Ты ее еще джемом намажь!

– Мама, ты ничего не понимаешь, – Эвис завершал композицию, выкладывая три розовых зефирчика в центре пиццы, – так вкусней. Тут сразу и обед и десерт. А запах... ммм. – Он облизал пальцы и убрал пиццу в духовку. – Позови меня, когда приготовится!

– А ты куда? Опять за компьютер?

– Да, – кивнул парень. – А что? Я так зарабатываю на жизнь.

– Геморрой ты зарабатываешь или еще что похуже! – Гарсия, улыбнувшись, махнул рукой и поднялся по лесенке. – А я внуков хочу, между прочим!

– Я помню, мам, помню.

Эвис вернулся в свою тайную комнату. Посмотрев на три монитора, шумно выдохнул. Неизвестные из вчерашнего чата не шли из головы. Если найти первого не представлялось сложной задачей, то вот Кос обещал доставить некоторые трудности. Хрустнув пальцами, Гарсия сел за стол.

– Ты такой чертов гений, что тебе самое место в команде «Цикад»... нам бы такой пригодился...

Проверив почту, Эвис снова не заметил, как в раздумьях принялся кусать ноготь на большом пальце левой руки. Опомнившись, он шлепнул себя по руке. Как-никак он уже битый месяц пытался отучить себя от этой вредной привычки. На втором экране не прекращая бежал текст – запущенная Гарсией программа продолжала отыскивать слабое место в защите анонима.

– Может, заманить тебя?.. – вслух подумал Эвис. – Прикинусь этим JOK или как там его?.. Хм-м, – он задумчиво почесал шею, – попробуем выманить.

– Твоя пицца готова! – услышал он голос мадам Гарсии из кухни.

– Отлично!

Забрав свою пиццу под неодобрительные слова в ее адрес от мамы, Эвис вернулся в комнату. Под еду и газировку ему думалось легче. К последнему куску пиццы, когда он уже отчаялся привлечь в чат загадочного Коса, там разгорелась ожесточенная полемика по одной теме. Эвис не мог скрыть улыбку, читая сообщения. Люди обсуждали якобы недавно появившуюся подсказку по одной из самых больших загадок интернета – код «Цикада 3301».

– Эх, ребята, – улыбнулся Эвис, – пошел уже третий раунд, а вы все еще на старте. – Тогда Гарсия напечатал в чате: «Им нужны лидеры, а не последователи. Не тратьте время, опоздали вы».

В чате на какой-то момент стало тихо. Никто не среагировал на сообщение неизвестного новичка.

4 января 2012 года, Нью-Йорк

В 2012-м у Эвиса еще не было своего компьютерного клуба, совмещенного с домом. Однако все к этому шло. Особенно после того как отец ушел из семьи и большая часть дома пустовала. Гарсия-младший всегда увлекался компьютерами и программированием. Даже умудрялся по юности выигрывать состязания юных гениев. К сожалению мадам Гарсии, ее сына не интересовала легальная и открытая сторона цифрового бизнеса. Даже свои первые сто долларов ее сын сделал в десять лет на взломе ноутбука какого-то клерка для своих вороватых

друзей из уличной банды. Единственное, что успокаивало, так это то, что ни в какие физические разборки Эвис никогда не ввязывался и в общем-то всегда был дома, под присмотром. И несмотря на такой образ жизни, каждый месяц клал на ее карточку деньги в достаточном для семьи количестве.

Вернувшись с прогулки ближе к шести вечера, Гарсия принялся проглядывать последние добавленные комментарии к картинке, что он опубликовал на сайте 4chan. В месте, где люди частенько публиковали хулиганские и непристойного вида картинки и фотографии. Вдруг ему на глаза попалась картинка с текстом. Ничего особенного в тексте на черном фоне не было.

«Привет. Мы ищем лиц с высоким интеллектом. Для этого мы разработали тест. В этом изображении есть скрытое сообщение. Найдите его, и оно покажет вам, как найти нас. С нетерпением ожидаем тех немногих, которым удастся пройти весь путь. Удачи. 3301»

Под текстом уже было много комментариев, и люди активно это обсуждали. Кто-то даже высказал предположение, что это АНБ ищет таланты. Гарсия всегда любил головоломки, вот и в этот раз он не смог пройти мимо. Тем более что пока еще не было разгадок от посетителей сайта. Поковырявшись немного, Эвис открыл картинку в текстовом редакторе. И тут же перед ним предстали и ключ, и следующая загадка: «Тиберий Клавдий Цезарь говорит». Применив шифр Цезаря, он получил ссылку на сайт с веселым изображением рыжей утки, сообщающий, что в общем-то он на верном пути. Рядом с уткой был и текст с очередной загадкой. В последующие два дня и две ночи Эвис забыл про сон и про еду. В отличие от многих, он не делился своими находками и открытиями в сети, он шел по следу в одиночку. Так он чувствовал себя первооткрывателем, да и для самолюбия это было полезно – найти отгадку собственными мозгами, а не коллективным бессознательным. Одна из загадок выдала ему номер телефона. Он тут же набрал его, и смоделированный на компьютере голос сказал:

– Очень хорошо. Вы справились. Три простых числа связаны с оригинальным изображением final.jpg. 3301 – одно из них. Вы должны найти другие два. Чтобы перейти на следующий уровень, перемножьте эти числа между собой и добавьте .com. Удачи. До свидания.

– Все чудесатее и чудесатее... – хмыкнул Гарсия, отложив карандаш и посмотрев на бумагу, – надеюсь, в конце меня ждет денежный приз или хотя бы вечеринка с блэкджеком и девочками...

Уже 9 января на очередном сайте-подсказке были зашифрована следующая загадка. Найдя первые координаты, Эвис радостно хлопнул в ладоши.

– Спасибо Мэриленду за мои веселые школьные деньки! – он тут же схватил телефон и набрал номер своего школьного товарища из города Аннаполис. – Эй, Пит! Это Гарсия!

– Здорово! – обрадовался звонку Пит, такой же хакер, как и мексиканец. – Чем обязан-то?

– Если ты еще не разбил бабушкин пикап, тащи в него свою задницу и езжай по адресу, что я тебе скину. Только сейчас же!

– Ок. Не знаю, что ты там задумал, но помни, что я теперь в доле, – хмыкнул Пит, заводя мотор.

Спустя двадцать минут на мобильный телефон Эвиса пришла фотография с изображением цикады и куаркодом[10] под ней.

Снова погрузившись в дешифровку, Гарсия забыл про реальность на добрых шесть часов. Все требовало проверки и перепроверки. Ему казалось, что если он придет на ошибочный сайт, то его вычеркнут из списка претендентов.

Наконец перед ним был написанный и готовый адрес сайта, который оставалось лишь вбить в адресную строку. Поколебавшись с пару секунд, Эвис нажал кнопку «Enter» и тут же оказался на последней страничке своего путешествия. Чтобы перейти к последнему пункту, ему требовалось создать анонимный почтовый ящик и специальный ключ и загрузить эту информацию на сайт тайных организаторов. Выполнив все условия, Гарсии ничего не оставалось, как ждать. Спустя пару часов на сайте уже висело иное сообщение:

«Нам нужны ведущие, а не ведомые».

Следующие сутки Эвис провел в нервном напряжении, он каждые пять минут проверял почту в ожидании письма. Каждый звонок телефона порождал массу конспирологических мыслей, а когда стучали в дверь, ему начинало казаться, что это за ним пришли, причем не друзья, а какие-нибудь люди в черном.

Наконец утром 11 января он увидел долгожданное письмо от отправителя под ником 3301.

«Привет, Эвис! Мы поздравляем тебя с тем, что ты был первым, кто прошел весь путь. Теперь осталось совсем немного, и ты сможешь присоединиться к нам, к команде «Цикада». Все, что тебе нужно сделать, – это выйти на улицу».

[10] От англ. QR-код *(quick response — быстрый отклик)* — матричный код (двумерный штрихкод).

Гарсия пулей спустился на первый этаж и подошел к входной двери. Не теряя ни минуты, он накинул куртку, ботинки и вышел на улицу. Напротив дома на тротуаре сидел мужчина лет сорока с ноутбуком на коленках. Увидев хакера, он довольно улыбнулся и отдал ему честь двумя пальцами. Разглядывая его, мексиканец поморщился и подумал о том, что очки бы ему все же не повредили. Он подошел к незнакомцу и встал напротив него.

– Вы и есть 3301? – неуверенно спросил он. Тот кивнул молча, закрывая ноутбук. – Что такое команда «Цикада»? И какова моя награда за участие?

– Награда? – хрипло спросил мужчина. – Ты теперь 3303, часть команды. Вот твоя награда. – Незнакомец встал с земли и протянул Гарсии руку. – Добро пожаловать!

– Эм-м, – проговорил Гарсия, пожимая руку, – и каковы цели команды? Задачи?

– Мы знаем, что ты работаешь над любопытной схемой. – Эвис удивленно вскинул брови. Кто-то влез в его компьютеры, а он и не заметил. – Более того, мы понимаем, что в одиночку с этими врагами тебе не справиться. А люди, стремящиеся победить, нужны нам.

– Откуда вам знать мои цели? – покачал головой мексиканец.

– Нетрудно догадаться, когда главный и единственный объект твоих интересов – тайное правительство, – пожал плечами незнакомец.

– Хорошо. Допустим, но как вы можете помочь с ними справиться?

– Мы готовим масштабное событие, которое поможет всем американцам одуматься. На него требуется время и нужны мозги. Твои мозги, Эвис.

– Заинтригован! – улыбнулся Гарсия. – Вы умеете увлечь! Ладно, черт с ним, я с вами!

Две недели спустя на двух разных сайтах появилось новое сообщение:

«Привет. Мы нашли тех, кого искали. Так наше путешествие длиной в месяц заканчивается. Пока».

Наше время, Нью-Йорк

– Ищу какую угодно информацию о Марии Лазарь, – подал голос «новичок».

Буквально через две минуты Кос кинул ему приглашение в приватный чат. Эвис чуть не поперхнулся газировкой.

– Неужели клюнул?! Черт! А я был о тебе более высокого мнения!

– Снова ты, – написал некто Кос.

– Итак, кто она на самом деле? Нам там не дали договорить, – написал Гарсия от имени Джока. – И какое отношение она имеет к Милошу Лазарю?

– Самое непосредственное, – ответил Кос. – И зовут ее вовсе не Мария. Единственное, что правда, так это ее профессия.

– Как ее зовут?

– Сенка Обилич, и она опасна хотя бы тем, что состояла в сербском повстанческом отряде, нелегально действующем на территории Косово. – Гарсия шумно сглотнул и даже огляделся, не смотрит ли кто за ним. – Надеюсь, это удовлетворит потребности твоего заказчика.

– Откуда мне знать, что ты говоришь правду? Может, ты заплутавший сталкер и жаждешь навредить девушке?

– Если ты умный, то сможешь посмотреть вот эту картинку. – Дальше в чате появилась закодированная ссылка.

– Кто ты? Ты оттуда? – спросил Эвис, не в силах сдерживать свое любопытство.

– Дай знать в чате, когда ее уберут. Хоть помяну ее.

Кос отключился, оставляя Эвиса в приватном чате наедине со своими мыслями. Успокаивало его во всем этом лишь то, что правду он узнал быстрее реального Джока. Блокировать того паренька от чата не составит труда, ребята из «Цикады» помогут, но вот завтра придется о многом расспросить новую знакомую.

К удивлению Марии, Джулия в офис так и не вернулась. Доктор Зев провел свои консультации с любимыми и особыми клиентами, которыми ни с кем не хотел делиться, и тоже поспешил домой. Все-таки сегодня играют нью-йоркские «Ред Буллс», а такой матч он не мог пропустить. Сбросив на Лазарь все отчеты, он попрощался и буквально убежал с работы.

Закончив с делами, Мария направилась в свой второй дом, за которым следил начальник охраны Ротшильда. Хотелось выспаться, завтра второй сеанс, и нужно быть готовой к тому, что он может стать последним.

«Ничего, хотя бы одно дело доведу до конца», – подумала она, глядя на свое отражение в окне автобуса.

Идя по коридору дома, ей казалось, она чувствует знакомый запах. Чем ближе она подходила к цели, тем сильней пахло. Поморщившись, она открыла дверь и вошла в квартиру. Запах Вука Бранковича стоял в каждой комнате, не нужно было даже принюхиваться.

– Следопыт чертов, – выругалась Мария, – мог бы хотя бы окна открыть. – Она прошлась по комнатам, никаких перемен не обнаружила. – Как ты еще в начальники заделался, хотела бы я знать?..

Выкурив пару сигарет, Лазарь приняла решение избавиться от этой квартиры и пересдать ее кому-нибудь. Причем срочно.

– Ладно. – Она встала с дивана. – Тут я не останусь. Пора идти домой, следить он все равно не умеет.

Джулия снимала небольшую квартирку в одном из самых престижных районов, в Сохо. На Вустер-стрит, 59, в старинном шестиэтажном доме, ставшем приютом для юных дарований в области современного искусства. На это скромное жилье, но в окружении людей с достатком, она тратила всю свою зарплату. На остальное хватало карманных денег от всевозможных ухажеров. Хотя приводить мужчин к себе в дом не входило в ее правила, этому потенциальному жениху она отказать не смогла. Да и не в особняк же Ротшильда ему ее вести.

Ночью Бранковичу не спалось, покрутившись с боку на бок, он оставил всякие надежды уснуть. Слишком много мыслей лезло в голову, да и «милое» посапывание Джулии отвлекало. Уставившись в потолок, Вук считал секунды, но образ Марии настойчиво лез в голову, особенно как она днем посмеялась над ним. Однако было и что-то еще. Начальнику охраны стало казаться, что он уже где-то видел ее, но не мог понять – где и не игра ли это его воображения. Он тихонько выбрался из кровати и прошел на кухню. На столе стояла недопитая ими бутылка вина. Недолго думая, Бранкович отпил из горла и поморщился.

– Господи, – процедил сквозь зубы он, – как можно пить такую кислятину и восхищаться ею. – Он посмотрел на этикетку. – ...Лягушатники никогда не знали толк в вине, – покачал он головой и полез в холодильник в поисках чего другого. – Я уже почти рад. – Вук достал банку светлого пива. – На безрыбье...

Мужчина подошел к слегка приоткрытому окну. Даже морозный воздух не мог вытеснить духоту из квартиры. Из-за начавшейся пурги ничего не было видно, лишь море огней. Бранкович сел на высокий стул у стены и, устроившись поудобней, закинул ноги на стол. С

каждым глотком он старался вызвать образы из прошлого. Вспоминал всех, кого когда-либо встречал, год за годом. Взяв со стола свой телефон, он открыл фотографию Лазарь. Кусая нижнюю губу, он воспроизводил в памяти все моменты, связанные с ней. Отчего-то его сознание затормозило на одном-единственном моменте – когда Мария шла в туалетную комнату и он видел ее лицо лишь в профиль, вполоборота. Видел, как она убрала выбившуюся прядь волос за ухо. Только он поднес к губам банку, как такой же эпизод, но почти шестнадцатилетней давности, вспыхнул перед глазами.

– Не может такого быть... – мотнул он головой, пытаясь отогнать воспоминание, – просто похожа... у той, у той было что-то необычное... – Бранкович поставил банку на стол и потер рот, – не помню что... – он водил руками по голове и пытался вспомнить тот день с самого начала. – Она была там не одна, там был Лазарь... – Бранкович посмотрел в свое отражение в оконном стекле. И, глядя в свои глаза, он кое-что вспомнил.

24 марта 1999 года, Приштина, Сербия

Часы на башне Сахат-Кулла показывали ровно 15.00. Центр города шумел, а именно улица Марии Терезы. В многочисленных кафе и ресторанчиках люди обедали и под крепкий кофе вели беседы о разном. Однако в воздухе чувствовалось напряжение. Те, кто был осведомленнее других, с опаской всматривались во все происходящее. Чиновники чуть ли не шепотом делились своими соображениями с друзьями. Так было и в одном заведении, где за длинным деревянным столом сидели человек семь. Шестеро внимательно, не смея перебивать, слушали своего товарища. Мужчина в деловом сером костюме сидел как на допросе. Он прижимал к себе рыжий портфель и то и дело поправлял сползающие на нос очки. Речь его оставалась ровной и вовсе не сбивчивой, хотя он и рассуждал о страшном.

– Но мы же отказались его подписывать, – дослушав рассказ мужчины, возразил один из слушателей, – не прав ты тут, Сани, не прав.

– 19-го переговоры были прекращены, если ты забыл, – сухо ответил Сани, чиркая спичкой по коробку. – Да и чрезвычайное положение, которое Слобо объявил вчера, не повод для оптимизма. – Он выпустил дым в сторону. – Меня не это пугает больше всего, а то, что четыре часа назад американцы покинули наш дивный край.

– Как крысы бегут с тонущего корабля, – покачал головой другой мужчина, – нам бы нужно воспользоваться их примером. – Он окинул взглядом всех присутствующих. – И действовать нужно сейчас.

– Я свой дом не брошу, – мотнул головой Мислав, который возразил Сани. – Придут ко мне с мечом – от меча и полягут.

– Не придут они, – покачал головой Сани. – Они прилетят. – Он указал пальцем в небо. – Они побоятся вступать с нами в бой, потому что тут они проиграют. Засядут, как во Вьетнаме...

– Бомбить будут, думаешь? – мужчина в костюме кивнул и затушил сигарету. – Когда?

– Откуда мне знать?.. – пожал плечами Сани. – Знаю, что они стягивают корабли и авиацию ближе к нам. Брат звонил вчера, рассказывал.

– Да и этот американка, – закивал Мислав, – как там его, Холбрук, по телевизору объявил, что не будет переговоров. И это, я вам как вояка бывший говорю, звучало как угроза...

Все это время за маленьким столиком в углу ресторанчика сидели три молодых человека – два парня и девушка. Молча они слушали Сани и то и дело переглядывались. Когда взрослые закончили разговор, обед и покинули ресторан, парни проводили их внимательным взглядом, особенно чиновника.

– Сенка, ведь Милош то же самое говорит, да?

Девушка кивнула.

– Он ведь не думает, что они будут нас бомбить?

– Именно это он думает, – не поднимая головы ответила девушка, уплетая ароматную телячью чорбу. – Только, в отличие от этих мужчин, – Обилич кивнула на соседний стол, – он уверен, что они будут бомбить города, а не только военные объекты.

– Зачем города? Какой смысл бомбить ту же Приштину?

– Чтобы не было нас тут. Неужели непонятно?

– А когда?

– Да откуда мне знать, Петар? – она хмуро посмотрела на парня. – Ешьте давайте, и пойдем. Нам еще к профессору Джовановичу идти.

– Черт! Я забыл про него! – выругался Петар, оторвав взгляд от глаз Обилич. – Я не написал работу.

– Ну что могу сказать... мо-ло-дец, – улыбнулась девушка. – Будешь к нему еще два месяца бегать сдавать зимний зачет. Нет, ну как можно быть таким растяпой?

– Можно, как видишь, – развел руками парень. – Ладно, – махнул он рукой, – придумаем что-нибудь.

– Ага, – кивнула Сенка, – и с работой ты потом тоже что-нибудь придумаешь.

– Кстати, – вступил в разговор второй парень – Божен, – сегодня у Радко день рождения. Он нас приглашал. Пойдем?

– Во сколько?

– Да ладно тебе, Сенка, Милош тебя после восьми из дома не выпустит. Я тебе даже не предлагаю, – махнул парень рукой. – С таким старшим братом никакой жизни. – Он улыбнулся.

– Я бы за такого брата все бы отдал, – хмыкнул Петар. – А то мне Бог даровал такую сестричку, – покачал он головой, – жуть...

Закончив обед, трое студентов направились на запланированную встречу с профессором. Правда, лишь Сенке удалось получить свой зачет автоматом. Однако она задержалась и помогла своим непутевым однокурсникам. На часах было только шесть часов, когда она вышла из университета.

В Приштинском полицейском управлении с утра все были на ушах. Из-за введенного чрезвычайного положения многих сотрудников вызвали из отпусков. Начальство буквально рвало и метало, приказы сыпались как из рога изобилия, и мало кто понимал, что делать. Лишь немногие сохраняли хладнокровие и были максимально собраны. Лейтенант Вук Бранкович сидел в кабинете главы управления Радована Милича и безучастно смотрел на то, как шеф листает представленный им отчет.

– Это все, что ты накопал за три месяца? – сердито спросил полковник, хмуря брови. – Ты же говорил, что почти сеть раскрыл?

– Пока это все, что есть.

– Да тут ничего нового! – Милич брезгливо бросил бумаги на стол. – Мне отряд Милоша уже все это донес полгода назад. Мне конкретика нужна. – Радован встал со стула и вышел из-за стола. – Найди кого-то, кого мы можем сделать козлом отпущения. Я свой пост терять не хочу, а Лазарь вот-вот да и докопается до истины.

– Не докопается, – ухмыльнулся Вук, беря со стола начальника простой карандаш. – Сломается раньше, надорвется.

– Я Милоша с молодых ногтей знаю, такие не ломаются, – промокнул платком вспотевший лоб полковник. – И не дай бог он узнает, что я к этому трафику имею отношение...

– Может, проще его вообще убрать? – вопросительно поднял брови Бранкович. – Раз он так мешает?

– Он герой, – цокнул Милич, – таких просто так не убивают.

– Да пожалуйста, убьют как мученика. Проблем-то... Кстати, на него ведь можно и надавить, семья там, родственники?

– Нет у него никого. Ну, насколько мне известно. Он слишком многим помогает, не разберешь, кто ему кто.

– Может, баба какая у него есть?

– Понятно, что не евнух он, но никогда не видел его с кем-то особенным.

– Странно, – удивился лейтенант. – Так оберегает свою личную жизнь... никто ничего не знает толком. Сплошные слухи.

– Так, ладно. Насчет покушения – пусть попробуют, но без фанатизма. Если с первого раза не получится, уберем его другим способом.

– Каким? Вы меня заинтриговали.

– Скинем его с Олимпа. Из героя станет изгоем... но это будет потом. Пока постарайтесь убрать его.

– Я передам ваши пожелания.

– Надеюсь, у тебя хватает ума не упоминать мое имя при них?

– Хватает, конечно, хватает, только они прекрасно знают, под чьим прикрытием мы трудимся. – Вук встал со стула. – Честь имею.

– К пустой голове не прикладывают, дурак. – Полковник налил себе в стакан воды. – Иди работай, – махнул рукой Милич.

Выйдя из кабинета полковника, Вук прошел по длинному коридору. В комнате отдыха, которую давно уже приспособили под раздевалку, он увидел вернувшегося с очередной вылазки Милоша. Тот снимал бронежилет, защитную амуницию.

– Успешно? – встав в дверях, спросил лейтенант. Лазарь поднял на него глаза.

– Не по уставу обращаешься, лейтенант.

– И все-таки?

Милош выпрямился во весь свой немалый рост и недоверчиво посмотрел на коллегу.

– Напомни мне, почему тебя не взяли в наш отряд? – Бранкович стиснул зубы, да так, что забегали желваки по скулам. – Ах, да, неуважение к старшему командному составу...

– По здоровью не прошел вообще-то.

– По психическому?

Вук злился и уже отругал себя за то, что остановился.

– Я вспомнил, – натянуто улыбнулся майор. – Ты в тренировочном бою чуть душу не выбил из моего бойца.

– К чему это?

– К тому, что результаты операции касаются лишь меня и моего отряда, а также начальства, к которому ты, боюсь, никогда не будешь иметь никакого отношения.

– Я тебе припомню это как-нибудь.

– Буду ждать. – Милош убрал амуницию в свой шкаф. – Будешь смотреть, как я переодеваюсь, или пойдешь дальше? – Вук презрительно фыркнул и хлопнул дверью. – Так бы сразу.

Бранкович вышел на улицу и тут же закурил.

– Слабое место есть у всех, – подумал он вслух, – ты не исключение. Знаю, что кого-то прячешь... И надо бы тебе, Вук, – продолжал он, – поскорей отыскать способы давления, иначе голову снесут.

– Сам с собой разговариваешь? – вышла на крыльцо Милена, сержантик, которая давно строила глазки Вуку и всячески пыталась привлечь его внимание.

– Угу, – кивнул лейтенант.

– День не задался? – она с любопытством заглядывала ему в глаза.

– Есть немного. Слушай, Милена, а ты не в курсе, Милош женат?

– Понятия не имею. Он никогда не распространяется, никогда о личном не говорит. Ни с кем, – покачала она головой. – А тебе зачем?

– Просто интересно, – пожал плечами мужчина.

Докурив и попрощавшись с девушкой, Бранкович сел в машину и решил подождать, пока выйдет Лазарь. В пятнадцать минут восьмого майор вышел из управления и, глянув на часы, быстрым шагом пошел в сторону центра. Вук завел машину и, не привлекая лишнего внимания, поехал следом. Майор долго шел, изредка сворачивая и не оглядываясь.

– Куда же ты так спешишь? – вслух спросил Бранкович, держась на расстоянии от объекта наблюдений. Лейтенант глянул на часы, было уже 19.41. – А это кто там у нас?

Впереди перед Милошем была автобусная остановка. На скамейке сидела девушка. Вук не мог разглядеть толком ее лица, его скрывал шарф. Лазарь махнул ей рукой и что-крикнул, но его голос заглушил вой сирены.

– Какого?.. – Бранкович высунулся из машины и посмотрел в небо. – Воздушная тревога? Война, что ли? – Он снова посмотрел на часы, затем на остановку. Милош в это время добежал до девушки, схватил ее за руку, и они куда-то побежали мимо Бранковича. На один краткий миг она посмотрела в его сторону, фонарь осветил ее лицо, ее глаза.

В 19.45 прогремели первые три взрыва в Приштине. Снаряды упали рядом с городом на военную часть, а затем и в центр. В 19.47 город погрузился во тьму, как и вся Сербия.

Наше время

Бранкович учащенно дышал и ходил по кухне. Он смотрел на фотографию Марии Лазарь на телефоне и на девушку из своих воспоминаний. Та была совсем молоденькая, лет восемнадцать... но у нее была особенность.

– Глаза... это были глаза, – прошептал Вук. – Но я ничего такого не заметил у Лазарь... Черт побери, да что это за хрень происходит?.. – он выругался не на английском. – Я докопаюсь до истины. Так или иначе. И если ты и есть она, то головы тебе не сносить... Уж больно много крови попил у нас Милош...

– С кем ты разговариваешь? – Сонная Джулия стояла в дверях кухни.

– С домовым, – улыбнулся мужчина. – Он рассказывает занятные истории.

– Возвращайся в кровать. Мне скучно одной... – Она кокетливо оголила плечико.

– Умеешь ты уговорить. – Вук выключил на кухне свет, и вдвоем они пошли в спальню.

Стараясь не привлекать внимания, Джон Керри отправился в Вашингтон не на самолете. По прилете возникла бы масса вопросов о причинах его внезапного отъезда. Поэтому его выбор пал на поезд. До столицы было всего-то три с половиной часа езды. Комфортные условия в бизнес-классе позволяли не замечать тянувшегося, казалось, бесконечно времени. Госсекретарь смотрел в окно на проносящиеся пейзажи и все воспроизводил в голове диалог с четвертым бароном Ротшильдом.

«Почему этот вопрос не был поднят в июне, во время заседания Бильдерберга?.. – думал Керри. – Отчего сейчас Совет меняет свои решения? Да на такие абсурдные?.. Не понимаю».

Он мотнул головой и окинул взглядом салон вагона. Кроме него было еще два пассажира.

«Тебе и не нужно понимать, – ответил Джон сам себе. – Осталось придумать, под каким соусом подать это Обаме...»

Снова посмотрев в окно на разыгравшуюся пургу, затягивающую луну серым покрывалом, госсекретарь США поймал свой же взгляд.

«Хотел бы я знать мнение остальных членов Совета... единогласное ли это было решение?..»

Дэвид Рокфеллер готовился ко сну, когда зазвонил телефон. Он посмотрел на экран – Брайан.

– Слушаю! Ты дозвонился до него?

– Да.

– Что он сказал?

– Он сейчас в Швейцарии, приехать не сможет. У него очередные неприятности с налоговой, однако он с удовольствием выслушает ваше предложение.

– Что ж, организуй тогда нам завтра видеосвязь.

– Сделаю. Доброй ночи, Дэвид.

– И тебе, – повесил трубку Рокфеллер.

Сев на край большой кровати, он посмотрел на фотографию жены в рамке.

– Как ты и говорила, милая, – коснулся он пальцем ее губ, – спасти Америку могу только я.

Он забрался под одеяло и погасил свет.

– Интересно все-таки, что будет дальше? Надо бы столкнуть Ротшильдов лбами... Нанести удар по их «единству»... – думал он вслух. – Любопытно будет, когда я выведу Джейкоба из игры руками его же родственничков.... Будет даже весело.

На Нью-Йорк опустилась глубокая зимняя ночь. Завывания ветра и пурга, несущаяся по достаточно многолюдным даже ночью улицам, холодили души бездомных и гнали собак и кошек в укрытие. В одном из дворов в Гарлеме, как раз у дома, построенного некогда Рокфеллером, у бочки с полыхающим огнем толпились люди. Кутаясь в жалкие обноски, они тянули руки к огню.

– Говорю вам, сон приснился на прошлой неделе, с четверга на пятницу, – сказал один пожилой чернокожий мужчина, – мои сны всегда сбываются. – Он немного шепелявил, а голос был хриплый и очень тихий. Все это придавало ему большую загадочность.

– Да что там тебе приснилось, Сэмми?

– Снилось, будто иду я в сторону моста через Ист-Ривер, прохожу мимо какого-то магазина с телеками. И по всем идут новости, а потом вдруг все гаснет. Я иду дальше, иду по мосту. На реку смотрю... а она во льду вся... – Он прокашлялся. – А на мосту мужик стоит белый, старый. Морда у него знакомая. Он смотрит на меня, а потом перелезает через перила и, расправив руки, прыгает.

– Да ладно!

– Как птица, расправил руки и вниз полетел, – уставился на огонь бездомный.

– Да ладно, Сэмми, – похлопал его по плечу один из друзей, – одним белым меньше. Для нас ничего не изменится ведь.

– Чувство у меня во сне было такое, что изменится все, Марк, все...

глава XII

У барона Ротшильда был беспокойный сон, он ворочался и никак не мог вынырнуть из сна. Ему снилось, что он вместе со своими коллегами по Совету идет по длинному узкому мосту. Вокруг тишина. Под мостом зияет бездна, темная и в то же время зовущая. Никто, кроме Натаниэля, не выказывал любопытства, никто не озирался по сторонам. Впереди шел Генри Киссинджер, барон коснулся его плеча.

– Генри, где это мы? Куда идем как на убой? – спросил он.

– К своему выбору идем, – не поворачивая головы, ответил ему друг. – Что выбрали, то и получим.

– Не понимаю, – мотнул головой барон. – Здесь же столько людей, я половины не знаю, кто они?

– За каждым из Совета стоят многие люди. Разве ты не знал? – через плечо спросил Киссинджер.

– Знаю... не думал, что их столько.

– А из кого, по-твоему, мы золотой миллиард собирали?.. – ухмыльнулся Генри. – Не из простых же смертных.

Дальше барон переместился вперед и, стоя на земле, смотрел на мост. Он видел, как одни люди сталкивают других в бездну, кто-то сталкивает их. Потом он поворачивает голову налево и видит молодого себя, отвязывающего канаты, поддерживающие мост. Барон хотел было его остановить, но не мог пошевелиться. Все, что ему оставалось, – это смотреть, как в бездну падают все, кого он знал, кому когда-то доверял. Когда стихли крики, Ротшильд снова посмотрел на себя молодого, тот криво улыбнулся и растаял в воздухе. Натаниэль пошел дальше. Дорога вывела его к разрушенному храму, о былом величии которого говорила лишь массивная стена. Он спустился по лесенке и подошел туда, где некогда был вход. Перешагнув через камни, Ротшильд шел к мраморному алтарю, разрубленному невиданной силой надвое. Высоко в небе кружила стая птиц. Подойдя ближе, барон понял, что перед ним вовсе не алтарь, а трон.

Вдруг все исчезло, и он увидел, как неизвестный ему человек держит в руках два шара, мерцающий черный и сияющий красный. Снова вокруг оказалось много людей.

– Выбирайте же! – крикнул неизвестный, протягивая шары к людям.

Все как один ринулись прикасаться к тому, что переливался красным. И только Натаниэль коснулся того, что был черным.

– Хороший выбор, – прошептал неизвестный. – Только ты будешь один против всех. Не забывай оглядываться.

Наконец ему удалось вырваться из лап Морфея, и он открыл глаза, тут же сев на кровати. Он тяжело дышал, будто пробежал невероятным спринтом стометровку. Взяв с тумбочки стакан с водой, он жадно выпил все до капли. Отдышавшись, включил прикроватную лампу.

– Что за наваждение, – покачал барон головой. – Или это опять как тогда?.. – вслух спросил он. – Тогда ведь я тоже остался наедине с миром... Если бы сна послушался, возможно, и не передал бы правление Дэвиду... Что, Нэт, и в этот раз не послушаешь? – спросил он сам себя. – Черта с два, – облизнул старик снова пересохшие губы, – не победить вам меня.

Натаниэль снова лег спать, и больше ему снов не снилось. Утром он позвонил своему помощнику.

– Слушаю вас, сэр, – сразу же взял трубку Ричард.

– Так, Ричард, перенеси мой сеанс с мисс Лазарь на четверг.

– Хорошо.

– Плюс я знаю, что Генри сейчас в Нью-Йорке, свяжись с ним, будь добр, и договорись о встрече.

Мария была уже готова к выходу, лениво жевала бутерброд и смотрела новости, прыгая по разным каналам. Ничего интересного не произошло. На часах было только девять, когда зазвонил телефон, номер был незнакомый. Девушка нахмурилась, но ответила.

– Мисс Лазарь, доброе утро. Вас беспокоит Ричард, помощник лорда Ротшильда. Сэр Джейкоб просил перенести ваш сеанс на завтра, на то же время. Для вас это не проблема?

– Нет. Завтра в двенадцать.

– Спасибо, всего вам доброго.

Мария молча повесила трубку.

– Любопытно, – вслух подумала девушка. – Что ж, тогда придется идти в офис. Печально.

Она выключила телевизор, залпом допила кофе и вышла из дома. До работы она добралась довольно быстро. Джулия была уже на месте и, можно сказать, светилась от счастья. На ее столе стоял маленький красивый букет из фиалковых роз.

– Это мне Вук подарил сегодня утром! – заметив, куда смотрит Лазарь, пропела Джулия. – Такой букет долларов сто стоит, не меньше!

– И тебе привет, – улыбнулась Мария, снимая пальто и переобуваясь. – Утром? Цветы в постель, что ли?

– Ну, не в постель, – засмущалась девушка, – а как ты догадалась?

– Я же психоаналитик и психиатр по совместительству.

– Да-а, – протянула Джулия, не в силах сдерживать улыбку, – он такой замечательный.

– Он не женится на тебе, даже не мечтай. – Мария подошла к ее столу и взяла почту.

– Это еще почему?

Лазарь ухмыльнулась.

– Почему? Он любит меня... наверное.

– Он всего лишь провел с тобой ночь, без обязательств, по обоюдному согласию. Не питай иллюзий, милая моя. Потом будет больно.

– Ты просто мне завидуешь! У тебя у самой никого нет, а тут Вук, красавец, запал на меня, а не на тебя...

– Наслаждайся своей радостью, пока можешь.

Лазарь развернулась и пошла в кабинет доктора Зева, который был уже на месте.

– Доброе утро, Гэбриэл!

– О! Мари!

– Дура, – фыркнула Джулия ей вслед. – Просто дура.

Лазарь закрыла за собой дверь и подошла к столу.

– У нас сегодня есть кто-то?

– Увы, – развел руками Зев. – Грипп гуляет по Манхэттену, и все наши клиенты слегли с температурой. Я уже подумываю организовать сеансы по скайпу.

– Бюджетный вариант?

– Современные технологии, моя дорогая. С ними нам и офис не нужен. – Он сделал глоток чая. – Разве у тебя сегодня нет сеанса с бароном?

– Он перенес его на завтра.

– А-а, сколько встреч еще осталось? Три?

Мария кивнула.

– Подсади его на нашу иглу, хочу повысить капитал моей клиники. Кстати, под гипнозом он ничего интересного не рассказывал?

– Не узнаю вас, Гэбриэл, отчего вдруг такое любопытство? – девушка села в кресло и положила ногу на ногу.

– Да так, – пожал он плечами. – Интересно узнать, что творится в сознании миллиардеров.

– Страх. – Лазарь изучающе смотрела на начальника, тот удивленно поднял брови и даже снял очки.

– Страх? – он снял очки и, достав из брюк платок, принялся их протирать.

– Да. Это же очевидно. Все они боятся потерять то, что имеют.

– Естественно. Я бы тоже боялся.

Мария улыбнулась губами.

– Полагаешь, что все их проблемы из-за страха потери?

– Это лишь эволюция первоначального страха.

– Не понимаю тебя. Я помню, что твоя диссертация была по фобиям. Ну-ка, поделись-ка своими соображениями, – Зев поерзал в кресле, находя удобное положение.

– Моя работа не понравилась моему научному руководителю.

– Почему?

– Он сказал, что она обесценивает труд психологов.

– Как так?

– В своей работе я написала о том, что все фобии на самом деле эволюционировали из одной-единственной фобии. В конце концов, работать нужно только с одним страхом. Победив его, можно помочь человеку на самом деле.

– Заинтригован. И что это за фобия?

– Страх смерти, доктор Зев.

– Да ну! Слишком просто, – махнул он рукой.

– Хм, – Мария посмотрела на свои руки, – человек не боится летать на самолете, он боится падать и умирать в нем. Человек не боится пауков, он боится, что паук его укусит и он умрет... все страхи сводятся к одному.

– Возможно. Ты экспериментальную базу подводила?

Девушка кивнула.

– И что тебе поставили за работу?

– Восьмерку[11].

– Что ж, никто не хочет лишаться своих степеней и грантов...

– Угу, – кивнула девушка.

– Ладно, неужели Ротшильд боится смерти?

– Вы слишком торопитесь, Гэбриэл, причины страха смерти индивидуальны. Однако в большинстве случаев люди боятся умереть раньше, чем осуществят задуманное.

– ...Интересно, – потер виски Зев. – Подумаю об этом, может, даже выступим где-нибудь с докладом на эту тему.

– Сегодня мне можно быть свободной?

[11] В Израиле используется десятибалльная шкала оценивания, где 8 равно оценке «хорошо».

– Да! Делать тут нам, профессионалам, нечего, Джулия пускай на звонки отвечает, если будут. Вот не люблю зиму, такой несезон...

– Просто еще не пришло отрезвление после праздников.

Лазарь не знала, чем занять день. Выйдя на улицу и помахав Гэбриэлу, накинула на голову капюшон и пошла куда глаза глядят. Сегодня не холодно и ветра нет, снег застилает аллеи Центрального парка. Несмотря на будний день, народу тут было много. Стараясь выбирать наименее многолюдные дорожки, Мария вышла на такую, где не было вообще никого. Она первая оставляла следы на свежем снегу. Проходя мимо занесенной снегом скамейки, краем глаза заметила, как маленькая черная птица тенью скользнула мимо и села с самого краю. Девушка остановилась и обернулась. Несколько секунд она смотрела на птицу, разглядывала ее, будто видела раньше... именно эту.

– Кос... – прошептала она, делая шаг к скамейке. – Давно я не видела тебя. – Птица внимательно смотрела на человека и наклоняла голову то влево, то вправо. – Далеко же тебя занесло от дома.

Выждав еще несколько секунд, черный дрозд улетел в сторону моста. Мария улыбнулась ему вслед и решила идти за птицей. Тем более что планов все равно никаких не было.

Ища глазами дрозда, она старалась следовать за ним. Птица вывела ее к мосту, где стояли двое пожилых мужчин. Один из них смотрел на озеро, второй о чем-то рассуждал, активно жестикулируя. Лазарь замедлила шаг, как только узнала в одном из мужчин барона Ротшильда. Незаметно для мужчин девушка сошла с дороги, укрывшись за деревьями. Она осторожно спустилась к замерзшему озеру. Дрозд сел на край моста и с любопытством разглядывал людей, иногда посматривал вниз. Мария аккуратно дошла до середины моста и встала у центральной опоры. С берега было бы трудно ее заметить. Укрывшись в узкой нише, она внимательно вслушивалась в разговор, все еще не веря такому совпадению.

– Встречаемся как заправские шпионы, Нэт, почему? – с хитрой усмешкой спросил незнакомец.

– На то есть свои причины, – не оборачиваясь, ответил барон, нервно подернув плечами.

– Что тебя беспокоит? – Мужчина подошел к Ротшильду и тоже посмотрел на полностью замерзшее озеро. – Или кто?

– Люди, Генри, люди, – шумно выдохнул барон, смотря на дрозда.

– Не понимаю тебя, о чем ты? – Киссинджер хотел заглянуть другу в глаза, но тот настойчиво не смотрел на собеседника.

– Ты доверяешь Совету девяти? – Натаниэль наконец-то повернулся лицом к Генри. – Ты единственный друг и мой главный совет-

чик, доверять мне в Совете больше некому... Разве что Нэт... Но его легко сбить с пути... слишком молод, наивен.

– С чего бы не доверять? – Генри изучал лицо барона, будто пытался влезть к нему в голову. – Все предписания и решения исполняются, – развел он руками, – нет никаких нареканий, или ты знаешь что-то? – Мужчина надвинул на нос сползшие очки.

– Знаю, что они больше не идут по изначальному плану. Они избрали другой путь. – Барон убрал руки в карманы и поежился от холода.

– Это какой же?

– Банальный. Путь войны за трон. Им нет дела... Они хотят сменить главу Совета.

– Нормальное желание, тебе не кажется? – улыбнулся Генри. – Это цикличность власти...

Ротшильд резко поднял голову и посмотрел на Киссинджера, вспоминая свой сон.

– И ты тоже считаешь, что я не в себе?

– Ничего такого не считаю, но не вижу в этом конца света, – покачал головой друг.

– Мне одному кажется, что цели стали мельче?..

– Да брось, – махнул тот рукой, – мы остановили прогресс, подсадили мир на подконтрольную нам нефть, они жрут и пьют за твои доллары, они убивают друг друга, когда нам надо, они дохнут от новых болезней, когда мы этого хотим. Мир уже наш, цель достигнута. Мы и так им управляем, – улыбался Генри своему красноречию. – Теперь хочется развлечься и добить корчащегося в муках раба... Мы столько жили ради этого результата... Я хочу его увидеть, хочу пощупать эту нашу утопию ...

– Я так и думал... Я один... Ничего нового... Против всех...

– Что ты там бормочешь?

– Я говорил вчера с Керри.

– Правда? О чем?

Шум неизвестно откуда взявшегося вертолета, пролетевшего над парком, не дал Марии расслышать ответ барона. Она уже не чувствовала ног, настолько они замерзли, пальцы неприятно покалывали, но не дослушать она не могла.

– Что ты ему сказал? – переспросил, будто не веря своим ушам, друг барона. – Повтори!

– Чтобы ушли оттуда. Ни больше, ни меньше, – холодно ответил Ротшильд, потирая руки в кожаных перчатках, пытаясь отогреть их. Ему уже начинала не нравиться идея встретиться в парке, да и вообще встреча в его понимании была ошибкой.

– Это годы нашей работы, Нэт, годы. И это когда в мире черт-те что творится... Нам только этого не хватало... – качал головой Генри, ходя из стороны в сторону. – Мы почти взяли Балканы под наш контроль, загнали их в НАТО, а тут ты со своим планом. Какого черта?!

– Не узнаю тебя, Генри, – покачал головой барон. – Неужели ты не видишь, что так они пойдут к нам под крыло быстрее? Они сами отдадут нам все в благодарность за такой ход.

– Какая глупость! Портить все, и ради чего? – злился Киссинджер, не сдерживая себя в матерных ругательствах. – С каких пор тебе стал так важен изначальный план? Какой в нем толк, если и так все прекрасно?

– Не будь дураком, Генри, – холодно, с усмешкой начал барон, – ничего не прекрасно. Мы все еще далеки от целей. Если тебе все еще мало денег, так ты скажи – мы напечатаем, если тебе нужно кого-то убить – намекни своим церберам, но мир все еще идет в будущее. Причем вовсе не в то, где тебе уготовано место бога.

– Ты спятил, черт тебя дери? – всматривался в друга Киссинджер, не понимая, он ли перед ним или жалкий двойник. – Повестку XXI никто не отменял, и ее выполнение требует времени. Прогресс мы держим в узде... Все идет по плану.

– К моменту, когда план осуществится, Совет развалится, тем более когда все плетут интриги...

– Никто не плетет интриг, Нэт. Да и против кого? Против тебя, что ли? – хмыкнул Генри. – Ты не задирай нос-то, друг.

– Совет создал мой прапрадед. Никогда не забывай об этом.

– Совет – это не королевство с наследованием власти, – убрал руки в карманы Киссинджер. – И ты не наследник престола, Нэт. Если мы все проголосуем за нового главу, то будет так. А если встанет вопрос о твоем исключении, теперь я даже и не знаю, за что проголосую. Быть может, Дэвид прав и тебе действительно нужно к специалисту обратиться?

– Даже так? – поднял брови барон. – Уже доложили.

Генри пожал плечами.

– А ты и уши развесил... поверил ему? Не ожидал, – покачал барон головой. – От тебя точно.

– Ты ведешь себя странно, твои решения... Не знаю, в чем дело, но ты изменился.

– Нет, Генри, я просто проснулся.

– Что? – недовольно поморщился Киссинджер. – Знаешь, боюсь, Совет поглотил тебя, и время уходить.

– О... я уйду, – прошептал себе под нос Ротшильд, – но последним.

– Не расслышал.

Барон покачал головой.

– Ладно, – махнул Генри рукой, – разговор у нас не клеится. Да и замерз я, в моем возрасте это вредно. Мой тебе совет: или отмени свои решения с Балканами, или я поддержу Дэвида...

– Всего тебе доброго, Генри, мой старый друг, – улыбнулся Натаниэль.

– Подумай все же. Еще есть время.

– Непременно. – Ротшильд развернулся и пошел дальше по мосту. Киссинджер проводил его взглядом, качая головой.

– Кто бы мог подумать... сойти с ума на старости лет...

Когда и второй мужчина покинул мост, Мария наконец-то смогла вернуться на дорогу. Ноги плохо слушались, но с каждым шагом кровь все быстрее согревала организм. Выбравшись на мост, девушка посмотрела на уменьшающиеся фигурки барона и его друга. Дрозд, все это время следивший за людьми, снова пристально посмотрел на Лазарь.

– Еще что-то хочешь мне показать? А? – с недоверием спросила она. – Хотя и этого вполне достаточно... – покачала она головой. – Возможно, этот Генри прав и я спровоцировала старт какого-то механизма в сознании пациента... Отличного механизма, – хмыкнула Мария. – Так даже проще...

Дрозд вспорхнул и полетел прочь через озеро к деревьям.

Погуляв еще полчаса, девушка вышла из парка и подошла к Рокфеллеровскому центру. На катке было, как всегда, много народу. Сотни запахов смешивались друг с другом и буквально кричали о том, что Новый год только наступил и Санта-Клаус еще далеко не уехал. Мария спустилась к катку и остановилась у черной мраморной памятной плиты.

– Джон Д. Рокфеллер-младший, – шепотом прочитала она, – основатель бла-бла-бла.

В эту секунду на плиту сел уже знакомый дрозд.

– Ты как бы намекаешь, да? – спросила его девушка. – Этот уже умер, ты опоздал.

«Если ты что-то задумала и на пути тебе встретился кос, знай, что ты на правильном пути», – услышала она любимый голос из воспоминаний. Она даже обернулась, но это было лишь в ее голове.

«Если бы все было так просто, деда...» – подумала она, смотря на то, как дрозд поднимался все выше.

Почувствовав, что уже начинает замерзать, она зашла в первый попавшийся магазин. Тут всюду сияли звезды и яркие плакаты сообщали о том, что наступила неделя звезд. Люди толпились у импровизированной сцены, где шла презентация какого-то нового товара. Мария аккуратно протиснулась через зевак к высокому стеллажу с домашними планетариями и проекторами звездного неба. Тут были всякие, от дешевых до самых дорогих, от детских до профессиональных. Однако Лазарь как зачарованная смотрела на одну-единственную модель. Проглотив подступивший к горлу горький комок, она взяла коробку с полки и направилась к кассе.

Еще через полчаса такси подвозило ее к дому. Войдя в квартиру и сняв верхнюю одежду, она принялась распаковывать покупку, сидя на ковре в центре комнаты. Наконец планетарий был свободен от целлофана и пластика.

– Такой же... – прошептала Мария, осторожно касаясь его рукой. За окном все еще было светло. – Жаль, до ночи еще далеко.

Вытянув ноги, она еще долго так сидела в тишине, разглядывая покупку. Из воспоминаний ее вырвал телефонный звонок. Номер был засекречен.

– Слушаю, – ответила на звонок девушка.

– Мария, это Гарсия, – услышала она знакомый голос, – ну, тот мексиканец симпатичный...

– Чего ты хотел, Эвис? – перебила его Лазарь.

– Да тут такое дело, что по телефону не стоит. Лучше бы тебе приехать. Тогая я тоже вызвал.

– Буду через час.

– О! Отлично!

– Эвис, ты готовить умеешь? – вдруг спросила Мария.

– Еще бы! Я же победитель «Мастер-шеф Америки»... во сне, правда. Конечно, умею!

– Ну вот сделай милость и приготовь что-нибудь съедобное.

– Да, пожалуйста. К твоему приезду будет готово!

Лазарь повесила трубку и снова посмотрела на проектор. Быстро собравшись, она снова вышла из дома и не спеша направилась в сторону автобусной остановки. По такой погоде путь до хакера займет куда больше часа. Как раз хватит времени обдумать все сегодня услышанное. Правда, оставались кое-какие непонятные моменты. Она надеялась, что Гарсия поможет с ответами.

Дэвид Рокфеллер обедал в гордом одиночестве в своей роскошно обставленной столовой. Рядом лежала вся интересующая его утренняя пресса с разных концов планеты, а также небольшой доклад, который он просил. Взяв на вилку последний кусочек мраморной говядины средней прожарки, он запустил его в рот и сладко причмокивал от

того, как приятно таяло мясо. Запив красным вином, он взял доклад и открыл его.

– Так-так, – вслух сказал он. – Посмотрим-ка. – Он пробегал глазами по напечатанному тексту.

В этот момент дворецкий открыл дверь и пригласил пройти в столовую Брайана Олдмана.

– Добрый день, сэр!

– О! Брайан! Проходи, присаживайся, – Рокфеллер указал на стул рядом с собой, – как раз изучаю твой доклад.

– Старался учесть в нем все аспекты его жизни.

– Я вижу, – хмыкнул старик. – Похвально, друг мой, очень похвально. Представляю, сколько денег за такую папку отвесили бы в желтой прессе. А? Хе-хе, мы бы тебе заплатили, а какая прибыль от тиражей, у-ух! Нужно оставить на будущее идейку.

– Как скажете. – Брайан взял из корзинки белую булку и с наслаждением откусил от нее кусочек.

– Ты ему звонил. Что он сказал?

– Он сейчас в Швейцарии, как я понимаю, ничем особым не занят, зализывает раны.

– Да-да, – кивнул Дэвид, – судя по всему, удача и финансовая гениальность обошли этого Ротшильда стороной.

– Увы, что ни проект – неудача.

– По-моему, он слишком старается. Как хомяк, хватается за все сразу, тащит в норку, а потом взрыв, и норки нет. Хе-хе. Не могу сказать, что меня это не радует.

– И все же барон Ротшильд ему доверяет.

– Еще бы! Сын как-никак. Хотя и балбес и профан, неспособный умножить богатство семьи, но отлично транжирит нажитое. Ничего, отнимем у его папаши власть над ФРС, и мир увидит грехопадение Ротшильдов. Как звучит?

– Под стать голливудскому блокбастеру.

– Кстати, да! Ладно, хватит шутки шутить, – махнул он рукой. – Последний проект Нэта, вижу, не пошел. Мобильное приложение для таксистов Лондона... кто ж его надоумил-то?..

– Отец не допускает его до своих активов, дает лишь дочек[12], которых не жалко. Да и то близких к банкротству.

– Нет финансовой жилки, ой, нет. Грустно им, должно быть. – Рокфеллер закрыл доклад и положил его на стол. – Французская ветвь выбивается вперед... весело наблюдать за внутриклановыми играми. В конце останется только один, и тот далеко и нам не помешает.

[12] Дочерние предприятия *(сокр.)*.

– Согласен, – кивнул Брайан, доедая булку и беря следующую.

– Так что насчет разговора со мной? Когда он готов будет?

Помощник посмотрел на часы.

– По нашему времени в одиннадцать ночи.

– В одиннадцать? Я пенсионер, хех, мне спать положено в это время. Хорошо. Сделаю исключение для такого дела. Как-никак судьба мира решается.

– Думаете, так глобально?

– Отчасти. Господи, да хватит тебе хлебом набиваться! Джордж, – позвал он прислугу, – принеси мистеру Олдману обед!

Мария не спеша шла к дому Эвиса, поглядывая по сторонам. Удивляло в этом году то, что зима выдалась настолько холодной, что река почти замерзла. По ней можно было спокойно перейти на другой берег или заняться подледной рыбалкой, о которой в Нью-Йорке мало кто вообще слышал.

Входная дверь была не заперта, и девушка вошла внутрь. Из коридора хорошо просматривалась кухня. Там вовсю хозяйничал Гарсия. Увидел Марию, он улыбнулся.

– Привет зимородкам! – помахал он рукой. – Как тебе погодка? Аляска пришла к нам! Апокалипсис сегодня.

– Я устрою тебе апокалипсис вечером, если ты не уберешь кухню, маленький чертенок! – крикнула из гостиной мама мексиканца.

– Тсс, – прошептал он, – у меня свой персональный дьявол в доме.

– Везет, – как-то с грустью в голосе ответила Лазарь, снимая пальто и вешая его на крючок в коридоре.

– В смысле? – удивился Эвис. – Ты плохо знаешь мою маму, она сущий дьявол, хотя и родила такого классного, как я, но это ничего не меняет... – Он перекрестился в шутку.

– Главное, Эвис, что она у тебя есть.

– А, ну это да... – почесал в затылке мексиканец.

– Что там с моим обедом? – сменила тему Мария. – Пахнет вкусно.

– О! Это ризотто по-мексикански с чили-соусом, халапеньо и креветками.

– Звучит ужасно, – криво улыбнулась девушка. – Я выживу хоть после этого обеда?

– Согреешься точно, – пожал плечами Эвис. – Так, давай не капризничай тут, садись за стол и готовься вкушать пищу богов!

– Тогай когда придет?

– Он мой обед не пропустит. Явится сейчас, – не отвлекаясь от плиты, ответил парень. – Ты какая-то странная сегодня. Появились вопросы?

– Ты догадлив, – кивнула Лазарь, рассматривая кухню, наполненную большим количеством разных традиционных деталей мексиканского интерьера. В одном из углов в своеобразной нише даже лежали куклы-скелеты и мини-маски ко Дню мертвых. – Придет Чинганчгук, тогда и обсудим все.

– Сегодня была у барона?

– Нет, – мотнула она головой. – Но довелось подслушать его разговор с каким-то Генри.

– Генри? Да ладно! У него в друзьях только один Генри, и это Киссинджер.

– Мне все равно.

– О чем они говорили? А, да... Тогай... Ну, еда ждать не будет, и острое нужно есть горячим для пущего эффекта!

Эвис поставил перед девушкой полную огромную, по меркам Марии, тарелку с ароматным ризотто.

– Приятного аппетита! – он сел рядом с такой же тарелкой. – Напиток выбирай любой в холодильнике за тобой.

– Благодарю.

Эвис замер, наблюдая за тем, как Мария пробует его творение.

– А вообще вкусно... только очень остро.

– А то! Ты запивай, если совсем уж!

– Правда вкусно, – улыбнулась Лазарь. – Отличное зимнее блюдо.

– Я знал, как тебе угодить, – довольно улыбался мексиканец.

Через пару минут в дом пришел Тогай. Индеец долго раздевался в коридоре. В отличие от Марии, он был укутан, как настоящий эскимос.

– Что вы так на меня смотрите? – недовольно спросил он. – Я с юга, а не с севера.

– Да мы что, мы ничего, – пожал плечами Эвис, ставя третью тарелку на стол. – Садись давай и не буянь там. Мамке моей мешать нельзя, она там шоу смотрит.

– Здравствуй, Мария. – Индеец сел справа от нее. – Ого! Как пахнет одурманивающе! Ты все-таки шеф-повар!

– Да ладно тебе, техникум кулинарный всего лишь, – махнул рукой Эвис. – Так, едим и идем дела обсуждать. У нас накопилось тем, я вам скажу.

– Как дела в резервации? – поинтересовалась Лазарь.

– Плохо, но держатся.

– Не портите мне аппетит, а! – забурчал Эвис. – Давайте-ка о чем-то хорошем говорить!

– Например? – одновременно спросили его гости.

– Предлагаю обсудить прошедшие праздники. Кто как встретил Новый год, Рождество?

– Я их не встречала.

– Аналогично.

– Тю... какие вы скучные! Вот в этом году обязательно со мной встречать будете, покажу вам, как это делать правильно!

– В нетерпении, – хмыкнула Лазарь.

– Да уж, предвижу веселье, – засмеялся Тогай, вспомнив какой-то смешной случай.

После обеда Мария и Тогай помогли Эвису привести кухню в порядок. Готовить он умел, но вот чистота и опрятность были точно не про него. Потом они дружно отправились на второй этаж. В домашнем компьютерном клубе посетителей не было. Эвис даже закрыл входную дверь и повесил табличку о техническом перерыве без точной даты окончания.

Мужчины быстро поднялись на второй этаж и направились в «штаб» мексиканца. Мария поднималась не спеша, разглядывая фотографии и картинки, висевшие на стене. Были тут и детские рисунки, и пожелтевшие фотокарточки девятнадцатого века. Объединяло их одно – лучистая радость на лицах запечатленных на них людей. Лазарь даже поймала себя на зависти к их семейному оптимизму. Ей этого всегда не хватало. Дойдя до конца коридора и попав в комнату, она заметила какую-то птицу, сидевшую по ту сторону окна.

– Снова ты? – спросила она, подходя ближе. Ей показалось, что это тот же дрозд из парка. Птица вспорхнула и улетела, как только девушка подошла ближе.

– С кем ты там разговариваешь? – полюбопытствовал Тогай.

– Да так, – подернула она плечами. – Тихо сама с собою.

Она прошла в тайную комнату Эвиса и села в единственное кресло напротив приоткрытого окна.

– Итак, – индеец снял теплый свитер, оставаясь в одной футболке, и сел на стул рядом с другом, – с чего начнем сегодня? Чего у нас плохого?

Эвис посмотрел сначала на него, потом на Марию и закусил нижнюю губу.

– Не знаю, у кого из нас какие новости, но у меня однозначно нет хороших, – развел он руками. – И в общем-то они касаются тебя... – Эвис посмотрел на девушку.

Лазарь подняла на него глаза.

– Еще бы, – она хмыкнула, – и что же это за новости?

– Я знаю твое настоящее имя. Знаю, кто ты и откуда, – понизив голос, ответил Гарсия.

– Ух ты, – натянуто улыбнулась Мария, закидывая ногу на ногу. – И кто же я?

– Я снова вышел на того человека, его псевдоним Кос, – Эвис старательно подбирал слова, – и он сказал, что ты была в повстанческом отряде в Косово.

– Кос... – повторила девушка, задумавшись. – Горан, значит... – не на английском прошептала она, – решил и до меня добраться, когда угрозы не стало...

– Что, прости? – переспросил мексиканец.

– Ничего, – мотнула она головой. – Это был отряд защиты сербского населения, оставшегося в ставшем албанским Косово. Если быть точным.

– Он сказал, тебя зовут... – Лазарь видела, как трудно ему это произнести, будто это было что-то сакральное, способное разрушить мир, но не собиралась ему помогать, – Сенка... – Он посмотрел в свой блокнот на столе. – Сенка Обилич.

Она криво улыбнулась и шумно выдохнула.

– Давно меня не называли по имени. – Она посмотрела в окно, где уже сидел знакомый, как ей показалось, черный дрозд. – Даже отвыкла от него.

– Ты солдат или полицейский? Или как?

– Никак. Просто лидер этого отряда и я... – она сделала паузу, будто набираясь сил сказать, – были вместе.

– Лидер – это Милош Лазарь, я так понимаю? – спросил до сих пор молчавший Тогай.

Девушка кивнула.

– Твое имя, настоящее, – оно ведь означает «тень»? Да?

19 ноября 1982 года, Обилич, Косово

Радован Обилич вез свою беременную невестку в больницу. Его сын сегодня работал в вечернюю смену, и вернуться до восхода у него никак не получалось. Да что там, он даже не знал, что его жена именно сегодня собралась рожать. Хорошо, что два года назад Радован таки потратил часть своих накоплений на приобретение новенького «юго»[13]. Сын с женой на прошлый день рождения оплатили покраску автомобиля в любимый цвет.

– Потерпи, Елена, еще чуть-чуть, и будем на месте. – Обилич ехал почти с максимальной скоростью, благо на улицах в столь ранний час еще не было никого.

[13] Югославский субкомпактный автомобиль марки «Zastava».

Спустя каких-то двадцать минут они въехали в город, быстро домчались до роддома. Сдав невестку врачам, Обилич принялся звонить на ТЭС, вызывать сына.

Прошло два часа, и к Радовану вышла медсестра.

– Поздравляю вас! Вы во второй раз стали дедушкой. – Она улыбнулась.

– Ну, слава богу, – кивнул мужчина. – А кто хоть родился?

– Девочка... только, м-м... – замялась девушка.

– С ней что-то не так? – встрепенулся Радован.

– Нет, нет, – замотала головой медсестра. – Она абсолютно здорова, просто у нее наблюдается аномалия...

Обилич увидел, как из отделения выносили его новорожденную внучку, и тут же устремился к врачам.

– Покажите мне ребенка, – потребовал он.

– Успокойтесь, гражданин, все с ней в порядке, – настаивала на своем молодая медсестра, уже сто раз отругавшая себя за длинный язык.

Радован встал на пути женщины и откинул уголок цветастой пеленки. На него с любопытством смотрели дивного цвета глаза, на миг ему показалось, что ребенок даже касается взглядом его души. Будто тень скользит по его сознанию. На глазах у деда появились слезы радости. Он улыбнулся девочке.

– Ну, здравствуй, Сенка, – прошептал он, коснувшись ее щеки. – Вот и ты.

– Мы должны идти, через полчаса полюбуетесь. – Женщина сердито фыркнула, обходя мужчину.

– Все в порядке, как я и говорила, – донесся до него голос молоденькой медсестры. – Просто редко когда такое увидишь. Такой цвет... он, наверное, пройдет. Будут голубые или вовсе потемнеют, – рассуждала она вслух.

– Да-да... – Радован думал о чем-то своем. Он достал из кармана вельветового пиджака платок и промокнул глаза. – Не потемнеют, – прошептал он. – Они такие же, как у него...

– Пап! – вбежал в коридор его сын Душан. – Как Елена? А ребенок? Все в порядке?

– Конечно, в порядке! – возмутился Радован. – Иди вон жену обними, поцелуй, а не со мной тут беседы беседуй!

– Сын?

– Не дорос еще до сына ты! – посмеялся дед.

Проводив с улыбкой Душана, Радован направился в комнату ожидания. Уж очень ему хотелось снова посмотреть на внучку.

Через некоторое время к нему пришел Душан.

– Ты дал ей имя, даже у нас не спросив. Это ведь наш ребенок... – с некой досадой сказал младший Обилич.

– Ты вообще в голове только мужское имя держал.

– Почему Сенка-то? У нас в роду никого с таким именем не было.

– Потому что не было еще никого, способного олицетворять это имя. – Радован все не мог оторвать глаз от ребенка, мирно спящего за стеклом. – А теперь есть. И звать ее будут именно так.

– Елена хотела ее Марией назвать, – пожал плечами Душан.

– Родите другую девочку и назовете Марией, – фыркнул мужчина.

– Я смотрю, у тебя уже появилась любимая внучка.

– Именно так, сын.

– Врачи сказали, что глаза у нее станут нормальные, только вот на этом ее особенности не заканчиваются...

– Они и так нормальные, – нахмурил брови Радован. – О чем еще они тебе сказали?

Семья Душана жила в старом доме Радована на окраине Обилича. Он вернулся в родные края сразу после войны и уже никуда не захотел уезжать. Отремонтировал, а верней, отстроил заново дом, высадил яблоневый сад. Его жена Бранка придала этому гнездышку законченный прекрасный вид, который даже спустя годы после ее смерти Радован старательно берег. Обиличу-старшему не нравилось возиться с детьми, не радовала его старшая внучка. Уж очень характер был вспыльчивый и капризный. Пожалуй, тут она пошла в кого-то из маминых родственников. Однако с Сенкой ему нравилось проводить время. На его памяти это был единственный ребенок, который смотрел на мир как-то иначе, по-взрослому. Казалось, с ней можно было говорить на сложные философские темы, и она сможет поддержать эту беседу.

Когда ребенку исполнилось три года, все внимание родителей с девочек переключилось на долгожданного мальчика. Старшая дочь, которой на тот момент было уже пять лет, старалась помогать маме и все время искала внимания со стороны родителей. Младшая дочь этого не делала. Однако буквально всегда получала то, что хотела. Правда, стоит отдать ей должное, она никогда не злоупотребляла этим. Радован давно заметил: еще когда девочку забрали из роддома, она почти не плакала, а ее детские желания волшебным образом угадывались кем-то из взрослых. Они будто материализовывались в голове, и взрослый шел за водой, или за едой, или приходил играть. Иногда Радовану казалось, что он чувствует, как легкая беззвучная тень скользит по его сознанию, маленькие ручки берут его за руку и ведут за собой. В такие моменты ребенок от души смеялся, звонко и

наивно. Она будто играла в какую-то игру сама с собой, где никто, кроме нее, не знал правил.

Со старшей сестрой они никогда не ругались и не ссорились, хотя та частенько закатывала истерики на ровном месте. Однажды во время крестин своего братика Марко она устроила целое представление в церкви. Ни мама, ни папа, ни кто-либо из многочисленных родственников не мог ее успокоить. Милена настойчиво требовала внимания к своей скромной персоне. Родителям хотелось провалиться под землю от стыда. Как-никак в церкви были и другие люди, приехавшие издалека к своим родственникам.

Марко же, разодетый в белую кружевную распашонку, оставался спокоен, сидя в коляске. Сенка стояла рядом с ним и показывала ему его погремушки. Потом она вдруг обернулась и оглядела людей. На миг она встретилась глазами с незнакомым мальчиком, смотревшим на нее с нескрываемым любопытством. Дальше девочка посмотрела на свою сестру и на маму, отчаявшуюся успокоить Милену. Нахмурившись, Сенка шумно выдохнула и уверенным шагом направилась к сестре. Елена безропотно отстранилась, когда дочка подошла к старшей сестре. Девочка взяла ее за руку, внимательно глядя ей в глаза.

– Пойдем, – прошептала Сенка.

– Нет... – всхлипывая, ответила Милена, выдергивая свою руку. Тогда Сенка смерила ее недовольным, в чем-то даже взрослым взглядом и резко схватила за голову обеими руками, вынуждая сестру чуть пригнуться. Сенка смотрела ей в глаза не отрываясь, не моргая. В церкви повисла тишина.

– Ты идешь на улицу сейчас, – тихо продолжила девочка совсем не детским голосом, да и слова произносила так четко, что было очень странным для трехлетнего ребенка, – и не плачешь больше...

Сестры вышли из церкви под немое удивление собравшихся. Радован заметил, как некоторые из присутствующих даже перекрестились. Какой-то мальчик лет восьми незаметно вышел следом за ними.

Когда Обилич-старший вышел на улицу, то увидел внучек недалеко от церкви на зеленом склоне. Милена ходила по траве босиком и напевала какую-то песенку. О недавней истерике говорили лишь припухшие глаза. Сенка лежала на спине и смотрела на плывущие по небу облака. Рядом с ней сидел тот самый мальчик. Они о чем-то разговаривали. Девочка указывала ему на облака и говорила, на кого они похожи.

Дедушка подошел к ним и сел рядом. Мальчик тут же встал и поздоровался с мужчиной.

– А ты кто будешь? – с улыбкой спросил он.

– Милош Лазарь, – представился мальчик. – Я из Приштины, мы приехали на крестины моего двоюродного брата, – отрапортовал он.

– Хех, вольно, – хмыкнул Радован. – Ты сынок Радко Лазаря, да?

Мальчик кивнул.

– Тебя, наверное, ищут там. – Обилич кивнул на церковь.

– Навряд ли, – мотнул головой Милош. – Но я пойду. Пока, Цветочек... – улыбнулся он.

Девочка посмотрела на него как-то задумчиво, крутя в руке фиолетовый цветок, видимо, подаренный им.

– До встречи, Милош! – улыбнулась она.

– Цветочек?.. – улыбнулся Радован. – Кто бы мог подумать... – Он посмотрел на старшую внучку. – Милена, дорогая, вернись туда. Мама тебя зовет.

Девочка послушно кивнула и пошла прочь.

– Милая, – коснулся он волос Сенки, – что это было? Там, в церкви?

– Не знаю, деда, – пожала девочка плечами, садясь на колени. – Просто я поняла, что, если она не перестанет кричать, все будут недовольны...

– И давно ты так умеешь?

Ребенок снова пожал плечами.

– И часто так делаешь?

– Всегда... – немного подумав, ответила она, – всегда, когда меня не слышат.

Когда церемония была закончена и все отправились домой, где ждал вкусно и обильно накрытый стол, родственники с опаской посматривали на младшую девочку. Проходящая мимо прабабушка по линии матери шепотом чертыхнулась, глядя на ребенка.

– Только ведьмы нам в роду и не хватало! Тьфу, тьфу, тьфу! – сквозь остатки зубов процедила она, но ребенок не понял, что она сказала.

– За языком следи, старая, – на том же языке ответил ей Радован.

– Наверное, ваши гены, у нас в роду одни святые... – махнула она рукой, не оборачиваясь.

– Дура! – выругался мужчина, поднимаясь с земли и помогая внучке встать.

– Деда... – Сенка отряхнула голубое платьице. – Кто такая ведьма? – спросила она, беря дедушку за руку и провожая взглядом прабабушку. – Это как в сказках?

– Не знаю, синку, – выдохнул мужчина, – наверное.

– А это хорошо или плохо?

– Смотря для кого.

– М-м, для тебя? – спросила Сенка, задрав голову и во все глаза глядя на Радована.

– Очень хорошо. – Он улыбнулся. – Только, боюсь, нельзя тебе вот так вот пользоваться своим даром. Видишь, как люди к нему относятся...

– Почему?

– Боятся, милая. Люди боятся того, чего не понимают и не могут объяснить.

– Почему ты не боишься?

– Когда-то мой прадед рассказывал мне о нашем далеком предке, о Милоше...

– Который убил султана?

– Именно. Он рассказывал мне о том, что у князя был такой же дар и глаза как фиалки... мой прадед ждал, что родится еще один такой Обилич... Я дождался. Я верю, – Радован опустился перед ребенком на колени и погладил ее по волосам, – что твой дар нужен не только нашей семье, но, быть может, и миру. Только мир еще не готов.

– Милош так же сказал, – улыбнулась Сенка.

– Тот мальчик?

– Угу, – кивнула девочка. – Сказал, что если кто-то увидит, то могут захотеть напасть на меня. Еще он сказал, что не даст меня в обиду. Почему он так сказал?

– Поживем – увидим, милая.

Когда спустя два дня родня разъехалась и в доме стало значительно просторней и свободней, родители Сенки и дедушка собрались в гостиной обсудить инцидент в церкви. Внучка сидела рядом с Радованом и теребила ленточку на подушке. Ей не хотелось поднимать глаза на родителей. В глазах Елены читалось какое-то недовольство, будто ребенок в чем-то перед ней провинился. Душан же оставался абсолютно спокойным.

– Ты стыдишься чего-то? – хрипло спросил невестку Радован.

– Ты не слышал, что мне мать наговорила про это! – она рукой указала на Сенку. – Как только она ее не называла! – Елена закрыла лицо руками. Мужчины молчали. Потом женщина внезапно встала с дивана и взяла девочку за руку.

– Сенка, послушай меня, никогда, никогда больше ничего такого не делай!

– Но я хотела помочь... – попыталась оправдаться она.

– И помогла, милая, – вступился Радован.

– Ты ведь любишь нас? – продолжала Елена, заглядывая с опаской в глаза ребенку. – Мы просим тебя больше так никогда не делать. Не пользуйся этим своим даром... никогда.

– Деда, – девочка посмотрела на Радована, – это страх?

Тот молча кивнул.

– Хорошо. Больше не буду. – Елена поставила ребенка на пол и отошла от нее на шаг, все еще не веря, что все было так просто. – Никогда.

Обилич-старший с досадой покачал головой. В душе он прекрасно понимал, какая это плохая затея – брать с такого ребенка обещания.

Дальше все шло своим чередом, только лишь внутрисемейные конфликты решались дольше и большими нервами. Однако, несмотря на это, в семье все равно были любовь и взаимопонимание.

На каждые каникулы сын Радко Лазаря теперь приезжал к двоюродным брату и сестре. Правда, общаться с ними ему не очень хотелось. Милош стал для Сенки в общем-то единственным другом, кто не боялся ни ее глаз, ни ее дара. Радован знал, что мальчик не дает ей забыть, как им пользоваться. Конечно, они хулиганили, но деда радовали такие «тренировки» дара, пускай и имевшие целью проникновение в закрытые для детей места.

В те годы в Обиличе стали селиться и албанские семьи. Детей в городе прибавилось, правда, дружбе места было мало. Хотя бывали и исключения, но чаще всего албанцы держались особняком. Недолюбливали сербских и цыганских ровесников. Мелкие ссоры частенько приводили к дракам на пустырях, вдали от глаз взрослых. Иногда старшие албанские мальчишки поджидали кого-то из местных сербских ребят и издевались над ним, как стая гиен, боящихся нападать на группы. Может, это шло из семьи и воспитания, а может, и рождалось здесь и сейчас, но и взрослые не очень отличались от детей. До драк не доходило, но угрозы, мелкие пакости, взаимные обвинения были не редкостью.

Никто и не заметил, как город поделился на два враждующих лагеря. Правительство не обращало внимания на стычки в далеких от Белграда городках, считалось, что люди сами разберутся.

Зима 1988 года

Снега в тот год было много, местами ноги тонули. Казалось, что вся Югославия на время переместилась на территорию Сибири. Новогодние каникулы удались, такого веселья у ребятни давно не было. Милена, старшая дочь в семье Душана, к своим десяти годам стала куда сговорчивей, чем в глубоком детстве. Правда, проводить время с братом и сестрой она не любила. Ей было приятней общаться с мамой, с папой. Напротив, Сенка и Марко были не разлей вода. Она старалась всюду брать его с собой и показывать ему одной ей ведомые чудеса природы. Во времена, когда приезжал Милош, Сенка пропадала из дома на целый день, и Марко был вынужден ждать ее, огорчаясь, что еще не подрос настолько, чтобы бегать вместе с сестренкой и ее другом.

Воскресное утро выдалось морозным и солнечным. На часах было полдесятого, когда Милош постучал в дверь. Ему открыла Елена.

– И чего тебе не спится? Каникулы ведь, – улыбнулась она.

– Так зима же! – поправил мальчик сползшую набок шапку. – Тем более такая! Разрешите Сенке пойти на санках со мной кататься?

– Только с тобой и разрешу. Проходи в дом, пока она собирается.

– Спасибо.

Младший Лазарь стоял в прихожей и послушно ждал. Из своей комнаты вышел Радован.

– Здравствуйте! – Мальчик с нескрываемым уважением взирал на старого вояку, даже снял шапку.

– Привет! – кивнул ему тот. – Какие у тебя санки дивные, откуда такие?

– Сам сделал, – с гордостью ответил ребенок. – Папа помогал, но совсем чуть-чуть.

– Надо и Сенке такие сделать, а? – подмигнул он мальчику.

– В общем-то, это и есть для нее, – развел руками Милош. – Вот.

Он выставил санки вперед и показал на три фиолетовых цветка, вырезанных на деревянной спинке.

– Хех, – хмыкнул Радован. – Ты меня удивляешь. Такой маленький, а такой серьезный. В кого ты такой? Не помню, чтобы Радко в детстве таким был.

Лазарь пожал плечами.

– Ой, Радо, просто он влюблен в нее, – на ухо шепнула ему проходящая мимо Елена.

– Ну, это-то понятно. Только все равно удивительно...

Наконец Сенка спустилась со второго этажа.

– Привет, – тихо сказала она, во все глаза глядя на мальчика.

– Это тебе, – немного краснея, Лазарь выставил вперед сани. – Подарок.

Сенка с нескрываемым восторгом рассматривала подарок и не переставала им восхищаться, вызывая невероятную гордость у друга.

– Хочешь, опробуем их прямо сейчас?

– Конечно, хочу! – воскликнула девочка.

– Сенка, возьмите Марко с собой на прогулку, а то мне некогда, – сказала Елена, выводя в коридор уже готового к прогулке Марко.

– Да и я с вами прогуляюсь. – Радован вышел из своей комнаты уже одетый.

Вчетвером они вышли из дома и направились к самодельным горкам недалеко от железнодорожной станции. Путь был неблизкий, идти через полгорода, но детям все нипочем. Милош и Сенка везли Марко на ее новых санках, и девочка рассказывала ему свой сон. Радован не слышал толком, о чем, да это было и не важно. Правда, с утра у него было какое-то неприятное предчувствие, чувство опасности, забытое, но неискоренимое. Он не понимал, откуда оно пришло и что именно вызывало тревогу, посему решил отмахнуться от этих негативных мыслей.

Сидя в стороне на старом поваленном дереве и наблюдая за тем, как играли дети, Радован снова возвращался к событиям двухнедельной давности. Две недели назад на окраине города были подожжены два сербских дома. Один сгорел полностью, унеся семь жизней, второй лишь наполовину. Обеим семьям сыпались угрозы от албанцев, которые всеми правдами и неправдами отвоевывали себе земли под застройку. Уж неизвестно, кто в местной управе способствовал их агрессивному поведению, но факт был налицо. Все, кто мешал, подлежали уничтожению. Неделю назад такие угрозы посыпались и в адрес Обиличей, а в четверг пришлось соврать детям, что их любимую собаку забрали родственники. На деле же Душан нашел ее повешенной на заборе. Успокаивало лишь то, что никто из ребят этого не видел.

И все потому, что Радован не хотел продавать свой участок одной из самых зажиточных албанских семей, семейству Джака. Те давно положили глаз на яблоневые сады Обилича. По городу вообще ходили страшные слухи о том, как именно правительство сдается под натиском Албании. Все чаще в ресторанчиках можно было услышать ненавистное каждому сербу словосочетание «Великая Албания». К сожалению, никто тогда не разглядел угрозы, а Душан чересчур яро с этими проявлениями боролся. Особенно на работе, не раз выявляя некомпетентность новых работничков.

Обедать пошли по приглашению Милоша к нему домой. Благо жили они недалеко от станции. Лука Лазарь приспособил одну часть своего дома под уютный ресторанчик домашней кухни. Заработок был небольшой, но стабильный. Так за разговорами да вкусной едой незаметно наступил вечер.

Милош вызвался проводить их до дома. Тем более что уже завтра ему ехать домой. Марко, нагулявшийся на месяц вперед, мирно посапывал на санках, укрытый пледом. Радован шел впереди, погруженный в свои мысли. Чем ближе они подходили к дому, тем сильней пахло гарью. Он прибавил шагу и уже почти бежал. Его сердце было готово выпрыгнуть из груди.

– Господи... только не это... – повторял он, смотря вперед, видя, как красные языки пламени поедают крышу его дома.

Выбежав на дорогу, он увидел полыхающий сад. Все деревья были объяты пламенем. В воздухе пахло бензином. В глазах Обилича стояли слезы. Посмотрев на дом, он замер и, не в силах стоять, опустился на колени. На крыльце лежала мертвая Елена. Ее тело уже обгорело, а из спины торчал кухонный нож. Радован только и мог, что бессильно смотреть на происходящее. Краем глаза он заметил, как двое неизвестных проскользнули тенью в соседний двор.

Дети догнали старика. Сенка вышла чуть вперед и смотрела на пожар. В отличие от деда, она смогла разглядеть и Душана в обнимку с Миленой, лежащих в коридоре. Милош подошел к ней и молча взял ее за руку. От происходящего проснулся и Марко. Он слез с санок и, пройдя мимо дедушки, подошел к сестре. Она одним движением руки завела его себе за спину. Девочка тоже увидела двух молодых парней, выбегающих с заднего двора, она даже знала одного из них.

– Деда, – повернулась она к Радовану, – их больше нет, да?

Обилич кивнул, вытирая лицо снегом.

– Нет... нету... – прошептал он. – Втроем мы остались...

– Вам нельзя тут оставаться, – вмешался Милош. – Вам нужно уехать, дедушка Радован. – Голос его звучал по-взрослому, со знанием дела. Все-таки отец, служащий в жандармерии, не мог иначе воспитать сына. – Приезжайте в Приштину. Моя семья, вы можете жить с нами... А им, – он кивнул в сторону дома Джака, – не жить. Я обещаю.

– Сенка, это они сделали? – тихонько спросил перепуганный Марко. – Албанцы? – Он посмотрел сестре в глаза.

– Да, – кивнула девочка, смахнув с глаз слезы, стараясь не показывать их брату.

– А мы? Мы тоже устроим им большой огонь?

– Обязательно, – прошептала она. – Только не сейчас, Марко. Потом.

На дорогу выходили соседи. Кто-то даже пытался тушить пожар, но все попытки были тщетны. Приехавшие пожарные потушили пламя, но никто не мог затушить боль Обиличей...

Наше время

Тогай и Эвис молчали, слушая рассказ их новой знакомой. Оба были настолько потрясены услышанным, что не силах были даже задать какой-нибудь вопрос. Гарсия потер лицо руками, пытаясь скрыть свою сентиментальность.

– Я, – начал он, – я не представляю, как это – пройти через такое... – покачал он головой. – Я бы забился в угол и умер от страха.

– Это ведь не все испытания, выпавшие на твою долю в детстве? – спросил Тогай. Девушка медленно мотнула головой, продолжая с любопытством рассматривать потрясенных слушателей.

– Мне кажется, или вы собрались дружно поплакать над моей судьбой? – с усмешкой спросила она. – Поверьте, это лишнее.

Девушка вытащила из кармана пачку сигарет и зажигалку. Несколько секунд она смотрела на нее, вспоминая о чем-то или о ком-то, потом закурила.

– Итак, теперь, когда мы знаем кое-что о моем прошлом, обсудим другие вопросы?

– Э-э, вообще у меня тут не курят, – виновато извиняясь, заметил Гарсия.

– Она везде курит, – хмыкнул Тогай. – Интересная у тебя зажигалка. Старинная?

– Когда-нибудь расскажу и ее историю. – Девушка убрала ее в карман и села поудобней, закидывая ногу на ногу.

– М-м, – протянул Эвис, – как к тебе обращаться? Мария или Сенка?

– Что ж, давайте для вас буду собой. – Она натянуто улыбнулась. – Можете звать меня Сенка. Для мира я все равно остаюсь Марией Лазарь.

В этот момент на двух мониторах за спиной Эвиса замигали выскочившие сообщения, издавая надоедливый пикающий звук. Гарсия сначала посмотрел на экраны через плечо. Боковым зрением он увидел, что это оповещение от установленных им маячков. Он быстро развернулся к столу.

– ...Черт! – спустя какое-то время выругался он и продолжил чертыхаться на испанском, вспоминая всех святых и не очень. – Боюсь, что не останешься...

Сенка одним быстрым движением встала с кресла и подошла к Гарсии. На центральном мониторе была открыта страница с завершенным диалогом двух неизвестных. Тогай недовольно покачал головой.

– Что там произошло, Эвис?

– Проворонил я их. Вот что. – Гарсия ударил кулаком по столу. – Этот Джок все-таки нашел способ в чат влиться...

– Ну, здравствуй, Горан... – сказала девушка, вчитываясь в строки переписки.

<Кос> тебя там прикладом по голове стукнули и амнезия выскочила, а, Джок?

<Джок911> в смысле?

<Кос> в прямом. Я же тебе уже сообщил все, что нужно.

<Джок911> я не получал никакой информации.

<Кос> значит, за тобой следят, и хорошо так, по-нашему.

<Джок911> не повторишь свою информацию?

<Кос> Ее настоящее имя Сенка Обилич... начинает надоедать повторяться...

<Джок911> Она связана с Милошем Лазарем?

<Кос> Да...

<Джок911> Больше ничего не скажешь?

<Кос> Мне за это не платят, а твой бесплатный лимит информации исчерпан.

<Джок911> Мой клиент может заплатить. Сколько?

<Кос> Мне бы хватило самого малого – ее смерти.

<Джок911> Это на усмотрение клиента.

<Кос> Вот тебе подарок от меня, расшифруешь – получишь печеньку.

Дальше разговора у них не получилось, Гарсия отключил обоих. Эвис вышел из-за стола и, как лев в клетке, начал расхаживать туда-сюда, что-то обдумывая.

– Все плохо? – спросил его индеец. – Или есть варианты?

– Нет вариантов. Все плохо. – Эвис подошел к холодильнику и достал банку газировки. – Мда... Сенка, – мотнул он головой, – этот Джок давно о тебе информацию ищет.

– Даже знаю, по чьей просьбе, – натянуто улыбнулась девушка, садясь в кресло хакера. Она приблизилась ко второму экрану, ей показалось, что они видит уголок знакомой фотографии. Сенка щелкнула мышкой по ней, и та открылась на весь экран.

На старой фотографии, сделанной еще на пленку, было запечатлено семь человек в камуфляжной форме, с оружием. Они стояли на фоне весеннего леса. Рядом были разбросаны рюкзаки. В центре был их командир – Милош Лазарь, он держал в руках карту местности. Глаза у него были усталые, но в то же время выдававшие человека спокойного и безмерно уверенного не только в себе, но и в завтрашнем дне. Справа от него была Сенка, слева Сава, за ними уже стояли и Горан, и Стеван, и еще два молодых бойца – Радко и Сречан.

Сенка приблизилась к экрану и коснулась изображения, провела пальцем по лицу Милоша, смотря в его глаза, в глубине души веря, что еще чуть-чуть, и он улыбнется ей.

– Это мне Кос переслал. В качестве доказательства, – подошел ближе Гарсия. – Он такую же отправил и Джоку. Там нетрудный код,

думаю, он его быстро расшифрует. – Эвис чувствовал себя виноватым перед Сенкой.

– Ничего страшного, – мотнула она головой. – Ты бы не смог бесконечно долго препятствовать их разговору. – Девушка вышла из-за стола и направилась к окну, где все еще сидел дрозд. – Кстати, Кос – этот тот лысый парень на фотографии...

– Да я так и подумал, – развел руками мексиканец, – больно морда хитрая. А почему «кос»? Это что-то значит?

– ...Черный дрозд...

– А-а, – протянул Эвис, садясь за стол, – а Косово – это что тогда значит?

– Поле черных дроздов, – не оборачиваясь к ним, ответила Сенка.

– ...Красиво, – тихо подметил Тогай. – Раз враг знает, кто ты... боюсь, тебе опасно идти к барону снова.

– Справлюсь. Мне нужна еще одна встреча, – она повернулась к ним в тот момент, когда птица вспорхнула и улетела, услышав все, что хотела, – чтобы направить на нужный путь.

– Ты уверена? – внимательно изучал ее индеец. – Может, не стоит так рисковать...

– Ребята, – она натянуто улыбнулась, – мне нечего терять. Я уже все потеряла. Мне все равно, убьют меня или нет. Раз уж есть шанс сделать что-то для родной земли, то я воспользуюсь им. Мой итог не важен, главное – дорога...

– Думаешь, твоим близким понравилось бы такое твое отношение к своей жизни? Ему бы понравилось? – индеец кивнул на фотографию.

– Чтобы узнать его мнение, мне нужно умереть, Тогай.

– Умереть в глубокой старости. Прожив жизнь полностью, сколько отмерено. Ставя на чаши весов ее всю. И если веса будет достаточно, тогда и умирать можно... – Сенка видела, что сейчас губами Тогая говорила его боль, какие-то его глубинные переживания, которыми он не хотел делиться.

– Ты ошибаешься, – покачала она головой. – Жизнь – это не две чаши, которые нужно взвешивать. – Девушка подошла к нему и положила руки на плечи, заглянула в глаза. – Хотя все так и делают. Жизнь – это одна чаша. Ее не нужно взвешивать, – она вздохнула, – из нее нужно пить. Пить жизнь такой, какой дана. Со своим горем и радостью, болью и счастьем. Принимать ее полностью, а не частями. И если в нее налито на самом донышке, то испить и умереть счастливым...

– Почему, – прошептал он, – почему в тебе нет страха?

– Потому что таким становится человек, когда ему нечего терять.

– В наш план не входит твоя смерть. – Индеец улыбнулся. – Но смерть других.

– У нас вообще еще нет толком плана, – улыбнулась Обилич.

– Ну как же, – отпив из банки газировки, подметил Гарсия, – убить плохих, чтобы хорошим было хорошо.

Все трое сначала молча переглядывались, потом начали тихо хихикать.

– Конспирологи чертовы! – махнул рукой Тогай.

– Ничего. – Сенка вернулась к креслу у стены и снова села. – Ротшильд давно мучает себя сомнениями. Я, видимо, спровоцировала запуск каких-то глубинных установок... Его нужно просто чуть-чуть подтолкнуть. Тем более что, кажется, он-таки действует по плану. – Она кивнула на схему Эвиса.

– Не думаю, что начальник охраны подпустит тебя к барону теперь, – покачал головой Тогай. – Нужно...

– Я разберусь с Бранковичем.

– В смысле? – вмешался Эвис. – Убьешь его, что ли?

– Может, и убью, – равнодушно пожала плечами Обилич. – Не впервой.

– А ты когда-нибудь убивала, ну, пользовалась своим даром, чтобы убить? – с плохо скрываемым любопытством спросил Гарсия.

– Уокер для тебя уже не пример? – с ухмылкой спросила девушка.

– Не совсем, – мотнул головой хакер. – Там цель достигнута чужими руками...

– ...Лишь однажды.

Взгляд ее стал серьезным и очень грустным, наполнившимся тут же глубокой печалью от всплывших в памяти болезненных воспоминаний.

Апрель 1991 года, Косовска-Митровица

Уже третий год Обиличи жили в маленьком доме на западной окраине Косовской-Митровицы. Радован старался из последних сил обеспечить своим внукам нормальную жизнь. Семья Радко Лазаря всячески им помогала, правда, каждый раз сетовали на то, что Радован отказался жить в их доме в Приштине. Гордость не позволила старому воину отказаться от полной самостоятельности. Его пенсии хватало на жизнь без излишеств, а подработка почтальоном позволяла приносить домой вкусности хотя бы два раза в месяц. Сенка ходила в школу и, как всегда, ни на что не жаловалась. Радована, правда, огорчало, что она никак не заведет себе подружек. После школы – домой за уроки,

потом гуляет с Марко, по вечерам беседует о разном с дедом. Иногда по ночам пишет письма, а с утра, по дороге в школу, бросает их в почтовый ящик. Как-то раз любопытство заставило Радована одно такое письмо открыть. Единственное, что было понятно, – так это то, что адресовано оно было Милошу, а вот текст разобрать не смог. Дети изобрели какой-то свой шифр.

– Вот же хитрецы! – смеялся Обилич, запечатывая письмо, на уголке которого был простым карандашом нарисован цветок с двумя закрашенными лепестками. – Умно...

К сожалению Радована, не все было так хорошо, как хотелось бы. Развязанные конфликты с Хорватией, в Боснии и Герцеговине сильно подогревались межэтническими распрями. Пока они не выливались во что-то глобальное, но мелкие стычки и шумные разборки становились чем-то обыденным. Пугало старика лишь то, что примеру взрослых следовали и дети. Сенка чуть ли не каждый день рассказывала о драках в школьных коридорах, о словесных перепалках с албанскими детьми.

– Деда, – за очередной беседой вечером спросила внучка, – когда дети угрожают убить, они правду говорят или просто пугают?

– Тебе кто-то угрожал?

– Не мне, но старшеклассники, албанцы, почти каждый день угрожают разным ученикам. Кого-то бьют, пока не видят учителя... А еще они всегда нападают группой на тех, кто один... Почему так?

– Потому что это стая, милая. В одиночку им страшно, а так им кажется, что они сильней.

– Поэтому они редко ходят по одному?

Радован кивнул, отпивая крепкий чай из чашки.

– Я видела у одного из них нож.

– Ты сказала об этом учителю?

– Мне не поверили... они нас не слышат.

– М-м, – задумался Радован, – ты же можешь сделать так, чтобы услышали.

– Милош говорит, что нужно уметь жить, не прибегая к дару, – пожала плечами девочка.

– Не могу с ним не согласиться, – улыбнулся дедушка. – Я сам схожу в школу и поговорю с директором.

– Деда, а ты уже придумал, что подаришь Марко? – резко сменила тему внучка.

– Устроим в субботу ему бо-о-ольшой такой праздник. Семья Милоша приедет ведь? Они звонили?

– Угу. Милош с Нэдой приедут послезавтра, а остальные в субботу утром. – Сенка доела пирожок. – Ну так что?

– А вот не скажу! Будет сюрприз!

– Значит, будет тот вертолет! – захихикала внучка. – Марко будет так рад!

– Откуда ты знаешь про вертолет? – перешел на шепот Радован. – Я же его так хорошо спрятал.

– Не волнуйся, деда, я ему ничего не сказала, – хитро улыбнулась девочка.

Шестилетний Марко был, в отличие от своей сестры и дедушки, жаворонком. Он с трудом мог высиживать ночные посиделки и чаще всего в это время уже спал глубоким сном. Марко сам настоял на том, чтобы его отправили в школу с шести лет. Мальчику очень нравилась школа, на переменках он играл с друзьями, которых у него сразу стало очень много. Редко пересекался с сестрой, но из школы они всегда возвращались вдвоем. Оба посещали разные школьные кружки, так что дома они были как раз к ужину.

Наступила пятница, пятое апреля. Урок английского закончился, и Сенка не спеша складывала тетрадки и учебники в портфель, посматривая в окно. День клонился к закату. На школьном дворе было на удивление тихо, не было ни местных задир, ни спортсменов. Обилич вышла к воротам школы, брата нигде не было видно. Подождав минут пять, Сенка вернулась в школу и пошла в кабинет труда, где после основных занятий шел кружок по инженерному делу для самых маленьких. В классе было пусто. Она поискала учителя, но и он давно ушел.

Пока она стояла в пустом классе, по коридору пробежали двое мальчишек.

– Марко с ними пошел? – спросил один другого.

– Они его так потащили, – махнул рукой второй, – будто его спрашивали.

Сенка выскочила из класса и, нагнав ребят, схватила одного из них за портфель.

– Где Марко? – чуть ли не змеей прошипела она.

– О-он... – замямлил мальчик, стараясь не смотреть на Обилич, – его увел с собой Арбен.

– Зачем?

– М-марко заступился сегодня за Петро, когда они хотели у него деньги отнять. Они ругались, и Арбен вызвал его на... бой.

– Бой?! – Сердце девочки было готово выпрыгнуть из груди. – Он же старше лет на пять! Какой еще бой... Где? Куда он его увел?!

– К реке, – сказал второй мальчик. – На холмы у реки.

Буквально отшвырнув к стене мальчика, Сенка со всех ног побежала прочь из школы. В голове роились самые плохие мысли, а пред-

чувствия заставляли глаза краснеть. До указанного мальчиком места было минут тридцать обычным шагом. Сенка бежала так быстро, что уже через десять минут была почти у реки. Слабые огоньки, освещавшие плотину, нервно поблескивали в лучах заходящего солнца. Осматриваясь по сторонам в поисках Марко, Сенка наконец заметила несколько фигур на холме близ плотины. Девочка побежала туда.

Четыре парня из старших классов смеялись над первоклассником, лежащим на земле, схватившись за живот.

– Что теперь скажешь, Марко, а? – Арбен, парень лет пятнадцати, пнул его в спину. – Будешь лезть не в свое дело?

– ...Буду... – прошептал ребенок. – Все равно взрослым расскажу, что ты отбираешь деньги у младших...

– Какой герой нашелся, – фыркнул второй парень. – Думаешь, ты Обилич, тот самый? – Он плюнул на землю рядом с Марко.

Их голоса смешивались с шумом реки. Ибар отчего-то сегодня гремела, поток был настолько сильным, что было слышно, как скрипят камни под холмом, с трудом выдерживая натиск воды. Сенка поднялась на холм и словно остолбенела, наблюдая за происходящим. Перед глазами то и дело вспыхивали картинки трехлетней давности, и она так же, как тогда, не знала, что делать.

Тем временем Арбен присел на одно колено рядом с Марко и, вцепившись ему в волосы, начал тыкать его в землю.

– Я тебя, тварь сербская, землю жрать заставлю, – шипел он над ним, глаза его были налиты какой-то первобытной яростью. – Никто не смеет мне перечить, будешь делать как я сказал или сдохнешь...

– Отпусти его!

Камень прилетел в спину Арбену, тот резко вскочил на ноги. Все четверо обернулись и смотрели на Сенку, держащую в руке еще один камень.

– Кто это у нас тут? Неужели сестричка пожаловала? – ухмыльнулся парень. – Не учили, что драться девочкам нехорошо?

– Не учили, что обижать маленьких нехорошо? – огрызнулась Обилич.

– Какие мы смелые... – ухмыльнулся Арбен. – А знаешь, что бывает с такими?

– Он тебе ничего не сделал, отпусти его, – настаивала на своем девочка.

– А он мне не нравится. Как и ты, впрочем. Вообще таких, как вы, нужно убивать, изгонять с нашей земли, а еще лучше убивать.

– Наслушался... Ты даже не понимаешь, о чем говоришь. – Сенка сильней сжала камень, еще раз посмотрев на пытающегося подняться Марко.

– Понимаю. Очень хорошо понимаю, – покачал головой Арбен, жмурясь на садившееся солнце. – И в отличие от взрослых, понимаю, что начинать нужно сейчас... Потом будет поздно.

– Дурак, – прошептала Сенка.

Три других парня молча смотрели на происходящее. На какой-то краткий миг могло показаться, что они сами не желают тут находиться, ситуация явно приобретала необратимый характер. В воздухе висел гнетущий страх перед чем-то непонятным, но в то же время желанным для них. Их маленький круг хулиганов давно жаждал заявить о себе, причем не простым смертным, а бандитскому миру.

– Вы двое! – кивнул он друзьям. – Взять ее! – Сам лениво повернулся к ней спиной и направился к уползшему на несколько метров Марко.

Сенка успела замахнуться и со всей силы запустить камень в одного из парней. Камень угодил тому в грудь. Откашлявшись и потеряв равновесие от ушиба, он все равно продолжал приближаться. Девочка попыталась атаковать первой, но силы были изначально неравны, и двое ребят, схватив ее за руки выше локтя, подвели ее ближе к Арбену. Тот повернулся к ней лицом. Он переступил через Марко и присел над ним, хватая его за волосы, поднимая голову так, чтобы он мог видеть сестру. В глазах мальчика стояли слезы, хотя он и пытался гнать их прочь.

– Любуйся закатом, это ведь последний закат в твоей жизни, – прошептал он на ухо шестилетнему ребенку. Марко не моргая смотрел в глаза своей сестре, будто говоря с ней о чем-то.

Сенка всячески пыталась вырваться, но тщетно. Смеющиеся во весь голос старшеклассники крепко ее держали и даже не обращали внимания на эти попытки. Они чуяли что-то, и им нравилось это чувство неуязвимости, им хотелось играть в бога – судить и карать неугодных. В руке Арбена сверкнул нож, явно украденный им у отца или деда. Сенка качала головой и шептала что-то неразборчивое, в глазах застыли слезы. Лучи заходящего солнца скользили по холму, слегка касаясь лиц детей.

– Смотри, дурочка, где ты еще такое увидишь? – ухмыльнулся Арбен, поднося к шее Марко нож. – Когда вас как свиней режут...

– Арбен... – только успел сказать один из друзей, – может, не стоит, а? Попугали, и хватит... – его голос подрагивал.

– Я не собирался его пугать, Лека. – Капелька крови скатилась по шее Марко на белый воротничок его рубашки.

– Это уже перебор! – махнул Лека рукой. – Нас в тюрьму посадят!

– Не посадят. А если что, то выпустят быстро. И разве не это путь к нашей цели?

– Ему только шесть лет же...

– Сам подумай, брат, вот отпусти мы его сейчас и ее, – он кивнул на Сенку, – он вырастет и будет мстить нам. И в отличие от тебя, сможет убить, если захочет.

– Отпусти его... – в очередной раз сказала девочка.

– Отпущу... на тот свет.

Арбен только в прошлом году удостоился чести зарезать своего первого барана. Отец показал и научил, как это делать быстро и четко. С человеком, думал он, будет проще, ведь этот даже не сопротивляется. Хотя не хотел он, чтобы было проще, хотел, чтобы враг испытывал боль. Когда солнце коснулось его лица, он почувствовал прилив сил. Сильней потянув мальчика за волосы, он со всей силы всадил нож в горло Марко. Какая-то необузданная ярость оглушила и ослепила его, он не слышал ни криков девочки, ни друзей, он продолжал наносить удар за ударом, наслаждаясь тем, как кровь заливает холм, его руки, брызгает на лицо.

Нечеловеческим усилием Сенка смогла вырваться и бросилась к Марко. Арбен довольно шагнул в сторону. Трое ребят стояли и молча смотрели за всем, потом неуверенно подошли к другу. Устало он сел на землю и любовался зрелищем, как девочка, перевернув брата на спину, пыталась привести его в чувство, говорить с ним, гладила его по лицу и все звала по имени. Парень с садистским удовольствием смотрел, как ручьем из ее глаз текут слезы, как вздрагивает ее тело от каждого вдоха, он уже придумывал, как можно убить и ее. Положив ладонь на лицо брата, Сенка закрыла глаза и откинула голову назад.

– Молишься уже? – с усмешкой спросил убийца, крутя в руках нож. – Не плачь, через пару минут встретишься с братиком.

Обилич открыла глаза и снова посмотрела на Марко. Не спеша она поднялась с земли и встала напротив Арбена. Она молча смотрела на него. Сначала изучающе, потом пристально она смотрела ему в глаза. Убийца продолжал перекидывать нож из руки в руку, но с каждой секундой замедляясь. Наконец он замер, глядя девочке в глаза. В этот момент она молнией рванула к нему, падая на колени, хватая его за голову и вплотную прижимаясь лбом к его лбу, она не моргая смотрела в его глаза и шептала, шептала. Трое ребят в непонимании отстранились, повскакивали с мест и с удивлением наблюдали. Арбен перестал шевелиться, только повторял: «Да, да, да...». Наконец Сенка отпустила его голову и отползла к телу брата.

– Иди и делай, – приказала она Арбену, беря за руку Марко и поднося ее к своему лицу. Исподлобья она смотрела на других ребят.

Убийца встал с земли, крепко сжимая нож.

– Брат, ты в порядке? – с опаской спросил Лека. – Что это только что было?

– Ничего, – мотнул головой тот. – Подойди-ка, – махнул он рукой, призывая друга подойти.

Лека подошел, и тут же Арбен схватил его за руку и, повернув к себе спиной, нанес ему несколько ударов в спину. Двое друзей хотели помочь Леке, но не в силах были пошевелиться. На их глазах Арбен убил их друга, потом перерезал горло и им двоим. Дальше он молча, одно за другим, побросал тела с обрыва. Перемазанный кровью, он снова подошел к Сенке, когда увидел, что на холме был еще кто-то. Кто-то наблюдал за происходящим. Убийца смотрел на девочку, будто ожидая новых указаний, как послушный раб.

– Умри и ступай в воду, – прошептала Сенка, не глядя на него. – Осознай все, когда станет холодно...

Арбен подошел к краю холма и посмотрел на необычно бурный поток воды. Посмотрев на свои окровавленные руки, он сильней сжал нож, а потом со всей оставшейся силой вонзил его себе в грудь, выдернул и снова нанес удар. Он постоял так несколько секунд... Когда стало холодно, он вдруг осознал все, что произошло, что убил своих друзей, убил себя. Он обернулся посмотреть на Сенку, но не устоял на ногах и упал в реку Ибар. Течение тут же подхватило его и с силой поволокло по камням, будто желая поквитаться с ним. Холм был весь в крови, когда Сенка огляделась по сторонам в поисках хоть какой-либо помощи и увидела знакомую фигуру, приближающуюся к ней.

– Милош! – Она вскочила на ноги и побежала ему навстречу. Он молча прижал ее к себе. – Я не хотела, – плакала девочка, уткнувшись ему в грудь, – у меня не было выбора... они, он убил Марко...

– Знаю... прости, что опоздал... Я не знал, где тебя искать, просто шел куда глаза глядят... Когда поднялся, то это уже началось...

– Что теперь будет со мной? – шепотом спросила Сенка.

– Ничего плохого с тобой не будет. Никто не узнает, что это ты. – Лазарь гладил ее по голове и с трудом сдерживал подступившие слезы, глядя на изувеченное тело маленького Марко. – Цветочек, послушай меня, мы никому это не расскажем, все будут думать, что он сам. А вы уедете отсюда к нам. Цветочек, пообещай мне кое-что...

– Что?

– ...Никогда больше не пользоваться своим даром ради мести... во зло. Только для самозащиты...

– А если будут нападать?

– Не доводить до нападения.

– Обещаю... – немного помолчав и подумав, прошептала Обилич.

Наше время

Сенка докурила очередную сигарету и выбросила окурок в окно. Она смотрела на то, как кружат у самой земли хлопья снега, закручиваясь ветром в зимний вальс. Мыслями она была где-то далеко и не слышала, о чем говорили ее новые знакомые. Их разговоры казались ей детскими и безумно наивными. Посмотрев на них через плечо, она поймала себя на мысли, что эти двое даже не представляют, во что вмешиваются волей судьбы. Более того, она не видела для них места в этом плане, хотя именно они и подтолкнули ее к действию.

– О чем задумалась? – спросил ее Тогай, откладывая в сторону какую-то папку.

– ...О вас, – тихо ответила она.

– Это понятно, – кивнул индеец. – А конкретнее?

– Я не знаю, зачем вам все это, – покачала девушка головой. – Я сделаю свое дело завтра, в крайнем случае – на следующей неделе, и все. Дальше будет как будет... вы дали мне идею, и я ее воплотила. Твой дедушка говорил, что путешествие будет коротким, Чинганчгук?

– Боюсь, что все не так просто, Сенка, – сказал Гарсия, откидываясь на спинку кресла. – Ты действительно сделаешь большое дело для этого плана... но это еще не конец. – Эвис поджал губы. – Никто не знает, как будут развиваться события дальше, но придется сильно постараться, чтобы держать мир на рельсах, чтобы он не скатился в анархию, так что придется продолжать спасать мир.

– Ты не Брюс Уиллис, – хмыкнула Обилич, – и мы не в Голливуде, да и астероида не предвидится... пока.

– У них, – он кивнул на свою схему на стене, – в рукаве много козырей. Они будут сражаться до последней капли крови. Их приспешники никуда не денутся, будут делать все по предписанным пунктам.

– Когда Вук узнает, кто я, он наверняка захочет убрать меня, – покачала головой девушка. – Да и всех ко мне причастных. Еще пару недель назад меня это не волновало, но теперь на моей орбите вы двое... и вы будете под ударом.

– Ты за нас беспокоишься? – удивился индеец. – Странно.

– Думал, я бездушная тварь, забывшая о человеколюбии? – огрызнулась Обилич.

– Нет, но я бы точно ею стал, будь я на твоем месте.

– Не стал бы.

– Почему?

– Умер бы раньше.

– Ты такая добрая, прям-таки мать Тереза, – улыбнулся Эвис.

– Ладно! – махнула Сенка рукой. – Свои вопросы вы задали, моя очередь.

– Да!

– Что за Генри?

– Генри? – переспросил Гарсия. – А! Тот в парке! Боюсь ошибиться, но из всех его друзей и соратников на ум приходит только Киссинджер.

– Ты виделась с ним? – спросил Тогай.

– Подслушала разговор его и барона в парке, встречались тайно на мосту...

– О чем говорили?

– Что ж, Ротшильд сказал ему, что работает по нашему плану. – Она улыбнулась. – Что этому Генри чертовски не понравилось. Начал плести чушь о каких-то их общих целях и задачах... Совет девяти, повестка XXI... – Она задумалась. – Что это?

Гарсия довольно, в предвкушении, потер руки, его глаза сияли.

– Можно я, можно я расскажу?

– Валяй! – кивнул индеец.

– Начну, пожалуй, с Совета девяти. – Хакер подскочил с кресла и подошел к своей схеме. Он открыл ее полностью, представляя на свет и верхнюю ее часть, где за схематичным столом сидели девять человек. – История древняя и запутанная, как твоя жизнь, Сенка! Ты удивишься, насколько тут все по твоему профилю!

– В каком смысле?

– Да в прямом, – пожал плечами Эвис. – Тут кучка людей возомнила себя если не богами, то как минимум – их заместителями.

– Интригующе, – согласилась девушка. – Рассказывай давай!

– Сейчас все будет! – Он откашлялся. – Началось все еще в 273 году до нашей эры...

– Ой, я, пожалуй, пойду, – нахмурилась Обилич.

– Да погоди ты, – засмеялся индеец, – интересно будет. Он всегда с таким пафосом начинает.

– Но не до нашей же эры... честно...

– От того, что было придумано тогда, остались цели и формат, лишь методы изменились, да и людишки попались гнилые.

– Вся внимание, – сдаваясь, развела руками Сенка.

– Итак, перед тобой девять старейшин, – он указал рукой на схему, – за каждым – его клан, его семейное наследие. Все они управляют одной сферой. Однако так было не всегда.

Эвис начал расхаживать из стороны в сторону, погружаясь в свою теорию.

– Его прапрадед Майер вознамерился собрать девять кланов и усадить их за свой стол. Он даже подобрал для этого красивую легенду.

– Зачем? – спросила Обилич.

– Вдохновился редкой находкой, – загадочно улыбнулся хакер. – Решил стать богом при жизни.

– Что за находка?

– Легенда о царе Ашоке и Союзе девяти.

– Ни о чем не говорит. – Сенка мотнула головой.

Осень 1810 года, Франкфурт-на-Майне

Майер Амшель Ротшильд неспешным шагом шел по Юденгассе в сторону своего дома, когда его хороший приятель Питер Ризман, владелец антикварной лавки, вышел ему навстречу. У Ризмана был озадаченный, но в то же время вдохновленный вид. Майер всегда хорошо считывал настроения людей по одному лишь взгляду на их лица. Этот случай не стал исключением, тем более что хорошее настроение у Питера могло означать хорошие новости для Ротшильда – должник вернет долг.

– Майер! – воскликнул антиквар. – Я как раз тебя ищу! Ходил к тебе домой...

– Чем обязан?

– Не на улице, зайдем в лавку.

Как только они зашли внутрь, Питер тут же закрыл входную дверь на засов и задернул шторы.

– Право, ты меня заинтриговал, – улыбнулся Ротшильд, подходя к прилавку. – Ты нашел пиратский клад? А может, лампу Аладдина?

– Я... я сам не знаю, что я нашел.

– Что бы это ни было, надеюсь, это погасит твои задолженности, – натянуто улыбнулся Майер.

– На днях умер один чинуша, – шепотом начал рассказывать Ризман, – его дети принялись делить наследство. Дом и кое-какие сбережения. На чердаке нашли деревянные сундуки со всякими книгами и прочим, как они выразились, барахлом. Пригласили меня осмотреть это и назвать их цену.

Ротшильд расстегнул пальто и ослабил шарф, не сводя при этом глаз с Питера.

– Барахла там действительно много, но книги... – Он закатил глаза. – Это невероятная находка.

– Ты же не оставил ее этим гоям?

– Н-е-е-т, – мотая головой, протянул антиквар. – Им это доверить точно нельзя, я подумал, м-м, может, ты возьмешь их за мой долг...

– Покажи мне их. – Майер всегда любил старинные вещи, тем более что именно на древних монетах он сколотил свой первый небольшой капитал.

Ризман, послушно кивнув, удалился в подсобку и спустя минуту вынес деревянный ящик, доверху набитый книгами.

– И что же в них ценного? – Ротшильд брезгливо взял первую отлично сохранившуюся книгу и носовым платком смахнул пыль с обложки.

Под толстым слоем пыли скрывалась обложка из плотной кожи с витиеватым выцветшим тиснением. Названия не было. Майер посмотрел в коробку, там были на первый взгляд такие же книги, отличались лишь символы на обложке.

– Что это? – Он вопросительно посмотрел на Питера.

– Я не уверен, но, по моим скромным соображениям, это переводы древних индийских текстов. Отец покойного часто бывал в Индии...

– Ценности их я пока не вижу, но так и быть – ознакомлюсь. Доставь этот ящик в мой дом сегодня.

– Да-да, конечно!

Выйдя из лавки, Ротшильд посмотрел на часы и недовольно поморщился – потратил впустую двадцать минут. К вечеру ящик с книгами был уже у него дома. Уединившись в своем втором кабинете на четвертом этаже, он аккуратно вытащил книги из ящика и разложил их на столе. Только сейчас он заметил в правом нижнем углу каждой по цифре. Теперь он разложил девять книг по порядку. Оставалась лишь десятая, без номера и без тиснения. Она была меньше по размеру и больше походила на тетрадь с записями. Сев в кресло и пододвинув канделябр ближе, открыл тетрадь. Она была исписана аккуратным, убористым почерком почти до конца. Некоторые страницы отсутствовали, местами текст был залит чернилами или старательно заштрихован. Майер листал страницы в поисках чего-либо интересного, не испытывая никакого желания погружаться в чтение чужого дневника.

«Сначала мне казалось это несусветной глупостью, но чем дольше я слушал, тем интересней становилось. Монах рассказывал мне легенды о царе Ашоке. Ничего нового я не услышал, кроме как, пожалуй, о создании им Союза девяти».

Майер, цокнув языком, перевернул страницу, чувствуя, что уже подобрался к чему-то любопытному.

«Увидев тысячи погибших, царь осознал, что прогресс ведет к гибели мира».

«...Ашока взял под контроль науки и искусства, лишь в определенное время с людьми следовало делиться новыми открытиями, открывать им глаза на суть вещей».

Ротшильд скользил глазами по тексту, но его сознание вырывало лишь определенные фразы из повествования.

«Только взяв контроль над государствами, можно будет держать мир в колее и не давать ему сорваться в пропасть».

«Он избрал девять могущественных... он раздал каждому по книге... с открытиями, которые совершили великие умы, но которые еще слишком опасны для человечества. Так, царь предписал убивать тех, кто способен дать людям больше, чем нужно, дабы обезопасить мир...»

– Как любопытно, – прошептал Ротшильд. – Взять под контроль прогресс... – Он задумался, глядя на то, как нервно дергается огонь на свечах. – Давать только то, что нужно. – Он посмотрел в окно на ночное небо. – Давать то, за что им придется платить... Люди всегда будут платить за прогресс. – Он встал с кресла, отложив дневник.

Ротшильд подошел к столу, провел рукой по книгам. Он морщил лоб и то и дело плотно смыкал губы, интенсивно думая, пытаясь поймать ту идею, что пришла на ум.

– Возможно, этот царь и был прав, только вот выгоды не разглядел. – Старик хмыкнул. – А что, если я создам такой союз и посажу за стол... и каждому по сфере, по стране, по континенту... А во главе мы – Ротшильды... Только кого звать? – Он стоял у окна и задумчиво тер висок, перебирая в голове имена известных и способных, а главное, влиятельных. – Не важно кого, главное – семья.

Он огляделся по сторонам, потом снова посмотрел в окно. Его внимание привлекла афиша циркового представления, прибитая ветром к стене противоположного дома. На ней был изображен во все зубы улыбающийся кукловод с деревянной марионеткой в руках.

– Главное, кто управляет этим советом... кто будет вместо царя...

Этой ночью Ротшильд не спал. Аккуратно сложив книги обратно в ящик, так и не открыв, он убрал их в темный угол, но Питера Ризмана он из списка должников вычеркнул. Идея показалась ему куда дороже. Майер до восхода расписывал структуру, устройство и правила для Совета девяти. Он обозначил несколько имен, кого можно было бы привлечь, однако спешить не собирался. Утром, не успев

позавтракать, он позвал к себе старшего сына Натана и показал ему свою идею.

– Видишь ли ты в ней будущее? – спросил Майер, внимательно глядя на сына. Тот быстро проглядел записи.

– Я бы назвал это «путь к трону Бога», – хмыкнул Натан.

– Может, уже есть идеи?

– Отец, взять под контроль государства – это не такая уж непосильная задача.

– Объяснись.

– Ты давно говорил, что хватит заниматься контрабандой, пора заниматься единственным, что приносит прибыль, – деньгами.

– Было дело, – довольно кивнул Ротшильд. – ...Позвольте мне печатать и контролировать деньги нации, и меня не волнует, кто пишет ее законы... – задумчиво проговорил он. – Решено.

– Кого ты хочешь посадить за стол от нас?

– Джеймса.

– Но ему еще и восемнадцати нет...

– О, Натан, для тебя отведена другая роль. Роль царя Ашоки...

– Не понимаю, – мотнул он головой.

– Ты отправишься в Англию, немедленно. Я хочу, чтобы там ты начал пробираться на королевский двор. Если и начинать, то с них.

– А остальные?

– Стран много, на всех хватит.

Через пару недель Майер собрал четверых своих оставшихся сыновей и объявил о создании фирмы «Майер Амшель Ротшильд и сыновья». Все четверо наследников стали ее совладельцами. В списке не было лишь Натана. Однако отец предпочел уйти от ответов на вопросы. Для старшего он уготовил другой путь. В тот же день он посвятил своих детей в план Совета девяти. Каждый увидел в этом что-то для себя, так уж Ротшильды были устроены – во всем находить выгоду. Дальше он отправил их по разным странам наводить свои порядки. Тем более что у Натана уже были некоторые успехи.

Правда, сыновья так и не поняли, с чего вдруг несовершеннолетнего Джеймса отец решил посадить за стол этого совета, а старшего сына вывести за его пределы...

Наше время

– И почему же? – спросила Сенка, туша сигарету в банке из-под газировки.

– Видимо, предвидел семейные дрязги, – пожал плечами Гарсия.

– Неужели ему удалось создать этот совет? Все прям так взяли и сели за стол?

– Не сразу, но да. Они медленно, планомерно брали страну за страной. Одно Ватерлоо принесло им миллионы. Заработали и там, и там.

– Чем он их заманил? – Обилич кивнула на схему.

– Тайной, и еще... он сыграл на их тщеславии и жажде власти. А тут предложение быть живыми богами. Решать судьбы мира.

Сенка подошла к схеме и окинула ее недоверчивым взглядом. Ведущая к Совету линия проходила через несколько закрытых организаций, рядом с каждой были какие-то цифры.

– Не обращай внимания. – Эвис стоял у нее за спиной. – Со временем этим «божкам» понадобилось прикрытие, и они стали создавать другие организации, из которых можно было эволюционировать для Совета.

Обилич пробежала глазами по всей цепочке снизу вверх: комитет 300, Богемская роща, Бильдербергская группа, Трехсторонняя комиссия... Последняя была обведена.

– Почему? – Она указала на круг.

– С ней мутная история, – цокнул Гарсия. – Если все остальное создавали родственнички барона, то эту сделал Рокфеллер. Возможно, в отместку. Да и посадил за стол в основном своих людей. На деле же в Бильдербергской есть две подгруппы, меньшие по количеству и качеству, вот они и ведут к Совету. А комиссия, – он махнул рукой, – порочные идеологи.

– Конкретнее?

– Да что тут скажешь, – развел руками хакер, – поставщики идей в Совет.

– Какого рода идей?

– Ну уж не на службу человечества точно.

– Боже, Эвис, хватит говорить со мной загадками! Отвечай на поставленные вопросы.

– У нас тут беседа, а ты, блин, куда спешишь-то?..

Мексиканец наткнулся на недовольный взгляд девушки.

– Ты правда думаешь, что Майеру удалось взять под контроль государства?

– Я знаю. – Гарсия сжал пустую банку и ловко забросил ее в ведро. – Более того, это была уже вторая попытка. Первую он предпринял еще в 1773-м, когда созвал двенадцать единомышленников и заикнулся о новом мировом порядке. Правда, тогда он решил, что миром правит война, а для войны нужны солдаты. Он продавал своих наемников воюющим странам. В те годы он выбрал Северную Америку в качестве будущего центра нового мира. За нее, однако, ему пришлось побороться, но он все равно победил, пускай и позже, руками своего сына...

Лето 1776 года, Франкфурт-на-Майне

Майер спешил на срочную аудиенцию к принцу Вильяму IX Гессе-Ханау. Дело было срочное и не терпело отлагательств. Конечно, сегодня оно не касалось текущей бухгалтерии, которой по устному соглашению занимался Ротшильд вот уже семь лет.

Перед Ротшильдом открыли высокие, сверкающие позолотой двери кабинета принца. Он поспешил войти. Вильям стоял напротив портрета своего отца.

– Ваше величество, – кратко поклонился помощник принца, – Майер Амшель Ротшильд прибыл по вашему приказанию.

– Да-да, – лениво протянул принц, поворачиваясь к гостю, – не думал, что ты так быстро явишься. Видимо, когда дело касается денег, ты летаешь на крыльях. – Ротшильд молчал, изучая лицо принца, ища в нем какие-то подсказки. – С каждым годом не перестаю удивляться тому, какой верной была твоя идея с наемниками. Она уже столько денег принесла казне, да и моей семье. Твоей тоже...

Ротшильд молча кивнул, предпочитая скрыть от «ранимой» королевской особы тот факт, что он-то как раз получал куда больше, чем принц. Как-никак Майер имел прибыль с головы каждого убитого наемника.

– У нас новый заказ. Получил на днях послание от короля Георга III... ему нужны наши бойцы для отправки в Америку.

– Отличная новость, ваше превосходительство. Прикажете начать подготовку?

– Не спеши, Майер. – Вильям сел в расшитое шелком кресло с высокой спинкой. – Мы одни тут, можешь быть собой. Хотя я и доверяю Генри, но всех своих секретов я ему не открою. – Принц сдержанно улыбнулся.

Ротшильд оглянулся проверить, точно ли помощник принца ушел. Майер удобно расположился в кресле напротив.

– Георгу нужен десант. В Америке все идет в общем-то как ты и предсказывал. Хех, мы действительно смогли развязать эту войну...

– Мало что может быть прибыльней борьбы за свободу. – Ротшильд стряхнул с брюк невидимую пылинку. – Особенно когда возглавляешь ее и ее противников. Жаль, наши противники глупы и не видят, как их свободу забираем мы.

– Ума не приложу, как тебе удалось добраться до их печати, но тексты действительно впечатляют!

– Я был не один, Вильям, мне помогли.

– Небось опять твои сыновья! – хмыкнул принц. – Подсуетились...

Глаза Ротшильда хитро блеснули. Ничто так не радует, как новости о том, что ты стал ближе к своей цели.

– Король какие-то требования выказывал к наемникам?

– Лишь непреодолимую жажду убивать нелояльных его величеству.

– Этого у них в избытке, – довольно развел руками Майер.

– В этой ситуации меня радует то, что и победителям, и проигравшим нужны будут солдаты... Эх, – театрально вздохнул принц, – что же нам останется делать, когда не будет войны?..

– Развязать новую, – тихо ответил Майер.

Этим же летом король Георг III отправил флот с гессенскими наемниками в Северную Америку, и вместе с ними британская армия перешла в наступление... Однако до конца войны за независимость было еще далеко. Не все успели набить карманы.

Наше время

– Неужели никто не мог им противостоять? – покачала головой Сенка.

– Ну, на это была и остается способной только одна страна. – Хакер, державший в руках глобус, повернув его нужной стороной, протянул девушке. – И ей за это приходилось много страдать.

– Россия...

– Да.

Обилич опустила голову, промелькнувшая в сознании поговорка заставила грустно улыбнуться.

– На небе Бог, а на земле – Россия, – прошептала она на сербском.

– Еще сын Майера, тот самый, кого он в Англию отправил, очень любил всяческие проклятия и угрозы. Раскидывался ими направо и налево. В 1814-м царь Александр I сломал Ротшильдам всю игру. Так Натан завалил его проклятиями и обещал, что отомстит, убьет весь его род любой ценой. Через сто лет его потомки спонсировали переворот...

– И какие же страны этому Совету удалось взять под контроль? – спросила Обилич.

– ...Северная и Южная Америка, Европа, часть Ближнего Востока, Австралия и прилегающие, Япония... Они надежно держат их в узде. Без их ведома никто не дернется.

– Даже сейчас, когда мир сходит с ума?

– Сейчас особенно. Больной уязвим в такие моменты. – Хакер с тоской и грустью посмотрел на глобус. – Любая война им на руку, даже самую проигрышную ситуацию всегда оборачивали себе на пользу. Тем более когда можно действовать чужими руками.

– Допустим, – нахмурилась девушка. – А что это за повестка XXI такая? О чем это?

– Я себя прям гуру ощущаю, – улыбнулся Гарсия. – Хранитель знаний, черт подери! – Он улыбнулся и посмотрел на схему. – В этом месте на первый план и выходит этот «инкубатор античеловеческих идей». – Хакер кивнул на надпись «Трехсторонняя комиссия».

Май 1992 года, Эвиан-ле-Бен, Франция

Старейшая гостиница города на всю последнюю неделю мая погрузилась в атмосферу помпезности и таинственности. Простых посетителей не было, все работали лишь на сто с лишним человек – участников ежегодной конференции Бильдербергской группы. И если в первый день работы конференции в главном зале гостиницы было чрезвычайно многолюдно, то на второй день люди были поделены на отдельные группы и уже не было заметно главных действующих лиц. Четыре человека собрались за обеденным столом в удаленном ото всех зале за тремя дверями. Обслуживающий персонал мог лишь подслушать их житейскую беседу, не имеющую никакой ценности для мира. Из услышанного даже нечего было продать журналистам. Оставшись вчетвером, они сначала молча ели. Четвертый барон Ротшильд сделал глоток вина из бокала и, поставив его на стол, окинул коллег быстрым взглядом. Он остановился на мужчине, сидевшем напротив. Тот, морща лоб и нос, недовольно ковырялся вилкой в тарелке, всем своим видом показывая, что ему невкусно и он был бы не прочь сменить блюдо.

– Вижу, ты уже наелся, Збигнев, – вытерев рот салфеткой, заметил барон. – И тебе не терпится с нами чем-то поделиться?

– Ради бога, Джейкоб, – всплеснул руками Дэвид Рокфеллер, – пускай человек доест.

– Нет, – мотнул головой Бжезинский, – он прав.

– Тогда рассказывай, – одобрительно кивнул Дэвид, накалывая на вилку кусочек утиной грудки в дивном соусе.

– В следующем месяце должно состояться очередное заседание ООН, как все вы знаете. Повестка дня пока не определена, да и размыта, – тщательно подбирая слова, начал советник Джорджа Буша-старшего по международным делам. – Уничтожив Советский Союз, мы сделали большой шаг в достижении целей...

– Мы его не уничтожили, – покачал головой Генри Киссинджер, – мы только помогли ему развалиться. Уничтожили – это когда американский флаг развивается над Кремлем.

– До этого недалеко, – улыбнулся Збигнев, доставая из кожаной папки какие-то бумаги. – А пока ООН следует заняться внедрением новых планов в жизнь. – Он передал каждому по пять скрепленных листков. – Знакомьтесь, господа, повестка XXI века.

– В двух словах, что это? – не глядя в них, спросил Ротшильд, ему никогда не нравился этот рокфеллеровский выскочка, хотя он и был ценен своей слепой ненавистью к общим врагам.

– Если коротко, то это план депопуляции населения... согласно изначальным целям.

– Неужели, – потер руки Киссинджер, – пришло время избавиться от бесполезных поедателей ресурсов? Ну-ка, ну-ка! – и он принялся изучать текст.

– Ты рассчитываешь его осуществить к XXI веку?

Бжезинский кивнул.

– Что ж, Европе и Америке такое навязать нетрудно. Тем более что мы уже это делаем, и довольно успешно. Что с остальными странами? С той же Россией?

– Я бы о ней не беспокоился. Еще чуть-чуть, и мы возьмем всю власть под наш контроль. А там уже и разрушить остатки самосознания нетрудно, – подернул советник плечами.

– И как ты планируешь внедрить эти программу глобально?

– Если Совет примет этот план, то каждому по сфере. Как я и написал, – он кивнул на листки бумаги перед собой, – от каждого потребуется определенный вклад. Возможно, речь пойдет о создании транснациональных компаний, которые незаметно начнут прибирать к рукам определенные сферы жизни.

– Вижу слово «лекарства» и сразу понимаю, о ком речь, – довольно крякнул Дэвид. – Кстати, коллеги, обратите внимание на то, как изящно Збигнев предлагает коллективный суицид! Ты опасный человек! – он похлопал Бжезинского по плечу. – «Глобальное потепление», хех, а вот это «мы убиваем планету»... юмор! «Семь миллиардов угрожают жизни планеты», ты был в ударе! – веселился Рокфеллер. – Так, а что там у нас с военными?.. Мы же не можем просто так взять и ввести войска куда нам заблагорассудится. Пока, во всяком случае.

– Ничего, – улыбнулся Генри, – это сегодня американцы будут возмущаться войскам ООН, вошедшим в Лос-Анджелес. Завтра они будут ликовать. Особенно если им рассказать об угрозе извне, вымышленной или реальной, не важно. – Он махнул рукой. – Если заставить их поверить в эту угрозу, они сами прибегут к ООН просить защиты, избавить их от угроз.

– Более того, Генри, – поддержал его барон, – они с удовольствием откажутся и от всех своих прав и свобод, лишь бы жить в безопасности...

– Не просто в безопасности, коллеги, – Рокфеллер поднял указательный палец вверх, – а в мире под управлением единого Мирового правительства.

– Что ж, принимаем повестку XXI? – осмотрел всех Ротшильд.

Все трое кивнули.

– Единогласно.

Наше время

Эвис коснулся глобуса, легонько повернул его, и тот начал медленно вращаться.

– Ужасно, да? – шепотом спросил он.

– Ну так какова суть этой повестки?

– Да, в общем, снизить численность населения до нужного минимума, до пятисот миллионов, если точнее, взять под контроль ресурсы стран и завязать их лишь на свои корпорации, потом заставить оставшихся танцевать под свою дудку. И так далее, и тому подобное. Ну и, конечно, иметь со всего этого прибыль.

– И ты в это веришь?

– А что тут верить, Сенка, ты посмотри вокруг! Этот план работает еще с шестидесятых, просто после девяностых они стали действовать напористей, наглей. Они стали убивать без страха быть пойманными за руку. – Эвис вдруг замолчал, будто вспомнив что-то. Обилич почувствовала, как резко сменилось его настроение.

Сенка сначала посмотрела на Тогая, потом на Гарсию.

– Недолго осталось. – Она снова оглядела схему, будто пытаясь запомнить ее всю, каждое имя, каждый грех за человеком на фотографии...

– Ты уверена в своем плане? – спросил до сих пор хранивший молчание индеец.

– Нет, – мотнула она головой. – Я ни в чем не уверена. Я делаю то, что считаю правильным. Если это поможет миру, то для меня это будет приятным бонусом к основной цели.

– Думаю, уже с завтрашнего дня ты не сможешь вести привычный образ жизни.

– Ошибаешься, Тогай, – покачала Сенка головой. – Возможно, именно завтра я вернусь к своему привычному образу жизни.

– А если они поймут, что мы задумали?.. – вслух подумал Гарсия.

– Не поймут. Нас всего трое, наши разговоры не уходили дальше нас. Нет ничего страшного в том, что он вдруг узнает мое настоящее имя. При всей его подозрительности, я все еще не представляю опасности для его начальника. Да и потом, пока барон не отдаст ему приказа, не даст ему разрешения убрать меня, он ничего не предпримет.

– Но он ведь может и дать такое разрешение.

– Пока я ему нужна, точно не даст. Он сделает это позже.

– Почему?

– Зачем ему человек, побывавший в его голове?

– Я думал, он хотел тебя рекомендовать в Тависток, помню, ты что-то такое говорила, – возразил индеец.

– Самому не смешно? Это лишь приманка. Его проблема в том, что он думает – я на нее клюнула. Но это не важно. – Сенка мотнула головой. – Важно то, что я успею запустить процесс, а дальше моя участь не имеет никакого значения.

Девушка подошла к окну. На улице шел снег, настолько сильный, что было не разглядеть дороги. Лишь фонари подобно маякам поблескивали в снежной пелене. Она глянула на часы: была уже половина десятого. Добраться до дома будет непросто, если не невозможно. Разве что ближе к утру.

– Эвис, можно у тебя переночевать? – спросила Сенка, не отрывая глаз от улицы.

– Не вопрос, – почесал в затылке хакер, – там в другом конце коридора комната... свободная. Не самая чистая, конечно, но сойдет на одну ночь.

– Я тоже останусь. Мне хватит и этого кресла. – Индеец довольно развалился в кресле, в котором провел весь вечер.

– Завтрак не включен, если что, – улыбнулся мексиканец.

Сенка покинула штаб и направилась вниз по коридору. Воспоминания не дались легко, они уже не приносили былой боли, но изматывали изрядно. Девушка вошла в спальню, явно предназначавшуюся для маленькой девочки. Судя по толстому слою пыли на полу, сюда давно никто не заходил. Она бесшумно закрыла дверь и, не двигаясь с места, стала осматриваться. На книжных полках стояли рукодельные куклы, мягкие игрушки. На застланной кровати сидел розовый пони, так же как и все, покрытый толстенным слоем пыли. Письменный стол был завален рисунками, над ним висела пробковая доска с при-

крепленными к ней фотографиями, ленточками, бантиками. Сенка подошла к ней поближе. На фотографиях запечатлена улыбающаяся девочка лет семи. На паре снимков она была вместе с Эвисом. Среди рисунков на столе встречались и семейные портреты, где были счастливые «мама, Эвис, я». Обилич поднимала картинки одну за другой, видя, как сменяется настроение художника, пока наконец не дошла до последней – солнце, повернутое спиной к девочке, освещающее путь мамы и брата. В нижнем правом углу была аккуратно выведена дата: «23 марта 2008».

«А вот и истинная причина борьбы», – поняла Сенка, глядя в ореховые глаза улыбающегося с фотографии ребенка.

– Это Лила, моя сестра. Она умерла в 2008-м... – девушка даже не услышала, как Гарсия открыл дверь и вошел в комнату.

– От чего? – Обилич продолжила осматривать комнату, тут было так много мелких и интересных деталей, что нельзя было глаз оторвать.

– ...Из-за повестки XXI, – поджав губы, ответил хакер. – Ее просто убили.

– Кто? – лениво спросила Сенка, садясь на кровать и беря в руки пыльного пони.

– Обязательная вакцинация. Дети в США начиная с девяностых обязаны проходить через это. В ряде случаев – аутизм или смерть, но никто об этом не говорит вслух. Не говоря уже о лекарствах, которые не лечат, о еде, которая убивает...

– Какие страсти. Отказаться не пробовал от их еды, от их лекарств, от их вакцин? Говорят, помогает.

– Нельзя. – Эвис смотрел на игрушку в руках девушки и не мог оторвать взгляда от черных глаз-бусинок. – Государство не позволит отлынивать от обязательных процедур, контроль превыше всего. Если ты не играешь по правилам – ты изгой, а изгоям одна дорога – на кладбище.

– Ты из-за нее начал в этом копаться? В конце концов, банальная месть? – Сенка хитро хмыкнула.

– Вначале да, но когда узнал, насколько все запущено, просто понял, что так быть не должно. Их нужно остановить. Мир вздохнет свободно. Пойми, Сенка, они по-настоящему убивают нас. Изо дня в день ставят над нами эксперименты. Они прекрасно понимают, что на всех пуль не хватит. Куда легче убить нас тихо, дать нам шанс сгнить самостоятельно.

Девушка посадила игрушку на место и осмотрела хакера с головы до ног.

– Ну вот, будет нас пятьсот миллионов. Дальше-то что?

– Согласно их плану, они контролируют человечество, планету. Определяют потребности, ниспосылают «божественные дары»... неугодных и восставших убивают простым нажатием кнопки.

– Бред, – фыркнула девушка. – Прям-таки божественная утопия.

– Именно! – Эвис сел рядом с Обилич. – Только они верят в нее, Совет девяти свято верит в нее. Они идут к ней. Они заражают других своими идеями. Ты даже себе не представляешь, сколько у них последователей! Порой этим старейшинам даже не приходится ничего делать, их идеи настолько въедаются в сознание потенциальных исполнителей, что те за бесплатно бегут выполнять их волю.

– Например?

– Билл Гейтс, например. Этому компьютерщику с чудинкой они пообещали, видимо, место в божественном пантеоне. Он выпрыгивает из штанов, как старается. Пока они не обратили на него внимания, он жил своими компьютерными программками и грезил, что в 2050-м мир будет радоваться новой операционке Windows 113... Потом его будто током поразило, и он включился в борьбу с полиомиелитом в бедных странах.

– Вроде не такое плохое занятие, – выдохнула Обилич. – Благородное даже.

– Было бы, если бы не одно «но». После прививок дети либо умирали, либо оставались навсегда инвалидами, не способными к нормальной жизни, к репродукции. Но никого не интересуют жертвы среди чернокожего населения Африки или среди индусов в Индии. Главное, что по телеку показали, как Гейтс кормит из бутылочки «спасенного» новорожденного... Самое страшное, что они не останавливаются на достигнутом. Они продолжают убивать слабейших.

– Дарвин их всех, – улыбнулась девушка. – Люди не перестанут пить их таблетки и есть их еду.

– Перестанут. Если также им будет на голову литься информация о ее опасности. Наша задача, группы «Цикада» в частности, – направить их оружие против них самих. Правда, без тебя мы все равно топтались на месте.

– На мой взгляд, вы возлагаете на меня чересчур большие надежды.

– Может быть, – кивнул Эвис. – Однако ты ослабишь их хватку, и мы сможем потихоньку внедрять другие идеи. Пока они будут заняты внутренней войной, мы сломаем их мировой порядок.

– Остался пустяк – устроить эту войну.

– У нас все получится. Я верю. – Эвис поцеловал крестик, висевший на шее. – С нами Бог.

– Я тебя огорчу, его с нами нет.

– Ты не веришь в Бога?

– Скажем так, у нас крайне сложные отношения, – нахмурилась девушка. – Ладно, – она встала с кровати, – если ты не против, я, как и Тогай, оккупирую кресло в штабе.

– А что тут не нравится? – удивился Гарсия. – Кровать же мягкая и удобная!

– Не хочу дышать пылью всю ночь, – натянуто улыбнулась Сенка и вышла в коридор.

– Тогда спокойной ночи! Я что-то устал...

Обилич, не поворачиваясь, махнула ему рукой.

Индеец расположился в кресле, подставив рядом пару стульев, укрывшись парой пледов. Он так укутался, что были видны лишь глаза. Тогай смотрел в открытое окно, сон все не приходил, разговаривать ему явно не хотелось. А может, он просто спал с открытыми глазами. Обилич подошла к включенным мониторам и снова посмотрела на фотографию их маленькой группы. Она села за стол и закрыла лицо руками, потом снова посмотрела на Милоша, будто ища в его лице какие-то ответы на незаданные вопросы. Вдруг перед глазами возник один из рисунков Лилы. Не отрываясь Сенка смотрела на фотографию, а в уме рассматривала картинку девочки. Девушка резко встала с места и поспешила в дальнюю комнату. Она сразу же прошла к столу и стала перебирать рисунки. Она остановилась на предпоследнем – нарисованном простым карандашом полем ромашек, некоторые лепестки были закрашены, некоторые нет. Сенка часто моргала, осознавая свою мысль полностью. Когда она подняла голову и встретилась взглядом с фотографией Лилы, держащей в руке почтового голубя, она вспомнила последнее письмо Милоша, его обратную сторону, цветок с заштрихованными лепестками.

Недолго думая, Сенка оделась и очень тихо покинула дом Гарсии. На часах было почти одиннадцать.

– Доберусь до моста, а там уже и машину поймать можно, – вслух предположила она.

Накинув на голову капюшон и намотав на шею шарф, Обилич через сильную метель направилась к мосту. Как назло, на нем не было видно ни одной машины. Снега нападало слишком много, и наземный транспорт не осилит дорогу. Лишь через сорок минут ей посчастливилось выловить заплутавшего в районе таксиста. Он довез ее до станции метро, ехать дальше его машина и вовсе отказалась. В половине первого ночи Сенка вошла в свою квартиру. Закрыв дверь и побросав вещи в коридоре, она рванула к тумбочке, где оставила письмо. Взяв конверт, она перевернула его.

– Милош... – улыбнувшись, прошептала она, беря письмо в руки. – Значит, два лепестка...

Она оглядела комнату в поисках чистого листка бумаги и ручки. Не поднимаясь с пола, она доползла до журнального столика и принялась разбирать их детский код. Ей не верилось в то, что Лазарь решил что-то зашифровать в своем последнем к ней письме, но буквы сами складывались в слова. Внутри письма было еще одно послание:

Цветочек, с моей смертью Горан наверняка постарается навредить и тебе. Оборви с ним все контакты, смени место жительства, брось все то, что будет, и начни где-то все заново. Не пытайся выйти на связь с кем-то из наших. Боюсь, верить тебе больше некому. Только не сдавайся. Живи. Надо жить.

– Кому надо?.. – вслух спросила Сенка. – Зачем?.. – Ее взгляд упал на купленный днем проектор.

Отложив письмо в сторону, Обилич достала покупку из коробки и поставила на пол. Убедившись, что все настроила верно, она включила его в розетку и выключила свет. Тут же белый потолок озарился сиянием сотен неизвестных звезд, плывущих где-то далеко-далеко. Звездное небо скользило по потолку и стенам, смешиваясь порой с мутным светом уличных фонарей. Сенка лежала на полу у журнального столика и как завороженная смотрела на звезды. На краткий миг ей показалось, что она дома и все еще хорошо. Перед глазами то и дело вспыхивали картинки из прошлого, лица. Она закрыла лицо руками и повернулась на бок. С пола через стекло стола она смотрела на письмо Милоша. В свете ненастоящих звезд она видела лишь одну фразу: «Не уходи смиренно».

– Завтра будет интересный день, милый, устраивайся на своем облаке поудобней и смотри за мной, – прошептала Сенка, закрывая глаза.

Брайан Олдман набрал номер, записанный в его блокноте, сидя перед своим ноутбуком. На той стороне линии долго не отвечали. Наконец помощница Нэта Ротшильда сняла трубку.

– Да, это Брайан Олдман, господин Ротшильд уже может подключаться. Мистер Рокфеллер ждет.

Через пару минут на экране перед Дэвидом появился сын четвертого барона. Рокфеллер внутренне хмыкнул, видя его невероятное внешнее сходство с отцом. А ведь еще каких-то пять лет назад у них было куда меньше общих черт.

– Вечер добрый, сэр! – поприветствовал старика Нэт. Он, как всегда, выглядел немного несобранным и рассеянным. Хотя это была лишь видимость.

– Привет, Нэт, – кивнул Дэвид. – Как дела, слышал, у тебя снова какие-то неприятности?

– Слухи врут, сэр, – улыбнулся Нэт. – Чем обязан вашему звонку?

– Меня беспокоит состояние твоего отца. Последнее время он ведет себя странно.

– В смысле? – недоверчиво поморщился Ротшильд.

– Он стал предпринимать шаги, идущие вразрез с путем Совета...

– Я не очень понимаю, о чем вы говорите.

– О том, что он меняет политику. Например, на днях он решил вернуть Косово Сербии...

– М-м, уверен, он говорил почему.

– Ты в курсе, что Джейкоб проходит психотерапию?

Тот мотнул головой.

– А о том, что диагноз неутешителен и, м-м, попахивает сумасшествием?

– Не преувеличивайте, – нахмурился Нэт. – Мой отец здоров.

– Возможно, но развивающаяся паранойя затуманивает его разум. Вот, ознакомься, когда выдастся свободная минутка. – В ту же секунду Олдман переправил файл с поддельным отчетом. – Нэт, друг мой, все бы ничего, да только вот он, похоже, хочет прикрыть Совет.

– Не верю... – Сын барона читал отчет и качал головой, его губы тихонько шевелились, когда он перечитывал некоторые предложения. – Ничто не мешало вам выдумать его...

– Зачем мне это? – сложил ладони вместе Дэвид. – Я соблюдаю установленные правила и иду к общей цели. Джейкобу же, видимо, что-то ударило в голову, и он решил подпортить нам игру. Пойми, я ни на что не намекаю, но, думаю, тебе лучше поговорить с отцом, направить его в нужное русло.

– Обязательно поговорю. Не сомневайтесь.

– Я беспокоюсь за общее дело.

– Спасибо. Я свяжусь с вами позже.

– Доброй ночи, Нэт.

Связь оборвалась, и экран погас. Рокфеллер довольно улыбался, глядя на Олдмана.

– Какой он все-таки наивный, этот Нэт.

– Думаешь, он поверил?

– Думаю, что с Джейкобом действительно что-то не так. Отчет лишь подольет масла в огонь. Как ни печально это для Ротшильдов,

для нас это отличная возможность убрать их из Совета вовсе. Отправим их на пенсию...

– С таким диагнозом это будет не сложно. Нужно только заручиться поддержкой других членов Совета.

– Торопиться не будем.

– С Балканами что? Он наверняка уже говорил с Керри, с этим своим единственным верным псом в Белом доме... Может, стоит пообщаться с Обамой?

– Нет, – мотнул Рокфеллер головой. – Обама ему нужен лишь для демонстративного кивка. Думаю, он протащит это через ООН, а у нас нет на них давления... пока. Пускай пробуют, посмотрим, может, он и прав в своей паранойе. Кроме того, сейчас у нас проблемы и похлеще есть, чем какая-то там Сербия. Пока с ролью катализатора войн неплохо справляется Ближний Восток. – Дэвид тяжело вздохнул и шумно выдохнул. – Как же это плохо, когда вместо того чтобы идти к главной цели, мечте отцов-основателей, мы вынуждены бороться между собой...

– Увы, но похоже, что у врага все-таки иные цели, – поджав губы, покачал головой Брайан.

– Кое-кто хочет занять трон и царствовать в гордом одиночестве, – старик хмыкнул, – нарушая все принципы демократии, хех! – Вместе они негромко засмеялись. – А ведь когда-то шли плечом к плечу, отбросив в сторону все распри...

Бранкович крепко спал и даже видел сны, когда нескончаемая мелодия звонка потащила его к реальности. Открыв глаза и вынырнув из-под одеяла, он взял трубку.

– Спишь? – услышал он голос Грегори.

– Сижу и жду твоего звонка, черт тебя дери! – выругался Вук.

– Есть новости. Не знаю, насколько им можно верить, но...

– Короче?

– Тот Кос снова вышел на связь. Он сказал мне ее имя и прислал кое-что.

– Что?

– Сам посмотри. На твоей почте уже.

Вук неохотно встал с кровати и подошел к столу, открыл ноутбук. Все это в тишине, хакер явно ждал реакции.

– Ты так сопишь в трубку, будто маньяк, – фыркнул Бранкович.

– Я смотрю, тебе маньяки часто звонят, – засмеялся Грегори. В это время начальник охраны открыл почту и последнее письмо. Он сел на стул и чуть ли не впритык к экрану принялся разглядывать фотографию. – Узнаешь кого-нибудь?

– ...Милош Лазарь.

– Не туда смотришь, на девку смотри. Узнаешь?

– Да туда я смотрю, туда.

– Это твоя Мария Лазарь, между прочим. Ее настоящее имя Сенка Обилич, и, судя по всему, она с этим Лазарем в одной боевой группе была.

Бранкович молчал, он потер лицо рукой.

– Обилич, говоришь?

– Угу.

– Странная фамилия, – вслух подумал начальник охраны. – И редкая... – Он будто что-то вспомнил. – И что там твой контакт сказал, она опасна?

– Очень, только не сказал чем. Также настаивает на том, что ее нужно убить.

– Пока нет причины. Мне она ничего еще не сделала... Разве что из-за нее пришлось потратиться изрядно...

– Что, прости?

– Ничего. Утром позвони мне. Мне с этой информацией переспать надо.

– Ладно! Отбой.

Четвертый барон Ротшильд сидел в глубоком кресле у окна, накрыв ноги пледом. Он смотрел на снегопад за окном и крутил в руках резной ключ. Натаниэль прокручивал в голове события последних дней, потом переносился мыслями в прошлое, находя и там подтверждения своим догадкам. Ему не очень хотелось верить в то, что он останется один против всех. Однако если все вознамерятся пойти против единственно верного пути, то ему придется вмешаться. Барон взял с подлокотника свой телефон и набрал номер помощника.

– Ты отправил ему то, что я просил?

– Да, лорд Ротшильд, – ответил Ричард. – Я говорил с ним даже. Он был шокирован, но уже утром внесет это в экстренную повестку.

– Хорошо. Доброй ночи. – Барон отключил телефон. – Завтра маски спадут, и мы увидим, кто честен был, а кто сроднился с новою личиной... Война начнется завтра.

глава XIII

Сенка проснулась в районе пяти утра от того, что сильно затекла спина. Заснуть лежа на полу было не самой хорошей идеей. Приняв душ, приведя себя в порядок, она сидела за кухонным столом и доедала какой-то безвкусный йогурт. Перед ней лежала утренняя газета, которую кто-то предупредительно сунул ей под дверь. Хороших предчувствий от этого дня не было. Снегопад не прекращался, что уже через пару часов вызовет транспортный коллапс на улицах города.

– «В нью-йоркский водопровод добавляют антидепрессанты и медикаменты, подавляющие тревожность...» – прочитала она вслух. – Что ж, меньше убийств в сегодняшних пробках. – Сенка хмыкнула. – Насыпали бы сразу цианистого калия, чего время зря терять?.. – Облизнув ложку, она выкинула пустой стаканчик в мусорку.

Вернувшись в спальню, она достала из шкафа черную спортивную сумку и бросила ее на кровать. Рядом с ней побросала и кое-какие вещи. Возможно, уже вечером придется покинуть это место, и покинуть его налегке. Девушка подошла к зеркалу и посмотрела на свое лицо, себе в глаза. Сегодня она не стала надевать линз, но контейнер с ними все равно положила в карман. Достала из шкафа зимние сапоги, села на диван, чтобы их надеть, и случайно включила телевизор. Картинка еще не успела появиться, а тревожная музыка экстренных новостей уже полилась из динамиков.

– У нас очередное включение с Первой авеню! Джош?

– Да, Келли! Мы находимся у штаб-квартиры ООН, откуда буквально тридцать минут назад пришла ошеломляющая новость! В повестку дня включен вопрос о начале операции отмены статуса Республики Косово как отдельного государства и ее возврата в состав Сербии!

– Что?.. – Сенка, не веря своим ушам, вскочила с дивана, направилась к компьютеру и открыла первый попавшийся новостной сайт. – Этого не может быть... – прошептала она.

– Джош, есть ли уже какие-то комментарии? С чем связано такое решение? Что говорят в Совете по международным отношениям? Не

идет ли это вразрез с внешней политикой США? Говоря проще, что случилось, кого разгневало правительство республики? – в тоне ведущей была насмешка.

– Келли, пока никаких комментариев у нас нет, Совет обещает пресс-конференцию, Белый дом еще спит, но я уверен, что через час мы будем иметь представление о происходящем. Пока у нас есть лишь домыслы из кулуаров ООН, что идея суверенности края не оправдала ожиданий...

– Джош, но процесс-то небыстрый...

– Конечно, нет. Сегодня соберутся в экстренном порядке постоянные члены ООН на закрытое заседание, но что-то мне подсказывает, что решение уже принято...

– Что ж, будем ждать речи Обамы.

Обилич выключила телевизор. С одной стороны, ей хотелось верить, что цель достигнута – почти, – но, с другой, было что-то во всем этом зловещее. Одно было ясно наверняка – привычная жизнь бесконечного бегства вот-вот вернется.

– Без тебя там будет хаос... – покачала девушка головой. – Надеюсь, ты оставил там хоть кого-то, кому под силу будет сдержать силы... – Надев пальто и намотав шарф, она открыла входную дверь. – Это еще не конец пути... – Сенка бросила взгляд на письмо Милоша на столе. – За твою смерть мне еще не ответили.

Вук как зачарованный сидел перед телевизором в гостиной дома барона Ротшильда. Рядом с ним сидели два его напарника.

– Какой-то бред, – качал головой Бранкович, – зачем это нужно?

– Наше-то какое дело? – пожал плечами настоящий громила, выше начальника на голову и гораздо крупнее, служивший телохранителем. – Почему тебя это так беспокоит?

Он молчал и про себя обдумывал что-то, пытался сложить пазл. Вук прекрасно знал о деятельности своего начальника и о величине власти, которой тот обладал. Да и звонки шефа проходили через него. Ничто не предвещало таких событий. С одной стороны, ему казалось, что он выдумывает детали, но, как назло, перед глазами всплывало лицо Марии Лазарь, и мысль, что все перемены начались с ее появления, била в виски. Он посмотрел на тяжелые напольные часы. До двенадцати оставалось каких-то полчаса.

– Энтони, вызови троих, возьмите под охрану дом. Без моего разрешения никого не впускать и не выпускать.

– Уже исполняю.

– Тони, когда придет мисс Лазарь, будь на втором этаже у кабинета и не отходи от двери. Камеры там работают?

– Барон приказал их убрать из его кабинета.

– Плохо.

– Ты что-то почуял? – Тони уже не раз наблюдал интуицию начальника в действии – она его никогда не обманывала. Именно благодаря ей удалось предотвратить покушение на хозяина этого дома.

– Догадки пока, только догадки.

Сенка стояла напротив дома Ротшильда, курила и наблюдала за тем, как суетились три человека во дворе, проверяли все углы, будто искали бомбу.

– Что ж, снова Обиличи против Бранковичей. – Девушка посмотрела на сигарету. – Меняются лишь декорации... – Она бросила окурок в снег и перешла дорогу. Подошла к двери. Позвонила в звонок.

– Слушаю вас. – Ответил не Мартин, что уже показалось ей неправильным.

– Мария Лазарь.

– Проходите, – после короткой паузы ответил охранник.

Обилич прошла по узкой мощеной кирпичом дорожке к входной двери. Дверь была открыта, девушка вошла внутрь. Дворецкого не было видно, она закрыла дверь, глянула по сторонам – никого. Лишь наверху был кто-то, чья тень скользила по верхним ступенькам. Девушка сняла пальто и бросила его на перила. Подошла к зеркалу.

– Ну, привет, Мария! – Из гостевой уборной вышел Вук. – Или можно звать тебя Сенка? – спросил он на сербском.

– Сделаю для тебя исключение, – ухмыльнулась она, поправляя волосы, но все еще не глядя на него.

– Зря пришла. К барону я тебя не пущу. – Он подошел ближе, она стояла от него на расстоянии вытянутой руки. – Да и навряд ли он захочет увидеться с обманщицей. Так что придется тебе возвращаться домой, там как раз вон все налаживается. – Он криво ухмыльнулся, разглядывая фигуру девушки.

– Мне кажется, или ты не рад этому?

– Мне плевать на Косово, разве что потеряю часть своего дохода. – Прислонившись к стене, он сложил руки на груди. – А я ведь вспомнил, где видел тебя раньше, в день бомбежки... как раз следил за Милошем... Слышал, он сдох там. Поговаривают, что его ОАК на органы продали. Знала?

Сенка не моргая смотрела на себя в зеркале, перебирая в голове разные варианты развития событий.

– Рокфеллеру недавно пересадку сердца делали, представляешь, если его пересадили? Комично будет, да? – Вук подошел к ней ближе, настолько, что она чувствовала исходящее от него тепло.

– Навряд ли, – передернула Сенка плечами, – оно бы не запустилось в той твари. Или бы разорвалось специально, причиняя несказанные муки и унося с собой в вечность.

Бранкович резко схватил ее за руку и одним движением умудрился прижать Сенку к стене.

– Это ведь ты с ним что-то сделала? Он никогда бы не пошел на такое... – змеей шипел начальник охраны, но Обилич даже не поднимала на него глаз, на ее лице застыла полуулыбка. – Ты ему напела что-то...

– Да, Вук, я. Ты не расстраивайся, я и тебе напою. – Девушка подняла голову и посмотрела на Бранковича. Поймав момент, она схватила его за голову, но это было уже и не нужно – он как зачарованный смотрел в ее глаза. – Ты сейчас, – тихо и медленно говорила она, – пойдешь в гостиную и будешь пить чай до тех пор, пока я тебя не остановлю.

– Пить... чай... – шепотом повторил он.

– Исполняй! – она с силой оттолкнула его от себя. Одернув джемпер, Сенка поднялась по лестнице и подошла к двери кабинета. Она исподлобья посмотрела на Тони. – Пошел вон, – приказала она, охранник послушно отошел от двери. Обилич зашла в кабинет.

– Доброе утро, мистер Ротшильд...

Девушка стояла у двери, держа руки за спиной. Тихо она повернула ключ в замке. Барон сидел в кресле у окна, читал газету.

– Здравствуйте, Мария! – не поворачиваясь ответил Натаниэль. – Вы, как всегда, вовремя. Проходите, присаживайтесь. – Он указал на кресло рядом. Обилич знала, что с момента, как она вошла в кабинет, барон будет не таким, как обычно, он будет собой. – Видели новости? – Ротшильд посмотрел на нее через плечо. – Как вам?

– Пока рано говорить. Еще ничего не понятно, – развела девушка руками.

– Что же вам не понятно, мисс Лазарь? – Натаниэль осмотрел ее с ног до головы. – Хотя куда вам до понимания сути вещей... – Он аккуратно свернул газету и отложил ее в сторону. – Им дают свободу, чтобы поработить навсегда. Представляете, – его глаза зло сверкнули, – как вспыхнет в тех людях дикая и необузданная жажда мести, как они пойдут убивать себе подобных, возвращая свою землю... – он причмокивал от удовольствия, наслаждаясь вспыхивающими в его сознании картинками.

Барон встал с кресла и подошел к окну, отодвинул немного занавеску и с минуту молча смотрел на заснеженный сад на заднем дворе соседнего дома.

– И даже так они будут следовать плану.

– Что за план? – Сенка с трудом держала на лице маску безразличия.

– О-о, это длинная история, и не для ваших ушей, мисс Лазарь. Хотя я могу поделиться с вами кое-чем. – Барон водил пальцем по стеклу, чертя какие-то буквы, символы. – Я не боюсь, что вы раскроете секрет, потому что когда все закончится, знаете ли, вы просто исчезнете.

Девушка молчала.

– Видите ли, Мария, на планете полно ненужных людишек, мешающих, путающихся под ногами. Их просто слишком много, и девяносто пять процентов из них – абсолютный балласт, неспособный ни на что, кроме как потреблять. На таких даже грех тратить время и ресурсы... Ресурсов, разумеется, хватит и на них, но зачем такое расточительство?.. Знаете, – он посмотрел на нее через плечо, – давать им жить – это как метать перед свиньями бисер. Недостойны.

– Не вам решать, – сквозь зубы сказала девушка.

– Привычная реакция, – он хмыкнул, – а кому, если не нам? – Барон повернулся к ней лицом. – Может быть, вы верите в Бога, мисс Лазарь? Думаете, ему все еще есть дело до его творений? А может, мы лишь продукт его жизнедеятельности. Нас же не беспокоит наш продукт... – Ротшильд сделал пару шагов к ней, смотря в ее глаза как зачарованный. – Так и с этими людьми там. Они думают, Бог услышал их молитвы, вот-вот вернет им утраченное, а на деле он погрузит их страну в бойню. Если повезет, бойня выйдет за ее пределы и захватит других. С одной стороны – беснующиеся исламисты, с другой – разрываемая конфликтами Европа... идеальный момент.

– Идеальный для чего?

– Для их полного уничтожения.

– Что они вам плохого сделали? – спросила Обилич, все еще до конца не веря своим ушам.

– Новому миру не нужны те, кто не способен преклониться перед новыми порядками. Те, кто не может стать рабами, должны быть уничтожены. Увы, но для сербов и русских, на которых они так любят равняться, итог будет один – смерть. Я бы вообще все эти славянские народы сгноил в газовых камерах... эти их загадочные души, морали, принципы, зиждущиеся черт знает на чем... Они мешают, на этой планете им нет места. Сегодня я хочу видеть, как Балканы захлебнутся своей же кровью, хочу видеть, как они умоляют нас им помочь. Как, утопая, они топят тех, кто рядом... Поистине будет незабываемое зрелище...

– Этого не будет, – мотнула девушка головой, – Сербия не пойдет на войну. Она уже через нее прошла. Да и та же ООН не допустит такого у себя под боком. И Россия...

– Наивная Мария, – Ротшильд криво ухмыльнулся, качая головой, – ООН – это ширма, а знаете, кто за ширмой? Кукловод. Кукловод – это я и придуманный моим прапрадедом Совет. Что до России, то ей хватает забот в Сирии. Парочка терактов в этих странах, сотня-другая погибших, и они даже не вспомнят о своих добродетелях... Это называется управляемый хаос, мисс Лазарь. И управлять им буду я. Как тогда, так и сейчас.

– Тогда? – переспросила Сенка.

– Да, тогда. – Барон сел в кресло, закинул ногу на ногу. – Однажды я уже разжег балканский костер... чудно горел. Жаль, погас быстро... хотя продолжает тлеть в сердцах... – он довольно цокнул языком. – А еще жаль, что истинные творцы хаоса так и остаются в тени славы своих марионеток...

– Какой костер ты разжег? Говори... – Обилич сделала шаг к барону, сидевшему к ней спиной.

– Костер вражды, мисс Лазарь, порожденный завистью и слепой верой в вымысел. Еще сто лет назад мои предки просто протянули руку помощи тем, кто обещал служить нам верой и правдой. – Барон подернул плечами. – А там подтолкни немного, и народ сделает свое дело.... Признаться, заставить их убивать сербов было нетрудно... Благо образования мы им не дали, пришлось поверить нам на слово. Добавили своих красок, и получилась идеальная комбинация...

Ротшильд взял газету со столика и открыл ее на середине. Отчего-то ему хотелось говорить с этой малознакомой девушкой, хотелось поделиться с ней своими мыслями. В ней не было угрозы, наоборот... она будто помогла ему проснуться. Впервые за долгое время мысли проносились одна за одной, не путаясь между собой, картина была ясной, наметились первые цели. Он теперь понимал, как ему действовать дальше, он видел своих врагов и знал, как их вычислить.

– Самое интересное, моя дорогая Мария, это то, что они и сейчас думают, что это делается им на пользу. Они думают, мы помогаем им строить их Великую, как ее там, Албанию... идиоты...

Сенка сделала еще один шаг к старику. Не отрывая взгляда, она смотрела на его голову, на ощупь ища что-то, чем можно было бы нанести смертельный удар. Под руку попался тяжелый, отполированный камень, служивший подставкой под перьевую ручку. Девушка взяла камень в руку и крепко его сжала. Сейчас ей хотелось лишь одного – убить этого человека. Вдруг она перевела взгляд на голову царя Лазаря. Ей даже показалось, что она видит его лицо, каким оно было при жизни. Его голубые глаза смотрели на нее из прошлого и словно молили... одуматься и не спешить. Еще раз посмотрев на Ротшильда, на камень в своей руке, она крепче сжала его, но положила обратно на стол.

– ...Ты умрешь, барон, но прежде ты увидишь, как рухнет твой мир, – прошептала Сенка, хрустнув пальцами на правой руке.

Затем она подошла к креслу и присела напротив барона. Обилич убрала газету, Ротшильд сидел не шевелясь, ожидая дальнейших действий. Девушка с пару секунд с презрением смотрела на него, потом резко обхватила руками его голову и, не отрывая взгляда, говорила ему то, что считала единственно правильным...

Дэвид Рокфеллер был на полпути в Нью-Йорк. Его черный, отполированный до блеска «роллс-ройс» ехал не спеша, как и любил хозяин. Брайан сидел молча и листал новостные сайты на планшете, то и дело недовольно качая головой. Дэвид задумчиво смотрел в окно, то сжимая, то разжимая кулаки.

– Не думал, что он сразу ООН к этому подключит, – сказал Олдман.

– С чего бы ему этого не сделать, – поморщился Рокфеллер, – имея власть над ними...

– Можно было провести того же Керри через Совет международных отношений, подготовить почву, так сказать.

– Нам много лет, у нас нет времени на обходные пути. Джейкоб решил действовать наверняка. Созданные американцами структуры, пускай и с людьми, входящими в Совет девяти, не способны повлиять на него. В конце концов, мы все лепили из ООН новое глобальное правительство. Проблема в том, что власть над этой махиной мы не взяли.

– Разве нет у Совета договоренности о равноправии в этом вопросе?..

– Это война двух кланов, Брайан, прошлые договоренности не действуют, – покачал головой Дэвид. – И если пока сошел с ума только один из Ротшильдов, не факт, что и остальные за ним не последуют.

– Что думаешь с этим делать?

– У Совета есть цели. Цели, к которым мы идем из поколения в поколение. Мы строим новый мировой порядок, и я не намерен терпеть тех, кто встает на пути к нашей мечте. Даже если это Ротшильды. Они не хотят делиться властью... собственно, мы тоже не хотим. В конце останется только один клан править ими всеми.

– Твой ход?

– Нужно перетянуть всех на нашу сторону. Хочу выкинуть Ротшильдов из Совета.

– Но как? Помимо Джейкоба есть и другие?

– Большинством голосов. Нет, – мотнул он головой, – единогласием. – Дэвид улыбнулся. – Совет, быть может, и был придуман его

предком, но это вовсе не означает, что его потомки должны быть во главе. Он старый, больной на голову человек. Ему пора отдохнуть.

– Убрать его не проще?

– Это неинтересно, – покачал головой Рокфеллер. – Да и вызовет ненужные волны в нашем неспокойном море. А вот крах империи из-за него – отличное завершение семейной истории. Мой прадед бы порадовался. Позорный уход из Совета, из комитета, клуба... ах... мечта. – Он довольно зажмурился.

– Как думаешь этого достичь?

– Увы, я слишком хорош в управлении, чего не скажешь о Нэте Ротшильде...

– Думаешь, он согласится?

– Я уверен в этом. Уже вечером он свяжется с тобой. Вот увидишь. Даже готов поспорить! – Он довольно крякнул.

– На доллар?

Рокфеллер кивнул.

– Ставлю на завтра.

– Вечером.

Сенка не знала, сколько прошло времени, но когда она закончила, на часах было уже три часа. Подойдя к зеркалу, она собрала немного растрепанные волосы в хвост. Барон тем временем встал с кресла и, сверившись со своим еженедельником, в ожидании посмотрел на девушку.

– Боюсь, мисс Лазарь, что на сегодня нам придется закончить. У меня есть срочные дела. К сожалению, не имею возможности больше с вами встречаться. Вынужден вернуться в Англию. Можно придумать какой-то способ продолжать сеансы удаленно?

– Телефон? – пожала плечами девушка.

– А это возможно?

Она кивнула.

– Что ж, я подумаю, и мой помощник свяжется с вами по результату.

– Разумеется, сэр. – Обилич взяла свою сумку. – Рада была с вами повидаться.

Натаниэль открыл дверь и не обратил внимания на странное чувство недоверия, промелькнувшее в глубине души, – он никогда не закрывал дверей своего кабинета. Ротшильд пропустил гостью вперед, затем вышел сам.

– Энтони? – удивился он, увидев телохранителя, нервно разгуливающего по коридору. – Что-то случилось?

– Нет, сэр, – мотнул громила головой, смотря поверх его головы.

Спустившись вниз, Обилич взяла с перил свое пальто, надела его и принялась наматывать шарф. Появился и Мартин, помог барону одеться, подал ему перчатки и кожаную папку.

– Где Вук? – поинтересовался Ротшильд.

– В гостиной, сэр.

Сенка стояла у двери, когда Натаниэль заглянул в комнату и увидел, как начальник его охраны пьет чай. Вид у него был уставший, а в глазах была какая-то обреченность.

– Мне пора ехать, Вук, – повторил барон с холодными нотками.

Бранкович ему ничего не ответил. Обилич довольно ухмыльнулась и открыла дверь.

– Ладно! Черт с тобой, – махнул на него рукой барон, – разберусь с этим позже.

Вдвоем они вышли на улицу. Дошли до забора, на выходе стояли два громилы. Перечить хозяину никто не стал. Обилич покинула территорию дома. Ротшильд остановился у машины и повернулся к девушке:

– Может быть, вас подвезти куда-то?

– Не стоит беспокоиться, сэр. Я прогуляюсь.

– Всего вам доброго, мисс Лазарь.

Натаниэль сел в машину и уже через минуту покинул улицу. Сенка проводила его взглядом и, накинув капюшон, пошла в сторону дороги, где можно было поймать такси.

На дорогу до дома по заснеженным улицам и обеденным пробкам ушло добрых полтора часа. Вернувшись в квартиру, Сенка продолжила складывать в приготовленную заранее сумку оставшиеся вещи. Из тайника под окном она достала коробку и аккуратно убрала ее на дно сумки. Переодевшись в более подобающую для беглеца одежду, она еще раз обошла всю квартиру, проверяя, не забыла ли она чего. Подойдя к компьютеру, она вспомнила и еще один наказ из прошлого – уничтожить все данные с этого компьютера в случае опасности.

– Что ж, опасность уже наступила, – вслух сказала она, запуская необходимую программу.

Спустя несколько минут все было готово. Сенка выключила всю технику, погасила свет и, повесив спортивную сумку на плечо, вышла из квартиры. Закрыла дверь на ключ и не спеша спустилась вниз. Она слышала, как у подъезда разговаривали люди. Девушка подошла к почтовым ящикам, мимо нее прошла женщина, следом за ней ребенок. Обилич опустила ключи в ящик и развернулась к выходу. Мальчик с любопытством посмотрел на незнакомку, но ничего не сказал, он лишь улыбнулся ей и помахал рукой.

– Пока-пока, – улыбнулась губами Сенка, выходя на улицу.

Еще оставалась парочка незаконченных дел. Не оглядываясь, девушка покинула двор дома и вышла к дороге. Снег шел не переставая. Она перешла улицу и нырнула в подземку. Через час с лишним она вышла в районе Ямайка-Хиллс. Дальше только район Квинс, но и этого места для предполагаемых преследователей хватит. Сенка прошлась по улице и свернула к индийскому минимагазинчику. Внутри как раз было то, что она искала, – банкомат. Деньги пригодятся, а вот карточкой не попользуешься. Пока, во всяком случае. В три приема она сняла три тысячи. Сними она больше, ее банк забеспокоился бы, не пустилась ли она в излишние траты.

Выйдя из магазина, она пошла вдоль Хиллсайд-авеню и через пятнадцать минут вышла на перекресток, где располагались несколько рынков подержанных машин и автосервисов. Народу было мало, несмотря на то, что время близилось к ужину. Сенка зашла в единственную забегаловку, где можно было согреться и перекусить «кебабом из любой точки мира». Во всяком случае, так гласила вывеска в заведении с названием «Ужин». Взяв большую чашку чая, приличных размеров кебаб с незамысловатым гарниром – картофелем фри, она села за длинный стол, тянувшийся по периметру заведения с видом на дорогу. Уплетая еду, она невольно подслушивала разговоры посетителей, а сквозь их голоса прорывались обрывки фраз из маленького телевизора, висевшего над кассой. Людей не волновало ни экстренное заседание ООН, ни выступление Обамы, который отчего-то тянул с этим. Видимо, подбирая нужные слова, потерялся в мировой политике. Рядом с кассой за столом сидели двое мужчин, пили пиво и внимательно слушали репортаж. Они оба были явно не местные, и явно в их штате в воду не добавляли антидепрессантов.

– Все-таки, Майки, – сказал один из них, – президент-ниггер не может вести белую страну к процветанию.

– Мстит за предков, – хмыкнул Майкл. – Да и не он руководит этим шоу. Не правые и не левые...

– В смысле? В твоей голове снова антиреспубликанские идеи?

– Чушь все это, Том. И республиканцы твои, и демократы – по сути одно и тоже. Сам посуди, сколько лет мы уже избираем президентов. То одна партия, то другая, а в стране ничего не меняется. А знаешь почему?

– Ну?

– Потому что цель у них одна, у них даже мнения совпадают в главном. Это они для народа шоу устраивают и спорят, какие подгузники лучше, а главное их устраивает...

– Что главное-то?

– Банковская система, держащая власть мертвой хваткой, и внешняя политика... Эх, Томми, – шумно выдохнул Майкл, – зря ты отказывался со мной на встречи ходить. Сейчас бы глупых вопросов не задавал.

– А все-таки, что у них общего?

– Коллективизм как философия. – Мужчина откашлялся.

– Это что за зверь?

– Это когда ты отказываешься от себя ради общего блага. Если совсем просто, – развел руками Майки, глядя на задумавшегося друга.

– Ну я за Обаму все равно не голосовал... – попытался оправдаться тот.

– И поэтому можно спать спокойно, да? Типа я не голосовал и ответственности за страну у меня нет... Вот именно поэтому мы там, где находимся, в нигерской заднице, глубоко и надолго. Такие вот рассуждения и привели Америку к тому, что Конституцией и Биллем о правах можно подтереться.

Сенка хмыкнула. Ей начинало казаться, что вирус конспирологии гуляет по Нью-Йорку и заражает все больше впечатлительных индивидуумов. Рассматривая парк подержанных машин на другой стороне дороги, она остановила свой взгляд на уличном телефонном автомате. Облизнув губы и собравшись с мыслями, выкинула одноразовую посуду и вышла из ресторанчика. Не спеша перешла дорогу и подошла к телефону. Внутри будка была вся изрисована и обклеена самыми разными объявлениями. От продажи краденых телефонов до вызова наркокурьера. Из кармана куртки Сенка достала мобильный телефон и набрала номер офиса.

– Частная клиника доктора Гэбриэла Зева, слушаю вас, – ответила секретарша.

– Джулия, привет! Это Мария!

– Да? – удивилась девушка. – Ты куда пропала? Рабочий день сегодня вообще-то. Дядя спрашивал...

– Сеанс с бароном Ротшильдом был сегодня. Так и передай ему.

– А-а, – протянула девушка, – чего ты хотела-то? Соединить с Гэбриэлом?

– Нет. Я не за этим звоню. Мне нужна твоя помощь. Не подскажешь мне телефон своего Вука?

– Вука? М-м, а тебе зачем? – напряглась Джулия, как-никак он ей сегодня даже не позвонил, а тут Лазарь им интересуется.

– Не бойся, он не в моем вкусе. Мне нужно передать несколько рекомендаций мистеру Джейкобу, а его телефона у меня, как понимаешь, нет. Барон уезжает в Англию, и никак иначе мне с ним не связаться. Так что дай мне номер Бранковича, пожалуйста.

– Ладно. Черт с тобой! Записываешь?

– Диктуй. – Сенка сразу же набрала его на уличном телефоне. – Спасибо! Пока! – Она бросила несколько монет в телефон-автомат. Начальник охраны долго не брал трубку. Обилич даже успела прикурить сигарету. Наконец ответил, но молчал, будто ожидая чего-то.

– Привет, Вук! – сказала она на сербском. – Все наслаждаешься, наверное? – Она говорила тихо, специально растягивая слова. – Хватит пить чай. – Она выпустила клуб дыма и услышала, как Бранкович начал откашливаться, будто поперхнувшись. Потом она слышала, как он уронил телефон и, чертыхаясь и проклиная все, вскочил с кресла как ошпаренный. Сенка довольно ухмыльнулась и повесила трубку.

Из автомата выпало четыре монетки, беря их в руки, девушка боковым зрением заметила парочку, выбирающую себе машину на стоянке. Они шутили, смеялись о чем-то. Назло продавцу тянули время, ребячась и играя в снежки. Сенка смотрела на них и чувствовала, как мысли ее улетают далеко в прошлое. Отвернувшись от них к телефону, она затушила сигарету о стену будки и сняла трубку. Оставшиеся монеты она снова опустила в автомат и быстро набрала замерзшими пальцами номер, который ничто не могло выкинуть из ее головы. Соединение шло долго, ожидание тянулось вечность. Вдруг механический женский голос сказал, что номер вне зоны действия сети, и тут же включился автоответчик. Сенка сильней прижала трубку к уху, закрывая микрофон рукой.

– Привет! Это Милош Лазарь. Сейчас не могу ответить, оставьте сообщение после сигнала, и я вам перезвоню.

Девушка закрыла глаза и снова прослушала сообщение того, кого больше нет. Когда снова прозвучал сигнал, что можно говорить, она одними губами прошептала на сербском:

– Я люблю тебя...

Потом повесила трубку, чувствуя, как щиплет в глазах. Вытащив из мобильника сим-карту, она убрала его в сумку, а симку убрала в карман. По пути к метро она бросила ее вместе с мусором в бочку с разгорающимся пламенем – местная молодежь решила вспомнить старые времена, когда все согревались именно так.

Все неотложные дела были закончены, и Сенка направилась туда, где ее действительно ждали и были рады видеть.

Дверь подъезда в доме индейца была отчего-то сломана, и Обилич спокойно прошла внутрь. Дойдя до его квартиры, она постучала в дверь. Тогай открыл довольно быстро.

– Сенка? – удивился он.

– Мне некуда больше идти.

Индеец понимающе кивнул и пропустил ее в квартиру.

– Ты какая-то другая... Боевая, что ли. Что-то случилось?

– Война началась, – усмехнулась она, снимая ботинки.

– М-м, и какой план у нас?

– Я разрушу его мир до основания. Мы пойдем прямиком по схеме Эвиса. Каждый день будем направлять его.

– А получится?

– Еще бы, – улыбнулась девушка. – Кукловод сам стал куклой. – Она ему подмигнула. – Угостишь чаем? А то на улице мороз.

Тогай и Сенка сидели на диване перед телевизором, и индеец то и дело переключал каналы.

– Что ищешь? – раздраженно спросила девушка.

– Не ищу, проверяю, одинаково ли преподносят информацию.

– Это не имеет значения, американцам нет дела до Сербии. Они ее и на карте-то не найдут...

– Ну, некоторым есть дело до этого мира, – пожал он плечами.

– Не думал ли ты, – Сенка забралась с ногами на диван, – что, когда будет достигнута цель, люди просто ее проигнорируют? Всем ведь все равно на самом деле. Мы трое удовлетворим наши потребности, и все на том.

– Все и не нужны. Человечество всегда было инертным в большинстве своем. Ведомые... Заводил на весь мир наберется процента три. Именно эти двигают мир к новым свершениям. Остальные просто подстроятся под новые условия.

– М-м, – протянула Обилич, – скажи, Тогай, вот за всем этим планом нашим, по сути, стоит личная месть. Эвис мстит за сестру, про меня разговор долгий, а ты за что стоишь? За кого ты мстишь?

– Хотя ты этого никогда не признаешь, но мы с тобой очень похожи, – грустно улыбнулся индеец. – И ты и я, мы боремся за нашу землю, страну. Мою отняли давно, твою – недавно. Наверное, тебе проще будет вернуть ее, чем мне. Индейцев слишком долго уничтожали... Смешно, – он хмыкнул, – о нас нет ни слова в повестке XXI... предполагается, что мы сдохнем сами, без усилий извне. Правда, это не мешает им сгружать свои промышленные отходы в наших резервациях, чуть ли не бесплатно раздавать алкоголь и наркотики нашим детям... Моих предков англосаксы лихо обманули и обвели вокруг пальца. Слепая наивность и вера в бледнолицего друга сгубила нас.

– Это я понимаю, но это не то, мой друг Чингачгук, должно быть что-то личное, что-то, что стучит в твое сердце и не дает спокойно спать.

– Ты всегда докапываешься до истины, да? – Он улыбнулся.

– В конце концов да. – Обилич довольно закивала.

Шумно выдохнув и откинувшись на спинку дивана, Тогай закрыл глаза.

– Знаешь, иногда мне кажется, что в мире нет такой семьи, где бы не ощутили хоть какого-то влияния этих чертовых заговорщиков... Ты знаешь историю Америки? Истинную, не ту, что пишут в учебниках. У нас в резервации раз в месяц обязательно шаман племени собирает вокруг себя молодых... И, невзирая на погоду, они сидят у костра и слушают истории о былых временах.

Тогай поймал себя на мысли, что чертовски давно не слышал этих историй. Чем сильней он закрывал глаза, тем ярче становилась картинка из прошлого.

– До того как приплыли первые корабли с англосаксами, нарушившими закон на своей родине, нас, истинных американцев, было 150 миллионов. Мы жили в гармонии с природой... Знаешь, можно было пить воду из любого водоема, из любой реки и не бояться отравиться. – Он закрыл лицо руками. – Сотни тысяч животных свободно бродили по континенту. Мы убивали только столько, сколько нужно было для выживания. Никогда сверх... Тысячи птиц порой затмевали небо, и казалось, это дождевые тучи пришли с океана. Старики рассказывали, что белка от Атлантического побережья до Тихоокеанского могла добраться, прыгая с ветки на ветку... Белые селились везде, где им нравилось. На наши копья и стрелы у них были ружья... Знаешь, за сколько продали Манхэттен? Двадцать пять долларов... Хотя продали – это громко сказано, это плата, чтобы не убивали просто так...

Зима 1890 года, Южная Дакота

Со времен, когда бледнолицые евроамериканцы потерпели поражение от армии индейцев лакота и подписали мирное соглашение в Форт-Ларами, прошло всего двадцать два года. Однако англосаксы нарушали условия договора многократно. Причиной этих нарушений стало золото, обнаруженное в святом для лакота месте – Черных холмах. Чужеземцы понимали, что просто так убить всех индейцев не получится. Еще в Британской империи было принято решение начать уничтожать материальную базу индейцев, а именно истреблять бизонов. Из черепов животных они выкладывали пирамиды. А оставшиеся кости перемалывали в муку и удобряли ею поля.

Бледнолицые всегда страшились воодушевления индейцев, боялись, что найдется кто-то или что-то, что объединит их и заставит выйти на войну с чужаками. Более того, полевые командиры и губерна-

торы городов сами искали повод расправиться с индейцами раз и навсегда. Только все никак не находили. Оставалось создать его самим. К великому сожалению англосаксов, индейцы в своем большинстве отказывались быть рабами и предпочитали смерть рабству. Хотя находились и те, кто готов был служить верой и правдой за определенное вознаграждение и гарантии.

В Неваде на ферме Дэвида Уилсона работал чистокровный индеец из племени пайютов – Вовока. Хозяин фермы дал ему новое имя и свою фамилию – Джек Уилсон. Семья фермера была религиозна, законопослушна и приближена к власти, хотя и не имела влияния. Часть продукции с фермы прямиком шла в распоряжение командиров военных частей. Часть продавалась. На прибыль закупалось оружие и новые бойцы из Великобритании.

Уилсоны стремились обратить в свою в их понимании единственно верную веру всех своих работников – не англосаксов. Так, самых трудолюбивых и верных они приглашали за свой стол во время обеда и ужина, водили их в церковь и вели теософские беседы. Волей судьбы Вовока оказался не просто хорошим работником, но и отличным слушателем. Он впитывал новую информацию, как губка, и всегда делился полученными знаниями со своими соплеменниками. Дэвид знал об этом и после беседы с их пастором и губернатором решил посодействовать обращению индейцев в христианскую веру. К сожалению бледнолицых, они понятия не имели, как именно трактовал Библию новоиспеченный Джек. Однако новость о новой вере распространялась стремительно и обретала все больше последователей.

В тот год, казалось бы, отличная идея евроамериканцев обратилась их главным страхом – новой верой индейцев, получившей название Пляска духов. Пророк племени пайютов Вовока говорил, что ему было видение, мол, христианский мессия Иисус Христос вернется на землю в облике индейца и вернет все на круги своя... Уничтожит белых, вернет бизонов, вернет духов предков и восстановит равновесие. А пока все эти ужасы будут идти на земле, последователи веры будут висеть между небом и землей в безопасности. Из Библии он заимствовал многое, но ко всем обязательным ритуалам добавил и свое – исполнение медленной круговой пляски. Чего новоиспеченный пророк не мог предсказать, так это того, что другие индейцы истолкуют и его идеи по-своему. Так случилось в племени лакота, для которых эти пляски стали своеобразным ритуалом, дарующим неуязвимость и силы сражаться за будущее. Пляска духов, которую белым приходилось видеть в некоторых районах, пугала их, и недовольство нарастало. Жалобы полицейским учащались с каждым днем. Все это крайне радовало власти, еще чуть-чуть – и народ сам попросит истребить

дикарей. В предвкушении они потирали руки и продолжали закупки вооружения. Одновременно также формировались полицейские отряды, состоящие из лояльных властям индейцев.

Наконец страх взял свое, и военные решили действовать и подавить «готовившиеся восстания» индейцев. Начать было решено с вождей племени народа лакота – с вождя по имени Сидящий Бык, который в 1876 году разгромил седьмой кавалерийский полк США. Он был выбран вовсе не из-за своих заслуг и популярности у индейцев, а лишь потому, что он мог бы поднять свой народ, окажись такая возможность.

Сорок полицейских-индейцев и несколько человек из бледнолицых окружили дом негласного вождя народа сиу. На днях англосаксами же был пущен слух, что Сидящий Бык готовит восстание...

Прежде чем вторгнуться в его дом, лейтенант Генри Буллхед спешился и вышел вперед, держа в руках дулом вниз винтовку. Недовольным взглядом он обвел дом, пытаясь разглядеть происходящее внутри.

– Сидящий Бык, тебе предъявлены обвинения в подготовке восстания! Сдавайся сейчас, или будешь убит за сопротивление властям!

Лейтенант выжидательно смотрел на дверь, ему казалось, что время тянулось бесконечно. Он чувствовал, как замерзают ноги в сапогах, и ему просто хотелось вернуться домой и согреться. Генри глянул на полицейских-индейцев через плечо и встретился взглядом с их командиром – Красным Томагавком. Кивнул ему, будто одобряя что-то. Индеец ловко спрыгнул с лошади и подошел к белому.

– Он не выйдет.

– Значит, выкурим.

– Могут пострадать мои и твои люди.

– Губернатор сказал, что брать его будешь ты, так что мои люди в безопасности. – Буллхед плюнул в снег. – Сидящий Бык! Даю тебе последний шанс сдаться!

Все видели какое-то движение в доме. Никто не знал, сколько там было человек. Недовольно поморщившись, Генри отдал приказ брать дом штурмом.

Только двадцать человек выломали дверь и ворвались в дом, послышались выстрелы. Началась беспорядочная перестрелка. Красный Томагавк поспешил в дом, пятеро из его людей были мертвы. Их тела лежали в коридоре. Семь соратников вождя были убиты. Их тела напоминали решето. Индеец-полицейский ворвался в самую дальнюю комнату, у двери которой умирал от потери крови его шестой человек. Сидящий Бык стоял к полицейскому спиной и вытаскивал какие-то вещи из кованого сундука. Его соратник был почти у двери.

Томагавк понимал, что у него есть время только на один выстрел, и он выстрелил в спину вождю. Соратник Быка бросился на него с голыми руками. Они боролись недолго – лейтенант Генри выстрелил нападавшему в спину.

– Смотрю, ты уже разобрался с ним?.. – Буллхед подошел к Сидящему Быку и пнул его под живот. Мужчина еще был жив. – Ан нет. Я сделаю тебе одолжение, – он посмотрел на Красного Томагавка и приставил дуло винтовки к голове вождя, – возьму еще один грех на душу. – Лейтенант ухмыльнулся и произвел выстрел.

Буквально на следующий день двести человек хункапа, опасаясь преследования со стороны перебежчиков и властей, решают покинуть насиженные места.

Зима в этот год выдалась суровая, и морозы ударили раньше срока. Из-за нехватки питания многие уходили искать лучшей жизни в других индейских землях. Часть бежавших присоединилась к племени миннеконжу, которое осуществляло длительный переход в Южную Дакоту, в резервацию Пайн-Ридж. Пятнистый Лось уводил своих людей с украденных у его народа земель между Пайн-Ридж и Шайенн Ривер. Уводил их с земель, где каждый белый считал своим долгом убить индейца голыми руками. Они хвастались своими достижениями друг перед другом и просили Конгресс наградить их за заслуги. Эти чужаки были уверены, что имеют на это право. Да и чего хорошего можно было ожидать от ссыльных преступников на свободной земле?.. Индейцы еще верили пророку Вовоке, но сомнения уже закрались в их души. А так ли верно истолковал он свое видение?

28 декабря

После длительного и изнуряющего перехода индейцы решили остановиться и разбить временный лагерь недалеко от ручья Вундед-Ни. Вождь миннеконжу Большая Нога был серьезно болен, страдали от болезней и старики, шедшие с ним. На следующий день в лагерь пожаловал седьмой кавалерийский полк США. Белые флаги, развивающиеся над наспех сооруженными жилищами, лишь сильней раззадоривали. Евроамериканцы были уверены, что у индейцев полно оружия, что среди беженцев скрываются истинные лидеры надвигающегося восстания. Вождь Большая Нога не смог убедить их в обратном. Бледнолицые заставили всех мужчин выстроиться в очередь и сдать все имеющееся у них оружие. В лагере было триста человек, из которых всего сто человек мужчин, способных сражаться. Индейцы злились, но послушно выполняли приказ солдат. Однако напряжение

росло, и воздух становился невыносимо тяжелым из-за витающей над головами ненависти. Белые с презрением смотрели на индейцев, и каждый хотел пристрелить их всех. Чужаки не могли самим себе объяснить свою животную ненависть, они просто хотели дать ей выплеснуться. В душе солдаты в своем большинстве надеялись на какую-то провокацию, которая позволила бы им открыть огонь и убить их всех.

Пока шло разоружение, шаман племени миннеконжу собрал своих сородичей по вере на Пляску духов. Ритмичный бой барабанов и негромкие распевы молитв на своем языке крайне нервировали солдат США. Наконец в очереди осталось всего три человека. Основная масса солдат рассредоточилась по лагерю, заглядывая в каждое жилище, проверяя. Всюду были только уставшие и изможденные люди. Много женщин с грудными детьми. За молодым мужчиной стоял старик. У старого индейца на плече висела винтовка. Мужчина пытался ему объяснить жестами, что тут происходит и что оружие нужно отдать, но глухой старик никак не мог его понять. Два офицера отпустили впереди стоящего и подошли к старому глухому индейцу по имени Черный Койот.

– Сдай винтовку, старик, – сказал лейтенант Стигли, смерив индейца хмурым взглядом.

– Дядя, – на своем языке обратился к нему последний в очереди, сопровождая слова жестами, – отдай им оружие.

Старик нахмурился и сделал шаг назад.

– Найдем еще... сейчас отдай.

– Я ничего не нарушал, их законов не преступал, – мотнул он головой. – Я за это оружие заплатил. С чего мне его отдавать? – он говорил громко, что привлекало внимание других офицеров. В частности, полковника Форсайта. Прищурившись, он подошел к своим людям.

– Могу я узнать, какого черта тут происходит?

– Не хочет отдавать винтовку, полковник, сэр, – отрапортовал Стигли.

– Он глухой, – заступился за Койота его племянник, – дайте мне ему объяснить...

– У тебя было достаточно времени это сделать, – холодно отрезал полковник, – пока стояли в очереди.

– Он просто старый больной человек, – развел руками индеец, – как вы этого не понимаете?..

В это время звуки Пляски духов становились все громче, что явно раздражало Форсайта. Сделав шаг вперед, он схватился за винтовку старика и попытался сорвать ее с его плеча, но Койот вцепился в нее мертвой хваткой. Полковник со всей силы притянул за грудки индейца к себе.

– Или ты сейчас же отдашь мне винтовку, или я отберу ее у твоего мертвого тела, – сквозь зубы прошипел он. Индеец мотнул головой, сохраняя абсолютное спокойствие. – Прикажите им там заткнуться! – крикнул он своим людям. – От их воплей голова болит! – Он снова попытался выдернуть винтовку из рук Койота. – За неповиновение... да я вас убью всех...

– Полковник? – обеспокоенно спросил Стигли. – Что прикажете, сэр?

– Мы ведь совсем недавно получили новые пушки Гочкиса... – Форсайт оттолкнул от себя индейца, молодой индеец помог тому подняться и с ужасом смотрел на бледнолицего. С ужасом – потому что прекрасно знал этот взгляд у белых. – Давно хотел посмотреть, как хороши они в бою.

– Сэр?

– Приказываю открыть огонь по лагерю и сровнять его с землей. – Он вытащил из кобуры револьвер и направил его на Койота. – Отправляйся на небеса, старик, вместе с вашими плясками! Это наша земля! И считайте вашу кровь платой за наше поражение в битве на Литтл Бигхорн... – Полковник выстрелил старику в голову, затем вторым выстрелом убил убегающего племянника индейца. – Ненавижу этих лакота... проклятые дикари... – Он плюнул на заснеженную землю. – Настанет день, и вы с лица земли исчезнете.

Дальше в лагере началась самая настоящая бойня. Те индейцы, что успели припрятать оружие, бросились на защиту своих соплеменников, но все их усилия были безуспешны против 37-миллиметровых разрывных снарядов, вылетающих один за одним из четырех пулеметов системы Гочкиса. Тех, кого не задели снаряды, расстреливали чуть ли не в упор. Солдат охватила какая-то животная ярость, они догоняли убегающих женщин с детьми на руках и стреляли им в спину. Позднее будут найдены убитые женщины с детьми на расстоянии трех километров от лагеря. Они убивали лежащих в колыбелях грудничков, не щадили и обессиленных стариков. Раненые старались отползти подальше от бойни. Кровавые следы расходились во все стороны. Возбуждение солдат, стрелявших не целясь по всем, кого видели, медленно сходило на нет. Кровавая пелена с их глаз сходила неохотно. Только когда патронов не осталось в пулеметах и дым от разорвавшихся снарядов рассеялся, они увидели поле, застланное телами убитых и раненых. Стоны индейцев постепенно возвращали бледнолицых к реальности. Это потом будет подсчитано, что в этой бойне погибло триста человек, а сейчас на равнину надвигалась снежная буря... Полковник Форсайт приказал собраться и покинуть место бойни. Тех солдат, кто убежал, преследуя врагов, он дожидаться не

стал. Был уверен, что они и так найдут дорогу домой. У многих участников бойни осталось лишь одно сожаление – погода помешала забрать в коллекцию еще один скальп индейца. Не получилось поглумиться над убитыми, как при битве в Сэнди-Крик.

Только через три дня буря стихла, и убийцы смогли вернуться на место преступления. Тогда же пришли и другие группы индейцев. На их глазах солдаты США выкопали неглубокий ров в промерзшей земле. Они побросали туда тела убитых без уважения и с плохо скрываемым презрением.

Черный Лось, один из членов племени лакота, наблюдал за всем происходящим и чувствовал, как рушатся все надежды и мечты его народа. Рядом с ним, держа его за руку, стоял мальчик трех лет, который так же впитывал всю боль и горе в свою маленькую душу, как холодная земля. Его звали Стремительный Сокол.

Чуть позже Черный Лось запишет в своем дневнике:

«Тогда еще я не знал, сколь многому пришел конец. Когда я оглядываюсь назад с высокого холма моей старости, я все еще могу видеть зверски убитых женщин и детей, лежащих грудами вдоль узкого и извилистого оврага, я вижу их так же ясно, как видел молодыми глазами. И я могу видеть иное, что умерло там в кровавой грязи и похоронено в метели. Там умерла мечта народа. То была прекрасная мечта... Обруч, скреплявший народ, разбит, и куски его разбросаны. Священное дерево мертво».

За эту бойню никто из бледнолицых не поплатился сполна. Двадцать из них были награждены медалями Славы Конгресса – высшей наградой. Ни за одну битву, ни до, ни после, не было такого количества наград. Поистине, евроамериканцы, ссыльные преступники с чужой земли, могли гордиться лишь убийством беззащитных, но никак не победой при равных условиях. Недаром в памятных надписях к этим медалям есть такие фразы, как «за активное преследование индейцев, которые пытались убежать или спрятаться в близлежащем овраге», «за беспримерную храбрость в обуздании и возвращении на линию огня паникующего вьючного мула»...

Американцы гражданские восприняли эту новость с улыбкой. Они радовались каждой смерти индейца. Ровно через год, вдохновленный этой борьбой белых с индейцами, молодой редактор газеты «Абердинский субботний пионер» Лаймен Фрэнк Баум, который в 1900 году выпустит книгу «Волшебник страны Оз», напишет в своей редакторской колонке:

«Пионер» уже заявлял, что наша безопасность требует полного уничтожения индейцев. Притесняя их в течение веков, нам следует, чтобы защитить нашу цивилизацию, еще раз их притеснить и стереть наконец этих диких и неприручаемых тварей с лица земли. В этом залог будущей безопасности наших поселенцев и солдат, которые оказались под некомпетентным командованием. Иначе в будущем нас ожидают проблемы с краснокожими, ничуть не меньшие, чем в прошлые годы.

Через много лет место кровавой бойни станет маленьким поселком в резервации Пайн-Ридж. А сама резервация будет иметь крайне нелицеприятную славу самой бедной и неблагополучной. Но жизнь продолжалась.

Мало кто тогда знал, что уже через 86 лет это место снова будет сдобрено кровью.

В тот год индейцы из движения по защите прав коренного населения Америки решат действовать так же быстро и жестоко, как и бледнолицые когда-то.

Только в этот раз дух индейцев не умрет, а загорится слабой надеждой и подарит новую мечту. Пускай и ту, за которую придется пролить кровь.

1973 год, поселение Вундед-Ни, резервация Пайн-Ридж, Южная Дакота

Страну сотрясали протесты против войны во Вьетнаме, гремели в городах массовые митинги освободительного движения чернокожих. Американское правительство стояло на ушах. У президента Никсона было много забот и причин для головной боли...

С момента трагедии в Вундед-Ни прошло много лет, но люди остались такими же – хорошими и плохими, верными и предателями. Пока одни индейцы под одобрительные возгласы бледнолицых предавали свой же народ в обмен на обещания мелких благ, другие не теряли надежды и продолжали бороться за свои права. Вдохновившись примером партии «Черных пантер»[14], индейцы, живущие в городских гетто, создали свое освободительное движение – ДАИ. Главной идеей стала борьба против племенного правительства и ранчеро[15], эксплуатировавших индейскую бедноту. Члены группы верили, что можно объединить все племена ради общей цели. Также члены ДАИ боролись за права индейцев, главным образом за соблюдение договоров прошлого века. Создатель кливлендского отделения ДАИ Рассел Минс стал для властей США крайне неудобной фигурой и числился у ФБР в списке злостных экстремистов, способных поднять индейцев на новое восстание и откопать томагавк войны. После неудачных попыток призвать власти США к диалогу индейцы из ДАИ стали привлекать к себе внимание провокационными акциями – 19-месячный захват острова Алькатрас в заливе Сан-Франциско, «Траурный день благодарения» возле Плимута и в ноябре 1972 года акция «Тропа нарушенных договоров». Последняя имела место в Вашингтоне, но окончилась ничем. Власти не вышли на переговоры. В ответ индейцы захватили и семь дней удерживали здание национального управления Бюро по делам индейцев.

Число нападений на индейцев в районе резервации Пайн-Ридж росло. Белые все чаще ловили и безжалостно убивали беззащитных стариков, молодых ребят, женщин из народа сиу. За хладнокровное убийство старика по имени Тихий Гром на фоне расовой ненависти убийцу подержали в изоляторе во время следствия и... оправдали. Власти не предпринимали никаких действий, они лишь наблюдали за театром действий.

В Белом доме шло одно закрытое совещание за другим, и, казалось, не было конца тянувшейся очереди советников по разным вопросам. Когда Никсону показалось, что тяжелый день подошел к концу, в кабинет постучали. Подняв усталые глаза на гостя, президент немного напрягся.

– Здравствуйте, Дэвид! Не ожидал вас увидеть сегодня.

– И тебе вечер добрый. Я не один. – Он вошел в кабинет, а следом зашел мужчина низкого роста, плотного телосложения, с наметившейся лысиной, бегающими поросячьими глазками и маленьким ртом с губами, сложенными в трубочку. – Ты ведь знаешь Бена Милси? – Рокфеллер сел в кресло у стола.

– Конечно. Бюро по делам индейцев, если я не ошибаюсь?

Мужчина, державший в руках кипу бумаг, с готовностью кивнул.

– Присаживайтесь, Бен, – натянуто улыбнулся президент. – Чем обязан?

[14] Афроамериканская леворадикальная организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы.

[15] Фермер, владелец ранчо *(амер.)*.

– Видишь ли, народ волнуется, – начал Дэвид, – его будоражат потрясения, его пугают цветные. Не на руку нам все это, особенно тебе. Активные люди портят нам игру, мешаются. Не дай бог думать начнут.

– Не начнут, – мотнул головой президент, – слишком много для этого делается.

– Значит, недостаточно.

– Генри предупреждал, что все это обычная побочная реакция на войну.

– Нет, Дэвид, это побочное действие осознания действительности. Пока ты заканчиваешь войну, новая разгорается у тебя под носом.

– Почему индейцы-то? От негров шума больше.

– Негры всего лишь обезьяны, которые играют по правилам белых. Негры стали рабами, тогда как ни один индеец им не стал. Посему они опаснее. Среди белых всегда найдутся сочувствующие фанатики.

– Что ты предлагаешь? – с трудом скрывая раздражение, спросил Ричард. – Подавить восстания? Засадить активистов за решетку? Это вызовет еще больший резонанс...

– Посадить мы их всегда успеем. Да и негоже белым мараться об эту грязь. Нам нужно, чтобы они разобрались сами со своими активистами.

– В смысле?

– У Бена вот есть отличная идея. – Дэвид кивнул на мужчину из бюро.

– Слушаю? – сложил руки в замок Никсон, вопросительно посмотрев на Милси.

Тот осторожно разложил какие-то листки бумаги на краю стола, набираясь храбрости заговорить. До этого дня ему еще не приходилось общаться ни с президентом, ни с самим Рокфеллером.

– П-после тщательного анализа, – он поправил сползшие на нос очки, – жизни в резервациях нами были выявлены две стороны, враждующие между собой.

– Между собой? Я думал, у них там трубка мира в каждом доме, – хмыкнул Никсон.

– Видимо, нет, сэр, – натянуто улыбнулся Бен. – Однако в племенах сильный раскол. Они боятся вызвать гнев властей... боятся, что их могут уничтожить полностью за активные действия.

– Хех! И правильно боятся! – крякнул Рокфеллер. – Правда, их все равно уничтожим, но без затрат.

– Наиболее агрессивная из всех резерваций – это Пайн-Ридж в Южной Дакоте. Индейцы лакота в частности.

– А! Это те, кого перебили в Вундед-Ни?

Бен кивнул.

– Я в школе про это доклад писал, – не без гордости заявил Никсон. – И что ты предлагаешь, маленький человек?

– Нужно поставить во главе резервации подконтрольного нам индейца. Того, кто будет делать то, что скажет правительство.

– И что, есть такой индеец?

– Д-да, – кивнул Милси, – Дик Уилсон, ненавидит ДАИ, ультрапатриот, реакционер[16] к тому же. Считаю необходимым поддержать его избрание в председатели племенного совета. Дать ему чуть больше свободы в его драконовских мерах, позволить ему терроризировать подвластную территорию, находить и наказывать членов ДАИ...

– Звучит правильно, а как оно на деле будет? Он отыграет отведенную ему роль?

– Я уверен в нем, – кивнул Бен. – Он предатель, за деньги или хотя бы их обещание пойдет на все.

– Ничего не меняется, – улыбнулся Никсон. – Видимо, это такие, как он, продали нам Манхэттен за двадцать долларов!

– Хорошо. Министерство внутренних дел поддержит, ждите распоряжения, – вставая, сказал Дэвид. – Готовьте этого Дика.

Милси тоже спешно встал и, собрав свои бумаги, кратко поклонился обоим.

– Буду ждать распоряжения. Всего доброго, господин президент, мистер Рокфеллер. – Бен покинул кабинет, тихонько закрыв за собой дверь.

– Рад, что мы понимаем друг друга, – улыбнулся советник. – До свидания.

Спустя некоторое время Дик Уилсон возглавил племенной совет. Он привел с собой своих соратников и единомышленников. Буквально на следующий день после вступления в свои новые полномочия он запретил митинги и демонстрации, любые массовые сборища в Пайн-Ридж. На членов ДАИ он объявил охоту, за стукачество полагалось вознаграждение. Практически восемьдесят процентов бюджета резервации пошло на найм головорезов, способных выбить из активистов любые идеи о свободе, равенстве, братстве. Вся организация американских индейцев начала активную борьбу с Уилсоном, пытаясь сместить его с поста, но все попытки были тщетны.

Когда все методы были испробованы, ДАИ приняло единственное в их понимании правильное решение. Лидер организации записал в своем дневнике 28 февраля:

[16] Сторонник политической реакции, противник прогресса.

Поначалу мы думали силой сбросить правительство резервации. Но быстро поняли, что это невозможно – потому что враги сильно укрепились, понастроив фортификационные сооружения, выставив пулеметы и нагнав полно федеральных маршалов и полицейских свиней. Поэтому мы и решили прибыть в Вундед-Ни – из-за исторического значения этого места для нашего народа и потому, что оно фактически расположено прямо в сердце резервации. Мы чувствовали, что, находясь здесь, заняв Вундед-Ни, мы скажем всем сиу, что у них есть кто-то, кто борется за их интересы, помогает им бороться и защищает их.

27 февраля же вереница из двухсот автомобилей с несколькими сотнями членов ДАИ из разных племен двигалась к поселку Вундед-Ни. В большинстве это были молодые мужчины из оглала-лакота, вооруженные охотничьими ружьями, пистолетами и винтовками «Винчестер». Все они были готовы сражаться до последней капли крови. После переговоров с местными жителями и племенными старейшинами индейцы во главе с Расселом Минсом и Дэннисом Бэнксом заняли позиции на том самом холме, где когда-то войска США расстреляли триста безоружных индейцев.

Когда к границам Вундед-Ни стали прибывать полицейские, индейцы заявили, что утверждают традиционное племенное правление, независимое от продажного Дика Уилсона и его хозяев. Индейцы требовали расследования Сенатом злоупотреблений со стороны Бюро по делам индейцев и 371 нарушенного правительством договора, некогда заключенного с индейскими племенами. Территорию Вундед-Ни Минс объявил независимым государством индейцев.

– У правительства два выбора, – заявил Рассел, храбро смотря в объективы щелкающих фотоаппаратов налетевших на горячие новости репортеров, – либо атаковать и уничтожить нас, как это было в 1890 году, либо рассмотреть наши умеренные требования.

– Минс – простое орудие коммунистов! – парировал Уилсон в своих интервью. – А его люди – ряженые! Идиоты, готовые потащить на дно всех индейцев! Всех их нужно не только судить, но и приговорить к высшей мере! Такие недостойны ходить по святой американской земле!

Здание каменной церкви у братской могилы жертв 1890 года стало главным опорным пунктом восставших. ДАИ основательно подготовились к долговременной осаде – по всему периметру холма были вырыты окопы и воздвигнуты баррикады. Уже к вечеру первого дня противостояния подразделения полиции, специальные отряды ФБР и судебные исполнители взяли поселок в плотное кольцо осады. Нанятые Диком Уилсоном боевики из числа предателей-индейцев блокировали ведущую в Вундед-Ни дорогу. По всей резервации устраивались облавы, погромы. Люди Уилсона жестоко разбирались со всеми, кто был замечен в сочувствии повстанцам.

Осада продолжалась семьдесят один день...

Первого мая в Белом доме прошла очередная закрытая встреча президента Никсона и его советников. Среди прочих присутствовал и Бен Милси. Он сильно нервничал, отчасти чувствовал себя виноватым за происходящее в резервации Пайн-Ридж. Ведь за эти два месяца члены ДАИ получили неслыханную поддержку мирового сообщества. Индейцы из шестидесяти различных племен проникали сквозь блокаду, чтобы присоединиться и помочь своим братьям и сестрам. Телеграммы поддержки шли со всех континентов. Десятки тысяч людей участвовали в демонстрациях поддержки в городах разных концов США и планеты. Все это сильно мешало началу полномасштабной военной операции против краснокожих.

– Ну что могу сказать, господин госсекретарь, – Никсон бросил сдержанный, но крайне раздраженный взгляд на Киссинджера, – заморить их бунт голодом не получилось. Обстрелы и слезоточивый газ тоже результата не дают.

– Ну почему не дают, – развел руками Генри, – трупов на их стороне хватает, как и раненых. Возможно, трупы не самых важных, но все же подрывают духовный настрой. – Он специально говорил медленно, растягивая слова, будто смакуя их.

– Аресты идут полным ходом, господин президент, – вставил свое слово Милси, когда воцарилась секундная тишина. – Мы уже полностью прекратили проникновение сочувствующих в лагерь индейцев...

– Я думаю, – снова заговорил госсекретарь, – сейчас любые агрессивные шаги вызовут еще больший шквал недовольства. Нужно пойти дипломатическим путем.

– Вот еще! Я с дикарями дел иметь не хочу, и требования их исполнять – тоже.

– Тише, Ричи, тише, – одернул его Рокфеллер. – Никто не собирается с ними договариваться. Они свой шанс давно упустили.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю отправить им письмо... в немного извиняющемся тоне, со скромной просьбой сложить оружие и отказаться от дальнейшего противостояния бла-бла-бла взамен на встречу с этими сиу для обсуждения договора от 1868 года...

– Какая нам выгода?

– Назначим им встречу в стиле вестернов где-нибудь на отшибе, среди прерий... – фантазировал Дэвид, – и... отправим туда... почтальона со вторым письмом... – он цокнул, – где сообщим им печальную новость.

– Заинтриговал. Какую? – улыбнулся Генри.

– Например, что дни заключения договоров с индейцами закончились еще сто два года назад... – он довольно улыбался, – и только Конгресс может изменить существующее положение. Хех! А мы-то знаем, что такое этот продажный Конгресс! Да и дикари понимают прекрасно... Одно жаль, господа, я не увижу этих физиономий разбитых надежд....

– Разве это не вынудит их снова начать осаду?

– Будет уже поздно, – ухмыльнулся Киссинджер. – Мы не дадим снова осадить Вундед-Ни... дальше загоним их в тюрьмы и продолжим с общей концепцией уничтожения этих дикарей.

2 мая 1973 года после долгих переговоров официальный представитель министерства внутренних дел США передал осажденным следующее послание: «Я уполномочен заверить вас в том, что правительство Соединенных Штатов, разумеется, и Белый дом, и, возможно, Конгресс обсудят с вашими представителями все те вопросы касательно договора 1868 года, которые вы хотели бы обсудить. Я думаю, что Конгресс проведет слушания по вопросу о договоре 1868 года. Я уполномочен заявить, что лица, допустившие преступные действия против вас, будут наказаны». Встреча была назначена на 31 мая.

Как и предполагал Рокфеллер, индейцы заглотили наживку. Сопротивление было прекращено. Под покровом ночи ДАИ покинули свои позиции вместе со своим оружием.

31 мая все произошло так, как описал Рокфеллер, – индейцев снова обманули бледнолицые. После этого начались массовые задержания, гонения, суды... К сожалению, и на следующих выборах главы племенного совета победил Уилсон, но не потому что заслужил все голоса, а потому что запугал всю резервацию массовыми убийствами... Увы, но надежда индейцев снова погасла, и никто, кроме 1500 человек, не осмелился выступить против марионетки и ее хозяев. Как жилось этим храбрецам потом? Тяжело, но они справились, выжили. Говорят, что старейшина Стремительный Сокол поддерживал в людях тлеющий огонек надежды, рассказывая свои видения о приходе на американскую землю истинного Пахана... того, кто изменит ход вещей. Кто знает, быть может, без этих видений в Пайн-Ридж бы уже и не осталось индейцев...

Наше время

Сенка и Тогай сидели молча. Лишь телевизор нарушал тишину.

– Если бы не Рокфеллер и Киссинджер со своим планом... моему прадеду не пришлось бы, рискуя жизнью, лезть под полицейские пули и вытаскивать раненых с того холма. Не был бы убит и мой отец из крупнокалиберного пулемета... нам даже нечего было хоронить... куски мяса раскидало по всей комнате...

– Он был в ДАИ?

Индеец кивнул.

– И ты, и я – мы боремся за свой народ и свою землю...

– Надеюсь, ты не думаешь, что я и есть тот добрый Пахана? – Сенка улыбнулась.

– По-прежнему не думаю, но ты его вестник... – подмигнул ей Тогай. Их внимание привлек очередной репортаж на новостном канале.

– ...В Приштине посольство США было забросано камнями и бутылками с зажигательной смесью, – сообщала женщина-репортер с огромными от испуга глазами с места событий, – албанское население сжигает американские флаги. В городе беспорядки.

– Неужели власти ничего не делают с этим?

– Да, Джон, ничего. Власти, по уверениям местного населения, пакуют чемоданы и стремятся покинуть край. Стало известно, что сербские силы стягиваются к границам Косово. Отряды КФОР сворачиваются и экстренно эвакуируются. Джон, тут самая настоящая паника, причем массовая.

– Кто-то пытается взять под контроль ситуацию? Сербские сепаратисты, быть может?

– Есть информация об отдельных группах, пробивающихся в Приштину. Есть сообщения – непроверенные – о вооруженных столкновениях между албанцами и военизированными отрядами сербов.

Тогай посмотрел на Обилич, пытаясь угадать, что у нее на уме.

– Твой народ не торопится, – наконец сказал он. – Долго идут.

– Не верят. Думают, очередная уловка, но ты не волнуйся, там есть кому взять все под контроль.

– Твои товарищи?

– Угу. – Она кивнула. – У них хватит сил... если только нашелся новый лидер.

– А если нет?

– Судя по тому, что столкновения уже ведутся, – лидер есть.

Встав с дивана, Тогай пошел на кухню, налил в чайник воды и поставил его кипятиться. Вернувшись через несколько минут, он разлил по чашкам очередную порцию чая.

– Слушай, давно хотел спросить.

– М-м? – подняла девушка на него глаза, размешивая сахар.

– Что там за история с Бранковичем этим? Мне вот кажется, вас будто связывает что-то.

– История связывает. – Она хмыкнула. – Как говорил мой дедушка, на каждого Обилича найдется свой Бранкович...

– И давно между вами эта вражда? Ну, та, о которой твой дед говорил.

– Давно, Тогай, давно.

30 июня 1389 года

Не успела еще кровь впитаться в землю на поле Косовом, а реки унести алые воды вниз по течению, как князь Вук Бранкович возвратился в свои владения, в крепость свою в Приштине. Люд весь по домам попрятался, и не высовывался никто, хотя и слышали шум копыт да лязг кольчуг за окном. Понимали, что войска в городе, но то ли свои, то ли турки – никто не знал. Страх глаза затмевал. В крепости, что на холме напротив Грмии, горели огни, а ворота были настежь открыты, и стражи не было видно. Лишь щиты да шлемы витязей окровавленные валялись всюду. Кони загнанные и раненые без сил лежали во внутреннем дворе. Князь Вук собрал своих людей в главном зале и приказы раздавал. Жена его княгиня Мара, дочь царя Лазаря плененного, пришла к мужу своему. Ни о чем она не спрашивала, и так все было ясно – нет отца ее в живых, да и царства Сербского старого нет. Князь зол был, гневался. Не все пошло как думал он. Слишком многие полегли там, на поле Косовом, многие из ему верных.

– Мара, жена моя, вели слугам дворец наш к приему важных гостей подготовить.

– Кого мы ждем? – хмуро спросила Мара, дождавшись, пока вдвоем в зале останутся. – Неужто турков пригласил?

– Им мое приглашение не нужно.

– Все-таки избрал ты такой путь? Господь все видит, Вук, какие сказания о тебе народ сложит... Будем мы предателями для потомков наших... с турками дружбу водили... – опустила женщина голову.

– Народ, что сказания свои сложит, сгинет в веках, а летописи да книги останутся. Вот в них-то и будут черпать правду нашу потомки наши. – Он обвел рукой многочисленные стеллажи книжные в зале. – Как мы сегодня верим этим книгам, так и они поверят...

– Не найдется ли такой книги среди прочих, правду рассказывающей? Князь Обилич может...

– Нет больше Милоша. И семьи его не будет.

– Уж не поднимешь ли ты руки на сестру мою Оливеру? – испуганно посмотрела на мужа Мара.

– Не придется, но оплакать тебе ее суждено. Туркам она достанется. – Мара молчала, пытаясь осмыслить происходящее. – Других твоих сестер не тронут, но потомков Обиличей свет не увидит более.

– Вы были как братья... какой черт смог вас рассорить?

– То не черт был, милая моя, то Бог вел его. На путь истинный выводил ворога моего единственного. – Князь закрыл глаза и тяжело вздохнул. Только сейчас заметил он, что и сам был ранен стрелой вражьей. Да не смертельно, лишь чуть царапнуло острие османское.

– Не это сгубило Милоша, – покачала головой женщина. – Понял он твой замысел. Как братья вы были, читали друг друга сердцем. Понял он, что ты господарем стать хочешь в обход сыновей Лазаря...

– Слышу в твоем голосе недоверие мне, Мара. Так ли это?

– Жаль мне сестру мою и мужа ее...

– Милош никогда не был мудр в делах правления. Его пылкий нрав и горячее сердце не давали ему всего того, что Бог предлагал. Я как брат его названый возьму его долю себе. Так и быть, сохраню народу память о князе светлом из ордена Дракона.

– Зато справедлив был, прям и честен, и народ любил князя своего.

– А теперь будут любить его мертвым, – ухмыльнулся Вук, потерев подбородок. – Мне же во смерти слава не нужна, я при жизни хочу вкусить ее сполна.

– Что думаешь далее делать?

– Тут и думать нечего. На закате Милица сама к Баязиду в шатер пожалует. Уж не знаю, что он ей там предложит, но на одно надеюсь – наш уговор в силе будет.

– Он сын Мурада, ему нет веры.

– А сейчас, супруга моя, веры вообще никому нет.

– Баязиду ты веришь.

– Не знаю я его толком. Разговор мой с Якубом был, братом его, да сразил он его ядами своими. Одно я тебе скажу, Мара, – быть мне на престоле сербском. Отец твой пускай в Царстве Небесном правит, а земное моим будет. С турками или без... Мое.

Прав был Бранкович, привели Баязидовы слуги жену Лазаря в шатер султана молодого. Долгий разговор был меж ними, а итог был – что нет у Сербии больше свободы ее и дань платить ей предстоит османам немалую. Да и дочери своей младшей Оливеры лишилась она. Как жену убийцы султана Мурада угнали ее в гарем. И никто более не слыхивал о ней, а внука своего, сына Милоша, никогда Милица не

видела более. Обилич надежно укрыл наследника своего в балканских землях.

Сын Мурада Баязид вернул вдове обезглавленное тело царя Лазаря и разрешил хоронить его и траур держать. Пока скорбели Балканы, призвал к себе султан князя Бранковича для разговора важного.

Вук пришел немедля, войдя в шатер, тут же склонился в низком поклоне. Баязид хитро ухмыльнулся.

– Знаю я, что был у тебя уговор с братом моим, – перевел слова султана слуга его. – Не вижу в том договоре я для себя ничего опасного иль противоречивого. Можно и сдержать слово, что тебе мой брат дал.

– Для меня не будет большей благодати, ваше величество, – снова поклонился князь.

– Вот смотрю я на тебя, – Баязид оглядел молодого мужчину с ног до головы, – и понять не могу: как царь не разглядел в тебе угрозы, отчего Милошу не поверил?.. Думается мне, ты, как я... отравил царя. Только вот яд твой был не из склянки какой, а из уст твоих тек. Речами своими сладкими и громкими отравил.

– Лазарь не искал царства земного, о небе мечтал, – тихо сказал Вук. – Что ни напой, главное к небу приблизить...

– Я многими талантами владею... среди прочего умею я судьбу видеть в глазах. Одного взгляда в глаза Обилича хватило мне, чтобы судьбу его рода великого увидеть.

– Нет его рода, ваше величество.

– Это ты, алчный слепец, так думать можешь, а Аллаху все видно. Судьба у его рода Сербию спасать... от кого, знаешь? – глаза султана сверкнули.

– Нет, господарь, – покачал головой Бранкович, переводя взгляд с переводчика на султана.

– От тебе подобных, от дел ваших грязных... В твоих глаза вижу: будешь ты иметь при жизни что хочешь и славу в народе обретешь... только вот падет твоя лживая слава, когда потомок Обилича твоего потомка на чистую воду выведет...

– Не бывать этому.

– Тебе на это из геенны огненной смотреть. – Баязид взял с блюда кисть винограда. – Гореть и мучаться... Но то будет не скоро, наслаждайся жизнью своей, пока я правлю вами.

И было дальше так, как мечтал Вук, – правил землями своими и преумножал богатство свое. Летописцы записывали новые сказания для потомков будущих, только не было там места правде кровавой. Всюду слыл князь героем, но помнила народная молва, да и сейчас помнит. В 1396 году закончилась и жизнь медовая у Вука, изгнал его

Баязид с земель сербских и возвращаться запретил. Так и умер князь в изгнании. Сыновей своих с Марой растили они в своей правде, и жажду власти передал он им сполна. Правда, и детям его было уготовано и царствование, и изгнание... и в конце круга – забвение.

Наше время

Тогай с нескрываемым интересом слушал рассказ Сенки. Он напомнил ему те легенды, что некогда рассказывал Стремительный Сокол.

– Так и сейчас в Сербии нет единого мнения. Книжки древние рассказывают о его заслугах, а в народе говорят – предатель. Кто-то верит книжкам, а я верю памяти крови. Неспроста его имя стало нарицательным для предателей... И никакие книжки тут не помогут.

– Ты думаешь, этот начальник охраны и есть потомок того Бранковича-предателя?

– Думаю, да, – кивнула девушка, выпуская дым к потолку. – Фамилия редкая. Да и теперь точно захочет со мной поквитаться... – Она криво улыбнулась.

– Ты мне чего-то не рассказала?

– Ну, м-м, – протянула Обилич, – природа, знаешь ли, сыграла с ним злую шутку.

– Не понимаю, – мотнул головой индеец.

– Как думаешь, сколько чашек чая он выпил?

Тогай хмыкнул.

– Вот-вот.

– Думаешь, он?..

– Навряд ли он надел с утра памперсы.

– Знаешь, я бы на его месте тоже очень огорчился.

– О-о, он не просто огорчится, он захочет отомстить.

– Но почему ты не сделала так, чтобы он забыл обо всем этом?

– Времени не было... да и не подумала заранее. – Она задумалась. – Как и о том, чтобы забрать голову Лазаря...

– Заберем, обязательно вернем ее твоему народу.

– И твоему народу вернем земли. – Сенка ему подмигнула. – Неблагодарность – не мой грех...

глава XIV

Пока Мартин на втором этаже укладывал вещи барона в чемоданы, сам Ротшильд сидел в столовой и не спеша пил чай. Он вслушивался в ход часов за своей спиной и с довольной усмешкой смотрел в телевизор с выключенным звуком. На экране мелькали знакомые ему лица. Их озадаченность и непонимание тешили Натаниэля. Каждое их слово, которое он читал по губам, выдавало в них скорей противников, нежели союзников. Рядом с сахарницей на столе лежал мобильный телефон. Семнадцать пропущенных звонков, ни на один барон не стал отвечать. Кто только не звонил сегодня, кто только не хотел объяснений. Новостные кадры сменялись репортажами из Приштины, Белграда, Нью-Йорка. Обама в замешательстве прочитал невнятную речь, наспех написанную кем-то из приближенных.

– Глупцы... – вслух сказал Ротшильд. – Недальновидные глупцы... Как вы не понимаете, что теперь они сами придут к нам?.. – покачал он головой. – Им больше некуда будет идти... После ЕС, НАТО... будет МВФ... все равно они подпишут договор и сами отдадут ключи от своего пресловутого суверенитета...

На экране сменялись лица. Одни эксперты, другие, аналитики и ученые, военные и бизнесмены – никто толком не понимал, что происходит, но было очевидно, что все они поделились на два враждующих лагеря. Зазвонил телефон. Натаниэль лениво повернул в его сторону голову, затем взял его в руку.

– Привет, пап! – бойко начал Нэт.

– Привет.

– Пап, я... я весь день смотрю и читаю новости. Это ты устроил?

– Возможно. – Барон нахмурился, тон сына ему не нравился. Он выжидающе слушал.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Странный вопрос. Ты хочешь диагностировать меня на расстоянии? – улыбнулся барон.

– Зачем ты затеял эту пляску с Косово? Я не понимаю.

– Зачем... – повторил Натаниэль. – Видишь ли, сынок, мне надоело ждать, пока наши цели реализуются сами собой. Я решил ускорить процесс. Сделанный мною шаг позволяет не только загнать в капкан эти чертовы Балканы, но и десяток других стран, вдохновленных примером. Вообще если ты напряжешься и подумаешь хорошенько, то ты увидишь массу плюсов в этом. А знаешь, какой главный?

– Какой?

– Он позволяет вывести на чистую воду всех тех, кто против идей и целей Совета. Тех, кто против меня.

– И у тебя уже есть подозреваемые?

– Несомненно, – кивнул барон.

– Дай угадаю. Рокфеллер?

– Это семейство давно в списке приговоренных, Нэт.

– И что же ты планируешь делать дальше? Допрашивать и подозревать весь Совет?

– Судя по их реакции, мне придется распустить Совет.

– Что? – не поверил своим ушам Нэт. – Но это невозможно!

– Этот Совет принадлежит нашей семье. В нем может быть кто угодно, главное, что мы всегда были во главе его. И так оно и останется. Я могу делать с ним что угодно.

– С чего вдруг у тебя такое недоверие к этим людям? Все это время мы же работали с ними... – Нэт снова посмотрел на присланный Брайаном Олдманом отчет. – Что изменилось?

– Прозрел, быть может... – хмыкнул барон. – Увидел мир в новом свете.

– С чего это вдруг? – недоверчиво спросил Нэт. – И зачем тебе психотерапия?

– Что? – Тон Натаниэля изменился. – Какая еще психотерапия?

– Не знаю, ты мне скажи.

– Как мило, – прошептал барон, – ты говорил с Дэвидом, а потом только со мной. Ты веришь ему, а не своему отцу?

– Я просто спрашиваю, пап.

– Значит, я опоздал, – шепотом сказал он, но Нэт его не расслышал. – Ты с ним заодно?

– Не говори глупостей, пап, – резко ответил мужчина, убрав отчет в стол.

– Кому ты позвонишь дальше? Во Францию, кузену Дэвиду? Или, быть может, снова подключишь мать к своим аферам?

– Может, и подключу. Ей точно твое состояние не понравится.

– Я отлично себя чувствую, сынок. Ей не о чем беспокоиться. Разве что о предателях, окруживших нашу семью. Завтра я возвращаюсь в Англию. Приезжай, поговорим.

– Обязательно.

Не прощаясь, барон повесил трубку и брезгливо бросил телефон на стол. Он перевел взгляд на стеклянный ящик, где на подставке стояла голова царя Лазаря.

– Всех предают рано или поздно, – прошептал он. – Тебе тоже пришлось пройти через это. Только вот я не такой. Я снесу их головы, если это потребуется. – Вдруг он почувствовал резкую боль в висках. Крепко сжав голову руками, он зажмурился. Ему казалось, он слышит в голове свой голос, кричащий откуда-то издалека, молящий очнуться, но его перебивал другой – сильнее, жестче, и этот голос требовал продолжать идти по намеченному пути. Боль прокатывалась по голове волнами, с каждым разом стихая. Спустя пару минут все закончилось. Он взял пульт от телевизора и включил звук. В студии новостей была Мадлен Олбрайт.

– Я не знаю, кто стоит за этим возмутительным решением ООН, но он – сумасшедший. – Барон стиснул зубы, глядя на женщину. – Считаю, что США должны сделать все возможное, чтобы изменить это. Косово должно быть албанским, но никак не сербским. Видимо, в ООН плохо обстоит дело с историей. Ну или, Лара, – Олбрайт улыбнулась, – там завелась сербская крыса на высокой должности.

– Завтра состоится заседание Совета по международным отношениям?

– Да. Будем вырабатывать стратегию США в этом вопросе.

– Вы не думаете, что в этом шаге ООН может быть польза для нас?

– Польза? Дать желаемое одним в ущерб другим? – фыркнула Мадлен. – Нация, державшая в страхе миллионы людей, воинственные, убивавшие невинных лишь за их веру, должны получить то, что не их по праву? Это возмутительно. Мировая общественность должна понимать балканские реалии, Косово никогда не было сербским. Они захватили его у албанцев. Отобрали у безоружных и слабых... а теперь это поощряется?.. Я уверена, меня в этом многие поддержат.

Ротшильд про себя выругался и переключил канал. Казалось, что в этот день в каждой студии новостей медиийщики достали из шкафов нафталиновых экспертов, из глубин историй на свет вытащили тех, кто когда-либо имел к Балканам хоть какое-то отношение. И все эти люди жаждали высказаться, будто их мнение имело для мира значение. Из раздумий Ротшильда вырвал стук в дверь. В столовую вошел начальник охраны.

– Разрешите войти, сэр?

– Заходи, Вук, – кивнул барон. – Помнится мне, ты начал пробивать информацию по Марии Лазарь. Нашел что-то интересное? – наливая воду в чашку, спросил Натаниэль.

– В процессе, но есть подозрения, что она не та, за кого себя выдает.

– Конкретнее?

– Мне стало известно, что Мария Лазарь – это не ее настоящее имя и она даже не американка.

– Любопытно, – нахмурился барон. – Хотя она чертовски похожа на дочку Бенедикта. Да и глаза Лауры... Ты уверен?

– В общем, да.

– Доказательства кроме твоих слов?

Бранкович достал из внутреннего кармана пиджака распечатанную фотографию и, подойдя к столу, протянул ее барону. Тот раскрыл лист бумаги и несколько секунд изучал снимок.

– Кто она такая?

– Точно не знаю, но, думаю, она может представлять опасность.

– Хм-м, – протянул Ротшильд, – Зев бы не нанял такого человека. Вук, говорят, в мире у каждого есть двойник... Может, это как раз тот случай?..

– Не думаю, сэр. – Бранкович облизнул пересохшие губы и шумно вздохнул.

– Что ж, тогда ты завтра не летишь со мной. Твое место займет Энтони.

– Сэр?

– Разберись с тем, кто она такая, и, если твои подозрения оправдаются, сделай так, чтобы она никому ничего обо мне не могла рассказать. Я не хочу, чтобы мой опыт с ней стал известен прессе... С отслоенными я сам разберусь.

– Понял вас, – поклонился Бранкович, услышав то, что хотел.

– Хотя, – он посмотрел на Вука, – даже без подозрений. Она больше не нужна в любом случае. Как показала практика, головные боли и от ее чар никуда не уходят. А жаль, – он выдохнул, – я думал порекомендовать ее в Тависток.

– Я все сделаю, сэр.

– Не сомневаюсь. – Барон поднялся и похлопал начальника охраны по плечу. – Пожалуй, лишь в твоей верности я не сомневаюсь. А знаешь почему? – Глаза старика недобро сверкнули. – Потому что мы оба повязаны кровью.

– Спокойной ночи, сэр.

Ротшильд вышел из столовой и поднялся на второй этаж. Бранкович осмотрел комнату и достал из кармана телефон. Набрал номер.

– Грегори, делай что хочешь, но найди мне эту суку.

– Воу-воу! Полегче! Я ем вообще-то. Твои негативные волны плохо отразятся на моем пищеварении.

– Потом доешь, – прошипел в трубку Вук.

– Может, проверишь первый адрес еще раз?

– Телефон ее пробей, карточки. Все, что можно. В той квартире ее точно нет. Она не дура.

– Дура не дура, а о слежке ни черта не знает. Я бы проверил.

– Слушай, Шерлок, ищи ее.

– Что ты так взъелся-то? Будто у тебя с ней вдруг личные счеты.

– Возможно. – Бранкович глянул на себя в зеркало. Ему всегда говорили, что он похож на своего далекого прадеда – основателя рода, того, что сражался на Косовом поле.

– Ух ты! А поподробней можно?

– Нет. Ищи. – Вук убрал телефон в карман, не сводя глаз со своего отражения. – Неужели бабка правду рассказывала?..

Лето 1980 года, Приштина

Четырехлетний Вук, его старший брат Григорий и сестра Любица проводили летние каникулы в гостях у двоюродной бабушки по отцовской линии. Бабушка Нэда с удовольствием возилась с внуками. Ей всегда нравилось проводить время с детьми, тем более своими. Ее огорчало, что их воспитывают лишь учителя в школе. Дома же нет до них никому дела, если учатся прилежно да по дому помогают. Несмотря на то, что еще предком их было сказано память рода передавать из поколения в поколение и легенды семейные детям рассказывать. Отец этих трех хулиганов никогда не любил «бабушкины сказки». Вот и не стал своим детям голову дурить. Нэда решила взять это все в свои руки. Посему, каждый вечер усаживая детей в гостиной, она рассказывала о том, что было давным-давно. Вуку эти истории никогда особо не нравились. Запомнил он лишь одну – главную. Про битву на Косовом поле, про предателя Обилича и царя Лазаря, пожелавшего лишить Сербию самой себя. Разделить и уничтожить ее, взамен дав лишь веру в небесную Сербию.

– ...Не нашел Вук сына Милоша, хоть и убил десятки мальчиков, на него похожих. Укрылся сын Обилича от волчьего нюха, месть затаил и обиду, – заканчивала бабушка очередной рассказ. – Никто из Бранковичей больше не встречался с Обиличами, но предсказание султана Баязида все еще в силе. Настанет тот день и час, когда придется одному из вас с Обиличем один на один выйти.

– Ба, может, убил его все-таки Вук? – спросил Григорий. – Раз до сих пор не встретились?

– Баязид сказал, что встреча будет в тот момент, когда Сербия снова будет на перепутье, – нагоняла загадочности Нэда. – Не настал этот день еще.

– Я убью этого Милоша одной левой! – подпрыгнул с места маленький Вук. – Он даже испугается подойти ко мне!

– Само собой, юный витязь, – улыбнулась бабушка. – Только сначала нужно много тренироваться.

– Бабушка, – зевнула Любица, – ну это же просто сказки. Никто в это не верит уже давно.

– Веришь или не веришь, все равно нужно быть готовым.

– Ба! – взял ее за руку Вук. – Раз Вук тогда с Милошем разобраться должен был, значит, и сейчас я, Вук, разберусь. Вырасту и найду его!

– Не нужно его искать, милый. Судьба сама сведет вас.

Наше время

Бранкович провел рукой по волосам.

– Вот и свела судьба. – Он хмыкнул и снова посмотрел на свое отражение. – Что ж, значит, так тому и быть.

Тогай помог девушке разобрать диван и принес ей постельное белье.

– А все-таки, Сенка, что ты барону сегодня внушила? – спросил Тогай. – Что сказала?

– Ничего особенного. Я просто поделилась с ним частичкой моей ненависти к ним всем...

– Мудро, – кивнул индеец. – И как он будет действовать?

– Так же, как действовала бы я. – Сенка подошла к окну и приоткрыла его. – Каждое лицо, имя из схемы Эвиса будет служить триггером в его сознании. – Она щелкала зажигалкой, будто это действие помогало ей размышлять.

– Сможет ли он этому противостоять? – Индеец снова с любопытством рассматривал вещицу в руках девушки, было в ней что-то загадочное.

– Нет, – пожала она плечами, поднимая глаза на темное небо. – Хоть и будет хотеть остановиться... но я ему не позволю.

– Вдруг он выйдет из этого состояния? Бранкович может посоветовать ему обратиться к другому гипнологу...

– Может, и выйдет, но к тому времени уже успеет послужить нашему клубу юных конспирологов. – Она натянуто улыбнулась, посмотрев на индейца через плечо. – Поверь мне, другому гипнологу придется ой как тяжело выискивать мои следы в его сознании.

– Не сомневаюсь. Ладно, поздно уже. Спокойной ночи.

– Добрых снов.

– И тебе.

Дэвид Рокфеллер забрался под одеяло. Настроение у него было неважным. Неизвестно, что огорчало его больше – события вокруг Балкан или то, что он проигрывал пари Олдману.

– Все равно будет по-моему, – тихо буркнул он себе под нос, укладываясь поудобней.

Не успел он сомкнуть глаз, как зазвонил телефон. Звонил Олдман.

– Хех! Да? – ответил старик.

– Ты выиграл.

– Что сказал щенок? – ухмыльнулся Дэвид.

– Сказал, что встретится с тобой после разговора с Джейкобом лично, но у него появились сомнения в адекватности своего папаши.

– Еще бы. Мальчик боится остаться без миллионов и привычного образа жизни. Что ж, подождем.

– Завтра в десять утра начало экстренного заседания комитета. Не забудь.

– Помню-помню. Такое забудешь. Збигнев будет?

– Да. Будет рвать и метать, – хмыкнул Брайан.

– Работа у него такая. Так, все на сегодня?

– Да. Доброй ночи.

Весна 1993 года, Приштина

Радовану Обиличу никогда не нравились большие города. Они не пугали его, нет, скорей ему в них было тесно. Душа просила большого раскидистого сада за окном и пряных запахов с огорода. Да и виды на холмы да горы, бесконечные поля придавали ему сил. Город отнимал эту силу, но возвращаться в Обилич пока было нельзя. Опасно, не место для детей. Югославию сотрясали экономические и финансовые катаклизмы. ООН еще не объявила войну, и до бомбардировок было еще далеко, но санкции уже действовали. Выходя из дома за покупками, нужно было брать целую сумку, в кошелек миллиарды не влезали. Пожалуй, самой трудной была задача избавиться от всех динаров к вечеру. Ведь уже завтра они станут ничем. Инфляция достигла катастрофичных ста процентов в день. Выживать помогали большие семьи, где у каждого был родственник, живший в деревне, который обязательно пришлет или овощи с фруктами, или мешок кукурузной муки, фасоли. Одиннадцатилетняя Сенка и ее дедушка жили в доме Лазарей. Семья Милоша даже не хотела слышать о том, чтобы Обиличи жили где-то еще.

В один из выходных Радован отправился на долгую пешую прогулку со своей внучкой. Как всегда, они беседовали о всяком. Девочка

всегда задавала много вопросов о его прошлом, но никогда не говорила об их общем. Они набрели на заброшенную поляну, где под деревьями стояли пеньки в качестве стульев. Там они и решили передохнуть и перекусить. Анна Лазарь дала им с собой в их маленький поход домашние хлебные лепешки, прошутто, листья салата, огурцы, помидоры. В общем, все то, из чего можно сделать отличную плескавицу. Пока внучка мастерила два большущих бутерброда, дедушка прогуливался по заросшей травой поляне. У него было какое-то странное чувство, что он бывал здесь однажды. Копаясь в своих воспоминаниях, он то и дело щелкал зажигалкой. Голос Сенки вырвал его из раздумий, и он вернулся к пенькам. Наевшись, они продолжили болтать о том о сем, но беспокойство не покидало Обилича. В воздухе повисла тишина, Сенка внимательно наблюдала за дедом, а тот был как во сне. Он продолжал щелкать зажигалкой, на которой был вырезан профиль Милоша Обилича в шлеме в форме дракона. На другой стороне были вырезаны контуры всего Косова, и внутри было написано: «Логово мудрого дракона». Это была не просто вещица, это было самое настоящее произведение искусства.

– Деда, а почему логово дракона?

– Что? – не расслышал Радован. – Ах, это... – он проследил взгляд внучки. – У этой истории много версий. Даже и не знаю, как ответить. – Он устало вздохнул.

– Расскажи ту, в которую веришь, – пожала девочка плечами, усаживаясь поудобней в предвкушении интересного рассказа.

– Помнишь, мы говорили о том, что страны подобны животным? – Сенка кивнула. – Вот Россия – медведь, Индия – тигр, Австралия – кенгуру...

– А мы? Ты никогда не говорил про наше животное или птицу. Может быть, это дрозд?

– Может, и дрозд, но вот он, – Радован положил зажигалку на стол профилем Милоша вверх, – верил в другое.

– Он верил в драконов?

Дедушка улыбнулся.

– Сербия не похожа на дракона, – нахмурилась девочка.

– Не похожа, тут ты права, синку, но когда-то так было. Милош верил в сербского дракона, но не как в змея, а как в силу, способную дать отпор любому врагу. А сейчас это лишь зверь, спящий глубоко под землей.

– А если его разбудить? А как его разбудить? Он спит или убит? – засыпала внучка деда вопросами.

– ...Знаешь, милая моя, я вот смотрю на Балканы сегодня и вижу не поверженного зверя, но зверя, спящего крепким сном. Я вижу, что нам,

сербам, каждую ночь снится один и тот же сон – будто мы просыпаемся, срываем с себя покров Морфеуса и начинаем жить. – Радован закинул голову и уставился в голубое небо, на солнце, прячущееся за кронами деревьев. – Косово... Может, и не центр Балкан, но сегодня сердце зверя тихо бьется именно тут. Каждую ночь мы включаем самую громкую музыку, пляшем и поем что есть сил, мы готовим вкуснейшую еду, и ее запах разносится по самым пыльным и заброшенным закоулкам городов, исписанным призывами к зверю... Люди надеются, что так разбудят зверя... Мы все не хотим верить в то, что ночь слишком коротка и ее не хватает. Есть время лишь после того, как зажгутся фонари, и до того, как они погаснут... Но зверю этого недостаточно... А как солнце касается своими первыми лучами Балкан – все замирает вновь до ночи. И так каждый день. Наверное ничто не пробудит уже зверя, разве что абсолютная тьма и музыка, музыка живых, так яро зовущая смерть...

Сенка молча и очень внимательно слушала деда, впитывая и запоминая каждое слово.

– Дракон уснул после битвы на Косовом поле?

– Он уснул за день до нее... когда Лазарь сделал свой выбор.

– Но ведь он когда-нибудь проснется?

– Когда-нибудь, – прошептал Радован. – Обязательно... Ты увидишь это обязательно.

– И ты.

– Я не увижу.

– Почему?

– Из земли не видно будет, – прошептал Радован и сразу же ругнулся на себя за эти слова. Сколько раз уже просил себя не говорить о смерти с внучкой.

– ...Значит, ты не будешь лежать в земле.

Он посмотрел на девочку. Она во все глаза смотрела на деда, он видел, как они наливаются слезами, готовыми выплеснуться наружу, но Сенка держалась молодцом.

– Не будешь.

– Все будут, милая. Я не исключение.

– Нет. – Она мотнула головой. – Тебе там не место.

– А где мое место?

– Когда ты уйдешь, деда, я хочу смотреть в небо и видеть тебя. Не хочу копаться в земле, чтобы чувствовать твое присутствие. Хочу, чтобы ты был в ветре... Вместе с птицами... так ты все увидишь...

Радован встал с места и, подойдя к внучке, крепко ее обнял, целуя в макушку.

– Ты никогда не будешь одна, милая. Не бойся.

– Я не боюсь, деда. – Она обняла его в ответ. – Не боюсь.

7 апреля 1999 года, Приштина

Шел пятнадцатый день бомбардировок Югославии. Чего только люди не натерпелись за эти две недели. Разрушений инфраструктуры хватило, чтобы откинуть города в прошлый век. Люди, несмотря ни на что, пытались хоть как-то восстановить разрушенное. Только вот сердца, разрывающиеся от боли утраты, ничто не могло восстановить. Паники особой не было. Молча терпели и ждали, что вот-вот мир одумается, придет помощь. Сидя в бомбоубежищах под звуки сирен, люди творили слухи и сами же их распространяли. Все ждали чуда, но мало кто был готов трудиться ради этого чуда. Среди молодых было немало героев, которые сбивались в отряды помощи, ходили по городу, разносили еду, питьевую воду, помогали раненым, доставляли их в больницы. Полиция была занята разборками с агрессивно настроенными гражданами, рвущимися нарушать закон и зарабатывать на чужом горе. Мародеров хватало. И никто не знал, откуда такие берутся. Основные же силы полиции были направлены на погашение действий албанских террористических отрядов. Милош почти ни разу за две недели не ночевал дома, лишь заезжал через день проверить, все ли в порядке. К сожалению, седьмого апреля правительство вместе с МВД приняли решение в одностороннем порядке прекратить боевые действия против этих групп. Надеялись, что исполнение этого американского требования остановит бомбардировки.

Сенка вместе с однокурсницами трудились добровольцами в больнице. Что бы там ни говорили в новостях об отсутствии жертв среди гражданских – раненых было предостаточно.

Несмотря на все попытки хоть как-то урегулировать конфликт, НАТО лишь усилила свои атаки. Казалось, им все равно, какой город бомбить, какой дом, неважно, кого убивать, лишь бы убить. Когда на пути бомбардировщиков не было целей из разряда инфраструктуры, они переключались на гражданские объекты. Возвращаться на базу с бомбами, особенно теми, что наполнены обедненным ураном, было нельзя. Под страхом трибунала. Летчики этот приказ исполняли четко.

Сенка работала в больнице весь день. Идти домой сил не было, да и Милош запрещал ходить по ночному городу. Пускай дом и был всего в пятнадцати минутах ходьбы от больницы. Она решила остаться спать в ординаторской, все равно завтра продолжение ее смены. Весь день девушку не оставляло дурное предчувствие. Ей казалось, что весь день ее преследовало единственное слово, звучащее с разных сторон. Слово «одна» повторялось много раз разными людьми. Даже засыпая,

она слышала его в своем сознании. Девушка заснула быстро, ей снился сон. Она видела, как идет по полю, окутанному туманом, и легкий ветерок касается лица. Где-то далеко впереди, в свете полной луны, виднелся Газиместан. Рядом с ним, спиной к Сенке, стоял мужчина. Он смотрел на выбитый в камне текст и читал его вслух, едва шевеля губами. Чем ближе девушка подходила к монументу, тем отчетливей становилась фигура.

– Деда? – спросила она, оказавшись рядом с ним. – Что ты тут делаешь?

Он улыбнулся одними губами и посмотрел на свою внучку.

– Я ухожу, синку. – Сенка мотала головой. – Пора мне.

– ...Нет. Не пора.

– Разбуди этого зверя, ты можешь. Я верю.

– Не уходи, деда. – Сенка видела себя снова маленькой и абсолютно беспомощной. – Не оставляй меня одну.

– Ты никогда не будешь одна, милая. Мы всегда с тобой. – Радован коснулся ее щеки и растаял в воздухе, оставляя ее посреди поля в тумане.

Обилич резко проснулась, как от кошмара. Сердце бешено колотилось и было готово выпрыгнуть из груди. Она вскочила с дивана, на бегу одевая куртку, выскочила из ординаторской и подбежала к телефону в коридоре. Стала набирать домашний номер, но там никто не отвечал. Линия снова была разрушена. С улицы доносился вой сирен и стоял грохот от взрывов. Вражеские самолеты уходили пустыми в сторону своих баз. В воздухе стоял невыносимый запах огня, крови и смерти, он смешивался с чем-то химическим. В паре улиц ниже по дороге полыхало здание почты. От него не осталось практически ничего. Огненный след от бомб тянулся дальше, по жилым домам. Сенка бежала вниз по улице, перепрыгивая через препятствия, не обращая внимания ни на что и ни на кого. Она видела, что и последний на улице дом был поврежден, но он хотя бы не горел. Обилич резко остановилась метров за десять от дома. Второй этаж его был разнесен в клочья, крыша сползла на дорогу. Несколько человек, случайных прохожих, помогали Радко вытащить из разрушенного дома Радована.

Сенка видела стоящую на другой стороне от дома Анну, женщина молча плакала и качала головой, нервно теребя в руках четки. Лицо ее было белым от пережитого ужаса. Обилич рванула с места и подбежала к Радко. Мужчина был ранен, наверное, слегка контужен, но, главное, жив. Он успел остановить девушку. Радован лежал на земле за его спиной.

– Пусти меня!

– Успокойся, успокойся. – Он пытался ее удержать. – Его уже нет, ты ему не поможешь...

– Деда... – Сенка умудрилась вырваться и опустилась на колени перед Радованом. Слезы катились из глаз, и ей хотелось только кричать и звать его. На его теле не было видно ни царапины. – Нет...

Она приподняла его и обняла. Только так она почувствовала десятки стеклянных осколков, вонзившиеся в его спину. Один из них добрался и до сердца.

– Он закрыл Анну от осколков, – опустился рядом с ней на колени Радко. – Он так быстро среагировал, что мы ничего толком не успели увидеть... Он всегда был героем... – Лазарь сам с трудом мог сдерживать слезы.

Сенка молча плакала, прижимая к себе дедушку, а перед глазами она видела его у Газиместана, живого. Ей казалось, он смотрит на нее и сейчас... с неба.

Дальше все было как в тумане. Какие-то люди повезли их в больницу. Кто-то еще верил, что можно его спасти. Сенка не знала, сколько прошло времени, но когда она снова вышла из больницы, был снова вечер. Не думая, она шла по дороге, ведущей к дому. Холодный весенний дождь лил как из ведра, будто оплакивая всех жертв «Милосердного ангела». Обилич вошла в разрушенный дом и прошла в кухню-столовую. Она встала напротив разбитого окна, стекла которого вместе с другими осколками убили Радована. Постояв так несколько минут, она посмотрела на стол. Среди мусора и грязи она увидела дедушкину зажигалку и его любимые сигареты. Сенка взяла в одну руку зажигалку и крепко ее сжала, потом подняла и пачку. Ей казалось, что они все еще хранят запах дедушкиных рук. Девушка села у стены напротив окна и вытянула ноги. Гляда на дождь за разбитым окном, она щелкала зажигалкой, как это делал когда-то дед. Потом она закурила. Первый раз в жизни, лишь для того, чтобы, закрыв глаза, представить его живым, рядом.

Сенка не слышала, как Милош пришел в дом. Она не знала, как долго он стоял там в дверях и смотрел на нее, но его присутствие дарило надежду, что она действительно никогда не будет одна.

Вопреки желанию Радко и Анны, Сенка не стала хоронить деда. Она исполнила его другое желание. Тело Радована Обилича было кремировано, а потом Милош и Сенка развеяли его прах над Косовым полем. Так он попадет на небо быстрей. Отсюда он увидит пробуждение зверя.

глава XV

Ночь неохотно уступала место морозному февральскому утру. Нью-Йорк медленно просыпался и был готов жить своей привычной жизнью. Для людей ничего не изменилось, во всяком случае пока. Витрины, правда, за ночь украсили вывесками распродаж ко дню святого Валентина. Сенка проснулась рано. Заварив себе кофе, накинув на себя плед, она вылезла на пожарную лестницу. Отсюда был отличный вид на мост и реку. Холодный воздух очищал разум ото всех ненужных мыслей, а все нужное становилось тверже льда.

– Ты, я смотрю, прям ищешь способов побыстрей на тот свет отправиться, – высунул голову Тогай.

– И тебе доброе утро, – улыбнулась девушка.

– Давай залезай обратно, завтракать будем. У нас дел полно.

Потушив сигарету, Обилич вернулась в квартиру.

– Каких дел? – спросила она, сворачивая плед.

– Мне Эвис только что звонил. – Индеец достал из шкафа сковородку, внимательно ее осмотрев, поставил на плиту. – Против яичницы не возражаешь? – спросил он.

– Нет, – мотнула девушка головой, садясь за стол. – Что он сказал?

– Сказал, что тот хакер Кос пытается выйти на помощника Бранковича. Ищет его по сетям.

– Зачем?

– Тебе видней должно быть, – пожал плечами индеец, выбрасывая скорлупки в мусорку. – В любом случае не для того, чтобы поделиться опытом. Он хочет, чтобы тебя не стало. Возможно, решил им в этом помочь.

– Пускай помогает. Дальше Гарлема дорога его не приведет.

– Уверена?

– Да.

– Я не склонен к такому оптимизму, – покачал Тогай головой. – Мой прадед предупреждал меня, что на нашем пути будет много препятствий. Это сейчас против нас только один Вук, завтра же могут вмешаться силы посерьезней.

– Например? – хмыкнула Сенка, щелкая зажигалкой.

– Не знаю, – мотнул он головой, ставя тарелки на стол, – может, этот барон очнется от грез и натравит на тебя всю систему, или его враги узнают, что ты стоишь за всем этим.

– Тогай, – она поймала его за руку, – это ничего не изменит. Механизм запущен. – Девушка смотрела ему в глаза. – Ни моя смерть, ни твоя этого не остановят.

– Увы, но пока этот процесс идет только в твоей стране, но не в мире.

Дальше он разделил яичницу надвое и разложил по тарелкам. Несколько минут они молча ели.

– Ну так какие у нас дела? – спросила Сенка, доедая завтрак.

– Сейчас поедем к Эвису. Он нам расскажет все подробно. Голос у него был взволнованный, и мне это ой как не нравится.

– Включи, что ли, телевизор, – откинулась на спинку стула Обилич и сложила руки на груди, – посмотрим, как там наши дела.

В новостях продолжали шуметь эксперты и аналитики всех мастей. Репортеры толпились у штаб-квартиры Комитета по международным отношениям на Восточной Шестьдесят восьмой улице. Внутри места всем не хватало, несмотря на большой зал, вмещающий пару сотен человек. На балконах яблоку было негде упасть – всюду камеры и фотоаппараты. Сегодня ждали громких заявлений от приглашенных экспертов. Все прибывающие именитые особы отказывались от каких-либо комментариев. До начала пресс-конференции оставалось еще полтора часа.

– Поехали. – Сенка встала со стула. – У Эвиса досмотрим.

– Угу, – согласился индеец.

Вдали от шума, в малой библиотеке комитета, было три человека. Двое мужчин сидели за круглым столом и молча просматривали какие-то документы. Третий гость медленно прохаживался по балкону, рассматривая корешки книг, будто выискивая какую-то конкретную.

– Мы должны это остановить. – Нахмурившись, мужчина бросил бумаги на стол. – Это непозволительно.

– И как вы намерены остановить сумасшедшего старикашку, Джон, – цокнул Рокфеллер, – у которого в кармане все тузы?

– Для сумасшедших есть специальные заведения, – фыркнул госсекретарь, потерев виски. – А я говорю вам, он не в себе. Видели бы вы его глаза... а эта конспирация, с которой он вызвал меня из Вашингтона...

– Его туда не возьмут, – пожал плечами Дэвид. – Пока, во всяком случае.

– Созовите совет. – Керри подался вперед. – Большинство поддержит его смещение с поста председателя за такое самодурство...

– Боюсь, это не поможет. Джейкоб что-то задумал, – возразил Рокфеллер. – И остановить его можно лишь одним способом.

– Это каким же? – с балкона спросил Киссинджер, листая какую-то книгу.

– Натравив на него его же родственничков, которым ой как не захочется потерять семейное состояние.

– С чего им его терять? Он ничего опасного для своих капиталов не делает... – задумчиво проговорил Генри, вчитываясь в страницу.

– Сам подумай, Генри, – Дэвид посмотрел вверх на товарища, – если стравить их между собой, он один против всех будет. Они заберут у него все. Ему будет не до нас, не до мира. Более того, мы спокойно вытравим их из Америки, вернем себе независимость от его денег, от их банков...

– Хех, – улыбнулся Генри. – Ты прям-таки Джефферсона цитируешь. – Он постучал пальцем по книге. – Вот послушайте: «Я уверен, что банковские институты куда опаснее армий врага. Если американский народ когда-либо позволит частным банкам контролировать печать денег... банки и корпорации, которые разрастутся повсюду, будут лишать народ всей их собственности, пока не сделают детей этого народа бездомными на континенте, который завоевали для них их предки». – Он захлопнул книгу. – Однако именно это и произошло.

– Это мелочи, – улыбнулся Рокфеллер. – Главное, что барон решил править сам в новом мире. А я этого не хочу. И посему мы уничтожим его, а потом построим наш новый мировой порядок. Согласно первоначальному плану, как того и хотели отцы-основатели.

– Полностью с вами согласен, – кивнул Керри.

– Еще бы ты не был согласен, – ухмыльнулся Киссинджер. – Осталось выработать дальнейшие шаги.

– А нельзя просто убрать его? – Джон вопросительно посмотрел на Рокфеллера. – Нет человека, нет проблемы. Поплачем над ним, можем даже сделать святым и забудем?

– Ты опасный человек, Джон, оказывается, – закинул ногу на ногу Дэвид. – Убьем его, на его месте встанет следующий Ротшильд. Впрочем, это уже не твоего ума дело.

– Что мне сказать журналистам?

– Скажи, что решение ООН вызывает некоторые вопросы и недопонимание со стороны США, но демократия бла-бла-бла позволяет, и мы видим в Сербии будущего члена ЕС и НАТО, теперь, когда споры будут разрешены, и так далее, и тому подобное.

– Нас уже обвиняют в том, что мы предали интересы албанцев...

– Скорей это они не оправдали наших ожиданий, Джон. Тем более что так оно и есть. США ничего не грозит, посмей эти дикари обидеться. Их участь давно определена. Им нет места в нашем новом мире. Мы просто убиваем ненужных их руками.

– ...Я понял задачу. – Джон встал с кресла и глянул на часы. – Вынужден вас покинуть, господа.

– Удачи, – кивнул с балкона Киссинджер.

– Я так полагаю, у тебя созрел план, Дэвид? – спросил Генри, как только дверь за госсекретарем захлопнулась.

– Возможно. Думаю, Нэт нам поможет в этом нелегком деле.

– И какова роль сынка Ротшильда?

– О-о, – протянул Рокфеллер, – у меня роли есть для всего их семейства. Нэт заставит их всех поверить в болезнь отца. Нужно, чтобы он остался один. Тогда он начнет совершать ошибки.

– А если не начнет?

– Со своей стороны будем давить на него через Совет, через администрацию Обамы, Конгресс, ЕС, в конце концов, начнем негласно помогать выживать их из США, свергнем его с Олимпа. Делая вид, разумеется, что не понимаем, что происходит... а потом просто добьем.

– Звучит многообещающе. – Генри спустился с балкона и сел в кресло. – Только вот не думаю, что он будет сидеть при этом сложа руки.

– Он уже один, тем более в своей паранойе. Да и я соскучился по настоящим играм. Все мир да мир... хочу увидеть рождение новой эпохи. Поскорей. Не упущу возможности ускорить этот процесс.

– Керри прав, давай созовем Совет без Джейкоба, но пригласим его сынка. Тайно.

– Это добавит напряженности в их отношения.

– Придумай пока, как убедить Дюпонов.

– Это да... им всегда нравились Ротшильды. Нелегкая задачка.

– Полагаю, что с помощью Нэта мы сможем расстроить их связи.

– Хоть с этим все решили, – улыбнулся Генри. – Что с Косово этим делать?

– Пока ничего. Как получим согласие всех – решим.

Бранкович проснулся в ужасном настроении, его раздражало буквально все. Сумбурные сны с участием Сенки не добавляли радости. Успокаивала его только одно – разрешение от хозяина на устранение Обилич. С мыслями о том, как было бы лучше с ней поквитаться, ему становилось лучше. Однако кое-что не давало ему покоя. Это состояние, в которое она загнала его за какие-то секунды. Она ведь могла

повлиять как-то и на барона. Пока он гнал от себя эти мысли. Они казались ему чересчур фантастичными. Приняв душ, собравшись, он первым делом отправился к Грегори. Путь до приятеля занял куда меньше времени, нежели очередь в «Старбакс» за любимым латте и перченым печеньем.

– Есть что-то? – не здороваясь, прошел в квартиру Вук, когда хакер открыл дверь.

– Боже, ты такой вежливый...

– Очень. – Бранкович поставил большой стаканчик с латте на стол, а сам плюхнулся на диван. – Я даже тебе булочку купил...

– Вот за это спасибо!

– Что нового? Ты нашел ее?

– Ее нет пока, но вот меня нашел Кос. Верней, пытается на меня выйти, но кто-то всеми правдами и неправдами препятствует контакту.

– Кто?

– Не знаю, но это явно не один человек, – пожал плечами Грег. – Группа.

– Ну ты ведь стараешься? – вопросительно поднял брови Вук.

– Поем и буду стараться лучше. Ты же должен был уехать сегодня?

– Планы изменились.

– Что случилось-то? – Парень потер глаза. – Мне кажется, или у тебя к ней появились личные счеты?

– Доедай и садись за свою шарманку, – хмуро ответил Бранкович.

Бэкингемшир, Англия

К юго-востоку от некогда деревни, а теперь вполне себе маленького города Вадесдон в окружении садов и рукотворных лесов притаилась загородная резиденция девятнадцатого века, спроектированная Георгием Диви с учетом пожеланий Элис де Ротшильд. Весной и летом одурманивающий аромат роз и гортензий обволакивал всю территорию, в остальное же время виноградная лоза окутывала стены дома, придавая ему сказочный вид. На часах было только четыре, а за окном уже темнело. Небо заволокли серые тучи, и вот-вот пойдет то ли дождь, то ли мокрый снег. В доме практически во всех комнатах горел свет, дым из трубы неспешно уносился нарастающим ветром прочь. В каминном зале в большом кресле, обитом красным бархатом, сидел четвертый барон Ротшильд. Он то протягивал руки к огню, пытаясь согреться, то тер их. Иногда, задумавшись, он осматривал стены комнаты, где висели портреты предков. Взгляд то и дело возвращал-

ся к резной витрине над камином. За стеклом стояли дивной красоты старинные вазы, собранные из разных коллекций. Отчего-то барону захотелось разбить их все, но он сразу же погнал эту мысль прочь. Такого отношения к искусству он бы себе не простил. Из раздумий его вырвал звук подъехавшей машины. Он нахмурил брови – гостей Ротшильд не звал. Дочь Ханну он просил зайти завтра, и навряд ли она стала бы перечить отцу. В дверь постучали. Натаниэль лениво встал с кресла, ругнулся на себя за то, что не стоило отпускать прислугу, и пошел встречать незваных гостей. На пороге, кутаясь в пальто, стоял его сын.

– Нэт? – удивился старик. – Ты что тут делаешь?

Мужчина быстро вошел внутрь, от холода его кожа пошла красными пятнами.

– Ну так что?

– А где Артур и Меган?

– Я их отпустил на сегодня. – Барон закрыл дверь на замок и направился обратно к камину.

– Жаль. Я бы не отказался от вкусного обеда в исполнении Меган. – Нэт бросил пальто и шарф на стол и последовал за отцом. – Почему ты решил тут остановиться? Мама же в Уоддесдоне.

– Хотел побыть один и привести мысли в порядок. Кроме того, до особняка отсюда недалеко. При желании можно и пешком дойти. – Барон взял кочергу и подвигал ею поленья в камине.

– Кстати о мыслях, ты сказал по телефону, что намерен распустить Совет, или ты пошутил так неудачно? – Нэт сел на обитый бархатом диван, продолжая внимательно разглядывать отца, ища в нем какие-то изменения.

– Зачем нужны люди, не разделяющие общих целей? – задумчиво спросил барон. – Не видящие дальше своего носа, готовые броситься в междоусобицы в борьбе за трон...

– Пап, я... я тебя не понимаю, – подался вперед Нэт. – С чего ты вдруг так изменил свое мнение? Еще неделю назад ты говорил, что работа с Рокфеллерами выгодна, Совет идет к своим целям... Что такого произошло в Нью-Йорке?

– Хм-м, – Джейкоб смерил сына недоверчивым взглядом, – работа с этими американскими выскочками никогда не была выгодной. Это был всегда компромисс, единственная возможность держать их в узде – держать врагов ближе друзей. Думаешь, у Дэвида благие намерения на наш счет? Думаешь, ему есть дело до общих целей?

– Думаю, да, – кивнул Нэт, чувствуя, как растет напряжение в комнате. – Еще я знаю, что они давно оставили все разногласия с нашей семьей в прошлом.

– Чушь! – махнул рукой барон. – И как только ты в это поверил?! Помнишь конечную цель Совета?

– Как не помнить, – закатил глаза мужчина, – ты мне с детства о ней рассказываешь. – Встретившись с недовольным взглядом отца, Нэт неохотно процитировал слова из прошлого: – Построить новый мир, где добро и справедливость идут рука об руку, где нет места злу, где правит вернувшийся Бог...

– Жаль, ты в это никогда не верил.

– Да верю я, верю. Просто нет мне до этой сказки никакого дела. Ты меня знаешь, пап, я живу сегодняшним днем. Мне плевать на дни после моей смерти. Я свое хочу получить здесь и сейчас. Хотя я и выполняю все указания Совета по достижению этих утопических целей...

– Если бы ты был умнее, – покачал головой барон, – ты бы понял, что мой ход с Косово ничуть не хуже хода с ТИСой[17]...

– Вы же и так собирались брать их в ЕС, они все равно бы его подписали, – развел руками Нэт. – Кроме того, Балканы и так под нашим контролем.

– Это ты так думаешь, – покачал головой барон. – А на деле они все еще смотрят в сторону России, ждут...

– Чего?

Отец хмурился, морща лоб. Резко встав с кресла и бросив кочергу на пол, он направился к окну. Со стены на него смотрела Элис де Ротшильд. Ему показалось, что он заметил в ее глазах презрение.

– Я скажу тебе чего... – Натаниэль засунул руки в карманы брюк и глубоко вздохнул. – Балканы притаились, они ждут заговорщически чего-то, они то и дело поглядывают на своих соседей – сплошь врагов. Ждут, когда же Россия снова окрепнет и поведет их за собой... Сил ей помочь у них нет. К их же сожалению, нет и желания. Как у большинства южан, есть лишь оправдания. Именно это сыграет нам на руку. В конце концов, идея Бжезинского оторвать от России всех друзей и взять их под свой контроль работает... Проблема в том, мой сын, что влияние русских в регионе растет, а возврат пресловутого Косова повернет Балканы к нам лицом, и никакая Россия их уже не остановит. Мы купим предателей...

– Допустим, это так, но отчего вдруг ты надумал распустить Совет? Разве они против такой твоей чудной идеи?

– Не то чтобы меня волновало их мнение на сей счет, – пожал плечами барон. – Однако они знают, что я прав, но вот проблема Совета в том, что цели у них изменились.

[17] Имеется в виду соглашение TISA (Trade In Services Agreement) *(авт.)*.

– В какую сторону?

– Твой друг Рокфеллер тебе не сказал? – Через плечо он глянул на сына с недоверием. – Странно.

– Видимо, забыл, – фыркнул Нэт, смотря в огонь.

– Они хотят сместить меня, хотят, чтобы мы ушли из США, Дэвид давно думает, как от нас избавиться и построить свой мир, где он будет главным.

– С чего ты это взял вообще?

– Я всегда это знал. – Ротшильд смотрел в окно и водил по стеклу пальцем, будто рисуя что-то. – Он никогда бы не отказался от этой идеи. Удивительно, что он так долго ждал...

– Бред какой-то, – закрыл лицо руками Нэт. – Еще неделю назад ты мне сказал, что все идет по плану, что все шестеренки работают... что Совет на пути к своим целям... Сказал, что к 2030 году все завершится... Черт, я не понимаю, что изменилось-то?

– Может, Дэвид наконец понял, что до 2030-го он не доживет? – улыбнулся барон, – Решил поспешить.

– Или ты, – развел руками мужчина, начав нервно кусать кожу на большем пальце, думая, что делать, пытаясь осмыслить происходящее.

– ...Уничтожу их всех, а потом создам новую группу... по моим правилам, по моим законам... это мой мир... – шептал себе под нос Натаниэль.

– Что? – ничего не расслышал сын. Он встал с дивана и подошел к отцу, тот поспешил вернуться к камину. Отчего-то не желал стоять рядом с Нэтом. Тот, нахмурившись, посмотрел ему в спину, затем на стекло. Ничего не было видно. Он дыхнул на него пару раз, и перед ним проступил непонятный рисунок – крест с четырьмя буквами «С».

– Что это еще такое? – спросил он, но отец ему не ответил. – Дальше что делать будешь?

– Работать. Много и усердно. Как всегда. – Барон расхаживал по комнате, заглядывая в глаза родственников на портретах.

– Что-нибудь еще кому-нибудь вернешь?

– Разумеется, – кивнул старик. – ...Долги.

– Какие еще долги?

– Те самые.

– Я... я не узнаю тебя, пап. Ты уверен, что с тобой все в порядке? Может, позвоним доктору Морису, он посмотрит тебя...

– Я абсолютно здоров, Нэт, и отлично себя чувствую. Как никогда ранее. – Барон улыбнулся. – Думаю, тебе пора уходить. Я хочу спать.

– Мы не договорили.

– Снова ошибаешься, сынок. Наш разговор окончен.

– Ты мне не доверяешь больше?

Отец повернулся к нему лицом и несколько секунд внимательно рассматривал его.

– ...Это ты мне не доверяешь. Больше.

– А кому же я доверяю тогда, если не тебе, пап?

– Зависит от того, кому ты позвонишь, когда выйдешь за дверь. Теперь прощу прощения, но я хочу спать. Выход найдешь сам.

Барон вышел из комнаты и по широкой лестнице поднялся на второй этаж. Нэт слышал, как хлопнула дверь спальни. Мужчина некоторое время стоял в замешательстве. Мысли путались. Все казалось сном, нереальным. Только треск поленьев из камина и завывания ветра за окном твердили, что реальность – здесь и сейчас. Младший Ротшильд перебирал в голове всевозможные варианты дальнейших действий. Здравый смысл подсказывал ему потерпеть до следующего хода отца и уже отталкиваться от него, но его пятая точка, отлично чувствующая неприятности, кричала о том, что пора готовить спасательную шлюпку.

Выйдя из дома, он быстро сел в машину. Заведя мотор, Нэт поежился от холода и, поднеся ладони к лицу, начал их отогревать дыханием. Он глянул на свой телефон, лежавший на пассажирском сидении. Никому он звонить не собирался. Во всяком случае, сегодня. Слишком многое нужно обдумать.

Барон включил телевизор, и на первом же канале шло прямое включение из Нью-Йорка.

За кафедрой в главном зале Комитета по международным отношениям успели смениться несколько спикеров. Госсекретарь Керри выступил первым, сделал несколько одобренных заявлений и поспешил покинуть здание. Его ждал президент в Вашингтоне. Четвертым спикером стала миссис Клинтон. Поправив прическу, поблагодарив ведущего, она поднялась на сцену и подошла к кафедре. Ей было трудно выйти из образа «кандидата мечты», она не могла остановиться и без конца улыбалась в объективы камер. На какое-то мгновение она даже забыла, почему и зачем ее пригласили. Поприветствовав всех, Клинтон устремила свой взор в зал в ожидании вопросов.

– Миссис Клинтон, как бывший госсекретарь вы одобряете такой ход ООН? Не повредит ли он в будущем США и странам ЕС?

– Лично я не одобряю. Мне вообще не нравятся такие шаги, которые бросают тень на нашу репутацию. И этот шаг – один из таких. Сами подумайте, мы будто расписываемся в собственной неправоте... С точки зрения комитета, да и в моем понимании, это неприемлемо.

Я бы такого точно не сделала. Так что вы знаете, за кого голосовать. – Она подмигнула аудитории, срывая овации.

– Что комитет рекомендует делать в дальнейшем? Албания уже заявила ноту протеста, были зафиксированы нападения на посольства США в Косово, Тиране...

– Что ж, им придется смириться с новым положением дел, – пожала она плечами, незаметно перебирая поданные ей ведущим карточки с ответами. Правда, она все равно переиначивала их на свой лад. – Вопреки мнениям, мы не отказывали им в помощи, скорей они не оправдывают наших вложений. Им нужно лучше стараться...

Киссинджер и Бжезинский наблюдали за ее выступлением в отдельной комнате. Збигнев был явно раздражен, и все происходящее ему очень не нравилось.

– Господи, зачем вообще позвали эту сумасшедшую бабу?! – возмущался он, услышав очередную шутку от Клинтон.

– Из нее готовят президента, – закинул ногу на ногу Генри. – Или ты забыл?

– Не забыл, – мотнул головой тайный советник Обамы.

– Кто-то же должен говорить американцам то, что они хотят слышать.

– Последние опросы показывают, что не очень-то американцы хотят видеть ее своим президентом.

– Збигнев, друг мой, наша работа – давать народу не то, что они хотят, а то, что, мы считаем, у них должно быть. Ни больше, ни меньше. Президент в юбке сразу после президента-негра... Мечта, ставшая реальностью. Пусть живут своей мечтой и не мешают нам.

– Представляешь, как бы они огорчились, услышав это?.. – хмыкнул Бжезинский.

– Человек, не склонный бороться за то, что ему хочется, друг мой, недостоин того, чего ему хочется.

– Мы приложили к этому массу усилий, к воспитанию таких людей. Какие будут дальнейшие указания?

– Пока никаких. Мы соберем Совет на этой неделе и определимся со следующими ходами. Пока мы будем ждать.

– Чего?

– Следующего шага нашего нового-старого врага.

Барон Ротшильд выключил телевизор, оставшись в полной тишине.

– Наверняка вы соберете Совет без меня, – вслух сказал он, – и позовете Нэта... Кого ж еще?.. – Натаниэль поднял глаза на стоящую под стеклом голову царя Лазаря. – Пускай разведает их планы... это мне на руку. – Вдруг он схватился за голову от резкой боли, сжимающей

череп и в то же время рвущей его на части. – Жаль, мисс Лазарь, – прошептал он, – что и вы не смогли справиться с моим недугом, очень жаль... – Боль отпустила.

Тогай и Сенка уже давно были дома у Эвиса и отсмотрели всю пресс-конференцию. Она им не понравилась. Гарсия всю дорогу пререкался со спикерами и ругался на них по-испански.

– Они тебя не слышат, Эвис, – улыбнулся индеец.

– Пускай! Я посылаю свое негодование в космос, а оттуда и до них дойдет. В карму им как бабахнет! Они такие – откуда, кто? А это Эвис Гарсия! – он стукнул себя ладонью по груди.

– Ну, теперь я знаю, как ругаться по-испански, – хмыкнула Обилич. – Как думаете, что они будут делать дальше? – спросила девушка, оглядев своих новых друзей.

– Одному богу известно, – пожал плечами хакер. – А вот что будет делать твой подопытный, тебе видней должно быть.

– Не все сразу, друг мой. Ему тоже нужно время, чтобы пойти по навязанному мною пути. – Сенка в очередной раз закурила. – Что там с Косом?

– Косом?.. А, этот! Ну что могу сказать, – почесал в затылке Эвис, – он ищет выходы на Джока или на этого начальника охраны...

– Брось, какой он к чертям начальник охраны. – Сенка натянуто и криво улыбнулась.

– А кто он тогда? Чего трется рядом с бароном?

– Убийца он. Выполняет грязную работу за хорошие деньги и, наверное, обещания счастливого будущего.

– Ну, – вздохнул хакер, – пока мы подсовываем им ложные подсказки и дорожки, и пока ведутся оба.

– Кто «мы»? – переспросила девушка.

– «Цикады»... думаешь, я один смогу такое провернуть?

– Понятия не имею. Может, оставите эту затею? Пускай встретятся. Горан ничего нового ему не скажет.

– Скажет, где тебя искать, например.

– Я там уже не живу. Меня там никто не знает, никто не видел, как я ушла. Смысл?

– В квартире могло что-то остаться? – спросил Тогай.

– Да точно, там прям на столе записка с вашими именами и адресами и подпись: «Ушла к друзьям, буду поздно».

– А можно без сарказма?

– Куда ж без него?

– Так, вы оба, хватит мне тут ругаться, – замахал руками Эвис. – Сенка, в квартире есть что-то важное?

– Все с собой. – Она кивнула на сумку.

– А ноутбук? Компьютер у тебя был какой-то?

– Согласно давней инструкции, жесткий диск очищен, – закатила она глаза. – В нем нет ничего, что могло бы помочь ему найти меня. И никогда не было.

– Телефон?

– Я выкинула симку.

– Это правильно, я дам тебе новую сейчас. А где выкинула-то?

– В Квинсе, черт вас побери! – раздраженно ответила Обилич. – Ребята, – она затушила сигарету, – чего-чего, а прятаться я умею. Ни мой компьютер, ни моя квартира не дадут ему никакой подсказки, куда я ушла. И я вообще сомневаюсь, что его это интересует.

– А что тогда этот твой Горан ему сказать хочет?

– Думаю, хочет предложить свои услуги по моему устранению, – пожала она плечами.

– И как он поможет, если твоих следов нет нигде? Тем более из Сербии? – удивился Тогай и перевел взгляд на Гарсию. Тот сидел глубоко задумавшись. Вдруг он буквально подпрыгнул на месте, будто вспомнил что-то, и суетливо забегал по комнате в поисках одному ему известно чего.

– Горан не дурак и очень скоро поймет, что мне кто-то помогает. – Обилич подошла к окну и приоткрыла его. Морозный воздух ворвался в помещение. – Не меня он искать будет...

– А кого? – полюбопытствовал Тогай.

– Вас. – Она выпустила клуб дыма и вздохнула. – Стрекоз его.

– Ци-ка-ды! Блин! Неужели так трудно запомнить?! Да и не найдет он нас всех. – Он резко замолчал. – Черт! Черт! Черт!

– Что? – одновременно спросили друзья.

– Я, кажется, просчитался... – Гарсия сел за свой компьютер и застучал пальцами по клавиатуре, выискивая какую-то информацию.

– В чем конкретно?

– Я в твой компьютер залазил отсюда без особой защиты. – Эвис указал на монитор. – Искал тогда способы защитить твой комп... вот я идиот!

– То есть в нем есть ниточка к тебе?

Он кивнул.

– А удаленно сделать этого нельзя?

– Твой компьютер обесточен, я к нему не подключусь.

– Восстановить данные он сможет? По ним на тебя выйти?

– Нет ничего невозможного... бог его знает, – покачал головой хакер. – На меня конкретно навряд ли, я не такой лопух, как может показаться...

– Неважно. – Она выбросила сигарету в окно. – Заметай теперь ваши следы, чтобы они вас найти не могли.

– Погоди, а ты куда собралась?

– Хотела я разбить этот чертов компьютер, нужно было так и сделать.

– Я с тобой! – вызвался индеец.

– Побежали, мои дорогие! Побежали!

– На телефоне, если что! – уже из коридора крикнул индеец.

Сенка и Тогай вышли на улицу и направились в сторону остановки. Снова пошел снег.

– Что не так? – спросил индеец, заметив раздражение на лице девушки.

– Все, – не глядя ответила она. – Если ты не заметил.

– Все будет нормально, заберем компьютер и тихо уйдем. Вернемся к своим делам.

– Вот именно в это верится с трудом.

– Почему?

– Закон Мерфи никто не отменял...

Бранкович иногда лениво поглядывал на Грегори, ковырявшегося в своих компьютерах. Он все никак не мог распутать клубок лжи, свалившийся на его хакерскую голову. В комнате работал телевизор, на всех новостных каналах шло одно и то же.

– Отчего так долго?

– Нам мешают человек пять минимум, – через плечо ответил Грег. – И один из них стабильно висит на моем компьютере, и я никак не могу его сбросить.

– Зайди с другого, – нахмурился Вук. – Или с этим тоже проблемы? Может, найдешь хотя бы как с ним связаться без интернета?

– В смысле?

– Телефончик у него есть, наверное. Ты у нас гений, а не я.

– А это идея.

– Наконец-то, – закатил глаза Бранкович, вставая с дивана и направляясь в кухню к холодильнику. Он достал бутылку апельсинового сока и скептически на нее посмотрел. – Давно ты перешел на здоровый образ жизни? – В холодильнике не было ничего не вегетарианского.

– А? А! Это Линда борется за мое здоровье, – махнул тот рукой. – Бери что хочешь!

– Да такое и с голодухи не возьмешь... – буркнул он себе под нос.

– Готово!

– Обошел их?

– Ну, не совсем. Надеюсь, Кос догадается... Эти ребята пропустили мое объявление. Дурачки.

– Какое? – Вук глянул на монитор, там было открыто объявление о продаже щенят. – Что ж, подождем. – Он похлопал Грега по плечу. – А мой номер ты специально дал или из вредности?

– Я человек скрытный... понимаешь.

– Я зато публичный. – Бранкович хмыкнул.

Эвис только закончил подчищать следы, ведущие в его дом. Он с облегчением выдохнул. В очередной раз отругал себя за такую безответственность. Хакер посмотрел на стоявшую на столе фотографию в рамке. На ней был сам Эвис, его мама и его сестра.

– Как я мог быть таким неосторожным... чуть не привел убийц к маме...

Его внимание привлекло сообщение, мигающее на втором мониторе.

– Что с этим делать? Никаких шифровок, просто продает щенков. – Гарсия перешел по ссылке. Его рука сама потянулась к телефону. Он набрал номер.

– Да, Эвис? – сразу же ответил Тогай.

– Дай трубку Сенке, друг.

– Слушаю.

– Ты знаешь этот номер? – он продиктовал ей цифры из объявления.

– Это номер Вука.

– Мы проглядели, кажется... если поймет, то позвонит им.

– Поняла тебя.

– Сенка, не ходите туда! Я затер следы, не найдут!

– Мне нужна стопроцентная уверенность. И еще, Эвис, подключись к телефону Бранковича. Чтобы быть в курсе.

– Уже, но пока тишина.

– До связи. – Обилич повесила трубку. – Ну вот и началось.

– Что он сказал?

– Ничего хорошего.

Бранкович сидел на диване, курил и крутил в руках телефон, то и дело поглядывая на экран. Голоса корреспондентов то и дело нарушали ход его мыслей. Он возвращался к тому моменту, когда прижал Обилич к стенке, и к тому, как ничего не помнил до ее звонка.

– А про нее слышно что-то? Звонки какие-нибудь? – он глянул на Лида.

– Последний звонок был на работу. Больше запеленговать не могу. Думаю, она уничтожила симку.

– Посмотри отчет по моему номеру, откуда мне звонили вчера вечером.

Лид застучал пальцами по клавиатуре.

– Это был телефон-автомат в Квинсе... и наличные она сняла там же где-то. – Грегори почесал затылок. – Судя по всему, она вообще никогда не пользовалась карточкой в районе, где по-настоящему живет. Всегда где-то у черта на рогах снимала, ну, магазины только те, что в центре... Как так жить можно?.. Постоянно думать о таких мелочах – какие нервы должны быть... – вслух подумал хакер.

– В Квинсе?

Хакер кивнул.

– Умно.

– Угу. А зачем она тебе звонила?

– Не важно, – махнул рукой Вук, – с того автомата были еще исходящие в тот вечер?

– Сейчас узнаем...

Не прошло и двух минут, как был готов ответ:

– М-м, да, было два. С разницей в сорок минут.

– Куда она звонила после меня?

– Вот сюда. – Хакер указал пальцем на номер на экране монитора. – В Сербию, походу.

– Пробей-ка.

– Не смогу, – покачал он головой. – У меня нет базы по этому региону. Там все слишком темное и... отсталое, что ли. Извини, конечно...

– Набери.

– Что, прямо сейчас?

– Нет, завтра! Набирай!

– Ладно, ладно, – буркнул Лид, набирая номер. – Счет мне оплатишь потом.

Соединение происходило долго. Наконец пошли гудки, но никто не отвечал.

– Как бы узнать, чей это номер... – почесал щеку Вук. – Надо будет звякнуть одному товарищу там.

Бранкович молча курил и размышлял, расхаживая по комнате кругами.

– ...Как думаешь, Грег, гипноз реален? – нарушил тишину Вук спустя пять минут молчания.

– Конечно! Им даже лечат сейчас...

– Я не про то, – покачал головой Вук. – Я про гипноз, способный заставить человека выполнять свою волю. Навязать определенное поведение, действие... Такой возможен?..

– М-м, – протянул Лид, – раньше же были такие люди, могли и не такое.

– Кто, например?

– Хм, – задумался хакер, – о! Мессинг, например! Чего только не мог! Врач-психиатр Эриксон... ну и Крисс Энджел.

– Последний вот вообще не в тему.

– Не скажи, чтобы люди поверили в фокус, их нужно настроить на другую волну. Тоже гипноз в своем роде.

– А что, если это она?..

– Что она? – удивился Грег. Бранкович молча кивнул на телевизор. – Свела мир с ума? Хех, это слишком круто, – улыбнулся хакер.

– Зачем ей мир, когда у нее был доступ к самому влиятельному человеку...

– Извини, но Ротшильд не из тех, кого можно обдурить.

– А я? – нахмурился Вук.

– Да и ты.

– Ну так вот, дело тут не в дурмане. Она управляла моим поведением... Ничто не мешало ей проделать то же самое с бароном.

– Я тебя умоляю, она простая баба из бедной страны, у которой ничего нет. Она нелегалка... Максимум, что она могла сделать, – это попросить у него денег, пару миллиончиков так.

– ...Ты бы видел эти глаза. Ей не нужны миллионы...

– А что ей нужно?

– Месть?.. Не знаю, – мотнул он головой. – Она опасна. Ее нужно устранить – и всех тех, кто ей, возможно, помогает.

Вдруг зазвонил телефон. Номер не определился. Бранкович поднес его к уху.

– Хороший ход со щенками, – сказал неизвестный на английском, но с очень сильным акцентом.

– Есть что сказать? – спросил на сербском Вук. – Где ее искать?

– Какой борзый, – хмыкнул Кос, щелкая зажигалкой. – Я слышал, ты не можешь найти одну девчонку.

– Есть что сказать – говори.

– У меня есть для тебя полезная информация, но очень хотелось бы знать, что мне за это причитается...

– Насколько я помню, тебя устраивала девушка мертвой в качестве вознаграждения, или уже денег захотелось?

– Возможно. Хотя первое предпочтительней всего.

– Отчего так? Мне казалось, ты с ней дружил.

– Никогда. Да и потом, она женщина моего покойного врага. Я думаю, ему в аду без нее скучно.

– И кто он?

– ...Милош Лазарь.

– Давно хотел спросить: как он умер?

– Устроили засаду по ложному вызову и расстреляли машинку в упор. Хоронить даже нечего было, куски мяса разве что. Послушай меня, Вук, – тихо говорил Кос, почти шипел змеей, – если пару недель назад она была одна, то сейчас у нее есть помощники. Не знаю, что их с ней связывает, но они могут представлять опасность для твоей новой родины.

– О чем это ты?

– У той группы есть идеи по дестабилизации страны, восстаниям и прочей ерунде. Та группа готовится к чему-то глобальному. Я не знаю, зачем им Сенка, но они ее защищают. В сети, во всяком случае.

– Не совсем понимаю, о чем ты.

– Немудрено. Ты ведь никогда сообразительностью не отличался, – улыбнулся Кос. – В общем, убьешь ее, я дам тебе информацию об этой группе. Повесишь себе на грудь медальку, даже не одну. Будешь тем героем, которым не стал из-за Милоша тогда в Приштине. Как тебе такая мысль?

– Мы знакомы? – глаза Бранковича сузились.

– Возможно. Только это не имеет значения. Значит, так, я скину тебе ее адрес. Не знаю, застанешь ли ты ее дома, но какую-нибудь зацепку да найдешь.

– У меня есть один номер, ты не знаешь случайно, чей он? – Вук продиктовал цифры с экрана.

– ...Это номер Милоша, – помолчав какое-то время, ответил Кос. – Откуда он у тебя?..

– Она звонила ему вчера.

– И?

– Там никто не отвечает. Почему его телефон до сих пор работает?

– Понятия не имею, но, если тебя это так беспокоит, я поинтересуюсь.

– Сделай одолжение, в накладе не останусь.

– Само собой. Я свяжусь с тобой позже. – Кос повесил трубку, и тут же на телефон Вука пришло сообщение с адресом Обилич.

– Ну, что он сказал? – не без любопытства спросил Лид.

– Адресок вот подкинул. – Бранкович закусил нижнюю губу, затем цокнул. – Не нравится мне это. Кос сказал, что ее помощники опасны. Узнай, кто это и с чем их едят.

– Зачем тебе это?

– Мне кажется, мне Бог подкинул отличную возможность осуществить детскую мечту.

– Что, мир спасти?

– До кучи, – улыбнулся Вук. – Ищи теперь тех, кто мешался тебе. Хочу знать, кто они и зачем им эта Обилич.

– Может, они ее символом своей борьбы выбрали?.. – развел руками Грегори.

– Заберем у них этот символ тогда, но сначала изрядно его помучаем.

– Я думал, ты бросил свои привычки. Ты же говорил, что теперь просто выстрел в голову – и к девочкам?

– Тут особый случай. Боюсь, не устою перед соблазном.

– Ты страшный человек, Вук, – покачал головой хакер. – Хорошо, что мы друзья, а не враги...

– Повезло тебе, да уж, – улыбнулся мужчина.

– Будешь у нее дома, компьютер ее захвати. Думаю, в нем найду что-то.

– Новый год давно закончился, до твоего дня рождения еще далеко.

– Я буду себя хорошо вести, дяденька! – засмеялся хакер. – Это и тебе полезно будет.

– Ладно!

Бранкович спешно покинул дом Лида, сел в машину и направился по адресу. Он открыл бардачок и достал оттуда дополнительную обойму. Вместо радио он включил полицейскую волну. Ему пришла мысль, что если не найдет ее он, то городские ищейки ему в этом помогут. Он пощупал свои карманы в поисках распечатанной фотографии. Достав ее, он еще раз посмотрел на Сенку и Милоша рядом с ней.

– Видно плохо, но узнать можно, – вслух рассудил он. – Не потеряешься, не в этой стране.

Эвис успел предупредить своих товарищей из группы «Цикады» и продолжал отслеживать действия Грегори Лида. Одной рукой он клацал по клавиатуре, второй записывал что-то, держа телефон на громкой связи.

– Тогай! – Индеец наконец снял трубку. – Где вы?

– Через полчаса будем на месте.

– Отбой! У Бранковича есть адрес, и он едет туда! Уходите оттуда! Плевать на компьютер, отобьемся!

Гарсия услышал шорох, трубку взяла Сенка.

– Что еще ему Горан сказал?

– Я не слышал всего разговора, но они говорили о твоем устранении и о «Цикадах»...

– Так и думала, – прошептала девушка. – Зря вы со мной связались, Тогай, – услышал Эвис. – Так, хакер, делай свое дело, обезопась

себя и своих, насколько это возможно. Мы тут разберемся с компом и вернемся, если будет безопасно.

– Сенка... я боюсь, он привлечет свой административный ресурс.

– Это какой?

– Полицию.

– Не страшно, – мотнула она головой.

– В этой стране страшно.

– Где Бранкович сейчас? Отследить можешь?

– Он почти у твоего дома.

– Ясно. Все, не звони, сами наберем.

Она отключила телефон и отдала его индейцу.

– Тогай, мы можем закончить на этом наше общение. – Они остановились за квартал от ее дома. – Я разберусь с техникой и Бранковичем, если понадобится. Ты и Эвис делайте свое дело дальше. Нам незачем быть всем втроем. – Снег стелился на дорогу и молча слушал незнакомцев. – Это становится опасным.

– Мы вместе в этом деле, – улыбнулся индеец. – До конца.

– Не самое лучшее место для громких речей, Чингачгук, тут нет зрителей. И Бранкович убьет тебя, и ты подведешь свой народ, бла-бла-бла. Я не хочу брать и этот грех на душу.

– Не старайся, Сенка, – покачал головой индеец. – Я не уйду. У нас одна дорога, и до развилки еще далеко.

– Ты умереть можешь, ты это понимаешь? Тебе семью содержать, у Эвиса есть мать. Мне терять нечего. Все потеряно. Я сделала то, что твой прадед напророчил. Время – ваш союзник, не я. Просто расходимся, и все.

– Нет. Мы идем вместе до конца. Это наш выбор, мой и Эвиса. И дело тут не только в тебе, дело в том, что мы хотим изменить этот мир. Если мы умрем, это будет наш выбор, а не твоя карма... Хотя тебе и нравится верить в это.

– Это не карма. Это – моя жизнь. Ни один близкий мне человек не умер своей смертью. Еще чуть-чуть, и вы можете последовать за ними.

– Поэтому всех палкой от себя гонишь?

Девушка недовольно смотрела по сторонам, не зная, какие еще слова подобрать.

– Твой дар на меня не работает. Даже не пытайся. Смерть во имя мечты – это наш выбор, не твоя оплошность.

– Я не дам вам умереть... хватит уже об этом.

– Ну вот и отлично. Заберем компьютер, разберемся с Вуком, вернемся к нашим делам.

– Да каким делам-то? Что вы все планируете?! – Обилич сама не ожидала от себя такого раздражения, давно сдерживаемые эмоции

рвались наружу. Только сейчас она поняла, насколько давно говорила с людьми по-настоящему.

– Закончим с этим, узнаешь.

Тем временем они почти пришли. Они остановились перед аркой, ведущей во внутренний двор дома Сенки.

– Что-то не так? – спросил индеец, когда девушка остановилась.

– Он уже здесь. – Она кивнула на машину. – Вук.

– Что делаем? Есть план?

– Ждем.

– Чего.

– Когда он перероет мою квартиру и выйдет с жестким диском или чем там.

– И? Предлагаешь напасть на него?

– На вооруженного убийцу нападать собрался? – улыбнулась Сенка, доставая из кармана пачку сигарет.

– Это не мое дело, но ты слишком много куришь, – сказал индеец, поглубже натянув капюшон и стуча по земле ногами, стряхивая с ботинок снег.

– Нервы ни к черту, – ответила Обилич. – Мда... – выдохнула она. – Опять поганые несут нам цепи рабства, опять в горах горят костры в ночи... Могила Милоша на Косово забыта, а зов его и по сей день звучит... – проговорила она на сербском, поднимая глаза на окна своей квартиры. Тогай молчал. В этих непонятных ему словах было слишком много боли, чтобы просить перевода.

– Будем тут стоять и ждать – или?.. – осторожно спросил Тогай, тоже смотря на последний этаж дома.

– Или.

– Есть идея, как поступим?

– Встретим его в подъезде. Там места для маневра мало.

– Хочешь воспользоваться даром?

– ...Угу. Прям страсть как хочу... – недовольно ответила девушка, затушив сигарету о машину Бранковича.

Вук поднялся на последний этаж и, сверившись с сообщением, подошел к нужной двери. Он прислушался – внутри было тихо. Несколько раз дернул дверь. Бросив быстрый взгляд в коридор, убедившись что никого нет, достал из нательной кобуры пистолет и быстро прикрутил глушитель. Пара выстрелов в замок, и дверь открылась. Мужчина скользнул внутрь. Обойдя квартиру, он недовольно вернулся в гостиную. Несмотря на то что в шкафу оставалась одежда, да и еды в холодильнике хватало, было очевидно, что хозяйка квартиру покинула навсегда. На полу стоял проектор. Вук с интересом посмо-

трел на него и подошел ближе. Найдя розетку, он включил его. В ту же минуту потолок озарился сотнями далеких и, возможно, давно мертвых звезд.

– А ты, оказывается, романтик... – Ухмыльнувшись, Вук снова оглядел комнату и только сейчас заметил на полу у дивана лист бумаги и конверт. Мужчина поднял письмо и быстро пробежался по нему глазами. – Значит, правду этот Кос сказал... Хорошо же он тебя прятал... – Он снова посмотрел на потолок. – Где же ты теперь?..

Бранкович свернул письмо и положил его во внутренний карман. Он подошел к компьютеру и постучал по крышке.

– Вот и подарочек Грегори...

Больше в квартире не было ничего интересного. Взяв ноутбук под мышку, Вук вышел в коридор и направился к лестнице. Вдруг он остановился у последней двери, услышав за ней голоса. Он постучал, и ему открыли.

– Добрый день, мэм, – поприветствовал ее Бранкович. – Лейтенант Бриз, полиция Нью-Йорка. Вы знаете эту женщину? – он показал ей фотографию. – Она проживает в дальней квартире?..

– Там никто не живет уже лет пять как. И этой Белоснежки я тут не видела никогда. Чего ей делать в нашем доме-то?

– Понял вас. Благодарю.

Вук покачал головой и начал спускаться по лестнице. Когда он был почти на первом этаже, у дверей подъезда он увидел рослого, крепкого мужчину, к тому же индейца.

– Ну и райончик... столько цветных. – Он скорчил презрительную гримасу. Только вот взгляд краснокожего был крайне недоброжелательным. Вук замедлил шаг. В этот самый момент прилетел сильный удар в спину. Не удержав равновесие, он буквально скатился к ногам индейца.

– Какого?!.. – прошипел он, потянувшись за пистолетом и оборачиваясь.

– Сюрприз! – прошептала Сенка на сербском и снова ударила его. На этот раз кулаком чуть ниже виска. Удар получился настолько сильным, что Бранкович потерял сознание.

– Эм-м, – Тогай посмотрел на девушку, обыскивающую мужчину, – ты же вроде даром собиралась воспользоваться?

– Я и воспользовалась.

– Что-то ищешь?

– Мало ли... вдруг он нашел что-то, что я проглядела. М-м, это что?.. – Она вытащила письмо Милоша из куртки Вука. – Вот теперь уходим. – Девушка подхватила ноутбук и направилась к двери, переступая через тело врага.

– Это кунг-фу, что ли? Ты не говорила, что умеешь...

– Я не знаю кунг-фу, Тогай. Я просто знаю, куда нужно бить, чтобы наверняка. Пойдем, пока негры не набежали!

Они быстро вышли на улицу и направились в сторону метро. Зайдя в полупустой вагон, они сели на сиденья у дверей. Сенка осмотрела покоцаный ноутбук, падение с лестницы не прошло для него бесследно. Тогай сидел с задумчивым видом и явно собирался с силами что-то спросить.

– Что? – нарушила тишину девушка.

– Почему ты не загипнотизировала его? Ведь после этого нападения он добрей не станет...

– Потому что он не дал бы мне этого сделать. Вук бы открыл огонь. Признаться, я бы сделала то же самое, окажись я на его месте. Правда...

– Что? – поднял на нее глаза индеец.

– ...Нужно было его убить. – Обилич поджала губы. – Чтобы не было проблем. Как-никак, он единственный, кто в курсе.

– Почему не убила тогда?

– Не знаю, – прошептала она. – Видимо, твое влияние сказалось. – Она хмыкнула.

– В смысле?

– Ну, вы, индейцы, такие хорошие, терпеливые... вас бьют, а вы терпите...

– Мы не такие хорошие, как ты могла подумать, – покачал головой Тогай. – На наших руках достаточно крови. До прихода белых мы тонули в междоусобных войнах, но общие цели помогли нам остановиться. Некогда враги стали союзниками...

– То есть, когда белые закончатся, вы снова будете убивать друг друга?

– Надеюсь, станем мудрее и не будем... Этот Вук станет большой проблемой теперь.

– Уверена, что твой прадед тебя об этом предупреждал. Да и потом, – она вытянула ноги, пытаясь своеобразно потянуться, – наличие врага мобилизует все скрытые резервы. Теперь, – она посмотрела на Тогая, – есть стимул действовать осторожно и осмотрительно. Так будет интересней.

– До поры до времени. Мы не знаем, на что он способен.

– На все способен. – Она улыбнулась губами. – Тем более когда озлоблен.

– Жаль, ты его не убила... или заставила бы пить чай до скончания времен... Проблем было бы меньше.

– Можем вернуться и закончить.

– Едем к Эвису, – выдохнул индеец. – И надеемся на лучшее.

– Не в моих привычках.

Бранкович открыл глаза и поморщился от резкой боли в плече. Он медленно поднялся с пола, держась за перила, и осмотрелся. Его пистолет лежал на полу нетронутым. В ушах все еще звенело то ли от падения, то ли от удара. Потерев глаза, он поднял оружие и отвинтил глушитель.

– Ну, тварь... – Он плюнул в сторону. – Надо было добивать... – Он убрал пистолет в кобуру и, застегнув куртку, вышел на улицу. Мороз сковывал дыхание, но отлично приводил в чувство.

– Убью с-суку, – кипел себе под нос Вук, идя к дороге.

Забравшись в свою машину, он еще с пару минут сидел и шумно дышал, обдумывая следующие шаги. Без ноутбука выследить ее будет сложней, но зачем мучиться, если можно заручиться поддержкой бывших коллег.

Вук взял телефон и набрал номер хакера.

– Компьютер у тебя? – бодро спросил Грег.

– Нет, и зацепок тоже нет. Так что ищи этих помощничков, и быстро.

– У тебя какой-то голос странный, что случилось?

– Ты еще спроси, не обидел меня кто, – фыркнул Вук.

– Хех, ладно, наберу, как найду что-то. Только, м-м... – замялся Лид.

– Что еще? – раздраженно спросил Бранкович.

– Ну, мне кажется, я напал на след, и это след некой организации, «Цикады» какие-то.

– Короче?

– Мне нужна помощь моих коллег, а за бесплатно они не работают.

– Обещай им любые деньги. Выследите мне эту Обилич и получите сполна. Ах да, найди-ка мне какого-нибудь профессионального гипнотизера в Нью-Йорке.

– Чего? – удивился Лид. – Зачем?

– Найди.

– Ок, понял.

Бранкович повесил трубку, еще с минуту обдумывал что-то, потом, пролистав контакты, набрал новый номер.

– Привет, Купер...

– Вук? – насторожился мужчина.

– Ну почему же сразу Вук? Детектив Бриз можно...

– Ты такой же детектив, как я вьетнамский летчик. – Купер говорил тихо, его хриплый голос и затянувшаяся ангина не давали говорить громче. – Чего тебе?

– Ты мой должник, и я хочу, чтобы ты вернул долг.

– Слушай, ты, – прошипел Леон в трубку, – мы давно с тобой в расчете.

– Ай-ай-ай, – покачал головой Бранкович, – какие мы дерзкие и смелые. Мы еще не в расчете. Мне-то видней.

– Давай быстро, чего тебе?

– Хм-м, нужно найти человечка.

– Тебе ищеек своих мало?

– Твои лучше работают, – усмехнулся Вук. – И мне их нужно много. Я тебе скину фотографию, а ты в лепешку расшибешься, но найдешь мне ее.

– Я не буду поднимать полицию города на поиски твоей очередной девки. Моим людям хватает висяков и так.

– А что, если я скажу, что поимка этой девки не только повысит тебя в звании, но и, возможно, раскроет террористическую организацию?

– Меня напрягает твое «возможно», – чиркнул спичкой Купер. – Да и все, как ты выразился, террористические организации давно уже под нашим крылом. Группы из двух-трех сумасшедших нас не пугают, Вук.

– Мое дело предупредить, – улыбнулся Бранкович, заводя мотор.

– ...Ладно. Пробить ее по базе, и все? – Леон довольно хорошо знал этого человека, чтобы понимать, что он редко шутит на такие темы.

– Навряд ли на нее что-то там есть. Но это не все, – покачал головой Вук, – я хочу, чтобы ориентировки на нее были у каждой собаки, вы должны найти ее как можно скорее. Задействуй все свои резервы.

– Может, мне еще запрос на перекрытие границ отправить? – хмыкнул начальник нью-йоркской полиции.

– Подготовь, но не отправляй, – в тон ответил Вук. – И держи меня в курсе.

Бранкович переправил фотографию Куперу, бросил телефон на пассажирское сидение и тронулся с места. Он глянул на себя в зеркало заднего вида. Внушительных размеров синяк шел от правого уха к скуле. Мужчина поморщился, но не столько от боли, сколько от раздражения. Прибавив газу, он направился в центр города. Появилось желание угоститься чем-то расслабляющим в любом баре. Вдруг зазвонил телефон – Лид.

– Нашел?

– Вроде да. Скидываю тебе его телефон, но он, это, немного не в себе, но отзывы о нем хорошие.

– Отзывы?

– Ну да, говорят, у парня талант. Дар внушения прям, многих уже вернул на путь истинный, как говорится. Питером звать.

– Спасибо, – сухо ответил Вук. – Ищи теперь Обилич.

– Я вижу, ты уже полицию подключил, они ее фотку в базу засунули уже.

– И правильно сделали. Ищи, Грег.

Он повесил трубку и стал набирать номер из эсэмэски. На той стороне провода долго не отвечали, наконец Питер ответил:

– Добрый день! Питер Рисалке слушает вас.

– Привет, Питер! – бойко начал Вук. – Слышал, умеешь гипнотизировать?

– Эм-м, есть такое. – По голосу ему было лет пятнадцать.

– А вывести из гипноза чужого можешь?

– Никогда не пробовал, но не думаю, что возникнут трудности. – Рисалке был явно заинтригован звонком.

– Хочешь попробовать?

– Я не делаю это бесплатно, – вспомнил о работе Питер. – Зависит от силы предыдущего гипнотизера, думаю, вам это встанет в кругленькую сумму.

– Это не проблема. Куда за тобой подъехать?

– За мной? Я дома работаю, так что лучше привозите вашего подопытного ко мне. Адрес я вам скину. Вы ведь со своего телефона звоните?

– Так и быть. Часа через полтора жди гостей.

– В нетерпении.

Вук свернул к Центральному парку и уже через пару минут был у офиса доктора Зева. Осмотрев на машину на предмет чего-либо лишнего, он вышел на улицу. Пикнула сигнализация, и он пошел к дому. Быстро поднявшись на третий этаж, вошел в офис. Джулия сидела за своим столом и листала журнал. Увидев Вука, она расплылась в улыбке и, подскочив с места, чуть ли не подбежала к нему.

– Я так рада тебя видеть! – воскликнула она и тут же осеклась, заметив синяк на его лице. – Боже! Что случилось?! Ты подрался?.. – она коснулась его лица.

– Жить буду. – Он глянул на приоткрытую дверь кабинета Гэбриэла. – Твоя дядя на месте?

– Да, – кивнула девушка. – Вук, ты куда?

Бранкович обошел Джулию и вошел в кабинет Гэбриэла. Тот поднял на него глаза и смерил недовольным взглядом.

– Сэр, собирайтесь, вы едете со мной.

– Что? – поправил очки Зев. – С чего бы это?

– Вы едете сами, или я тащу вас за шкирку. – Вук распахнул куртку и кивнул на пистолет в кобуре.

– А что случилось, соизвольте ответить! Или я вызову полицию...

– Одевайся, старик, – прошипел Вук. – Пока я добрый. Джулия, ты тоже едешь с нами.

– Да, но что происходит-то? Разве ты не должен был уехать в Англию вчера?

– Все взяли? – проигнорировал вопрос Вук. – Вперед, на выход!

Джулия и Гэбриэл молча переглядывались, но спорить с мужчиной не собирались. Он открыл им машину и, сев за руль, глянул на них через плечо.

– Прокатимся кое-куда, потом верну вас обратно.

– У меня пациенты... – возмутился Зев, – нужно Лазарь предупредить... и вообще где она сегодня, Джулия?

– Понятия не имею.

– Вот это мы и выясним, – прошептал Вук, трогаясь с места.

Путь до дома Рисалке был неблизкий. Он жил на западном берегу реки Гудзон, в городе Хобокен, на Уиллоу-авеню, в фамильном трехэтажном доме из черного кирпича. Под лестницей стояло множество цветочных горшков, засыпанных снегом, и пустые мусорные баки. На окнах второго этажа висели красные занавески, придавая дому еще больше загадочности. Бранкович припарковался прямо у крыльца.

– Выходим, – приказал он, выходя из машины. Джулия и Гэбриэл послушно вышли на тротуар. – Ну, что встали?.. По лестнице и в дом. – Он кивнул на красную дверь. – Идем в гости к Питеру.

– Вук, может, объяснишь, что происходит? – аккуратно спросила девушка. – А то я уже начинаю нервничать.

– Рано нервничать, – подмигнул он. – Заходим.

Зайдя в дом, все трое были удивлены внутренним антуражем. На полу лежали ковры, на стенах висели портреты людей разных эпох. На многочисленных полках сверкали чистотой коллекционные чашки с блюдцами. В доме пахло чистящими средствами, перемешанными с апельсиновым парфюмом. Питер сидел на ступеньках и крутил в руках кубик Рубика. Это был парень лет двадцати пяти на вид. Высокий, худой, явно неровно дышащий к культуре хиппи. Длинные русые курчавые волосы спадали на плечи, придавая его образу какую-то фэнтэзийную загадочность.

– Быстро вы добрались, – с любопытством осмотрел гостей Рисалке. – Пойдемте, нам на второй этаж.

Бранкович пропустил старика и девушку вперед. Все четверо зашли в просторную, но захламленную комнату. Питер предложил гостям устроиться на диване. Вук предпочел постоять. Сам Рисалке сел в

кресло напротив гостей и, сложив руки на груди, выжидающе изучал их. Всматривался им в лица, не моргая смотрел в глаза, чем вызывал жуткую нервозность у Джулии. Гэбриэл же равнодушно ждал, сам не зная чего. Его больше напрягал вооруженный громила за спиной, чем этот щенок, возомнивший себя черт знает кем. Хотя стоит отдать ему должное, думал Зев, взгляд был у него сильный, проникающий. Ничем не хуже взгляда Марии.

– Девушку можно было и не приводить, – наконец сказал Питер, обратившись к Бранковичу. – Над ней никто никаких опытов не ставил.

– Уже хорошо, – хмыкнул Вук. – А с этим что? – Он кивнул на старика.

– А с этим все сложно, – нахмурился Рисалке.

– Да что происходит-то? – вскочила с места Джулия, возмущаясь.

– Ничего, дорогая, просто Мария Лазарь, похоже, загипнотизировала твоего дядю. Уж не знаю, с какой целью, но факт.

– Бред какой-то, – возмутился Зев, поправив сползшие на нос очки. – Я знаю Марию чуть ли не с рождения, ей и в голову не могло прийти такого. С какой целью, позвольте спросить? Зачем ей это? – Он смерил Бранковича раздраженным взглядом.

– Хотя бы затем, чтобы получить работу, – пожал руками Вук. – Ведь она вовсе не та, за кого себя выдавала. Впрочем, это неважно, – махнул рукой он. – Питер, давай-ка выводи старикашку на чистую воду. Посмотрим, что он знает.

– Эм-м, – поднял брови Рисалке, – это как бы не так просто. Мне время нужно и чтобы вы все вышли...

– Как бы никто не говорил, что будет легко. Джулия, подожди за дверью.

Девушка нахмурилась, но вышла.

– Я понаблюдаю. Не хочу ничего пропустить.

– Что вы задумали?! – заволновался Гэбриэл. – Я заявлю на вас в полицию, имейте в виду!

– Не заявишь, – покачал головой Вук. – Начинай давай уже, Рисалке.

Питер, закусив нижнюю губу, встал с кресла и подошел к Зеву.

– Ложитесь на диван, чтоб удобней было.

– Если ты такой профи, работай так, – фыркнул Гэбриэл.

Питер пододвинул кресло и сел напротив старика. Он долго делал какие-то непонятные Вуку движения руками, что-то шептал, раскачивался из стороны в сторону. Его талант начал вызывать у Бранковича сомнения, учитывая, что он помнил, как быстро все сделала Сенка. Прошло минут двадцать, прежде чем Питеру удалось погрузить в гипнотическое состояние Гэбриэла. Он задавал ему вопросы, и Зев послушно отвечал, иногда запинаясь и с трудом подбирая слова.

– Кто бы это ни был, – сказал парень, – он офигенский! – Бранкович нахмурился. – Тебе не понять, – махнул он рукой, – он умудрился погрузиться в его прошлое и изменить воспоминания... Это супер вообще! Построена такая логическая цепочка, перекрывающая все его личностные ценности! Да это офигенски круто!!!

– Хватит ею восхищаться!

– Ею? Ого! Хотел бы с ней познакомиться!

– Не успеешь, я убью ее раньше, – процедил сквозь зубы Вук, но его никто не расслышал.

– Я все не исправлю, его прошлое подавлено...

– Мне все не надо. Пускай вспомнит, где и как с Марией Лазарь познакомился.

– Мария Лазарь умерла десять лет назад, – сказал Зев безэмоционально и устало.

– Кто же тогда с тобой работает? – спросил Вук.

– Эй! – вступился Питер. – Нельзя с ним сейчас так разговаривать, ты можешь навредить.

– К черту! Главное, что я прав... Сенка действительно умеет это делать.

– Да, и очень хорошо, – закивал Рисалке. – Если хочешь, могу помочь ему избавиться от нее в его сознании, но только попытаться. До конца не получится, только он сам сможет...

– Мне все равно. Навряд ли она будет к нему за помощью обращаться...

– Я все-таки помогу ему себя вернуть. Это так интересно! – потер руки Питер в предвкушении.

– Только быстро, – махнул рукой Вук и посмотрел в окно. – Теперь остается понять, не сделала ли она чего такого с бароном... и если сделала, то что?..

Следующие тридцать минут прошли для Бранковича незаметно, он был погружен глубоко в свои мысли. Он даже не слышал, как работал Рисалке, как он монотонно повторял какие-то фразы, не видел он и того, как бешено метались зрачки доктора Зева. Внутри Гэбриэла шел тяжелый бой. Питер довольно быстро смекнул, что бой старик проиграл уже давно, а теперь борется с «хрономиражом». Наконец гипнотизер закончил свою работу и откинулся на спинку кресла. Питер продолжал смотреть на старика, оставалось только щелкнуть пальцами. Парень вытянул вперед правую руку и щелкнул пальцами. Вук повернул голову на неожиданный звук и также посмотрел на

Зева. Тот сидел молча с широко открытыми глазами и не шевелился. Вдруг он вскочил с места и стал бешено озираться по сторонам.

– Где я, черт побери?! Что происходит?!

– Успокойтесь, мистер! – всплеснул руками Питер. – Все в порядке, вам ничего тут не угрожает.

– Я хочу уйти! – Гэбриэл уже было побежал к двери, но Бранкович перегородил путь.

– Сядь на место, – смерил его хмурым взглядом мужчина, которому не хотелось перечить. Зев подчинился и стал пятиться к дивану. – Он что, все забыл? – спросил Вук Питера.

– Не должен был, – пожал плечами Рисалке. – Но кто его знает?..

– Что помнишь последнее?

Зев молчал несколько секунд, пытаясь привести мысли в порядок.

– Я... я помню, как пришел в офис, был дождь, но тепло... меня там ждала очередная пациентка... – он схватился за голову, – не могу вспомнить ее имени...

Бранкович поморщился недовольно и, достав из кармана телефон, открыл фотографию Сенки.

– Это она?

– Д-да. Она! – закивал Гэбриэл. – А какое сегодня число?

– А ты сам как думаешь? – в ответ спросил Вук, убирая телефон.

– 15 апреля?

– А год? – вмешался Рисалке.

– 2012?.. – Зев переводил взгляд с одного незнакомца на другого.

– Походу, ты напортачил малость, – усмехнулся Вук, глянув на парня. – Стер старику жесткий диск, как сказал бы мой знакомый.

– Угу, отформатировал. – Питер задумчиво закусил нижнюю губу. – Значит, она дала ему установку забыть все при вмешательстве. Я в шоке от такого таланта!

На миг доктору Зеву показалось, что о нем вовсе забыли. Ему не терпелось уйти.

– Есть какие-то способы вывести человека из этого состояния без твоего присутствия? – спросил Бранкович у гипнотизера.

– Если подберешь кодовое слово или фразу... – развел руками Питер. – Откуда мне знать, что она заложила в подсознание пациента?..

– А если я узнаю такую фразу, я могу сам ее сказать или обязательно она?

– Сам можешь. Кто угодно сможет.

– Спасибо... так, сколько я тебе должен?

– Нисколько, – махнул рукой Рисалке. – Диски форматирую бесплатно. – Он натянуто улыбнулся.

– Он, – Вук указал пальцем на Гэбриэла, – восстановится как-то? Для него не будет смертельным ударом узнать, что у нас три года прошло и зима на дворе?

– Вот и проверишь, – хмыкнул Питер.

– Понял... На выход, доктор.

Бранкович открыл ему дверь и пропустил вперед. Джулия, все это время сидевшая внизу, тут же подскочила с места и подбежала к спускающемуся доктору.

– Дядя! С тобой все в порядке?!

– Теперь да, – кивнул Вук. – После того как его вывели из гипноза Марии Лазарь, с ним все в порядке. Правда, думает, что на дворе 2012-й...

– Мария его загипнотизировала?.. Что за бред?..

– Ладно, – махнул рукой Бранкович, – сами разберетесь. Вот тебе деньги на такси, отвезешь его домой и сама доберешься как-нибудь.

– Ты же сказал, что вернешь нас в офис...

– Я передумал. – Мужчина застегнул куртку.

– Но я думала, мы...

– Мы? Никаких «нас» нет, Джулия. И никогда не было, но спасибо за ночку. – Он ей подмигнул и вышел за дверь.

– Сволочь! – крикнула она ему вслед, помогая Гэбриэлу надеть пальто, с трудом сдерживая слезы от обиды.

Бранкович быстро сел в машину и поехал обратно на Манхэттен. Он был чертовски голоден, да и время обеда уже подошло.

Сенка и Тогай вернулись в дом Эвиса. В его компьютерном клубе на втором этаже было на удивление многолюдно. Каждый был занят чем-то своим. Явно никто не развлекался, все были погружены в пучины информации.

– Эвис, у тебя тут съезд хакеров? – удивился индеец.

– Ну, можно и так сказать, – улыбнулся Гарсия. – У меня для нас плохие новости. Пойдемте в штаб.

– Кто все эти люди? – тихо спросила Обилич.

– Мои друзья, разбираются с нашей проблемой...

Как только все трое прошли в комнатку мексиканца, он тут же закрыл за ними дверь.

– Итак? Что случилось?

– О! – Эвис заметил ноутбук в руках девушки. – Это он?

Она кивнула.

– Класс! Но как вам удалось? Вы с этим убийцей не пересеклись?

– Он с нами пересекся, – расстегнув куртку, сказал Тогай. – Верней, с ее кулаком. – Он кивнул на Сенку.

– Кулаком? Ты его ударила?

– Пришлось. Жаль, не подумали убить...

– Вот это действительно жаль, – почесал щеку Эвис. – Тогда понятно, отчего началась вся эта суматоха.

– Что началось-то? Не томи уже! – попросил Тогай.

– Сенка, тебя ищет полиция. Вот что случилось.

– Как мило. – Она закатила глаза. – Думаю, они все-таки ищут Марию Лазарь. У них есть ее отпечатки пальцев, сетчатки... всей этой фигни, что записывают в паспорт. Да?

– Угу.

– Ну пускай ищут. У нас разные биометрические данные, – пожала она плечами.

– Допустим, – согласился Эвис, – только вот ты похожа на себя на распространяемой фотографии. Хотя мы и подправили кое-что, добавили деталей, которые отвлекут копов.

– Значит, не так страшно. – Обилич подошла к окну и закурила.

– Я не знаю, как там у тебя в Сербии, но тут они просто тебя арестуют и закроют в камере до тех пор, пока заказчик не явится.

– А как же ваша хваленая конституция и права человека? – ухмыльнулась Сенка.

– Шутишь? – посмотрел на нее Тогай. – Они уже давно втоптали ее в грязь, эту чертову конституцию. С момента ее принятия было столько поправок и новых решений, что не соблюдается ни один закон толком. На примере резерваций можешь посмотреть...

– Тут он прав, – кивнул Гарсия. – Учитывая пару последних законов, что Обама придумал и в обход всех норм подписал и утвердил, тебя можно арестовать просто за подозрение, что ты можешь когда-нибудь что-то плохое совершить.

– Свободная страна, ничего не скажешь, – закатила глаза девушка, мотая головой.

– Это да. Американцы поистине свободны, имеют право платить налоги и соблюдать все законы. И все это ради ввода закона военного времени, – выдохнул Эвис.

– Военного? – удивилась Сенка. – Не думаю, что США хватит храбрости воевать с кем-либо.

– А они не с кем-либо. Они собираются начать со своих. – Он указал на свою схему. – С американцами. Думаешь, зачем они будоражат общественность этими псевдотеррористическими атаками, этими будто случайными убийствами гражданских гражданскими? Все это – чтобы американцы испугались, сами попросили защиты... заплатив малую цену... всего лишь отдать остатки своей свободы.

– Что им даст это военное положение кроме проблем?

– Развяжет руки. Они смогут избавиться от неугодных, разоружат население, отсекут все лишнее и ненужное, а дальше загонят каждого под обязательное чипирование. Все согласно плану... потом и за мир возьмутся.

– Бред какой-то, – помотала головой Обилич, – кто в это поверит, кто просто так отдаст свое оружие, вашу пресловутую свободу?

– Тех, кто не отдаст, – расстреляют на месте по закону военного времени. Все просто: или ты с ними, или ты против них.

– И получат гражданскую войну, – настаивала на своем Сенка.

– Она им на руку, депопуляцию никто не отменял...

– Не поздно бороться начали-то?

– Надеюсь, нет.

– Если я не ошибаюсь, то все эти планы разработаны Советом. – Сенка указала на стену Эвиса. – И мы уже работаем над этим... Верней сказать, ждем результатов.

– Лишь отчасти, – вздохнул хакер. – Всей картины мы не видим, но я думаю, что всю эту канитель с законом военного времени затеял Рокфеллер. Его борьба с главенством Ротшильда в самом разгаре. Игры с нефтью, скачком валют, цены на ресурсы – все это их борьба друг с другом. Надо сказать, что Дэвид пускается в крутые авантюры, лишь бы выжить Ротшильдов с горы.

– Не понимаю, – мотнула головой девушка.

– На носу же выборы. – Эвис сел за стол. – Рокфеллеровского ставленника сменит ставленник Ротшильдов. По неизвестным причинам они сделали ставку на Клинтон. Зачем и почему, не спрашивай, – махнул рукой Гарсия. – Тут уж у меня только догадки а ля голливудские блокбастеры...

– В смысле? – спросил Тогай, услышав для себя что-то новое.

– Ну, согласно кино, с миром уже было все. – Он широко улыбнулся. – Президент-негр вот есть, метеориты летали... Теперь осталась синьора президент и всякие там «голодные игры» и «бегущие в лабиринте». Вы чего, в кинотеатры не ходите?..

– Вернемся к закону... – Обилич подошла к схеме и в очередной раз окинула ее всю взглядом. Столько деталей, столько неучтенных ею мелочей. – Зачем это ему?

– Отменить выборы, вот зачем. Мол, в стране все так печально, что нам не до выборов.

– Что это изменит?

– Для нас ничего. Пойми, Сенка, мы все не учитываемся ими. Нас всех пустят в расход, план не изменится. Они там, – он кивнул в потолок, – одержимы одной идеей – властью. Каждый из них хочет быть главным. В их понимании главным может быть тот, чье главенство признает большинство Совета.

– То есть эти двое, – она указала пальцем на фотографии барона и Дэвида, – борются за голоса остальных?

– Угу.

– Как я понимаю, выборы этой Клинтон отодвинут гражданскую войну?

– Да. Ротшильды придерживаются, хм-м, скажем так, гуманного плана уничтожения. Они предпочитают травить и истреблять посредством невидимых и медленных убийц. Они никуда не торопятся. Я не знаю, видимо, это в Европе так принято – травить всех ядами и тонуть в интригах.

– Чего ждет Рокфеллер?

– Подходящего момента для ложного флага.

– Ложный флаг?

– Срежиссируют что-то массовое и страшное, ужастик на улицах американских городов, и все будет. – Он хлопнул в ладоши. – Декорации уже готовы. Полицейских натренировали убивать гражданских, технику военную выдали. Ждут часа икс.

– ...То есть барону нужно поторопиться?

– ...Да.

– И с чего ему нужно бы начать?

– Это только ему видней. Мы же, со своей стороны, должны действовать уже сейчас.

– Выкладывайте свой план уже, мне надоело строить догадки, – нахмурилась Обилич.

– Плана-то как такового нет. Верней, все готово, остается только ждать часа икс и, когда он наступит, блокировать массовый психоз, – с улыбкой ответил Эвис.

– Это как?

– М-м, событие произойдет у нас тут, в Нью-Йорке, скорей всего, возможно, еще в Лос-Анджелесе, Далласе, Бостоне и еще где-нибудь. СМИ тут же включатся в работу, изо всех электроприборов будут кричать, что апокалипсис, стреляют там, умирают сям, спасайтесь... Люди поверят картинке, новому реалити-шоу, как поверили в высадку на Луну и атаку марсиан...

– Вы отключите СМИ?

– Не СМИ, этих ничто не отключит, – махнул рукой Гарсия. – Мы дадим людям тишину и назовем ее «сутки гармонии с планетой». Распространение информации будет заторможено, как в старые добрые времена... или просто включим им картинку с водопадом...

– Водопады? – Обилич вопросительно вскинула брови.

– Хех, нет, конечно, – хмыкнул Гарсия. – По всем каналам пустим заготовленную запись об истинном состоянии дел в Америке и мире. Пускай смотрят и просыпаются.

– И что это нам даст?

– Время.

– Время для чего? – перебила его Сенка.

– С одной стороны, даст время Ротшильду исправить ситуацию. С другой, люди мобилизуются, их будет уже не так просто одурманить.

– Твой план вышел за пределы моего восприятия, – закатила глаза девушка.

– Да что тут непонятно? Нет народных волнений – нет вооруженных провокаций, придется искать другие способы изъять оружие у народа. Техас бомбочками в столице не запугают. Зато барон успеет среагировать.

– А если он поддержит?

– Не поддержит, – ответил до сих пор молчавший индеец. – Ты ведь уже направила его на путь, так? И если мой дед видел все точно, то в любом действии своих врагов он будет видеть опасность...

– Ясно... – выдохнула Сенка. – У нас нет плана. У нас есть только болезненное ожидание.

– Ну почему же только ожидание? – возмутился Гарсия. – Теперь мы еще и скрываемся от полиции!

– Предлагаешь всем троим у тебя в доме скрываться?

– Не понимаю твой скепсис, мой дом – крепость!

– И сколько нам тут отсиживаться? Неделю? Месяц?

– Да хоть год живите! Я люблю, когда в доме много людей.

– Это не вариант. – Сенка облизала пересохшие губы. – Бранкович выйдет на наш след. Я уверена, что его хакеры также ищут тебя и твоих «Цикад».

– За копов не беспокойся – мы бросим им кость, и они уйдут в сторону.

– А я и не беспокоюсь. Наемный убийца меня волнует куда больше. Успокаивает пока только то, что ему нужна я, а не вы.

– Слабое утешение, – фыркнул Тогай. – Можно перебраться в резервацию. Туда никто из копов не сунется, да и Бранковича этого не пропустят.

– Оставим твою резервацию про запас. – Обилич на мгновение о чем-то задумалась. – Эвис, у вас для отключения сетей все готово?

– Ну-у... – протянул Гарсия.

– Чего не хватает?

– Да всего хватает, мы хакнули все, что можно было хакнуть. Останутся резервные сети, возможно, но им потребуется время, чтобы загрузиться. В любом случае, часов пять будет в запасе...

– Опять-таки, возможно, это все и не понадобится, – тихо сказал Тогай.

– Это понадобится тогда, когда все будет кончено.

– Давно хотела спросить: как вы себе это представляете? Что значит «все кончено»? – Щелкнув зажигалкой, Обилич закурила, обводя вопросительным взглядом своих товарищей.

– Это когда мир проснется свободным.

– Мы не в кино, Эвис. – Она выпустила дым в потолок.

– Ты только представь, когда каждая страна просыпается в новом мире, где она должна сама решать, как ей жить, где нет того, кто говорит, что и как делать... Это когда каждая нация будет занята своим делом, не боясь, что придут США или Англия и заявят свои права на ресурсы и территории.

– Опять утопия. Организуются во что-то новое и по новой.

– Это произойдет не сразу. У нас будет время на перемены.

– Твои слова да богу в уши... – покачала головой девушка. – Я думаю, тебе стоит отправить маму к родственникам, Эвис. Да и клуб свой закрыть на время.

– Она и так завтра уезжает. А закрывать зачем?

– Единственное незасвеченное место – это дом Тогая. Побудем там пока, дальше видно будет. Ты на хвосте у Бранковича?

– Частично.

– Это как?

– У него тоже есть друзья-хакеры, – пожал плечами Эвис. – Хотя звонки его я пока отслеживать могу, с трудом.

– Значит, отслеживай тех, кому он звонит. Так-с, – Сенка выбросила сигарету в окно, – собираемся, пора уходить.

– Вот у меня из-за твоей вредной привычки штрафы за мусор растут... – фыркнул мексиканец.

– Спроси у его прадеда, – она кивнула на Тогая, – он говорил, я много курю. Мог бы подготовиться. – Она подмигнула им обоим и направилась к выходу из комнаты.

– Сложный она человек, – проворчал Эвис. – Как мама моя прям.

– Собирайся! – хмыкнул Тогай.

– Куда собираться-то?

– Видимо, ко мне, – пожал он плечами.

– Стоп! – замахал он руками. – Есть сигнальчик! Ему кто-то звонит! – Эвис рванул к компьютеру и нажал пару каких-то кнопок, сначала был неразборчивый шум, спустя несколько минут звук нормализовался. – Я подключился к звонившему, Вука этого не прослушать с его стороны.

– С кем он разговаривает? – спросила девушка.

– Если мои данные верны, то это один из замов начальника городской полиции – Леон Купер. Не так давно сдал экзамен с инспектора. Ищейка самая настоящая, с крутым послужным списком, хотя и не без темных пятен.

– У него много друзей, я смотрю. – Она хмыкнула.

– Не думаю, что они дружат, – покачал головой Гарсия.

Бранкович как раз закончил свой обед и допивал кофе, когда позвонил Грегори.

– Слушаю?

– Мы нашли их.

– Кого «их»?

– Тех ребят, что мешались. Во всяком случае, одного из них точно.

– Как один у тебя превратился в «их»?

– М-м, там подпольный компьютерный клуб. Вряд ли в нем сидит один одержимый чувак, – захрустел чипсами в трубку Лид. – Адресочек уже скидываю тебе.

– Что за группа-то?

– Подозреваю, что «Анонимус».

– Кто?

– Да группа такая хакерская. За свободу интернета, анархию и прочую ерунду. Сам там был.

– Ну вот и поспрашивал бы своих тамошних знакомых...

– Нечего там спрашивать. Сборище подконтрольных фриков[18] с сомнительными идеями и способами достижения целей. Правда, среди них есть отличные хакеры.

– Кому подконтрольные? – скучающе спросил Вук.

– Твоему шефу видней. Эти ребятки связаны с Викиликс, Ассанжа поддерживали. Помнишь, я тебе показывал цепочку?

– Что-то такое припоминаю, – соврал Бранкович.

– Может, и эти все оттуда.

– У тебя сомнения есть, я слышу?

– Есть такое дело, они не оставляют характерных следов.

– Ясно-понятно, к черту их, что насчет следов Сенки?

– Ничего. Может, она с этими ребятками?

– Проверим. Ладно, ищи дальше.

[18] От англ. freak – чудак.

– Ок, босс.

Вук положил телефон на стол и посмотрел на свои руки, затем в задумчивости перевел взгляд на окно. Мимо ресторана проходили десятки людей, некоторые останавливались посмотреть на красиво оформленную витрину заведения. Мужчина сделал еще один глоток и снова взял телефон в руки, набрал номер.

– Купер!

В трубке послышался какой-то треск.

– Я не успел соскучиться, – хмуро ответил Леон.

– Зря, – ухмыльнулся Вук, – я тебе адрес сейчас скину, куда ты своих людей отправишь в поисках той девки. Задержишь до выяснения всех, кто в доме, и позвонишь мне.

– Что за люди?

– Предположим, группа хакеров, например «Анонимус».

– ...А потом что? – немного поразмыслив, спросил Леон.

– Доставишь в участок, и я их допрошу.

– Не на моей территории. Задержать задержу, сюда не повезу. Мне не нужны лишние проблемы и лишние трупы в городе.

– Почему же сразу трупы? Я же не садист.

– Ты убийца, Бранкович. И мы это оба знаем. Приедешь на место сам и допросишь кого хочешь.

– Уговор. И да, если ее там не будет, то это не означает, что поиски свернуть надо.

– Это я уже понял.

– С ней еще индеец трется. У тебя в базе много индейцев?

– Хватает.

– Не возражаешь, если я приеду посмотрю?

– В мое отсутствие если только, видеть твою физиономию желания никакого нет.

– Как-то ты невежливо обходишься с человеком, у которого в руках не только твоя карьера, но и жизнь.

– Если бы знал, что так будет, никогда бы не пошел на ту сделку с тобой.

– Я как дьявол, Леон, сделку со мной не разорвать...

– Ну, видимо, Лазарь это удалось, раз ты ее со всеми собаками ищешь.

– Жду звонка, – раздраженно ответил Бранкович, повесив трубку.

Эвис, Тогай и Сенка переглянулись.

– Что за адрес он скинет? – спросила Обилич.

– М-м, моментик, – Гарсия застучал пальцами по клавиатуре, – не мой точно. А, этот! Там раньше был клуб, его один знакомый наш

держал. Потом он умер, и мы превратили часть клуба в пересадочную станцию.

– Чего? – в один голос переспросили Тогай и Сенка.

– Ох уж эти дилетанты... – выдохнул Гарсия. – Тамошние компьютеры служат для прокладки маршрутов по сети, концы в воду мы там сбрасываем.

– Видимо, теперь придется искать другое место, – сказал индеец.

– Не-е, не придется. Это не единственная станция, у нас их хватает.

– Там кто-то есть, кого надо бы предупредить? – поинтересовалась девушка.

– Никого, – отрицательно покачал головой Эвис.

– Твоих следов там нет?

– Там ничьих следов нет, крыс разве что.

– Уже хорошо, – тихо сказала Сенка. – Что еще за «Анонимус», о чем он?

– Не бери в голову, – махнул рукой хакер. – Ширма, еще один маневр для отвлечения внимания. Группа любителей розыгрышей, хотя среди них и есть талантливые ребята. Только вот в голове у них кавардак. Применяют свои силы не туда.

– С кем борются?

– Скорее с чем, с ветряным мельницами, – сложил руки на груди мексиканец. – Это просто еще один ход для народа. Смотрите все, есть борцуны, и их миллионы, они разоблачают, а вы можете сидеть дома и просто получать информацию. Это как Викиликс, только для тех, кто помладше. Кому еще нравится играть, а не жить.

– Я думала, что Викиликс – это самостоятельный проект. Ошибалась, хочешь сказать?

– Может, в голове Ассанжа так и было когда-то, но очень скоро проект перестал таковым быть. Это просто очередная подконтрольная площадка, где написано еще одно мнение, которое можно иметь гражданам. Охватить всю аудиторию, в том числе и ту, что жить не может без заговоров. Проверить все равно никто не сможет. Просто еще одно СМИ. – Эвис отпил из банки газировки. – Не зря ведь национальные газетки разрекламировали Викиликс до самой первой утечки по Ираку.

– Да уж, – выдохнул Тогай, – мир – это театр.

– А мы неоплачиваемая массовка, способная развалить сцену, – широко улыбнулся Гарсия.

– Ты говорил, вы все хакнули, что можно было?

– М-м, да, говорил. – Гарсия расплылся в довольной улыбке. – Мы классные ведь!

– Сейчас не об этом, Вук пойдет в участок смотреть базу...

– Тебя как тебя там не найдет.

– А его? – она кивнула на индейца.

– Эм-м, я вообще законопослушный. Меня там точно нет.

– Проблема в том, что он тебя видел.

– И что это ему даст? Как он меня найдет?

– М-м, – Обилич задумалась, – камеры!

– Какие?

– Наружного наблюдения.

– Да их по всему городу знаешь сколько напичкано?! – Эвису показалось, что он понял, куда клонит Сенка.

– А ему не понадобятся все. Он просмотрит подземку.

– Это если догадается, что мы в метро пошли, а не в автобус сели или в такси вообще, – возразил Тогай.

– В такси бы мы не сели, город завален снегом, пробки. Очевидно, что мы пойдем к поездам. Бранкович далеко не дурак...

– Я проверю, но есть одна проблема, – почесал затылок хакер. – Только часть подземки перешла на облачные хранилища, окраины все еще на кассеты пишутся. Думаю, и наши станции тоже.

– Где хранятся эти кассеты?

– У службы безопасности подземки, где ж еще? Да и что они ему дадут?

– Сузят место поиска, – подернула она плечами.

– Не страшно, – отмахнулся Эвис. – Нашу банду ему все равно не найти.

– Леон Купер, – прочитала Сенка с монитора. – Кто он и что такого Вук ему сделал, что он пляшет под его дудку?

– Чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами Гарсия. – Два года назад были какие-то крупные разборки в местной полиции. Не поделили что-то с наркоторговцами. Одни пробашляли властям за что-то, властям оказалось мало или не все получили сколько хотели. – Эвис откинулся на спинку кресла. – В уличных газетах писали, помню, что-то про этого Купера. Мол, разоблачил, вскрыл криминальный гнойник.

– И? – нетерпеливо спросила Сенка. – На чем его мог взять Бранкович?

– Наверное, на том, что не сдал его как организатора этого темного дела, – развел руками хакер. – Говорю же, история темная. Там перебили огромную тучу людей, от простых случайных свидетелей до судейского состава. В СМИ это постарались поскорей замять... Видимо, в раскрытии сети этот твой Вук сыграл не последнюю роль...

– Где хранятся записи с камер подземки? – резко сменила тему Обилич.

– Централизованного места нет. У каждого направления, думаю, свой архив.

– А камеры в поездах?

– Там же. Ну, я бы так сделал, во всяком случае.

– Что ты задумала? Выкрасть пленки, что ли? Это, по-моему, лишнее, – покачал головой Тогай.

– Я не это хочу, – мотнула она головой.

– А что тогда? – хором спросили друзья.

– Доделать начатое.

– Не понял ничего. Ты о чем? – сложил руки на груди индеец.

– Чего тут непонятного, – фыркнула девушка, – пока Вук жив, у нас будут проблемы.

– Ты его убить собралась?! – подскочил с кресла Гарсия.

– Вывести из игры как минимум, – кивнула девушка.

– И как ты собираешься это сделать, если не секрет? Голыми руками его убивать будешь?

– Ну зачем голыми... Купер ведь наверняка носит с собой табельное оружие.

– Я что-то совсем запутался. Объясни нормально, – попросил Эвис. – Что ты намерена сейчас делать? И какая наша роль во всем этом?

– Вы собираете вещи и не позже завтрашнего утра покидаете дом. Наземным транспортом добираетесь до дома Тогая и там остаетесь. Мама уезжает вместе с вами и как можно дальше отсюда. На месяцок так. Дом закрой, а перед этим убери все следы своего расследования. – Она обвела рукой стену со схемой. – Никаких следов не должно остаться. Ничего подозрительного.

– Ок, – кивнул Гарсия. – А ты?

– Я... я пообщаюсь с мистером Купером.

– Что?! Ты с ума сошла?! Сама пойдешь в участок? Может, еще и явку с повинной заранее напишешь? – возмутился Тогай.

– Я не пойду в участок. Я пойду к месту облавы, на вашу пересадочную станцию, а ты будешь мне сообщать о передвижениях Бранковича....

– Сенка, что ты задумала? Этот Леон вполне себе опасный человек, и уж тем более когда его карьера на крючке.

– Неважно. Нам нужно снять Вука с хвоста. Его и тех, кого он нанял.

– Я не могу отпустить тебя одну, – преградил ей путь индеец. – Это слишком опасно.

– Тогай, Эвису твоя помощь нужнее, а нам нужны союзники. Пускай и против своей воли.

– Это глупо! – мотал головой индеец. – И абсолютно лишено всякого смысла! Купер нам такой же враг, как и любой другой на стороне государства.

– Не соглашусь с тобой. – Она натянуто улыбнулась. – С ним не все так просто, Тогай. Мой дед часто говорил мне, что в темные времена хорошо видно светлых людей... Я знаю, что должна делать.

– Ты в этом уверена? – сдался индеец, понимая, что ни за что не переубедит ее. – Чем можем мы помочь?

– Эвис, выпиши мне адрес этого места... пожалуйста.

– Уже! – Гарсия встал с кресла и протянул Сенке клочок бумаги. – Бранкович сидит в ресторане, да и до места ему долго добираться. У тебя есть пара часов в запасе.

– Мне хватит. – Она прочла адрес и убрала его в карман. – До встречи утром.

– Утром?! – в голос спросили друзья.

– Ага.

– Где ты будешь ночью-то? После своего дела ступай в мою квартиру и не дури. – Тогай вытащил из куртки ключи и протянул их Обилич.

– Увидимся утром. – Сенка, не взяв ключей, развернулась и вышла из комнаты. Она быстро спустилась по лестнице и покинула дом.

– Ты хоть что-то понимаешь? – почесал затылок Гарсия.

– Не-а, – протянул индеец, – уже ничего. С ее появлением все события разворачиваются куда быстрей, чем мы предполагали.

– Одно хорошо: мы готовы к непредвиденному.

– М-да уж, – выдохнул Тогай, – давай паковать вещи.

– Не, – махнул рукой хакер, – это лишнее. Мы снимем схему, и я заберу начинку моих друзей. – Он погладил один из мониторов. – Больше здесь нет ничего архиважного.

– А компьютеры клубные?

– Я же Эвис! – стукнул он себя в грудь. – И там мои компьютеры с моими программками. Да и нет в их памяти ничего серьезного... – он задумался, – хотя Карлос постоянно лазит по чилийским порносайтам... Этого Бранковича может и заинтересовать... – он хмыкнул.

– Эвис... – покачал головой индеец. – Ты никогда не будешь серьезным, да?

– Для этого есть Сенка, а я душа этой компании. Если бы не я, вы бы загнулись от тоски...

– Это точно, – улыбнулся Тогай. – Тогда начинаем, – потер он руки. – Снимаем аккуратно, переклеим ее у меня дома.

– Да-да-да! – Вдруг он замолчал. – И все-таки она чертовски странная. Непредсказуемая, никогда не знаешь, что у нее на уме.

– Что есть, то есть. Возможно, только так и можно выжить в этом мире.

– Ой, все! Хватит мне тут апокалиптические флюиды распространять, я тут работаю, аура намоленная...

– Как скажешь, – хмыкнул Тогай, закатывая рукава свитера. Работа предстояла кропотливая.

Обилич зашла в автобус и села в конце салона у окна. Она достала из кармана клочок бумаги. Ехать предстояло в Бруклин, в Восточный Флэтбуш. Доехав до ближайшей станции метро, она нырнула в подземку. Путь лежал до станции Бруклинского колледжа, а там можно будет и пешком дойти. Чем дальше от центра удалялся поезд, тем свободнее становились вагоны и страшнее стены тоннелей. Одни граффити наслаивались на другие, и уже было невозможно разобрать ни слова из урбанистического послания. Спустя сорок минут Обилич была на нужной станции. Она вышла из вагона и не спеша шла по длинному замусоренному переходу. Девушка с любопытством рассматривала цветастые надписи на стенах, но лишь одна, та, что была на стене впереди, заставила остановиться. Фиолетовым цветом, заглавными буквами во всю стену было написано: «Подвергай сомнению все».

– Хм, все не то, чем кажется... – Сенка накинула капюшон. – Слишком много мистики в моей жизни последнее время. – Она улыбнулась и продолжила путь.

Выйдя на оживленный перекресток, девушка быстро сориентировалась и пошла в сторону Гленвуд-роуд. К удивлению Сенки, не было слышно сирен полицейских машин, не было видно света полицейских мигалок. Купер явно не спешил сюда. Дойдя до методистской церкви Вандервир-парк, она остановилась, оглядывая дом, стоявший сразу после нее. Он был обнесен низким деревянным забором, полностью заросшим кустарником. Старый кирпичный дом также был покрыт растительностью. Кое-где окна были выбиты, и растения забирались потихоньку внутрь. Оглядевшись по сторонам, Обилич ловко перелезла через забор и направилась к черному входу в дом, как и рекомендовал Эвис. Внутри было тихо, сыро, по полу кружил свежий снег. На втором этаже горел свет – две одинокие лампочки раскачивались на ветру. Ей послышались голоса, наверху явно кто-то был. Следы на слегка заснеженных ступеньках не врали. Она не стала подниматься. Пока. Как и говорил Гарсия, под лестницей был спуск в подвал. Дверь была закрыта на несколько замков. Судя по многочисленным царапинам и вмятинам, ее не раз пытались вскрыть. Наконец до ее слуха донеслись звуки приближаю-

щейся полиции. Девушка покинула дом и вернулась на территорию церкви. Забравшись на коробки за зданием, она имела отличную возможность обзора происходящего. Группа вооруженных до зубов полицейских ворвалась в дом, круша на своем пути все то, что до их прихода не разрушило время. Часть группы принялась прочесывать этажи, вторая взялась за подвальную дверь. С их техническим оснащением трудностей вскрыть ее не возникло. Сенке наскучило отсиживаться, и она вышла к дороге, обойдя церковь с другой стороны. Рядом была припаркована машина – коричневый «мерседес» с синей мигалкой на крыше. Около нее стояли двое мужчин. Один повыше и постройней, другой пониже и потолще. Высокий докуривал третью сигарету и то и дело недовольно пинал снег под ногами. Обилич как можно тише подошла ближе, оставаясь в тени церкви.

Леону показалось, что он заметил какую-то тень, скользнувшую между домов, но он тут же перевел взгляд на крест на фасаде здания.

– Ты же не думаешь, что эти три бомжа представляют угрозу? – спросил второй мужчина, крутя в руках картонный стаканчик из-под кофе.

– Нет, конечно, – фыркнул Купер. – Думали, в подвале этом будет кто-то... кроме металлолома.

– Работающего металлолома, заметь. Кто-то же сюда принес всю эту технику.

– Разберемся с этим позже. – Леон бросил окурок себе под ноги и направился к багажнику. На секунду он замер, заметив человека, скрывающегося в тени церкви. Это был явно не ребенок и уж точно не один из зевак. Не подав виду, он открыл багажник и долго искал там что-то.

– Леон, потерял что-то?

– Да, блин, фонарик! – Он покосился на наблюдающую за ним тень. – Ты еще кто?.. – шепотом спросил он.

– Что говоришь? – не расслышал его коллега.

– Говорю, пойду сам еще раз осмотрю дом.

– М-м, ребят обижаешь, – покачал головой толстяк. – Они все осмотрели.

– Ты меня знаешь, – пожал плечами Купер. – Я должен лично во всем убедиться.

– Как хочешь, но мы сворачиваемся. Два часа убили на черт-те что. Хотя технику еще смотреть надо. Доставим ее в управление, разберемся.

– Доставь. – Леон проверил, работает ли фонарик, нажав на кнопку пару раз, и повел луч в сторону тени, но ее там уже не было.

– Я поехал. До связи, шеф!

– Бывай! – махнул ему рукой Леон.

Дождавшись, когда все уедут, оставшись в одиночестве, заместитель начальника направился в дом. Он медленно и методично обходил этажи, рассматривая детали. Здесь не было ничего, что могло бы быть полезным ему. Две реальности не складывались между собой – подвал и жилые этажи. Купер поднялся на третий этаж. Куски старой сломанной мебели валялись на полу. Следы его группы обрывались на середине комнаты – видимо, дальше смотреть не было смысла.

До его обостренного слуха донеслось чье-то тихое дыхание.

– Кто здесь? – не оборачиваясь, тихо спросил он.

– Привидение, – ответила Обилич, ударив его какой-то палкой сзади. Купер упал на пол, но сознание не потерял. Он тут же перевернулся на спину. Перед ним стояла та самая девушка, что он видел на фотографии от Бранковича. Сенка сделала шаг вперед, перебросив палку в другую руку.

– ...Я не дерусь с женщинами...

– Глупый принцип, учитывая обстоятельства, – пожала плечами девушка. В следующее мгновение Обилич прижимала его к полу, придавливая палкой. Леону было трудно дышать, но он был верен своим принципам. Затем она немного ослабила руки и приблизилась к его лицу. В тусклом свете раскачивающихся под потолком лампочек ее глаза казались фантастическими.

– А теперь смотри на меня и слушай меня, – прошептала девушка.

– Подожди... – прохрипел Леон, во все глаза смотря на девушку. – Мария, нам незачем враждовать...

– Тогда тем более.

Леон не знал, сколько прошло времени, но к моменту, как Обилич его отпустила, за окном стемнело. Купер поднялся с пола и огляделся. Незнакомка стояла у окна.

– Мария?

– Это не мое имя. – Она повернулась к нему лицом. – Меня зовут Сенка, Сенка Обилич.

– Зачем тебя ищет Вук? – Купер посмотрел на часы: прошло только полтора часа с момента, как все его сотрудники уехали. – Что у вас за счеты?

– Хочет убить. Ничего нового, а вот твои дела с ним очень любопытны.

– Мои?.. Откуда ты знаешь?

– Ты сам мне сказал, – пожала она плечами, пряча руки в карманы. – У нас общий интерес в устранении этого человека.

– Если тебе это и поможет, то не мне точно, – натянуто улыбнулся мужчина, отряхивая пальто от снега и пыли.

– Разве?

– Он крепко держит меня за горло. – Леон поднял с пола стул со сломанной спинкой и сел на него. – Видишь ли, Сенка, то дело, о котором ты читала в газетах... это ведь не только я. Меня там крупно подставили. Что греха таить – заслуженно вполне. – Он хмыкнул. – И помочь выбраться из того дерьма мне могло лишь чудо. Бранкович... был одним из партнеров. По восточному региону... Не знаю, что у него за покровители, но им было под силу помочь мне. Убрав одного его, я навлеку на свою голову еще больше проблем...

– Это он тебе сказал?

– Я не глупый мальчик. – На одно мгновение свет проезжающей мимо машины скользнул по его лицу, осветив старый шрам от шеи до нижней губы. – А уже поживший, и я знаю толк в людях.

– А что, если я скажу тебе, что у меня есть доступ к этому человеку и тебе незачем его бояться?

– Я не поверю, – снова улыбнулся Купер. – Но постараюсь. – Он встал с места. – Я не знаю, кто ты и что у тебя за дела с Вуком, но такой женщине, как ты, не место в этой постановке. Тебе нужно сойти со сцены и заняться другими делами... мирными, что ли.

– Спасибо за заботу, но есть долг. Я знаю, ты в прошлом наделал много зла, но вот что я тебе скажу. – Она шагнула к нему навстречу. – Нельзя вернуться в прошлое и изменить свой старт, но можно стартовать сейчас и изменить свой финиш.

– Хорошо, – кивнул Купер. – Я помогу тебе.

– Не мне, а нам обоим.

– Есть план? – Леон пощупал свои карманы в поисках сигарет, но кроме зажигалки ничего не нашел, Обилич протянула ему упаковку. – Благодарю. Ну так план?

– Просто убить его. Это ведь не проблема?

– Убить убийцу... это как раз проблема. – Он выпустил дым к потолку. – Но шансы есть. Они всегда есть.

– Вот и отлично. Доброй ночи. – Обилич направилась к двери.

– Еще встретимся? – не зная почему, спросил Леон, но ему хотелось снова ее увидеть.

– Время покажет. Я сама тебя найду, готовь пока все.

Девушка скрылась в темноте коридора, и он слышал только удаляющиеся шаги.

Вдруг тишину нарушил звонок телефона. Купер недовольно достал его из кармана – номер не определен.

– Слушаю? – раздраженно сказал Леон.

– Начальник, – насмешливо заговорил Вук, – мне кажется, вы про меня забыли...

– Мы приехали по твоему адресу, тут только три бомжа, которые точно тебя не заинтересуют, и гора старой техники. Никаких следов твоих террористов.

– Странно. Что ж, ты же будешь искать дальше?

– Разумеется.

– Хотел тебя еще предупредить, так, на всякий случай.

– Да?

– При встрече с Лазарь не дай ей возможности приблизиться к тебе.

– Может, еще в глаза не смотреть? Она не Медуза Горгона случайно? – хмыкнул Купер.

– Она хуже, но мое дело предупредить.

– Не думал, что ты в мистику ударишься.

– Я свяжусь с тобой позже.

Леон отключил телефон и выругался. Докурив, Купер покинул дом и, сев в машину, покинул Гленвуд-роуд.

Бранкович довольно ухмыльнулся и убрал телефон. Он припарковался и вышел из машины. Впереди, сразу после арки, виднелось здание штаб-квартиры нью-йоркской полиции, больше известное как 1PP[19]. Сразу на выходе из арки стояла громоздкая красная скульптура в духе поп-арта. Никто не знал, что это за грубые куски металла, соединенные вместе, но такого рода вещи стояли у многих государственных контор. Они призваны олицетворять непривлекательность административной работы, но в то же время подчеркивать ее важность. Впрочем, редко кто задумывался над этим. Вук шел вперед по мощеной аллее ко входу в четырнадцатиэтажное здание. На пропускном пункте толпились полицейские и что-то шумно обсуждали. Девушка, не глядя на гостя, просканировала его пропуск и вернула ему, не отвлекаясь от разговора с друзьями. Бранкович вошел в здание. Внутри царила суматоха, но в то же время организованность. Не желая терять ни минуты, он подошел к лифтам и нажал на кнопку. Его интересовали базы данных, а доступ к ним предоставлялся на четвертом этаже. Вук вышел на нужном этаже. Сразу перед ним за стеклянными дверями расположился внушительных размеров компьютерный зал. Несколько человек уже были заняты поиском нужной им информации. Миловидная девушка за стойкой помощи смерила гостя недоверчивым взглядом, она его тут никогда

[19] 1 Police Plaza.

не видела раньше. Однако, подумала она, если его пустили в здание, значит, все в порядке.

– Добрый вечер, сэр! – она повесила на лицо маску искусственной доброжелательности. – Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

– Думаю, можешь. – Вук подошел ближе и улыбнулся ей в ответ. – Я не очень разбираюсь в поиске по базе, но, вижу, ты в этом как рыба в воде. – Мужчина подмигнул ей, смутив бедняжку.

– Это моя работа, – смягчившись, ответила она, в обаянии незнакомцу отказать было трудно. – Что-то конкретное ищете?

– Скажи, – он глянул на ее именной бейджик, – Миранда, много ли в вашей базе индейцев?

– Индейцев? – удивилась девушка.

Мужчина кивнул.

– Не очень.

– Ну вот мне нужно на них посмотреть.

– На всех?

– Угу.

– Но это сотни человек.

– Мне нужен персонаж мужского пола, лет тридцати, метра два ростом, проживающий в Нью-Йорке.

– Выбирайте любой компьютер, я сейчас к вам подойду и помогу.

Бранкович выбрал дальний стол у окна. Миранда подошла через минуту и стала вводить разные данные в поисковую форму. Спустя еще минуту начался поиск по базе.

– Если захотите изменить параметры поиска, то вот тут нажмите и отмените. Все понятно?

– Более чем. Премного благодарен, – широко улыбнулся гость.

Девушка ушла, когда поиск был завершен. Список был небольшой – тринадцать человек. Вук поморщился оттого, что никто не подходил.

– Видимо, придется просматривать по всем штатам...

Теперь список был повнушительней. Бранкович погрузился в него с головой и не замечал, как летело время.

– Что, карманник напал? – услышал он голос Купера за своей спиной.

– Нет, но индеец был с той, кого я ищу.

– Может, он чист перед законом. – Леон сел за компьютер рядом. – И его нет в базе.

– Может, и так. Ты что-то быстро вернулся.

– Ты такая важная шишка, Вук, у тебя в подчинении всегда было много людей, а ты занимаешься такими мелочами сам. Не перестаешь удивлять...

– Я вообще удивительный. – Бранкович откинулся на спинку стула. – Что там в доме было?

– Ничего, что могло бы помочь, – помотал головой Купер.

– Все никак не пойму, отчего ты так меня ненавидишь. Я ведь помог тебе тогда. Ничего не просил взамен, оставил все, что ты наворовал, замолвил за тебя словечко перед фирмой, даже сохранили твою должность и звание. Неблагодарность – это ведь грех, Леон. – Вук крутил в руках ручку и ухмылялся чему-то.

– Может, потому, что это ты меня подставил?..

– Ты сам себя подставил, когда согласился на все это. Жил бы своей жизнью дальше, на одну зарплату и в кредитах, не было бы у тебя никаких проблем. А ты ведь захотел большего. А за все нужно платить.

– Ты и сам не в шоколаде, – хмыкнул Купер. – Ушел в подполье и переквалифицировался в телохранители. Видимо, не меньше моего проштрафился.

– Воспользовался предложением шефа, решил начать новую жизнь.

– С твоими капиталами немудрено.

– Чужие капиталы тебе по-прежнему не дают покоя. – Вук посмотрел с ухмылкой на Леона. – Нравится жить на одну зарплату?

– Я хотя бы не убиваю людей.

– Это сейчас не убиваешь, а благодаря твоей деятельности ты убил достаточно человечков.

– Меньше твоего по-любому.

– А-а, так у нас соревнование? – Бранкович убрал руки за голову, сложив их в замок. – Не знал. Помню, ты был таким борцом за справедливость лет десять назад, ловил преступников и был неподкупен, как святой. Все время хотел понять, что же тебя толкнуло в наши объятия.

– Не твоего ума дела.

– И слава богу, но мотив мне до сих пор неясен. Наверное, деньги, да?

– Думай что хочешь.

– И если деньги, то зачем ты начал всю эту аферу с подставой и сдачей информации федералам... ой, как с тобой все запутанно. О тебе роман писать можно, детективный... Правда, с плохим концом. Потому, что такие, как ты, хорошо не кончают...

Вук посмотрел на потолок, затем перевел взгляд на камеру видеонаблюдения, и его будто осенило:

– Точно!

– Что?

– Камеры. – Он указал пальцем на потолок.

– Да, Вук, знакомься, это камеры, – развел руками Леон.

– В метро круглосуточное наблюдение?

– Разумеется.

– А в поездах ведется запись?

– Она сейчас даже в туалетах ведется, – нахмурился Купер.

– Ну что ж, так узнаю, где она вышла. Это сузит поиск.

– Не хочу тебя огорчать, но есть еще и наземный транспорт, такси и личные средства передвижения.

– Завалы на дорогах видел? С такими пробками и заносами далеко она не уедет. Кстати, ты ориентировки ее разослал?

– Только в Интерпол забыл.

– Все шутишь.

– Отправили.

– Таксистам тоже?

– Ты их плохо знаешь, за деньги они повезут хоть дона Корлеоне.

– Ну, дона я бы и сам подвез. Записи с камер метро в этом здании? На каком этаже?

– В этом, на двенадцатом, – кивнул Леон. – Но не со всех станций и не в едином формате. Еще не везде новые камеры, записи переправляются к ним в конце ночной смены ежедневно. В общем, спросишь ребят из вайперов[20] – подскажут.

– Так, все, до связи. Работай, голубчик! – Бранкович встал с места и быстрым шагом направился к выходу из зала.

– И тебе того же... сукин сын, – прошептал Леон. – Ты мне за все ответишь. За все, тварь. – Он крепко сжал кулаки. – Даже если это будет мое последнее дело. – Купер глянул на монитор компьютера, за которым сидел Вук, там была открыта фотография разыскиваемой Марии Лазарь. – Изменить финиш... – прошептал он, – а что, если?.. – он осекся, посмотрев по сторонам.

Леон, задумавшись, поспешил из зала и направился в свой кабинет.

Бранкович поднялся на нужный этаж. Еще один зал с огромным количеством мониторов на стене и десятки офицеров, следящих за происходящим в городе. Нахождение в этом подразделении никогда не вызывало ни у кого положительных эмоций. Тут оказывались либо за провинность, либо после травм, полученных на работе, когда на улицу человека выпускать было нельзя. Однако и в сидении на попе ровно эти ребята находили свои плюсы. Заказывать еду в офис никто

[20] От англ. VIPER – Video Interactive Patrol Enhancement Response (подразделение полиции, отвечающее за видеонаблюдение в городе).

не запрещал, так что своим вредным привычкам можно было не изменять. Вук окинул быстрым взглядом весь зал в поисках того, кто мог бы ему быть полезным. Молодой офицер с загипсованной ногой и отрешенным, скучающим видом, ожидающий чуда, показался ему подходящей кандидатурой.

– Привет! – подошел к нему Вук. – Нужна твоя помощь в одном расследовании, Тони.

– М-моя? – поднял глаза на Бранковича парень. – Вы, наверное, ошиблись, или это очередная шутка... не смешная.

– Я не шучу, начальство рекомендовало именно тебя.

– Правда? – просиял офицер. – Эдмундс вас направил ко мне?

Вук кивнул.

– Ок, а вы кто? Какой отдел? Что за дело? – посыпались на Бранковича вопросы.

– Лейтенант Бриз. – Он показал свое удостоверение.

– ...Ого! Но я-то что могу? Тем более сидя здесь?

– Поможешь найти мне одного человека, и мы будем ближе к раскрытию террористической группы. Ты вернешься на свою должность, неужто не интересно?

– Ок! Кого ищем, лейтенант?

– Женщину лет тридцати. – Он вынул из кармана фотографию Сенки и протянул ее Тони. – Последний раз видели сегодня между одиннадцатью и двенадцатью, как входила в подземку на станции «148-я улица»...

– М-м, это терминал Ленокс ведь?

– Да.

– Так-с, посмотрим. – Парень начал просматривать таблицы и спустя некоторое время вывел на экран запись с камеры. Бранкович внимательно всматривался в нечеткое изображение. Никого похожего.

– Там рядом есть еще одна станция, – вслух подумал Тони. – Может, 145-я улица? Правда, идти далеко.

– Глянь.

Снова офицер застучал пальцами по клавиатуре. Снова вывел запись на монитор. В этот раз удача им улыбнулась.

– Вот они! – Тони остановил воспроизведение, приблизил.

– Это она точно. В какой поезд сели? До какой станции ехали?

– Сейчас скажу. – От старания офицер даже высунул язык. – Вот они. Ехали долго, – он перемотал до нужного момента. – Вышли тут, на 181-й улице.

– А дальше? Уличные камеры? Есть записи?

– Работающих немного, – виновато ответил Тони. – На автобусных остановках разве что.

– Давай ищи этих двоих. Я подожду.

Сержант Даббс долго искал нужные гостю файлы, но сервер, как назло, не отвечал на его запросы, да и не было записей с той камеры, которая, как ему казалось, даст необходимую информацию. Прошло двадцать минут. Бранкович глянул на часы, потом на Тони.

– Простите, сэр. У нас тут какая-то ошибка серверная, база заморожена, я не могу воспроизвести файлы...

– Ладно уж! Как заработает, дай мне знать, если найдешь что-то. – Он положил ему на стол свою визитку. – Спасибо за работу!

Вук направился к лифтам и сам не заметил, как налетел на Купера.

– Ты чего здесь? Твой кабинет ниже, – огрызнулся Бранкович.

– Делаю свою работу и ищу преступников. Просиживая штаны за столом, я мало что найду.

– Похвально. Нашел что-то?

– Нет, сервера упали.

– Ну так чините. – Вук зашел в лифт. – И быстрее.

– Займись делом, Бранкович, и не мешай другим. – Двери кабины закрылись, оставляя Леона в тишине коридора. Он потер плечо рукой. – ...Ты ее не найдешь. Во всяком случае, пока я тут. – Купер посмотрел на свои руки, на ладонях было несколько царапин, он сжал кулаки.

Выйдя из здания, Вук достал телефон и набрал номер Лида.

– Ты звонишь мне чаще, чем моя девушка. Меня это начинает напрягать, – смеясь, сказал Грегори. – Что-то новое для меня есть?

– Не знаю, как ты это сделаешь, но найди мне записи из всех автобусов, что ходят от 181-й улицы. Она была в одном из них часов в двенадцать-тринадцать.

– Ого. Ты же у копов был, они что, не помогли?

– У них что-то с компьютерами. Нельзя записи просмотреть, только в реальном времени.

– Странно. Ладно, поищу что-нибудь. Только это трудновато будет.

– Есть другие предложения?

– Мы нашли несколько точек, откуда шли нападки на мой компьютер... – Грегори задумался. – А это идея!

– Чего?

– Маршруты автобусов сравню с имеющимися у нас точками. Так, я работать, наберу позже.

Бранкович глянул на часы – было уже без пяти минут семь и самое время поужинать.

Сенка уже час как сидела в маленьком ресторанчике «Кроличья нора» и просматривала последние мировые новости. Народу в заведении становилось все больше, но шум не отвлекал. Она заказала себе

ужин и развлекалась, рассматривая людей и подслушивая их разговоры. Обилич прокручивала в голове старые воспоминания, ища что-то полезное. Из всех только одно подходило, но именно это было не самой безопасной затеей. Она вспомнила адрес, что ей дал перед самым отлетом Милош со словами, что это последнее место, куда стоит идти, и только в одном экстремальном случае – когда есть угроза ее жизни. Сделав глоток ароматного кофе, она кивнула сама себе.

– Ситуация ведь достаточно угрожающая, мой дорогой Милош, чтобы идти к этому человеку? И многого мне от него не нужно в любом случае...

Купер зашел в свой кабинет, прислонился к двери и некоторое время стоял в полумраке, смотря на далекие огни города, скрывающиеся за жалюзи. По коридору ходили люди, и отчего-то ему казалось, что вот-вот кто-то постучит к нему и задаст вопрос, на который он не сможет ответить. Проведя рукой по волосам, он подошел к столу и сел в кресло. На раздумья у него было мало времени. Неожиданный стук в дверь заставил вздрогнуть.

– Да, войдите! – немного севшим голосом сказал он. В кабинет тенью скользнул техник с подвального этажа.

– Все сделал, как вы сказали, сэр. – Он отчего-то боялся поднять глаза на Леона. – Пожалуйста, сделайте так, чтобы меня за это не уволили... или того хуже. Мне нельзя в тюрьму... у меня семья.

– Никто ни о чем не узнает, если ты сам никому не проговоришься.

– Что вы, сэр, я – могила!

– Да-да, говорящая, – заметил Купер, но техник его не расслышал. – Так, подойди сюда и помоги мне. – Он указал на монитор. – Мне нужно найти записи с городских камер.

– Это, конечно, не мое дело, но почему вы пришли именно ко мне с такой страшной просьбой? Разве вы все в полиции не одним делом заняты – поимкой преступников?

Купер достал из стола пачку сигарет, вынул одну и закурил.

– Иногда, Крис, ради спасения невиновного нужно идти на хитрости и уловки. – Он выпустил клуб дыма. – Кроме того, в задачи полиции входит и защита населения. Вот чтобы защитить одного человека от другого, у которого есть доступ к нашей базе, я тебя и попросил об услуге. Надеюсь, ты удовлетворен ответом.

– ...Более чем, сэр. Архив будет доступен только вам примерно полтора часа. Дольше нельзя.

– Больше и не надо.

– Тут ничего сложного. Вот. – Крис понажимал какие-то кнопки на клавиатуре и вывел несколько окон на экран. – Доступ в архив пе-

реведен на этот компьютер, паролем служит номер на вашем значке. Тут его введете.

– Понял, спасибо, – кивнул Купер. – Ровно через час возвращай все на круги своя.

Техник кивнул и направился к выходу.

– Я помолюсь за вас, – обернувшись у самых дверей, бросил Крис и покинул кабинет.

– И на том спасибо, – хмыкнул Леон, запуская поиск по записям. По последним запросам видео со станций стало очевидно, что это был Вук. – Вот и ты, – сказал он вслух, увидев Сенку на автобусной остановке. Оставался пустяк – проследить маршрут.

Бранкович решил оставить машину на парковке и пройтись до ресторанчика пешком. Правда, прогулка по огромным сугробам на тротуарах не доставляла особого удовольствия, но из-за аномальных снегопадов другого выхода у жителей города не было. По дороге он набрал Лида.

– Что там с архивом?

– Да ничего хорошего. Их архив закрыт ото всех. Отключен от сети. Все новое висит в воздухе, а старое недоступно.

– Почему?

– Я полагаю, тут человеческий фактор, там могли что-то напортачить, и вот такое случилось.

– А специально такое сделать могли?

– Разумеется.

– Ну вот и подумай в этом направлении.

– Вот ты зараза, я, может, тоже хочу погулять, поиграть в снежки.

– Я закопаю тебя в снег... потом, – ухмыльнулся Вук. – Найди мне эту девку.

Бранкович раздраженно повесил трубку.

– Чертов холод! – он выругался на сербском и плюнул в снег. В этот момент зазвонил телефон.

– Да?

Номер был незнакомый.

– Привет, Вук! Давненько не слышались, – бодро начал мужчина по-сербски.

– Эм-м, кто это?

– Это Эмил.

– Эмил?.. – Бранкович остановился на месте, вспомнив звонившего. – Чему обязан?

– Ну что ты сразу так?.. Предложение к тебе есть, хочу обсудить. – Вук шумно выдохнул. – Быстрые деньги и никакого риска, друг.

– Риск есть всегда. Ты там же обитаешь?

– Да.

– Если смогу, то буду после полуночи.

– Отлично.

На подземную стоянку Уорнер Центра на Шестидесятой улице заехал черный «мерседес». Не спеша машина добралась до отведенного специально для нее места – как раз рядом с частными лифтами. Припарковавшись, водитель вышел из машины и подошел к задней двери, открыл ее.

– Эх, Бернард, хорошее тут место, но как тут многолюдно. – Рокфеллер взял свою трость и медленно стал выбираться из машины. Одернув джемпер, он отпустил руку водителя. – Помнится мне, нам на четвертый этаж?

– Так точно, – улыбнулся Бернард, сопровождая старика к лифту.

– Дальше я сам, – сказал Дэвид, зайдя в лифт.

– Вы уверены, сэр?

– Я позвоню тебе, и ты поднимешься за мной, если я настолько наемся, что не смогу подняться. – Он натянуто улыбнулся.

– Хорошего вечера, сэр, – кивнул Бернард, нажимая на кнопку четвертого этажа.

Спустя несколько секунд двери лифта открылись, и Рокфеллер оказался в длинном коридоре, ведущем к ресторану «Per Se». Дэвид шел медленно, разглядывая картины, висевшие на стенах, и внюхиваясь в ароматы, шедшие с кухни шефа Келлера. Ужин обещал быть как минимум вкусным. На входе его уже ждала Дженифер, отвечающая за закрытые мероприятия. Молодая, энергичная женщина с улыбкой обратилась к нему:

– Добрый вечер, мистер Рокфеллер! Мы рады приветствовать вас в нашем ресторане.

– Да-да, дорогая моя, давненько я у вас не был.

– Прошу вас, следуйте за мной.

– Мои гости уже пришли?

– Да, сэр. Двое.

– Хорошо. Терпеть не могу сидеть за столом один, – буркнул себе под нос старик, следуя за женщиной к двери с надписью «Восточная комната».

Дженифер открыла ему дверь и, снова пожелав хорошего вечера, удалилась. Рокфеллер зашел в комнату. Стены и потолок ее были отделаны деревом. Напротив двери было большое окно с видом на Центральный парк и небоскребы. За круглым столом уже сидели два

человека. Лицом к двери сидел Генри, спиной же – второй гость Рокфеллера.

– Давно мы так вот не сидели в ресторане, – улыбнулся Киссинджер. – Прям-таки единение. Привет тебе, Дэвид!

– Смотрю, вино уже развязывает тебе язык, – хмыкнул Рокфеллер, проходя на свое любимое место у окна. – И тебе привет, Мотси. – Он похлопал по плечу пожилого мужчину. – Все пропадаешь в своем Делавере? И не скучно тебе там? – Дэвид сел за стол и аккуратно прислонил трость к стене.

– Извини, что не отчитываюсь перед тобой о своей деятельности. – Мужчина взял со стола меню и принялся перелистывать страницы, всем своим видом выказывая недовольство. Он явно не хотел тут находиться.

– Но-но, Ламмот, – всплеснул руками Генри, – не принимай ты его шутки так близко к сердцу. Мы все в одной лодке. Плыть и тонуть все равно вместе. – Он улыбнулся.

– Зачем тонуть, мы просто пересядем в другую.

– Итак, зачем вы меня позвали? Что за экстренный повод? – раздраженно спросил гость, окинув презрительным взглядом Рокфеллера и Киссинджера.

– Что ж, прежде чем явится наш последний участник, – Дэвид посмотрел на часы, приглашенный опаздывал, – мы объясним тебе происходящее. Хотя, – развел он руками, – может, ты и сам видишь, что в мире происходит что-то не то.

– С миром ничего нового не происходит, – закрыл меню Ламмот. – А вот то, что твоя борьба с Ротшильдами входит в новую стадию, – это я очень хорошо вижу. Вы снова делите мир, а нас предупредить забыли?

– Хо-хо! – засмеялся Рокфеллер. – С чего ты это взял-то? Я все свои действия с Советом согласовывал еще в начале прошлого года. С моей стороны ничего нового. Наша маленькая мышиная возня никого не касается.

– Я не собираюсь пускаться в дискуссию. Я просто хочу знать, что за причина вынудила тебя позвать меня на тайную встречу.

– Тайную? Да боже упаси! – махнул рукой Дэвид. – Мы в центре Нью-Йорка, с десяток человек видели, как мы сюда заходили. Тут нет ничего тайного. Уверяю тебя, завтра желтые газетенки напишут про «заговор трех» или «тайну Per Se»...

– Чего ты хочешь?

– Для начала хочу выпить немного красного вина. Где там наши рабы на ночь, или как их там, слуги? – Он довольно хмыкнул и нажал на кнопку на столе для вызова официанта. – А потом я расскажу тебе

об одном сумасшедшем старикашке, который намерен сжить нас всех со свету.

Прошло не больше десяти минут, как молодой официант разлил красное вино по бокалам и принял заказы от всех гостей ресторана. Все это время Ламмот молчал, внимательно рассматривая своих собеседников. Когда подали первые блюда, Рокфеллер снова вернулся к главной теме встречи.

– Ты, Мотси, наверняка видел новости?

Тот кивнул.

– Тебя не удивляет такой поворот в нашей международной политике?

– Не особо, – мотнул головой мужчина. – Все то, что не приносит мне убытков, меня не волнует.

– Ты все-таки типичный Дюпон! Я помню, так еще твой отец говорил!

– Ближе к делу.

– Дело тут простое и сложное одновременно. До меня дошла информация, что барон Ротшильд медленно, но верно съезжает с катушек.

– С чего вдруг такое мнение о Джейкобе?

– Сам подумай, он вызывает к себе Керри, меняет политику США по отношению к этому чертову Косову, в тайне от Совета вносит поправки и корректировки в уставы организаций, доселе подчиняющихся другим. Одна его идея с TISA чего стоит. Но все бы это было ничего, если бы не одно «но».

– Какое же? – полюбопытствовал Дюпон.

– Он делает это под себя, он хочет всю власть сосредоточить в своих руках, а нас он пошлет куда подальше.

– Джейкоб превыше всего ценит цели Совета. Он сделал многое для достижения нынешнего результата. Моя семья, еще вступая в Совет, брала на себя определенные обязательства, как и Ротшильды. Мы все служим одной цели. И неважно, каким образом один из участников добивается своего. В случившемся я не вижу никакой угрозы для общего плана. Если только это ты, Дэвид, не хочешь занять его место в кресле главы. – Ламмоту хотелось встать и уйти, но он сдерживался. Хорошие манеры не позволяли так поступить.

– Очнись, Мотси! – щелкнул пальцами правой руки Киссинджер перед глазами Дюпона. – Он не собирается работать с нами, он собирается работать против нас. Ты готов лишиться всего ради того, чтобы он получил желаемое?..

Ламмот задумался. С одной стороны, он прекрасно знал о вечной борьбе между кланами Ротшильдов и Рокфеллеров, а с другой – ба-

рон всегда отличался непредсказуемостью. Да и интересы свои он ставил всегда выше всего остального.

– Кто еще так думает? Сколько вас таких, сомневающихся? – поразмыслив, спросил Дюпон.

– С тобой будет пятеро, – довольно улыбнулся Дэвид, намазывая масло на белый хлеб. – Остальные пойдут на поводу.

– Кто четвертый?

– Единственный, кто может повлиять на Джейкоба. Это, разумеется, если мы избираем мирную стратегию, – вставил свое слово Генри. – Что-то он опаздывает.

– Погода сегодня не самая лучшая для полетов. Может, к концу ужина и явится.

– Неужели это тот, о ком я думаю?

Ламмот переводил вопросительный взгляд с Дэвида на Генри, Киссинджер молча кивнул, чуть вскинув брови.

– Но... но как вам удалось?

– Здравый смысл должен сохраниться хоть у одного члена семьи, – усмехнулся Рокфеллер, отрезая маленький кусочек искусно приготовленной говядины по специальному рецепту шефа. – И потом, он умный мальчик. Выслушал наши доводы, удостоверился лично в нашей правоте и принял верное решение.

– Но, Дэвид, ты не потерпишь его во главе Совета...

– Нет, конечно, но с чего-то начинать нужно, – пожал он плечами. – Какая вкуснятина... с кровью, как я люблю!

– Что вы двое задумали, и какая мне от этого польза?

– Польза? Ты останешься на своем месте и со своим делом. Америке в любом случае понадобится много оружия, учитывая наши планы на ближайшее будущее. Да и ваши разработки по чипам по-прежнему необходимы.

– Ближайшее будущее? Разве не очередь его ставленника сейчас?

– Очередь? – усмехнулся Генри. – Скажем так, Мотси, мы занимали раньше.

– И кто же ваш кандидат? – Дюпон чувствовал, как пересохло во рту. Он только сейчас начинал понимать расклад. Двое загадочно молчали, снисходительно улыбаясь. – Я не понимаю ваших намеков.

– Зачем нам кандидат, когда есть уже избранный.

– Но третий срок – это же против конституции...

– Мотси, куда делась твоя дальновидность? – удивился Рокфеллер. – Ты так давно с нами работаешь, так давно в этом варишься и до сих пор не знаешь, что такое эта конституция?.. Мы отменим выборы, и всего делов. Главный план будет приведен в исполнение. Ротшильда при этом сместим отовсюду и пошлем восвояси. Если ему так нравится Китай, то так тому и быть. Он пойдет на дно вместе с этой затухающей страной. Нам на потеху.

– Джейкоб не так прост, – мотнул головой Дюпон. – Он не будет сидеть сложа руки все это время.

– Не будет. Он будет занят другими делами. Впрочем, он уже ими занят. Пока у меня есть нефть, а у него его бумажки, у него будут проблемы...

– Бумажки – это не все его богатство.

– Я хочу собрать Совет без него. Мы должны лишить его полномочий, выбрать нового главу и продолжить наш путь. Правда, ускоримся немного.

– Как я понимаю, Ротшильды в этот раз в меньшинстве, – потер подбородок Ламмот. – Что ж, возможно, мне тоже стоит справиться о его здоровье лично, а потом уже решать. Или хотя бы услышать это от Нэта...

– Свяжись с ним завтра, – посмотрел на часы Киссинджер. – Не думаю, что он успеет к десерту.

– А вообще, господа, – вытер рот салфеткой Рокфеллер, – давайте попросим этот десерт. Я помню, он тут отличный! Пальчики оближешь, Мотси!

– Не имею привычки, – тихо проговорил Ламмот, смотря в свою тарелку. – Ну так и в какой день ты собрать нас всех намерен?

– А зачем долго ждать? В воскресенье и соберемся.

– Где?

– Мы ведь не хотим привлекать общественное внимание и этих снующих повсюду журналистов... да и конспирологи покоя не дают, ошиваются вокруг наших домов...

– При всем уважении, – заметил Ламмот, – у них сейчас есть дело поинтересней. Они переваривают заявление по Косово.

– Я тебя умоляю, – махнул рукой Генри, – девяносто процентов людей даже не найдут его на карте. Они знает о нем как о рассаднике преступности и наркоторговли. Им так в кино показали. – Он хмыкнул и, отломив кусок хлеба, отправил его в рот.

– Соберемся в моем доме. Приезжать будете по одному и разными дорогами, – продолжил Дэвид. – Вокруг моей территории не будет никого постороннего, это я гарантирую. Что до тебя, Мотси, у тебя есть сутки, чтобы определиться.

– Иначе что?

– Иначе Совет соберется без тебя и твоя фамилия будет стоять под фамилией Ротшильда. – Глаза Рокфеллера зло сверкнули.

– Что ж, пожалуй, оставлю вас двоих и отправлюсь... – он встал со стула, – ...думать. Доброй ночи. – Дюпон вышел из комнаты и по-

спешил к выходу. В основном зале ресторана уже не осталось гостей. Все разошлись.

Официант забрал тарелки и отправился за десертом, которого гости уже заждались.

– Думаешь, он приедет? – спросил Киссинджер, подойдя к окну и окинув взглядом Центральный парк.

– Приедет, у него нет выхода. И он это прекрасно понимает. Не думаю, что он хочет кончить так же плохо, как и его предшественники, – пожал плечами Дэвид, бросая кусочек сахара в чай. – Мне кажется, или тебя что-то беспокоит?

– С одной стороны, я уверен в успешности нашего плана, а с другой, – он снял очки и начал протирать их платком, не отрываясь глядя на пруд в центре парка, – у меня такое чувство, что мы учли не все факторы.

– В смысле «не все»?

– Будто есть в этом городе еще какая-то сила, у которой свое видение будущего.

– И эта сила – на чьей она стороне, а, Генри? Ты всегда был любителем мистификаций... – Рокфеллер выбирал, какое бы пирожное положить на свою тарелку.

– Не знаю, – покачал головой Киссинджер. – Возможно, ни на чьей.

– Никакая сила не сможет нам помешать. Мы идем своим путем, и это верный путь. Еще чуть-чуть, и мы скинем с Олимпа этого спрута и всех тех, кто посмеет встать у нас на пути.

– Это долгий путь, Дэвид. Не верю, что мы увидим плоды нашего труда, – покачал головой Генри. – Не молодеем ведь.

– Не знаю как ты, а лично я собираюсь задержаться на этом свете, – довольно хмыкнул старик, поглощая очередное мини-пирожное.

– Твой оптимизм впечатляет, но у нас нет десятка лет в запасе.

– Мы сделаем все за два года. Тем более что мы уже набираем обороты. Потерпи пару годков, Генри, и мы осуществим мечту.

– Что ж, прежде все равно нужно разобраться с основной проблемой.

– Я позабочусь об этой проблеме, барона предоставь мне.

– Как я понял, Нэт звонил тебе?

– Совершенно верно. Голосок был такой расстроенный, состояние потерянное и абсолютное замешательство. Бедняжка, будучи в мышеловке, обращается за помощью к кошке... От отца ему досталась лишь гадкая физиономия и никаких мозгов. Ротшильды уже не те...

– Что не может не радовать, – улыбнулся Генри. – Правда, французская ветвь вполне диалогоспособна.

– Они пустышки, – раздраженно махнул рукой Рокфеллер, вытирая рот. – Кроме фамилии и наследия предков – ничего. Это все нам на пользу. – Он посмотрел на часы. – Ого! – Он цокнул. – Да уже почти полночь! Полагаю, можем расходиться.

Сенка вышла из ресторанчика и посмотрела по сторонам. Снег шел уже третий час, и улицы замело надолго. Выехать отсюда было проблематично. Буксовали машины, а об автобусах не приходилось говорить вовсе – кажется, что их все загнали на стоянки еще до обеда. До нужного места было недалеко, минут двадцать пешком. Накинув капюшон на голову и подняв шарф повыше, она не спеша пошла вверх по Бедфорд-авеню. Почти каждый дом был изрисован граффити. Одно агрессивнее другого. Заброшенные дворы соседствовали с аккуратными и чистыми. Бруклин был по-обычному пестрым. Пожалуй, только тут по-настоящему смешивались все расы и классы. Только здесь они могли сойтись не на жизнь, а на смерть. С приходом ночи этот район Нью-Йорка преображался, выпуская своего внутреннего зверя, показывал истинное лицо. Для кого-то Бруклин – это клубы и дискотеки с дешевой выпивкой, а для кого-то единственное место, где можно приобрести по дешевке что-нибудь из запрещенного. Каждый приезжал в Бруклин за новыми ощущениями, разными были лишь маршруты. Сенка заметила группу из трех заплутавших туристов. Они озирались по сторонам в поисках хоть какого-то ориентира. Буквально бросались на первого встречного с расспросами. Вот и Сенка не стала исключением.

– Мисс! – подскочили к ней трое молодых ребят. – Извините, простите, вы не знаете, где тут клуб «Аутпут»?! – с сильным испанским акцентом спросил самый старший из них.

– Идите вперед до Десятой улицы, там налево до Уис-авеню. Пятиэтажка со стеклянной надстройкой – ваш ориентир...

– Спасибо огроменное! А то кого ни спросим, будто все не местные! Спасибо, мисс!

– Удачи. – Сенка пошла дальше, прибавив шагу. Чтобы не идти впереди испанской компании, она свернула на первую попавшуюся улицу.

Пятиэтажное кирпичное здание появилось на горизонте. Путь Сенки тоже лежал к нему. Где-то вдалеке захлебывались полицейские сирены, утопая в громкой техномузыке. Даже издалека была видна очередь в клуб. Девушка подошла ближе и осмотрелась. Адрес был правильный, только ее точно не интересовал главный вход. Развернувшись, она прошла немного назад и свернула на Одиннадцатую улицу. Узкая, темная, неосвещенная улица, служившая отхожим ме-

стом для бродяг и медицинским кабинетом для наркоманов, приобретших очередную дозу. Грязные стены, исписанные разнообразными призывами и галлюцинаторными образами из глубин больного подсознания, источали зловоние. Таким был весь Нью-Йорк – красивым снаружи, гнилым внутри. За яркими вывесками и красочными фасадами скрывалась суровая реальность, где простые американцы находили спасение в абсолютном забвении. С десяток молодых мужчин не обращали никакого внимания на незнакомку. Она уверенно шла к плотно закрытой двери в конце здания. Сенка остановилась на месте и посмотрела на домофон с одной-единственной кнопкой.

– Не звони, – устало прохрипел один из бродяг, сидевший на мешках с мусором, – сегодня не продают. Копов обещали вызвать. Сегодня у них какие-то дела посерьезней наших...

– Плевать, – прошептала девушка и нажала на кнопку.

– Кого еще черти принесли? – ответил мужчина с сильным акцентом.

– Я к Эмилу.

– От кого?

– От Милоша Лазаря.

На той стороне воцарилось молчание. Явно ушли докладывать. Прошло минут семь, прежде чем мужчина вернулся к трубке.

– Проходи.

Сенка вошла в здание и закрыла за собой дверь. Перед ней была узкая длинная лестница, в конце которой стояли двое мужчин не самого благородного вида.

– Поднимайся давай! Резче! – скомандовал один из них. – Оружие с собой есть? – Тот, что справа, оглядел девушку с головы до ног.

– Пока нет, – в тон ему ответила Обилич.

– Ясно, – потер он подбородок, – спрятать тебе его все равно некуда, а? Хех! Но я должен проверить. – Он сделал шаг к девушке.

– Валяй. – Сенка убрала руки за голову.

– Пускай проходит уже! – услышали они голос шефа из конца коридора.

– Иди давай, – хмыкнул охранник. – Еще поболтаем.

Обилич прошла вперед метров пять, как из комнаты вышел тот самый Эмил. Он был таким же, каким его описал ей когда-то Милош, – невысокий, коренастый, с перекачанным плечевым поясом, коротко стриженый и с многочисленными татуировками-драконами. Эмил был поклонником якудза и считал, что такого рода рисунки на теле приближают его к своим кумирам.

– Ну, привет! – сказал он по-сербски, щелкая зажигалкой. – Не ожидал тебя тут увидеть. Какими судьбами?

– Нужна твоя помощь, а Милош говорил, ты сможешь помочь.

– Зайди в комнату.

Кабинет Эмила напоминал больше выставку старинного оружия с уклоном в японскую культуру. В центре на красном ковре с вышитым золотыми нитями драконом стоял большой письменный стол. Судя по циновкам, все, кроме начальника, должны были сидеть на полу. Несмотря на тлеющие аромапалочки, Сенка чувствовала во рту железный привкус крови, которой здесь явно пролилось немало.

Эмил сел в высокое кресло, больше походившее на трон, и, достав из коробки сигару, с удовольствием принялся ее раскуривать.

– Как тебя зовут? Не помню твоего имени. Лицо помню только.

– ...Сенка.

– А, да, точно. Припоминаю. Так, Милош в курсе, что после этой твоей какой-то просьбы мы с ним в расчете? Не будет потом непоняток?

– Он умер.

– Даже так?.. Не знал, – покачал мужчина головой. – Славный был малый, честный. Таких уже не рождается. Ладно, что тебе нужно?

– Незасвеченное оружие с полным боекомплектом.

– Пушки? – Он усмехнулся. – Может, проще сказать мне, кого убрать?

– Не проще, – мотнула она головой. – Три пушки с запасом патронов, и ты с Милошем в расчете.

– Деловая ты баба. Когда тебе надо?

– Вчера.

Дерзость девушки и абсолютное отсутствие страха в ее глазах импонировали Эмилу.

– Ладно. Будут тебе пушки. С полчаса подождешь, максимум час?

– Где ждать?

– Ночь на дворе, можешь отдохнуть в гостевой части здания. Поспишь хоть, а то вид у тебя, мягко скажем, не голливудский. В три ночи к тебе придут и отдадут товар. – Он посмотрел на часы и потянулся к телефону. – А сейчас выйди, у меня разговор важный. Тебя там проводят. – Эмил кивнул на дверь.

Обилич молча развернулась и вышла из комнаты. Снаружи ее уже ждал один из охранников.

– Пойдем, провожу. – Он изо всех сил пытался казаться дружелюбным. – Есть хочешь? У нас тут пиццу только доставили.

– Не хочу.

– Выпить?

Сенка посмотрела на мужчину и смерила его недовольным взглядом.

– Если выпить, то это тебе лучше в клуб спуститься. Отличный клуб, кстати.

– Ваш?

– ...Наш, – не без гордости ответил громила. – Там время быстро пролетает. Рекомендую. Пройти можно отсюда. – Он указал на служебную дверь. – Раз уж ты гостья тут, то грех не воспользоваться, – пожал он плечами.

– Как-нибудь в другой раз, – натянуто улыбнулась Сенка.

– Вот твоя комната. Располагайся. – Он открыл перед ней дверь. – Приду за тобой, когда все готово будет.

Обилич закрыла дверь на защелку, как только шаги в коридоре стихли. Интерьер был простеньким и явно не самым гостеприимным. Узкое окно было наполовину заколочено, под потолком висела старенькая люстра с тремя лампочками, излучавшими бледный слабый свет. Прямо под окном располагалась старая продавленная кровать, застеленная грязным, в подозрительных пятнах покрывалом, один взгляд на которое отбивал желание прилечь. В углу напротив двери стояло кресло. Под ним и над ним виднелись дырки в потолке, стене и полу. Сенка сняла куртку, подошла к нему и, осмотрев, села. Здесь было слышно практически все происходящее в доме, даже доносились звуки с крыши. Накрывшись курткой, она сама не заметила, как провалилась в сон.

Бранкович вылез из такси, остановившегося у самого клуба «Аутпут». Снег шел не переставая. На часах было почти два часа ночи. Холод пробирал до самых костей. Вук достал из кармана телефон и набрал номер.

– Эмил, ну я приехал. Заходить через клуб или по старинке?

– О! Вук! По старинке давай. На крыше жду тебя.

– А потеплей места нет, что ли?

– Не замерзнешь, – хмыкнул мужчина. – У меня тут сад... Жду, короче.

Вук не успел подойти к двери, как ему тут же открыли. Он поднялся по узкой лестнице.

– Я знаю дорогу, – махнул он охраннику. – Не провожай.

– Это моя работа, – пожал плечами громила.

– Н-да, – Бранкович осматривался по сторонам, – смотрю, ничего не изменилось у вас тут. Это же гостевые комнаты? – Он указал на пятую дверь от лестницы, охранник кивнул. – И двери всегда открыты... – Он попытался открыть, но та оказалась заперта.

– Там отдыхает другой гость шефа.

– Понятно. Мне нравилась эта комнатушка, хорошо проводил там время пару раз. – Он хмыкнул, что-то вспомнив.

– Наслышан, сэр. Вам сюда.

Громила открыл дверь с лестницей, ведущей на крышу. Оттуда пахло растениями и шло тепло. Похоже, что Эмил не солгал. Мужчина поднялся на крышу, и перед ним предстал небольшой японский садик, эдакий оазис на помойке. На стеклянную крышу сыпались хлопья снега, а здесь было вечное начало лета. Эмил даже соорудил пруд в центре, рядом с которым он сейчас сидел и ковырялся в земле, ворочая какую-то карликовую елку.

Сенка открыла глаза, когда в полусне она услышала, как Милош просит ее проснуться. Девушка огляделась по сторонам. В коридоре были люди, наверное, двое. Она услышала, как скрипнула дверь где-то дальше по коридору, а потом были шаги по ступенькам и голоса. Один из голосов она точно не ожидала услышать в этом доме. Через дырку в потолке доносилось журчание воды. Диалог мужчин было трудно расслышать полностью, но кое-что уловить удалось.

– Я смотрю, якудза в тебе живет и радуется, – улыбнулся Бранкович, подходя ближе. – Здравствуй!

– И тебе привет! – Эмил кивнул ему в ответ. – Давно не виделись. Как поживаешь?

– Да хорошо поживаю. Что у тебя за дело ко мне? Отчего вспомнил именно про меня? – Вук уселся в плетеное кресло и сложил руки на груди. – Ручонки до кого-то не дотягиваются?

– Хех, – ухмыльнулся Эмил, отряхивая руки от земли и вставая с пола. – Отчасти и так. – Мужчина сел в кресло напротив. – Копы заворачивают гайки и ведут себя странно. Стали нарушать уговоры...

– Я не буду убивать Леона. Он мне еще нужен, – перебил Эмила Вук.

– Да не в этом дело. Тут не все его вина. Видишь ли, в городе много непонятного происходит. Трясут полицию, те в ответ – все свои связи. Все это больше похоже на какую-то мобилизацию, что ли.

– Не замечал, – покачал головой Бранкович. – Да и Купер все такой же – ни нашим, ни вашим.

– Как можно не заметить того, что страна с ума сходит и что-то масштабное готовится?

– Просто, если плевать на эту страну, – хмуро ответил Вук, разглядывая свои руки. – От меня ты чего хочешь?

– У Купера мой человек, я хочу, чтобы его отпустили на свободу, и срочно. Он мой связной, без него рушится крупное и прибыльное дельце. Сделаешь, и процент от выручки твой.

Бранкович цокнул и провел языком по верхним зубам, что придало его лицу некий звериный хищный образ.

– Процент, говоришь. Неужели у тебя нет своих в полиции?

– Трясут их, говорю же. Взятки дать не получится, а по-честному тому парню двадцатка светит. Я знаю, ты можешь выйти на Купера лично...

– Деньги – это хорошо, конечно. Только мне другая услуга нужна. В обмен, так сказать.

Эмил кивнул.

– Я ищу одного человека. Знаю, что ты отслеживаешь полицейские хроники и наверняка видел всех новых разыскиваемых.

– Допустим. – Эмилу стало любопытно.

– Видел фотографию разыскиваемой Марии Лазарь?

– Имени не запомнил, но за сегодня была только одна женщина в розыске. И что с того?

– Знаешь, кто она?

– Понятия не имею.

– Имеешь. Ты ее даже знаешь.

Эмил сначала поморщился, затем нахмурился.

– Я освежу твою память.

В дверь Сенки постучали. Она быстро оделась и подошла к двери, открыла. На пороге стоял громила с черным пакетом.

– Доставлено. Вы можете идти. – Он протянул ей пакет.

– Премного благодарна. – Девушка взяла пакет. – Спасибо за быстрый сервис. – Мужчина хмыкнул. – Через клуб можно выйти?

– Так и быть, выходи. Только если поймают с этим, – он кивнул на пакет, – проблем у тебя станет вдвое больше.

– Не поймают. – Она улыбнулась. – Прощай!

Сенка вышла за дверь, ведущую к клубу. Оказавшись на лестничном пролете, она наконец-то заглянула в пакет. Радовало то, что пистолета было действительно три, и они были не игрушечными.

– А вот патронов могли бы дать и побольше... – Обилич зарядила оружие и один пистолет оставила при себе, другие два пригодятся попозже. Она быстрым шагом спустилась вниз и вошла в клуб через служебную дверь.

Сенка сразу же оказалась рядом с танцплощадкой, в толпе подвыпившей публики, шумно реагирующей на любые вспышки прожекторов. Девушка стала медленно протискиваться к выходу.

Эмил смотрел на фотографию, что ему дал Бранкович.

– Ты ищешь Сенку?

Вук удивленно вскинул брови.

– Ты ее знаешь?

– Не то чтобы, но когда-то давно видел. Она была вместе с Милошем тогда...

– Она опасна, Эмил, и мне нужна ее голова.

– Если я скажу, где она, ты выполнишь мою просьбу?

– Разумеется, прямо сейчас. – Вук достал из кармана телефон и приготовился звонить Куперу. – Где?

– Двумя этажами ниже, в гостевой комнате.

– Что?! – вскочил с места Бранкович. – Какого черта она здесь делает?!

– Пришла за оружием, – пожал плечами Эмил. – Забрать мой долг Милошу. А теперь твоя часть уговора. – Он посмотрел на Вука исподлобья. – Звони.

Купер сидел в своей машине и рассматривал сделанные им распечатки со снимками и адресами. Он смог разыскать конечный маршрут Обилич и нашел, где она останавливалась пару дней назад. Еще он пошел на преступление и удалил эти записи без возможности восстановления. Сейчас его волновал тот факт, что Сенки не было ни по одному из адресов.

– Не мог же он тебя найти... – вслух подумал Леон.

Вдруг зазвонил телефон.

– Слушаю?

– Доброй ночи, друг! Не спишь?

– Чего тебе, Вук?

– Устранили неполадки в системе?

– Да, давно уже, но никаких результатов пока для тебя нет.

– Печально, конечно, но я не поэтому звоню.

Купер молчал.

– У вас там сегодня задержали одного парнишку, Бобби Трейси. Вот его нужно бы отпустить без лишнего шума.

– На каком основании я его отпущу? – поморщился замначальника.

– М-м, дай подумать, хотя бы на том, что не хочешь полететь с должности? Или, например, не хочешь в тюрьму, или жить хочешь... Выбирай.

– ...Ладно, – ответил Леон, чуть подумав. – Завтра выйдет.

– Какой молодец.

Купер повесил трубку.

– Слышал, Эмил? Завтра твой паренек выйдет.

– Пятая комната от входа, – указал на дверь Эмил, но в этом уже не было необходимости.

Бранкович пулей сорвался с места, сбежал с лестницы и открыл дверь, что была закрыта еще минут пятнадцать назад.

– Эй ты! – окликнул он громилу. – Где девка из этой комнаты?

– Получила товар и ушла.

– Когда?

– Да минуты три как, – пожал он плечами. – Через клуб. – Он кивнул на дверь.

Вук рванул к двери, затем вниз по лестнице и буквально влетел в толпу людей. В свете бледных прожекторов и в искусственном дыме было практически невозможно различить лица. Мужчина глянул в сторону выхода и увидел, как высокая женская фигура движется по направлению к нему. Бранкович поспешил за ней. Как назло, людей было слишком много. Складывалось впечатление, что идешь по болоту.

Сенка спешно покинула клуб. Стараясь не привлекать особого внимания, неторопливым шагом обошла группу курящих людей у клуба и перешла дорогу. Она успела пробежать метров пятьдесят, прежде чем услышала, как хлопнули тяжелые двери клуба и раздались возмущенные возгласы людей. Бранкович выбежал на дорогу и озирался по сторонам. Его лицо искривилось в довольной хищной гримасе, когда он заметил удаляющийся силуэт. Он достал пистолет и снял его с предохранителя.

– Попалась, тварь, – прошипел он и, ускоряя шаг, последовал за Обилич.

Сенка глянула через плечо, заметила преследователя и побежала. Оставалось придумать, куда именно бежать.

– Обилич! – окликнул ее Вук и выстрелил в ее сторону, надеясь, что это ее испугает, но она даже глазом не повела. – Тут некуда бежать...

Пробежав еще несколько метров, она свернула на Тринадцатую улицу, где сразу по правой стороне был небольшой цех по переработке деревянных паллет, и она тут же забежала на его территорию. Только один вход 114-А не был закрыт и завален, она рванула туда. В цеху царил полумрак, что было крайне выгодно. Пройдя немного вперед, она спряталась среди бесконечных штабелей досок. Отсюда был отличный обзор, да и сразу сюда не подойти.

– ...Убить тебя сейчас или затаиться?.. – раздумывала она вслух, едва шевеля губами. – На выстрелы сбегутся охранники, и тогда не отмазаться...

Осмотревшись по сторонам, Сенка заметила подобие запасного выхода. Добраться до него было не самой легкой задачей. Двигаться придется вдоль стены между паллетами, и навряд ли получится очень тихо. Вдруг она заметила какой-то люк в стене где-то на полпути к выходу. Похоже, вентиляция. Как можно тише, выверяя каждый шаг, Обилич направилась к нему, плотно прижимаясь к стене, стараясь не

задеть досок и не создать лишнего шума. В это время Бранкович вошел на территорию цеха. Света нескольких лампочек не хватало, он пощупал стену у входа в поисках выключателей, но ничего не обнаружил. Щурясь, он всматривался и вслушивался в темноту. Достав телефон и включив в нем фонарик, он принялся планомерно рассматривать метр за метром.

– Долго будешь бегать, а, Сенка? – спросил он. – Как видишь, сама судьба нас постоянно сводит. Одному из нас явно не везет. – Он выстрелил в скользнувшую по стене тень. – Просто выходи, без глупостей. Поговорим, обсудим твои дела. – Вук продолжал идти вперед. – Из города тебе все равно не скрыться... – Бранкович приближался к месту, откуда девушка начала свой путь к люку.

Обилич аккуратно подняла с пола небольшой кусок доски и бросила его как можно дальше. На какое-то время это отвлекло охотника. Сенка присела у люка. Это оказалась старая неработающая вентиляционная шахта, прикрытая не столько люком, сколько куском фанеры, выкрашенной в цвет стен. Воспользовавшись моментом, пока Вук отбрасывал в сторону какие-то доски на своем пути, она аккуратно отодвинула фанеру и забралась в шахту. Так же тихо она прикрыла ее за собой. Внутри было полно старого мусора, но можно было идти сильно согнувшись. Пакет с двумя пистолетами и магазинами патронов мешал, но оставлять его тут она не имела никакого желания. Шум из цеха все еще доносился до ее обостренного слуха. Она явно слышала еще три выстрела и даже чертыхание Вука. Ей показалось, что он кого-то убил. Казавшаяся бесконечной шахта заканчивалась ржавой лесенкой, ведущей вниз, на первый этаж. Освещение было слабым, но его хватало, чтобы оглядеться. Практически все пространство тут было завалено строительным мусором, сильно пахло краской и какой-то бытовой химией. Весь этот хлам загромождал единственный выход – в виде опущенных железных жалюзи. Недолго думая, Сенка принялась освобождать выход. Ее уже не волновало, шумит она или нет. Еще несколько минут ушло на поиск кнопки открывания двери. Увы, но был единственный способ ее открыть – это снаружи. Выругавшись и пнув подвернувшуюся коробку, девушка осмотрелась. Из этого помещения можно было выйти куда-то еще. На двери висел замок. Сенка достала пистолет и выстрелила в него. Увесистая цепь упала на пол вместе с отлетевшей гильзой. Девушка подобрала гильзу и убрала в карман. Обилич вышла в большой зал, заставленный коробками с каким-то оборудованием. До нее донеслись голоса рабочих или охранников. Они явно не услышали выстрела, но были чем-то обеспокоены. Сенка аккуратно подошла на безопасное расстояние и прислушалась.

– Говорил же, что там камеры нужно вешать, да и ворота нужны, – заикаясь, причитал один из мужчин. – Одному богу известно, что там с Дином сталось.

– Ну, пошел бы и проверил, – буркнул второй. – Одной собакой меньше, бродячих псов тут хватает. Приведем нового. Вместо того чтобы трястись тут, пошел бы и проверил все. За что тебе, в конце концов, деньги платят?..

– Я видел мужчину с пистолетом в руках, мне этого хватило. Так что вызови полицию лучше, – настаивал на своем работник цеха.

– Полицию по таким сугробам до утра ждать будем. И вот уже полчаса как тихо, так что он вполне мог свалить, не найдя того, что искал.

Непонятный грохот разнесся по залу. Бранкович вышел из заваленной мусором комнаты. Он глянул по сторонам – никого. Быстрым шагом он направился в сторону мужчин. Завидев его, они сразу повскакивали с мест с поднятыми руками. Он достал из кармана полицейский жетон, и им сразу полегчало.

– Никого подозрительного здесь не видели? Женщину лет тридцати, например?

– Нет, сэр. Никого.

– А должны были, она явно где-то тут. Включите свет в цеху.

– Да, минутку! – с готовностью ответил заикающийся и поспешил к рубильникам.

– Выход отсюда только один? – оставшийся стоять рабочий кивнул. – Чудненько.

Подойдя к рубильникам, охранник заметил тень на полу. Он медленно поднимал голову выше, пока не столкнулся взглядом с девушкой. Мужчина хотел было позвать полицейского, но его будто парализовало. Он не мог оторваться от глаз девушки.

– Это не полицейский, это убийца, которого нужно убить, – прошептала Сенка, протягивая пистолет работнику. Тот послушно взял пистолет. – Иди и убей его.

Он безропотно пошел вперед, крепко сжимая пистолет. Подойдя ближе, он вытянул руку вперед, направляя дуло в спину Вука, но не успел нажать курок, Бранкович резко развернулся, почувствовав неладное, и выстрелил сам. Работник цеха упал на пол, схватившись за предплечье и громко вопя от боли, заливая бетонный пол кровью. Начальник охраны Ротшильда направился к человеку, безразлично переступил через него и потянулся к рубильнику.

– Ай-ай-ай, Сенка, смотри, что ты натворила, – покачал головой Вук. – Почти убила человека. Какая нехорошая девочка... я нацеленное на себя оружие кожей чувствую.

Он включил в зале свет. От его яркости пришлось даже прищуриться на секунду. Когда он обернулся, то успел увидеть, как Сенка, воспользовавшись моментом, смогла добежать до двери.

– Стой, гадина! – он выстрелил в нее, но попал в дверь.

– Господи, офицер! Вы ранили моего напарника! Вызовите скорую! Он же умрет от кровопотери!

– Тебе надо, ты и вызывай! – сквозь зубы бросил Бранкович и направился в сторону выхода.

Сенка со всех ног побежала вперед через дорогу, мимо старого бейсбольного поля, выискивая подходящее укрытие. Она старалась бежать по дороге, где будет трудней различить следы, да и света фонарей было недостаточно, чтобы разглядеть кого-либо. Чуть-чуть не добежав до поворота на Бедфорд-авеню, она в два прыжка перелезла через забор, не задев натянутой поверх колючей проволоки. За нагромождением хлама и пустых мусорных баков был еще один забор, на этот раз простой кирпичный. За ним заросший сад с оборудованным местом для барбекю – самодельная беседка с плетеной мебелью внутри и большим количеством одеял. Обилич сбросила часть на пол, села на них и накрылась остальными. Нужно было отдышаться. Вокруг была тишина. Только звук снегоуборочных машин доносился с соседней улицы. Снег не переставал идти и заметал все следы.

Бранкович добежал до Бедфорд-авеню и посмотрел по сторонам – никого. Никаких следов. Он шумно выдохнул и снова осмотрелся. На столбах даже не было камер.

– Тебе нужно было убить меня, Сенка, когда была такая возможность. Я все равно найду тебя.

Выругавшись, он направился в сторону клуба. Оттуда можно было еще уехать на такси.

Эмил сидел в своем кабинете, любовался коллекцией мечей и наслаждался старым коньяком. Сегодня было полно неожиданностей, и все из прошлого. На один миг ему показалось, что он видит перед собой призрак Милоша Лазаря, он даже услышал их первый и последний диалог.

– Не взял денег, а просто обещание выполнить одну-единственную просьбу того, кто придет от него... Все предвидел, легавый, – цокнул мужчина. – Теперь мы в расчете. Только вот девка твоя недолго протянет... – покачал он головой и налил себе еще коньяка. – С убийцей на хвосте, да и с этой предстоящей канителью...

В дверь постучали, и с разрешения шефа зашли четыре человека.

– Ого! Быстро же наступило утро! – улыбнулся Эмил, увидев Бобби перед собой.

– Сам удивился, – ответил молодой парень лет двадцати. – Без объяснений вытолкали на улицу и дверь захлопнули.

– Удивительно, – вскинул брови их босс. – Значит, действительно готовятся. – Подчиненные молчали и ждали указаний. – Трейси, останься, остальные свободны.

Трое послушно покинули кабинет.

– Что там со взрывчаткой, готово? Успел передать им все?

– Да. Все прошло согласно плану. Фэбээровцы раздали нашим группам карты и пошаговые инструкции.

– Только копов предупредить забыли... придурки. Даже ложный флаг не могут без нас, профессионалов, выбросить... Идиоты. – Он сделал глоток из стакана. – В участке с кем-то говорил?

– Ни с кем, – мотнул головой паренек.

– Хорошо. Свободен.

Купер так и не доехал в эту ночь до дома.

После звонка Бранковича он тут же развернул машину и направился за Трейси. Чутье подсказывало ему, что наклевывается что-то крупное и судьбоносное. Правда, прежде чем отпустить парнишку на все четыре стороны, он успел с ним поговорить, задать кое-какие вопросы. Уж очень странным показался ему запрос из ФБР на перевод Трейси в их ведомство.

Из-за снегопадов доехать до своего района не представлялось возможным, проще было вернуться на рабочее место. Однако не успел он устроиться поудобней на диванчике в своем кабинете, как зазвонил рабочий телефон.

– Купер? Думал, пошутили, когда сказали, что ты у себя.

– Не смог по такой погоде добраться до дома, сэр.

– Ну, может, оно и к лучшему, – шумно выдохнул начальник. – Пришло распоряжение, пока не срочное, но, похоже, идет подготовка к чрезвычайной ситуации.

– Опять учения? – нахмурился Леон. – Только на прошлой неделе ребят гоняли. Мы ж не морские котики, в конце концов. Зачем их как десантников гонять-то...

– Потому что, мальчик мой, – начальник сделал глоток воды, – нас готовят к войне. А как говорится, тяжело в учении...

– Мы полиция, а не армейские подразделения, – перебил его Купер.

– Да помню я, – отмахнулся мужчина. – Но воевать нам все равно придется.

– С кем? – сдерживая раздражение, спросил Леон.

– С гражданским населением. Будто ты этого еще не понял, – хмуро ответил Уильям Браттон. – Так, ладно, завтра будет общий сбор. Я выступлю и все объясню. Ты на подхвате будешь.

– Сэр, а когда это произойдет?

– Что это?

– Ложный флаг.

– Не знаю, – немного помолчав, ответил тот. – Мэр передо мной не отчитывается. Он озвучивает приказы вышестоящих. Наше дело исполнять.

– Вот так бездумно?.. – спросил Леон, но начальник уже повесил трубку. – Мир и правда сходит с ума, Америка слетает с катушек... – он сел на диван и обхватил голову руками. – Ну и черт с ней, – Купер закрыл глаза, – заслужили. Ладно! – Он шлепнул себя по лицу. – Не время раскисать. Я не могу спасти Америку, но помогу Сенке. Вуку я ее не отдам. Не в этот раз.

Сенка сидела на одеялах, уткнувшись головой в колени. Она продолжала ждать, но ничего подозрительного не происходило. Над дорогой в слабом свете фонаря она заметила пару кроссовок, свисающих с проводов. Девушка хмыкнула. Бруклин остается Бруклином. До сих пор такого рода чудачества означают, что здесь можно приобрести наркотики. И судя по всему, именно в доме, на заднем дворе которого она скрывалась, это все и продавалось. На удивление, ей совсем не было холодно, одеяла и пледы делали свое дело. Да и ветра совсем не было. Сенка осмотрела два оставшихся пистолета.

«Глупо получилось с третьим... нужно было забрать... – подумала она. – Хотя так бы пришлось искать другой способ отвлечь его внимание от выхода... Хорошо хоть патроны забрала. – Сенка зарядила второй пистолет. Оглядевшись по сторонам, она заметила несколько старых бумажных пакетов из какой-то забегаловки. Она убрала оружие в них. – Так вопросов будет меньше».

Засмотревшись на падающий снег, она то и дело проваливалась в сон, пока не сдалась окончательно и не заснула до самого утра.

Сенка проснулась от шума проезжающей мимо мусорной машины. На часах было шесть утра. Поднявшись и отряхнувшись от снега, убрав пледы и одеяла на место, она перелезла через забор и спрыгнула на тротуар. Людей не было видно, все прятались от непогоды по домам. Спрятав пакет с оружием под куртку, она не спеша пошла в сторону метро. Добираться до дома Тогая пришлось долго. Лишь к восьми утра она вышла из метро и направилась к дому на перекрестке. По дороге заскочила в мини-пекарню и купила несколько аппетитно

выглядевших сэндвичей и три стакана кофе на вынос. В десять минут девятого она постучала в дверь индейца. Спустя пару минут сонный Тогай открыл дверь.

– Что-то мне подсказывает, меня не ждали. – Она зашла в квартиру. – Доброе утро. – Девушка всучила пакеты с едой и оружием товарищу и принялась расшнуровывать ботинки.

– Господи! Где ты была все это время? Мы места себе не находили, Эвис отсматривал все полицейские и медицинские сводки...

– Долгая история, – отмахнулась девушка. – Без меня не завтракать, я воспользуюсь душем?

– М-м, да, конечно. – Таким растерянным Тогая она еще не видела. – Но все-таки где?..

Он отнес пакеты и кофе на кухню. Положил их на стол, и его насторожил странный тяжелый звук. Он открыл старый помятый пакет и достал из него второй – черный, из-под мусора.

– Какого?.. – Он закрыл пакет. Тогай взял стакан кофе и вернулся в гостиную. Сев на край кресла, он сделал несколько глотков, надеясь, что это позволит привести мысли в порядок.

Минут через двадцать Сенка вышла из душа. Казалось, настроение у нее было приподнятое. Она вытирала волосы полотенцем и даже напевала что-то.

– Откуда у тебя оружие? – тихо спросил он.

– Ты же не думал обороняться от врагов каким-нибудь народным мачете? – Она улыбнулась и прошла на кухню. Тогай последовал за ней, ожидая разъяснений. – Не волнуйся, я никого не убила. Пока. – Девушка развернула сэндвич с ветчиной. – Моя вкусняшка... Эвис где?

– Спит в моей комнате, гад. Хотел его в гостиной уложить, так начал ныть про больную спину... Сенка, где ты была?

– У одного из лидеров бандформирований Нью-Йорка, который был должен моему другу одну услугу. Теперь они в расчете. Потом была маленькая стычка с Бранковичем, где я потеряла один пистолет. Еще ночевала на улице, но не замерзла, мамочка. – Она доела сэндвич и взялась за второй. – Вроде все.

– Ужас. И как ты с этим всем справляешься только.

– В смысле?

– Эти сэндвичи гигантские, не понимаю, как ты с ними справляешься. Дай помогу, что ли.

Увлеченные завтраком, они и не заметили, как на пороге появился недовольный, даже хмурый Гарсия.

– Как Эвис спать, так вы жрать без него!

– Не бойся, – улыбнулась Обилич, придвигая к нему пакет, – тут и для тебя оставили.

– Правда, что ли?! – просиял хакер. – И даже кофе?

– Холодный, но зато с сахаром, – хмыкнул индеец.

– А я кофе не пью. Я чай уважаю. – Гарсия поставил кипятиться чайник и сел напротив Обилич. – Судя по всему, ночь ты провела весело, да?

– Да, – ответил за нее индеец, – грабанула оружейный магазин. – Он кивнул на мятый пакет. – Теперь мы вооружены и опасны.

– Что у вас интересного было? – сменила тему Сенка.

– Кроме наклевывающихся проблем, ничего. – Гарсия развернул свой сэндвич и довольно его понюхал. – «Цикады» нашли странную информацию по ложному флагу. В общем, в городе идет масштабная подготовка к чему-то, и надо бы отсюда поскорей сваливать.

– Куда? – спросила девушка.

– Чем дальше, тем лучше.

– И какие идеи?

– Думаем пока, – пожал хакер плечами. – Безопасных мест в стране не так много.

От внезапного стука в дверь Эвис буквально подпрыгнул на месте.

– Ты кого-то ждешь? – Сенка глянула на индейца, затем в окно.

– Никого. И ко мне никто не заявится в такое время.

– Так, Эвис, сиди тут. Тогай, за мной. – Она достала из пакета пистолет и бесшумно направилась в гостиную. – Спроси «кто» как можно более сонным голосом, – прошептала она. Индеец кивнул. Сенка так же тихо подошла к двери, держась стены.

– Кто там в такую рань? – спросил Тогай из-за стены.

Молчание.

– Кто? – громче спросил хозяин квартиры.

– На весь коридор не буду представляться, – ответил мужчина. Его голос показался Сенке знакомым. – Открывайте уже. Разговор есть.

– Купер? – спросила Обилич.

– Да.

Сенка открыла ему дверь, держа в руках пистолет.

– Мне руки вверх поднять?

– Какого черта ты здесь? Как ты нас нашел?.. – она выглянул в коридор.

– Я один. Никто не знает, что я тут.

Девушка кивнула в сторону гостиной вместо устного приглашения и закрыла за гостем дверь.

– Кто ты такой? – спросил Тогай, осматривая незнакомца.

– Коп это, – махнула рукой Обилич. – Не думала, что нас так быстро найдут... – покачала она головой, садясь на спинку дивана. – Значит, пора и отсюда сматываться.

– Вас пока не нашли, – покачал головой Леон. – Я об этом позаботился. Вуку еще понадобится какое-то время, чтобы восстановить удаленное мною. Но ты права, пора сваливать из города.

Сенка стояла у окна, спиной к Куперу и Тогаю. Снегопад за окном лишь усиливался.

– Было бы куда ехать, – проговорила она.

– Послушай, – вышел вперед Леон, – в городе что-то готовится. Задерживаться нельзя. Да и в розыске ты. Вы, конечно, фотографию изрядно подправили, но я сам следак, и мне подобные тоже узнают тебя.

– ...Вук так сильно хочет со мной поквитаться. – Обилич хмыкнула. – Но, как и его далекие предки, не в состоянии справиться со своим врагом в одиночку.

– Что, прости? – переспросил замначальника нью-йоркской полиции. – Сейчас не самое лучшее время для подобных размышлений.

– Скажи, Леон, – она развернулась, и ее острый взгляд, казалось, пронзил его насквозь, будто она бесцеремонно вторглась в его сознание, – с чего ты решил помочь именно мне?

– Помогая тебе, я помогаю себе. Я не очищу совесть, но хотя бы сделаю что-то правильное впервые за долгое время.

– А ты уверен, что я делаю нечто правильное?

– Нет, – мотнул он головой, – но я хочу воспользоваться шансом и изменить финиш.

Обилич натянуто улыбнулась.

– Что ж, раз так, то хотя бы закончим завтрак, – сказала девушка, собирая волосы в хвост. – И решите уже, где будем прятаться.

Она вернулась на кухню. Закончив рассматривать друг друга, Тогай и Леон пошли следом.

– Ты хотя бы ботинки сними, – буркнул индеец, кивнув на пол.

– Извини...

Вернувшись из коридора, Купер несколько секунд стоял на пороге кухни, пока Сенка не глянула на него через плечо и не предложила сесть за стол. Эвис внимательно изучал лицо незнакомца. Хакеру явно не нравилась идея Обилич усадить полицейского рядом с ним, но вариантов не было. Шумно выдохнув, он подвинул ему стакан с остывшим кофе.

– Теплый, но еще вкусный, – сказал он. – Завтракаем, в общем, все.

– ...Спасибо, – ответил Леон. Сенка задумчиво осмотрела всех троих, встретилась взглядом с копом, но ничего говорить не стала. – Может, вы сможете спрятаться в резервации? Дотуда не так легко дотянуться.

– Предателей везде хватает, – покачал головой Тогай. – Но в Пайн-Ридж они сунуться побоятся, это точно.

– Так, может, туда вас отвести?

– Нас? – хмыкнула девушка. – Извини, Леон, но теперь ты с нами в одной лодке, и плыть придется дальше. Если ты думаешь, что Вук не догадается, то ты заблуждаешься.

– Я так не думаю, но ты о нем уж слишком высокого мнения.

– Не столько о нем, сколько о его предках. Там, где не хватало сил, они брали хитростью. Так что в резервацию поедем вместе.

– Может, – заговорил с набитым ртом Эвис, так что было трудно разобрать его слова, – в Канаду переберемся? У меня в Виннипеге друзья есть, верней, филиал нашей группы...

– До резервации сутки езды из Нью-Йорка, – задумался Тогай. – От Пайн-Ридж до Канады часов двенадцать.

– Транспорт мой. Остановок по минимуму. Да и снегопад не во всех штатах. Может, и часов за двадцать доберемся.

Все трое смотрели на Обилич, стоявшую у приоткрытого окна и успевшую уже почти докурить сигарету.

– О каком ложном флаге ты рассказывать начал, Эвис? – спросила она.

– А, э-э, – немного замялся Гарсия, – да пока ничего конкретного. Наши ребята нашли непонятную засекреченную переписку мэра с кем-то неизвестным. И там полно прозрачных намеков на то, что они ждут какого-то приказа. Какая-то подготовка к ЧС. Я сам не смотрел еще, но пахнет скверно.

– Переписка мэра о ложном флаге? – переспросил Купер, не поверив своим ушам.

– Угу, – гордо ответил мексиканец. – Знаем все ваши тайны, товарищ полицейский.

– Не сомневаюсь, – кивнул Леон. – Дело в том, что мой начальник тоже о нем сегодня ночью говорил...

– Чего?! – подскочил с места Эвис. – Так это правда?! Ничего себе!

– Я деталей не знаю. Во всяком случае, ничего такого, что неизвестно конспирологам в интернете...

– Может, знаешь, чего ждут, какого момента? – глаза Эвиса горели любопытством.

– Приказа.

– От кого?

– Очевидно же, – ответила за Леона Сенка. – Ничего нового. Все как ты и говорил, Эвис...

– Да, но всегда приятно лишний раз услышать подтверждение, – развел он руками. – Это так окрыляет, знаешь ли.

– Прошу прощения, но мне не очевидно, – нахмурился Купер. – Просветите?

– Слышал когда-нибудь о Совете? – тихо спросил Гарсия, стараясь звучать как можно загадочней.

– Вы с такой легкостью доверяете ему? – перебил его Тогай. – С чего нам ему верить, а, Сенка? Он может так же привести Бранковича и копов к нам...

– Не приведет.

– С чего такая уверенность?

– Просто знаю, – пожала она плечами, доставая очередную сигарету из пачки. – Хотел бы, привел бы еще вчера, когда нашел нас, и устроил бы засаду мне. Да и Бранковича бы вызвонил, и не сидели бы мы тут сейчас. – Она закурила и выпустила дым в окно. – Так что делись с ним информацией, Эвис.

– Давно ли ты веришь копам?

– ...Я просто люблю верить тем, кому не верит никто другой.

– Да ладно вам! – попытался разрядить обстановку Гарсия. – Мы все равно победим. Механизм уже запущен, шестеренки крутятся, и ничего, что за нами маньяк-убийца гоняется. Главное, что мы впереди!

– Нужно собираться в дорогу, – посерьезнел индеец. – Я схожу купить все необходимое, а вы пока доедайте и соберите что нужно.

– Помощь не нужна? – спросила Обилич.

– Пригляди за нашим новым союзником, – подмигнул ей индеец. – Я ему пока не доверяю, уж извините.

Спустя полтора часа все четверо погрузились в черный пикап Купера и отправились в путь подальше от Нью-Йорка. Эвис устроился на заднем сидении и, обложившись разными техническими приспособлениями, погрузился в свой огромный виртуальный мир. Сидевший рядом с ним Тогай очень скоро задремал. Сенка на переднем сидении листала утреннюю газету в поисках каких-то новостей.

– Что ты хочешь в ней найти? – поинтересовался Леон.

– Да так, последствия своей деятельности, но, видимо, пока рано.

– Ничего не рано, – жуя яблоко, вмешался Гарсия. – Я тут как раз слежу за всем и хочу сказать, что что-то зреет.

– Это ты с чего взял? – глянул на него полицейский через зеркало заднего вида. – Видение было?

– Ха-ха, очень смешно, – фыркнул хакер. – Просто мы смотрим за теми, кто смотрит за нами. Вот так-то.

– Эвис, завязывай говорить загадками, – нахмурилась Обилич, расстегивая куртку и разматывая теплый шарф. – Что ты там нашел?

– Рокфеллер намерен собрать Совет сам. Без барона.

– Даже так... это кто сказал?

– Один из «Цикад» перехватил телефонный разговор младшенького.

– Ребята, а давайте вы будете говорить на понятном мне языке, а? – в шутку возмутился Леон. – Возьмите и меня в ваш кружок энтузиастов.

– Это тайное общество только для избранных, – ухмыльнулся Гарсия. – О тебе в предсказании ничего не было.

– Детский сад... – покачала головой Сенка.

Бранкович вернулся в дом барона. Тут никого не было, все двери и окна надежно закрыты.

– В тишине и покое... – вслух сказал Вук, направляясь на кухню, к холодильнику. – Мартин, спасибо, что ты есть, – улыбнулся мужчина, доставая лазанью в пластиковом контейнере. Мартин позаботился о полноценном рационе начальника охраны. – Как знал, что у меня будут тяжелые деньки. – Бранкович загрузил контейнер в микроволновку, поставил кипятиться чайник и включил телевизор.

В новостях не было ничего нового. Пока еда разогревалась, он сходил в свою комнату и взял ноутбук. Уплетая скромный завтрак, больше походивший на ужин, он листал новостные сводки в поисках чего-то интересного и того, что могло бы сгодиться для его дела. Устав от монотонных речей на Би-Би-Си, он переключал дальше. Остановиться его вынудила сербская речь на одном из каналов.

– Беспорядки сейчас по всей территории Косово, – пытаясь перекричать шумную улицу, говорил полицейский, безотрывно глядя в камеру, – особенно в Приштине. Сдерживать антиамериканские настроения все сложнее. Хорошо, что есть сербские добровольческие отряды, без них бы не справились. – Позади него стояло еще несколько людей, явно гражданских, жаждущих попасть в объективы камер.

– Черт-те что, – покачал головой Вук, – такой остров изобилия разрушают. Одно радует, я не при делах уже...

– Кто возглавляет эти отряды? – не унималась с расспросами миловидная журналистка. – Это кто-то из сербских военных или лидеры группировок, действовавших на территории Косово ранее?

– Тут никак не могу вам помочь, подобной информацией не располагаю, – покачал головой офицер.

– Майор! – крикнул один из гражданских. – Говорят, командира этих групп прозвали майором.

– Майор?.. – вслух спросил Бранкович, нахмурив брови. – Любопытно, – он посмотрел на свой телефон, лежащий на краю стола, – что-то давно осведомитель не объявлялся. – Вук взял мобильный и начал листать номера. – Как там тебя?.. Ах, да, Кос.

– Соскучился, Вук? – не сразу поднял трубку Горан. – Как успехи?

– Ты уверен, что Милош Лазарь мертв? – Бранкович закинул ноги на стул и потянулся за зубочисткой.

– Уверен.

– Тогда кто этот майор, который возглавил добровольческие отряды?

– Лазарь был не единственным майором в органах, – хмыкнул Горан. – Мало ли кому славы захотелось. У меня вообще такой информации нет, они все разрознены и действуют по наитию. Нет у них никакого лидера.

– Что-то уверенность в твоем голосе пропала, – ухмыльнулся Вук. – Смотрю, сомнения закрались в твою подлую душонку. И что там с номером Милоша, почему он до сих пор работает?

– Потому что кто-то присвоил телефон себе, а кто, я найти не могу, – огрызнулся Кос.

– Он звонил кому-нибудь, этот кто-то?

– Никому. Во всяком случае, мне засечь не удалось.

– Ясно... – щелкнул зажигалкой Вук. – Все интереснее и интереснее.

– С Сенкой разобрались?

– Нет пока, но теперь она вооружена. Кстати, она хорошо стреляет, умеет пистолетом-то пользоваться?

– ...Умеет, – выдержав паузу, ответил Горан. – Причем метко. Ты же наемный убийца – и не можешь убить какую-то девку?

– Могу, но ведь охотиться интересней.

– Ей помогают, я скинул информацию твоему компьютерщику. Кибергруппировка неизвестная, реальнее, чем все другие до нее. Впрочем, твой друг тебе подробнее расскажет.

– Узнай, что это за майор, Кос, и я исполню твою мечту.

– Я сам свяжусь с тобой. – Горан повесил трубку.

– Где же ты прячешься, стерва?.. – спросил вслух Вук. – От судьбы ведь не уйдешь. Обиличам место есть лишь на том свете, в том раю, что обещал им Лазарь.

Дэвид Рокфеллер не спеша поднялся с кровати и медленным шагом прошел в ванную комнату. Встретившись со своим отражением взглядом, он на мгновение задержался на нем. Подойдя ближе, он посмотрел себе в глаза, затем на свои руки. Сжав кулаки, бросил на себя еще один презрительный взгляд.

– Годы не помеха, я увижу мечту своими глазами, даже если мне придется гнить заживо, – прошептал он, включая воду.

Больше он на себя не смотрел. Умывшись, он вернулся в комнату. Его медсестра и по совместительству сиделка Лорэйн была уже тут как тут, готовая к выполнению своих прямых обязанностей.

– Доброе утро, сэр, – улыбнулась полноватая блондинка. – Как вам спалось? Есть ли жалобы?

Старик уселся на стул и выставил вперед руку, чтобы она могла измерить давление.

– Жалобы? Есть одна, но ты мне тут не поможешь.

– А вдруг? – она широко улыбнулась. – Доктор Джефферсон говорит, ваши дела лучше, чем можно было ожидать.

– Мне нужно здоровое и молодое тело и лет пятьдесят в запасе, – хмыкнул Рокфеллер. – Есть у тебя такое в арсенале? Чудес в кармашке не припрятала?

– Давайте-ка лучше измерим давление, – натянуто улыбнулась Лорэйн. – Я уверена, что вы проживете еще не один десяток лет.

Старик посмотрел на медсестру как на полную дуру, но в то же время с плохо скрываемой завистью.

– Что ж, внизу вас ждет плотный завтрак, а потом прогулка.

– Ты закончила? – недовольно спросил старик, опуская рукав.– Иди займись своими делами и не маячь перед глазами.

– ...Да, сэр.

Женщина закончила записывать в блокнот какие-то данные и спешно удалилась из комнаты. Нет, она не держала на него зла, к таким резким переменам настроения пожилого человека она привыкла давно. Тем более та плата, что она получала за свои услуги, окупала и моральные затраты.

Завтракал Дэвид за большим мраморным столом в компании включенного телевизора. Перед ним было много разнообразных блюд, каждое из которых он любил. Выбрать что-то одно всегда было для него трудной задачей, поэтому он пробовал по кусочку от каждого. Доедая омлет, он обратил внимание на заголовок одной из газет, лежавшей справа, на краю стола. Вытерев рот и руки салфеткой, он потянулся к газетам, но они соскользнули и упали на пол. К стулу Дэвида упала та самая, заинтересовавшая его. А именно «Уолл-стрит Джорнал». Не без усилий он поднял ее с пола и, пробежавшись глазами по заголовку, перевернул на нужную страницу. На третьей странице была большая статья на целый разворот под крупным заголовком: «Конфронтация Ротшильдов и Рокфеллеров выходит на новый уровень: битва насмерть».

– Какого черта?! – Старик достал из нагрудного кармана очки и принялся быстро проглядывать статью. – Джейкоб, неужели ты решился на войну? – вслух спросил Рокфеллер. – В своей газетенке

опубликовать такое... – Он смял газету обеими руками. – Ты сам это начал...

Доедал свой завтрак Рокфеллер молча, обдумывая дальнейшие шаги. Изредка он облизывал пересохшие от перевозбуждения губы. Спустя полчаса, как раз когда он направился в свой кабинет, прибыл его помощник – Брайан. Старик не спеша дошел до стола и так же медленно и осторожно сел в удобное красное кожаное кресло. Олдман видел, что начальник был в серьезных раздумьях, казалось, что на его плечах была вся тяжесть мира и он решал его дальнейшую судьбу. Брайан поймал себя на мысли, что отчасти оно так и было.

– Я созываю Совет. Сегодня вечером.

– Что? – с недоумением спросил помощник. – Разве это не привилегия главы?

– Я созову всех, кроме Джейкоба, – с прищуром ответил Дэвид. – На повестке дня смена главы и другие дела, не терпящие отлагательств.

– Кто точно придет, все ли оповещены?

– Все, кроме барона.

– Даже Нэт? – удивился Олдман.

– Ах да, совсем забыл про этого щенка. Набери-ка ему.

Брайан подошел к черному телефону на столе Дэвида и, сняв трубку, набрал номер из своей записной книжки. Дождавшись ответа, он передал трубку Рокфеллеру.

– Слушаю?

– Доброе утро, Нэт! – как можно доброжелательней поприветствовал его старик. – Так мы и не дождались тебя вчера к ужину. Как добрался?

– ...Вы были правы, – после затянувшегося молчания тихо проговорил Нэт. – И я не знаю, как быть.

– Ты ведь с ним не ругался?

– Нет, он просто попросил меня уйти, будто я ему враг.

– Как печально это слышать, но, возможно, я даже уверен, что это за него говорила болезнь. Уверен, он любит тебя. – Олдман хмыкнул, прикрыв рот рукой, чтобы собеседник начальника не услышал его смешка.

– Возможно. Боюсь, как бы отец не натворил бед.

– Вот именно поэтому тебе нужно принять участие в сегодняшнем Совете. Вместе мы найдем решение.

– В Совете?.. – задумался Нэт, он рассчитывал уладить эту проблему иначе. – Я думал связаться с дядей Рене, он поможет, я уверен.

– Что ж, уверен, он сможет помочь морально и духовно, но, увы, не сможет воспрепятствовать делам твоего отца... Тут нужны силы посерьезней, ты так не думаешь?

Дэвид крутил в руках перьевую ручку, Олдман видел, как тот взвешивал каждое слово, как подбирал ключик к разуму наследника четвертого барона.

– Не знаю уж, что и думать. Слишком много всего... – Нэт ругнулся на себя за откровения с чужим в общем-то человеком, но было такое чувство, что сейчас понять может только этот старик. – Хорошо, куда и когда мне приезжать?

– В мою резиденцию, часам к восьми. За ужином и обсудим. До встречи, Нэт.

Рокфеллер с довольной улыбкой, больше напоминающей звериный оскал, повесил трубку.

– Слабак, – подытожил он. – Сообщи остальным. В восемь вечера решим судьбу этого мирка. Надоело ждать.

– Сейчас же займусь, – с готовностью кивнул Олдман. – Повестку дня им сообщать или все и так в курсе?

– Ничего не сообщай, только место и время. Так у них не будет возможности подготовить свои жалкие возражения.

Нэт еще минуту стоял с телефоном в руках. Мысли бешено метались, ему казалось, он ощущает их движение физически. Он понимал лишь то, что вконец запутался в происходящем. Глянув на часы, он набрал один из номеров в списке «Избранные».

– Не поздновато ли ты звонишь? – недовольно спросил мужчина.

– Пап... я знаю, что ты не спишь, вот и звоню.

– Я не про то, ты ведь уже сделал выбор. Поздно звонить мне. Ты не доверяешь мне.

– С чего ты взял?! Я хочу помочь тебе! Я это все ради тебя делаю! Ради нашей семьи.

– Ради семьи, говоришь?.. Что ж, докажешь мне это, тогда и поговорим.

– Как?

– Пойдешь на сборище Совета и станешь моими ушами. Делай, что они тебе скажут, а остальное оставь мне. Тогда, может быть, и вернемся к разговору о доверии.

Барон повесил трубку, на его лице была улыбка.

– Все так, как и должно быть, – хмыкнул он, глянув в окно. – Еще немного, и развернем театр боевых действий.

глава XVI

Сербия, Косово, Приштина

Горан просидел за компьютером всю ночь, он искал нужную ему информацию, но интернет не знал ответов на его вопросы. Да и постоянные перебои с электричеством не прибавляли шансов. Он пытался отследить номер Милоша, тот отображался в городе, в самом пекле событий. Павлович даже набрал его пару раз, но никто не ответил. Однако телефоном явно пользовались, база выдавала и список исходящих номеров.

В начале седьмого утра он, вооружившись, вышел из своего убежища на улицу. Необходимо было наведаться к старым приятелям и расспросить их. Несмотря на твердую уверенность, после слов Бранковича в голове, да и в душе зародились сомнения. В воздухе стоял стойкий запах горящих покрышек, бумаги и обуглившегося металла. Повсюду валились битые бутылки, море стекла и гильз от патронов. Из центра доносились звуки полицейских сирен и редкий грохот от падения на землю чего-то то ли с крыш, то ли из окон. Ночью воры и бандиты неплохо поживились, пока полиция была занята протестующими.

Сев в машину, Павлович поспешил в пригород. Он решил ехать в объезд центра, но там все было перекрыто, и дорога оставалась одна. Хорошенько выругавшись, он медленно поехал мимо баррикад в сторону складов у старого железнодорожного вокзала. Остановившись на светофоре, он глядел по сторонам. Тут не было полицейских, в самой гуще событий находились совсем другие вооруженные люди. Никто из них не скрывал лица, лишь пара-тройка мужчин были в камуфляжных масках, да и то скорее по привычке. Горан задержал свой взгляд на одном из них, уж очень похожими были походка и манера двигаться.

– Савва? – вслух спросил Павлович. – Взялся за старое? Продолжаешь его дело?.. Может, это ты таскаешь его телефон?..

Он открыл ноутбук и попытался запеленговать. Красная точка была совсем рядом.

– А если так... – он нажал на вызов, не сводя глаз с Саввы. Никаких движений, он так и не достал свой телефон. Из раздумий Павловича вырвали сигналящие сзади машины.

Спустя двадцать минут по дорогам, заваленным мусором и битым кирпичом, он добрался до места назначения. Припарковавшись, быстро вышел из машины и направился к одному из складов под серой крышей. За ним в утреннем тумане виднелась некогда красная, а теперь черно-ржавая водонапорная башня. Дверь была приоткрыта, и Павлович скользнул внутрь. Негромко работало радио, три человека возились с армейским явно трофейным джипом. Завидев гостя, они нехотя поприветствовали его. Один из парней кивнул на огороженное пространство в глубине склада. Горан молча пошел туда. Тут был импровизированный офис, состоящий из трех этажерок с разными инструментами, письменного стола и двух кресел. Вдоль стены были выставлены складные стулья. За столом сидел мужчина лет сорока и разбирался с какой-то документацией. Завидев Павловича, он закрыл папку.

– Какие люди! – улыбнулся он. – Зачем пожаловал? – Несмотря на улыбку, он был явно не рад видеть гостя. – Все дела с тобой мы закончили.

– Я помню, но, видишь ли, хочу убедиться. А то ходят слухи, что он жив.

– Давно ли ты веришь слухам?

– Послушай, Живко, я заплатил вам сполна, вы доложили, что все исполнили, а спустя пару месяцев я обнаруживаю, что кто-то таскается с его телефоном и некто по прозвищу Майор возглавляет добровольческие отряды по освобождению Косова... не находишь это странным?

– Нет, – пожал плечами мужчина. – Я до сих пор пользуюсь мобильником покойного брата. Что с того?

– Ты уверен, что вы расстреляли именно его? – Горан сам себе напоминал параноика.

– Если мне не изменяет память, то на опознание в морг приходили ты и Савва. Двоих бы мы не обманули.

– И то верно. Наверное, он тогда и забрал его телефон и прочие личные вещи.

– Скорей всего, – кивнул Живко. – Что-то еще?

– Нет, – мотнул головой Горан. – Ладно, извини, что помешал.

– Выход найдешь сам. Чао!

Павлович вышел со склада и огляделся вокруг, мотнул головой, будто отгоняя дурные мысли, и направился к своей машине.

– Хватит, пожалуй, заниматься ерундой. Осталось помочь этому недоумку Бранковичу поймать Сенку, и я смогу спать спокойно, – крепко сжимая руль, прошептал он. – А ты как думал, Милош, я забуду про то, как ты разрушил мои планы на светлое будущее?.. В могиле будете вместе, там вам самое место.

Живко проводил Горана презрительным взглядом и, взяв телефон, набрал номер. Там ответили после третьего гудка.

– Приходил Павлович и задавал наводящие вопросы, сомневаться начал. Возможно, будет пытаться тебя отследить.

– Следилка не выросла, – хмыкнул мужчина. – Спасибо, бато, за информацию, спасибо. Учтем.

– Береги себя там, Савва.

Сенка посмотрела на часы: они были в пути уже почти пять часов и только-только приближались к Питтсбургу. Купер спал на заднем сидении, бессонная ночь нагнала его. Сейчас за рулевого был успевший отдохнуть Тогай.

– Как думаешь, не сильно мы его проинформировали, у него мозг не лопнет? – спросил Эвис у друзей, подавшись вперед. – А то он на нас как на сумасшедших смотрел.

– Не сильно. Он взрослый мальчик, справится, – ответила девушка. – Да и потом, он и так обо всем догадывался, только на целый план его не хватило.

– Может, и хватило, – задумавшись, прошептал Гарсия. – Только действовал по-своему.

– В любом случае, на том уровне, где, возможно, боролся он, невозможно достичь наших целей, – сказал Тогай. – Если вам все еще интересно мое мнение, то я ему не доверяю. По-прежнему. – Он хмуро посмотрел на Обилич.

– Я вообще никому не доверяю, – развела она руками, – чего ты на меня-то смотришь?

– А я как же? – скорчил грустную гримасу Эвис. – Мне-то можно доверять.

– Ну, если только тебе. – Она улыбнулась.

– Кстати, если поедем через Небраску, то часа на полтора сократим время в пути. Да и ремонтные работы по другим дорогам сейчас. Пробки.

– Доберемся до Чикаго, и там видно будет, по какой дороге нам лучше ехать, – буркнул индеец. – А пока нужно заехать и перекусить где-нибудь.

– Это хорошая идея, – согласилась Сенка. – Да и насиделись уже.

– Знаю хорошее место в Питтсбурге!

– Нам не стоит в городе останавливаться, – перебил Тогая Купер, – объедем его с юга, по 376-й трассе. По дороге будет не одна забегаловка. Найдем где перекусить. Перед городскими камерами светиться не стоит.

– Кстати, согласен, – кивнул Эвис. – На всякий случай.

– Как скажете, – хмуро ответил индеец, прибавляя скорость.

Бранкович задремал, когда телефонный звонок вырвал его из мира снов. Звонил Лид.

– Нашел? – зевнув, спросил Вук.

– Вообще-то – да. Проследил я ее маршрут. Хотя это было нелегко, кто-то в полиции попытался подчистить записи, но ему это плохо удалось. Смог я восстановить.

– Подчистить? – переспросил Вук. – И кто мог это сделать?

– У кого был доступ, я так думаю.

– Интересно, – нахмурил брови мужчина. – И что за адрес? Где она? Она там сейчас?

– Судя по всему, именно туда она вернулась утром.

– А сейчас-то она там?

– Не могу сказать, – чуть замявшись, ответил хакер. – На той улице что-то с камерами. То ли повредили, то ли объективы заклеены.

– Скидывай адрес, – быстро засобирался Бранкович.

– Угу. Если ее там не будет, то дай мне знать, и подключим ребят к поиску. Раз уж полицейские с этим плохо справляются.

– Они вообще редко с чем хорошо справляются, – буркнул Вук, надевая куртку.

– Да, похоже, что у них сейчас другие дела, куда важней.

– Хм-м, что может важней поиска потенциальной террористической группы?..

– Тебе видней, друг мой.

– Ладно! Я позвоню.

Вук довольно быстро добрался до Амстердам-авеню. На Манхэттене снегоуборочные машины работали в усиленном режиме, и пробок в столь ранний час не наблюдалось. Однако что-то подсказывало ему, что нет Сенки по тому адресу. Ему не давала покоя одна закравшаяся в сознание мысль. Припарковавшись у нужного дома, мужчина вышел из машины и осмотрелся. Поискал камеры на столбах или где пониже, но не заметил ни одной. Дверь в подъезд была приоткрыта, и, воспользовавшись моментом, он проскользнул внутрь. Оставалось лишь найти нужную квартиру. Достав из внутреннего кармана удостоверение инспектора, он начал с первой квартиры. К его раздражению, никто не открывал, хотя он явно слышал хозяев. Наконец в крайней квартире ему открыл дверь молодой парень, индеец.

– Инспектор Бриз. Видели ли вы в этом доме эту женщину? – он показал фотографию Сенки. – Могла быть в компании высокого индейца... – Вук описал Тогая.

– Двухметровый? – переспросил парень, запуская руку в пакет с сырными кукурузными чипсами. – Тогда это Тогай. Он у нас самый высокий. Не видел его в компании этой. – Он кивнул на фотографию. – На третьем этаже, – парень кивнул на потолок, – надо мной квартира его, только напротив. Номера что-то не помню.

– Ясно, – улыбнулся Бранкович. – Спасибо за сотрудничество.

– Да не за что, – пожал плечами парень и захлопнул дверь.

Вук пулей взлетел на третий этаж к нужной квартире. Внутри было тихо. Он осмотрел дверь – хлипкая, да и замок не самый надежный и крепкий. Не раздумывая, он со всей силы ударил ногой чуть ниже замка. Еще удар, третий, в двери что-то жалобно хрустнуло, и она приоткрылась. Как и предполагал Вук – внутри никого не было. Ему не нужно было особо принюхиваться, он услышал запах Сенки с порога. Духи на ее шарфе все еще не выветрились. Он обошел всю квартиру. Собирались быстро, даже в спешке. Взяли все необходимое.

Телохранитель барона вытащил из кармана телефон и позвонил Грегори.

– Их тут нет, но были. Нужно найти, куда они ушли или... уехали.

– Понял, но из дома сделать не смогу, нужно ехать к ребятам. У них в том районе есть парочка камер точно.

– Господи, зачем?.. – покачал головой Бранкович. – За чем они тут смотрят?..

– За городом. Альтернативное видение, неужели не понятно? Так, ладно, заезжай за мной, и поедем дальше.

– Я тебе не такси.

– Ой, да ладно тебе, друга подвезти жалко, да?

– Собирай давай манатки, через полчаса буду.

Бранкович заехал за Грегори, и вот уже как двадцать минут они были в закрытом компьютерном клубе на бульваре Джона Кеннеди. На углу бульвара и Второй авеню стоял двухэтажный кирпичный дом. Первый этаж был отдан в аренду турецкой страховой компании, которая, скорей всего, держалась на плаву за счет каких-то других своих услуг. Она занимала лишь пару комнат, все остальные помещения занимали любители компьютеров. Второй этаж наполовину оставался жилым. Правда, все окна в доме были закрыты картоном. Лид вместе с товарищами по хакерским делам бурно и шумно обсуждали что-то, ругаясь и споря. Вук сидел на диване и просматривал свою телефонную книгу. Остановившись на фамилии Купер, он еще с несколько секунд раздумывал, потом нажал вызов.

– Выключен? Странно это. Никогда за ним такого не замечал, – вслух подумал он. – А если так?.. – Бранкович набрал еще один номер.

– Департамент полиции Нью-Йорка, приемная, слушаю вас?

– Доброе утро, не соедините меня с заместителем начальника Леоном Купером, пожалуйста?

– Мистер Купер сегодня на работе еще не появлялся. Ему что-нибудь передать?

– Нет. Я перезвоню. – Вук повесил трубку, облизнул губы и поморщил нос. – Не нравится мне это...

– Вук! – позвал его Лид. – Есть запись, как она и трое мужчин садятся в машину и уезжают.

– Что за машина? – лениво спросил Бранкович, уже догадываясь. – Пикап небось?

– Именно он, черный. Номера не увидим. Пока.

– Знаю я его номер, – поднялся с дивана мужчина, одернул рубашку. – Куда направились?

– Судя по всему, прочь из города.

– Умная девочка, – прошептал мужчина.

– Отследить машину будет сложновато, если только ты номер не скажешь.

– Отследи лучше телефончик один. – Бранкович подошел к столу и, взяв листок бумаги, написал номер Купера. – Там, где он, там и она.

– Обожаю шпионские страсти! – потер руки один из приятелей Грегори. – Погоня будет?

– Обязательно, – криво ухмыльнулся Вук. – Погоня, перестрелки и горы трупов, – то ли пошутил, то ли серьезно ответил мужчина.

– Класс!

– Выясни, куда они едут, Грег. И быстро.

Тем временем Купер снова был за рулем, и беглецы все дальше уезжали от Питтсбурга. Они проехали приветственные знаки штата Огайо и сейчас держали курс к городку Бордман, который был как раз по пути. Тогай уж очень расхваливал тамошний гриль-хаус на центральной улице.

Они припарковались и все четверо вышли из машины.

– Мои ноги! А-а! – прыгал и вопил Эвис. – Пресвятая дева Мария, я отсидел себе все на свете! Не машина, а пыточная камера какая-то!

– Зато надежная и на ходу, – захлопнул дверь Леон. – Да и никто не говорил, что будет легко.

– Да уж, – протянул Гарсия, – докатился я. Убегаю от наемного убийцы и всей полиции. Кстати, Леон, почему нас не ловят-то?

– Видимо, пока не до нас, – пожал плечами заместитель начальника полиции. – Но и до нас очередь дойдет. Да и, – он задумался, – в федеральный розыск никто Сенку не объявлял, просто разослана информация на заметку.

– Это как? – поинтересовался Тогай.

– Увидеть – доложить, потом либо задержать, либо отпустить, – подернул плечами Купер. – Поверьте, в стране есть куда более важные дела, чем ловить девушку просто так. Тут ему нужно было к частникам обращаться, а не ко мне.

– ...Пойдем в ресторан уже, – буркнул индеец, – не стоит нам тут стоять и светиться.

– И то верно, – согласился Купер. – Пойдемте.

– Я догоню, – махнула рукой Сенка, прислонившись к машине и доставая сигареты.

– Только недолго! – улыбнулся Гарсия. – Все без тебя съедим!

– ...Угу.

Обилич выпустила клубок дыма и стала внимательно осматривать стоянку. На большой парковке было всего семь машин, лишь два человека – молодая пара возилась с укладкой покупок в багажник своего и так доверху заполненного джипа.

– Слишком гладко все. – Она шумно выдохнула. – Должны же появиться препятствия, – вслух размышляла она, – хоть какие-то...

– Может, нам повезет.... – Леон встал рядом и закурил.

– Они всегда появляются. Это лишь вопрос времени.

– Скажи, а ты всегда верила в этот заговор?

– Да, родилась с этой верой, – фыркнула Сенка. – На меня это так же, как и на тебя, упало. Неожиданно и беспощадно.

– И ты им поверила?

Обилич внимательно посмотрела на Купера.

– Может, и не поверила сначала, но потом получила некоторые доказательства... Да и потом, я живу, чтобы отомстить... Мне больше незачем жить. – Сенка пожала плечами. – Однако я так долго искала дорогу к этой цели, что оказалась в тупике. А тут мне указали путь. Пускай и с налетом таинственности. И в кои-то веки я могу воздать каждому виновному в моем личном несчастье по заслугам.

Девушка бросила сигарету в снег. Урн нигде не было видно все равно. Она убрала руки в карманы и поежилась от пронизывающего ветра.

– Уверен, что это не единственная причина жить. Наверняка дома тебя ждут...

– Никто не ждет, Леон, они убили их всех. – Девушка подняла голову и посмотрела в серое, затянутое тучами небо. – И последнее, что я могу сделать для них, это осуществить их мечту...

– Даже если она ведет к твоей смерти или смерти тысяч обычных людей?

– Даже если... – сказала Сенка.

– Ты правда думаешь, что мы четверо что-то можем против сильнейших людей этого мира? – покачал головой Леон, все еще не в силах осознать произошедшее за последние пару дней, даже свои поступки он не мог себе объяснить.

– ...Даже убивающий человека рак начинается с маленькой клетки.

Сенка повернулась к нему спиной и неспешным шагом направилась ко входу в ресторан. Купер проводил ее взглядом.

– Так-то оно так, Сенка, но, победив, он умирает вместе с человеком... – заметил он, зная, что она его не услышала. Затем Леон покачал головой и, бросив недокуренную сигарету себе под ноги, пошел следом за девушкой.

Бранкович посмотрел на часы – вот уже два часа как эти умельцы искали Купера. Наконец один из них воскликнул «Бинго!».

– Они сейчас в Огайо, в Бродмане.

– Огайо? – удивился Бранкович. – Хм-м, а куда направляются, интересно?..

– Обходным путем в Канаду, может быть? – почесал затылок Лид.

– Тогда до Вермонта бы поехали, а уж никак не по дороге на Чикаго, – возразил один из хакеров. – Судя по всему, они едут в Чикаго, ну или мимо. В навигатор они маршрут не вводили...

– Хм-м, – потер щеку Лид, – ты говорил, с ней был индеец?

Бранкович кивнул.

– Может, они едут в одну из резерваций?

– А сколько их на маршруте? – нахмурился Вук.

– На их маршруте есть парочка мелких, но там и не спрячешься. Зависит от того, куда они поедут от Чикаго. Если дальше на запад, то там на их пути Южная Дакота, если на север...

– Сколько им еще до Чикаго ехать? – перебил Грегори Бранкович.

– Часов пять, – предположил Лид. – Минимум, а так, может, и шесть-семь.

– Что ж, тогда продолжайте следить за ними, а я поехал.

– Куда? В Чикаго?

– Да. По-любому я там раньше, чем они, буду. Возьму машину и поеду следом. Шикарный расклад.

Довольный Вук надел куртку и вышел на улицу. Сев в машину, он направился в аэропорт.

Пока все увлеченно поглощали вкусный обед, Гарсия сидел, уткнувшись в ноутбук, и только и слышно было, как он стучал пальцами по клавиатуре. Хакер нервно прикусывал нижнюю губу и запивал свои мысли кока-колой.

– Нет, не может быть, – прошептал он. – Мы не могли так облажаться.

– Что-то не так? – наклонился к нему Тогай и глянул на экран монитора.

– Ребята говорят, – он кивнул на ноутбук, – что те хакеры, что отслеживали нас в Нью-Йорке, продолжили свои поиски. Перси удалось к ним подключиться, и, в общем...

– Короче? – вмешалась Сенка.

– Они знают, где мы, – выдохнул Эвис. – Отследили телефон его. – Он кивнул на Купера.

– М-м, он ведь выключен?

– Это не имеет значения.

– Хорошо, выкину его тут, проблем-то?

– А машину ты тоже выкинешь? – с улыбкой спросил мексиканец.

– Неважно, – отмахнулся Тогай. – В Небраске сменим машину. Даже если он приедет туда с армией, на территории индейцев просто так не сунуться. Бэдлэндс[21] всегда вызывали страх и трепет в душах бледнолицых. – Индеец ухмыльнулся. – И этот раз не будет исключением.

– Эвис, – внимательно посмотрела на него Обилич, – проложи маршрут так, чтобы камер и регистраторов на нашем пути было как можно меньше.

– Это может увеличить время в пути.

– Пускай, – кивнула девушка. – Пусть помучаются, выискивая нас. Леон, избавься от телефона.

– Удаляю все лишнее, – не отрываясь от экрана мобильного, пробормотал Купер.

– Вот этим и плох айфон, – улыбнулся Гарсия. – Он следит за тобой всегда.

– В обход конституции?

– Боже, глазам своим не верю, коп, который все еще верит в права американцев. Думал, вас не осталось таких.

– Да знаю я. Все шпионят за всеми. Америка уже давно один гигантский паноптикум... у нас есть право платить налоги и выплачивать долг по кредитам, и никаких других не предусмотрено. – Леон натянуто улыбнулся, выключая телефон. – Оставлю его тут. – Он

[21] Пустоши *(англ.)*.

бросил телефон в керамическую вазу с цветами. – Может, яблоня вырастет. Когда-нибудь...

Пока Тогай и Эвис задержались в ресторане, Сенка и Леон вернулись в машину.

– Ты готов лишиться своей должности и, может быть, свободы, помогая нам? Может, мне просто угнать твою машину, и мы скажем всем, что ты жертва разбойного нападения?

– Я этого не боюсь. – Он завел мотор. – Как и ты, я хочу сделать что-то хорошее для тех, кого уже нет. Если это к тому же спасет Америку от уничтожения, я порадуюсь. Ведь сама по себе страна не такая плохая, просто загнанная в угол, и люди в ней – лишь запуганные хозяином рабы...

– Я знаю, – согласилась с ним Сенка.

– Твой пример заразителен. – Купер улыбнулся. – Теперь и я хочу быть героем для моего покойного брата.

– Только для него?

– У нас не было родителей, мы выросли в приюте. Нас были готовы взять по отдельности, но мы устраивали такие истерики, что проще было оставить нас в покое, чем разделить. У меня, кроме него, никого не было. – Леон глубоко вздохнул. – Так сложилось, что я всегда хотел быть копом, а он хотел легкой жизни. Когда легко не получалось, он находил успокоение в иной реальности. Я не сразу понял, а когда догадался, снять его с иглы было невозможно. Умирая, он попросил меня, – он хмыкнул, – избавить мир от этой грязи, чтобы больше никому не было так больно... – Купер крепко сжал руль. – Тогда-то я и решил внедриться в этот наркобизнес, найти главных, убрать их, стереть с лица земли...

– ...Не получилось? – нарушила чуть затянувшуюся паузу Сенка.

– Нет. Они просекли мой план. Бранкович просек, он-то, собственно, меня и сдал. Потом еще и помощь свою предложил. Я решил, что уж лучше быть связанным по рукам и делать хоть что-то, чем кормить рыб на дне Гудзона... А вместе с вами есть шанс исполнить обещание... Добраться до них.

– Добро пожаловать на борт, – похлопал его по плечу Тогай, который уже минут пять как сидел на своем месте, на заднем сидении. Леон хмыкнул.

– Спасибо.

Дождавшись Гарсию, который воспользовался моментом и накупил себе газировки, они отправились дальше по маршруту. До Чикаго было еще пять часов езды.

Приштина

По улице Трепча со средней скоростью ехал черный бронированный «мерседес» с флажками ЕС и непризнанной республики Косово. Пассажир задвинул непрозрачные шторки и то и дело звонил кому-то по спутниковому телефону. Он говорил с собеседниками то на немецком, то на английском, а все чаще вслух проклинал их на албанском. Мужчина попытался успокоиться, он нервно сжимал телефонную трубку и шумно дышал. Затем он снова набрал один из номеров.

– Да, слушаю? – После седьмого гудка трубку сняли и раздраженно ответили. – Я просил тебя, Хашим, не звонить мне на личный номер. Видимо, по-английски ты все же плохо понимаешь.

– Грег, – Тачи ухмыльнулся, проводя рукой по волосам, – какого черта происходит? Мы о другом договаривались.

– Планы изменились, как видишь, – сдержанно ответил мистер Делави, посол США. – До тебя сейчас нет дела.

– Ты хотя бы представляешь, сколько времени я бился за эту землю?! Она моя! Вы же поддержали мою кандидатуру на выборах, в конце концов! Я только-только стал президентом этого чертова Косова!!!

– М-м, – задумался собеседник, – видимо, не доведется тебе в апреле вступить в свои права...

– Вы хотя бы представляете, чего мне это стоило?! – с трудом держал себя в руках Хашим.

– Деньги и предательство у тебя в крови. На деле ты еще не расплатился с судьбой за ее щедрые подарки. Да и с нами ты не скоро расплатишься.

– О чем это вы?

– Узнаешь со временем. Короче, эту землю ООН вернет Сербии.

– Еще ничего не решено!!! Вы не можете просто так все вернуть!

– Неужели? – хмыкнул Делави, продолжая упаковывать свои вещи в чемодан. – Кто нам помешает? Неужели ты? И что ты сделаешь?

– Я устрою вам войну. Я залью эту чертову землю кровью... протесты уже переросли в столкновения, и это только начало! Как только сербы ступят на мою землю...

– Хашим, нам все равно, – перебил его посол. – Нам поступило распоряжение, и мы его исполняем. Этот регион возвращается Сербии. Что будешь делать ты и как – на данном этапе никого не волнует. – Грег бережно взял с прикроватной тумбочки фотографию своей жены и положил в чемодан на вещи сверху, чуть прикрыв футболкой. – А учитывая ход вещей, с тобой никто работать не захочет. Думаю, тебе стоит затаиться и подумать о будущем. – Посол аккуратно закрыл чемодан и посмотрел на часы: до вылета в Швейцарию оставалось два с половиной часа.

– Вы предали нас...

– М-м, может, это просто бумерангом тебе вернулось твое предательство? – спросил Грег, поправляя галстук перед зеркалом. – Если хочешь пережить этот уикенд, то, думаю, тебе стоит убраться из Косова подальше.

– Это угроза?

– Это человеческая забота, Хашим, ты можешь пригодиться еще, когда нам понадобятся конфликты, а может, и твоим темным делишкам найдется применение...

– Да пошел ты! – чуть ли не крикнул Тачи и бросил трубку. – Черт! Черт! Че-е-ерт!!! – он несколько раз ударил кулаком в спинку переднего сидения. – Столько лет, денег я убил на все это... не отдам. Тут будет или Великая Албания, – прошипел он, – или не будет ничего...

«Мерседес» остановился рядом с пропускным пунктом. Пока еще министр иностранных дел Косово, выигравший президентские выборы, вышел из машины, не дожидаясь своих телохранителей, и стремительным шагом прошел внутрь стеклянного здания правительства непризнанной республики. Тачи, ни с кем не здороваясь, прошел к лифтам и нажал на кнопку. Он вышел из кабины на шестнадцатом этаже и по красному ковру направился в кабинет в конце коридора. В зале для совещаний было три человека, и ждали только Хашима. Во главе стола сидела Атифете, у президента в глазах не осталось былого блеска. Она чувствовала себя будто преданной лучшим другом. Яхьяга с надеждой посмотрела на вошедшего в кабинет Тачи.

– Наконец-то! – выдохнула она. – Нам нужно срочно определяться, что делать в нынешнем положении. – Голос ее немного подрагивал, но она старалась держать себя в руках, чтобы не расплакаться, как маленькая девочка.

– Мы не отдадим Косово сербам. Если они так хотят, то будут воевать с нами, с партизанами, если на то пошло. – Тачи прошел к кофейному столику у окна и налил себе воды, в горле все пересохло от бесконечных разговоров. – Народу уже нет дела до старых противоречий по поводу моей кандидатуры...

– Если мы будем воевать, то против нас будут и Европа, и США, – со скепсисом сказал премьер-министр Иса, закидывая ногу на ногу. – Не проще ли разойтись, пока в нас не полетели камни?

– Ты всегда был трусом, Мустафа, – хмыкнул министр безопасности Хаки Демолли.

– И кто будет воевать? Подростки с улицы, активисты, которых раз-два, и обчелся? – всплеснула руками Атифете.

– Корпус защиты не зря натовцы тренировали, ребятам давно пора показать, на что они способны, – парировал Хаки. – А молодчики будут отличным подспорьем, злые и агрессивные. Да и среди полиции хватает своих. Сербов тут меньшинство, уж об этом мы позаботились.

– Окончательные слушания пройдут завтра, – обернувшись ко всем, заговорил Тачи, – и тогда же нас попросят отсюда. Завтра сербы захотят прийти сюда своим военным контингентом. Мы должны помешать им как минимум, а как максимум – остановить. Покажем мировому сообществу, как албанцы сражаются за свое Косово... надавим на ООН и США. Никто не захочет очередной войны...

– Вот тут ты ошибаешься, – покачал головой Иса, – именно войны они и хотят. Война – это деньги. Тебе ли не знать?..

– Не важно, чего хотят они, главное, чтобы эта проклятая земля им не досталась! Сжечь ее напалмом, залить их кровью, чтобы им ходить по ней было страшно!

– В тебе говорят эмоции, а не здравомыслие.

– Иса, – скалился Хашим, – оставь свои любимые проповеди для мечети и дикарей на улице! Мне мой путь Аллах давно указал, и я иду им.

– Как скажешь, – потупился Мустафа. – Только смотри, чтобы не свидеться с Аллахом раньше срока, не делай глупостей.

– Я не знаю, как вы, но я не готов потерять весь свой бизнес, – покачал головой Тачи, усаживаясь в кресло.

– Пройдут годы, прежде чем тут наведут порядок. Успеешь перенаправить свой бизнес, – попыталась сгладить обстановку Яхьяга.

– Хаки, переводи корпус на боевой режим. Готовимся давать отпор и плевать на мир. Этого места здесь быть не должно.

– Можно подготовить протесты и обращения в СМИ, – добавила Атифете.

– Делайте.

– Я свяжусь с Тираной, оттуда наверняка придет помощь, – кивнул Хашим.

– Ты наивен, – тихо сказал Иса. – Ты думаешь, сербов тут еще нет? Их добровольческие отряды снуют по всей республике. И все бы ничего, но у них есть лидер, и они организованны. Завтра придет подкрепление, и весь ваш корпус захлебнется своей же кровью. Полиция и армия быстро переметнутся. Помяни мое слово.

– Пускай приходят, давно мы не брались за оружие, – прошипел Тачи, уставившись в окно.

– Кто «мы»? Ты, что ли, поведешь это трусливое стадо? Все, что мы увидим завтра, – это как эти предатели побегут, сверкая пятками, в ЕС, а кто побогаче, рванет в США! Кровь будут лить единицы – и такие фанатики, как ты! – повысил голос министр, давно он не выходил из себя, но детская наивность Хашима злила его безумно. – Думаешь, начни ты войну, та же Россия останется безучастной? Разве не ты называл Путина главной угрозой для Балкан?..

– УЧК однажды уже выжгли эту землю, теперь потопим ее в крови. И мне плевать, что тебе есть сказать! Ты – трус! Так беги в Европу, возглавь толпы предателей!

– Говори что хочешь, – Иса встал с места и, одергивая пиджак, бросил на Тачи взгляд, полный презрения, – но я уверен, что послезавтра ты будешь в очереди на границе в Швейцарию. Ты будешь сверкать своим швейцарским паспортом и будешь первым, кто сойдет по трапу самолета, именно ты быстро подбежишь к окошку в дипломатическом коридоре и дрожащей рукой протянешь свой документ, натянуто улыбаясь. А потом ты наденешь очки и залезешь в свою норку в Цюрихе, и никто о тебе лет пять, а то и десять не услышит.

– Да как ты смеешь?! – подскочил Тачи, он был готов ударить бывшего друга, но вместо этого схватил его за грудки. – Это моя земля...

– Это все земля Аллаха, и его воля – отдать ее им. Кто ты такой, чтобы спорить с волей Бога?.. – спокойно ответил Мустафа. – Твое дело смириться и понять, почему тебя так испытывает он, но куда тебе с твоей гордыней! – Иса со всей силы оттолкнул от себя Хашима. – И вам, Атефете, стоит смириться и уйти по своей воле раньше апреля, пока не пришли те, кто снесет вам голову ради сладкой мести. – Дальше Мустафа развернулся и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Тишина, воцарившаяся в зале совещаний, тянулась несколько минут. Каждый был погружен в свои раздумья, но решительность была лишь в глазах мужчин. Вдруг президент встала с места и направилась к выходу.

– Вы куда? – спросил ее Хаки.

– Подальше отсюда, – не поворачиваясь, ответила женщина.

– Бежишь, как крыса с корабля?.. – хмыкнул Тачи. – Чего еще можно ожидать от женщины...

– Нет смысла тут оставаться, этой республики больше нет. В моей фигуре вы не нуждаетесь, – пожала она плечами. – Нас предали, использовали и выбросили. Я не хочу лишиться своей семьи в новом конфликте. Прощайте.

– Скатертью дорога, – махнул рукой министр безопасности. – Значит, снова за оружие, да, Хашим?

– О каком лидере Иса говорил? Мы его знаем? Контролируем?

– Ничего о нем неизвестно. Просто кто-то из народа, видимо, раз слушают его. Ходят слухи, что связи с правительством Сербии не поддерживает.

– Ладно, неважно. Их десятки, а нас сотни. Сюда мы никого не пустим...

Спустя два часа подразделения сил безопасности вышли на патрулирование города, начав подавлять гражданские волнения. К сожалению, на их пути были в основном такие же албанцы, как и они. Они били всех и вся, согласно приказу. Добровольческие отряды сербов какое-то время бездействовали, заманивая врагов в ловушку... Приштина в очередной раз погрузилась в хаос, где лишь единицам удавалось сохранить самообладание и ясность ума...

Нью-Йорк

Дэвид Рокфеллер только сейчас закончил составлять повестку экстренной встречи. Он разобрал большую кипу бумаг, прочел не один доклад от Олдмана. Вечер обещал быть тяжелым: склонить всех на свою сторону – задача не из легких. Старик то и дело тер виски, от работы сильно разболелась голова, но он не мог позволить такой мелочи нарушить его планы. Иногда он поглядывал в сторону включенного телевизора, работающего без звука. Одна картинка сменяла другую, но по всем каналам муссировали лишь одну новость – Косово. Журналисты как могли комментировали происходящее в Приштине и Белграде. Где-то люди ликовали и радовались, а где-то устраивали демонстрации с последующей порчей имущества и мародерством.

– Не удивлюсь, если эти идиоты развяжут гражданскую войну, – хмыкнул Дэвид. – И план Джейкоба пойдет псу под хвост... Как можно было не учесть горячую кровь?.. Хотя именно эта война будет нам на руку... – размышлял он вслух. – Балканы, Ближний Восток... Со всех сторон огонь... Отлично, отлично. Ты впервые просчитался, барон Ротшильд, – потер руки Рокфеллер. – Рад, что застал этот момент...

Первым из гостей прибыл Генри. Как всегда сверхпунктуальный и с непроницаемой маской доброжелательности на лице.

– Смотрю, ты в хорошем настроении, – улыбнулся Киссинджер, отдавая свою шляпу и пальто дворецкому. – Вечер добрый, я первый?

– Как всегда, – развел руками Рокфеллер. – Готов к судьбоносному совещанию?

– Каждое совещание Совета судьбоносно, Дэвид.

– И это приятно, черт возьми! Давай проходи в библиотеку, – позвал за собой старик, медленно идя в сторону своего кабинета.

Вдвоем они оставались недолго. Уже через сорок минут все были в сборе, за исключением одного особого гостя. Дэвид специально не сел во главе стола в своей по-царски обставленной столовой, выбрал

свое обычное место слева от предполагаемого главы Совета. Также вокруг стола было лишь восемь стульев. Такая символичность нравилась Рокфеллеру. Столетний старик оглядел комнату, его сын Дэвид-младший, как всегда разговорчивый и открытый, рассказывал очередную шутку Киссинджеру и Дональду Рамсфельду, бывшему министру обороны США. Дюпон сидел молча, читая что-то на своем планшете. На его лице легко читалась гримаса отвращения, ему явно не хотелось здесь находиться. Рядом с ним сидел Аллен Гринспен, некогда председатель совета управляющих Федеральным резервом США. Правда, с тех пор как в 2006-м он покинул свой пост, прав у него меньше не стало. Скорей наоборот, он стал незаменимым советником как для Бернанке, так и для нынешнего председателя-марионетки Йеллен. Этот девяностолетний старичок так сильно походил на Вуди Аллена, что, казалось, даже пытался вести себя как он. Однако под маской доброты и отзывчивости скрывался куда более опасный человек. Седьмой член Совета расхаживал по столовой и с удовольствием разглядывал картины импрессионистов, украшавшие зал.

– С твоего прошлого визита, Пол, нового ничего не появилось, – сказал Рокфеллер.

– Я думал, тебе на день рождения что-то новое дарили, – улыбнулся Вулфовиц, посмотрев на Рокфеллера. – Итак, – он сложил руки на груди, – кто-то опаздывает?..

– Молодежь, – махнул рукой Дэвид, – никакого чувства времени, но он придет. Я уверен.

– Хотелось бы, а то я голоден.

Следующие пятнадцать минут пролетели незаметно, за шутками и воспоминаниями. Рокфеллер-старший был удивлен тому, что никто не обращает внимания на количество стульев и не спрашивает его о Джейкобе.

«Неужели не интересно?..» – спрашивал он себя, вглядываясь в лица партнеров.

Свет фар скользнул по витражам.

– Наконец-то, – всплеснул руками Дэвид, вставая с места, опираясь на трость. Он не спеша направился навстречу гостю, как и положено хозяину дома.

– Добрый вечер, Дэвид. – Нэту Ротшильду явно нелегко далось это решение, улыбка на его лице была натянутой, а глаза потухшими, пустыми.

– Привет, мальчик мой! А мы тебя совсем заждались. Проходи-ка.

Нэт вошел в столовую следом за Рокфеллером и, поджав губы, сначала наклонил голову в качестве приветствия, затем поздоровался.

– А где же отца потерял? – удивился Рамсфельд.

– А он не придет, – ответил за Нэта старик.

– Что? Но...

– Садимся за стол, сейчас подадут ужин. – Дэвид с довольной ухмылкой прошел к своему месту. – Нэт! Присаживайся! Оно твое по праву. – Старик кивнул на стул во главе стола. Молодой Ротшильд скрепя сердце очень неохотно сел на отведенное ему место.

– Что здесь происходит? – спросил Гринспен, наклонившись к Дюпону.

– Сейчас все узнаешь, – сдержанно ответил Мотси.

– Итак, господа, – начал свою речь Рокфеллер, – мир на пороге перемен, и мы стоим у их основания. Так получилось, что глава Совета повел себя неприемлемо, проявив своеволие. Более того, принял решение отречься от целей Совета и сделать все по-своему. Даже не спросив нас. Результат его действий вы уже видели в новостях всех стран.

– Может, – возмутился Гринспен, – в совещании не было необходимости, ход не противоречит целям.

– Ошибаешься, Аллен, – покачал головой старик. – Нарушив правила однажды, он сделает это вновь. Однако и это не самое страшное. – Рокфеллер сделал скорбное лицо. – Тучи сгустились над бароном, и, боюсь, он уже не в состоянии трезво оценивать ситуацию. В мое распоряжение поступили бумаги, доказывающие психическую нестабильность нашего друга и соратника. Отчеты перед вами, на четвертой странице. Можете взглянуть. – Все, кроме Дюпона и Киссинджера, погрузились в чтение доклада, подготовленного помощником Рокфеллера. Дэвид-младший же просто лениво пролистал, не погружаясь в подробности. Он был в очередной раз заинтригован задумкой своего отца. – Впрочем, можно и не читать до конца, ведь с нами Нэт, который убедился лично в том, что его отец сошел с ума и действительно жаждет разогнать Совет и сместить нас с мировой сцены...

– Это правда, Нэт? – во все глаза смотрел на него Гринспен. – Твой отец действительно болен и говорил вот эти вещи? – ткнул он пальцем в бумаги перед собой.

– Как бы, – неуверенно начал мужчина, – тяжело мне ни было это признавать, но все именно так, как описано. Я... я не знаю, что с ним случилось, но он очень сильно изменился за последнюю неделю. Я его больше не понимаю.

Рокфеллер слушал, едва сдерживая улыбку. Нэт говорил так искренне, это было так на руку. Было очевидно, что все не было подстроено и просто так случилось, что не могло не радовать шестое пересаженное сердце старика.

– Что ж, – заговорил Дональд, – раз все так печально, то, полагаю, нам нужно избрать нового главу.

– Его не нужно избирать, – возразил Рокфеллер. – Нэт займет его место, как преемник. Что скажешь?

– Я? Мне рановато сидеть в этом кресле и, признаться, очень не по себе. Да и потом, я не знаю многого.

– Мы подскажем, – пожал плечами Генри. – На то мы и Совет. Тебе не придется делать все в одиночку.

– Я против его кандидатуры, – поднял голову Дюпон. – Где гарантии, что он не свихнется, как его отец? Расхлебывать все придется нам, а не ему.

– Много он не натворит в любом случае, – подметил Киссинджер. – У него нет власти Джейкоба, лишь крохи.

– Это ненадолго, – хмыкнул Дэвид-младший, потирая аккуратно подстриженную бороду. – Уверен, твои родственники этот вопрос без внимания не оставят.

Нэт молча кивнул, соглашаясь. Он снова чувствовал себя загнанным в угол, не в состоянии ни на что повлиять.

– Только вот вряд ли они передадут бразды правления тебе. Насколько я помню, твое поведение не очень радовало де Ротшильдов?.. Твоему кузену Дэвиду давно хочется прибрать к рукам все имущество барона, ведь так?

– Это наши семейные дела, вас они не касаются, – нахмурился Нэт.

– Пока у твоей семьи есть власть – они нас касаются. Сольетесь, как Морганы, мы с радостью повспоминаем вас раз в год. – Младший Рокфеллер довольно ухмылялся и явно испытывал облегчение, высказавшись. Он катал красное вино по бокалу и внимательно наблюдал за реакцией Ротшильда.

– Оставим эту тему, – поднял руки в примирительном жесте Дэвид-старший. – Нэт, ты готов быть главой Совета?

– Нет. Я не хочу этого.

– А уйти из него не хочешь? – спросил его не без скепсиса Дональд.

– Мой прадед создал его. Я никуда не уйду, но считаю, что из вас всех я слишком молод, чтобы возглавить...

– Мудро, – одобрил его Рокфеллер. – Тогда рассмотрим первую повестку нашей встречи – кто станет новым главой.

– Это не обсуждается, – покачал головой Дюпон. – Очевидно же, что если не Нэт, то ты. Так зачем весь этот цирк?

– Мотси, правила есть правила. Нужно голосовать, – поправил очки Киссинджер. – Только единогласно принятое решение имеет силу, как ты знаешь.

– Пока не подали салаты, предлагаю проголосовать. Кто за то, чтобы Совет возглавил я, Дэвид Рокфеллер?

Не спеша все семь человек подняли руку, старик довольно закивал, с трудом сдерживая улыбку:

– Что ж, так тому и быть, единогласно...

– Что еще у нас в повестке? – спросил Гринспен. – Еще сюрпризы?

– Можно и так сказать, – согласился новый глава. – Необходимо составить план наших дальнейших действий и согласовать его. Назревает большой конфликт. Наши цели на Ближнем Востоке практически достигнуты, хорошие результаты в Европе. Россия идет в ту ловушку, которую мы приготовили. Джейкоб не сможет нам всем противостоять. А если и вознамерится, то он будет очень занят на родине. Когда мы здесь сможем заняться последним пунктом нашей годовой повестки.

– Думаешь, пора переходить именно к нему? – удивился Гринспен. – А все ли готово?

– Подготовка ложного флага входит в свою финальную стадию. Полиция наготове, ведь так, Дональд?

Рамсфельд кивнул.

– Вот и отлично. Давайте поедим, у нас еще будет время обсудить дела.

Не успели все гости закрыть доклады, как прислуга Рокфеллера принялась за сервировку ужина. Салаты, разнообразные закуски появились на столе как по мановению волшебной палочки. Некоторое время в комнате стояла блаженная тишина. И только Нэт Ротшильд с трудом мог заставить себя съесть хоть кусочек. Он никогда не чувствовал себя предателем и даже сейчас искал себе оправдания в глубине души.

Самолет, летевший из Нью-Йорка, совершил посадку в Чикаго в девять вечера. Не успев сойти с трапа, Бранкович позвонил Лиду.

– Они держат путь в Айову. Мы не можем постоянно за ними наблюдать, но, судя по тем местам, где камеры их ловят, едут туда. Видимо, без остановок лишних едут, – отрапортовал Грегори. – Если выедешь сейчас, то уже завтра нагонишь.

– Спасибо за хорошие новости, – улыбнулся Вук.

– Я скину тебе примерный маршрут на телефон.

– Жду.

Спустя полчаса Бранкович арендовал машину и решил прокатиться по городу в ожидании информации от Грегори. Он всегда любил ночные поездки, тем более с таким призом в конце.

Сербия, Белград

До рассвета оставалось каких-то три с половиной часа. В углу просторного кабинета на пятом этаже Дома правительства подергивался свет лампы под красноватым абажуром. Включенный без звука телевизор показывал какое-то очередное аналитическое шоу из разряда болтологии. Отвернувшись от стола к окну, в высоком кожаном кресле сидел премьер-министр и смотрел на пустынную улицу Князя Милоша внизу. Прямо перед ним, как немой укор, стояло разбомбленное натовцами здание генштаба. В свете уличных фонарей оно снова обретало жизнь, будто дух той войны гулял по разбитым коридорам, смотрел из пробоин в стенах на мир живых. На короткий миг Вучичу показалось, что он видит там кого-то смотрящего на него. Однако стоило раз моргнуть, и видение исчезло. Александр сидел, сложив руки на груди, вытянув ноги. Он не чувствовал усталости, он лишь ощущал, как земля уходит из-под ног. Отчего-то ему казалось, что его жизнь подобна этому зданию напротив – еще есть, но уже нет. Вот уже семь часов как он ждет важного звонка. Вучич пытался дозвониться сам, но тщетно. Нужно было ждать. Кроме него в огромном здании были лишь охранники. Несмотря на ожидание, звонок стал внезапным. Премьер вздрогнул от неожиданности, но тут же развернулся к столу и снял трубку.

– Не думал, что возьмешь трубку. Надеялся, что спишь давно, – сказал мужчина на том конце провода по-английски с американским акцентом. – Мне передали, что ты звонил не меньше десяти раз...

– Я хочу знать, что происходит. Меня ни о чем таком не предупреждали, – ответил Александр.

– А должны были? – Керри глянул на свое отражение в зеркале и провел рукой по волосам, поправляя прическу.

– Что происходит, Джон? Почему вы вдруг решили отдать нам Косово? Какова цена?

– Цена?.. – ухмыльнулся госсекретарь. – Ах, да, это то немногое, что тебя заботило последние десять лет. Ты не такой дорогой, кстати. Есть куда расти... – Он наигранно зевнул. – Тебе достаточно знать то, что это происходит с нашего ведома.

– Еще скажи – под вашим контролем.

– Н-е-е-т. Мы, наоборот, переводим оттуда своих людей, кто-то к вам поедет, кто-то куда еще. Балканы не маленькие. Мы оставляем эту ситуацию целиком на откуп вам.

– Из-за вас там может развязаться гражданская война. Вы этого добиваетесь? После всех усилий, что мы потратили на стабилизацию ситуации и отношений? Только сербы стали свыкаться с этой мыс-

лью, а вы снова разожгли костер в сердцах! Теперь они не отступятся. Если албанцы будут сражаться, то и сербы на этот раз не отступят.

– Вот и чудно! Война – это хорошие деньги. Поверь мне. А вот если бы ты был поумней, то наверняка бы поспешил или возглавить эту войну, или, на крайний случай, предотвратить ее...

– Зачем вам это все?..

– Скажем так, мы считаем, что это сблизит вас с США и НАТО.

– Но мы и так шли на сближение...

– Долго идете. Нас это не устраивает.

– Народ к этому еще не готов, и так референдум на носу! Да и смерть наших сотрудников в Ливии не прибавляет скорости! – в сердцах Вучич бросил свои очки на стол, вставая с кресла и подходя к окну.

– Вот и отлично. Может, теперь вы поймете, кто ваш друг на самом деле. И проголосуете как надо.

– Друзья не бьют в спину!

– М-м, друзья не предают своих друзей за место в правительстве, – парировал Джон Керри. – Так что ты мало чем отличаешься от нас. Результаты референдума можно и подправить в случае неудачи. Тебе ли не знать, как это делается?.. Кстати, а почему он вообще состоится? М?

– ...Полиция пригрозила протестами по всей стране, это привлекло бы очень много народу, даже армия могла бы присоединиться. Мы решили обойтись малой кровью...

– Как банально...

– Если будет война, на чьей стороне будут США?

– Демократии, конечно.

Александр поднял глаза на разрушенный генштаб, давно ставший символом не столько войны, сколько американской демократии.

– Что это значит? Вы поддержите албанцев или нас?

– Время покажет. Наших военных там не будет, уже нет. Европейцы также убираются восвояси. Единственная страна, которая может вам помочь, – это Россия, но ведь оно нам и надо...

– Могу я узнать, что вы приготовили для Сербии?

– Думаю, ты хотел спросить, что мы приготовили для тебя, ведь так? Дай-ка подумать, хм-м, не знаю. Время покажет. Пока ты вел себя хорошо, но нерасторопно. Альтернативы тебе нет на данный момент. Хотя всегда можно вытащить из грязи какого-нибудь политика. Как тебя, например.

– Я не...

– Да-да, ты просто хотел власти, а получить ее честно не мог. Всего-то надо было отказаться от свободы. Ой! Да еще и не своей, а целой страны.

Премьер молчал, он не знал, что ответить. Ведь по существу госсекретарь был прав.

– Играли бы вы чище на своем собственном поле, и подцепить вас было бы не на чем. Только и можете, что бахвалиться своим патриотизмом, а на деле продавать родину по кусочкам. Что ж, без вас таких нам было бы куда сложней. – Вучич крепко сжал кулаки. – Смирись с этим, Александр. Вы еще в 2007-м вместе с Николичем сделали свой выбор. Подписать соглашение с ЕС или нет, выбрать дорожку НАТО... Так что ж теперь горевать.

– Нет такого, чего нельзя исправить... – прошептал Вучич на сербском.

– Я тебя не понял, но по интонации ты явно мучаешься угрызениями совести. Это похвально, а сейчас думай дальше. Надеюсь на твое благоразумие, сделайте нам красиво, и ты не пожалеешь об этом. Доброй ночи! – Керри повесил трубку.

Премьер закрыл глаза, положив руку на стекло. В памяти всплыл тот вечер споров в Сербской радикальной партии, когда он вместе с Николичем отстаивал соглашение с ЕС, а Воислав Шешель был строго против. Но Воислав находился под трибуналом в Гааге, а у его зама были другие планы на жизнь. За неделю до этого Вучича вызвали в американское посольство инкогнито. Это была сделка, от которой он не мог отказаться, – она обещала ему власть взамен на евроинтеграцию страны, выполнение всех просьб своих новых союзников и полное отречение от России. Из мыслей премьера выдернули крики молодых ребят – футбольных болельщиков, идущих вниз по улице и скандирующих:

– Косово – это Сербия! Вперед, на защиту Косова! Время пришло!

Их было много, человек двадцать, и голоса их еще долго эхом носились по пустым коридорам погибшего генштаба.

– Если развяжем войну, то все будет как они хотят, но народ сметет нас за это позднее, – рассуждал вслух Вучич, – а если не будет войны и референдум пройдет честно?.. Снова свобода и абсолютная неизвестность... в окружении врагов, кто нам поможет? Что, если не слияние с врагом?..

Нью-Йорк

Все гости Рокфеллера-старшего разошлись. Последним уходил Нэт. Дэвиду-младшему было отчасти жаль Ротшильда. На нем лица не было, он был бледен и погружен в себя, пытаясь не дать своему

миру развалиться на части. Когда за ним захлопнулась дверь, старик довольно улыбнулся.

– Пойдем в зал, мы не все еще обсудили. Да и десерт никто не отменял.

– Разве не все? Я думал, заседание окончено.

– Сынок, главным выбрали меня. Будем считать, что я созвал еще один Совет, пригласив единственного, кто разделяет цели. Не могу же я при этих евреях говорить о том, что моя цель – выжить их и прочих европейцев с этого континента. Они нарекут меня антисемитом. – Дэвид уселся на диван и, взяв со стола чашку с крепким зеленым чаем, откинулся на спинку.

– Это точно! – Дэвид сел напротив отца. – Но согласись, задача-то не из легких!

– Конечно, нет, но от этого она становится лишь интересней, – согласился он с сыном. – Эти атаки произойдут в начале следующей недели, в середине второй и в конце третьей. Все как оговорили ранее. Тут я ничего менять не буду.

– Что от меня требуется?

– Сил у нас не так много. Ротшильды надежно держат Америку в своем кулаке, но мы умеем ждать. Думается мне, что подходящий момент скоро наступит.

– В смысле?

– Ход Джейкоба с Косово очень нам на руку. Он думал сделать их послушными, просто отдав, но лично мне стабильность в регионе не нужна. – Рокфеллер посмотрел на часы. – Думаю, Керри уже переговорил с нужными людьми. Миром эта передача не закончится. Война в регионе будет, и это сильно отвлечет Ротшильда.

– Разве нам она не на руку тоже?

– Так-то да, – потер подбородок старик. – Но у нас сейчас в приоритете другие цели. Пускай зарабатывает на тех войнах, бодается с Россией, пока мы возвращаем Америку себе.

– Так, а моя роль-то?

– Скооперируйся с Нэтом, проследи, чтобы он действовал согласно плану. Он должен донести до своих родственничков мысль о том, что Джейкоб сошел с ума. Французские де Ротшильды найдут, как отвлечь барона от дел. Начнется нужный нам передел собственности. Это выиграет нам уйму времени.

– Понял тебя!

Нэт смотрел в окно своей машины и крутил в руках телефон. Он знал, что сейчас звонить отцу не самое лучшее время, хотя очень хотелось. Ротшильд не стал раздумывать дальше, просто набрал номер

барона. Отец долго не брал трубку. Наконец, после седьмого гудка, – ответил.

– Заседание Совета закончилось, пап.

– И как все прошло? – голос у него был не сонный, он явно еще даже не ложился. – О чем говорили?

– ...Выбирали нового главу.

– Вот как? И выборы состоялись?

– Ну... да.

– Любопытно. Ты им стал?

– Я... я отказался. Мы проголосовали... никто не был против.

– Не удивительно, – нахмурился барон. – После того как даже ты отрекся от меня, даже Гринспен должен был смириться... Думая, что это мое решение, наверное. Ладно, что еще Дэвид вынес в повестку?

– Ложный флаг в ближайшее время и все то, что планировалось прошедшие годы. И еще...

– М?

– Рокфеллер сказал, чтобы я сообщил о твоем состоянии де Ротшильдам.

– Само собой, ты ему это пообещал?

– У меня не было выбора. Пап, я все равно волнуюсь за тебя! Ты изменился! Этот твой поступок с Косово... Совет не в восторге от этого! Они будут искать способы найти в этом выгоду! Никто не понимает, зачем ты это сделал. Скажи мне хотя бы, зачем? Ты хочешь там войну развязать? Это согласно плану против России?

– Это не твое дело, – резко ответил барон, гоня из головы мысль о том, что и сам толком не знает ответа на этот вопрос. Но как только он задавался им, его голову сковывала сильная острая боль. – Что-то еще?

– ...Ничего.

– Понятно. Никудышный из тебя шпион, – сказал барон. – Да и сын не очень, – добавил он тихо, Нэт его не расслышал.

– Что мне делать дальше, пап?

– Зачем тебе мои советы, когда ты прекрасно справляешься без них?.. Спокойной ночи, Нэт. – Ротшильд-старший повесил трубку, оставляя сына наедине со своими мыслями, в полном смятении и непонимании.

– Значит, вот так решил старик играть, – подумал вслух Натаниэль, кладя телефон на стол. – Хм-м, думаешь, мои родственнички смогут отвлечь меня от всего? Наивный... Видимо, старый глупец все еще одержим идеей вытурить меня с континента и построить свою Америку. Напрасно ты, Дэвид, не прислушиваешься к Генри, ведь он говорил уже не раз, что США без Европы – всего лишь остров у берегов Евразии...

По дороге на Пайн-Ридж

– Господи, – вздыхал Гарсия, – часов пять назад я перестал чувствовать ноги, теперь отнимается и задница.

– Я говорил, – пожал плечами Тогай, – что нужно пользоваться моментами редких остановок и разминаться, а не сидеть за компьютером.

– Я же не в игрушки играю, а делом занимаюсь.

– Кстати, – спросил Купер, – что там с дорогой до Валентайна? Чисто?

– Пока да, – кивнул мексиканец. – Не засек ни одной камеры. Видимо, всевидящее око еще не всюду добралось.

– Так, – вмешалась в разговор Сенка, – и сколько нам еще до него ехать?

– Думаю, к полудню доберемся, – улыбнулся Эвис.

– Уже хорошо. Что-нибудь о Бранковиче слышно?

– Эм-м, – почесал в затылке Гарсия. – Я не проверял, если честно. Отслеживали сейчас другие вещи. В Нью-Йорке явно что-то готовится, поэтому все «Цикады» сейчас на ушах. Вот-вот настанет пора действовать. Но я сейчас проверю. – Хакер снова погрузился в виртуальный мир. – Ой! Уп-с! Нет, нет, этого не может быть!

– Это что значит? – нахмурившись, спросила Обилич.

– Он купил билет до Чикаго утром...

– Что? – в голос переспросили Леон и Сенка. – Когда он прилетел и где он сейчас?

– Не паникуем! – поднял руки Эвис. – На этой трассе его точно нет, и следить за нами у его друзей не получится. Мы аккуратны с камерами.

– Но мы появляемся перед ними иногда... – возразил Купер. – Ищи его!

– Да ищу я. – От нахлынувшего адреналина сон сняло как рукой. – Он взял машину напрокат...

– И куда едет?

– За нами он едет, – ответила девушка. – Осталось узнать, как далеко он от нас и точно ли по маршруту следует.

– Не совсем точно. Он покатался по городу и вернул машину. Вернулся в аэропорт и взял билет до Су-Сити.

– Мы же проехали Су-Сити часа два назад, – устало потер лицо Тогай. – И где он там?

– И там он снова взял машину...

– Если так, то он на этой трассе, – пожал плечами Купер. – И отрыв от нас небольшой.

– Что он сделает против четверых вооруженных человек? Вы двое по-любому стреляете метко и быстро, – заметил индеец.

– Не думаю, что он будет устраивать перестрелку у всех на виду, – задумался Леон. – Да и от полиции Небраски ему помощи мало будет. Залетные детективы из Нью-Йорка тут популярностью не пользуются.

– Уже легче, – пожал плечами Эвис, чувствуя себя виноватым в происходящем.

– Другой дороги в резервацию все равно нет, – похлопал его по плечу индеец, поняв чувства друга. – А в Пайн-Ридже камер и наблюдателей сроду не водилось. Тем более в свете последних событий.

– Что там у вас за события? – аккуратно поинтересовался Купер.

– Помнишь Вундед-Ни?

Леон кивнул.

– Вот оно и будет, версия XXI века.

– Восстание индейцев? Вас же мало совсем... Не боитесь, что совсем всех перестреляют? Прости за прямоту, но в полиции и у федералов давно есть приказ стрелять в индейцев без разговоров, тем более в агрессивно настроенных.

– Слишком долго боялись. Надоело, – буркнул Тогай.

– Возвращаясь к нашей проблеме, – нахмурилась Обилич, – дальше едем без лишних остановок и на максимально допустимой скорости.

– Поддерживаю, – кивнул Леон. – Запасов еды нам хватит до второго пришествия в любом случае. Да, Эвис?

– Э-э, я не обещал делиться! – засмеялся хакер. – Но так и быть, сделаю одолжение вам троим. Но никакой газировки! Пейте вашу воду. Она помогает мне думать.

– Договорились, – кивнула девушка. – Тогай, можешь связаться с тем, у кого машину брать собирался?

– Могу, но зачем?

– Скажи ему, чтобы подогнал свою куда-нибудь, где мы будем проезжать мимо. На окраине Валентайна, без заезда в город. Так потеряем меньше времени.

– Сделаем! – Индеец полез в куртку за телефоном. Поговорив с приятелем минут пять, он снова убрал телефон. – Как раз по пути будет «Макдональдс». Он будет ждать нас на стоянке в двенадцать.

– Попросил бы его нам ланч прикупить, – скорчил грустную гримасу Эвис. – Чего ему стоит.

– Не думаю, что там будет очередь, – подмигнула ему Сенка. – Успеешь что-нибудь купить, пока менять машины будем.

– И то верно! Так, принимаю заказы, пока не ушел спать.

Бранкович ехал довольно быстро по трассе номер 20, не обращая никакого внимания на проносящиеся за окном пейзажи. Ему всегда нравилось преследовать своих жертв, это придавало его жизни одному ему известное чувство романтики и приключения, пускай и с грешными целями. Телефон каждые три-пять минут пикал, передавая сообщения от Грегори по маршруту. Пораскинув мозгами, Вук довольно быстро сообразил, что до резервации они будут добираться через Небраску. Через Миннесоту было бы дольше. Единственное, чего не мог предусмотреть охотник, так это возможные остановки и по какой дороге они свернут на Южную Дакоту. Вариантов было четыре. Город Валентайн привлек внимание скорей своим названием, чем положением. Сам Вук выбрал бы Мерриман. В любом случае нужно было перехватить Сенку с командой раньше или уже охотиться на территории индейцев. В последнем варианте радовало лишь то, что трупами из резервации никто не заинтересуется еще очень долгое время.

Рокфеллер-старший сидел в кресле в своей спальне и задумчиво рассматривал потолок. Он не услышал, как в комнату зашел его сын.

– Все в порядке? – осторожно спросил тот, зная, как отец не любит разговоров о своем самочувствии.

– Да, задумался вот.

– О чем именно? – Дэвид-младший сел на край кровати и изучающе посмотрел на старика.

– Все складывается так, как нельзя было и мечтать. Я вот все никак не могу понять, что же такое произошло с Джейкобом... Отчего он так изменился?

– Ты сам говорил, что с головой не все в порядке, – хмыкнул сын, расстегнув ворот рубашки.

– Это я так обыграл ситуацию. Мне было выгодно, но причин не знаю. По моим подсчетам, я еще не скоро мог приступить к подобным действиям.

– Ну, пап, что бы это ни было, оно весьма кстати.

– Согласен, – кивнул Рокфеллер, складывая руки на груди. – Но уж очень это странно, его будто подменили. Может, этот врач, с которым он виделся, что-то с ним сделал.

– Ты говоришь как Генри, – улыбнулся Дэвид. – Он тоже сегодня отметил этот момент.

– Какой?

– Что та женщина, с которой он виделся несколько раз, психолог или кто-то вроде того, она в фирме доктора Зева проходила как мастер гипноза.

– Это ты в отчете Брайана вычитал?

Сын кивнул.

– Просмотрел, видимо. Гипноз, хм-м. Поверил бы, если бы он вдруг завещал ей все свое состояние, а так... откуда какой-то докторше знать о наших планах или даже думать о них?..

– Тем не менее последние исследования показывают, что это возможно.

– Разумеется, мы не зря содержим Тависток [22], – хмыкнул старик. – Однако это не тот случай.

– Даже и не знаю... Помнишь Мерфи?

– Который убил Уокера?

Дэвид-младший кивнул, снимая очки и убирая их в нагрудный карман.

– Он ведь тоже был у этой докторши, а потом его показали во всех новостях.

– Совпадение, может быть. Все равно теперь это не имеет никакого значения. Маятник запущен, и мы переходим к осуществлению нашего плана.

– Признаться, – покачал головой Рокфеллер, – не верится в это. Мы так долго об этом говорили. Жаль, что Ричарда нет с нами. Его бы это позабавило.

– Что ж, уже послезавтра Америка проснется другой. Глупцы даже не подозревают, что им уготовано...

Утро наступило неожиданно быстро. Когда Сенка открыла глаза, солнце уже коснулось небосклона и оранжевые лучи осветили верхушки деревьев и крыши одноэтажных домов вдалеке. Обилич сначала посмотрела на часы, затем на Тогая и Эвиса. Мексиканец все еще спал, обняв свой ноутбук, индеец же был погружен глубоко в свои мысли.

– Через полчаса будем в Валентайне, – сказал Купер, зевнув. – Даже на два часа раньше.

– Отлично... – прошептала Сенка, задумавшись.

– Что-то не так? – поинтересовался Леон.

– Сирены.

– Что?

Девушка кивнула вперед на дорогу.

– Ого! – присвистнул Купер. – Куда это они мчатся?..

[22] Тавистокский институт человеческих отношений (Tavistock Institute) – некоммерческая исследовательская организация Великобритании, занимающаяся психоаналитическим исследованием группового и организационного поведения.

– У тебя полицейская волна ловится?

– Да, должна.

Он включил радио, и через несколько секунд они уже слушали переговоры полицейских штата Небраска.

– Учения? – удивился Леон. – С чего это вдруг?..

– Началось, – вздохнул проснувшийся от шума Эвис.

– Что началось?

– Разве вам это ничего не напоминает? Ну как же! Одиннадцатое сентября! Там тоже все началось с учений, а до этого заминировали парочку небезызвестных зданий...

– А совпадением это быть не может? – спросил Купер.

– Судя по имеющейся у «Цикад» информации, нет.

– Куда твоя мама уехала? – спросила девушка.

– В Мексику, куда же еще. У меня родственники только там, – пожал плечами Эвис.

– Уже лучше. Когда там апокалипсис по твоему расписанию?

– Понятия не имею, Сенка. Есть информация, что учения масштабные в нескольких штатах. Заданные условия в трех штатах одинаковые, у остальных немного отличаются, но в целом это вполне согласуется с тем, что мы предсказывали.

– Вы готовы к этому? – спросила девушка, кивнув на ноутбук.

– Родились готовыми. – Впервые за все время Обилич увидела Гарсию опечаленным.

– Ладно. Наши планы меняются. – Сенка посмотрела вперед и проводила взглядом очередную полицейскую машину, промчавшуюся мимо.

– В смысле? – в голос спросили мужчины.

– Тогай, – она внимательно посмотрела на индейца, – в этот раз никаких «но».

Перед ней, на полочке под бардачком, лежали карты. Она взяла лежавшую сверху и ручку рядом с ней. Найдя нужное место, она отметила его, обведя в круг.

– Встретимся на въезде в резервацию. Тут. – Она протянула ему карту.

– Что за новости еще? – возмутились Тогай и Купер одновременно.

– Мы разделимся. Купер и я высадим вас в городе, пешком дойдете до «Макдональдса» и возьмете машину твоего друга. В Пайн-Ридж поедете по 83-й трассе, там по 18-й. Да, дольше, но безопасней.

– С чего это вдруг?

– Так будет лучше. О вас Бранкович толком не знает, и не вы ему не нужны. Просто старайтесь не идти вдоль дороги и не привлекать внимание.

– Как я понимаю, спорить бесполезно, – нахмурился Тогай.

– Вот именно. Притормози где-нибудь тут.

– А наши вещи? Что-то берем с собой?

– Только то, без чего не проживете, – пожала плечами Обилич.

– Ну, одной моей сумки мне хватит, – натянуто улыбнулся Гарсия. – Сенка, ты уверена, что это хорошая идея?

– Нет. Однако лучше не рисковать.

– Будьте осторожны... – Хакер выбрался из машины. – И да, – он достал из сумки телефон и протянул его Сенке, – на всякий случай. Нужно же быть на связи.

– Головой за нее отвечаешь, – сказал индеец и тоже вышел из машины, взяв свой рюкзак. – До встречи через пару-тройку часов.

– Вдоль дороги не идите, – махнула она рукой, вылезая из машины. – Меняемся, Леон! – Она открыла водительскую дверь. – Перелезай на мое место.

– Ок, босс! – улыбнулся Купер. – Поехали отсюда, что ли...

Сенка села за руль. Бросив быстрый взгляд на друзей, она нажала на газ, и машина тронулась с места, оставляя позади двоих друзей.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила Обилич. – Я бы и тебя высадила, если честно.

– Почему не высадила тогда?

– Если я вдруг не доеду, ты позаботишься о них. Да и Вука успеешь подстрелить, пока он будет занят, если что...

– Какой оптимизм! А все же почему?

– ...Тебе и мне – нам нечего терять, а им есть. Не страшно, если не станет нас двоих, страшно, если не будет их.

– И то верно, – вздохнул Купер. – Откуда только такие люди, как ты, берутся? Поражаете меня.

– Чем?

– В отличие от тебя, я, наверное, все же боюсь смерти. Ты же смотришь ей в лицо... – Леон перевел взгляд на небо.

– Мой дед был атеистом, и на то у него были свои причины. Он не верил в Бога, он говорил, что в этом мире должна быть одна правда, и это... любовь. – Она на пару секунд замолчала. – Когда ему возражали и говорили о том, что никакая любовь не спасет от рая или ада, он говорил, что смерти и не будет, ведь любить кого-то – это сказать «ты не умрешь»... Если бы все любили, то смерти бы не было ни для кого... – Она натянуто улыбнулась. – Правда, он всегда добавлял шепотом, что не каждому дано уметь любить.

– ...Мне бы такого деда, – улыбнулся Леон, – возможно, был бы другим человеком. Хорошим...

– Ты и так неплохой, – пожала девушка плечами, не отрываясь от дороги.

– Спасибо.

Еще какое-то время они ехали молча. Дорога тем временем становилась все уже, а машин все меньше. С тех пор как выехали из Валентайна, они встретили лишь три машины. По нечищеным дорогам мало кто хотел ездить. Снова пошел снег. Леон окинул печальным взглядом, казалось, бескрайнюю пустошь. Вокруг не было ни души.

– Думаешь, Вук все еще на хвосте? – нарушил он тишину.

– Уверена.

– И какой же у тебя план? Ведь он у тебя есть?

– Убить двоих одним выстрелом он не сможет, один из нас должен успеть сделать контрольный в голову. Ты ведь метко стреляешь?

– Не жалуюсь, но я бы предпочел благоприятный исход для обоих. Бронежилетов у меня нет... не подумал даже.

– Я говорю о крайнем случае, – натянуто улыбнулась Обилич.

– Отчего-то мне кажется, что только к такому развитию событий ты и готовишься. – Купер вытащил пистолет из наплечной кобуры и проверил магазин. – Наемников никогда не приходилось убивать... но слышал, он хорош.

– Вот и проверим. – Сенка прибавила газу и сделала полицейскую волну погромче.

Бранкович выбросил окурок в окно и взял зазвонивший телефон.

– Что еще? – раздраженно спросил он, дорога начала его сильно утомлять.

– Тебе стоит прибавить газу, мы засекли машину Купера на выезде из Гордона на 27-ю трассу. Дорога завалена снегом, так что двум машинам там не разойтись.

– Отлично. Еще что-то есть?

– В общем, нет.

– Что там со свидетелями на дороге?

– Никого нет. Дорога пуста. Даже копов нет, все на учениях.

– Кто в такую погоду учения устраивает?.. – вслух подумал Вук.

– Правительство США, кто ж еще. Ладно! Давай, гони, друг мой. В резервации у нас глаз не будет.

– За деньги будет и не такое. Сколько километров до них?

– Немного, минут за двадцать нагонишь. Есть, правда, еще одна хорошая для тебя новость.

– Весь внимание.

– На пути авария, и объехать ее у них просто так не получится. Только по полям если, но там, наверное, снега по колено.

– Прекрасно... Давай, до связи! – Он отключил телефон и бросил его на сиденье. – Давно я не играл в догонялки. Ну что, Обилич, проверим твою удачу?.. – он посмотрел в пасмурное небо, снегопад набирал силу, и столбик термометра опустился уже ниже пятнадцати.

Поля были покрыты полуметровым слоем снега, и погода не переставала приносить сюрпризы. Такой зимы Америка не видела давно.

Дорога превращалась в нечто труднопроходимое. Купер поморщился, глядя вперед.

– Знаешь, радует, что те двое на другой дороге и в безопасности, – сказал он.

– Согласна. Черт, тут даже спрятаться негде... засады не устроишь.

– Можем закопаться в снег, – хмыкнул Леон. – О черт! – подался вперед мужчина. – Авария, мать ее!

В двухстах метрах небольшой грузовичок вместе с легковой машиной перекрыли дорогу. Видимо, обгоняя грузовик, водитель не справился с управлением. Машина лежала на боку, на капоте грузовика красовалась внушительная вмятина. Двое мужчин пытались помочь женщине выбраться из салона машины, но тщетно.

– Из всех мест и времен... именно сейчас? Серьезно? – ругался Купер.

– Сиди тут, я проверю.

– М-м, это моя фраза, – нахмурился Леон.

– Перекрой дорогу, чтобы никто не проехал, – проигнорировав его, сказала девушка, выходя из машины.

Сенка быстрым шагом подошла к месту аварии.

– Все целы? Помощь нужна? – спросила она, подойдя ближе.

– Мы не можем вызвать 911, не отвечают, связи нет! – подскочил к ней молодой парень лет двадцати пяти на вид. – А моя девушка... мы никак не можем ее вытащить... господи, помогите, прошу вас! Вы доктор, скажите, вы доктор?!

Сенка подошла к перевернутой машине, которую уже сильно замело снегом. На пассажирском сиденье была женщина в бессознательном состоянии. Обилич коснулась ее шеи, пульс был, но слабый. Без врачебной помощи она долго не протянет, это точно. Вытащить ее из машины без специального оборудования было крайне проблематично. До обостренного сейчас слуха донесся звук приближающейся на большой скорости машины.

– Как вовремя... – прошептала Сенка, закрыв глаза и вставая в полный рост. В следующую секунду чужая машина затормозила.

– У вас есть телефон? – не унимался парень, впадая в дичайшую панику. – Она ведь не умрет?

– Возьми себя в руки, парень! – попытался как-то его успокоить водитель грузовика. – Уже связался с медиками, они в пути.

– Но когда они прибудут?! Господи, будет уже поздно! Она замерзнет! Надо ее вытащить! – Он снова подбежал к машине и по новой начал дергать дверь туда-сюда, пытаясь ее открыть. Обилич сделала шаг в сторону. Купер подошел ближе и тоже стал помогать парню.

Втроем они принялись высвобождать пострадавшую. Кресло все никак не поддавалось, и не удавалось высвободить ноги женщины.

Они не услышали, как подъехала машина, уж слишком громко вопил над ухом паникер. Леон смог забраться внутрь и пытался вытащить женщину из западни уже оттуда. Бранкович с пару секунд постоял у своей машины, оценивая ситуацию, и лишь ухмыльнулся. Он сделал несколько шагов вперед. В машине Купера больше никого не было, его это удивило, но он не придал этому большого значения.

– Привет, Сенка! – негромко сказал он на сербском. Обилич резко подняла голову вверх. – Я же говорил, что от меня нельзя убежать. Как видишь, даже Бог на моей стороне. – Он посмотрел на небо, драматично разводя руками. Он заметил, как черная птица кружила над дорогой, наблюдая за происходящим.

Девушка, придерживая раненую, слегка повернула голову. Незаметно для Вука она вытащила из внутреннего кармана пистолет.

– Знаешь, так даже неинтересно. – Вук плюнул себе под ноги, доставая пистолет. – Я ожидал от нашей последней встречи чего-то большего. Чего-то достойного героического эпоса.

– Твой удел – забвение, Вук. – Обилич резко развернулась и, не успев толком прицелиться, выстрелила. Бранкович не смог увернуться, пуля пробила мягкие ткани бедра. Наемник зашел за машину, укрываясь. Сенка в это мгновение встала во весь рост, поворачиваясь к нему. Луч солнца скользнул по ее лицу, осветив едва уловимую улыбку.

– Тварь, ты все чуть не испортила, ты даже не знаешь, что он мне обещал! Ты, как и твой предок... Только и можешь, что портить все карты...

– Чего бы он тебе ни обещал, Вук, ты этого не получишь... Как тогда, так и сейчас! – Поймав момент, она снова выстрелила, на этот раз пуля прилетела Вуку в сердце. Бранкович дернулся и начал оседать на землю, будто теряя сознание. Затем он вдруг поморщился и, оскалившись, крикнул, спуская курок:

– Отправляйся в ад, сука!

– Сенка! – только и успел крикнуть Купер. – Н-е-е-т!!!

Резкая боль прокатилась по левой стороне тела, и Обилич почувствовала, как теплая кровь тяжелыми каплями стала падать на снежную дорогу. Вук метил в сердце. Девушка сначала упала на колени,

затем на снег, орошая его кровью. Холод ледяными иглами коснулся лица. В этот момент рядом с ней на землю приземлился черный дрозд, круживший над ними все это время. Прежде чем потерять сознание, она видела, как сверкнули его черные бусинки-глаза.

Бранкович хотел было выстрелить девушке в голову, но птица помешала прицелиться. В эту секунду мимо его уха пролетела пуля, поцарапав.

– Не так быстро, Вук! – вставая с колен, выкрикнул Леон. – Тебе не жить!

Бранкович выстрелил в ответ, выбив из рук полицейского пистолет.

– Хорошо, что я ношу бронежилет, а, Леон? М-м, – покачал он головой, приводя дыхание в норму, – а я говорил, не смотри ей в глаза, – хмыкнул Бранкович, качая головой. – Она опасна, Леон, а ты бы мне еще пригодился. Тебя в моем списке пока нет.

– Печально, но ты есть в моем... – Он хотел было поднять пистолет.

– А, нет, не стоит этого делать, – цокнул Вук, когда полицейский потянулся за пистолетом. – Ты ведь не допустишь жертв среди гражданских? – Он указал пистолетом на водителя грузовика. – Уйди с дороги, Леон, не ты моя цель, – покачал головой Бранкович, с трудом садясь в машину. – Похорони ее тут в снегу, сделай мне одолжение, и я прощу тебе твои промахи. Всех благ, дурачок! – Он захлопнул дверь и завел мотор.

Вук развернул машину и поехал в обратную сторону. Купер подбежал к Сенке и поднял ее с земли. Он слышал, как верещали водители за его спиной, но ему до них не было никакого дела.

– Сенка! – звал он ее. – Господи... прости...

В следующее мгновение она нашла в себе силы взять его за руку.

– ...Я не умру, Леон. Не от этой раны... – прошептала она едва слышно, – нужно ехать в резервацию... и быстро. Там помогут...

– Но... но как... – Купер переводил взгляд с лица девушки на рану. – Он ведь попал в сердце...

– ...Поехали.

Дальше Леон спорить не стал, поднял ее на руки и отнес в машину. Кое-как он попытался зажать рану, чтобы предотвратить кровотечение. Дорога вперед по-прежнему была перекрыта, но другого выхода не было. Он нажал на педаль газа и решил объехать по полю, благо тут снега было меньше и его машина могла с этим справиться.

– Держись, Сенка, мы выберемся из этого дерьма!

Уже через пять минут они ехали по дороге, приближаясь к резервации Пайн-Ридж. Радио в машине продолжало работать, и от новостей становилось лишь тяжелей.

Обилич устало смотрела в окно, провожая заснеженные поля безразличным взглядом. Боль притуплялась, организм справлялся с ней своими методами. Единственное, что она слышала отчетливо, – это как билось ее сердце. Поднеся руку к запотевшему стеклу, она написала одно-единственное имя, которое было на уме.

– Вот так... – прошептала она по-сербски, закрывая глаза и снова проваливаясь в бессознательность, которая теплым одеялом окутывала, показывая давно утерянные моменты из прошлого.

Часом ранее, Вашингтон, США

На Пенсильвания-авеню, несмотря на погоду, собралось много прессы. Вереница машин с различными логотипами выстроилась напротив Белого дома, выпуская репортеров в эфир одного за другим.

По всему периметру были усилены патрули, охраны было в два, если не в три раза больше. Внутри царила гнетущая тишина и ожидание чего-то судьбоносного. В западном крыле, в ситуационной комнате Белого дома, собралось десять человек. Каждый имел влияние в обществе, но каждый знал и свое место. Во главе длинного стола из темного дерева сидел президент. На стене перед ним был включен проектор с подготовленной к демонстрации презентацией. Рядом с Обамой сидел Джо Байден и крутил в руках ручку в томительном ожидании. Напротив него – директор ФБР Джеймс Коми. Он просматривал какую-то информацию на своем планшете. Джон Керри сидел чуть дальше. На его лице было абсолютное спокойствие, ни одна морщина на его лице не выдавала ни одной эмоции. Рядом с Керри сидел министр обороны Эштон Картер, которого прозвали Эш. И даже шутили, что «после Эша только эш[23]». Картер был насторожен и озирался по сторонам, высматривая ответы на свои вопросы в лицах собравшихся. Правда, встречаться глазами с Генри Киссинджером ему не хотелось, слишком тяжел был его взгляд. Рядом с Генри сидел сын Рокфеллера – Дэвид-младший.

– Итак, господа, думаю можно начинать, – тихо сказал Генри, закрыв папку с бумагами. Он посмотрел на Барака, тот молча кивнул.

– Джо, тебе слово. – Обама посмотрел на Байдена.

– К-хм, все, что были обязаны сделать, – сделали. Полиция готова и полностью укомплектована. Предупреждены все департаменты. В полную боевую готовность приведены все боевые отряды быстрого реагирования...

[23] Отсылка к слову ash – пепел *(англ.)*.

– Мы свое дело тоже знаем, – кивнул Коми. – На представленной карте, – он указал рукой на проектор, – обозначены места-триггеры. – Лазерная указка коснулась нескольких городов в разных штатах. – Места выбраны разные, но с большим скоплением людей.

– Что насчет диверсий? – поинтересовался Киссинджер.

– Само собой, – кивнул директор ФБР, – подставные террористы и их жертвы на стартовых позициях.

– И спешу доложить, что псевдоучения уже начались и проходят в разных штатах с отработкой предложенных вами сценариев.

Бывший госсекретарь довольно кивнул.

– Когда мне объявлять чрезвычайное положение, Генри? – спросил Обама с натянутой улыбкой.

– Когда скажем, – ответил за него Рокфеллер. – Пока сделайте тот минимум, что расписан. Страна должна погрузиться в хаос. Иначе вы никак это стадо не подчините.

– Само собой, – улыбнулся Барак. – Да и уходить мне все равно не хочется. Тем более уступать место этой истеричке.

Все присутствующие сдержанно улыбнулись.

– Отлично. – Дэвид сложил руки на груди, предварительно посмотрев на часы. – Начинайте.

По дороге на Пайн-Ридж

Леон сделал радио громче.

– ...Три мощных взрыва прогремели в Нью-Йорке, Вашингтоне и Детройте, – сообщал репортер дрожащим голосом. – Пит, мы получаем информацию о перестрелках полицейских с террористами, захватившими заложников в офисном здании в Сан-Франциско. В других штатах поступают звонки об угрозе взрывов. О боже! В Нью-Йорке прогремел четвертый взрыв! – Дальше связь с корреспондентом была утеряна.

– Неужели Эвис был прав?.. – вслух спросил Леон, переключая волны, но информация везде шла одинаковая, сеющая панику, страх и ужас в массах. – Что, черт побери, происходит?..

В эту секунду в эфире повисла тишина, перебиваемая лишь шорохом и треском. Полицейский попытался поймать другую волну, но тщетно.

Америка неожиданно для себя погрузилась в тишину белого шума и абсолютного информационного вакуума.

До обозначенного Сенкой места на карте был еще час езды. Тогай и Эвис уже были на месте, у приветственной таблички резервации. Ин-

деец до боли в глазах вглядывался в горизонт, но у него было крайне плохое предчувствие. Холодок пробегал по его спине, и в голову лезли самые страшные мысли. В это время Гарсия колдовал в интернете, то и дело переговариваясь со своими напарниками по «Цикадам». Таким серьезным Тогай его никогда не видел.

– Это началось, Тогай, – прошептал он, потирая лицо. – Пока наблюдаем, но начали отключать штаты от трансляций национальных каналов.

– Чего ждем?

– Их следующего хода, – пожал плечами Эвис. – Странно, я звоню Сенке, а она не отвечает. Надеюсь, с ними все в порядке...

Нью-Йорк

Дэвид Рокфеллер сидел в своем кабинете и с улыбкой смотрел телевизор. Все шло согласно плану.

Англия

Четвертый барон Ротшильд выключил телевизор и лишь усмехнулся.

– Поспешишь – людей насмешишь, – проговорил он сквозь зубы. – Старый глупый Дэвид... в своем репертуаре. Предсказуемый, как и любой американец. Неужели ты думаешь, что чрезвычайное положение приблизит тебя к цели?.. Что ж. – Натаниэль посмотрел на свое отражение в стекле, защищающем голову царя Лазаря. – Теперь я знаю, кто против меня... так проще... Еще чуть-чуть, и все будет так, как я того хочу...

Конец первой части

часть II

Тени

Путь

глава XVII

Бэкингемшир, Англия

Выходные выдались на редкость солнечными и по-весеннему теплыми.

Барон Ротшильд вышел через заднюю дверь в сад и медленно, наслаждаясь каждым шагом, пошел в сторону раскидистой ивы по выложенной из речных камней дорожке. Солнце слепило и приятно пощипывало глаза. Под раскидистым деревом стояли стол и два плетеных кресла. Натаниэль стряхнул с красного сиденья снег и сел в кресло. Он поднял ворот пальто и натянул шарф на нос. Вокруг было так тихо, что слышно, как вдалеке скрипит лед на реке. Закинув ногу на ногу, барон закрыл глаза, желая расслабиться и отвлечься от всех мыслей. Впервые за последнее время он проснулся, чувствуя себя как никогда хорошо. Все произошедшее с ним и миром ранее показалось ему странным, фантастическим сном.

– Почему я здесь?.. – спросил он вслух. – Что случилось?.. Почему я не помню? – и сразу же голову сковала жуткая опоясывающая боль.

Ротшильд схватился за виски и едва слышно вскрикнул. Боль нарастала, перед глазами вспыхивали знакомые образы. Он видел лица друзей, родственников, партнеров, с бешеной скоростью сменяющие друг друга. И каждый ему что-то говорил, смеялся, глядя на него, указывал пальцем. Он видел взрывы и разрушения, страдания неизвестных ему людей, он чувствовал их боль в своей голове. Терпеть это было настолько трудно, что старик сполз на сырую землю, но видения все не покидали его. Ему хотелось кричать, но изо рта вырывался лишь хрип, впрочем, его все равно никто бы не услышал. Образы живых сменялись образами мертвых. Будто кто-то включил в его голове старый диафильм и приказал во все глаза смотреть историю рода Ротшильдов. Он видел каждое деяние, каждую смерть. Его сознание все глубже и глубже погружалось в прошлое, мертвец сменял мертвеца. Прежде чем он потерял сознание окончательно, перед глазами вспыхнула огнем голова царя Лазаря, словно насмехавшаяся над ним. В ушах звенела одна-единственная фраза, и Натаниэль как проклятый царапал на земле крест с четырьмя буквами «с».

Когда он вновь открыл глаза, то боли уже не было, как не было и сомнений в том, что делать дальше. Старик медленно встал с земли,

опираясь на иву. Он был весь в грязи и снегу. Барон осмотрелся по сторонам и, прищурившись, глянул на солнце. Ухмыльнулся чему-то и, прихрамывая, направился в дом. Ротшильд решил, что просто заснул в кресле и упал, поранив больное колено.

Барон, не снимая грязной обуви, прошел к лестнице, оставляя на красном ковре черные мокрые следы. Поднялся на второй этаж и зашел в кабинет. Он взял со стола пластиковую коробку со множеством папок и каких-то записей. Поставив на пол, открыл ее и аккуратно сел рядом. Он взял грязными руками первую папку, пожелтевшую от времени и завязанную на кожаный шнурок. Открыл ее. Внутри была переписка его деда с разными людьми. Некогда белый листок бумаги выпал из общей пачки и упал барону на колени. Натаниэль поднял его и поднес поближе. Верхняя часть не поддавалась прочтению, время ее не пощадило, а вот окончание письма еще было читаемо. Убористым аккуратным почерком на немецком там было написано:

Я не знаю, как ты будешь бороться с предателями, друг мой. Одно могу сказать, что разрушать их нужно изнутри. Бить в самое сердце. Еще скажу тебе, что таковых лжецов повсюду предостаточно, в нашем окружении особенно. Меня учили, и я своих детей учу, что нет опоры, кроме семьи. Однако боюсь, что настанет время, и в моей семье поселится раздор. Знаю, что будет среди моих сынов и тот, кто восстанет против всех. Ему и достанется это письмо однажды. Будь сильным и стойким, от тебя зависит процветание рода. Не дай славе померкнуть в веках. Что до врагов, то не думаю, что они будут чем-то отличаться от моих... все они по сути своей одинаковы, и беда у них одна – гордыня.

Помни, сын мой, гордость – как надутый шар, который лопается от одного прикосновения иглы. От малейшего укола гордость превращается в отчаяние...

Нет смысла вступать в открытую борьбу и бороться со всеми сразу. Уничтожай их по одному, согласно их заслугам. Мы, Ротшильды, всегда сможем построить новое на любых развалинах – это у нас в крови, разрушать и создавать. Не забывай об этом. Пусть они творят что хотят, пускай думают, что побеждают. Так они не обратят внимания на потери... как пешка пожирает пешку, как ладья нападает на короля, как король убивает королеву... Потом останется лишь победитель, которому и начинать все сначала. Строить мир в одиночку, не делясь ни с кем властью. Правы были пираты... бери все и не отдавай ничего...

Майер Амшель Ротшильд, 29 февраля 1808 года

Барон отложил в сторону листок и, поднявшись с пола, подошел к столу. Он налил себе из графина воды и жадно выпил ее до капли. Во рту все пересохло так, будто он говорил не переставая целый час. Старик сделал глубокий вдох. Затем бросил хмурый взгляд на коробку.

– Чуть не забыл, что искал... И как только тут оказалась эта папка? – спросил он сам себя. – К черту!

Он вернулся к коробке и достал уже толстую тетрадь.

– Вот и ты. – Его губы сложились в довольную улыбку. «Грешники и их грехи» – гласила аккуратная надпись на иврите на обложке. – Давно я сюда не заглядывал. Теперь очень даже кстати... – он поднял с пола записку Амшеля и вложил в тетрадь.

Вдруг зазвонил его мобильный телефон. Ротшильд достал его из кармана и, нахмурившись, ответил.

– Здравствуйте, сэр!

– Вук? – удивился барон, но тут же взял себя в руки, вспомнив недавнее свое указание. – Ее больше нет?

– Так точно, сэр, – отрапортовал Бранкович, явно довольный собой.

– Хорошо. Свидетелей, надеюсь, тоже?

– Мне можно возвращаться?

– Возвращаться? Хм-м... – потер подбородок Ротшильд. – Не спеши. У меня будет для тебя еще несколько поручений.

– Хорошо. Буду ждать дальнейших указаний.

– Свяжусь с тобой позже. – Барон повесил трубку. – Убийца может быть весьма кстати...

Косово, Сербия

Приштина с каждым часом все больше погружалась в хаос. Пожары от разорвавшихся гранат и коктейлей Молотова полыхали практически во всех правительственных зданиях. Протестующие албанцы закидывали теснящую их из города полицию камнями. Впрочем, в ход шло все, что попадалось под руку. Сообщения о приближающейся армии Сербии лишь подливали масла в огонь. Военные уже зашли в крупные города, однако отдаленные села и деревни оказались в эпицентре противостояния, и там люди вынуждены были защищать себя сами.

Города делились на два лагеря, будто невидимая черта пролегла с севера на юг. Вдруг ожили сербские общины, и прозападные албанцы увидели истинное число столь ненавистных им врагов. Сербы вооружались чем могли и выходили на улицы под знамена недавно сформированных добровольческих отрядов за возврат Косово. К ночи субботы сербам удалось угомонить большую часть протестантов, многие

из албанцев бежали прочь из Косово, из Сербии. Куда угодно, но подальше от возможной расплаты. Никто не хотел оказаться на скамье подсудимых.

Если в столице все было более-менее спокойно, то без добровольческих отрядов беснующиеся албанцы стерли бы с лица земли все села, до которых могли дотянуться. Они громили на своем пути все, что могли, стараясь уничтожить как можно больше, прежде чем распрощаться с украденной землей. Вооруженные отряды сербов под командованием никому не известного лидера взяли защиту этих мест на себя. Только вот противником выступил не простой люд, а хорошо вооруженные и подготовленные группировки, которые не собирались сдавать ни свои места, ни свой бизнес так легко. Уж слишком многое было завязано на этот регион, а на перевозку всего требовалось время. Много времени.

Группировки и различные банды стягивались к Косову полю. Перестрелки и взрывы не стихали.

Как и обещал, Тачи решил развязать эту псевдопартизанскую войну и сделать все, чтобы регион утопал в крови. Однако он выжидал нужного момента для решительного удара. Ему хотелось заманить сербов внутрь, а потом захлопнуть капкан. И никакое мировое сообщество не смогло бы его остановить, тем более что мировому сообществу до них не было никакого дела.

...Снова Косово стало полем боя, где сошлись две непримиримые силы под опечаленным святым небом.

Нью-Йорк

Все экстренные службы города были заняты разборами завалов на Манхэттене. На Таймс-сквер в руинах, разрушенный до первого этажа, лежал театр «Плэй Стэйшн». Сотни людей навсегда остались погребенными под развалинами. От мощного взрыва со многих зданий вокруг были сорваны билборды и вывески. В стеклянных небоскребах напротив были выбиты окна. Седьмая авеню была засыпана пеплом и обломками. От взрывов пострадали Гарлем и Ист-Виллидж. По сообщениям СМИ, террористы заминировали два жилых дома и ночью включили детонаторы. Сотни людей погибли во сне...

Подобные взрывы прогремели в Детройте, Далласе, Сан-Франциско. Ответственность за все произошедшее на себя взяла никому доселе не известная группировка, скрывающаяся под такой популярной маской, как «Анонимус». На местах трагедий был оставлен символичный сувенир, а по местному телевидению из раза в раз

повторяли ролик новоиспеченных террористов, угрожавших не всему миру, а лишь одной Америке...

Вашингтон

В Белом доме в зале для пресс-конференций было крайне многолюдно. Журналисты терпеливо ждали первых заявлений правительства. В просторном помещении стоял шум и гам. Такого количества предположений и домыслов не витало под этими сводами лет пятнадцать. Однако президента пока не было видно.

Обама был вместе с советниками в своем кабинете. Привычно довольного выражения лица с прошлого вечера не наблюдалось. Он нервно кусал щеки изнутри и расхаживал из угла в угол. В руках он держал несколько листков бумаги со своей речью, специально подготовленной для такого серьезного дня.

– Что тебя так беспокоит? – сделав глоток кофе, спросил Киссинджер. – Чего бегаешь туда-сюда?

– А что, если они нам не поверят?

– Кто «они»? – переспросил Генри.

– Американцы.

– Какая разница? – удивился мужчина. – Это шоу, и у него есть сценарий и актеры. Ты просто выйдешь и прочтешь им свой текст, – развел он руками. – Остальное не имеет значения. И потом, любые их действия будут нам только на руку.

– Что будем делать с мировым сообществом? Нам уже тоннами приходят письма поддержки и с предложениями помощи, – вмешался в разговор и Джон Керри. – В вашей пьесе есть что-то об этом?

– Безусловно, есть, – улыбнулся Генри, переведя взгляд на Дэвида Рокфеллера-младшего.

– Поблагодарите их, но от помощи откажитесь. У нас есть силы справиться со своими делами, – пожал плечами Дэвид. – Что до международных дел, – он перевел взгляд на Керри, – то пока мы сделаем вид, что нам нет до мира дела. Однако, Джон, ты отправишься в ООН, в ЕС в гости, пока они еще дышат, и будешь тайно настаивать на срочном подписании договора «Ти».

– А если они откажутся? Нам и так отказывают, мы не отвечаем на банальные вопросы. Никому не нужен кот в мешке.

– Нас не волнует мнение оппозиции, а эти подконтрольные подпишут все, что нам нужно, в любом случае. Все равно нам необходимо отвлечь их от наших дел. Пускай пока с этим развлекаются.

– Хорошо. Отправлюсь сегодня же.

– Вот и молодец, – улыбнулся Киссинджер. – Еще вопросы?

– Когда начнется второй этап? – спросил президент.

Рокфеллер посмотрел на часы.

– Ночью выступишь снова, – улыбнулся Дэвид. – А сейчас мир ждет.

– У нас перебои со связью, кто-то пытается отключить все трансляции, – отвлекшись от планшета, напомнил о своем присутствии директор АНБ Майкл Роджерс. – Группа явно многочисленная.

– Это может стать проблемой?

– Нельзя недооценивать даже такие инциденты, – вставил свое слово Керри. – Дьявол, как известно, в деталях.

– Узнайте, кто это и на что они способны.

– Мы сейчас пытаемся перехватить их, но это в любом случае не дело рук наших «Анонимусов».

– В США хватает хакеров, – развел руками Генри, вставая с дивана. – Найдите их и уничтожьте. Сделайте красиво, как вы умеете. Народу нужно кого-то ненавидеть. Им спится спокойнее, когда они знают врагов в лицо. Желательно, чтобы это были не белые американцы, хотя и их можно, – махнул он рукой.

– Понял вас, – с готовностью кивнул Роджерс.

Когда Обама вышел к журналистам, он едва не ослеп от обилия фотовспышек, а из града вопросов было трудно вычленить хоть что-то понятное. Он читал заготовленную речь и даже изображал скорбь и боль утраты. В очередной раз он смог пустить картинную скупую слезу. Потом наступила очередь вопросов. Ведущий конференции давал слово лишь проверенным людям, чьи имена были отмечены в его блокноте. Ни на чьи другие вопросы президент отвечать не должен.

– Господин президент, скажите, какова обстановка в других штатах? Приходят тревожные вести о вооруженных столкновениях полиции с гражданским населением...

– Да, вы правы, мне докладывают о подобном чуть ли не каждый час. Полиция пытается всеми силами сдерживать разбушевавшихся граждан, которые в столь тяжелый для Америки час решили нажиться на нашей общей беде. Все задержанные состоят в разных уличных бандах, и, к моему большому сожалению, все они вооружены. Однако нет такой задачи, которую мы не могли бы разрешить все вместе.

– Господин президент, Джимми Родси, «Дэйли мэйл», планируются ли какие-то ограничения на передвижения по стране? Как идут поиски террористов?

– Смею вас заверить, что все службы приведены в действие, враги не останутся безнаказанными, мы найдем их всех. Пока могу передать вам то, что мне доложила разведка, – группировка находится на территории США.

– Значит ли это, что вы перекроете границы?

– Это вполне возможно, Джимми, – кивнул Обама, – мы не можем дать преступникам уйти.

– Ходят слухи о возможном вводе чрезвычайного положения, сэр, правдивы ли они?

– Это трудный вопрос. Нам нужно еще проанализировать все до конца. Военное положение – это сверхмера, требующая определенных обстоятельств.

– А разве война с террористами не такое обстоятельство? – не унимался репортер из «Дэйли мэйл».

– Скажите, мистер Родси, а вы готовы отказаться от некоторых свобод, которые военное положение на время у вас отнимет? – задал Обама заготовленный встречный вопрос.

– Если это даст мне и моей семье безопасность, то, конечно, готов!

Гул одобрительных голосов поднялся в зале.

На этой оптимистичной ноте президент завершил конференцию, пообещав, разумеется, держать их в курсе происходящего. Как только Барак вышел из зала и зашел в свой кабинет, он услышал одобрительные тихие аплодисменты собравшихся.

– Не так уж и трудно, да? – улыбнулся Рокфеллер. – Что ж, начинаем подготовку ко второму пункту. Не будем откладывать ничего в долгий ящик.

Бранкович задержался в Валентайне на целых два дня, да и на третий не смог оттуда выехать. Непогода отрезала чуть ли не все пути выезда из этой дыры. Да и творившиеся в стране беспорядки не придавали ему оптимизма. Телефонная связь и интернет еще работали, и это несколько успокаивало. Однако новости не радовали. Вук пытался осмыслить происходящее, но все никак не мог разглядеть в этом хоть какой-то смысл. Впрочем, тот факт, что он завершил одно важное дело, несомненно, грел душу. Два дня ему не поступало никаких звонков. На исходе третьего, когда он дремал в номере придорожного мотеля, позвонил Лид.

– Думал, ты умер, – хмыкнул Бранкович.

– Вот как ты, значит, друзей ценишь! – в шутку возмутился Грегори. – Тебя там еще снегом не занесло?

– Выехать не могу уже третий день. Одному богу известно, когда доберусь до цивилизации.

– М-м, а ты отказался от своей затеи, что ли? – удивился хакер.

– Какой затеи? – Вук сел в кровати, почувствовав, что сейчас будут плохие новости.

– Ну, если мне память не изменяет, убить эту девку, как ее там... Сенку? – Хакер взял из пакета горсть чипсов и начал хрустеть ими прямо в трубку.

– Я с ней уже разобрался. Она мертва.

– М-м, уверен? – чавкал Лид. – Потому что вот мне мои глаза говорят, что нет.

– Что за бред? – нахмурился Бранкович. – Я попал ей в сердце...

– А контрольный в голову как же?

– В этом не было необходимости...

– Не хочу тебя огорчать, но все-таки была. Машинка офицера Купера всплыла на подлете к Пайн-Ридж. Он попался в объектив одной-единственной существующей там камеры. Видно не очень хорошо, но, судя по кадрам, что у меня есть, он вместе со здоровым индейцем переложил ее из одной машины в другую. И это явно не труп был.

– Какого... – прошептал Вук, не веря своим ушам. Он снова и снова прокручивал тот эпизод у себя в голове. – Я не промахиваюсь...

– Ну, либо у нее сердца нет, или оно маленькое, или еще что, но она жива. Не скажу что здорова, но тем не менее.

– Они в резервации?

– В общем, да.

– А что там с камерами? Нельзя посмотреть конкретнее?

– Во-первых, камеры там в большинстве своем не настоящие, а для устрашения. Во-вторых, те, что были настоящие, давно проданы по третьему кругу.

– Черт! И как мне ее там искать, по-твоему?..

– Понятия не имею. Думаю, с этим тебе придется самому разбираться. Бледнолицую сестру среди краснокожих найти нетрудно.

– Утешил...

– Так-с, ладно. У нас тут, знаешь ли, есть проблемы в городе. И все они требуют решения, да и неохота мне попасть под раздачу. Так что буду я сворачиваться и перебираться в Канаду, пока границы не прикрыли... и тебе советую.

– У меня еще есть дела, – сказал Вук. – Но все равно продолжай наблюдать, вдруг увидите что-то.

– За твои деньги любой каприз, – хмыкнул Грегори. – Я позвоню позже. До связи!

Бранкович положил телефон на кровать и встал на ноги. Нога сильно ныла и уж точно не горела желанием работать. Хотя рана и была пустяковая, но все-таки. Мужчина подошел к окну и выглянул на улицу. По такой дороге далеко не уедешь, да и быстро не получится.

– Выжила... как она смогла выжить?.. – спрашивал он себя вслух. – Что ж, в любом случае недолго тебе осталось. Я совсем рядом.

Поселение Уандед-Ни, Пайн-Ридж

На северной окраине поселка, недалеко от берега реки Уандед-Ни-Крик, стояли особняком два одноэтажных дома из не самых прочных, но дешевых досок и один старенький, проржавевший по одной стороне дом-трейлер, исписанный в стиле хиппи. Вместе они образовывали круг, чем-то напоминавший стоянку цыганского табора. Дорога сюда была разбита уже давно, но от снега аккуратно расчищена. В доме под синей крышей была приоткрыта дверь, и черно-белая большая собака породы бобтейл то и дело сновала туда-сюда, проверяя, все ли в порядке. Запах жаренного на гриле мяса не спеша разносился по округе. У домов было припарковано четыре машины. В бледно-желтом стареньком пикапе находились двое мужчин.

Купер сидел на водительском сиденье и крепко сжимал руль.

– Слушай, Леон, тем, что ты винишь себя, ты лучше не делаешь, – попытался его ободрить Тогай. – Да и ей это навряд ли понравится.

– Я себя предателем чувствую... обещал, но ничего не смог сделать. Как дурак, подставил ее.

– Никто не виноват в том, что случилась та авария и вам пришлось выйти из машины. Да и потом, ничего не исправишь. Может, нам и на руку то, что он думает, что убил ее.

– А ты знал? – Купер поднял голову и посмотрел на дом с синей крышей. – Это было в предсказании твоего деда?

– О транспозиции он точно ничего не говорил. – Индеец улыбнулся, разведя руками. – Да и ты видел глаза врачей. – Тогай хмыкнул. – В этих краях они точно такого не встречали. Повезло, что не попал в легкое. Попади чуть ниже, и все было бы не так радужно. Во всех отношениях особенная.

– Это уж точно, – кивнул Леон. – Повезло, что он не стрельнул сразу в голову. Птица эта была очень вовремя... сплошная мистика.

– В наших краях без нее никуда. Так, хватит хандрить. Вылезай из машины, и пойдем обедать. Моя сестра готовит дивно!

– Да-да, сейчас иду, – махнул Купер рукой. – Только что-то мне подсказывает, что с Бранковичем мы еще встретимся.

Сенка самовольно нарушила предписанный ей постельный режим и, аккуратно выбравшись из кровати, не спеша перебралась к окну. На широком подоконнике лежали яркие цветастые подушки и старенькие мягкие игрушки. Из кармана своей куртки, висевшей на спинке стула, она достала пачку сигарет и зажигалку. Глянув в коридор и убедившись, что никто не слышит и не смотрит, забралась на подоконник. Поморщившись от резкой, но терпимой боли, она закурила. На стене

напротив окна висел телевизор. Неважно, какой канал был включен, даже на «Дискавери» шли новости бегущей строкой. Обилич поймала себя на том, что ей абсолютно все равно, что происходит в этой стране. Хотя она и держала в голове все рассказы Эвиса, ей не было жаль Америку. Вдруг началась серия репортажей из Европы, занятой решением своих проблем. В ООН шло заседание за заседанием, но судьба Косова как независимого государства была решена. За возвращение его Сербии проголосовали практически все. Никому не хотелось спорить с США. Все осуждали терроризм и призывали с ним бороться повсеместно, но за этими разговорами не было ничего существенного. Людям от этого легче не становилось. Народу Европы, так же как и американцам, предстояло сделать выбор. Только они этого еще не поняли. Оператор вылавливал из толп людей потерянные и испуганные лица на улицах городов, и не давалось никаких комментариев...

Последний репортаж в обеденном выпуске был из Приштины. Сенка слегка повернула голову в сторону телевизора. Знакомые улицы, здания были завалены наспех собранными баррикадами, где-то полыхал огонь. На дороге валялись флаги ЕС, бывшей республики, перемешанные с красными флагами Албании. В центре города на старом флагштоке развевался немного потрепанный флаг Сербии. Речь репортера заглушали выстрелы и взрывы где-то в соседнем квартале.

– Да, Тим, ожесточенные бои между сербами и албанцами сейчас ведутся вокруг так называемого Косова поля. Албанские группировки, орудовавшие в регионе долгое время, очень хорошо вооружены. Им помогают и армейские подразделения бывшей республики...

– Кто им противостоит, Билл? Неужели обычное гражданское население?

– Не совсем. Сербская армия пока не добралась до этих районов, тут действуют разные группы. Местные жители говорят, что это все бывшие военные и полицейские из Сербии, решившие остаться в Косово еще до его отделения. На данный момент конфликт рискует перерасти в самую настоящую гражданскую войну.

– Но, как нам известно, США не будут поддерживать ни одну из сторон?

– Да, именно это сказал госсекретарь. Однако Балканы – очень важный регион, и у Европы тоже есть свой интерес. Не говоря уже о России, которая поспешила поддержать Сербию и готова помочь всем, чем потребуется...

В этот момент в комнату зашел Эвис. В одной руке держал телефон, в другой морковку. Он вопросительно посмотрел на девушку и откусил морковку.

– Я что-то не понял, ты чего там делаешь, а?

– Курим. – Она показала ему сигарету.

– Слушай, это не очень полезно с дыркой на месте сердца, курить-то...

– Оно у меня с другой стороны как бы.

– Дым не туда пойдет еще. – Он хмыкнул. – Новости смотреть тоже вредно. – Гарсия посмотрел на экран. Там в студию пришел один из экспертов. – Давно этого черта не видел. Думал, сбежал куда-то.

– Збигнев, спасибо, что пришли, – добродушно улыбнулась и с любовью поприветствовала своего отца ведущая новостей МСН-Би-Си[24], яркая блондинка с острым языком и строгими принципами Мика Бжезински. – Сегодня мир проснулся совсем другим, и кажется, что апокалипсис уже наступил. – Она бросала в камеру многозначительные взгляды и выдерживала театральные паузы, специально придавая голосу больше драматичности. – Взрывы в Америке, война на Ближнем Востоке, а теперь и Балканы вот-вот погрузятся в кровь самой настоящей гражданской войны.

– Именно так и будет, моя дорогая Мика, – заулыбался Збигнев. – Ничего другого, кроме как убивать, этот народец не умеет. Вот им возвращают землю, а они с оружием в руках будут выгонять тех, кто уже осел в Косово. Звери, ей-богу!

Эвис посмотрел на Сенку, та с нескрываемым раздражением слушала семейную беседу, крепко стиснув зубы.

– На этой земле никогда не будет мира. Народ проклятый. Слишком много зла делали за всю свою историю, – продолжал Бжезинский.

– И какой выход из сложившейся ситуации вы видите? Как стоит поступить Европе, чтобы не стать свидетелем еще одной войны в регионе? Ведь это снова беженцы и удар по экономике европейских государств.

– Ситуация, конечно, трудная, но здесь необходимо определиться, на чьей стороне мы. Госдеп дал ясно понять, что мы придерживаемся нейтралитета и просто наблюдаем. Вроде бы как Албания не оправдала наших ожиданий вместе с почти отданным ей Косово...

– Я точно на стороне тех, кого бьют. В конце концов, это земля исконно албанская... Не понимаю, почему кто-то еще смеет в этом сомневаться. Вообще поведение ООН в этом плане далеко от моего понимания.

– Лучше и не скажешь, Мика, – похвалил ее отец. – Я сам не до конца понимаю причины такого хода. Однако сейчас стоит оказать максимальную поддержку оппозиции, находящейся на территории Косово. Албанцы и бывшие граждане республики Косово нуждаются

[24] Американский кабельный канал MSNBC.

в помощи. Они должны понимать, что не все против них. Им есть на кого положиться. Я уверен, что США не уйдут из региона. Незримо мы останемся там.

– Не будет ли повторения с натовскими бомбардировками? Что, если косовские албанцы смогут отстоять свою молодую республику?

– Как ты понимаешь, мы за демократическое решение проблемы. Если они смогут поднять этот вопрос... более того, он уже не будет касаться лишь этого региона. Думаю, тут можно дойти и до полного расчленения всей Сербии. В конце концов, какую пользу могут принести миру те, кто умеет лишь пить мед и пускать кровь? – он противно хихикнул, сверкая глазками в камеру.

– Сенка, – тихо начал Эвис, – давай-ка мы этот бред выключим... – он взял пульт со стола и выключил телевизор. – Скоро этого бреда никто не увидит. Не дадим им врать и смеяться над миром...

– Скажи, Эвис, – девушка затушила сигарету и бросила окурок в пустую банку из-под газировки, – чего он боится? Какое его слабое место?

– Бжезинского?

Она кивнула.

– Не знаю даже, – почесал он затылок, – лишиться регалий и какой-то власти, может быть.

– Нет, – мотнула она головой. – Он не ценит все это. Мир для него ничто... он ведь никого не любит... кроме семьи.

– О чем ты хочешь сказать мне?

– Предательство. Вот чего он боится... – продолжала рассуждать вслух Сенка. – Он ведь есть в твоем списке?

– Есть, но его роль не так важна. Он, конечно, тварь и сволочь. В свое время насоветовал разного, фашист и расист, но его роль давно сыграна...

– Гонорар он еще не получил за роль. – Сенка внимательно и изучающе посмотрела на хакера. – Ты можешь раздобыть мне телефон барона Ротшильда?

– Чего? Личный номер?

– Мне плевать какой. Я должна ему кое-что сказать.

– Что?

– Добавить в список несколько имен...

– Бжезинского, что ли? – удивился Эвис. – Ты уверена, что это хорошая идея? Не повредит основному плану?

– Основному? – Она с трудом встала на ноги, придерживаясь за стену. – Из-за этих тварей мой родной город полыхает, а Косово лежит в руинах... он может быть сколь угодно старым и немощным, но никто не отменял расплаты. Мне плевать, что их ждет после смерти, я хочу, чтобы они получили по заслугам на этом свете.

– М-м, кто еще в дополнительном списке, если не секрет?

– Узнаешь из новостей, – нахмурилась Сенка. – Пожалуйста, раздобудь мне номер этого старика, пожалуйста...

– Да понял я! – всплеснул он руками. – Пошел уже искать! Не смотри на меня так, у меня слезы наворачиваются и глаз дергается, когда ты мне в душу глядишь, – он шутливо стал на нее таращиться, – не надо там копаться, там не прибрано.

– Спасибо, Эвис, – улыбнулась девушка.

Ближе к вечеру новостные ленты заполнили сообщения о перестрелках между гражданским населением в разных штатах. Журналисты подливали масла в огонь, подбрасывая людям истории о скрывающихся среди простых людей террористах. Ближе к ночи ждали выступления президента.

Гарсия все время после ужина сидел за компьютером, то и дело созванивался со своими коллегами и вел конспирологические беседы. Судя по которым, план «Цикад» переходил в горячую фазу.

Купер отчего-то нервничал и разгуливал по комнате из стороны в сторону. Сенка молча наблюдала за ним. Тогая дома не было. Он отправился на разведку в поселок и за продуктами.

– Что тебя так беспокоит? – спросила девушка, выбравшись из-под одеяла. – На работу потянуло?

– Работу? Думаю, меня уже обыскались, но это не важно. Судя по всему, – он кивнул на беззвучно работающий телевизор и включенные новости, – работы у меня все равно скоро не будет.

– Вук?

– Именно. Я думаю, он скоро узнает, что ты жива.

– Каким образом? Видение ему будет? – Обилич нахмурилась. – Или я чего-то не знаю?

– Эвис говорил, что его помощники за нами по дорожным камерам следили. Тут в Пайн-Ридж их нет, работающих во всяком случае, но вот на въезде есть, и, думается мне, мы попали в ее объектив.

– Просто проехали мимо или что?

– Мы там сменили машины... мою друг Тогая увез в неизвестном направлении, а мы перенесли тебя в пикап и поехали в больницу. Они могли видеть это. И уж точно трупы не способны сами передвигаться...

– Чего же он медлит тогда, по-твоему?

– Погода и, возможно, какие-то неизвестные нам обстоятельства. В конце концов, ты его тоже ранила.

– И какой у нас теперь план?

– Вывезти тебя из страны и отправить домой. Если не домой, то хотя бы на другой континент. Нечего тебе тут делать. – Купер

сел на кровать рядом с Обилич. – Надеюсь, с этим ты спорить не станешь.

– Мне еще рано ехать домой, Леон. У меня есть неоконченные дела, – покачала она головой.

– Например?

– Нельзя мне домой, – чуть помолчав, ответила Сенка.

– Это еще почему? Можно же не ехать в самое пекло событий, просто вернуться в Сербию. Не хочешь домой, так хотя бы в Европу, а лучше в Россию.

– Не с пустыми руками. Я обещала сама себе, что могу вернуться только если исполню желание Милоша. Вот пока не исполню – не вернусь. – Она посмотрела на Купера.

– И чего же он хотел?

– Неважно, но в одном ты прав. Из США нужно уезжать. Эвис говорил, что аэропорты они прикроют в первую очередь, раз ограничения уже есть. Как и собирались, переберемся в Канаду, а оттуда уже куда глаза глядят.

– Не могу не согласиться. Я еду с тобой. В этот раз без приключений. Никаких ранений и убийц.

– Ты сам-то в это веришь? – улыбнулась девушка, Леон хмыкнул. – Вот и я думаю. Сколько еще непогода продлится, что там с прогнозами?

– Дня два как минимум. Если верить им, конечно, – пожал он плечами. – Ты уверена, что тебе уже можно в дорогу?

– Уверена, что могу сесть в машину и сидеть в ней ровно. Отстреливаться ты собрался сам, так что ничего страшного. – Девушка встала с кровати и направилась в сторону кухни. – Пойдем пообщаемся с гением. Наверняка он найдет, как поднять нам настроение, – позвала она Купера.

Гарсия не услышал, как эти двое зашли на кухню. Он даже вздрогнул от неожиданности, когда увидел перед собой Сенку.

– Зачем так пугать-то?! – возмутился он, снимая наушники. – Смерти моей захотели?

– Соскучились, – улыбнулась девушка. – Как дела у мира? – Она кивнула на компьютер.

– Так себе, – буркнул Эвис. – Думаю, сегодня ночью объявят чрезвычайное положение.

– Разве вы не этого ждете? – поинтересовался Купер, беря из миски на столе зеленое яблоко.

– Этого. И мы к этому готовы, – согласился хакер. – Только все равно стремно. Никто не знает, чем это все в итоге обернется. Хотя Аляска отлично справляется без какой-либо связи с центром... там все тихо и спокойно.

– Там военных предостаточно, чего им волноваться? – возразил Леон, садясь за стол.

– Нет их там уже. Ну-у, не в таком количестве. Хотя все это мелочи. Вот эти провокации в разных штатах... они все делают, чтобы люди боялись держать дома оружие. Мол, смотрите, какими опасными зверями становимся... надо бы забрать у некоторых, а лучше у всех. Так безопасней... Печально, что люди верят...

– Эвис, – внимательно посмотрела на него девушка, – ты раздобыл его номер?

– А, это... вот он. – Он протянул ей бумажку с цифрами. – Если соберешься звонить, то вот по этому телефону. – Эвис кивнул на свой мобильник. – Его не засекут, даже если очень захотят.

Леон вдруг засмеялся, чем вызвал удивление у обоих.

– Ты чего?

– Да так, – отмахнулся он. – Ты у нас как гуру, или нет – божество какое-то, мы к тебе за советом, предсказанием...

– Правильно! Молитесь на меня, земляне! – заулыбался Гарсия. – Я мозг нашей банды. По-другому никак!

Обилич аккуратно встала из-за стола и, взяв телефон, направилась в свою комнату.

– Чей это номер?

– Ротшильда.

– Что она задумала?

– Думаю, хочет направить его взор на парочку плохих людей.

– На кого конкретно, знаешь?

– Думаю, – он тяжело вздохнул, – на тех, кто причастен к разрушению ее дома и смерти ее родных и близких. Просто месть... наверное.

– М-да. – Он откусил большой кусок от яблока. – Тяжелый случай. – Вытянув ноги под столом, Леон поудобней устроился на стуле. – Бранкович наверняка знает, что она жива.

– Угу.

– Чего «угу»? – встрепенулся Купер.

– Он до сих пор ошивается неподалеку. Пару часов назад засек его на подъезде к Пайн-Ридж.

– И ты молчал все это время?!

– Да успокойся ты, – всплеснул руками Эвис. – Тогай отправился на разведку. Да и потом, никто не знает, куда мы конкретно отправились, а своих тут не сдают.

– За деньги могут и сдать.

– Не-а. Сейчас у них есть цель, и ее они на золото не променяют. И никто не любит выскочек-белых на территории индейцев. Как минимум побьют.

– Нужно уезжать. Ты говорил, помню, у тебя в Канаде есть знакомые...

– Тогай вернется, и решим. Кроме того, мне нужно оставаться на месте, пока не запустим нашу программку. В любом случае ждем военного положения. Смешаемся с толпой позже.

– Чувствую себя бесполезным, – буркнул Леон, – ничего не могу впервые за долгое время.

– Ты же смог довезти ее до больницы. И это ты смог остановить кровь. Без тебя бы она умерла там на дороге. Да и вообще одному богу известно, где бы мы сейчас все были, если бы ты не нашел нас. Так что ты не прав. – Он похлопал его по плечу. – А погеройствовать тебе еще представится возможность. Я уверен.

– И на том спасибо, – натянуто улыбнулся Купер.

Сенка несколько минут молча стояла у окна и всматривалась в заснеженную пустошь. Мысли в голове путались и никак не могли сложиться в стройную и четкую идею.

– Так, соберись, – приказала она себе. – Больше корректировок вносить не получится. Да и сейчас может не получиться. Если, – она посмотрела на клочок бумаги в своей руке, – мои догадки верны, то его паранойя должна была развиться. А если нет? Что, если он принимает во всем этом участие?.. – шепотом она разговаривала сама с собой. – Вот и проверим...

Она набрала номер со всеми кодами, как и указал Гарсия.

Англия

Барон Ротшильд долгое время не мог уснуть. Ворочался в кровати и мучился не отступающими ни на минуту навязчивыми мыслями. Вдруг зазвонил телефон. Номер был странный, длинный и с включением символов. Поморщившись, решив, что телефон, видимо, сломался, он взял трубку. На том конце провода было какое-то гнетущее молчание.

– Кто это? – наконец спросил Ротшильд. – Нэт, это ты? Слишком поздно звонить и извиняться!

– ...Время да будет мне свидетелем... – сказала женщина. Ее голос был знаком барону. Она еще два раза повторила эту фразу. Барон поймал себя на том, что не в силах отвечать, может только слушать. На десятый раз он и сам не заметил, как повторил вслед за женщиной:

– Время... да будет мне свидетелем...

– Ты упускаешь из виду пешки. Есть те, кого ты не заметил, но они способны навредить...

Ротшильд стоял у окна с крепко прижатым к уху телефоном, из которого шли короткие гудки. Он простоял так с пару минут, а когда вдруг это осознал, резко обернулся. Ему показалось, что кто-то на него смотрит. Старик до боли в глазах вглядывался в окружающее пространство, будто пытаясь разглядеть в нем некие тонкие материи. Голова сильно болела, он слышал внутри свой голос, читающий, как по списку, имена и суть обвинения. Барон сел за стол и стал массировать виски, надеясь, что боль отступит. Перед ним лежала та самая тетрадь, что он нашел в старой коробке. Он положил руки на стол. Внезапно они стали будто свинцовыми – тяжелыми и непослушными. Собравшись с силами, барон взял ручку и открыл тетрадь. Он пролистывал страницы, ища пустую. Лишь последние десять страниц из шестидесяти были чистыми. Ротшильд поднес ручку к бумаге и не раздумывая записал два имени. Затем обвел их в круг и подписал его снизу незнакомым для себя словом, но с понятным смыслом. Посидев еще некоторое время в тишине и дождавшись, когда боль отступит и утихнет голос, он снова посмотрел в тетрадь.

– ...Предательство, значит, – прочел он незнакомое слово под кругом, сам не понимая, откуда он знает его перевод, – этому нет оправдания... А расплата все не идет.

На первом этаже часы пробили два часа пополудни. Солнце было высоко. Его лучи пробивались через маленькую щель между неплотно закрытыми шторами и падали на стол. Внезапно в дверь позвонили. Ротшильд поморщился – никаких гостей он не ждал. Не спеша и крайне неохотно он спустился вниз и подошел к двери. На пороге стояла его дочь Ханна. На ее лице была полуулыбка, женщина всеми силами пыталась скрыть свою обеспокоенность. Из большой сумки на ее плече торчали три папки с бумагами.

– Здравствуй, пап! – Она зашла в дом, поцеловала барона в щеку и, поставив сумку на пол, быстро осмотрелась по сторонам. – Ты уже три дня как в Англии, почему ты не приходишь домой? Мама и все мы волнуемся... Нэт нам ничего не сказал. Не успел вернуться, на следующий день улетел обратно. – Женщина заглянула в гостиную, будто ища кого-то, потом направилась в кухню. – Я приготовлю что-нибудь, раз уж ты всех распустил.

– Ханна, не стоит, я не голоден, – попытался ее остановить Натаниэль, но все попытки были тщетны. Его старшая дочь была такой же упрямой, как и он. – Я вообще-то занят и хочу побыть один. Мне нужно собраться с мыслями.

– Какими? – спросила Ханна, ставя на плиту сковородку. – Что с тобой происходит в последнее время? Я тебя не узнаю... Ты изменился. Даже сейчас ты смотришь на меня не как на свою дочь, а как на чужого человека, отвлекающего тебя от дел. Да и мама очень волнуется за тебя, хотя и держит себя в руках.

– В отличие от тебя, она понимает, когда мне нужно дать время и оставить в покое, – подернул плечами барон, садясь за стол. Только сейчас он заметил, что держит в руках свою тетрадь.

– Что там у тебя? – спросила Ханна, кивнув на тетрадку, которую барон положил на стол. – План завоевания мира? – Она улыбнулась и снова отвернулась к плите.

– Что-то вроде того, – вздохнул Ротшильд.

– Название-то какое зловещее! Для какого-нибудь своего фильма позаимствую обязательно. А что там за собрание грехов? А главное – чьих? – Она накрыла сковородку крышкой и, вытерев руки, села за стол. – Мясо скоро будет готово, что хочешь на гарнир? Я видела, там в холодильнике лазанья готовая, разогреть?

Натаниэль безразлично кивнул, встал со стула, подошел к раковине и налил себе стакан воды.

– Так-с, – Ханна подвинула тетрадку к себе и открыла ее на первой попавшейся странице. – Какого?.. – прошептала она, переводя взгляд на отца. – Это что, шутка такая? – она листала страницу за страницей, просматривая имена. Каждое ей было знакомо чуть ли не с детства. – Папа?

– А что не так? – Он подошел ближе и отпил воды из стакана. – Не все люди достойны доверия, особенно если речь идет о деньгах, моя милая. Еще Карл Маркс предостерегал, что, скажем, при трехстах процентах прибыли «нет того преступления, на которое не пошел бы капитал», чтобы эти проценты сохранить и преумножить... Вот все эти люди, – он указал пальцем на тетрадку, – не достойны доверия. Уж ты-то должна понимать.

– Разве они не состоят в Совете? Вы же вместе, заодно... общие цели и совместные усилия. Разве не это завещал нам прадед? – она отложила тетрадь в сторону открытой на последней странице с новыми именами.

– Были заодно, но жизнь преподнесла сюрприз. Совета для меня больше нет.

– И... и что ты намерен делать теперь? Ты распустил их, я... я не верю... – качала Ханна головой, – это какой-то бред бессмысленный.

– Я намерен делать то, что и делал раньше, – идти дорогой, указанной основателем нашего рода. Остальные, кто против, должны или уйти с дороги, или погибнуть от своей же самоуверенности.

– Это что, список неугодных? – Она брезгливо кивнула на тетрадь. – Всем им предложишь уйти по-хорошему? Больше половины из них работают на Ротшильдов.

– Увы, но такого я им предложить не могу, – ухмыльнулся барон чему-то. – Они сделали свой выбор, и теперь им предстоит за него расплачиваться.

– Господи... неужели Нэт был прав?.. А я ему еще не поверила, посмеялась над ним... – прошептала женщина, прикрывая рот рукой. – Папа, ты уверен, что с тобой все в порядке? Твои суждения и все это, – она обвела головой, – собрание грехов... Ты что, вознамерился убить их всех?

– Там видно будет. Думаю, что тебе пора идти. Я поем в одиночестве.

– А что тебе сделали они? Мадлен, например? Разве не ты говорил, что она чудесный человек? Не пропускал ни одного ее дня рождения? Поставил в один список с этим фанатиком. И что это такое? Что это значит? – Она указала пальцем на непонятное слово. – На каком это языке? И крест этот... – Она встала с места, подошла к плите и выключила конфорку.

– Знаешь, что она убила тех, кто спас ее во время войны?

– Что? – нахмурилась Ханна.

– Я не знал раньше, не думал, но она не просто предательница, она – мразь, достойная смерти.

– Мразь? Смерти? Ты уверен, что говоришь о нашей Мадлен? Она улыбчивая пожилая женщина с сотнями интересных историй.

– Тебе не понять боли, что она принесла. – Барон осекся, вдруг осознав, что и он сам не знает подобных чувств, но тут же головная боль дала о себе знать и отсекла все сомнения.

– Да-да... Твой ужин готов. Приятного аппетита. Мне и правда пора...

– Побежишь жаловаться кузену? – Барон закрыл тетрадь. – Расскажешь сказку о том, как папа сошел с ума и хочет убить бывших партнеров?

– Может, ты и сошел с ума, но я прежде всего хочу тебе помочь. Я хочу вернуть своего отца, а не эту черную тень перед собой.

– Да-да, – махнул старик рукой, – куда тебе понимать. Всю жизнь живешь во дворце, и жизни-то не видела настоящей. Думаешь, что все вокруг светлые и хорошие, желающие тебе только добра. Так вот, это не так.

– Это говорит не мой отец. – Ханна изо всех сил отгоняла подступившие к глазам слезы. – Я не знаю, кто ты, но я остановлю тебя! Нет, мы тебя остановим и вернем в семью!

– Хех, – крякнул барон, – слишком много кино в твоей жизни. Ступай домой, займись делом и не мешайся под ногами.

Больше Ханна не смогла выдавить из себя ни слова, потому что знала, что скажи она хоть что-то еще – заплачет. Она вышла из кухни опустив голову и спешно покинула дом.

Пайн-Ридж

Леон и Эвис продолжали сидеть на кухне. Гарсия с удовольствием отвечал на расспросы полицейского. Он всегда любил внимание к своей не очень скромной персоне.

– Ну вот все равно не могу я сложить картинку в единое целое, – покачал головой Купер. – Чего они хотят-то конкретно?

– Блин! Какой ты непонятливый! Даже Сенка поняла почти сразу. – Леон насмешливо развел руками. – Ладно, объясню на пальцах, – шумно вздохнул мексиканец. – Знаешь о скрижалях Джорджии?

– Плиты с посланием от 1980 года. По телевизору была как-то передача о них.

– Что там написано, помнишь?

– А должен? – спросил Леон, улыбнувшись.

– Темнота... Там их основные цели изложены. Правда, таким человеческим языком, гуманным. Как то: сократить численность населения до пятисот миллионов и жить в гармонии с природой. Любить, творить, и законы справедливые, и прочая ерунда для наивных.

– Может, в 1980-м это написавшему казалось реальным. Такими он видел шаги к идеальному миру. Мне кажется, там нацарапана очередная утопия... Эвис, как бы они ни старались, миллиарды они не убьют.

– Сразу нет, – пожал плечами Гарсия. – Но со временем очень даже. План-то «хороший». Все живут в согласии, говорят на одном языке, подчиняются одним законам, и правит ими один царь. Никто и не говорит, что это дело одного столетия. Правда, что-то сейчас они решили поторопиться. Видно, боятся пропустить шоу.

– И как они это делают? Подсыпают нам в чай ГМО?

– А им и не надо, ты сам все насыплешь, выпьешь и попросишь добавки. Пойми, Леон, американцы уже давно лишь подопытные кролики. Над всеми тут ставят жуткие эксперименты. Понижают планку образования и смотрят, как тупеют граждане. Добавляют в воду произведенную ими гадость и спаивают ее нам, а потом наблюдают, сколько уродов родилось или сдохло. Думаешь, они просто так скупают мелкие фирмы и компании, создают свои планетарные корпорации и заставляют остальных работать по их методикам? Цель – взять контроль над каждой сферой жизни человека.

– Хорошо, допустим, но зачем? Разве им сейчас плохо живется? Все же есть... и власть, и деньги.

– А тут уже не в этом дело, не в том, что есть все человеческие блага, а в том, что нет божественных благ. Помнишь программку с чипированием населения?

– Да, даже нам навязывали в департаменте.

– В-о-о-о-т, – протянул Эвис. – Микросхемка в теле со всеми данными – это для начала, потом планировали в нее загрузить и банковские счета владельца, и все то, что делает его гражданином. А вот если поведет себя неправильно, то отключить его к чертям.

– Сделать изгоем. Да, наши тоже так думали.

– Только вот удалить информацию – это лишь верхушка айсберга.

– В смысле?

– Они хотят в каждом человечке чип, чтобы чувствовать себя богами. Не нравится тебе человек, активный, наглый и опасен для общества – клик на красную кнопочку, и человек умер посреди улицы. Они не хотят быть как боги, они хотят быть богами, Леон. Но в отличие от Бога, – он посмотрел вверх, – они не могут править нами всеми. Только малое количество людей может найти применение в их утопии. Поэтому миллиарды нужно убить. Для кого-то войны и бомбы, кому-то ГМО и бесплодие, другим болезни и вирусы-мутанты. Пока у них неплохо получается.

– Не все же страны пользуются этой гадостью.

– Тут ты прав, некоторые страны просто не могут себе позволить эту гадость. В общем, чем беднее страна, тем здоровей ее урожаи. Однако им все равно что-то да подкинут. Никто не сможет отсидеться в подполье. Если в списке этих уродцев вас нет, то ничто не поможет.

– Ок, – Леон несколько раз провел рукой по волосам, – но как вы им решили помешать? Как собьете их с пути?

– Уже сбили, – сказал Эвис довольно.

– Как?

– Они все в одной лодке, но проблема в том, что есть Рокфеллеры и Ротшильды. И те и другие хотят быть главными. Ввиду разных обстоятельств они решили действовать сообща, однако дружба была хрупкой и крайне неустойчивой. Они оба как будто ждали удачного момента, чтобы перетянуть одеяло на себя. Правда, барон держался молодцом. Надо отдать ему должное, он строго шел к цели. До поры до времени, – тихо ответил Эвис. – Пока Сенка не появилась на его горизонте.

– Она ему что-то внушила?

– Если честно, ни я, ни Тогай не знаем, что она ему внушила, к чему подтолкнула. Да и непонятно пока, получилось ли. Пока Совет не сделает свой следующий ход, мы этого не узнаем.

– Ну-у, – протянула Сенка, вошедшая в кухню, – у барона развивается паранойя, и я спровоцировала ее развитие. – Она улыбнулась одними губами и села за стол. – Так что он точно не с ними.

– Все равно нужно ждать их хода. Надеюсь, он сделает все как нам надо.

– А как надо? – поинтересовался Купер.

– Надо, чтобы он остановил Совет, – подернул плечами Гарсия.

– Как?

– Проще всего – если убьет, – равнодушно ответила Обилич. – Но он эстет, мало ли что в голову взбредет. Кстати, где Тогай? Не звонил?

– Сообщение прислал, будет через час. Ты дозвонилась до него? Получилось обновить список?

– Думаю, да, – кивнула девушка. – Скоро узнаем.

– М-м, – ничего не понимал Леон, – а кого ты добавила в список, если не секрет?

– ...Предателей. Я выйду на улицу, проветрюсь.

– Угу, – ответил Эвис. – Только без приключений! А то мне Тогай голову оторвет!

Сенка накинула на плечи пуховик, влезла в чьи-то теплые сапоги и вышла на улицу, где густо валил снег. Во дворе уже стемнело. Три фонаря вокруг дома слабо светили, подобно маякам для путников. Осмотревшись по сторонам, она решила обойти дом и подойти к тому полю, что было видно из окна ее комнаты. Снег лежал здесь нетронутым и искрился серебром в слабом свете застывшей высоко луны. Девушка прошла вглубь поля метров на сто. Сугробы доходили ей до щиколотки. Улыбнувшись чему-то, она поймала себя на мысли, что ей бы очень хотелось поваляться в таком снегу – чистом, как в детстве. Глянув назад и убедившись, что рядом нет никого, кто мог бы испортить момент, она аккуратно улеглась на снег. Она лежала на земле и ловила снежинки ртом, высматривая в небе звезды. Сенка не услышала, как к ней подошел Купер и присел рядом.

– Снежных ангелов рисуешь? – тихо спросил он. – Не думаешь, что это плохая идея? – Он кивнул на ее рану.

– Не, не думаю, – не отрывая взгляда от неба, ответила Обилич. – Присоединяйся.

– Давненько я этого не делал, – улыбнулся Купер, ложась рядом. – Простудимся, заболеем и не увидим конца света...

– Оттуда посмотрим...

– Любишь звездное небо? – Леон сам не понял, откуда появился этот вопрос.

– Мой дед любил. От него передалось. – Она облизнула немного пересохшие от легкого мороза губы. – У нас в Сербии говорят: что звезды пишут на небе, то травы шепчут на земле. И если очень внимательно слушать землю, то услышишь тех, кто ушел.

– ...Знаешь, ты первый человек на моем пути, который по-настоящему не боится смерти, – чуть помолчав, тихо сказал Купер.

– Смерти не боятся только те, кто ждет ее как избавления.

– И как же нужно ожидать смерти?

– ...Так же, как воин перед битвой... или как ученик, который усердно готовится к уроку, ожидая, что учитель каждую минуту может вызвать его.

– Удивительный ты человек, Сенка, – выдохнул мужчина, ловя рукой падающие с неба крупные хлопья снега. – Производишь одно впечатление, а после знакомства ближе – совсем другое. Ты как... рудник, что ли.

Обилич хмыкнула.

– Люди вообще подобны рудникам. Как ты знаешь, в рудники приходится проникать глубоко, чтобы найти сокрытые в них сокровища. Чем ценнее сокровище, тем глубже оно сокрыто.

– Думаешь, Милош бы одобрил твое решение просто умереть?

– Нет, но он бы и не одобрил моих страданий здесь.

– Никогда не думал, что скажу это, но я завидую... ему. Даже после смерти его любят.

– Не волнуйся, Леон, и тебе найдется душа в пару. Один ты не останешься. Поверь мне.

– Сенка, – Леон поднялся с земли, – давай ты просто вернешься домой, и без приключений.

– Я не могу просто вернуться. Ты же знаешь, я должна исполнить желание Милоша. После этого все неважно. – Она встала на ноги и отряхнулась. – Все будет хорошо, Леон, все будет так, как должно. И никак иначе. Пойдем, кажется, Тогай вернулся. – Она кивнула на подъехавший к дому автомобиль.

Тогай вошел в дом, на его лице застыло выражение крайней обеспокоенности. Он удивился, когда увидел Сенку всю в снегу.

– М-м, нашла время для снежков, – нахмурился он. – Могла бы и поберечься.

– Мы закалялись, слышал о таком? – Она ему подмигнула, снимая пуховик и сапоги. – Что узнал?

– Да ничего хорошего, – покачал он головой, – Вука видели на окраинах наших земель. Ищет свою потерявшуюся сестру, но въезжать на территорию индейцев отчего-то не решается.

– Как оригинально, – хмыкнул Купер.

– Проблема в том, что за любую информацию он предлагает денег. Пока все те, кого он опросил, действительно ничего не видели и не слышали, но не ровен час, попадется кто-то посговорчивей. За всех сиу я спокоен, они не сдадут. Но тут есть и представители тех племен, кто не ищет свободы. В общем, лучше не оставаться здесь. Нужно ехать.

– Пока я не могу уехать, – покачал головой Эвис. – Подождем до утра. Если ничего не сделают – поедем.

– Ладно, – кивнул индеец. – Пока обдумаем маршрут.

Вашингтон

Частный самолет приземлился в небольшом аэропорту под Вашингтоном. Перелет был коротким. Двое мужчин помогли Рокфеллеру-старшему выбраться из салона. Он медленно, опираясь на трость, дошел до машины и забрался в начищенный до блеска черный «роллс-ройс». Спустя пару минут машина тронулась с места, беря курс на Белый дом. Настроение у него было отличное, приподнятое. В глубине души ему хотелось напевать старую песню «Что за прекрасный мир» в исполнении Луи Армстронга, но на уме были еще не осуществленные цели и задачи. На повестке дня, а верней сказать вечера, были глобальные перемены.

На территорию Белого дома он прибыл спустя час. Дороги были сильно завалены снегом. Погода была поистине волшебной. Рокфеллера встретили его сын и Генри. Вместе они направились в зал совещаний. Ночь обещала быть длинной.

– В этом доме кормят? Распорядитесь, чтобы накормили старика, – ухмылялся Рокфеллер-старший. – На голодный желудок я становлюсь кровожадным.

– Сейчас распоряжусь, отец, – кивнул Дэвид. – У нас все готово, нужно обсудить лишь некоторые детали.

– Нужно было встречаться у Эббитта, там хотя бы вкусно пахнет.

– Еще скажи – в храме, для пущей конспирации, – хмыкнул Киссинджер.

– Зато символично. Ладно! – махнул рукой старик. – Все там уже собрались?

– Да. Ждали только тебя.

– Что там слышно о младшеньком Ротшильде? – поинтересовался старик.

– Он связался со своим кузеном, и тот был крайне встревожен происходящим, – ответил Киссинджер, – Мои источники сообщают, что действовать они начнут как только продумают стратегию. Полагаю, это дело пары дней.

– Уже хорошо, – кивнул Рокфеллер, – а мы пока сделаем все, что хотим, тут.

В комнате были заняты все места. На столе перед каждым лежали несколько папок с различной документацией, схемами и пла-

нами. На экранах в беззвучном режиме транслировались новости изо всех штатов. Сводки об убитых и раненых шли на отдельном экране.

– И чего все такие мрачные? – улыбнулся Рокфеллер, устраиваясь в кресле поудобней. – Мы строим новый мир в режиме онлайн и не ждем завтра. А ты чего приуныл? – спросил он президента. – Или не рад тому, что посидишь еще на троне, а?

– Рад, – чуть замявшись, ответил Обама, – только вот задумался: а если бы на моем месте был кто-то другой? Было бы все так же?

– А какая мне разница, кто просиживает штаны в президентском кресле? – удивленно поднял брови вверх Рокфеллер. – Пойми, сынок, даже если бы выборы состоялись и на твое место села Хилари, ничего бы не изменилось. Разве что мне пришлось бы притащить с собой беруши. Хех! Не выношу ее смех, как ультразвук!

– Да, но...

– Что «но»? – нахмурился старик. – Думаешь, мы бы не смогли устроить военное положение и после выборов? Просто ты наш кандидат, и с тобой легче договориться, а Хилари пытается усидеть на двух стульях. И, как любую пожилую бабу, ее пришлось бы задабривать, а я ой как не люблю иметь с такими дело. Так, теперь, когда мы закончили этот шовинистский экскурс, приступим к делам насущным, – потер он руки. – Что там с моим ужином? – Он оглядел присутствующих. – Боже, с кем я работаю?.. Черт с вами, докладывайте, – раздраженно махнул он рукой, – что там у нас готово, а что нет.

– Подготовка к красному уровню завершена полностью, – поднял голову директор ФБР. – Станция готова. Учения проводятся согласно распоряжению, и завтра будет срежиссированное нами столкновение с недовольными. Полиция приведена в боевую готовность – ждут объявления президентом военного положения, ну или применения закона о мятеже, чтобы приступить к изъятию оружия. Огневые группы готовы и ждут часа икс, согласно плану. По нашим сведениям, гражданские будут организовываться в группы, уже выделились лидеры.

– Как мы и предполагали. Что ж, хорошо, – потерев подбородок, тихо проговорил Дэвид-старший. – После взрывов переходим к третьему пункту. Закрываем все и начинаем чистку. Журналистов пускайте везде, пусть снимают и показывают населению ужас-ужас. Да и я с удовольствием гляну.

– Согласен, – кивнул Киссинджер. – К четвертому пункту перейдем позже. Посмотрим, как справимся с зачисткой.

– Не думаю, что с этим возникнут проблемы, – поспешил вставить свое слово руководитель АНБ Роджерс.

– Вот и посмотрим.

Косовска-Митровица, Сербия

Горан въехал в город в районе двух часов ночи. Несмотря на столь поздний час, город не спал. В реке Ибар отражалось полыхающее по обоим берегам пламя. Многие дома были охвачены пожарами, раздавались выстрелы, автоматные очереди и даже слышались разрывы гранат. На албанской стороне шли самые ожесточенные столкновения. Сербских полицейских и военных в городе не было видно, оборону держали добровольцы и отряды самообороны, собранные неизвестно кем под один флаг. Надо отдать им должное – они отлично справлялись с поставленными задачами, теснили враждебно настроенных албанцев. На помощь разгневанным террористам и преступникам то и дело поступала помощь с территории Албании и, кроме того, помогали армейские силы бывшего независимого Косова.

Сам город погрузился в темноту и хаос, кто-то прятался и старался затаиться, другие пользовались моментом для обеспечения достойного существования и обворовывали все и вся. То и дело по разбитым дорогам проносились старенькие автомобили с развевающимися красными флагами с черным орлом, груженные ворованным добром. Проезжая по главной торговой улице, Горан поморщился и ругнулся на себя за то, что из всех дорог выбрал эту. Негодования прибавлял и пейзаж, открывшийся на въезде в северную часть, – два подбитых догорающих броневика и три обожженных трупа рядом. Разбитые наспех баррикады уже были изрисованы сербскими лозунгами и флагами. Медленно, но верно северная часть города отвоевывала себе все новые районы. Судя по сообщениям, непрерывно доносящимся из радиоприемника, самое горячее место сейчас было у моста, который американцы хотели назвать «Дружбой», но так и не смогли этого сделать – миром тут и не пахло. Впереди в слабом свете прожекторов на холме стоял памятник шахтерам, погибшим во времена Второй мировой войны. Присмотревшись, Горан только сейчас заметил, что у каменной вагонетки отломлен значительный кусок, да и поцарапана она была пулями крупного калибра изрядно. Сбавив скорость, он стал посматривать по сторонам, на дома. Его внимание привлек большой одноэтажный дом. На деревянной двери, выкрашенной в черный цвет, белой краской было написано «Гробари»[25]. Даже с улицы было слышно, что там собралось большое количество людей, шумно что-то обсуждавших. Горан заглушил мотор и взял с пассажирского сиденья свой ноутбук.

[25] Гробари – могильщики (серб.), в данном случае имеется в виду объединенная группировка фанатов команд белградского футбольного клуба «Партизан».

– Сигнал телефона шел откуда-то отсюда, – вслух сказал он. – Значит, и его обладатель где-то рядом... Хм-м, – Горан перепроверил указываемые программой координаты, – уже свалил отсюда. Проверим для начала этот клуб.

Мужчина выбрался из машины и не стал хлопать дверью. Как можно тише он зашел в дом. Аккуратно, по стеночке длинного коридора дошел до просторной комнаты-зала, где собралось много людей в форме цвета хаки. Их тут было около сотни. Они стояли в плотном кольце вокруг своего командира или кого-то во главе всего этого. Горану было не разглядеть лиц с такого расстояния. Да и освещение было тусклым. Голоса мужчин были настолько громкими, что разобрать имена тоже не представлялось возможным.

Горану даже показалось, что он попал в прошлое, когда большинство болельщиков «Партизана» вступили в ряды «Тигров Аркана[26]» и ушли на войну. Будто там, в круге, стоял сам Аркан и отдавал приказы о наступлении. Минут пять он стоял прислонившись к стене и слушал незнакомых ему людей, докладывающих своему начальнику о ситуации на улицах южного берега Ибар и об успехах на северном. Потом незваного гостя заметили те, кто стоял с самого края.

– Ты кто такой? – нахмурившись, спросил его молодой парень не самого доброжелательного вида. – Никогда тебя раньше не видел, чего ты здесь забыл? Не место для гражданских, – указал он на дверь.

– Я ищу Савву, – сказал Горан первое, что пришло на ум. – Мы договаривались встретиться тут, но, видимо, его нет.

– Савву? – Парень с подозрением осмотрел незнакомца с ног до головы. – Если и договаривались с ним, то явно не на сегодня. – Он коснулся плеча товарища и указал пальцем на Горана. – Знаешь его?

Тот мотнул головой.

– Савву ищет.

– Слушай, – подошел к нему очередной фанат, – проваливай-ка ты отсюда подобру-поздорову. Тут нет того, кого ты ищешь.

– ...Ясно, – хмыкнул Горан. – Я наберу ему, если вы не возражаете. – Он достал из куртки телефон и, быстро найдя нужный контакт, нажал вызов. К его удивлению, звук шел из коридора, и он становился все громче.

– Ба! Какие люди! – сказал Савва с натянутой полуулыбкой, входя в зал. – И чего ты тут разнюхиваешь?

– Да вот, тебя искал, – пожал плечами мужчина. – Звоню, звоню, а ты не отвечаешь.

[26] Сербская добровольческая гвардия начала 1990-х, существовавшая во время югославских войн.

– Так ты не мне звонишь, или мой номер подзабыл? Иди-ка сюда, тут тише, – кивнул он в сторону коридора.

– Смотрю, замашки у тебя остались старые, не можешь без этого адреналина. – Горан достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. – Скажи, ты телефон Милоша с собой таскаешь как память?

– Может быть, – ухмыльнулся Савва. – Так удобнее связываться с нужными людьми. Тебе-то что? И зачем приперся вообще?

– Да так, старого друга проведать, – развел руками Горан, с трудом сдерживая улыбку. – Да и думал, кто же тут добровольцами заправляет. Думал, вдруг Лазарь восстал из мертвых, но смотрю – ты тут и тип какой-то непонятный. Нашел себе нового хозяина, я смотрю. Правду говорят, что у него от ранений недавних все тело в шрамах?..

– Мы договаривались, что никаких контактов поддерживать не будем, если, конечно...

– Если что?

– Если только ты не решил покаяться.

– В чем?

– Что убить его хотел. Думаешь, я не знаю, что ты все подстроил?

– Я не просто хотел, друг мой, я еще и сделал это. – Он выпустил дым в лицо бывшего друга. – Признаюсь, приятно это осознавать. – Савва стиснул зубы, так что желваки забегали по скулам, и сжал кулаки. – А сегодня с утра пришла еще одна хорошая новость. Знаешь какая? – Он хмыкнул. – Конечно, не знаешь.

Савва бросил быстрый взгляд в комнату, в сторону сомкнувшихся рядов добровольцев. Павлович достал из внутреннего кармана телефон и открыл пришедшее ему утром письмо от Грегори Лида.

– Ты английским не владеешь же, ну так я тебе переведу. – Он сделал драматичную паузу. – Итак, бла-бла-бла, а вот это самое классное: «...ему удалось нейтрализовать Обилич...»

– Что? – переменился в лице Савва. – Что значит «нейтрализовать»?

– М-м, это значит убить. Мой друг сообщил мне, что ее убили выстрелом в сердце. Что мне особенно приятно, так то, что это сделал не кто иной, как Вук Бранкович. Помнишь такого?

– Вук? – Савва пытался собраться с мыслями, его сердце было готово выпрыгнуть из груди. Не верить довольно ухмыляющемуся Павловичу было нельзя.

– Да-а, помнишь того полицейского, что любил торговаться с албанцами, а потом и вовсе переквалифицировался в наемные убийцы? Кризис заставил, помнишь?

– Ты врешь.

– Не-а, – покачал головой Горан. – Видишь ли, я не собирался, но представился случай, и я решил им воспользоваться. Она там насолила кому-то, ее стали искать, я и купился. Не мог пройти мимо.

– Насолила кому-то? С чего бы ей было это делать? Она же вела себя правильно, тише воды ниже травы...

– Да, пока не узнала, что Милош мертв.

– Откуда она могла это узнать? Никто ей не сообщал такого... – Савва снова покосился в сторону круга людей, он никак не хотел верить словам предателя.

– Эх, глупый ты человек. Я ей сказал, конечно. – Павлович затушил сигарету о стену и бросил окурок под ноги.

– Она бы не поверила тебе на слово, – качал головой Савва. – Не поверила бы.

– Ну-у, она поверила его письму.

– Письму? Какому еще письму?

– Ты не знал? Он ведь письмо написал, заготовку, так сказать. На тот случай, если с ним что-то случится. Разумеется, наш Милош никому его не показывал и отправлять не собирался. Только вот незадача, я это письмецо нашел... Я думал, она просто спрыгнет с моста или еще что-то. Однако Бог меня любит и сделал мне отличный подарок ко дню рождения... убил эту девку выстрелом в сердце.

– Ты врешь.

– Боже упаси, зачем мне это? Я делюсь радостью с моим старым добрым другом...

– Господи... как ты мог?.. Что, что она тебе сделала?

Горан искренне радовался, видя какую боль причиняет Савве.

– За что?..

– Хм-м, это моя месть ему. Он ведь не думал, что мое унижение сойдет ему с рук.

– Унижение? Ты продал его албанцам, слил все, что можно. Нас там могли убить из-за тебя... Ты торговал наркотой за его спиной, их наркотой! Прикрывался его именем! Черт тебя дери! – Савва думал убить Горана прямо здесь и сейчас и сам не понимал, что его сдерживает. В такое время никто бы и не спохватился... – Лазарь отпустил тебя, простил даже!

– ...Я сделал Милошу одолжение, теперь на небесах ему не так одиноко, – чуть подумав, ответил Горан. – Правда, жаль, что они не дожили до этого дня. Увидели бы, что любимое ими Косово снова сербское... Не повезло, – развел он руками. – Что ж, я свое дело сделал. Теперь, может, и ты совершишь какое-нибудь безумство, бросишься на амбразуру... порадуй меня, удиви. Что ж... – Он развернулся и пошел к выходу. – Мы в расчете, – бросил он через плечо.

Савва смотрел ему вслед некоторое время, потом перевел взгляд на своих товарищей.

– Господи боже... Сенка... Ведь оставалось совсем чуть-чуть, – качал он головой, – и все было бы как прежде... Ты же мне как сестра была.

– Савва? С тобой все в порядке? – вышел в коридор один из ребят-добровольцев. – На тебе лица нет. Позвать кого-нибудь?

– Не надо, – мотнул он головой. – Вы там закончили с инструктажем?

Парень кивнул.

– А майор где?

– Да вон же он, – кивнул он на высокого мужчину, стоявшего к ним спиной и разговаривающего с одним из капитанов отряда.

– А... точно, – выдавил из себя улыбку Савва, пытаясь успокоить участившийся пульс.

– Что тут у нас? – подошел к ним тот, кого прозвали майором. – Савва?..

Тот поднял голову, и их глаза встретились.

Горан думал переночевать в городе. Настроение было настолько хорошим, что он чувствовал себя неуязвимым. Правда, здравый смысл продолжал настаивать на том, чтобы покинуть Митровицу. Однако трассы были по большей части перекрыты и дорога в Сербию забита машинами местных, убегающих от новой гражданской войны. Пока Павлович сидел в машине и думал, парочка неизвестно откуда появившихся молодчиков в масках бросила в его сторону три бутылки с зажигательной смесью и скрылась за дверью клуба фанатов. Горан выскочил из машины, успев забрать свою сумку и ноутбук. Он попытался как-то потушить огонь, но тот моментально с капота пробрался в салон.

– С-суки! – крикнул он им вслед. – Ну да! Все не могло быть настолько хорошо... должно же было и со мной что-то случиться. Как это низко, Савва... – он плюнул себе под ноги. – Ничего, и не из такого дерьма выбирался. – Убрал компьютер в сумку и, повесив ее на плечо, побрел подальше от бывшей машины.

Он плохо знал город, бывал тут лишь проездом или вовсе на окраинах ночью. Представления, куда идти, не было. Павлович предположил, что сможет отыскать машину на ходу где-то в городе. Правда, он давно ничего не угонял, но вспомнить прежние навыки всегда приятно. На улицах было темно, лишь редкие языки пламени, полыхающего в разных частях города, кое-как освещали дорогу. Погода резко испортилась, и ясная ночь сменилась силь-

ным проливным холодным дождем. Раскаты грома смешивались со звуком взрывающихся на том берегу гранат и выстрелов. Горану вдруг показалось, что за ним кто-то идет, он отчетливо слышал чьи-то шаги. Резко обернулся, но никого не заметил. На всякий случай он переложил пистолет в карман куртки. Чутье на опасность редко его обманывало.

«Неужели Савва решил поквитаться?.. – подумал он. – Что ж, если это и вправду он, то так тому и быть».

Ему снова послышались шаги. Павлович остановился и, достав пистолет, развернулся.

– Зачем же ты прячешься? Ну, выходи, помашешь кулаками, получишь пулю в лоб и к ним отправишься!

В ответ была тишина, только дождь продолжал хлестать по лицу.

– Да кто здесь? – крикнул он. – Савва, это ты?

Он сделал несколько шагов вперед и вдруг почувствовал, как холодная сталь пистолета коснулась его головы. Сзади кто-то стоял. Горан не успел никак среагировать.

– ...Нет, не Савва, – услышал он до дрожи знакомый голос, а потом для предателя наступила вечная темнота.

Павлович упал на разбитую взрывами гранат дорогу в лужу из грязи и мелких камней. Мужчина постоял над телом Горана пару секунд, потом перешагнул через него и молча пошел вверх по улице...

Англия

Барону Ротшильду снова не спалось. Отсмотрев все новости по несколько раз и прочитав доклады о событиях в США, он уже представлял себе приблизительный план действий нового главы Совета. Более того, он теперь прекрасно осознавал, что будет делать сам. Оставалось лишь убедиться кое в чем. Голова снова раскалывалась от боли, и даже горсть прописанных обезболивающих не помогала. Стоило барону задуматься о причинах своих желаний, как боль снова брала вверх. Будто внутри шло какое-то сражение с невероятно сильным врагом. В такие моменты Ротшильд предпочитал сдаться и выиграть время. Натаниэль взял телефон и набрал номер старого друга. Тот долго не отвечал, хотя на этот номер звонили лишь друзья и родные.

– Господи, ты и вправду, что ли, с ума сошел?! – возмутился спросонья Киссинджер. – На кой черт ты мне сейчас звонишь? Ты на часы смотрел?

– Скажи, Генри, ваш план уже перешел во вторую стадию?

– Что? План?.. Ах, это... В новостях увидишь все. Я ведь не могу с тобой теперь это обсуждать, – хмыкнул Киссинджер, садясь в кровати. – Или ты забыл?

– Это вы забыли, что план этот разрабатывал я.

– Совместно с Дэвидом. Хотя нет, со мной. Дэвид просто откорректировал его малость, но, думаю, у нас все получится.

– Без меня?

– Ты сам решил оставить нас, разве не так?

– Я думал, ты мне друг.

– Я и есть твой друг, но это наши мечты, и я, в отличие от тебя, от них не отказываюсь. Я верю, что этой утопии можно достичь совместными усилиями, а не в одиночку. Натаниэль, ночь на дворе, мне вставать скоро, давай, пока! – Генри повесил трубку и поспешил выключить телефон.

– Вот как ты заговорил... что ж, тогда не обессудь, – прошептал барон, вспомнив свой сон, где остался один. – Значит, так тому и быть. Не построите вы своего порядка. Будет мой порядок. – Он подошел к журнальному столику и взял старую тетрадь. – Что ж, тогда список действительно готов. Осталось лишь отправить его нужным людям.

Ротшильд решил сначала обратиться за помощью к Ричарду, но тут же передумал. Дело было слишком щепетильным и требовало максимальной осторожности. Он вернулся в кабинет и сел за стол. Открыв ноутбук, барон не без труда отыскал нужный старенький файл, что он создавал еще лет восемь назад, тренируясь в работе с компьютером. Электронный список требовал некоторых дополнений. Спустя два часа он был готов. Ротшильд отправил этот и еще один файл семидесяти трем адресатам из списка контактов в разделе «чистильщики». Дальше он взял телефон и отыскал нужный контакт.

Пайн-Ридж

Вук сидел на диване в гостиной комнате старенького мотеля на въезде в поселение индейцев и смотрел телевизор. Он не спал всю ночь, рыскал по близлежащим поселкам, пытаясь отыскать хоть какие-то зацепки. Прошлый день поисков прошел впустую, он чуть не обморозил ноги. Никто ничего не знал либо не хотел говорить ему. Тем не менее машину Купера Бранкович нашел, и судя по тому количеству крови, что он обнаружил на заднем сидении, Сенка давно должна была быть мертва. Однако сомнения оставались, да и видео, что перекинул ему Грегори, говорило само за себя.

– Никогда раньше не промахивался... – прошептал Вук, уставившись на стену. – Может, у нее просто нет сердца?.. – Он хмыкнул. – Да, черт ее побери, должна была сдохнуть, супергерл, мать ее!..

Зазвонил телефон, он раздраженно ответил:

– Слушаю!

– Думаю, стоит сменить тон, – услышал он голос начальника. – Не с друзьями говоришь.

– Здравствуйте, сэр! – уже сдержанней ответил Бранкович. – Чем могу быть полезен вам?

– Можешь кое-чем. Ты ведь еще не успел уехать из Америки. Ну так вот, ты должен разобраться с людьми из списка. Ричард отправил его на твою почту.

– Разобраться в какой мере? – посерьезнел Вук. Пахло отличной работой, так любимой им.

– В той самой, – тихо ответил Ротшильд. – Только есть определенные условия, которые нужно соблюсти.

– Да?

– В списке много имен. Я хочу, чтобы каждый день из него вычеркивалось не меньше пары имен. Будет больше – больше твое вознаграждение.

– Хорошо, – кивнул Вук, с трудом скрывая свое удивление. Таких больших заказов от босса он еще никогда не получал, да и таких странных. – Еще что-то?

– Да. Кое-что. Каждый должен быть нейтрализован так, как там написано, и никак иначе. Тут тебе потребуется помощь, и второй список как раз состоит из тех людей, к кому ты сможешь обратиться. Они оповещены и готовы к сотрудничеству.

Бранковичу чертовски не нравился тон Натаниэля, он не узнавал своего начальника, будто говорил с чужим человеком. Ротшильд сам всегда говорил, что убийство – последнее дело, всегда пытался договориться с любым врагом, купить его в крайнем случае.

– Возможно, уже начали кое-какую подготовку. Однако я хочу чтобы ты проконтролировал все. Тебе, как ни странно, я доверяю больше.

– ...Спасибо, – чуть замялся мужчина. – Понял вас, сэр. Сколько у меня времени на всю работу? – холодно спросил Вук, отмахнувшись от отвлекающих мыслей.

– В идеале даю тебе девять дней. Больше – меньше прибыль, меньше – достойная старость. И да, после расплаты мы друг друга не знаем.

– Когда приступать?

– Послезавтра.

– Будет исполнено.

Барон повесил трубку.

– Что это за игры?.. – вслух спросил Бранкович, глянув по сторонам. – Список? Сколько там имен?..

Он зашел в свою почту, и, действительно, было два письма лично от работодателя, даже не от Ричарда, который обычно занимался всей подобной работой.

– Он что, сам это печатал? Невероятно... первый раз с таким сталкиваюсь.

В приложениях было два файла. Вук открыл первый список.

– Какого?!.. – Он громко выругался. – Это шутка, что ли? – Он пробежался по списку глазами. – Да на подготовку хотя бы одного убийства уйдут недели... он точно спятил... еще подписал, как кого... Может, ему действительно нужен психиатр?

Он устало почесал голову и открыл второй список, уже со своими потенциальными помощниками.

– Один я в любом случае не справлюсь, тем более отсюда никак выбраться не смогу, пока не разгребут завалы. Хм-м, знакомые сплошь лица. – Он довольно улыбнулся. – Ну, с такой командой, может, и управимся за неделю.

Вук посмотрел в окно и снова вспомнил об Обилич.

– Но я должен разобраться и с этой тварью. Что ж, список большой, разберусь с ней, потом с ними. Пока и Морган порулить сможет... – раздумывал вслух Бранкович.

Не откладывая дел в дальний ящик, он вышел на связь с другими наемниками из списка Ротшильда, и по зашифрованной линии они обсудили кое-какие детали.

– Это сумасшествие, – сказал напоследок старый товарищ Вука по ремеслу Морган. – Но мне чертовски интересно! Сто процентов, я скуплю весь газетный кисок с новыми заголовками! Такого мы еще не делали!

– Это точно, – согласился Вук. Он расплатился за номер и покинул парковку мотеля. Выехал на дорогу и притормозил на въезде в Пайн-Ридж, у приветственного знака. – Ни мы, ни кто-либо до нас.

– Слышу в твоем голосе пессимизм.

– Никак не осмыслю объем работы...

– Лучше осмысляй объем дохода, – засмеялся Морган. – Ладно! Ждем тебя, как только – так сразу. Не упустишь же ты возможности кровавого банкета?!

– Разумеется. Вспомним старое-былое, – улыбнулся Вук. – Закончу одно дело и вернусь.

– Ок. Если что, ищи нас по укрытиям. Обмен информацией через них.

– Если что?

– Да, тут ходят слухи, что возможен мини-апокалипсис и выход из строя сетей. Мой брат хакер, у них там какая-то странная движуха. Спутниковый телефон наконец-то пригодится!

– Хорошо, до связи!

Он бросил телефон на пассажирское сиденье и въехал на территорию Пайн-Ридж.

Нью-Йорк

Утро выдалось ясным и морозным. Городские службы кое-как справились с большими снежными завалами в центре. Манхэттен практически был очищен от снега, и по тротуарам уже можно было пройти парой, а не цепочкой, хотя ледяная корка местами вынуждала пешеходов проявлять чудеса эквилибристики. Понедельник обещал стать обычным днем. В 8.33 станции подземки испытывали самую большую нагрузку – тысячи людей спешили на работу и по другим делам. Никто из пассажиров даже не обратил внимания на то, что привычных полицейских нигде не было видно, да и сотрудники метрополитена старались находиться поближе к выходам, будто что-то знали, о чем-то догадывались. Ровно в 8.34 произошел сильный взрыв в тоннеле на перегоне между Таймс-сквер и Сорок второй улицей, за ним последовал еще один, гораздо мощнее, на пересадочном пункте Гранд-централ и Юнион-сквер. Тысячи людей оказались в западне под землей, а бушевавший пожар не оставлял им шанса на спасение... Последнее, что они слышали, – это как механический голос повторяет одну и ту же фразу: «Новая Америка, новый порядок, “Анонимус” близок к цели».

глава XVIII

Вашингтон

Гости Белого дома неспешно и даже лениво подходили к завтраку. Настроения были разные, но мысли одинаковые. Даже несколько стен, отделявших столовую от пресс-комнаты, не спасали от шума и болтовни репортеров, ожидающих выступления президента. Людей медленно, но верно охватывала паника. Им казалось, что даже государство не может их защитить.

Рокфеллер-старший сидел один в комнате для совещаний, пил кофе и смотрел на кадры с мест терактов. Он ловил себя на том, что не испытывал никаких эмоций, глядя на погибших и раненых, будто это и не люди вовсе. Дэвид посмотрел на часы – без двадцати десять утра. Страну уже охватил ужас, спектакль, поставленный ими, имел успех. Старик криво усмехнулся своим же мыслям. В комнату зашел не менее довольный Киссинджер и сел напротив.

– Неплохо для начала, – сказал он, улыбнувшись.

– Могло быть и лучше, и раньше. Затянули малость. Сейчас придется спринтерски наверстывать. Главное, чтобы сам знаешь кто не вмешался и не начал вставлять палки в колеса.

– Думаю, им займутся его многочисленные родственники. – Он снял очки, достал из кармана платок и принялся протирать их.

– Надеюсь. Интересно, сколько людей еще верны ему? Не думал об этом?

– Тут вынужден тебя огорчить, но свои люди у него есть везде и всегда. Доверия не достоин никто.

– Надо, чтобы его побыстрей нейтрализовали, а то неспокойно мне что-то, – потер грудь Рокфеллер. – Странное предчувствие.

– Не у тебя одного. Видимо, это связано с тем, что пока все идет слишком хорошо. Мы же привыкли к трудностям...

– Может, и так, – согласился старик. – Но ухо нужно держать востро. Хотя... – он задумчиво потер подбородок, – есть одна идея.

– Судя по недоброму блеску в глазах, идея из темных, – ухмыльнулся Генри.

– Думаю: что, если просто убрать его из мира живых? Скинуть это на новую угрозу? Как думаешь?

– Считаю это лишним. – Киссинджер надел очки и потянулся за пультом от телевизора. – Де Ротшильд сам все сделает. Уж я-то знаю его и его методы. Меня больше беспокоят те, кому он уже отдал какие-либо приказы.

– Я об этом, кстати, переговорил уже с одним джентльменом. Никаких звонков он не делал, ни сам, ни кто-либо от его имени. Мои люди отследили звонки его помощника Ричарда. Так и там все тихо. Ему звонили по зашифрованным линиям, но говорили лишь звонившие... так что ничего подозрительного.

– Он не так прост, Дэвид, не недооценивай его, – покачал головой Генри, переключая каналы. – Ах, да, думаю, нам стоит пока разъехаться по домам, а то уж больно много лишних спекуляций появляется. Выходить из тени нам пока рано.

– Само собой, – согласился Рокфеллер. – Вот сейчас выступит президент, военное положение объявит, и, боже, как бы я хотел увидеть лица рядовых американцев, когда им скажут, что конституции больше нет, ее действие приостановлено по их же многочисленным просьбам. Слышишь, Генри, как они кричат?.. – Он приложил ладонь к уху. – Молят спасти их и помочь!

– Хех, тебе нужно было идти в актеры, Дэвид! Из тебя бы получались отличные злодеи.

– Зачем играть, когда можно им быть?..

Постепенно людей в комнате прибавлялось, и разговоров становилось все меньше. Рокфеллеры лишь наблюдали за тем, как исполняются их указания. Обама сидел в непривычном для себя месте, в углу комнаты, и в шестой раз перечитывал речь. Он все никак не мог осознать, что эта участь досталась ему. В какой-то момент Барак даже пожалел, что не согласился на условия Ротшильда просто уйти и жить припеваючи, читать лекции в университетах и не знать проблем. Он ругнулся на себя за ту минутную слабость, которой воспользовался Рокфеллер и надавил на него обещанием славы и власти на еще как минимум один президентский срок.

Пайн-Ридж

Пока Сенка наблюдала за тем, как Тогай и Леон укладывают все самое необходимое в старенький пикап, на котором не ездил разве что прадедушка индейца, Эвис был весь в делах. Он переговаривался со своими товарищами из «Цикад», ему то и дело приходили отчеты от других хакеров. Гарсия бубнил что-то невнятное себе под нос и чертыхался на испанском языке. Сестра Тогая – Талута – стояла на улице

вместе с Обилич. Талуте, что означало «алая», было двадцать семь, и она работала медсестрой в местной больнице. Все происходящее не вызывало у нее никакого удивления, будто она знала обо всем с самого начала. Сенка даже немного завидовала этому ее внутреннему спокойствию. Талута внимательно разглядывала гостью, будто собираясь с духом что-то ей рассказать.

– Знаешь, – тихо начала она, – я видела тебя однажды во сне. Вот ты точно так же стояла передо мной у нашего дома и курила.

Обилич повернулась к ней.

– В том сне было так много всего, но я помню только его начало и конец.

– И чем же кончился? Я хотя бы докурила? – улыбнулась девушка.

– Я видела тебя в поле, одну. У нас тут таких полей нет. – Талута откинула назад прядь волос. – Ты шла к какому-то камню, возвышающемуся над тем полем... никогда такого не видела, на нем еще было что-то написано. Это явно не в Америке и... не в Канаде. – Она опустила голову. – Ты как тень скользила по полю, и на твоем лице была улыбка, настоящая, не такая, как сейчас.

– Что ж, может, так оно и будет. – Обилич посмотрела на заснеженные равнины вдалеке. – Однажды.

– Вот гады!!! – громко крикнул Эвис, отчего Талута вздрогнула, а Тогай и Купер замерли у машины. Сенка нахмурилась, затушила сигарету и направилась в дом.

– Что? – спросила она, зайдя на кухню, где царил разор, или, как назвал это Гарсия, «хакерский хаос». – Что ты орешь?

– Начинается! – от перевозбуждения у мексиканца тряслись руки. – Эти твари подготовили такую мегаложь, что вообще волосы на голове шевелиться начинают!! И они сейчас это в эфир пустят! Скажу больше, они уже даже отыгрывают сценки в Техасе, заставляя верить.

– Верить во что? – спросил Купер, поравнявшись с Сенкой.

– Нет, вы только зацените! – не обращал внимания на вопросы Эвис. – Сделанных ими же «Анонимусов» они ассоциируют теперь с какими-то экстремистскими группировками правого толка, которые вышли из-под контроля движения «Чаепитие». Дева Мария, да кто ж в такое поверит?.. – он картинно хватался за голову и продолжал негодовать. – Через двадцать минут объявят, что они арестовали правительство штата Техас и требуют немедленного роспуска федерального правительства и отмены его вовсе...

– М-м, чем не повод объявить военное положение? – пожал плечами Леон. – Все как ты и говорил. Чему ты удивляешься?

– Я не удивляюсь, я возмущаюсь, – фыркнул хакер, возвращаясь за стол. – Думают, мы народ такой глупый. Как же они удивятся, когда

узнают, что мы действительно существуем... несогласные и готовые сражаться. – Он криво улыбнулся. – Думают, мы забыли о главном списке.

– Что еще за список? – полюбопытствовал Купер.

– Ты же полицейский, замначальника! – покачал головой хакер. – Ничего не слышал о главном списке?

Леон мотнул головой.

– М-м, «список ядра» его еще называют. Эх, темнота! Это список людей, проживающих в США и представляющих угрозу национальной безопасности, составленный еще в 1980 году. С тех пор наверняка имен там прибавилось. Все эти люди во времена закона о мятеже подлежат уничтожению, или, как они выражаются, перевоспитанию.

– Нас в этом списке еще нет? – улыбнулась Обилич.

– Есть, но не поименно, а как организация.

– Он ведь не с нами разговаривает? – спросила Талута, улыбнувшись.

– Навряд ли, – хмыкнул Леон. – Так, ладно, давай быстрее, Эвис! Через полчаса уезжаем.

– Да-да! Еще чуть-чуть, и готово. Тут торопиться нельзя.

– Пока ты не ушел в свой мир, Бранковича не видно поблизости? – поинтересовалась Сенка.

– Он не на территории Пайн-Ридж, остановился в каком-то доме на окраине, – на автомате ответил Гарсия. – Я слежу, не бойтесь, – махнул мексиканец рукой.

– Вот еще – бояться.

– Я предупредил всех, до кого успел добраться, – кивнул Тогай. – Его выпроводят, как только заметят на территории лакота.

Сенка кивнула, затем развернулась и пошла в комнату. Ее вещей тут было немного. Она быстро собрала их и положила в спортивную сумку.

– Все смотрим телевизор! – крикнул Эвис из кухни.

Тогай, его сестра и Купер пришли в комнату к Сенке, и Талута сделала телевизор погромче.

– Какой канал смотрим? – спросила девушка.

– Любой, он по всем вещает, – ответил хакер. – Но уже не для всех, – шепотом добавил он.

На экране началась трансляция из Белого дома. К кафедре на фоне американского флага вышел Обама. Вид у него был неважный. Даже невооруженным взглядом была заметна дрожь, бившая его тело, да и не было на его лице привычной американцам улыбки. Барак не шутил и не подмигивал в объективы камер. Встав перед журналистами, он положил перед собой заготовленную речь. Помолчав несколько секунд, окинув зал печальным взглядом, он начал говорить.

Обилич слушала его вполуха. Ей было неинтересно, да и все равно. Застегнув сумку, она понесла ее в машину. Купер проводил ее взглядом, но ничего не сказал. Девушка не спеша забралась в машину и, закрыв дверь, включила радио. Тут также передавали обращение президента, но работающих станций набралось всего штуки четыре. На всех остальных волнах был лишь шум. Закрыв глаза, она слушала лишь слабое потрескивание, а мыслями была где-то далеко. Потом она вернулась на одну из работающих станций. Там все еще шло обращение Обамы к нации.

– ...Только что мне стало известно, что в других штатах появились подобные группы, поддерживающие «Техасское чаепитие»... На данный момент экстремистские группы захватывают наши города с непонятной нам целью. Губернатор Техаса не может разобраться с этим своими силами. Он обратился за помощью в Белый дом. Он просит о федеративной интервенции. Мы не можем позволить каким-то группам разрушить нашу единую Америку... – Обама делал много драматичных пауз и снова давил из себя слезу. – Я вынужден применить закон о мятеже. В отличие от террористов, мы чтим наши законы, демократию. Сегодня же Пентагон начнет работу по нейтрализации этих групп на территории США. На время действия закона в стране будет установлено военное положение. Мы прекращаем авиасообщение до особого распоряжения. Границы берутся под строгий контроль...

Барак не успел договорить, верней, его услышали только присутствующие журналисты. Штаты вдруг погрузились в тишину. Не работала ни одна из главных телекоммуникационных сетей. Страна снова ушла в эпоху без телевидения. Частично было нарушено вещание многих радиостанций. Лишь маленькие частные станции в отдельных городах разных штатов продолжали работу. Однако информационно они были отрезаны от любых новостей. Интернет замер, а вместе с ним и мобильные телефоны.

Даже сидя в машине, Сенка слышала, как ликовал в доме Эвис.

Прошло еще минут десять, прежде чем все сели в машину и Тогай завел мотор.

– Мобильники они смогут включить часов через пять. Спутниковые раньше, но не на полную мощность точно, – доложил Гарсия, усаживаясь на заднем сидении поудобней. – Тут мы и так максимум выжимаем, а вот доступ в интернет отключили дня на два. Слава богу, свои люди есть везде.

– Надеюсь, они придумали, как обезопасить себя в случае чего? – спросил Купер. – Им придется несладко, если их поймают.

– Они знали, во что впутывались, – пожал плечами Эвис. – С самого начала знали. Если не подготовились, то мы ничем им помочь не сможем.

– И что дальше? – спросила Обилич, укрываясь еще одной курткой: в машине было прохладно.

– Дальше дорожки расходятся. За бароном остается верхушка, а за народом низы.

– Народом?

– Да. Ты ведь не думала, что индейцы тут просто так собрались? – подмигнул ей Тогай.

– Что-то я эту часть плана прослушала, видимо.

– Просто она тебя никогда не интересовала. – Индеец поправил зеркала заднего вида.

Талута вышла на порог, рядом с ней сидел ее пес. На ее лице застыла полуулыбка, но глаза оставались грустными, будто она снова видела, как сбывается ее сон. Пикап медленно тронулся с места и поехал по дороге, ведущей из поселка Вундед-Ни.

– Ну, я вся внимание, – нахмурилась девушка. – Что там с индейцами?

– Сенка, ты ведь сейчас не в США, – загадочно заулыбался Тогай. – Ты на территории Республики Лакота. Помнишь?

– Не помню, но в доме полно фотографий и флагов, так что я догадалась.

– Кстати, – Эвис снова жевал чипсы, которые отыскал на дне своей сумки, – в правительственных документах резервация Пайн-Ридж до сих пор числится как «концлагерь для военнопленных № 344»... Такие дела.

– В общем, на протяжении последнего года мы готовили группы в разных штатах, которые в час икс должны встать на защиту гражданского населения, а затем и взять контроль над нашими исконными землями. В условиях хаоса это не так сложно сделать.

– В каких штатах, если не секрет? – спросил Леон.

– Везде, где остались свободолюбивые племена. Таких немного, но достаточно, чтобы противостоять угрозе.

– Прости, а «взять власть» – это как? – не без скепсиса продолжал расспрашивать Купер.

– Я бы удивился, если бы ты не поставил вопрос именно так, – улыбнулся Тогай. – Не волнуйся, возьмем лишь то, что наше по праву. И я говорю о договоре с белыми от 1851 года, единственном, который подписали вожди многих племен. Где каждый получает что желает и никто не претендует на наши Черные холмы.

– Допустим, а как вы собираетесь взять-то? Там ведь живут уже.

– Переедут, – подернул плечами индеец. – Поверь мне, Леон, эти люди прекрасно знают, на чьей земле живут, и в глубине души понимают, что придется уходить, когда постучат в дверь. Правительство на местах побежит первым от любых трудностей, бросая людей на произвол судьбы. Эвис свидетель, мы провели большое исследование-анализ всех руководителей и ни одного серьезного и достойного не обнаружили. Все поголовно – трусы.

– Угу, даже в бунтарском Техасе, – кивнул Гарсия.

– Навести порядок, мобилизовать народ и вытурить федералов...

– Вы же не думаете, что белые примут вас в качестве лидеров? – спросил Леон, посмотрев на Сенку в поисках поддержки.

– Ну-у, – похлопал его по плечу Эвис, – они же согласились на президента-негра... Да и благодаря этому негру белых на территории США стало куда меньше. Его миграционная политика, знаешь ли.

– А мы не будем их спрашивать, Леон, – ответил Тогай. – Мы и так слишком много времени потратили на разговоры с чужаками, нужно было просто убить их, снять скальпы и жить дальше.

– У меня складывается впечатление, что плана у вас как такового нет, – выдохнул Купер.

– Ошибаешься. Наши люди уже давно среди них. В каждом штате есть группа активистов, способных дать отпор. Вот в каждой такой группе есть лидер, а у него помощник. А кто из них индеец, догадайся.

– Смогли внедриться? Похвально, – кивнул полицейский. – И много вас таких?

– Мало, – нахмурился Тогай. – Мы смогли сплотиться. Все индейцы Америки закопали томагавк войны, чтобы вернуть себе все украденное. К сожалению, многих потеряли за время простоя. Правительство США делало все, чтобы уничтожить нас, не применяя оружия. Да что тут говорить... Ты и так это знаешь.

– Слушай, а чего вы так долго ждали? Что мешало вам поднять восстание раньше?

– Чтобы нас перебили всех окончательно? – хмыкнул Тогай. – Мы вынуждены были ждать подходящего момента. Ведь у каждого племени есть предание о том, что наступит тот день, когда Вакантанке сжалится над нами и за горячие молитвы даст нам шанс все исправить. Мы ждали ее. – Индеец кивнул на молчавшую Сенку, смотрящую в окно.

– ...Понятно, – чуть помолчав, ответил Леон. – Признаться, с трудом представляю, как вы это сделаете, – покачал он головой. – Среди белых хватает лидеров, способных возглавить большие группы.

– Тут зависит от того, кто первый возьмет инициативу в свои руки, – тихо проговорила Обилич, не отрывая взгляда от вида за окном. – А в хаосе и неразберихе испуганный народ пойдет за тем, кто

сможет обеспечить ему безопасность и дать надежду. – Девушка шумно выдохнула. – Тогай, а какова твоя роль?

– Я должен был найти Эвиса, потом тебя. Так говорил мой прадед.

– А потом? – Она посмотрела на него. – Ведь было в том предсказании и еще что-то.

– Было, – согласился мужчина. – Только я в ту его часть не верю, потому что это невозможно.

Обилич села поудобней, так, чтобы видеть всех.

– Да не смотрите вы на меня так! – смутился Тогай. – Он сказал, что видит меня верховным вождем лакота... но это, черт побери, невозможно!

– Почему? – полюбопытствовал Купер.

– Хотя бы потому, что это место вакантно с 1854 года, когда ретивые солдаты из пушки убили Побеждающего Медведя просто так. Больше племена не собирались и не выбирали «бумажных вождей».

– Ну, то был «бумажный», а ты станешь настоящим, – подмигнула ему Сенка. – Когда все закончится, кто-то же должен будет устроить мир на этой земле. С бледнолицыми придется как-то сосуществовать, и кто, как не ты, сможет этого добиться?

– Спасибо, конечно, но я не единственный образованный индеец.

– Так-то оно так, но только тебе предсказали стать главным. И пока твой прадед ни в чем не ошибся, – развела Обилич руками.

– Я даже не могу представить ситуации, в которой такое может произойти, – фыркнул Тогай, давая понять, что хотел бы закрыть тему.

– Скажи мне, Тогай, – внимательно рассматривая его, спросила девушка, – Стремительного Сокола уважали другие племена? Прислушивались ли к нему?

– Конечно! Он был великим человеком!

– М-м, – кивнула Сенка, – он ведь делился своим видением мира с другими?

– ...Да. К чему ты клонишь?

– К тому, что ты не единственный, кто знает о его пророчестве. Есть еще и другие. Это тебе он лишь перед смертью открыл тайну, а остальным мог сказать гораздо раньше. И если к нему прислушивались, то и здесь все... очевидно. – Обилич улыбнулась губами. – Ведь не зря тебя назначили главным по связям с другими племенами. Мне Талута рассказала кое-что. Например, как ты ездил по резервациям последние два года и вел переговоры о перемирии. Ты же умудрился найти подход ко многим. Где-то тебя встретили враждебно, но ты справился... Почему ты так принижаешь свои заслуги? Чего ты боишься?

– ...Я не готов быть большим вождем. Да и мелочи эти переговоры... толку от них.

– Не каждому лидеру нужно быть впереди на коне и с мечом, некоторым достаточно прийти на поле боя.

– Я еще даже не иду.

– Ошибаешься. Ты в пути, и они об этом знают... Этого достаточно.

– ...Спасибо, – чуть помолчав, ответил Тогай. – Через полчаса доберемся до Северной Дакоты. Будем надеяться, что там дороги получше и в Канаде будем завтра, – сменил тему индеец.

– А мы сможем пройти пограничный контроль? Они же вроде закрыли границы?

– Там такие потоки машин сейчас, Сенка, что пройдут все с американским паспортом, – улыбнулся Эвис. – Эх, был бы интернет, увидели бы такую панику в социальных сетях.

– В других странах, думаю, паникуют за американцев, – хмыкнул Купер. – Кстати, а почему именно Виннипег?

– Там наша штаб-квартира, – не без гордости заявил Эвис. – По сути, едем к «Цикадам». Посмотрим, что да как, и, если мне не изменяет память, Тогай хотел там встретиться с представителем какого-то племени...

Индеец молча кивнул.

– ...В общем, часов через десять будем в относительной безопасности. Еще бы знать, где этот Вук сейчас...

– Неважно, у нас есть время оторваться от него.

– Бегать от него до бесконечности не получится, – зевнула Обилич. – Все равно придется убивать его. Он меня в покое не оставит.

– И ты так спокойно об этом говоришь в присутствии полицейского? – засмеялся Гарсия.

– Леон, спиши это на самозащиту, ладно? – Она подмигнула Куперу.

– Я ничего не видел и ничего не слышал.

Все дружно засмеялись.

Еще какое-то время они ехали молча, смотря по сторонам на заснеженные равнины и холмы. Внезапно с левой стороны вдалеке появился заповедник «Черные холмы».

– Тогай, – обратился к нему Леон, – а почему вы зовете их священными, или сердцем всего? – указал он пальцем на заповедник.

– М-м, ты когда-нибудь видел снимки этих холмов из космоса?

Купер мотнул головой.

– Из космоса они похожи на сердце... а если смотреть долго, то начинает казаться, что оно бьется. В древние времена летом туда приходили племена на большой совет. До них так поступали животные, также приходившие в это священное место. Там находится священная пещера, откуда вышли первые люди и бизоны. Говорят, оттуда можно

говорить со Вселенной, там приходят образы будущего и красной дороги.

– Красной дороги?

– В нашей жизни есть много дорог, но лишь две из них основные – Красная дорога и Черная дорога. Первая – это добро, вторая – это зло. – Все видели, насколько Тогай любит предания своего народа, казалось, эти истории он может рассказывать бесконечно. Да и голос его менялся, приобретал некую таинственность. – Там индейцы проводили церемонии и ритуалы.

– А сейчас?

– Сейчас мы не имеем такого права. Должны получать официальные разрешения у федералов и в бюро по делам индейцев.

– Не знал, – покачал головой Купер, – что настолько все запущено.

– Бывай ты чаще в резервациях, и не такое бы услышал о порядках федеральных властей, – хмыкнул Тогай. – Они все делают для того, чтобы у нас ничего не было. А чтоб не опомнились, подвозят самогон и наркотики. Тут уж не до преданий.

– Не все же поддаются.

– Слава богу. Сейчас и дети другие рождаются. Они смотрят в прошлое с большим уважением и трепетом, нежели их родители. Среди пятого поколения куда больше достойных, чем сейчас. Только вот сохранить их, вырастить куда сложней, но мы стараемся обезопасить их.

– Думаю, теперь станет легче.

– Главное испытание для них еще впереди. Ведь черная дорога широка и легка, а на красной нужно сражаться.

– Ты это сейчас точно как вождь сказал! – сказал Эвис. – Ну правда! Я не шучу!

– Отстань! – отмахнулся от него Тогай.

Они не успели проехать еще несколько сот метров, как заметили припаркованный на обочине джип. Трое парней суетились у машины. Завидев людей, двое из них выскочили на дорогу, размахивая руками, прося остановиться. Третий продолжал возиться с прохудившимся колесом. Индеец посмотрел на своих спутников:

– Остановимся?

– Судя по твоему виду, – хмыкнула Сенка, – да.

Тогай улыбнулся и притормозил.

– Вам чем-то помочь? – спросил он, высунувшись из окна.

– Ребята! Ох, спасибо, что остановились! Мы тут уже битых два часа ждем хоть кого-то! У нас колесо прохудилось, – белобрысый парень лет двадцати указал рукой на свою машину, – а запаски нет, не поделитесь, а? – Он с молящими глазами осматривал всех присутствующих.

– Не проблема, – кивнул Тогай, вылезая из машины, – у меня их две, так что поделюсь. Куда путь держите-то? Что-то вы далеко забрались, – сказал он, кивнув на канадские номера.

– Да, понимаешь, семья моя неподалеку живет. Мама, папа, брат с сестрой в Пайн-Ридж. Я сам живу сейчас в Виннипеге, вот ехали навестить, а тут такое! В общем, теперь едем спасать, – почесал он затылок. – Огромное вам спасибо! – Он взял запаску из рук индейца.

– Понятно, – натянуто улыбнулся Тогай. – А где в Пайн-Ридж-то?

– В Вундед-Ни.

– Правда, что ли? – удивился индеец. – Хотя белых там мало, но тебя что-то не помню.

– Да я вырос в Канаде, мои туда перебрались не так давно. По работе, – отмахнулся парень.

– Дорога до Канады-то нормальная, чистая?

– Угу. Правда, полиции много на границе. Не удивлюсь, если скоро пробки будут.

– Спасибо за совет! Вы тут справитесь? Помощь не нужна?

– Не-а, сами-сами! Помедленней езжайте, а то, как и мы, без колеса останетесь!

– Удачи вам!

Попрощавшись с непутевыми путешественниками, они поехали дальше.

– Тогай, ты прям-таки мать Тереза, – улыбнулась девушка. – Всем помогаешь.

– На их месте могли быть мы.

– Не могли, – хмыкнул Купер. – У тебя с собой аж две запаски. Было...

Приштина

Несмотря на требования сербских властей покинуть правительственные здания и сложить с себя все полномочия добровольно, Тачи продолжал держать оборону и отдавать приказы еще подчинявшейся ему армии Косова. Не без помощи Тираны ему удалось хорошо обосноваться в некоторых городах и селениях, где-то удерживая заложников, где-то подавляя огневую мощь противника. Он все ждал, когда же ему позвонят из США, но телефон молчал, а потом стали приходить странные сообщения об отключенной связи Америки с внешним миром. Вдруг целая страна будто исчезла. Союзников вокруг Хашима оставалось с каждым часом все меньше. Сербы действовали хитро – предлагали вполне гуманные условия сдачи. Однако для Тачи путь

на скамью подсудимых был заказан. Его просто расстреляют по закону военного времени. От обилия мыслей раскалывалась голова, и нервы были на пределе, президент срывался на крик по малейшему пустяку, на каждый отчет с передовой он вспыхивал и матерился так, что слышно было на улице. Нервозность и паршивое настроение Тачи никак не передавались Демолли. Тот вел себя как ни в чем не бывало и просто командовал своими людьми, выполняя приказ, довольствовался рапортами об успехах. Когда Хашим влетел вихрем в его кабинет, он лишь на мгновение поднял глаза, затем вернулся к изучению карт. В кабинете были еще три советника и один генерал. Вид у последнего был потрепанный, будто только-только с поля боя.

– Доложите о ситуации! – приказал президент, глянув зверем на всех присутствующих. Стоит отметить, что в таком состоянии никто никогда не видел Тачи. Даже в трудные времена ОАК он умудрялся сдерживать внутреннего зверя. – По всем точкам!

– Да успокойся ты! – рявкнул на него Хаки. – Делаем что можем! У нас и так недостача ресурсов. Слишком много уходило на сторону и на поддержание сам знаешь чьего бизнеса, – хмурился Демолли, водя пальцем по карте. – Основные сербские силы на подходе к Приштине, идут по трем флангам, мелкие бои в пригородах с нашими подразделениями пока еще сдерживают их. Да и то потому, что сербы не хотят применять сверхсилы... Боятся попасть по своим.

– Они нас что, жалеют? – фыркнул президент.

– Не хотят, чтобы европейское сообщество на них косо смотрело, – пожал плечами один из советников. – Всю грязную работу скинули на отряды сопротивления, действующие на территории Косова еще с давних времен. Кое-где помогли вооружением, чуть-чуть финансами. Потом отряды смогли перегруппироваться и организоваться.

– ...Просто у стада появился лидер, – устало сказал Тачи, садясь в кресло у книжных шкафов. – Мы же устранили их всех, кто вылез? Откуда?.. Кого я проглядел? – Он закрыл лицо руками, размышляя.

– Какое это имеет сейчас значение? По воле Аллаха сейчас мы вынуждены действовать в таких условиях. И наша задача – не посрамить наших предков.

– Ладно. Еще какая информация?

– Сербские спецслужбы и армейские подразделения проводят полномасштабную зачистку албанских районов по окраинам Косова, – начал докладывать генерал, явно чувствуя себя не в своей тарелке в присутствии столь именитых людей. – Освобождают все бывшие сербские села. Местное албанское население само стремительно покидает дома. Люди бегут в страхе за свою жизнь, бросая практически все свое имущество.

– Куда бегут?

– В Албанию, Македонию, господин президент. В связи с кризисом беженцев в Европу хода нет. Если только нелегально, – снова вставил слово советник.

– И чего же они так боятся?

– ...Суда. Там у каждого дел накопилось не на одно судебное разбирательство. Боятся, что сербы будут их судить.

– Ясно, дальше.

– ...Сейчас идут активные боевые действия в ряде населенных пунктов с применением артиллерии. У нас есть данные об артиллерийском огне по городу...

– У этих отрядов есть артиллерия? – поднял брови от удивления Тачи. – Да вы шутите? Кто им ее продал?

– Тот же, кто и нам, – фыркнул Хаки. – Что-то они просто украли, или захватили, или взяли старое и починили.

– Основные удары наносятся по албанским районом Косовской-Митровицы. Там самые ожесточенные бои. В городе сконцентрировано много наших сил, да и сил сербского сопротивления там предостаточно. С северной стороны они нас оттеснили. Ибарский мост мы заминировали, как только ступят на него – взорвем к чертям. Однако они взяли другие мосты под контроль. У нас доступ к этим объектам утерян. Приходят сообщения, что в центре города сербы используют бронемашины и гранатометы.

– То есть настоящая война... жаль, я тут, – цокнул президент.

– Ну так и вали на передовую, Хашим! Что ж ты тут штаны просиживаешь? Или только на словах храбрец? – ухмыльнулся Демолли.

– Сейчас сербские отряды расквартированы в высотных зданиях в центре, взяли под контроль территорию фабрики Трепча. Занимают дома местных и используют их как огневые позиции.

– А что там наши доблестные албанцы? Гражданские все бежали?

– Нет, – мотнул головой генерал. – Силы албанского сопротивления встретили противника в жилой застройке. В результате боев есть много погибших с обеих сторон. В Обиличе также идут боестолкновения. Молодежь наша возводит баррикады, не позволяя сербам продвинуться глубже. На дорогах по всему краю большое количество пробок.

– У нас тут как дела?

– Со вчерашнего дня закрыты все магазины. За ночь были сожжены десятки автомобилей и разной техники. Слышны редкие перестрелки и взрывы. Над городом кружат сербские вертолеты. Замечены самолеты-разведчики. Пока это все, – поправил воротничок гене-

рал, в комнате было жарко. Необъяснимая дрожь била его изнутри. Причина для этого была одна – он знал, что все это бесполезно и силы неравны. Понять, чего добивался Тачи, он был не в силах.

Хашим встал с места и медленным шагом подошел к зашторенным окнам. Открыв маленькую щелку, глянул на город. Над некоторыми улицами поднимались столбы густого черного дыма от горящих покрышек и машин. Небо было затянуто серыми облаками, и дождь все никак не начинался.

Где-то вдалеке прогремел очередной взрыв.

– Прошу всех выйти из кабинета, – тихо приказал он. – Мне и министру нужно переговорить с глазу на глаз.

Все четверо послушно вышли за дверь. К их удивлению, в приемной находились двое вооруженных мужчин весьма внушительного вида. На их лицах нельзя было прочесть ни единой эмоции. Один из них, тот, что сидел ближе к кабинету министра, играл на телефоне в гонки. Второй скучающе смотрел по сторонам. Завидев людей, он также безэмоционально и даже лениво принялся разглядывать их. На одно короткое мгновение он встретился взглядом с генералом, но тут же отвел глаза.

– Это личные телохранители Хашима, – сказал генералу шепотом один из советников. – Они свои.

– А пахнут как чужие, – нахмурился генерал и спешно покинул этаж, подозревая, что в нем тут все равно больше не нуждаются. В ожидании лифта он снова бросил недоверчивый взгляд в сторону незнакомых мужчин. Было в них что-то странное, хищное, но давать ход этим своим мыслям генерал не стал.

Хаки потянулся, сидя в кресле, и косо посмотрел на президента.

– И о чем ты хотел поговорить?

– Что ты планируешь делать, если план провалится?

– А он уже провалился. У нас слишком много трусов и предателей. Как только почуяли беду, сразу побежали прочь. Даже из ОАК остались единицы.

– И что думаешь делать?

– Бежать, конечно. У меня есть пути отступления, но я все равно еще повоюю. Жить им спокойно не дам. Хочу, чтобы наплакались сербы тут, чтобы сами попросили это Косово у них забрать. – Хашим хмыкнул.

– Этого никогда не будет. Будто ты не знаешь.

– Значит, и резать их будем, покуда живы, – стукнул кулаком по столу министр. – Как скот. Сам-то что планируешь? Домой в Швейцарию небось?

– Думаю, да. Новое имя и паспорт у меня уже есть. Средств на безбедное существование мне хватит...

– Неужели прикроешь лавочку с наркотой и органами?

– Навряд ли, – мотнул головой Тачи. – Потоки перенаправить можно. Дождусь, когда на Востоке все уляжется и Турция снова сможет обеспечивать бесперебойные поставки. Что до органов... людей меньше не станет. Как похищали, так и будем похищать и убивать. Не такая большая проблема. Цены разве что поднимем.

– И то верно. Только вот никаких контактов я с тобой поддерживать не собираюсь. Уверен, сербы лютовать будут первое время. Обида у них копилась немалая. Не хочу, знаешь ли, пятнать и без того грязноватую репутацию.

– Хех. Как на тебя похоже, – ухмыльнулся Хашим. – Что ж, тогда начинай последнюю часть операции. Взорви все, что можно взорвать, пусть кукуют на развалинах. Особенно храмы их... пусть поплачут.

– Все, что успели заминировать, – взорвем и так. Гражданские помогут и тут.

– Отлично, – прищурился президент, всматриваясь в полыхающий внизу на улице автомобиль. – И мосты, и инфраструктуру не забудь.

– Тут сложнее, кое-что уже не под нашим контролем, но сделаю что смогу, – кивнул Хаки. – И еще кое-что – думаю, тебе стоит продумать пути своего отступления.

Тачи через плечо посмотрел на министра.

– У меня все готово. Жду подходящего момента. О! Смотри-ка, похоже, твои подъехали. – Он кивнул на въехавшую на стоянку машину министра. – Машину сменил уже, хех.

– Ну, он уже настал, – проигнорировал насмешку президента Хаки. – Да и потом, кроме меня, у тебя не осталось подчиненных. Все разбежались. Как и предсказал Иса – давно на полпути в Европу.

– Мы не бежим, Хаки, мы отступаем для перегруппировки. Потом мы нанесем новый удар – сильней и болезненней.

– Не в этой жизни, видимо, – пожал плечами Демолли, вставая из-за стола. – Встреча окончена?

Президент кивнул.

– Время последнего приказа, значит. – Он цокнул языком. – Не думал, что все закончится так быстро и так нелепо. – Министр мотнул головой. – Столько трусов и подлецов собрали вокруг... Жаль, ты распустил костяк ОАК.

– Какой толк в этих мародерах и маньяках?.. Они лишь все портили своими кровавыми разборками, их никогда не волновал бизнес и завтрашний день. Они просто хотели убивать.

– Да-да, я и забыл, что ты у нас прежде всего бизнесмен, – хмыкнул Хаки, медленно идя к выходу. – Прости, – он остановился у двери и, развернувшись, бросил полный презрения взгляд на Тачи, – а в какой момент ты стал бизнесменом? После того как убили семьдесят третьего человека, полоснув ножом по горлу на глазах его семьи, или, может, когда жонглировал на камеру головами тех двух сербских младенцев? Просто интересно, для себя.

– А я всегда им был, даже в те времена, – нахмурился Хашим. – Просто вы этого не замечали или не хотели замечать. Я всегда делал только то, что было выгодно мне и только мне, – проговорил он, но Демолли уже покинул кабинет. – Даже сейчас, Хаки. Избавляюсь от балласта, способного потянуть меня на дно. – Тачи смотрел вниз.

Президент видел, как министр, выйдя из здания правительства, направился к своему новому автомобилю, на ходу разговаривая по телефону. Хаки сел в машину и захлопнул дверь. Он еще успел отдать последний приказ своим войскам, а когда повесил трубку и посмотрел вперед, то понял, что в машине больше никого нет. Хаки глянул в окно, незнакомый человек стоял поодаль с каким-то пультом. Сначала он заблокировал двери, Демолли дергал ручку, но та не поддавалась. Мужчина попытался выбить стекло, но попытки не увенчались успехом. Он перебрался на водительское сиденье. Через лобовое стекло посмотрел вверх, на окна своего кабинета.

– Тварь! – несколько раз прокричал он. – Думаешь, ты сможешь уйти живым?! Тебе не жить, Тачи! Не жить!

А потом незнакомец, зайдя за стену, нажал на своем пульте кнопку детонатора, и новый автомобиль Хаки буквально взлетел в воздух. От мощнейшего взрыва машину подбросило и разорвало изнутри, никому не оставляя шансов выжить. Обломки автомобиля, мелкие и крупные детали катились по асфальту, горя едким оранжевым пламенем.

– Это чтобы неповадно было строчить на меня докладные направо и налево, – улыбнулся Тачи, задергивая штору.

Постоял в тишине кабинета некоторое время, рассматривая фотографии на стенах, и направился к выходу. Как только он закрыл за собой дверь, двое телохранителей подошли к нему.

– Что ж, как мы и договаривались, доставите меня в пункт «Б» – получите свою последнюю зарплату, и расходимся.

– Мы помним, – кивнул тот, что все время ожидания играл в гонки. – Ваш самолет уже готов и ждет вас.

– Тогда поехали. Не хочу оказаться в эпицентре всего этого хаоса, – махнул президент рукой, направляясь к лифтам.

Несмотря на большое количество завалов, по дорогам еще можно было нормально проехать. Правда, такая представительная машина не могла не привлечь внимания. Несколько раз в бронированные стекла угодили камни, кто-то даже решился выстрелить им вслед. Когда через полчаса они были на выезде из Приштины, в нескольких районах прогремели взрывы. Три из них практически полностью обесточили центр, еще два повредили водопровод. Хашим с ухмылкой и чувством завершенности смотрел на удаляющийся город.

– Меня вам все равно не переиграть... – прошептал он себе под нос.

Спустя двадцать минут его машина въехала на территорию маленького частного аэропорта, состоящего всего из одной полосы и ангара со всеми удобствами. Его подвезли прямо к трапу самолета. Он вышел из машины и, кутаясь в пальто от пронизывающего ветра, направился в салон. Двое его телохранителей поднялись следом. На борту были два пилота, стюардесса и еще два человека.

– Кто это такие? – указал Тачи на двух незнакомых мужчин, похожих на его охранников.

– Это наши коллеги, из нашей конторы. Дальше ваша безопасность до прибытия в пункт «Б» в их руках.

– Мы так не договаривались, – мотнул головой Хашим. – Вы должны меня сопроводить. Иначе ничего не получите.

– Вы все равно сделаете отчисление на счет нашей фирмы, – развел руками мужчина. – Не лично же в руки вы нам их дадите.

– Да и мы двое такой возможности не имеем. Увы, но в Швейцарию нам путь заказан.

– И почему я об этом узнаю последним?.. Ладно, черт с вами! – Он сел в широкое кожаное кресло. – Улетаем отсюда, и принесите мне виски!

– Хорошего полета, Хашим.

Двое мужчин покинули борт и вернулись в машину. Как только самолет начал движение, тот телохранитель, что любил гонки, взял свой телефон и набрал номер, который знал наизусть.

– Тачи в самолете, через пару-тройку минут взлет.

– Спасибо, Али, – устало ответил пожилой мужчина. – Пункт назначения не изменился?

– Нет.

– Вы уверены, что можем доверять тем двоим? Они выполнят эту работу?

– Выполнят. У них с ним личные счеты.

– Значит, месть... Что ж, хорошо. Можете возвращаться домой. Ваша работа сделана.

– Да, господин Иса, – с готовностью сказал Али. – Уже выезжаем.

Самолет оторвался от взлетной полосы и взял курс на Цюрих. Хашим выдохнул с облегчением, когда родные края остались далеко позади. Теперь он мог позволить себе расслабиться.

Бывший премьер-министр Косова повесил трубку и, взяв со стола Коран, открыл на месте закладки и продолжил читать суру Аль-Исра. Дойдя глазами до тридцать четвертого аята, он прочел его окончание вслух:

– ...И будьте верны своим обещаниям, ибо за обещания вас призовут к ответу. – Мустафа поднял голову и посмотрел в окно. В отличие от тонущего в хаосе Косова, в Эльбасане было спокойно. В эту часть Албании конфликты приходят редко. – За обещания призовут к ответу. Ты дал столько обещаний нам, но не сдержал ни одного. Вот и не обессудь за спрос. – Иса улыбнулся одними губами и снова погрузился в чтение.

Через два часа частный самолет совершил посадку на отдельной полосе цюрихского аэропорта. Как только открыли люк и спустили трап, Хашим не без удовольствия спустился вниз и ступил на швейцарскую землю. Двое новых телохранителей спустились за ним следом.

– Осталось пройти паспортный контроль, и на выходе ждет машина.

– Отлично! – довольно потер руки Тачи. – Новая жизнь начинается сейчас, да, ребята?..

На прохождение границы ушло не больше десяти минут. Все формальности решали двое новеньких, пока бывший президент наслаждался напитками в вип-баре. Когда все печати были проставлены, трое мужчин покинули богато украшенный зал и вышли в зал прилета. Оттуда они направились к выходу, где их уже ждала машина с тонированными окнами.

Хашим сел на заднее сиденье, рядом с ним один из верзил, второй сел рядом с водителем.

– Поскорей бы домой, – сказал Тачи. – Волка бы съел. Быстро доедем? – спросил он, с трудом скрывая свое хорошее настроение.

– Нет, – ответил водитель, медленно оборачиваясь, доставая какую-то коробку из-под сиденья. – Пробок много.

– Что ж, потерпим, – откинулся Хашим на спинку сиденья.

– Это вам, – протянул он синюю коробку, завернутую в синюю упаковочную бумагу и с повязанным поверх черным шелковым бантом. – Комплимент от фирмы. – Машина медленно тронулась с места. – Разверните.

– Комплимент?.. – насторожился Хашим, вдруг услышав все свои инстинкты, кричащие об опасности.

Он не спеша, крайне осторожно принялся разворачивать подарок. Открыв коробку, он с облегчением выдохнул – нечто прикрытое черным бархатом явно не было взрывным устройством.

– Какого?..

Под тканью лежал начищенный до блеска значок Освободительной армии Косово, а под ним на белом клочке бумаги на албанском было написано «За предательство».

– Что это значит?

– Понятия не имею, – пожал плечами водитель, – просто просили передать.

– Кто?

– Это принес курьер, – сухо ответил он.

Всю оставшуюся дорогу до своего дома в пригороде Цюриха Тачи сильно нервничал и с опаской посматривал на своих спутников. Однако, как только заметил впереди знакомые ворота, ему стало легче. Машина въехала на территорию богатого особняка и остановилась в нескольких метрах от входа. Хашим и двое телохранителей вышли из машины.

– Что ж, спасибо за работу, – кивнул он. – Приятно было иметь с вами дело.

Он направился ко входу в дом, когда услышал звук взведенных курков. Не успел обернуться, как первая пуля прилетела ему в ногу. Вторая в плечо. Он упал на землю и стиснул зубы от нестерпимой боли. Один из убийц держал у уха телефон, потом передал его Тачи.

– С тобой хотят поговорить.

– Какого?!.. Кто это?!

– Здравствуй, Хашим, – услышал он голос Мустафы. – Как я и говорил, ты усвистал в Европу. Как понимаешь, никто не позволит предателю жить спокойно. Да и вообще жить.

– Ты сволочь! – шипел Тачи. – Тебе это с рук не сойдет!

– Я хотел, чтобы тебя расстреляли прямо на границе, но потом подумал, что так тебе будет куда обидней. А ты ведь почти победил. А знаешь почему «почти»? Потому что никогда не держал обещаний...

Потом пошли короткие гудки.

Раненая рука Хашима обессилела, и он выронил телефон. Когда он поднял голову на своих убийц, те равнодушно смотрели на него. Дула пистолетов были направлены ему в голову и грудь.

– Мы ведь можем договориться! – кричал он. – Я заплачу вам больше, чем кто-либо! – От наплыва эмоций у него щипало глаза, он только и мог что выкрикивать проклятья и в то же время молить о пощаде. – ...Не надо, не делайте этого... прошу! – чуть не плакал бывший президент.

– Да-да, – сквозь зубы сказал один, – мой дядя так же просил пощады, когда ты его пытал. Что ты ему сказал? Правильно – ничего. Ты просто пустил ему пулю в лоб, ну вот и не обижайся, – сказал он на сербском. Только сейчас Тачи понял, что эти двое даже не албанцы, они – сербы. Все это было подстроено.

Поняв, что мольбы бесполезны, Хашим решил попробовать забежать в дом. Несмотря на сильную боль, он резко вскочил на ноги и успел сделать лишь пару шагов, как был расстрелян практически в упор. Его тело было изрешечено пулями, порог его недавно купленного дома залило кровью, а дверь и белые мраморные колонны на входе были измазаны содержимым его черепной коробки. Один из убийц бросил рядом с телом значок ОАК и, плюнув в сторону убитого, направился в машину...

Пайн-Ридж

Пока Вук разъезжал по узким и ухабистым дорогам резервации, настроение его портилось в геометрической прогрессии. Он опросил уже больше сорока человек, но никто ничего не видел. В одной забегаловке так и вовсе сделали вид, что не понимают по-английски. Визит в больницу также ничего не решил. Все в один голос твердили, что таких людей тут нет и никогда не было. Когда Бранкович въехал на территорию Вундед-Ни, он снова проверил свой телефон – связи попрежнему не было.

– Ну, здравствуй, каменный век, – буркнул он. – Спасибо, что хоть машина еще на ходу. А вы кто такие?.. – спросил он, глянув в зеркало заднего вида.

Следом за ним ехал джип, за рулем был молодой парень, рядом с ним девушка.

– В кои-то веки белые... – хмыкнул мужчина, притормаживая, стараясь сблизиться с ними. Когда машины поравнялись, он опустил стекло, пассажир джипа проделал то же самое.

– Ребята, извините, что отвлекаю, – как можно дружелюбней начал он, – я ищу своих друзей. Мы слегка разминулись с ними. Я проспал выезд, а они шутки ради меня не подождали...

– Ох, ты уверен, что это твои друзья, приятель? – хмыкнул парень. – Мы по дороге мало машин видели. На какой они были?

– В том-то и дело, что я не знаю, – виновато улыбнулся Вук. – Их четверо. Высокий такой индеец, белый, мексиканец и с ними еще девушка.

– О! Это наши спасители! Они нам запаску дали!

– И где вы их видели в последний раз? – не сразу поверил своей удаче Бранкович.

– Так они были на пути в Виннипег!

– В Канаду? – переспросил Вук. – Вот уж точно юмористы... А по какой дороге они поехали?

– Судя по всему, по НД-32, там до Фарго и дальше уж. Так что торопись, нагонять тебе их по таким сугробам придется долго.

– Спасибо за помощь, ребята! Выручили! – Вук притормозил, пропуская джип вперед, а сам развернулся и поехал в другую сторону. До Фарго можно было добраться и по-другому. Бензина должно хватить до Су-Сити, а там заправиться и ехать дальше. – В Канаду бежите, значит... Любопытно.

Белград, Сербия

Утро выдалось ясным и теплым. Людей на улицах в столь ранний час было куда больше прежнего, и, казалось, никто не спешил на работу, все без исключения обсуждали лишь одну тему. Других разговоров быть не могло. Подъезжая к месту работы, Вучич дочитывал газету. Рядом с ним лежала кипа папок с докладами военных, а телефон почти разрядился от бесчисленных звонков. У входа в здание правительства снова толпились люди с требованиями немедленной смены курса и отказа от всего американского. Премьер-министр быстрым шагом прошел мимо митингующих и скрылся за тяжелыми дверями. Внутри было не менее многолюдно, стоял гул голосов, перебиваемый разрывающимися от звонков телефонами. Поздоровавшись со всеми, Вучич не спеша поднялся по широкой лестнице на пятый этаж. В его приемной не было никого, кроме секретарши.

– Доброе утро, Милена, – сказал он, подходя к ее столу. – Сообщения для меня есть?

– Доброе утро! – просияла женщина. – Почта у вас на столе, и вас ожидают. – Она кивнула на его кабинет.

– Кто?

– Господин Николич.

– Спасибо.

В кабинете премьер-министра на кожаном коричневом диване ближе к столу сидел Томислав и скучающе играл сам с собой в шахматы. Верней сказать, доигрывал партию, что начал три дня назад сам Вучич. Телевизор был включен на минимальную громкость, но картинки из Косово хватало сполна.

– Привет, Александр! – махнул ему рукой Николич. – Знаешь, а ты почти выиграл эту партию, но, увы, тебе – мат, – кивнул на доску президент.

– Если бы ты дождался меня, то, может быть, все было бы наоборот.

– Думаю, что я и так тебя долго ждал. Боюсь, в твоей игре с Америкой тебе все-таки шах и мат. Причем не от меня, а от них. – Он посмотрел в сторону окна. – Народ делает выбор, и тебе тоже пора определиться.

– Не с чем тут определяться, – вздохнул Вучич, садясь в кресло рядом. – Все решилось без нас. Видимо, они там сошли с ума, раз решили оставить нас в покое.

– И грех этим не воспользоваться, – закинул ногу на ногу Томислав. – Нам вернули нашу землю, сами ушли оттуда. На носу референдум, и, поверь мне, результаты будут не в их пользу. Думается мне, пришла пора делать последний выбор.

– Хех, последний?

– Именно. Народ давно требует от нас выбора одного пути. Хватит нам сидеть на двух стульях. – Президент встал с дивана и подошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул в окно. – У нас есть шанс войти в историю, и только от следующего шага зависит, как именно мы это сделаем.

– Можно подумать, Россия стоит на пороге и готова нас принять, – фыркнул премьер-министр.

– А ей незачем стоять на пороге. Просто пока мы будем выбирать, с кем лучше, – исчезнем. И я это говорю вовсе не потому, что вчера США погрузились в тотальный хаос внутренних событий, а потому что у нас впервые за долгое время появилась возможность возродиться! Я в это верю... в возрождение Сербии из пепла. – Томислав окинул грустным взглядом разрушенное здание напротив. – Вспомни, еще владыка Негош[27] говорил: «Держитесь России, и будет вам благо...»

– Чего это ты о нем только сейчас вспомнил? – усмехнулся Вучич. – Почуял слабость старого хозяина?.. – Александр поправил очки.

– Мы начнем все сначала. Разгоним верхушку, уберем из власти всех тех, кто поддерживал идеи американцев и европейцев. Вернем власть над нашими СМИ, заберем наши заводы... Конечно, без участия русских мы не сможем восстановиться. Тем более что они уже предложили помощь... как всегда.

– Дальше что? Вернуть Югославию?

[27] Петр Петрович Негош – правитель Черногории в 1830 1851 годах и митрополит Черногорский и Бердский.

– Нет, не ее, но Сербию, ту, о которой в этих книгах написано, – президент указал на книжный шкаф у двери, – неужели ты этого не хочешь?

– ...Хочу, но отчего-то мне кажется, что я единственный, кто сохранил рассудок в этом здании, – покачал Вучич головой, вставая с кресла и переходя к своему столу. – Я не верю в чудеса. Слишком многие будут нам мешать. Мы рискуем погрязнуть в гражданской войне в Косово. Думаешь, эти сдадутся без боя? – Он кивнул на стопку газетных подборок о Тачи и его коллегах. – Они утопят край в крови... мира не будет.

В этот момент в дверь постучали, и уже через секунду в кабинет влетел помощник премьер-министра Милан Алексич с бумагами в руках. На его лице застыл шок от услышанного, и он никак не мог прийти в себя. Его сердце явно было готово выпрыгнуть из груди.

– Отдышись, Милан! Что случилось? – обеспокоенно спросил Николич.

– Мы только что получили уведомление... – шумно глотал воздух Алексич. – Тачи убит в Швейцарии. Расстрелян на пороге своего дома.

– Что?! – в один голос спросили Александр и Томислав, подходя к помощнику.

– Но это еще не все. – Он протянул им бумаги. – Харадинай погиб при взрыве в своей машине. Там же, в Швейцарии. И... Чеку найден в гостинице в Загребе... повешенным за ноги. Тело изуродовано. Ему вспороли живот, да еще и полоснули по шее ножом от уха до уха...

– Как заслуженно, – хмыкнул Вучич. – Желания начинают сбываться... двадцать лет спустя. – Премьер-министр вернулся на свое место и сел за стол. – Может, чудеса случаются?.. – спросил он.

– В один день обезглавили всю ОАК?.. – не верил своим ушам Томислав, листая короткие сводки. – Но кто?.. Остальные из правительства живы?

– Данных по ним точных нет, но кого успели поймать при бегстве, взяли под стражу. Остальные попрятались... Вы сделайте погромче, – кивнул Милан на телевизор. – С этими известиями все меняется.

В прямом эфире один репортаж с места событий сменялся другим. Кадры из поливаемой дождем Приштины сменялись видами Косовской-Митровицы и Обилича, отходящих от тяжелых ночных боев. Теперь над каждым городом развевался флаг Сербии. Количество раненых и убитых перевалило за три сотни. В Приштине ситуация была спокойнее, и полицейские просто занимались расчисткой города от наспех собранных баррикад. Всевозможные албанские активисты с новостями о смерти лидеров спешно расходились по домам собирать вещи.

– И теперь мы действительно можем говорить о возрождении сербской армии, – заканчивал свой репортаж корреспондент на фоне взорванного Ибарского моста. – ...Правда, в отдельных районах еще идут перестрелки, но боевой дух террористов значительно снизился, и теперь, после успешного наступления добровольческих отрядов, они ищут способы отхода. Враги разбегаются по своим норам. Косово снова наше, Косово – это Сербия!

– Храни господь этих командиров, – улыбнулся Милан, – без них там было бы тяжко. Даже не представляю. Стольких жертв удалось избежать. Они умудрились гражданских вывести из городов, укрыть в безопасных местах.

– В смысле? Разве это не наши силы были? – переспросил Вучич.

– Наши, но оставшиеся там еще до аннексии. Бывшие полицейские, военные. Те, кто охранял сербов там, когда мы не могли. К ним примкнули добровольцы... Все сложилось самым лучшим образом, – отдышавшись, ответил Алексич, подходя к журнальному столику и наливая себе из графина воды в стакан. – Имена неизвестны, есть только позывные.

– Хорошо, Милан, – улыбнулся Томислав. – Объяви всем об экстренном созыве правительства.

– Слушаюсь! – Алексич послушно развернулся и вылетел из кабинета.

– Без них албанцы побегут, как крысы с тонущего корабля, Александр. Пришло время делать выбор.

– Ты, как я понимаю, его уже сделал, – буркнул премьер.

– Именно. Не знаю, что там в США стряслось, но этим грех не воспользоваться. Кроме всего прочего, сердце подсказывает мне, что они еще не скоро обратят свой взор в нашу сторону. За это время мы успеем сделать все для защиты своих интересов.

– Референдум все равно состоится. Пускай народ изъявит свою волю.

– Ты еще рассчитываешь на победу европейских идей? После всего, что было? Зачем они нам теперь, когда Косово снова с нами? Когда оправдали Воислава? Разве не за этим мы увязались за ними?

– Ты как дитя сейчас, ей-богу! Можно подумать, тогда у нас был выбор!

– Зато он есть сейчас. И имей в виду, сделаешь его не в нашу пользу, будешь прозябать в ненавистном забвении после.

– Из тебя счастье прям так и прет... – недовольно покачал головой Вучич. – Ты хотя бы вспомни, сколько у нас обязательств перед ними, которые, между прочим, еще выплачивать.

– Если будет кому выплачивать.

– У тебя есть какая-то информация? Может, поделишься?

– Не важно, Александр, у нас есть шанс вырваться из их мертвой хватки, и надо этим воспользоваться. В Европе нет для нас места, наши сила в единстве. Вот этим мы и займемся. Готовься. Учти, даже если победят оппозиционеры, только от твоих действий будет зависеть, как к тебе люди на улицах отнесутся.

– Я тебя услышал, Томислав, но дай мне время. Пораскину мозгами... подготовлюсь к этому экстренному созыву.

– Ах, да, позвонить благодетелям... само собой разумеется. Смотри, Алекс, не промахнись.

Вучич проводил Николича хмурым взглядом, потом перевел глаза на телевизор. Успехи вооруженных сил Сербии не сходили с новостных лент, и там, где раньше висели красно-черные флаги, теперь красовались сербские. Премьер-министр снял трубку с белого телефонного аппарата и набрал номер из своей записной книжки. Там ответили не сразу, лишь на тринадцатый гудок.

– Мы, кажется, все обсудили, господин Вучич, – не здороваясь, на английском ответил посол США в Сербии Рэндольф Скотт. – Мне не до разговоров сейчас. Сами знаете, что происходит.

– Что ж, тогда, полагаю, все договоренности тоже перестают существовать?

– С чего бы это? – удивился посол.

– Вы же уходите из нашей страны. Как вы мне сказали позавчера? М-м, «нет более дела до дикарей»?

– Мы найдем на вас управу в любом случае, – раздраженно буркнул Рэндольф.

– Если будет кому искать, мистер Скотт. – Вучич снял очки и положил их перед собой на стол. – Передайте кому следует, что референдум состоится, и он впервые пройдет согласно демократическим идеалам, а не американским представлениям о них.

Дальше посол просто повесил трубку, премьер-министр улыбнулся:

– Остался пустяк... чтобы США закончили свое существование... мечты, мечты...

Бэкингемшир, Англия

Барон Ротшильд ранним утром вернулся в семейную резиденцию Уоддесдон в хорошем, но задумчивом настроении. За завтраком он вел себя как ни в чем не бывало, отчего его жена Серена усомнилась в рассказе дочери о странном поведении отца. Он непринужденно шутил и рассказывал о своих впечатлениях за последние пару недель,

что не был дома. Только отчего-то совсем не касался темы последних событий в США.

– Тебя не беспокоит то, что там сейчас происходит? – аккуратно спросила Серена, наливая в бокал апельсиновый сок из графина. – Я отчего-то волнуюсь за наших друзей.

– Друзей? – удивленно вскинул брови барон. – Насколько мне известно, ничего опасного для них там не происходит. Пока, во всяком случае. – Он натянуто улыбнулся и отправил в рот ломтик жареного бекона.

– Да, но Генри там, не говоря уже о массе твоих деловых партнеров. Ты не пытался связаться с ним?

– Дорогая, ты же смотришь новости, – кивнул он на планшет, лежащий рядом с ее тарелкой, – и знаешь, что связи с ними нет.

– У меня такое чувство, что тебе абсолютно все равно, что там творится. – Жена изучающе рассматривала мужа, только сейчас замечая некоторые изменения в его поведении и мыслях. – Это так?

– Возможно, – пожал мужчина плечами. – Они взрослые люди и сами могут о себе позаботиться. Мне не о ком беспокоиться на том континенте.

– Но там же Нэт сейчас! А ты даже не вспомнил о нем!

– Может, потому что он тоже не вспомнил обо мне, когда речь шла о моем месте в Совете?.. – Он встал из-за стола. – Не знаю, как нам это удалось, но мы вырастили первого предателя в семье Ротшильдов.

– Этого не может быть! Я тебе не верю, – мотала головой Серена. – Наверняка этому всему есть объяснение!

– Конечно, есть. – Он вытер рот салфеткой и, положив ее рядом с тарелкой, встал из-за стола. – Нэт сделал свой выбор не в нашу пользу и просчитался. Думает, что я сошел с ума и вот-вот натворю дел. Кое-кто не преминул этим обстоятельством воспользоваться и напел ему в уши бог знает чего. Сынок и купился... Он ведь боится потерять все это наследие, – обвел барон руками просторный белый столовый зал, где на стенах в позолоченных рамах висели редкие картины знаменитых художников, а на столе в форме буквы «с» стояла сплошь серебряная посуда. – Но знаешь что я тебе скажу, милая моя Серена, – он не получит ничего из этого. – Взгляд Ротшильда обжигал.

– Все совершают ошибки.

– Большинство на них учится, но не Нэт, нет, – мотнул мужчина головой. – Ему все доставалось слишком легко, отчего он не умеет ценить имеющееся. И когда встал вопрос о возможной потере, он усомнился в правильности моих действий и решил действовать сам. К чему это привело?

– Я... я не знаю. – Серена не узнавала своего мужа.

– Я больше не состою в Совете, дорогая. Мое место должен был занять Нэт, но, увы, он испугался и отдал его Рокфеллеру-старшему. Просто так, взял и подыграл ему.

– Что значит «подыграл»? – Серена встала из-за стола и подошла к барону, заглядывая ему в глаза. – Разве мы не в одной лодке, разве у нас не общие цели? Какая разница, кто во главе?

– Куда тебе понять... – отмахнулся от жены Ротшильд, подходя к картине, висящей ближе к выходу из столовой. Слабое освещение в этой части комнаты придавало персонажу на холсте более таинственный вид, – ...что все они в одном этом образе, – кивнул он на Иуду кисти Ильи Репина. – Те, кого ты назвала друзьями, продали меня в страхе потерять то, что имеют. Побоялись, что я отниму все и сам захочу владеть миром. – Он говорил тихо, так что Серена слышала лишь обрывки слов. – Самое смешное, что теперь точно отниму у них все.

Головная боль нарастала, отчего Ротшильд морщился. На один краткий миг показалось, что Иуда, вполоборота смотрящий на него, одобрительно моргнул.

– Дорогой, что ты такое говоришь? Ты меня пугаешь... У кого «у них», и что отнимешь?

– У всех тех, кто встанет на моем пути, – повернувшись лицом к жене, ответил барон. – Отниму все.

– На твоем пути куда?

– К целям Совета. Ведь из всех один я верен идеалам нашей семьи. Глупо было звать чужаков и уж тем более давать им равные права.

– Что ты намерен делать, Натаниэль? – как можно спокойнее спросила Серена, обдумывая, что же делать дальше лично ей.

– Разобраться с делами, что же еще. Хочу уложиться в неделю.

– Что будет через неделю?

– Осуществление мечты о новом мире, – пожал он плечами, улыбаясь одними губами.

– Ханна не преувеличивала... да и Нэт был прав. Ты изменился, я не узнаю тебя. Смотрю и не понимаю, кто передо мной. Что случилось в Нью-Йорке? Что так на тебя повлияло – или кто?..

– Прозрение случилось. Увидел истинную суть вещей... С людьми иногда такое случается, когда их жизни касается тень, отброшенная Богом. – Барон вышел из столовой и по узкому коридору, выстеленному бордовым мягким ковром, пошел в сторону лестницы.

Ротшильд шел и посматривал на коллекцию оружия, представленную на стенах. Здесь были и старинные пистолеты, и рыцарские мечи, рапиры и всевозможные ножи, инкрустированные драгоценными камнями. Все это богатство всегда приводило в неописуемый восторг многочисленных туристов, бывающих в этом доме с экскурсиями. Он

дошел до винтовой лестницы, что вела в кабинет. Мужчина бросил хмурый взгляд на жену, следовавшую за ним, и поднялся наверх.

– Может, стоит вызвать нашего врача? Я же вижу, что у тебя болит голова...

– Не стоит. Я лишь возьму кое-что и немедленно уеду.

– Куда?!

– В Лондон. Оттуда мне будет легче управляться с делами.

Женщина вошла в кабинет следом за ним, и ее внимание сразу привлек новый экспонат из коллекции мужа.

– Боже! – воскликнула она. – Что это? Зачем ты принес это в дом?

– Это голова царя Лазаря. Реликвия сербов. Они верят, что ее возвращение принесет мир на Балканы, а те, кто украл ее, верят, что она принесет им победу в любых войнах на земле. Поэтому столь многие хотели ею владеть. Перешла мне после смерти Уокера... от таких подарков не отказываются.

– Но почему она тут? Разве ей не место в музее?

– Разве копью Судьбы место в музее? – парировал барон, ища что-то в ящиках стола. – Или, быть может, на всеобщее обозрение выставить ковчег Завета или Евангелие от Иуды?..

– Я не хочу, чтобы это было в нашем доме. – Она с омерзением посмотрела на голову и тут же отвела взгляд.

– Что ж, могу предложить тебе уехать из этого дома. Во всяком случае, на пока.

– И куда же мне поехать?

– М-м, дай-ка подумать, – он бросил на нее короткий взгляд, – как насчет Парижа? Уверен, там-то вы всей семейкой и встретитесь. Будете вместе искать решение вашей общей проблемы.

– Это какой же?

– Проблемы в виде меня, Серена. И передай Дэвиду, что времени на ответные действия у него крайне мало.

– Но я не собиралась...

– Соберешься.

– Боже, да что с тобой стало?! – Женщина была готова расплакаться. – Что это был за врач, с которым ты встречался?

– Это уже не важно, она все равно мертва.

Серена сделала шаг назад.

– Да, что тебя так удивляет? Она знала слишком много, зачем мне лишние проблемы?..

– Несмотря на это, она, судя по всему, успела что-то с тобой сделать. Натаниэль, покажись врачу, – настаивала на своем женщина. – Пока еще не поздно.

– Она всего лишь должна была избавить меня от головных болей, но ей это не удалось. Ничего она сделать не смогла. Без моего ведома точно. Да и грешно винить мертвых. Хотя кое-что она действительно смогла, – задумался на мгновение барон, – дала мне возможность взглянуть на некоторых с другой стороны. За это ее убили быстро.

– Я смотрю, ты притащил с собой эту тетрадь. – Серена кивнула на его записи о грешниках и их грехах. – Ты не доставал ее больше пятнадцати лет.

– О! Заметила. Пришло ее время, знаешь ли, – натянуто улыбнулся он, складывая нужные ему папки в рыжий кожаный портфель. – Мне пора. – Натаниэль посмотрел на напольные часы. – Как и тебе.

Стремительно вышел из кабинета, спустился вниз и, не прощаясь, покинул поместье. У выхода его уже ждала машина.

Серена еще несколько минут стояла на месте как вкопанная, не знала, что делать дальше, что думать, и вообще не могла понять, что же происходит. Пожалуй, единственным разумным в словах мужа было про обращение за помощью к де Ротшильдам. Семейные проблемы должны решаться в семье. Она снова бросила взгляд, полный омерзения, на голову Лазаря и, сняв с кресла тонкое белое покрывало, накрыла стеклянный короб. Затем, еще постояв молча с минуту, услышав, как отъезжает от дома машина, Серена поспешила вниз. Вернувшись в свою комнату, она взяла телефон и набрала номер.

– Здравствуй, Серена!! – поприветствовал ее Дэвид де Ротшильд, его мурлыкающий голос с сильным французским акцентом имел особенность успокаивать даже самых нервных. – Что-то случилось?

– Почему?

– Два дня назад мне звонил Нэт и просил о встрече... думал, ты по этому вопросу.

– Нет, Дэвид, все гораздо сложнее. – Она открыла шкаф, достала сумку и принялась второпях укладывать в нее вещи. – И без твоей помощи не обойтись.

– Слышу в твоем голосе волнение.

– Еще бы. Боюсь, тебе придется принимать меры, иначе мы лишимся всего.

– Жду тебя в Париже, дорогая.

Попрощавшись, он повесил трубку, на его лице застыла полуулыбка.

– Как любопытно... неужели это тот самый шанс?.. – Он сделал глоток винтажа с фамильного виноградника.

глава XIX

Вашингтон, США

Аэропорты не принимали и не отправляли рейсы. Границу можно было пересечь либо на своем транспорте, либо пешком, для особо авантюрно настроенных – кораблем, как в далекие времена. На дорогах в Канаду выстроились огромные пробки. Никто не знал, что происходит и что будет дальше. Однако все прекрасно понимали, что ничего хорошего точно. Люди убедились, что хваленая компьютеризация страны и всего, что обеспечивало ее работоспособность, была не самым лучшим решением. Новейшие комфортабельные поезда стояли на запасных путях.

Связь с внешним миром восстанавливалась крайне медленно. Мобильные телефоны по-прежнему не работали, техники АНБ и отделы связи ФБР занимались восстановлением спутниковой связи. Электричество подавалось лишь в жизненно важные центры. Больницы столкнулись с тем, что запасов топлива для генераторов не хватило бы и на трое суток. Не говоря уже обо всех необходимых лекарствах. Из-за наплыва раненых медикаментов становилось все меньше. Телевидение оставалось недоступным. Хотя инженеры и техники бились с неизвестной проблемой, но из-за того, что все было завязано на компьютеры, работа усложнялась в разы. После восьми часов тишины заработали три радиостанции, две из них вещали на восточном побережье и только одна на западном. Центральные штаты оставались без информации. Стационарные телефоны работали только в удаленных от компьютеризированного центра штатах. Правда, делиться со знакомыми было нечем. В большинстве своем людям было не до этого. От царившего на улицах хаоса американцы медленно приходили к осознанию того, что жизнь не будет прежней уже никогда. Магазины оружия опустели в первую очередь, каждый боялся не только за свою собственность, но и за жизнь. Каждый, кто мог себе это позволить, превращал свой дом в крепость. Люди старались объединяться в группы. Органы местного самоуправления со своими задачами не справлялись во многих штатах, не говоря уже о захолустье. Полиции было мало, да и дел у них было по горло. Камеры временного содержания были переполнены задержанными мародерами и хулиганами.

Белый дом был оцеплен, внутрь не пускали никого без допуска или приглашения. Стихийные митинги с требованиями вернуть покой стране образовывались один за другим. Полиции и внутренним войскам был дан четкий приказ пресекать любые попытки начала народных волнений. При виде вооруженных граждан разрешено было стрелять на поражение. После нескольких смертей толпа поутихла и перешла в мирный режим.

Президент Обама стоял у окна в своем кабинете и задумчиво рассматривал газон, когда в дверь постучали. Пришел глава рабочей группы по устранению неполадок со связью. Мужчина выглядел крайне утомленным, красные глаза, взъерошенные волосы и насквозь вымокшая от пота рубашка говорили сами за себя.

– Господин президент, – чуть отдышавшись, начал он, – спутниковая связь восстановлена...

– О! Справились все-таки! Молодцы.

– Да, но не совсем мы, тот, кто это устроил, просто сам все включил, – пожал он плечами.

– Даже так, – покачал головой Барак. – Что ж, думаю, с этими неизвестными мы разберемся позже. Восстанавливайте систему дальше.

– Стараемся, сэр. И да, ваш помощник просил передать вам, что вас ждут в комнате для совещаний.

– Почему он не сообщил мне сам? – удивился президент.

– Не имею понятия, – развел руками мужчина. – Разрешите идти?

Обама кивнул, и инженер удалился, оставляя Барака наедине с собой.

Спустя несколько минут он пришел в зал, где, как ему сказали, его ждали. Когда он появился на пороге, никто из присутствующих даже не поднял на него головы. Из Совета присутствовал только Дональд Рамсфельд. Заметив Обаму, он кивнул ему на бумаги, лежащие на столе. Барак сел на стул и посмотрел на четыре папки с документами, затем на госсекретаря Керри.

– Что это? – спросил президент.

– Приказ о вводе военного положения на территории всей страны, – не глядя на него, ответил Джим, – приказ об изъятии оружия у гражданских, начале работы ФЕМА-лагерей и еще с десяток приказов, нарушающих конституцию. Что ты так на меня смотришь? Чего-то не понял или забыл, на что подписывался изначально?

– Не забыл, но только сейчас начинаю понимать, каким козлом отпущения меня собираются сделать. Думается мне, что плата слишком мала для такого... Джим, – перешел на шепот Обама, – меня сами американцы четвертуют за все это.

– Поздно спохватился, – хмыкнул Керри. – Мы в этом дерьме уже давно по самое горло.

– Не думал, что стану худшим президентом Штатов, – он с тоской окинул комнату глазами, – не реализовал ничего, не выполнил ни одного обещания.

– Обещания народу не считаются, друг мой. Все свои обязательства перед Советом ты выполнил. За что и сидел в президентском кресле два срока. Кто виноват, что стратеги просчитались с Ближним Востоком и Россия переиграла нас?.. А в остальном ты сделал именно то, что было им нужно. Уверен, они твоей работой довольны.

– Жаль, что эта доля не выпала на Клинтон, – вздохнул Обама. – Какое было бы эпичное падение, начнись ее правление с таких событий. Все эксперты бы кричали: а-а, смотрите, баба у штурвала, корабль идет на дно... – Он хмыкнул.

– ...Единственное, что спасет тебя, да и многих из нас, – это следование изначальному плану. Подписывай, и, может быть, некому будет тебя четвертовать.

– Как мы сообщим это стране? Сети по-прежнему не работают. Какой смысл делать это прямо сейчас?

– А ты не беспокойся о мелочах, – вступил в разговор Рамсфельд, – просто играй свою роль. Твое выступление все равно уже готово, ты же его так старательно записывал в прошлом месяце. Кроме всего прочего, радио уже работает, глашатаев пустим по улицам городов. Вспомним старые добрые времена. – Он похлопал президента по плечу. – Подписывай, и начнем. – Улыбка сменилась серьезностью и гримасой явной неприязни.

– Все готово? – поинтересовался Керри.

– Да. Военные на местах и ждут приказа.

– Уже приходят тревожные сообщения о сформировавшихся группах населения, выступающих за отделение некоторых штатов... Времени терять нельзя.

– ...Хорошо. – Президент Обама взял ручку и, подумав пару секунд, подписал все бумаги.

– Вот и умница, – ухмыльнулся Дональд. – Съешь печеньку, выпей кофейку, пока мы творим историю.

Взяв свой пиджак, висевший на спинке кресла, он направился к выходу.

– Что там с вертолетом? Готов? – спросил он одного из своих помощников.

– Уже улетаешь? – вопросительно посмотрел на него Барак.

– Представь себе, есть дела в других местах, а пока в аэропорт. Штаб в Нью-Йорке нельзя бросать, а то еще без нас натворят дел.

– Но диспетчерские службы еще не восстановили свою работу, самолет же не посадить.

– В небе нет самолетов сейчас, Барак, а наземные службы смогут подсветить посадочную линию. Не волнуйся ты так. Так что до скорого! Вернусь завтра, – махнул он ему и Керри рукой и покинул здание.

На вертолетной площадке за домом его уже ждали. Помощник захлопнул за Рамсфельдом дверь и, отойдя на безопасное расстояние, связался с кем-то по рации:

– Он вылетел, через двадцать минут у вас. Готовьте самолет.

– Принято, – ответил мужчина. – Ждем с нетерпением...

Повесив рацию на пояс, он бросил окурок в грязь под ногами и пошел к самолету.

– А заказчик-то просто экстрасенс... предвидел, что полетит. Хех.

Лондон, Англия

Барон вошел в высотное здание из стекла и металла на улице Сейнт-Суитинс-лэйн, в штаб-квартиру банка Ротшильдов. На входе красовалась узнаваемая многими вывеска, копия той, что висит на доме семейства во Франкфурте. Зайдя в просторный холл, Натаниэль посмотрел на часы, прищурился, а затем проследовал к лифтам, здороваясь и вежливо улыбаясь всем встречным. Войдя в лифт, он нажал на десятый этаж. Все здание было украшено копиями фамильных портретов и картинами любимых кланом художников. Быстро пройдя в свой кабинет, барон закрыл за собой дверь. Убедившись, что один, достал из чемодана старую тетрадь и снова глянул на настенные часы.

– Остается сорок минут, – вслух сказал он, – до первого суда. – В виске снова забилась жилка, предвещающая начало головной боли. – Но кто я такой, чтобы судить?.. – спросил он неизвестно кого, чувствуя, как усиливается боль.

Натаниэль сел в кресло и принялся интенсивно тереть виски. Он боялся закрывать глаза. В такие острые моменты в сознании вспыхивали картины не его прошлого, он видел разрушения, панику в лицах незнакомых ему людей, и боль, нестерпимая боль пронизывала все тело, но и она ему не принадлежала.

– Кто, если не я... – прошипел он, – только я могу изменить ход вещей... за каждый грех нужно платить.

Взяв себя в руки, барон открыл тетрадь и пролистал ее до нужного имени.

– Пришло и твое время.

Он усмехнулся, силой мысли заглушая свой собственный голос, пытающийся докричаться до хозяина из глубин сознания, и погрузился в текст, воскрешавший старые воспоминания.

26 мая 2001 года, Швеция

На окраине острова Стенунгсунд, связанного с большой землей широкими мостами, расположился уединенный гостиничный комплекс. В получасе езды от Готенбурга, но в то же время труднодоступный для многих. Один из самых дорогих курортов Швеции, где проводятся встречи с важными людьми и подписываются судьбоносные документы, впервые принимал столь многочисленных именитых гостей. Гостей, не любящих официоза и вспышек фотоаппаратов. На четыре дня он был закрыт для простых смертных. О причине трубили все местные газеты – очередная ежегодная встреча Бильдербергского клуба. После полудня, когда закончилось обсуждение официальной повестки, большинство участников встречи разошлись по своим делам, но несколько человек продолжили обсуждение насущных проблем в скрытой от лишних глаз обстановке. В комнате для переговоров, расположившейся в задней части комплекса, царил полумрак. Слабое освещение отражалось от светло-синих стен, и казалось, что комната располагается на дне моря. Киссинджер и Дэвид Рокфеллер расположились на широком белом диване, Рамсфельд и Вулфовиц сели в кресла напротив. Барон Ротшильд, осмотрев присутствующих с легкой улыбкой, подошел к окну. Вид на озеро завораживал. Последним явился Джордж Буш-младший. Он выглядел встревоженным и явно чем-то очень обеспокоенным. Он через силу улыбался и старался шутить как ни в чем не бывало, но всем было очевидно, что ковбою не по себе в этой компании.

– Что не так, Джордж? – спросил Рамсфельд, беря из вазы с фруктами, стоящей на столе, зеленое яблоко. – Чего ты так боишься? – Он откусил большой кусок и принялся интенсивно его жевать.

– Не то чтобы боюсь, – тихо ответил президент, – просто меня тут быть не должно. Только представьте заголовки на следующий день.

– Не хочу тебя расстраивать, мой друг, – ухмыльнулся Рокфеллер, – но помимо нас на этом острове еще и две королевы присутствуют, и с десяток других именитых личностей. Так что...

– Да ладно тебе, Дэвид, – махнул рукой Генри, – ему и так не по себе. Не волнуйтесь, господин президент, – с ухмылкой сказал он, – никто, кроме нас, не знает, что вы тут. Даже персонал гостиницы не в курсе. И не задержим мы вас надолго. Часа через два уже будете на пути домой.

– Все-таки я не совсем понимаю, зачем вы меня пригласили. Мой отец сказал, что это важно... а мы привыкли следовать рекомендациям Совета.

– Ну, еще бы, – хмыкнул Вулфовиц.

– Ладно, – повернулся к ним Ротшильд, – перейдем к главному. Присаживайтесь, мистер Буш.

Джордж послушно сел в первое попавшееся кресло. Он смотрел на барона как кролик на удава. В голове была абсолютная пустота, готовая впитывать информацию.

– Вам, как и многим, хорошо известен тот факт, что у США есть враги.

Буш осторожно кивнул.

– В большинстве своем внешние....

– Да-а, Дональд и Ричард мне уже объясняли, что к чему, – натянуто улыбнулся президент, в очередной раз подтверждая, что по-прежнему не научился анализировать поступающую информацию самостоятельно. – Без Чейни как без рук, знаете, он как фильтр для всех поступающих данных, а потом дает мне советы для принятия хороших решений во внешней политике.

– Да-да, – согласился с ним Ротшильд. – Он и Дональд рассказывали тебе об Ираке?

Буш чувствовал себя как на экзамене, все знания будто стерлись из памяти.

– Я... я помню, что на первом заседании Совета национальной безопасности, зимой, Чейни вместе с Рамсфельдом инициировал обсуждение этой проблемы Ирака...

– Уже хорошо, – кивнул Рокфеллер. – Может, тогда ты еще помнишь про ту старенькую аналитическую записку, где содержались предложения о возможности США действовать упреждающим образом в одностороннем порядке для того, чтобы не допустить доминирования в регионе враждебного Ирака и обеспечить доступ США к нефтяным запасам региона?

– Помню. Она часто попадается на глаза последнее время. – В горле у Буша пересохло, и он, поднявшись, подошел к бару и, недолго думая, налил себе в стакан виски. Сделав пару глотков, он обернулся и осмотрел всех присутствующих. – Но я все равно не понимаю, зачем нам там воевать? Мой отец, как вы знаете, всегда был против этого, и даже «Буря в пустыне» ему далась с трудом... Он бы не хотел повторения.

– Видишь ли, Джордж, – тихо продолжил барон, – мир стоит на пороге экономического кризиса. На Ближнем Востоке есть нефть, и она нам нужна, но еще нам нужно что-то способное вытащить нас из долговой ямы. Нам нужна война, Джордж.

– С Ираком? – Президент во все глаза смотрел на Ротшильда.

– На данном этапе – да, – кивнул Ротшильд. – Ты ведь всегда хотел быть героем своей нации, так ведь? Вот, у нас есть отличная идея, как представить тебя лидером мирового добра против мирового зла.

– В смысле?

– Нести демократию, свободу и равенство в отсталые общества...

– Не думай о Саддаме, Джордж, – вмешался Киссинджер, – как о хорошем человеке. Он кровавый диктатор, убивающий своих подданных за малейший проступок. Люди там страдают, и ты можешь им помочь. Этого тебе должно быть достаточно.

– Более того, Ирак, как и Афганистан сейчас, – это рассадник террористов, центр зла. Сам подумай, наркотики начинают свой путь оттуда. Сколько невинных американцев пали жертвой этой заразы... – с наигранной досадой покачал головой Вулфовиц. – А что, если Саддам обзаведется ядерным оружием? Химическое у него уже есть. Пускай до нас не долетит, но как же наши партнеры по НАТО? Ты ведь не хочешь, чтобы они пострадали?

– Пока же никто не пострадал, – возразил Буш.

– Потому что пока Хусейн занят своими территориями, но ничто не мешает ему обрушиться всей мощью на соседей.

– Но... но с чего бы нам вводить туда войска? Разве не нужен какой-то повод или еще что-то? Просто так разве можно?

– Наконец-то, – язвительно заметил Вулфовиц, – дошло.

– Что ты скажешь, если выходцы с Востока вдруг нападут на Штаты? Убьют пару-тройку сотен гражданских, а? Не захочешь ли наказать преступников? А если они будут на территориях, входящих в зону наших интересов? – спросил Дэвид.

– Ну-у, тогда конечно. Вы думаете, они на нас собираются напасть? Мне ничего такого не докладывали. – Президент допил виски и направился за добавкой.

– Никто не собирается этого делать. Мы сделаем все за них.

– Мы сами? А что у вас за план?

– Как тебе такая идея, – оживился Рамсфельд, облизнув губы, – в стране масштабные учения, все заняты ловлей террористов, захвативших парочку самолетов с гражданскими. Тем временем настоящий самолет с людишками на борту захвачен и летит в Нью-Йорк...

– Почему в Нью-Йорк? – немного помолчав, спросил президент. – Что у них там за цель?

– Цель? А какая цель может быть у террористов, кроме как сеять хаос, разрушения и ужас? Это наш повод начать войну! – раздраженно ответил Дональд.

– Захваченный самолет?

– Нет, самолет, который протаранит какое-нибудь здание. Много жертв и слез на камеру, – упивался идеей Дональд.

– И на какое здание пал выбор? – поинтересовался Рокфеллер. – Просто любопытно.

– Какой-нибудь небоскреб, возможно, – пожал плечами Вулфовиц.

– Нет! Стойте-ка! – воскликнул Рамсфельд. – Идея! Башни-близнецы! И не один, а два самолета!

– ...Может получиться, – согласно закивал Пол, рисуя картинку в голове. – Заминировать их сначала, будто под снос. Картинка для журналистов должна быть сочная. Чтобы, простояв минут двадцать, они рухнули к чертям, застилая Манхэттен пылью. Прямой эфир с разных ракурсов. Начало войны по телевизору! Да такого еще никто не делал!

– Так любые действия США одобрит мир и не осудит нашу реакцию, – подметил Рокфеллер.

– Подождите, – замахал руками президент Буш, – а моя роль в этом какая?

– Будешь рупором демократии, – улыбнулся Киссинджер. – Напишешь потом мемуары для поколений, тебя похвалят за заслуги перед миром, и уйдешь на покой пасти коров, жевать табак или что ты там любишь делать в свободное время.

– Когда?

– Скоро, Джордж, скоро, – похлопал его по плечу Ротшильд. – А сейчас нам нужно, чтобы ты вернулся в Вашингтон и подписал те бумаги, что тебе принесут.

– ...Хорошо. Только еще один вопрос: а почему именно Ирак? Хусейн?

– Хотя бы потому, что никому не нужен лидер, способный объединить весь арабский мир. Нам вообще не нужна стабильность в этом регионе, да и нигде не нужна. Не на руку она нам, – ответил барон. – Не ведет она к целям Совета, которыми так дорожит твой отец.

– Но после того, как мы введем туда войска, иракцы ведь перейдут на нашу сторону?

– А куда они денутся. Разумеется, – уверенно заявил Рамсфельд.

– Тебя проводят мои люди до вертолета. Как мы и обещали, пара часов, и ты на пути домой, – добродушно улыбнулся барон, по-отцовски приобняв Буша. – И ни о чем не беспокойся, просто готовь речь.

Когда президент покинул комнату, некоторое время стояла тишина. Рамсфельд сидел, положив ногу на ногу, и раздраженно листал попавшуюся под руку газету на шведском. Непонимание текста вызывало больше недовольства.

– Не понимаю, на кой черт мы вообще его вызывали? Что нам дала эта беседа? Он бы и так делал все, что нужно.

– Буши хорошие марионетки, – поправил галстук барон, – но им необходимо верить в то, что от их мнения что-то зависит. Так они становятся податливей. Сегодня он узнал о нашем плане, удивился, но поверил. Теперь в нужный момент он заставит и простых американцев поверить. Нам они не поверят в любом случае.

– Тогда не стоило ему раскрывать плана с самолетами.

– Это не важно, – улыбнулся Ротшильд. – Он все равно на крючке.

– Хорошо, – прервал их Киссинджер, – кого мы поставим во главе атаки? Иракцев?

– Нет. Интуиция подсказывает мне, что президент не осмелится сразу замахнуться на Хусейна, его нужно будет подготовить. Начнем с Афганистана.

– Тогда у меня есть кое-кто на примете, – потер руки Рамсфельд.

– И кто же?

– Усама. Тот самый, которого мы спонсировали в прошлом году.

– Гонит наркотики и оружие по восточному трафику в Европу? Этот? – переспросил Киссинджер.

Дональд кивнул.

– Что ж, он хороший организатор. Думаю, на него в этом вопросе можно положиться.

– Только потом придется искать нового человека.

– Это не проблема, Джейкоб, – поднял голову Рокфеллер. – Люди в наше время вообще не проблема. Их всех можно купить и потом продать втридорога.

– Кстати, Дональд, – обратился к нему Ротшильд, – этот план с башнями ты сам придумал или подсказал кто?

– Сам, – недовольно фыркнул Рамсфельд. – Просто там работает парочка людей, которых я ой как недолюбливаю.

– Главное, чтобы в день икс они вышли на работу. Хех! – крякнул Рокфеллер, с трудом сдерживая смех.

– Тогда всю документацию и финансовую составляющую проведем через конторы, расположенные во Всемирном торговом центре. Следы пустим по кругу, что еще больше всех запутает. Бумаги сгорели, ничего не осталось, и так далее.

– Джейкоб, а не проще ли все это вообще втемную провести? – удивился Генри.

– Проще, но так люди быстрей поверят в террористов, с которыми нужно бороться. Они должны думать, что враг уже внутри страны. Это развяжет нам руки, когда захотим неугодных упрятать подальше.

– Хм-м, а мои идеи имеют последствия, – цокнул Рамсфельд. – Чертовски приятно чувствовать такое, скажу я вам! Нужно провести акцию в будний день, жертв должно быть много. Подыграем и идее по депопуляции. Да, Генри? – подмигнул он Киссинджеру.

– Не думал, что ты настолько кровожаден, – улыбнулся мужчина. – Спать потом хорошо будешь с руками по локоть в крови?

– Мы и так в крови по макушку, так чего уж останавливаться. Для меня цели Совета прежде всего, и я буду к ним идти даже по трупам. Эх... Стоять у истоков нового порядка.... мечта.

– До него еще далеко, – нахмурился Ротшильд, который никогда не любил подобного самохвальства, но фразу Дональда о последствиях он отчего-то запомнил.

Наше время

Ротшильд закрыл тетрадь и небрежно кинул ее на соседнее кресло. Посмотрев на часы, он усмехнулся.

– Идеи имеют последствия, Дональд. Тут ты прав.

Перед глазами снова замелькали образы незнакомых людей, и ему показалось, что он слышит гул приближающихся бомбардировщиков.

– Как же это остановить?.. – прошипел он, хватаясь за голову.

В этот раз боль отступила, как только часы в кабинете громко пробили шесть часа вечера.

– Ничего нельзя остановить, – не своим голосом ответил он на свой вопрос. – Только так.

Барон поднялся и прошел вдоль окон к письменному столу. Взяв телефон, он набрал номер своего помощника.

– Вечер добрый, Ричард, жду тебя в лондонском офисе, и чем быстрее, тем лучше.

– Понял вас, уже выезжаю.

– И да, захвати с собой того паренька-банкира, Льюиса, кажется. Для него есть работа.

– Хорошо, – всячески скрывая свое удивление подобной просьбой, ответил Ричард. – Будем в течение часа.

– Жду.

Ротшильд посмотрел на свой портфель, стоявший у двери.

– Пришло время избавиться от пешек. – Кривая улыбка коснулась его губ, и серо-голубые глаза сверкнули, поймав луч заходящего солнца.

Частный самолет почти достиг Нью-Йорка, когда Рамсфельд, не без труда проснувшись от чрезвычайно тяжелого сна, стал озирать-

ся по сторонам. В салоне никого не было. Не было слышно никаких разговоров пилотов, лишь плавный гул моторов. Под самолетом уже раскинулся Нью-Йорк. Без мигающих на крышах огней и рекламных вывесок он напоминал иллюстрацию к постапокалиптическому миру. Внизу не было видно людей, центр Манхэттена будто опустел вовсе.

– Эй! Где все? – хриплым голосом спросил он, взяв в руки начатую им бутылку красного вина. – Рик? – позвал он стюарда, с трудом вставая с кресла и снова глянув в иллюминатор. – Не слишком ли низко летим, а, Рик?

Ему казалось, что еще чуть-чуть, и самолет заденет крыши многочисленных небоскребов. Он постучал в дверь кабины пилотов, но ему никто не ответил. Тогда он открыл дверь.

– О боже!

В кабине никого не было. Штурвал сам вращался, следуя командам автопилота.

Дональд стал хвататься за рацию и кричать все известные ему позывные, но в эфире был лишь шорох, а самолет тем временем на очень большой скорости снижался. Подняв глаза на лобовое стекло, он только сейчас увидел надпись красной краской, тянувшуюся от края до края: идеи имеют последствия. Через несколько секунд на горизонте возникла башня нового Центра всемирной торговли. Без яркого освещения «башня Свободы» не казалась красивой. Сейчас она виделась Рамсфельду как маяк у входа в ад. Выйдя из ступора, Дональд стал пятиться назад, он отчего-то подумал, что в хвосте может быть парашют или там безопасней, и он сможет выжить. Бежать получалось с трудом, он спотыкался о падающие вещи. Он открыл дверь багажного отделения и увидел взрывное устройство, прикрепленное к полу. На нем была наклеена бумажка с надписью: «Теперь ты знаешь, каково было им». А еще через двадцать секунд, когда он обернулся к кабине пилотов, самолет протаранил башню из стекла и металла. Дальше произошел первый сильный взрыв, раскурочивший весь верхний этаж. Обгоревший труп Рамсфельда с оторванной нижней частью туловища выбросило из салона разорванного на части самолета. Второй взрыв уже отшвырнул почерневшее от едкого пламени тело из башни. Вместе с обломками здания и фрагментами самолета тело упало на опустевшую и заваленную мусором Фултон-стрит...

Барон взял со стола ручку и сначала зачеркнул имя Рамсфельда, а затем просто вырвал семь листов тетради и, скомкав их, бросил на пол. Отчего-то голове стало легче, боль отступила, но лишь на время. Он посмотрел на часы, а потом в тетрадь.

– Это только начало... – прошептал он, ухмыльнувшись своему отражению в стекле.

Ричард прибыл в офис через пятнадцать минут, молодой банкир Льюис, подающий надежды прослыть гением в финансовой среде, был с ним. Выпускник Лондонской школы экономики и Технологического института Массачусетса с восхищением смотрел по сторонам. В офисе Ротшильдов он бывал лишь однажды, да и то с экскурсией, а уж никак не по приглашению самого четвертого барона.

– Мистер Осман, – поинтересовался банкир, – а все же какова цель моего визита? Почему именно я?

– Увы, но никак не могу знать. Господин Ротшильд меня не уведомил на сей счет. Однако уверен, что это положительно отразится на вашем резюме. Сами знаете, связи в высших кругах способны на многое.

– Хорошо бы, – натянуто улыбнулся Монк, изо всех сил сдерживая любые проявления радости на своем лице. Он и представить себе не мог, что судьба сделает именно такой кульбит. Лифт остановился, открылись двери, и первым вышел помощник, парень молча последовал за ним, продолжая осматриваться по сторонам.

В офисе уже не осталось людей, и уборщики начинали свою работу. Секретаря на месте не было. Ричард постучал в дверь и, выждав несколько секунд, приоткрыл ее и заглянул внутрь.

– Господин Ротшильд, добрый вечер. Разрешите войти?

– Да-да, заходите. – Барон сидел за столом, раздумывая о чем-то. – И Льюис с тобой, отлично. Боялся, что его не окажется в городе.

– Ради такого, сэр, я бы вернулся откуда угодно. Добрый вечер! – Он направился к старику, дабы пожать ему руку. – Для меня большая честь познакомиться с вами!

Ротшильд пожал ему руку.

– Взаимно, – улыбнулся Натаниэль. – Итак, я вызвал вас так поздно, как вы понимаете, не просто так. Присаживайтесь, – кивнул он на стулья напротив себя. – Вечер будет долгим.

Осман обеспокоенно посмотрел на кипу папок из архива. Он узнал их, как-никак сам собирал это полное портфолио на многих партнеров и конкурентов своего начальника. Однако больше всего его озаботило присутствие на столе старой черной тетради. Ричард однажды имел неосторожность заглянуть в нее, и впечатлений хватило надолго.

– Я буду несказанно рад помочь вам, сэр, в любом деле. – Парень улыбнулся, чуть ослабив галстук.

– Похвально, – сложив руки на груди, барон откинулся на спинку своего высокого кресла, обитого красной кожей. – Ричард, вижу, ты узнаешь свою работу. – Проследив взгляд помощника, он кивнул на папки.

– Так точно. В них что-то не так? Нужно исправить?

– Отнюдь, – покачал головой Ротшильд. – С ними нужно разобраться.

– В каком смысле, сэр?

– В свете последних событий, – барон говорил тихо, так что к нему нужно было прислушиваться, и медленно, растягивая слова, будто получая от этого удовольствие, – мне стало известно, что против меня готовятся разного рода действия. Так уж получилось, – он положил левую руку на папки, – что в это число входят и персонажи из твоих отчетов.

Ричард сглотнул, не очень понимая, куда клонит начальник. Монк сидел как окаменевший, вжавшись в стул и чувствуя себя не просто лишним в этом кабинете, а вообще в этом городе, но в то же время он, будто губка, впитывал все услышанное. Внезапно ему показалось, что лицо Натаниэля уже не такое дружелюбное, как раньше.

– Против вас эти люди? – выдавил из себя Ричард. – Но ведь они все зависят от вас, какой им резон действовать против, господин Ротшильд? Это противоречит здравому смыслу.

– Не очень, когда речь идет о великих целях. Знаешь, может, они и не собираются действовать прямо сейчас, но я уверен, что спустя некоторое время они захотят нанести свой удар мне в спину. Есть у меня такие мысли, а как тебе хорошо известно, моя интуиция меня еще никогда не подводила. Я хотел предупредить это. – Барон сложил ладони в замок и поднес их ко рту. – А для этого мне потребуется твоя помощь, – он перевел взгляд на молодого банкира, – Льюис.

– Я... я готов, но не понимаю, как я могу быть полезен. Я не знаком ни с чем таким. – Монк кивнул на стол барона.

– А тебе и не надо. Я видел твои идеи по работе со счетами, по управлению и распределению.

– М-м, да, ого, вы читали мои доклады... ух ты! – он улыбнулся, садясь поудобней. Внутреннее напряжение было настолько сильным, что тело отказывалось слушаться. – Но это всего лишь идеи... – развел он руками. В глазах его барон уловил некое лукавство, но не придал этому большого значения.

– Да, именно, но ведь тебе просто не давали возможности применить их на практике, – криво улыбнулся Ротшильд.

– Сэр, – подал голос Осман, припоминая, над чем именно работал Льюис в студенческие годы, да и вообще его биографию до банкирской карьеры, – вы ведь не собираетесь заблокировать их счета?

– Заблокировать? – удивился Ротшильд. – Нет, конечно.

Ричард облегченно выдохнул.

– Я собираюсь их обнулить.

– Что?! – в один голос спросили его гости.

– Но это же незаконно, да и невозможно...

– Не причитай так, Ричард, это мое дело. Вы мне нужны в качестве исполнителей.

– Обнулить? – переспросил Льюис. – Но ведь это никуда не денет деньги. Поставить в графе баланса «ноль» не трудно, обмануть систему тоже, но куда вы хотите деть их деньги?

Монку безумно понравилась эта идея. На такое он и рассчитывать не мог. Внутри он ликовал. Никто из их организации еще не подбирался так близко к врагам. Хотя он и не знал, чьи именно фамилии в этих папках, его бунтарский дух, движимый довольно революционными идеями, торжествовал. Не зря он так долго пробивался в эту сферу, ему все-таки вот-вот выпадет шанс реализовать мечту... «Цикад».

– Мне все равно, куда они уйдут. Это лишь цифры и разноцветная бумага. – Барон взял папки и протянул их банкиру. – Однако без них им будет не до меня.

– Вы ведь не навсегда лишите их собственных средств, во многом честно заработанных, – настаивал на своем Ричард.

– Честно? – удивленно вскинул брови Натаниэль. – Честно не зарабатывает, мистер Осман, никто в наше время. Во всем есть двойное дно, а порой и тройное. Мы оба прекрасно знаем, откуда у них деньги. Во многом им помог я и мои бывшие коллеги.

– Разве это не сделает хуже?

– Ричард, друг мой, это временная мера. На неделю максимум. Хотя, – он развел руками, – если они поведут себя неправильно, то и санкции продлятся.

– Это... это какой-то бред... – качал головой Осман. – Я считаю это абсолютно нецелесообразным, это опасная затея, сэр. Вы так навредите себе же.

– Собственно, ты мне для этого не нужен, – чуть подумав, сказал Ротшильд. – Тут мне хватит помощи Льюиса.

– Вы знаете, сэр, моя семья верна вашей уже много лет. Я с вами в любом деле до самого конца. Даже если оно мне не нравится.

– ...Хорошо. Надеюсь, у тебя хватит ума не последовать за моими родственничками в Париж и не вести двойную игру.

– Никак нет. – Осман гнал от себя плохие мысли, он, с одной стороны, всегда доверял решениям начальника, а с другой, этот раз получился совсем из ряда вон выходящим, но совесть и долг перед своей семьей не могли позволить ему отступиться. – Я сделаю все возможное, чтобы последствия были минимальными для вас.

– Отлично. Итак, господа, Льюис, в этих папках полный список твоих целей. Все они так или иначе связаны между собой, со мной и на-

шим семейным банком. Свои сбережения они хранят в разных местах, но ввиду многих обстоятельств у меня к ним есть доступ. Сделай так, чтобы у них не осталось ничего. Более того, во всех их фондах и организациях. Минимум на неделю, а там видно будет. Пусть станут нищими.

– Некоторые этого не переживут, – заметил Ричард.

– Знаю, – кивнул барон. – Тем лучше. Хех, ведь у некоторых огромные займы и долги по кредитам...

– Сэр, а вы уверены, что они все против вас настроены?

– Нет, но думается мне, что лучше перебдеть. Их реакция все скажет за них.

– Вы ведь помните, что среди всех прочих там фигурирует и королевская семья... не думаю, что ей есть дело до игр с вами.

– Ошибаешься. Им всем есть дело, когда речь заходит о власти.

– Можно взглянуть, господин Ротшильд? – Льюис потянулся к папкам.

– Конечно. Они в твоем полном распоряжении, как и компьютеры в основном зале. Сотрудники уже разошлись по домам. У тебя есть время до утра.

– Так много не нужно. Я управлюсь часа за два.

– Что ж, ступай, – кивнул на дверь барон, – Ричард к тебе присоединится чуть позже.

– Понял! – Монк встал с кресла и, взяв папки, вышел из кабинета. Внутри его колотило, безумно хотелось поделиться информацией с товарищами, но сначала нужно было завершить миссию. Никак нельзя себя выдавать, тем более звонками неизвестно кому.

– Королева будет жестко действовать, вы же знаете, сэр.

– На все ее действия, – хмыкнул Ротшильд, – у меня есть ответ. А если она забыла – я ей непременно напомню. Успокойся, Ричард, семь дней, и мир будет таким, как надо, все вернется на круги своя. Каждому по заслугам...

– ...Вам виднее.

– Именно, друг мой, мне видней.

Оставив барона наедине со своими мыслями, Осман пришел к Монку. Тот листал бумаги, с каждой страницей глаза его округлялись сильней.

– Внушает, да? – улыбнулся Ричард, садясь рядом.

– Еще бы! Это как листать списки «Форбс», которые никогда не печатались. Что ж, думаю, можно начинать.

– Да... – шумно вздохнул мужчина. – Как же мне не нравится эта затея, – покачал он головой. – И даже ума не приложу, что я упускаю. Где он изменился настолько, что даже я перестал понимать ход его мыслей?

– М-м, вы сейчас со мной разговариваете?

– Нет, просто мысли вслух. – Осман опустил голову и снял очки, устало потер глаза. – Понимаешь, еще пару недель назад он был одним человеком, а потом вдруг изменился. Не могла же смерть Уокера так на него повлиять...

– Ну, не знаю, может, он встретил кого? – пожал плечами Льюис. – Всякое бывает.

Банкир погрузился в компьютер.

– Встретил? – прошептал Ричард, вспоминая все новые лица в окружении барона. – Девушку ту разве что, но что она могла... просто психоаналитик... мастер гипноза... – Осман резко замолчал, прокручивая в голове картинки из недавнего прошлого. – Слишком фантастично, но все же... хм-м...

– М? – посмотрел на него вопросительно Монк. – Что-то не так?

– Нет-нет, ты работай, а я кое-куда отлучусь. Мне нужно сделать важный звонок.

– Ок!

Ричард вышел из большого зала и скрылся за стеклянными дверьми. Уйдя достаточно далеко, где никто бы его не видел и не слышал, он достал мобильный телефон и набрал один из номеров.

– Энди, привет, это Осман! Как ты, друг?

– Неплохо, неплохо, как ты?

– Слушай, мне нужна твоя помощь.

– Конечно, что случилось? Что-то в семье приключилось? Зачем тебе вдруг именно моя помощь-то?

– Нет, с семьей все в порядке. Видишь ли, у меня вопрос такой к тебе как к профессионалу. Может ли гипноз изменить поведение человека до неузнаваемости?

– Звучит фантастически, наверное, для кого-то, но да – может. Были такие случаи.

– Скажи, а можно как-то вывести человека из этого состояния и есть ли какие-то способы узнать, точно ли он под чужим влиянием?

– Для профессионала нетрудно, думаю.

– Ты сможешь определить это, взглянув, пообщавшись с человеком лично?

– Возможно. Давно с таким не сталкивался...

– Ты должен тогда взглянуть на моего начальника.

– На барона Ротшильда?! – опешил врач-психиатр Энди Модман. – Ты умеешь удивлять!

– Это очень важно, – тихо проговорил Ричард. – Мне кажется, он под чьим-то влиянием. Ты можешь приехать в офис сейчас?

– В Сити-то? М-м, ну часика через полтора подъеду. Так и быть, но с тебя причитается. А ты уверен, что он меня примет?

– ...Я что-нибудь придумаю...

Льюис, закусив нижнюю губу, работал со списком. От каждой фамилии он приходил во все больший восторг.

– Черт! Как же долго мы к этому шли... просто искали выходы... а он сам позвал меня. Сам... Да еще поручил такое... Невероятно, – бормотал он себе под нос, то и дело поглядывая в список. За каких-то двадцать минут он уже обнулил счета нескольких знаменитых фамилий. – Да уж, завтра Голдманы сильно удивятся... – он довольно хмыкнул, – но еще сильней удивится она... Только вот, хм-м, видимо, придется американцам включать цивилизацию раньше. – Убедившись, что никто не смотрит и камеры не направлены в его сторону, Льюис аккуратно, не доставая телефона из кармана пиджака, набрал на ощупь нужное слово и отправил его на какой-то номер. Потом сделал вид, что достает носовой платок. – Прирожденный Джеймс Бонд... и кому нужны эти новенькие телефоны, когда есть старенькие кнопочные...

Гранд-Форкс, Северная Дакота, США

На въезде в город двигатель машины Тогая стал издавать странные звуки, предвещая, что вот-вот остановится.

– А ты говорил, что машинка надежная, – ехидно подметил Леон.

– Она просто не рассчитана на такие скорости и расстояния.

– Еще скажи, ей наша нервозность передалась. Хорошо, что хоть ночь провели в мотеле, а то застряли бы где-то посреди ничего...

– С той остановкой только время потеряли, – фыркнул индеец.

– Да ладно вам, ребята, – вмешался Эвис, – вон автосервис какой-то, там починят все.

– А если нет? – парировал индеец.

– Арендуем, – ответила Сенка, нахмурившись и глядя в зеркало заднего вида.

– Ты что-то заметила? – поинтересовался Тогай. – Уже полтора часа все оглядываешься.

– Да так, предчувствие плохое. – Девушка поправила воротник куртки. – Останови здесь. – Она кивнула на офис по аренде машин. – Как удачно, да?..

– Ну-у, – протянул Гарсия, – это же Вашингтон-стрит, на ней все и собрано. Судя по карте, – он ткнул пальцем в буклет, – чуть дальше по дороге есть ремонтная мастерская и, самое главное, – мексиканский ресторан, ребятки. Сенка, потом приезжай на Девятую авеню.

– Значит, там и встретимся. – Обилич взяла свой рюкзак и открыла дверь.

– Давай я с тобой пойду, – вызвался Купер.

– Не стоит. Я сама справлюсь. – Она натянуто улыбнулась, аккуратно вылезая из машины.

– Может, нам не нужна машина вовсе, починим ведь сейчас.

– Починят – вернем. Езжайте! – Она захлопнула дверь и пошла в сторону парковки с подержанными машинами.

Три огромных плаката с названием «Энтерпрайз» зазывали клиентов низкими ценами и отличным качеством. Сенка остановилась на несколько секунд – на билборде, что повыше, на красном фоне было написано что-то белым цветом. Первые два слова были залеплены снегом, и осталось только последнее: «Живи». Обилич хмыкнула и направилась к одноэтажной белой постройке. На улице резко потеплело, и снег начал таять, оставляя после себя глубокие лужи. Машин на стоянке было мало, но она уже заприметила одну. Черный «Лэндкрузер 200», немного поцарапанный со стороны водительской двери и, разумеется, не новый, но главное – на ходу.

Тем временем трое друзей добрались до Девятой авеню и заехали в автосервис «Бэкстед», который оказался одноэтажным домиком, облицованным красным кирпичом. Из четырех окон по приему машин не закрыты жалюзи были лишь два. Они медленно въехали внутрь. Им навстречу вышел один из мастеров и подошел к водительскому окну.

– Терминалы не работают, оплата только наличными. Да и то зависит от того, можно ли вас починить без сильных затрат энергии. Генераторы и так на последнем издыхании.

– Поняли тебя, шеф! Наличка так наличка. У нас что-то мотор барахлит, звуки странные. Глянешь?

– А иначе зачем мы тут, – улыбнулся мастер, разведя руками.

Пока мастер заглядывал под капот и размышлял, Эвис полез в свой ноутбук.

– Что слышно? – полюбопытствовал Купер.

– Да, вот, похоже, «Цикады» медленно отпускают вожжи, и кое-где цивилизация возвращается.

– Это плохо?

– Не-а, нужно узнать, сделал ли барон ответный ход, работает ли план.

– Если нет, то что?

– Продолжим держать Америку в каменном веке, насколько сил хватит. До тех пор, пока индейцы свою часть плана не выполнят. О! Радиостанции некоторые заработали.

– Что слышно? – Леон пододвинулся ближе, Гарсия дал ему один наушник.

– ...Правительство пытается взять ситуацию под контроль, задействованы все резервы. Повторяю, в стране объявлено военное положение, – повторял взволнованный ведущий, – Вашингтон санкционировал изъятие оружие у населения...

– Все-таки решились, – покачал головой Леон. – Сами себе смертный приговор подписали ведь. Как можно быть такими... глупыми?..

– Они не глупые, Леон, они просто следуют своему плану без поправок на человеческий фактор. Им невдомек, что против них уже давно работают их же граждане. И если Сенке удалось, то и один из них.

– Все равно с трудом представляю себе, чтобы такое получилось. Это ведь просто гипноз... Если бы я не видел ее глаза, никогда бы не поверил в такое.

– Они завораживают, это точно.

– Стало известно, – продолжал передавать последние новости ведущий, – что частный самолет врезался в здание Всемирного торгового центра. При крушении и последовавшем взрыве погиб один человек. Других пострадавших нет. По предварительным данным, погибший – Дональд Рамсфельд. Подробных комментариев от полиции по факту взрыва пока нет. Сообщается о возможном заказном убийстве.

– Чего?! – подпрыгнул на месте Эвис. – Да ладно!

– Он из списка?

– Угу. Один из членов Совета... неужели работает? Если заказное, то, может быть, это дело рук барона? Хм-м...

– О чем задумался?

– Если он начал действовать, то нужно включать людям некоторые СМИ, хотя бы частично. – Хакер глянул на часы. – До выхода на связь еще полтора часа.

– Выйди раньше.

– Нельзя. Радиосигнал могут перехватить. Уверен, они только и делают, что скачут по радиоволнам в поисках зачинщиков беспорядков. Им и так несладко пришлось, военное положение толком объявить не могут.

– Введут войска в города, и все увидят.

– На это время нужно. Да и сам посмотри, люди сваливают из Америки, все бегут в Канаду. На юге небось в Мексику ломятся. А когда начнут в дома врываться и оружие отбирать, вот тогда уж наверняка побегут.

– Так, а телевизоры и интернет зачем включать? Разве они не начнут свою пропаганду вновь?

– Начнут, но новости о выкосе верхушки переломят всю их ложь. Да и сами побегут в страхе в разные стороны, когда помирать начнут один за другим. И разве ты не хочешь, чтобы их жертвы насладились местью?

– Не думаю, что их жертвы вообще живы.

– Некоторые живы, – пожал плечами Эвис. – И смерть этих сукиных сынов будет отличным подарком к началу новой жизни.

– Ты не казался мне таким кровожадным раньше.

– Ой, что ты, я мирный. Это так, эмоции, – отмахнулся Гарсия. – Просто видел многих, кто пострадал от них... да и меня их происки коснулись. Верней, моей сестры. Ладно, – он шумно вздохнул, – не будем о грустном. Раз все идет по плану, то, значит, все хорошо.

Механик вытер руки и подошел к Тогаю, рассматривающему доску объявлений.

– Часа на два работы. Ничего серьезного, заменить нужно деталь-ку, да и масло поменяем. Можете тут подождать, – он кивнул на четыре стула у стены рядом с неработающим автоматом с горячими напитками, – или в забегаловке любой. Тут на Вашингтон-стрит их полно.

– Вернемся через два часа тогда, – согласился Тогай, выходя из мастерской на улицу, где его уже ждали. – Ну, веди нас в свой ресторан, Эвис, а то Сенка приедет, а нас не найдет.

– Ага, испугается, обидится, – хмыкнул Гарсия, Купер его поддержал.

– Да ну вас! – махнул на них индеец рукой. – Можете тут остаться и пить чай из порошка.

– Спасибо, этого добра мне на работе хватает, – улыбнулся Леон, медленно идя за мексиканцем.

В этот момент мимо них промчались четыре полицейские машины. Затем еще две.

– Срочный вызов, что ли? – удивился Эвис, глянув на Купера.

– Навряд ли, – мотнул головой Леон. – Ты у нас гуру, ты и скажи.

– Да-да... Северная Дакота, по-моему, не в приоритете.

– И то верно. Хм-м, – остановился Купер, – тут тоже можно арендовать тачку. И чего она захотела так далеко ее взять?

– Может, захотела прогуляться? – предположил Тогай. – Или конспирации ради. Ход ее мыслей трудно понять, но, уверен, есть за этим какая-то логика.

– А вот и «Парадизо»! – указал на ресторан через дорогу Эвис. – Мне его нахваливали.

Леон обратил внимание, что две полицейские машины остановились у итальянского ресторана через улицу от них.

– Ребятки, идите-ка без меня, я догоню позже.

– Эй? Ты куда? – удивился Гарсия. – Леон?

Но полицейский ничего не ответил, перешел дорогу и быстрым шагом направился к итальянскому ресторану.

Недоуменно переглянувшись, Тогай и Эвис подошли к одноэтажному дому, оформленному в традиционных мексиканских красках, с расписным фасадом и башенками, венчавшими крышу.

Купер шел настолько быстро, что стало жарко. Он расстегнул куртку и развязал шарф. На стоянке у одной машины двое полицейских ждали, видимо, своих напарников.

– Сэр? – удивился один из молодых мужчин, посмотрев на подошедшего к ним Леона.

– День добрый, коллеги. – Купер показал свой жетон, отчего патрульные сразу расслабились. – Не поделитесь важной информацией? – Он кивнул на рацию, работающую в их машине. – Мобильник умер, а тут еще и это выключение всего, остался без связи.

– Это да, пока только и хватает, что передающие антенны от генераторов подпитывать. Да и то всю Дакоту не охватывает. Остается надеяться, что включат в ближайшее время.

– А что там случилось? Вы не в курсе?

– Конкретики никакой. Говорят, что хакеры какие-то взломали сети и держат блокаду. Правда, ресурсов на это у них много уходит. Долго продолжаться не сможет.

– Ясно... ну так что там с новой информацией?

– Да нет никакой важной пока. Приказы сыплются один за одним, постоянно дают новые ЦУ, только и знаем, что мотаемся по городу, как дерьмо в проруби. Даже пожрать толком нельзя, – сказал тот, что постарше, и плюнул себе под ноги.

– Нас же всех переводят на военное положение, разве не так?

– Да переводят, только вот нас к этому тут не готовили. Всучили указания из центра и теперь требуют как с рабов. Тут вооруженных людей представляешь сколько? И каждый с расшатанными нервишками... поди отними у них игрушки огнестрельные. Столько народу перебить придется.

– Ну, – почесал в затылке второй, – зачем убивать, когда можно сослать в лагеря эти ФЕМовские[28]. Не зря же строили.

– Можно подумать, это так легко, – фыркнул полицейский, осматриваясь по сторонам. – Кстати, а что это тебя так далеко от Нью-Йорка занесло?

– Да, – махнул рукой Купер, – в отпуске был. Друзей навещал, а тут такое. Думал вернуться, но у меня семья в Графтоне. Еду к ним.

[28] FEMA – Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях в США.

– Я бы на твоем месте не возвращался. Валить надо отсюда, пока не поздно. Канада вон недалеко.

– Идея хорошая, – улыбнулся Леон. – Однако кто-то должен и долг исполнять. Если за вами следом поеду, с вашим начальством встречусь?

– Да. А тебе зачем?

– Присоединиться хочу, лишние руки всегда пригодятся!

– Ну ты, парень, даешь, – хмыкнул старший, – а семья как же?

– Думаю, я сделаю больше для них, выполняя свой долг. Да и не могу сидеть сложа руки. Уверен, и сам бы получил такой приказ, только связи нет. Не подскажете, тут в городе бронежилеты купить можно?

– Есть тут два магазинчика, но сейчас они опечатаны. Люди так и ломанулись туда вооружаться, – ответил тот, что помоложе. – Мы же не самоубийцы, пушки и патроны вывезли оттуда еще утром.

– Ладно, – махнул рукой старший, – бери наш броник, нам лишние жертвы ни к чему, и езжай за нами. – Он кивнул на заднее сиденье машины. – Один лишний дали все равно. А без защиты там делать нечего.

– Ого! Спасибо! Я тогда за своей машиной и сюда.

– Давай, мы тут пять минут и выезжаем.

– Понял!

Купер взял под руку тяжелый бронежилет и направился в сторону мастерской. Внутри работа кипела, и никто не обратил внимания на то, как он прошел к машине и бросил свое приобретение на заднее сиденье.

– В этот раз без ранений и сюрпризов обойдемся, – сказал он вслух. – Все-таки прав был начальник, чем дальше от центра, тем полицейские доверчивей...

Внутри «Парадизо» было малолюдно, но все же посетителей хватало. Пахло ароматными соусами из томата и перца. Обстановка была очень приятной, приглушенный свет и мягкие стулья располагали к отдыху.

– Она уже здесь, – заметил Тогай.

Столики вдоль стены были разделены между собой расписной перегородкой с окошком. Обилич выбрала тот, что посередине.

– А мы думали, ты решила нас бросить, – улыбнулся индеец. Эвис и Тогай сели напротив. – Как все прошло?

– Успешно. У вас? Что с машиной? И где Купер?

– Обещали через два часа сделать, а там кто его знает, – ответил индеец. – А Купер отошел на пару минут, сказал, скоро будет.

– Да, видимо, пошел разузнать, что да как, у своих коллег.

– Ясно...

– Есть еще новости.

Девушка вопросительно посмотрела на него.

– Рамсфельд мертв. Его самолет врезался в башню, а потом еще и слегка подорвался.

– И? – нахмурилась Сенка.

– Это значит, что план работает, – ответил за друга Эвис.

– Совпадение, может быть. – Она убрала выбившуюся из хвоста прядь волос за ухо. – Мы же не знаем, что это дело рук барона.

– В любом случае, подождем следующей жертвы, – кивнул Тогай. – Тогда уж точно будет не до совпадений.

– Ой, а давайте уже еду заказывать! Я сюда есть пришел, а не разговоры разговаривать! – возмутился Гарсия, откладывая меню в сторону и призывно глядя на официантку. – Увидь меня! Приди к нам! – шутливо ныл хакер. – О! Леон!

Купер вошел в ресторан и, подойдя к друзьям, сел рядом с Сенкой.

– Успешно? – поинтересовалась девушка.

– Угу, – кивнул Леон, беря со стола меню. – Даже очень.

– Что они сказали? – спросил Эвис.

– Толком ничего, но мне от них не нужна была информация.

– А что тогда?

– Сюрприз, блин.

– Скрытный какой, – фыркнул Гарсия.

– Ты разве не собирался выходить с кем-то там на связь? – спросил Тогай.

– Да, но не при всех же. Тут как бы людей многовато. – Эвис поежился от внезапного холодного ветерка, неизвестно откуда взявшегося. Затем глянул по сторонам. – Хотя те трое в зале не услышат.

Он достал из рюкзака ноутбук и открыл его.

– Э? Как странно... – удивился он.

– Что? – спросили друзья.

– Сеть появилась... они включают ее не спеша. – Тут же в ресторане заработал телевизор, но вместо вещания шли помехи. Сразу стало светлей и шумнее. – О! Наши уже тут как тут, – улыбнулся хакер, заходя в свой зашифрованный чат.

Минуты три он ничего не слышал вокруг и не обращал внимания на своих товарищей, а был полностью поглощен интернетом.

– Это уму непостижимо! – довольно воскликнул он. – Вы даже себе не представляете, мои дорогие, что случилось!

– Давай, удиви нас, – скептически сказала Сенка, глянув в окно. Ей по-прежнему было не по себе, она словно чувствовала опасность, которой пока нигде не было видно.

– Одному из «Цикад» удалось проникнуть в логово врага. В Англии... – Эвис то и дело возвращался глазами в чат. – Его просто пригласили. Черт! Мы так долго стремились к этому.

– Больше конкретики можно? – спросил Купер.

– Барон пригласил его, понимаете, – барон, – перешел на шепот Гарсия. – Этот Монк – он у нас фигура значимая, и он смог попасть к Ротшильду. Более того, тот дал ему поручение.

– Какое? – поинтересовался Тогай.

– В общем-то, то самое. – Эвис многозначительно посмотрел на Обилич. – Он приказал ему обнулить счета своих партнеров и прочих знакомых. Льюис дал понять, что список внушительный.

– Что это значит? – нахмурился Леон.

– Это значит, что план работает. Барон действительно делает то, что мы хотели. Правда, своими способами, но это не важно.

– А убийство Рамсфельда? Что-то об этом есть в твоей коробочке?

– Ничего, – пожал плечами Гарсия. – Может, будет информация позже.

– Жаль. Немного ясности нам бы не помешало.

Спустя пару минут к ним подошел официант и принял заказ. Еще через десять минут началось вещание некоторых федеральных каналов. Новости были сумбурные и с бедной картинкой. Монтаж требовал времени. Зато выступления Обамы шли одно за другим, и все об объявлении военного положения.

Вук въехал на территорию города Гранд-Форкс. Настроение было хуже некуда, а еще безумно хотелось есть. Ни один из ресторанчиков не привлекал ни своим названием, ни своим видом, посему он решил выбрать первое попавшееся. Как назло, попадались лишь забегаловки, переполненные людьми сомнительного вида или с едой сомнительного качества. Рекламная вывеска мексиканского ресторана в десяти минутах езды ему показалась заманчивой.

– «Парадизо» так «Парадизо», – вздохнул он, глянув на телефон. – Когда же они, в конце концов, заработают, черт их дери... – Он ругнулся на сербском и прибавил газу.

Спустя каких-то три минуты пикнул телефон.

– Да ладно! – он взял его и посмотрел на экран. – Не прошло и года!

Вук набрал номер из последних звонивших.

– Где тебя черти носят?! – без какого-либо приветствия ответил Бруно. – Твоей заднице лучше быть на окраинах Нью-Йорка.

– Не кипятись. Я еще Северную Дакоту не покинул. Моя цель в любом случае в приоритете у заказчика.

– Да что ты говоришь? – злился мужчина. – Мы первый пункт из заказа уже выполнили.

– Как все прошло?

– Отлично. Мне даже понравились эти шпионские страсти. Правда, мой братишка ногу повредил, когда приземлялся. Все-таки мало он еще с парашютом отпрыгал.

– Как подготовка ко второму пункту?

– Нормально. Жертва в городе, в гостинице. Нетрудно. Когда тебя ждать, Вук? Ты смотри, а то твои деньги я заберу себе. Руковожу пока всем я.

– Знаю. Отдам тебе половину, – улыбнулся Бранкович. – Поверь мне, моя цель важнее.

– С чего это?

– Думается мне, что все началось именно из-за нее.

– Хм-м, зачем убивать того, кто принесет тебе в карман нехилую кучку зеленых?.. Странный ты, сказал бы ей спасибо. Ладно, у тебя два дня, и я заберу твою зарплату.

– Хех, как скажешь, друг!

– Конец связи.

Вук заехал на парковку у ресторана. Было занято только пять мест. Бранкович включил радио. Тут же поймал какую-то волну, где в режиме нон-стоп шли новости. Ведущий сообщал все больше о событиях в США, но в конце коснулся и мира.

– Уличные бои в Косово, по последним данным, завершены, и сербским властям удалось взять под контроль практически весь регион. Однако в некоторых районах военные все еще встречают сопротивление со стороны албанского населения...

Вук поморщился и выключил радио.

– И почему мне кажется, что именно ты приложила к этому руку? Если и ты, то зачем? Думаешь отомстить так, что ли? – спрашивал он тишину. – Какой в этом смысл?.. Не важно, – он нахмурился, – не видать тебе родного Косова.

Четверо друзей уже вовсю уплетали обед. Гарсия выглядел счастливым, будто ребенок, которого вывели погулять. У каждого из тарелки он стащил по кусочку, аргументируя это тем, что только он, истинный ценитель и знаток мексиканской кухни, может понять, правильно ли приготовлено то или иное блюдо.

– Я отлучусь на минутку.

Леон встал, чтобы выпустить девушку.

– А мне тоже надо! – подскочил с места Эвис. – Я с тобой!

– Смотри дверь не перепутай! – улыбнулся Купер.

– Ой, как смешно, – скорчил рожицу хакер.

– Как думаешь, – спросил индеец, проводя друзей взглядом, – почему она не доверяет нам до сих пор?

– С чего ты это взял? – удивился полицейский, отламывая кусок от горячей лепешки.

– Взяла с собой сумку, будто боится, что мы залезем внутрь.

– Не думаю, что это от недоверия.

– Отчего тогда?

– Мне кажется, что она из тех людей, кто предпочитает быть всегда наготове, она не хочет быть загнанной в угол, чтобы ее застали врасплох. Да и потом, она уже весь день о чем-то переживает. В сумке лежит пистолет. Если что-то случится в зале, пока ее нет, – она будет готова противостоять. Это не от недоверия, Тогай, это ради защиты. Думаю, этому ее научили дома.

– Хм-м, – задумался индеец, – возможно, ты и прав.

Выйдя из машины, Бранкович потянулся. От долгого сидения, казалось, затекло все тело. Окинув дом быстрым взглядом, он со скепсисом направился внутрь. Зайдя в ресторан, глянул по сторонам. Выбирать место долго он не стал. Просто сел за первый же столик слева от входа. Лицом к выходу. Мужчина взял меню и быстро пробежался по нему глазами. Попалась парочка знакомых названий. Решив их и заказать, он глянул по сторонам в поисках официанта. Из-за угла появился молодой парень, явно мексиканец.

– Заказ не примете? – обратился к нему Вук.

– Ай, да я здесь не работаю. Извини, приятель, – ответил Гарсия, осмотрев Вука с ног до головы. – Сейчас подойдут, они тут быстро обслуживают, – как можно дружелюбнее сказал Эвис.

Далее он сделал вид, будто что-то забыл, и вернулся к уборным. Не мешкая зашел в женскую комнату. У зеркала причесывалась Сенка, она молча посмотрела на него.

– Здесь Вук. Не выходи пока. Он сидит прямо у входа. Мимо не пройти.

– ...Возвращайся ко всем, – сдержанно ответила девушка. – И не нервничай. Все будет хорошо.

Гарсия вернулся в зал, изнутри его била дрожь. Так близко он врага еще не видел. Да и от Бранковича исходила такая сила и ненависть, что трудно было держать себя в руках. Как в тумане он вернулся на свое место.

– М-м, что с тобой там произошло? Привидение увидел? – с усмешкой спросил Купер.

– Там у входа за столиком сидит Бранкович, – прошептал Гарсия.

К Вуку как раз подошел официант и принял заказ. Дальше он хотел поставить меню обратно на стол, но от резкого порыва ветра его сдуло на пол. Наклонившись, чтобы поднять его, он посмотрел налево. Через окошко в перегородке ему показалось, что он видит какой-то слишком знакомый затылок. Прищурившись, он увидел и парня-мексиканца, сидевшего с краю. Встав с места, Вук сделал пару шагов к их столику. Сомнений не было. Он оглянулся по сторонам в поисках Сенки. В этот момент Купер резко встал с места и буквально вырос перед Бранковичем, сильно ударив его в живот, а затем толкнул в стену со всей силы.

– Уходим! – приказал он. – Она все равно ждет нас в машине.

Втроем они вылетели из ресторана и со всех ног побежали в автосервис.

– Ого! Да вы прям экстрасенсы! – удивился механик. – Только закончили возиться с вашей. С вас семьдесят.

Купер всучил ему сотню долларов.

– Сдачи не надо, шеф! Спасибо за работу.

Все трое забрались в салон.

Леон сел за руль. Уже через десять секунд машина тронулась с места.

Бранкович выбежал из ресторана. Он увидел, как с противоположной стороны улицы выезжает желтый пикап. Вук сел в свою машину и поспешил за беглецами.

– Ай да денек! – Он вытер кровь, стекающую из рассеченной брови. – Далеко не уедешь, Купер, – змеей прошипел он.

Эвис глянул назад.

– Ему нетрудно будет нас догнать.

– Знаю, – резко ответил Леон. – Надень жилетку.

– Чего?

– Броньку надень.

– Почему я? – удивился Эвис.

– Я так сказал. Из нас из всех только ты не сможешь увернуться от пули.

– Это с чего такая дискриминация?

– Одевай! – рявкнул полицейский, набирая скорость. – Так хоть кто-то имеет шанс выжить!

– Ладно, ладно. Одеваю уже... где ты его раздобыл только?.. – причитал хакер.

– Украл у коллег-полицейских.

– Украл?

– Взял поносить. Да какая разница-то? – Он быстро посмотрел на Гарсию. – Кофту сверху натяни. Не помешает.

– Хорошо, мамочка, – хмыкнул Эвис, пытаясь привести мысли в порядок. – Мог бы и три стащить, а лучше четыре.

– Не было у них больше.

– А Сенка как же?

– В любом случае мы уведем его от нее. На данный момент она в безопасности.

– Это уже хорошо, – кивнул Тогай. – Только не думаю я, что это надолго.

– Что бы она ни задумала – мы выиграем ей время.

– Гони, Купер, как никогда не гонял! – подбадривал его Эвис. – У нас оружие есть?

– Есть. Только успеть бы им воспользоваться...

Сенка вышла в зал, окинула его быстрым взглядом, затем подошла к окну. Она успела увидеть, как желтый пикап выехал на дорогу, а за ним следом Бранкович. Девушка спешно расплатилась и покинула ресторан.

– Только тронь их, и я убью тебя, Вук, – вслух сказала она по-сербски, садясь в машину. – Только тронь.

Обилич ехала достаточно быстро, но старалась, чтобы Бранкович не заметил преследования. Хотя времени обращать внимание на такие мелочи не было.

– Как знала, что так и будет... И почему никогда не прислушиваюсь... Дура! – ругнулась она на себя. – Знала же, что он не отступится...

Май 1990 года, Косовска-Митровица

До начала летних каникул оставалась всего неделя, а погода уже была летней и отбивала всякую охоту сидеть за уроками. Вокруг все цвело, и над городом стоял дивный аромат. Казалось, что воздух можно было брать ложкой и есть. В четверг Радован решил не задерживаться допоздна, а сделать своим внукам небольшой сюрприз. Он пришел за ними в школу, захватив все самое необходимое для пикника. Сенка и Марко, только завидев деда у ворот школы, сразу догадались, что без сюрпризов не обойдется.

– Ты, наверное, что-то натворила.

– Или ты, – улыбнулась девочка.

– Не-а, – помотал головой Марко, – дедушка всегда говорит, что я идеальный ребенок.

– Ну конечно...

Однако оба оказались неправы. Радован с улыбкой встретил их и обнял.

– Готовы идти гулять? – щурясь от яркого солнца, спросил он.

– Без уроков? – спросила Сенка.

– Без. Зачем на прогулке уроки? Хотя можем просто сделать их на ходу! Как тебе такая мысль?

– Давай попробуем! – согласилась внучка.

Дорога к излюбленному Радованом месту заняла полчаса. В тени деревьев на берегу реки было скрытое от глаз местечко. Его нельзя было разглядеть ни с моста, ни с дороги. Разве что с другого берега реки. Расстелив цветастый плед на высокой траве, все трое принялись вытаскивать из большой плетеной корзины деда все его заготовки. Марко был рад каждой находке, но в самый большой восторг его привел еще теплый хлеб и земляничное варенье.

– Деда! Ой, деда! Я ведь все это съем! – верещал мальчик. – Съем ведь и вам не оставлю!

– Так для тебя и брал все, синку! – улыбался Радован.

Сенка в это время стояла на берегу босиком, всматриваясь в горизонт, будто пытаясь там что-то разглядеть.

После скромного обеда Марко и сам не заметил, как, укрывшись покрывалом, уснул. Сенка сидела рядом с ним и листала учебник. Заметив какое-то смятение в лице внучки, Радован аккуратно спросил:

– Что-то не так? Что тебя беспокоит, милая?

Он сел рядом, стараясь не потревожить Марко.

– Деда, а Милош Обилич – он наш дальний родственник? – Она ткнула пальцем в иллюстрацию в учебнике.

– ...Да, – чуть помолчав, ответил Радован.

– Нам учительница рассказывала сегодня, что у него не было детей, нет потомков, а по другой ее версии, его вовсе не было. Почему она так сказала?

– Может, потому что не знает, – пожал плечами дед. – Или не хочет знать. Мы наш род от него ведем, не было у нас никакого другого предка. Доказывать это я никому не собираюсь. Я верю в наше семейное предание о том, как спас он своего сына, отправив его подальше от войны, а тот смог спустя время вернуться. К сожалению, со смертью Лазаря и Милоша в Сербии воцарилась новая власть, не желавшая помнить истину. Оттого и появились такие вот истории. – Он кивнул на учебник.

– Тогда почему Бранкович стал так сильно его ненавидеть? За что? Ведь ты рассказывал мне, какими они были друзьями, как братья же были.

– Может, это Милош к нему так относился, а сам Вук изначально имел другие цели. Возможно, жажда власти свела его с ума, сбила с пути. Он всегда хотел многого и не согласился бы на что-то меньшее, чем все Сербское царство. Правда, пришлось ему и его писарям изрядно потрудиться, чтобы обелить свое имя много лет спустя.

– Он ведь все равно не получил того, что хотел, – нахмурилась девочка. – Только объедки со стола Баязида. Он обманул его, так же как Вук обманул всех.

– Верно, мисс всезнайка.

– Почему ему все поверили? Почему согласились именно с его версией?

– Потому что все, кто знал правду и мог бы его остановить, пали на Косовом поле.

– Деда, а сын Милоша простил его? – чуть поразмыслив, спросила внучка.

– Нет, – покачал головой Обилич. – Никто из потомков не простил. Признаться, и я не смог. Вовсе не потому, что Милоша предал, а потому что весь народ предал. Такое не прощают.

– Даже несмотря на то, что Бранковичи старались делать для Сербии потом?

– Их грех слишком велик, чтобы они могли его искупить, милая Сенка.

– То есть никогда не искупят?

– Хм-м, когда я был маленький, я тоже задал такой вопрос своему деду. Помню, он тогда посмотрел на меня серьезно и ответил, что никогда.

– Даже если умрут?

– У них большой род. Насколько мне известно, сыновей там хватает. – Он почесал щеку, размышляя. – Хотя сейчас такое время, что крови в одном человеке намешано всякой. Как знать, может, один потомок и остался. Как и у Обиличей. Всех не перебить, да и нет у них уже того влияния. Они просто бизнесмены и дельцы. Не опасны они сейчас...

– А если один из них опасен? Разве не наш долг... – резко замолчала девочка.

– Убить его?

– Угу. Остановить хотя бы?

– Бабка моя часто сказывала, что если бы время вернулось вспять или как-то так вышло, что сошлись бы снова Обиличи и Бранковичи, тогда над Сербией новое солнце поднялось бы и озарило истинный путь в будущее, в котором жить должны были с тех давних пор. Она любила сказки. – Он улыбнулся, вспомнив свое детство. – Почему

тебя вдруг это так сильно беспокоить стало? Тебе кто-то в школе что-то сказал?

– Не знаю, – пожала она плечами. – Просто подумала, как мне быть, если вдруг однажды я встречусь с Бранковичем лицом к лицу. Что мне делать? Отомстить за Милоша и Лазаря или простить его?

– Хех, а не думаешь, что это зависит от обстоятельств, в которых вы встретитесь, и что будет при этом происходить?

– Да, но мама говорила, что нужно учиться прощать.

– Нет ничего плохого в том, чтобы не научиться. Не каждому дано. Да и потом, я уверен, что события сами подскажут тебе правильное решение. Что бы ты ни выбрала там, – он коснулся ее плеча, – знай, что я на твоей стороне и твой выбор поддержу в любом случае.

– ...Спасибо, деда.

– Надеюсь, что подобной встречи не случится, – прошептал Радован, подняв глаза на клонившееся к закату солнце. – А если и случится, то ты не будешь одна...

Наше время

Купер выжимал из старенького пикапа все, что можно. Они неслись по южной Вашингтон-стрит, пытаясь оторваться. Леон решил свернуть на Демерс-авеню в сторону университета, а там уже по узким улочкам увеличивать отрыв, а еще лучше, чтобы он и вовсе потерял их из виду. Однако Вук будто прилип к ним и не отставал, даже умудрялся сильно сокращать дистанцию.

– Пробить ему колеса как-нибудь нельзя? – поинтересовался Эвис.

– Я не Бэтмэн и даже не Брюс Уиллис... – сквозь зубы ответил Купер, сбив мусорный бак, так чтобы тот угодил в машину Бранковича. Так и получилось – бак прилетел в правое крыло машины, сильно ее поцарапав. – Настырный, гад.

– Идеи есть, куда ехать? – спросил Тогай, сохраняя завидное спокойствие.

– Надеюсь, получится оторваться в городе, а там уже придумаем что-нибудь.

– Как насчет полиции? Среди них не спрячемся?

– Можно, – согласился Купер, глянув в зеркало заднего вида. – Только это лишь на время отсрочит саму разборку. Он не отстанет.

– Полагаю, ничто ему не помешает и на полицейских напасть.

– Он не самоубийца, Тогай, – мотнул головой Купер, резко сворачивая на Южную Сорок вторую улицу. – Да и нет у него арсенала с собой. Вук аккуратный и рисковать своей шкурой не станет. Тем более когда увидит, что Сенки тут нет.

В районе Шестой авеню им удалось оторваться. Машины Бранковича видно не было. Прибавив газ, Купер взял курс на Гейтуэй-драйв, а оттуда уже можно было вырваться из города. Погода портилась. Капли дождя изо всех сил колотили по крыше машины, а дворники, казалось, работали на пике своих возможностей. Из-за резкого потепления и частых дождей река Ред и так стала местами выходить из своих берегов, подтапливая близлежащие улицы. Правда, в нынешней ситуации никому до этого не было дела. Так и опорные столбы моста от Демерс-авеню почти полностью скрылись под водой. Ездить по нему было опасно, только на свой страх и риск.

Сенка на какое-то время потеряла друзей из виду, но не Бранковича, который буквально метался по улицам в поисках беглецов. Охваченный эйфорией от скорого успеха, он даже плюнул на всякую безопасность и свою хваленую предусмотрительность – не обращал внимания ни на что вокруг. Он просто искал этот грязный желтый пикап. Вук не обращал внимания на преследовавшую его машину. Обилич старалась держаться на достаточном удалении, но этого не требовалось вовсе.

– Куда же вы подались?.. – вслух спросила она. – Затаились бы где-нибудь... беглецы, блин.

В это мгновение машина Бранковича резко сорвалась с места, не обращая внимания на другие машины, – он заметил цель. Сенка поехала следом. Потоки воды из-под колес заливали тротуары, вызывая негодующие возгласы в адрес водителей. С Северной Шестой улицы пикап вылетел на Демерс-авеню и взял курс на мост. За ним следом Бранкович на бешеной скорости. Почти поравнявшись у въезда на мост, он попытался прижать пикап к ограждению.

– Кажись, приехали! – крикнул Эвис.

– Держитесь, – сквозь зубы процедил Леон.

Вук снова и снова наезжал на беглецов, вынуждая их затормозить. Чуть пропустив их вперед, он воспользовался моментом и, вдавив педаль газа в пол, смог влететь в бок машины, толкая ее на ограждение. Пикап пробил его, но кое-как смог остановиться – завис передним колесом над водой. В тот момент, когда Бранкович отъехал чуть назад, чтобы нанести второй удар и выбить пикап в реку, его на полной скорости протаранил черный «лэндкрузер». Машину Вука отбросило к ограждению, ломая его окончательно. Детали конструкции попадали в воду. У Бранковича перехватило дыхание от резкого толчка и того, как сильно ремень безопасности сжал грудь,

будто испугался больше человека. Он глянул в зеркало заднего вида – неизвестная машина стояла не двигаясь, водитель ее явно был без сознания. Отдышавшись, Вук отстегнул ремень и выбрался из покореженного «мерседеса». Голова немного кружилась, но это никогда не было помехой. До врагов было рукой подать. Дождь хлестал по лицу. Убийца медленно шел к пикапу, держа в руке пистолет. Он вглядывался в салон.

На переднем сиденье индеец был без сознания. Оставался только Купер, но и ему досталось. Полицейский коснулся шеи Тогая – живой. Гарсия сзади был в порядке, бубнил что-то невнятное. Зачем-то открыл дверь.

– Эвис, – тихо позвал его Леон, – оставайся в машине. – Но голос звучал так тихо, что мексиканец не услышал.

Бранкович остановился и выставил пистолет вперед. С заднего сиденья пикапа кто-то выбирался наружу. Вук довольно ухмыльнулся, но, разглядев незнакомца, нахмурился. Он узнал этого парня, видел его в ресторане.

– Где же ты, тварюга? – прошипел мужчина, подходя к машине.

Эвис выбрался из пикапа, ноги казались ватными, и хотелось присесть, а еще лучше прилечь. Правда, холодный дождь быстро приводил в чувство. Он все еще не до конца осознавал, что произошло, от столкновения с ограждением ему сильно досталось – голова гудела. Хакер глянул на своих друзей в машине, видел, что Купер хочет ему что-то сказать, одновременно пытаясь открыть заклинившую дверь.

Сенка открыла глаза и подняла голову. Из несильно рассеченной брови шла кровь, неприятно ныло недавнее ранение. Все звуки смешивались с шумом дождя. Она видела, как Вук шел к пикапу, как Эвис зачем-то вылез из машины и стоял на расстоянии выстрела. Прогремел гром, затем еще несколько раскатов. Обилич открыла дверь, не сводя глаз с происходящего. До Бранковича было каких-то метров десять. Мужчина даже не смотрел в ее сторону, будто одержимый, он хотел видеть только пассажиров пикапа. Когда Эвис повернулся к нему лицом, Вук снова остановился. Очередной раскат грома заглушил шаги Сенки. Оглядев мексиканца с ног до головы, убийца лишь крепче сжал пистолет и, выждав с пару секунд, равнодушно спустил курок. Девушка встала как вкопанная. На короткий миг время вокруг остановилось, и вместе с ним замерло сердце. На ее глазах в тело Эвиса прилетела вторая пуля, отбрасывая его назад. Не удержав равновесия, он упал в реку. Только сейчас Купер смог наконец открыть дверь и выбраться наружу. На лице Бранковича застыла довольная ухмылка. Отсюда он уже хорошо видел салон пикапа, но внутри, кроме индейца,

никого не было. В этот момент кто-то напал на него сзади и, сбив с ног, повалил на землю в глубокую лужу. Вук упал на живот, пистолет отлетел на пару метров.

– Какого..? – прошипел он, пытаясь перевернуться.

Неизвестный ему даже помогал, но все еще придавливал к земле. Как только он перевернулся на спину, Сенка придавила ему горло. Ее лицо было над ним, так близко, что он слышал ее дыхание. Мужчина попытался скинуть девушку с себя, но тщетно.

– Ты... – но он понимал, что она его не слышит, в ее глазах стояли слезы, и от этого они становились еще ярче. Бранкович сам не заметил, как был полностью поглощен ими. Последнее, о чем он успел подумать: не смотреть ей в глаза. Не прошло и десяти секунд, как Бранкович перестал чувствовать свое тело.

– Я хочу, чтобы ты верил в Бога, Вук, – прошептала она на сербском, – тогда ты бы знал, что есть ад и ты туда отправишься... Но даже если не веришь, я хочу, чтобы тебе было больно. Ты будешь кричать от страха, но ничего не сможешь сделать. – Приблизившись к его уху, она прошептала еще что-то.

Купер подошел ближе и поднял пистолет Бранковича с земли. Он жалел, что не понимает, о чем говорит Обилич. Тем временем и Тогай пришел в себя. Спустя полминуты она поднялась на ноги и, бросив злой взгляд на Вука, тихо приказала ему:

– Иди. Тебе пора. – Сенка кивнула в сторону разбитого ограждения. – Леон, отдай ему пистолет.

– Что? Э-э, но...

– Отдай. – Девушка подошла к краю моста и осмотрелась в поисках Эвиса. – Доверься мне, – через плечо бросила она и прыгнула в воду.

– Сенка! – только и успел крикнуть он, когда к нему, будто зомби, подошел Бранкович и протянул руку. Нервно сглотнув, полицейский отдал ему оружие. – Какого черта тут происходит?.. Я в гребаном сумеречном мире, что ли?.. – выругался Леон.

Тогай подошел к Куперу, и вместе они наблюдали, как Вук с поникшими плечами очень медленно дошел до края моста и сел на землю. Несколько секунд он разглядывал оружие в своих руках. Даже невооруженным взглядом было видно, как человек борется сам с собой, но не в силах ничего изменить.

– Кто бы мог подумать, – покачал головой Тогай, – одна ошибка – и все.

– В чем ошибка?

– Он повернулся к врагу спиной ...

– Что она ему внушила, хотел бы я знать.

– А я не хочу. Когда видишь это в действии, становится страшно, что такое вообще возможно. И остается только благодарить предков за дар этому противостоять.

Тем временем Вук, глянув в хмурое небо, крепче сжал пистолет и поднес дулом к лицу. Он видел, как Сенка снова и снова ныряет в поисках мексиканца, но его нигде не видно. Бранкович остановил свой взгляд на птице, спланировавшей на мост. Черный дрозд внимательно смотрел на убийцу, будто ожидая чего-то. Снова прогремел гром, и чужой голос в голове твердо заявил: «Пора». Руки Бранковича дрожали, он, как мог, сопротивлялся, но тело отказывалось слушаться. Он поднес дуло пистолета к виску, и дальше его палец сам нажал на курок вопреки воле сознания. Вук упал на землю замертво. Его глаза были широко открыты и, казалось, видели, как дрозд вспорхнул и полетел вдоль реки, куда-то навстречу закату.

Тем временем Сенка заметила знакомый силуэт у опорного столба моста. Эвис забрался на небольшой выступ, где можно было еще и держаться за торчащие прутья. Дышать было тяжело, и создавалось впечатление, что в грудь прилетел увесистый камень. Обилич подплыла к нему.

– Эвис! Господи, ты жив! – Она обняла его, притягивая к себе. – Ты живой! – Она улыбалась, пытаясь остановить слезы.

– Сейчас ты меня потопишь, и Эвис будет мертвый, – буркнул он, не скрывая довольной улыбки.

– Давай на спину переворачивайся, я к берегу тебя отбуксирую.

– Отбуксируй меня домой, в теплую ванну или кровать...

– Это что, бронежилет? – удивилась Обилич.

– Да, Купер спер его у своих коллег и всучил мне как самому ценному человеку из компании. Представляешь, какое уважение к моей персоне! О! Привет, ребята! – помахал он Леону и Тогаю, когда заметил их на краю моста. Двое улыбнулись в ответ.

– Прости меня, Эвис, – прошептала Сенка, вытаскивая его на берег и помогая сесть. – Прости, что путешествие оказалось настолько опасным.

– Это ты нас прости, – выдохнул Гарсия, расстегивая ремни жилета. – Мы думали, это будет проще, но так ведь интереснее, да? Кстати, а где Вук? Я точно слышал выстрел.

Девушка промолчала, вставая на ноги и отжимая волосы.

Тогай спустился к ним и помог подняться на мост. Индеец помог хакеру дойти до пикапа и забраться внутрь.

– Так, кто хочет посмотреть раненного мексиканца? – позвал всех Гарсия из машины. – У меня тут на груди два огромных синяка! Только сегодня, только сейчас! Ай! Болючие...

Сенка шла последней. Проходя мимо мертвого Вука, она остановилась. Купер встал рядом с ней.

– Спасибо, что спас Эвиса. Я бы не простила себя, погибни он тут.

– Всегда пожалуйста. А знаешь, наверное, правильно, что он сам убил себя. Никому не пришлось мараться.

– Кого ты обманываешь, Леон? Его убила я, мой голос в его голове. Но знаешь, я не испытываю угрызений совести на этот счет.

– И не вздумай, – хмыкнул Купер, – он был той еще тварью, и многие хотели свести с ним счеты. Однако никто не сделал бы это так красиво и чисто. Боюсь представить, что ты приготовила барону.

– Это было слишком просто, не думаешь? – посмотрела она на полицейского. – Несправедливо легко.

– Не думаю, – мотнул головой Леон. – Умирать не по своей воле – это всегда нелегко, а из-за голосов в голове еще и страшно.

– ...Признаться, я не настраивала голоса на самоубийство.

– Почему?

– Наверное, потому что хотела тогда поквитаться с ним лично, – пожала она плечами.

– Ты из-за этого полетишь в Англию?

– Отчасти. У него есть то, что принадлежит Сербии, и я намерена это забрать. Ни больше ни меньше.

– Ясно... – выдохнул Леон, – не хочу говорить тебе «прощай». Мне нравится так вот путешествовать по стране, пускай и с приключениями. Вы трое делаете мою жизнь стоящей чего-то.

– Ты и без нас был стоящим человеком. – Она слегка погладила его по плечу. – Просто запутавшимся слегка в повседневности.

– Останься, – взял ее за руку Купер. – Просто останься здесь с нами... со мной.

– Прости, Леон, – покачала она головой, одарив его грустной улыбкой. – У меня есть чужая мечта, которая должна осуществиться любой ценой.

– ...Ему чертовски повезло все-таки, – посмотрел на небо полицейский.

– И тебе повезет. – Обилич отпустила его руку и направилась к друзьям в пикапе.

– Не в этой жизни.

Он снова посмотрел на Вука и покачал головой, затем пошел к остальным.

– Что делаем дальше?

– Смотрим на мои синяки и жалеем меня, – выставил напоказ свою грудь Гарсия.

– На чем едем в Канаду? И что ты скажешь хозяину машины, а, Сенка? – кивнул он на «лэндкрузер».

– Лично я ничего, а Марию Лазарь пусть ищет, – хмыкнула девушка.

– Я пикап не брошу, – твердо заявил индеец. – Я о нем с детства мечтал.

– Ой, да ладно! – отмахнулся от него Гарсия. – Скажи, что вещи таскать неохота.

– Я уберу машину с дороги и вернусь, – сказала Обилич. – Ну и переоденусь в сухое что-нибудь. Без подглядываний...

– За кого ты нас принимаешь? – засмеялся Эвис. – Все, иди быстрей, пока не набежала сюда куча любопытных.

Спустя пятнадцать минут старенький пикап прокашлялся, но завелся и взял курс на выезд из города.

Англия, Лондон

Льюис закончил работу и с чувством выполненного долга чуть ли не перед человечеством направился в кабинет Ротшильда – доложить. Он постучал пару раз в дверь, но ему никто не отвечал. Выждав несколько секунд, Монк тихонько приоткрыл дверь и заглянул. Барон стоял у широкого панорамного окна и смотрел на город.

– Сэр? Разрешите войти?

Старик ничего не отвечал, казалось, он и не слышал его вовсе.

– Я только хотел сказать, что завершил работу и вот возвращаю всю документацию. – Парень вошел в кабинет и положил все папки на стол при входе. – Когда захотите все вернуть, там нужно будет лишь ввести пару комбинаций цифр в открывшемся окне. Я их тут записал...

– Признайся, ты получил удовольствие от этого? – спросил Натаниэль, глянув на него вполоборота. – Молчишь. Я знаю этот блеск в глазах... знаю, как выглядит осуществленная мечта. Я тебя не сужу и не виню за это. Каждый в этом списке прилично нагрешил.

Льюис закрыл дверь, чтобы таких странных рассуждений не услышал никто посторонний.

– Знаешь, я завидую тебе. Так мало нужно для счастья. Твоя мечта была досягаема. Ради моей мне приходится страдать.

– Страдать? – переспросил Льюис, почувствовав, что вот-вот узнает что-то невероятное и недоступное для простого смертного.

– Именно. Познать предательство друзей и семьи. Погрязнуть в непонимании, когда ты один верен изначальным целям и идешь к ним, несмотря ни на что. Это трудно. Терять тех, кому некогда доверял.

– Вы утратили доверие ко всем этим людям из списка? – указал пальцем на документы Льюис. – Но разве они не работали на вас и с вами?

– Ничто не вечно под луной, мистер Монк. Особенно человеческая преданность. Тем более когда дело касается денег. Они вились вокруг меня только потому, что это приносило им пользу. Возможно, кто-то и поддержал бы меня, узнай они правду. Однако у меня нет времени проверять. Они сами себя проявят... завтра. Никогда еще так не ждал восхода солнца. Мир поистине будет другим. – Ротшильд повернулся лицом к банкиру и осмотрел его с головы до ног. – Где Ричард?

– Не знаю, сэр, он ушел с час назад, и я его не видел. Думал, он тут.

– Любопытно, – прошептал барон. – Неужели и ты, Брут?.. – тихо прошептал он.

Через пару секунд в дверь постучали. На пороге был Ричард и его друг Энди. Льюис успел заметить, как Ротшильд ухмыльнулся и покачал головой.

– Добрый вечер, доктор Модман, – натянуто улыбнулся барон. – Ричард.

– Здравствуйте, сэр! Крайне рад встрече. – Энди протянул ему руку, старик без особого энтузиазма пожал ее.

– Что же привело вас ко мне? Зачем ты оторвал от дел доктора, Ричард?

– Сэр, – Осман вышел вперед, поправляя очки, – не поймите меня неправильно, но я испытываю некоторое беспокойство по поводу вашего здоровья.

– И поэтому пригласил психиатра? Хм-м, думаешь, я сошел с ума?

– При всем уважении, сэр, в ваших действиях мало рационального на данный момент. – Он натянуто улыбался, стараясь выказывать свою доброжелательность.

– ...Можно улыбаться, улыбаться и быть подлецом, – едва слышно проговорил Ротшильд, затем, посмотрев на всех присутствующих, сказал уже громче: – Время позднее, как вы смотрите на то, чтобы поужинать где-нибудь? Там и поговорим. Вы, доктор, сможете составить свое мнение о моем состоянии и успокоите моего помощника. Думаю, заглянем в «Скетч», в их библиотеку.

– Я тогда могу идти? – напомнил о себе Льюис, услышав название ресторана: он не был готов тратить сумасшедшие деньги на экстравагантные французские блюда.

– Зачем же? Пойдемте с нами. Отметим... такой ведь день сегодня важный. Я приглашаю. – В повисшей тишине никто не знал, что и сказать. – Идите вперед, я вас догоню через пару минут.

Все трое послушно вышли из кабинета и направились к лифтам. Они молчали и лишь изредка переглядывались.

– Я тебе говорил, Энди. Он сам не свой.

– Не знаю, друг, говорит он вполне обычно. Может, за ужином что проявится, – пожал плечами доктор.

Барон подошел к своему столу и посмотрел на висевший над ним портрет Майера Амшеля Ротшильда.

– Тебе бы понравилось такое испытание для семьи, – сказал барон. – Единственное, что способно обновить застоявшуюся воду. – Покачав головой, он перевел взгляд на часы. – Ты был прав, когда говорил, что доверие за пределами семьи оборачивается против тебя самого. В конце мы все равно одни против всего мира.

Вздохнув, он открыл верхний ящик стола, вытащил бумаги и папки, лежавшие сверху. На дне лежала миниатюрная шкатулка, которая помещалась на ладони. На крышке был фамильный герб семьи Ротшильдов. Натаниэль убрал ее в карман и направился к выходу из кабинета. Снял с вешалки свое пальто и вышел за дверь.

Дороги города были практически пусты. Машина барона за каких-то десять минут доставила всех четверых на Кондут-стрит. Здесь в окружении дорогих бутиков в белом четырехэтажном старинном здании расположился ресторан, удостоенный двух звезд Мишлен, – «Скетч». На окнах висели дорогие шторы из красного бархата, расшитые золотыми нитями, натертый до блеска паркетный пол был застлан персидскими шелковыми коврами ручной работы. Люстры с приглушенным светом, отражаясь в многочисленных зеркалах, бросали поблескивающие тени на лепнину и потолок. Кресла и столы в том же стиле и общий антураж погружали гостей в эпоху Людовика Четырнадцатого. Посуда сияла чистотой и хрустальным блеском. Гостей в столь поздний час было мало, но для них играла тихая приятная музыка. В зале смешивались различные ароматы и только сильней подстегивали аппетит всех вновь прибывших. Льюис не знал, на чем остановить взгляд, хотелось охватить взором все. На входе их встретил молодой мужчина и без лишних слов, узнав главного гостя, сразу же повел их к столику. Им выделили место в центре полупустого зала – стол был заранее сервирован на четверых. Официант раздал меню, принял заказ напитков и удалился. Барон с удовольствием осматривался по сторонам. В их сторону никто не смотрел, никому не было дела до поздних гостей.

– Я покину вас на минутку, – спохватился Льюис. – Не могу есть грязными руками... – Он виновато улыбнулся.

– Конечно-конечно, уборная вон там, – кивнул в сторону узкого коридора Ротшильд. – Я сделаю заказ за вас, если вы не против.

– Хорошо. Буду вам признателен, я все равно ничего в этих названиях не понимаю. – Монк поспешил удалиться. Он хотел не только помыть руки, но и как-то отдышаться – от такой роскоши вокруг перехватывало дыхание.

Спустя пару минут, пока Льюис умывался и приводил себя в чувство, в туалет зашли и Ричард с Энди. Они явно хотели что-то обсудить и всем своим видом показывали, что ждут не дождутся, когда молодой человек уйдет. Монк не заставил себя долго ждать. Банкир вернулся к Натаниэлю. Тот продолжал листать меню.

– Я уже заказал. Скоро подадут, а пока можно и выпить отличного вина. За сегодня. – Старик отложил меню в сторону и поднял бокал, Льюис поднял свой.

– За сегодня! – Звякнули стаканы, и оба сделали по глотку. – Смотрю, в уборной куда веселей, чем здесь.

– М? – переспросил банкир, не понимая, о чем это он.

– Видимо, им есть что обсудить без лишних ушей. – Ротшильд отломил кусочек белого хлеба и принялся мазать его маслом. – Признаться, я скучаю по тем наивным юношеским годам, когда мы все решали в сортире. – Он хмыкнул. – Любопытное было время. Наивно полагали, что это придавало нам важности, а миру ничтожности.

Монк согласно кивнул и сделал еще глоток вина.

Ричард стоял у двери, раздумывая о чем-то, иногда поднимая глаза на зеркало напротив.

– Ты говорил, что можешь определить, под гипнозом он или нет. А, Энди?

Психиатр тщательно мыл руки, не глядя на свое отражение.

– При всем уважении, не похоже на гипноз, – покачал он головой. – Скорей, если, по-твоему, он так неадекватно себя ведет, тут дело в чем-то серьезнее. Может, навязчивые идеи или еще что-то. Пойми, Ричи, без полноценного обследования я это не пойму. По поведению он абсолютно нормальный человек. Нормальнее, чем многие.

– Я нутром чую, что с ним что-то не так. Поверь мне, я работаю с ним больше двадцати лет. Я знаю, какой он. Сейчас от него осталась лишь тень.

– Хорошо, от меня что ты хочешь?

– Верни миру того барона Ротшильда, который был еще пару недель назад.

– О боже! Я, по-твоему, кто? Гарри Поттер или крестная фея? Я могу лишь провести парочку обследований, составить карту и пропи-

сать таблеточки или госпитализацию принудительную. Мы не творим чудес. И если твой начальник вдруг стал вести себя не так, как ты привык, так, может, проблема в тебе, а не в нем. Нет ничего ненормального в том, чтобы вдруг по-другому начать себя вести.

– Не тогда, когда он думает, что все вокруг враги и хотят ему помешать достичь цели. Ты даже не представляешь себе, на какие шаги он пошел! Из-за них мир уже завтра не будет таким, как прежде!

– Мне плевать на мир. Люди все равно будут болеть, и у меня всегда будет работа, а следовательно, средства на кусок хлеба с маслом.

– Энди, ты мой должник, и я прошу вернуть долг.

– И что ты хочешь? Ну, поставлю я ему диагноз на глаз, а дальше что?

– Ты напишешь подробный отчет на эту тему и заверишь его всеми печатями и прочей атрибутикой.

– И куда ты это понесешь?

– Отдам его тем, кто способен будет спасти семью Ротшильдов от падения в бездну.

– Это кому? Лично дьяволу в руки? – хмыкнул Модман, вытирая руки.

– Нет. Дэвиду де Ротшильду.

– Не думал, что ты такой интриган. Ладно, но после этого мы в расчете.

– Хорошо, – кивнул Осман. – Только сделай отчет пострашней.

– Только факты, друг мой...

Когда они вернулись за стол, им уже подали закуски – моллюсков и особенным способом приготовленные язычки морского ежа. В ожидании главного блюда Энди старался как-то разговорить барона, чтобы было с чего писать отчет. Хотя бы от чего отталкиваться. Монк чувствовал себя не в своей тарелке. Есть подобный деликатес ему не хотелось, да и вообще морская живность вызывала у него отвращение. Посему он набивался хлебом и вином, которое официант продолжал подливать в пустеющий бокал.

– Отличное вино здесь, не правда ли? – поинтересовался барон, поднимая бокал в очередной раз, желая выпить за чудесный день.

– Трудно не согласиться, – кивнул Модман, запивая вином сочный кусок говядины, запеченной на гриле. – Да и вообще, тут отменно кормят. Жаль, не часто бываю в таких местах.

– Да-а, – протянул Натаниэль, – когда еще придется. – Старик посмотрел на часы. Затем он вытер рот салфеткой и, положив ее на край стола, закинул ногу на ногу. – Итак, Ричард, что же ты такое задумал, а? – Осман чуть не поперхнулся от такого вопроса. – А иначе зачем тебе звать доктора Модмана в неурочный час? Чего ты хотел добиться?

– Боюсь, вы неправильно все поняли, сэр. Это для вашего же блага.

– Неужели? – вскинул старик брови, удивляясь ответу. – Как это?

– Я... я не хочу, чтобы вы навредили самому себе своими действиями. Я считаю, вам нужна помощь.

– Психиатра?

– Вашей семьи...

– Ах, вон оно что. Семьи... И чтобы они поверили тебе на слово, ты заручишься поддержкой нашего доктора Энди. Мистер Модман, вам ведь не впервой составлять подобные отчеты, вы не раз их для меня делали. Скажите, а в этот раз за какую сумму вы согласились поработать? – На лице барона не было ни единой эмоции, его глаза были непроницаемыми.

– В уплату старого долга, – холодно ответил Модман.

– Понимаю. Кто же захочет начинать новую жизнь со старыми долгами. Что ж, джентльмены, вынужден вас огорчить. Ваше время истекло. Мне пора идти, а вам не доведется попробовать местного дивного шоколадного суфле. Досадно.

Барон достал из кармана ту самую шкатулку и, покрутив ее в руках, убрал в другой карман. Ричард с ужасом посмотрел сначала на нее, потом на начальника.

– Ты узнал ее? Вспомнил? Ай ты мой хороший. – Ухмыльнувшись, Ротшильд встал из-за стола, задвинул стул. – Прощайте, господа. Надеюсь, в следующей жизни вам повезет больше.

– За что? – не веря во все происходящее, шепотом повторял Осман.

– Предательство, Ричард, самый страшный грех. Что до него, – кивнул он на Льюиса, – зачем мне тот, кто много знает?.. – пожал он плечами. Снова посмотрев на часы, барон направился к выходу.

Он лишь успел дойти до машины, когда в ресторане начался переполох. Один из гостей, молодой парень, начал задыхаться, и никто не знал, как ему помочь. Льюис пытался хватать ртом воздух, но горло будто сжали изнутри. Его тело сотрясалось от судорог, и глаза, казалось, были готовы вылезти из орбит. Двое других с ужасом смотрели на происходящее, понимая, что они следующие...

Утром среди всех прочих заголовков будет и небольшая заметка о смерти трех мужчин в ресторане «Скетч». По предварительным данным, которые появятся спустя несколько дней, все трое скончались от отравления стрихнином.

глава XX

Вашингтон, США

В отеле «Ритц-Карлтон» на Двадцать второй улице, несмотря на проблемы с энергоснабжением, все равно было достаточно гостей. Большинство из них – очень известные люди. Когда ночью восстановили подачу электричества, в гостинице сразу же закипела жизнь. Кухня оживилась, и повара наконец-то смогли готовить те изысканные блюда, что указаны в меню, а не их жалкие подобия.

Гринспен остановился в номере люкс на последнем, восьмом этаже, с видом на город и, главное, с глубокой ванной, где при желании можно было устроить заплыв. Да и потом, ничто так не облегчало частую боль в спине из-за давнишней травмы, как горячая ванна. Он проснулся рано, на часах было без пятнадцати семь. У Аллена было отличное настроение. Спустив ноги с большой кровати, он немного посидел на краю, затем взял с тумбочки меню, надел очки и принялся его изучать. Задумавшись, он поднял телефонную трубку.

– Работает... значит, уже не в каменном веке. – Гринспен набрал номер ресторана и сделал заказ.

Решив, что до завтрака можно вполне исполнить свой практически ежедневный ритуал, он направился в ванную и включил горячую воду. Пока вода набиралась, он самодовольно рассматривал свое отражение в зеркале, затем переключился на стоявшие на полочке кремы и шампуни, предоставленные гостиницей. Вышел в гостиную и взял с журнального столика свой мобильный телефон и папку с бумагами. Спустя пару минут Гринспен снял пижаму и забрался в ванну. Сначала он принялся листать документы, что им раздали в Белом доме. Когда просмотрел страниц двадцать, позвонил телефон. Аллен неохотно взял трубку, он уже начинал привыкать к тишине каменного века, и в глубине души ему не хотелось расставаться с ней.

– Гринспен. Слушаю?

– Аллен, это Корсби! Наконец-то я смог до вас дозвониться! – Его помощник и сотрудник его консалтинговой компании, судя по голосу, был явно не просто в панике, а в ужасе. – У нас ЧП, и я понятия не имею, как его решать.

– Для начала успокойся и объясни все толком.

– Боже, до того как этот блэкаут случился, все было в порядке, – Гринспен мог поклясться, что сейчас Тони дергает себя за волосы, но по-прежнему никого вокруг не слышит, – а сегодня... сэр, наши счета... они обнулены.

– ...Что? Это как так?

– У компании нет денег ни на одном из счетов. Наша кредитная история сохранена, и самое плохое то, что следующий транш должен быть через два дня. Я позволил себе проверить и счета сотрудников, и... ваш. Сэр, на ваших счетах тоже ничего нет.

– Хех, сегодня не первое апреля, Тони. Этого не может быть. Деньги не могут просто так взять и исчезнуть. Значит, кто-то мог взломать нашу базу и перевести деньги себе.

– Мне очень жаль, сэр, но это не внешний взлом. Это внутренняя операция от главного банка-держателя.

Гринспен вдруг замолчал, складывая в голове пазл.

– Ах он сукин сын! – ругнулся Аллен, когда в дверь постучали.

– Доставка в номер! – громко сказал официант.

– Я в ванной, черт вас дери! – раздраженно крикнул старик. Мысли в его голове мешались, но он пытался выстроить их в логическую цепочку. В этот момент входная дверь открылась, и официант завез в номер столик с заказанными блюдами. Поставив его у телевизора, он оглянулся. В дверях стоял его напарник, он одобрительно кивнул и закрыл дверь.

Официант одернул жилетку, посильней натянул белые накрахмаленные перчатки и направился в ванную. На его лице застыла полуулыбка, он явно был в предвкушении. На его бейдже вместо имени было просто написано «Мистер Возмездие». Кажется, именно это и веселило мужчину больше всего.

– Какого черта?! – громко рявкнул Гринспен, когда высокий незнакомец вошел в ванную. – Проваливай отсюда, извращенец! Голодранец поганый! – он активно жестикулировал, брызгая водой в официанта. Тот лишь продолжал ухмыляться. Сделал шаг вперед. Аллен хотел было подняться и вылезти из ванной, но незнакомец толкнул его, и старик с криками упал в воду, сильно ударившись о дно ванны копчиком.

– Здесь хорошая звукоизоляция. Можешь кричать сколько угодно, – равнодушно сказал незнакомец, снимая с гвоздика фен и включая его в розетку. – Тебе просили передать, что в твоих услугах более не нуждаются.

– Кто? – с ужасом в глазах спросил старик, только сейчас начав осознавать, что будет дальше. – Постойте! Мы можем договориться! Я заплачу вам больше! Не делайте этого... будьте же человеком.

– Человеком? – удивленно поднял брови незнакомец. – Как вы, что ли? Когда вы срежиссировали весь тот обвал в 2008 году... знаешь, мой брат остался без работы и без жилья из-за тебя. Потом он впал в депрессию, потом заболел, но из-за того, что ты никогда не был человеком, у него денег на лечение не было, а помощь нужна была немедленно. И после всего этого ты просишь меня быть человеком?..

– Мог бы и сам дать ему денег! – почти крикнул Гринспен.

– Не мог. Ваша система упекла меня за решетку за то, чего я не делал. – Он усмехнулся. – До встречи в аду, старикашка.

Мужчина включил фен и бросил его в воду, Гринспен пытался его поймать, но официант снова толкнул его, и через мгновение фен упал в воду.

На лице Аллена застыла гримаса боли и ужаса. Это был короткий миг, но он успел почувствовать, как сильнейшая боль прошлась волной по всему телу, а достигнув мозга, нанесла самый сильный удар. В ванной погас свет. Убийца снова ухмыльнулся и поспешил покинуть место преступления. В коридоре его все еще ждал напарник.

– Уходим, – сказал он.

– Мне с каждым днем все больше и больше нравится наш заказ.

– Ты так говоришь, будто у тебя с этим Гринспеном были счеты.

– Представь себе. Он мужу моей сестры надавал советов как-то, и тот обанкротился спустя три недели. А таких людей на его счету много, как-никак это он заправлял ФРС в недавнем прошлом.

– М-да, – протянул напарник, – прямо-таки теория заговора в действии.

Они спустились вниз и на некоторое время смешались с персоналом, а потом, во время пересменки, покинули гостиницу, и больше никто их никогда там не видел.

Спустя полтора часа печальная новость дошла до членов Совета, вновь собравшихся в Белом доме. Первыми узнавшими были Рокфеллеры и Киссинджер, которые пришли на запланированную встречу раньше назначенного времени. После того как служащий, принесший печальное известие, удалился, все трое переглянулись.

– Что ж, – нарушил тишину Дэвид-старший, – видимо, наш общий друг решил действовать старыми методами.

– Еще скажи, он сам их убил, – буркнул Генри. – Его метод – это то, что наши счета обнулены, а убийства – дело рук противника совсем иного порядка.

– Не знаю как ты, а я всегда предпочитал хранить деньги в разных местах, чтобы такие вот казусы не лишили меня всего.

– Тут я вынужден тебя огорчить, – Киссинджер встал со своего места и подошел к телевизору, – если ты не хранишь свои сбережения в золоте, то ты, как и все мы, обречен.

– Хм-м, – почесал подбородок Рокфеллер, – я думаю, очень скоро он выдвинет свои требования, и мы все равно получим свои средства назад. Если он этого не сделает, тогда мы заберем свое силой. Кроме того, – он сделал глоток кофе, – уже сегодня-завтра ему будет не до этого, а у нас найдутся умельцы, способные взломать его систему.

– Тебя совсем не волнует смерть Гринспена и Рамсфельда?

– М-м, дай подумать... нет, – ухмыльнулся старик. – Видишь ли, я никогда не видел особого смысла в их присутствии в Совете. В нем вообще должно быть три человека максимум. Эти двое просто балласт. Он лишь делает нам одолжение.

– А ты не думал, что мы тоже в списке?

– Думал. Поэтому моя охрана удвоена и всегда при мне. Я сам нанимал своих сотрудников и каждого знаю как облупленного. Мне нечего бояться.

– Сейчас вернусь, – раздраженно бросил Киссинджер, выходя из кабинета.

– В идеале же Совета быть не должно вовсе, – тихо сказал ему вслед Дэвид-старший. – Править должен кто-то один. Как думаешь, сын, кто следующий? Спорим на доллар, что Вулфовиц?

– Почему он?

– Потому что он такой же бесполезный, как и Рамсфельд. Все они одного поля ягоды. Он включил их в Совет, лишь бы создать иллюзию разнообразия мнений, а на деле просто получились два противоборствующих лагеря. Теперь пришло время избавляться от неугодных. Думал, этим придется заниматься нам, ан нет, он решил замараться сам. Вот и не будем мешать такому полезному для общества делу.

– Хм-м, не могу спорить, потому что думаю так же, – улыбнулся Дэвид-младший.

Спустя несколько минут начался очередной брифинг, где один за другим шли доклады из разных регионов. Особое беспокойство вызывали штаты, где всего за два дня было полностью свергнуто и изгнано правительство и появились новые лидеры, заявившие о намерении отделиться от США.

– Мы не можем этого допустить! – со всей серьезностью заявил Обама. – Нужно пресекать подобные попытки в корне.

– Да-да, – махнул рукой Байден, – с добрым утром, капитан Америка. Мы уже проморгали этих лидеров, так что в корне не получится.

– Просто убить их, – пожал плечами директор ФБР Коми. – Как и раньше. Не в тюрьму же их сажать. Деньги на содержание еще тратить.

– Тоже вариант, – согласился руководитель АНБ Роджерс. – Военные подразделения уже на подходе к мятежным центрам. Сейчас двенадцать из пятидесяти штатов под нашим полным контролем. Идет изъятие оружия у населения, подозрительных граждан отправляют на перевоспитание. Там все по плану. В пяти других штатах основные цели практически достигнуты...

– А в других что?

– В других проблемы, вот что, – фыркнул Керри.

– Какого рода? – поинтересовался президент.

– Да, и особенно в тех, где есть индейские резервации, – кивнул Роджерс. – Активность аборигенов сильно возросла за последние полгода. За месяц влияние увеличилось в разы.

– Вы хотите сказать, что у нас очередное восстание краснокожих? – хмыкнул Барак.

– Это не восстание, дурачок, – подал голос Киссинджер, – это война. И эти ребята, – он указал пальцем на открытую презентацию-отчет, – настроены решительно против нашего плана. У них есть лидер?

– Явного нет, – мотнул головой Роджерс. – Судя по последним доносам, это не столько лидер, сколько какая-то новая идея.

– А-а, очередное пророчество, наверное. Они бы просто так не объединились. Чтобы все действовали сообща – нет, явно что-то есть.

– Не думаю, что это главная проблема, – перебил их Рокфеллер. – У них нет нашего вооружения. Перебить остатки этих дикарей не составит труда. Гражданские не проникнуты их идеями, быстро остынут. А какой-нибудь Техас усмирить мы сможем. Так что продолжайте действовать согласно плану.

– Что насчет убийств? – поинтересовался Вулфовиц. – С этим что-то делать будете?

– Усилим охрану. Увеличим количество телохранителей, – сказал Коми, – соблюдаем все правила, и, думаю, никто не пострадает. Необходимо пореже находиться в одиночестве. Наши люди работают, и, полагаю, очень скоро эту преступную группу ликвидируют.

– Хорошо, – кивнул Обама, – работайте.

– Да-да, – заулыбался Рокфеллер, – а тебе пора снова выступать перед народом, раз голубые экраны снова с ними.

– Да, как раз речь готова... – согласился президент.

Генри во время встречи то и дело поглядывал на Пола, тот выглядел крайне обеспокоенным. Его явно что-то волновало, и он то и дело хрустел костяшками пальцев и нервно поправлял ворот рубашки. Незаметно для всех он все совещание с кем-то переписывался. И с каждым сообщением все больше мрачнел.

– С тобой все в порядке? – поинтересовался Киссинджер, остановив Вулфовица в коридоре.

– А? Да, да, нормально все.

– Что-то не так? – кивнул Генри на телефон.

– ...Мои счета пусты, а кредитная задолженность выросла за ночь на сто процентов. Теоретически я не просто банкрот... у меня все отняли. Даже дом уже не мой.

– У тебя нет никаких сбережений?

– У меня ничего нет. У меня нет даже налички, чтобы поесть в приличном месте.

– Ты в Белом доме, – хмыкнул Генри, – достаточно приличное место, чтобы перекусить бесплатно.

– Да, но все же... Думаешь, это и правда Джейкоб сделал?

– Мы оба прекрасно знаем, что это под силу лишь ему одному. Это, в конце концов, у него ключ от печатного станка, а не у нас.

– Черт его дери... я должен с ним поговорить.

– Это не поможет, – похлопал его по плечу Киссинджер. – Если он что-то решил, то ты его не переубедишь.

– Тогда узнаю, чего он хочет взамен. Наверняка можно договориться.

– Просто потерпи немного. И... не делай глупостей. Мы не можем позволить себе еще потери.

– Думаешь, это тоже он?

– Не думаю. Здесь что-то явно другое. Зависит от того, будет ли следующий и кто именно.

– Ты так спокойно об этом говоришь, будто не боишься совсем.

– Не боюсь, – хмыкнул мужчина. – Наверное, потому что мы с ним старые друзья. – Киссинджер развернулся и пошел в сторону обеденного зала, он так и не поел с утра.

– ...Гринспен тоже был ему другом, – тихо бросил ему вслед Пол. – Но это его не спасло.

Лондон, Англия

Барон Ротшильд снова прибыл в офис, однако впервые за долгое время за ним не следовал Осман. Он видел, как сотрудники прятали глаза после быстрого приветствия, сказанного скороговоркой. С утра здание было наполнено людьми – работниками и посетителями, среди всех прочих была и одна школьная экскурсия. Подойдя к лифту и

нажав на кнопку вызова, Натаниэль достал из кармана кашемирового пальто телефон и набрал чей-то номер. На звонок ответила женщина:

– Слушаю вас, сэр Ротшильд.

– И тебе здравствуй, Линда. Давно тебя не слышал.

– Грустные вести в новостях. Примите мои соболезнования...

– Да-да, – кивнул старик. – Займешь его место?

– С такими же условиями?

– Да, разумеется.

– И с чего это вдруг вы делаете такое предложение мне? Я же не удовлетворила вашим требованиям тогда.

– Тогда мне не нужны были некоторые твои качества.

– А теперь?

– Теперь времена изменились. Ну так? Да или нет?

– Пожалуй, да.

– Жду тебя в офисе в Сити как можно быстрей.

Женщина уже повесила трубку, барон довольно хмыкнул:

– Нужно было брать ее с самого начала... не пришлось бы мараться об Османа.

В просторных залах банка работа кипела. Телефонные звонки шли один за одним, казалось, что от шума некуда спрятаться. Ротшильд поздоровался со всеми, кто встретился ему на пути, но поспешил скрыться за дверью своего кабинета. Он пожалел, что не часто бывал в этом месте, практически все сотрудники смотрели на него как на кинозвезду.

– Доброе утро, сэр, – заглянула в кабинет секретарь. – У вас восемнадцать пропущенных вызовов и порядка тридцати голосовых сообщений.

– Как любопытно, – без эмоций ответил барон, снимая пальто и подходя к столу. – Ты их слушала?

– Нет. Они проходили по прямой линии. Список всех, кто звонил в приемную, у вас на столе.

– Даже так. Хех. – Он уселся поудобней. – Что-то еще? – Он вопросительно посмотрел на девушку, та сверилась еще раз с блокнотом у себя в руках и мотнула головой. – Тогда попрошу оставить меня. Как только явится Линда Блэйд, сразу отправь ее в мой кабинет.

– Слушаюсь.

Оставшись один, Натаниэль окинул комнату взглядом. Отчего-то на душе было приятное теплое ощущение. Впервые за долгое время уверенность в правильности пути не покидала, а лишь крепла. Вместе с головной болью стихли и голоса. Ему вдруг показалось, что все прошло лишь потому, что впервые за долгое время внутренний голос согласен с выбранным путем. Ротшильд глянул на список звонивших.

Фамилий было много, и каждая из них известна в широких кругах. Больше всех сообщений оставили Голдманы, за ними следом Куны и Леманы. Леб и Варбурги ограничились звонками.

Отвлекшись от раздумий, он снова посмотрел на свой телефон, открыл на нем почту. Среди непрочитанных было одно письмо без заголовка с неопознанного адреса, но с двумя символами внутри: —2.

– Что ж, тогда дело за малым.

В этот момент зазвонил рабочий телефон. Ротшильд довольно улыбнулся и поднял трубку.

– Слушаю, – сказал он не без удовольствия.

– Какого черта ты делаешь, Нэт?! – не сдерживая эмоций, вопил в трубку знакомый голос. – У нас с тобой есть определенные договоренности, и я свои соблюдаю! Верни мне мои деньги!

– Тише, тише, Дьорд, – чуть посмеявшись, ответил барон, – вдруг кто услышит, как мистер филантроп неистовствует.

– Ты знаешь, что я не люблю, когда меня так называют. Мое имя Джордж.

– Как скажешь, мистер Сорос, – хмыкнул барон. – Правда, трудно сдержаться.

– Может, и мне к тебе обращаться «мистер Боуэр»?..

– Хех, не стоит.

– Верни нули на мой счет. Казна моих фондов пуста, как, в твоем понимании, я буду выполнять поручения Совета? Да и вообще, что это все значит?

– Может, попробуешь провернуть свои дела без денег? Ты же такой талантливый.

– Ты прекрасно знаешь, что никто за бесплатно не работает. Тем более в этих диких странах третьего мира. Этим баранам нужны деньги. Это моя часть работы... или я чего-то не знаю?

– Хм-м, считай, что Совет распущен, а ты уволен. Как ты там всегда любил повторять?.. М-м, «для успеха необходим досуг», кажется. Теперь его у тебя хоть отбавляй.

– Эти деньги принадлежат мне.

– Вот тут ты ошибаешься, Шварц, это мои деньги. И та афера с обвалом фунта – это тоже я. Это не ты. Это была моя подачка тебе, преследовавшая свои цели, само собой, далекие от твоих меркантильных планов разжиться золотишком.

– Может, и так, но остальные идеи были моими. В конце концов, как еще, ты полагаешь, я смогу поддерживать на плаву наши проекты в той же России?

– Никак. Выйдешь с грустным лицом и скажешь, что фонд Сороса уходит с мировой арены... устал, ухожу. Ты же знаешь, как это делается.

– Я... я не понимаю. Я даже не узнаю тебя, Нэт. Что случилось? Чем мы провинились? Неужели правду поговаривают, что ты нездоров? Я думал, твой сын шутил...

– Что-то долго до тебя слухи доходят, вроде в Нью-Йорке живешь, – откинулся на спинку кресла барон. – Сынка моего видел? В следующий раз привет передавай.

– Это правда, что Совет распустили?

– О-о, а ты пообщайся там, разузнай все.

– И что мне нужно сделать, чтобы вернуть мои деньги? – с трудом скрывая раздражение, спросил Сорос.

– Я еще не решил... – Он намеренно сделал паузу.

– Тогда дай знать, когда решишь.

– ...Возвращать их или нет.

– Что?! А на что нам жить сейчас прикажешь?

– Скажи, ты жалеешь, что твой папаша сейчас не с тобой? Вытащил бы тебя из этой передряги. Ан нет, выпутывайся сам. Эх, Дьорд, если бы только ты был чуточку умней, – вздохнул Ротшильд, подавляя смех, шедший откуда-то из глубины, – то ты бы смог разглядеть, где твой враг, а где друг.

– Тебе это с рук не сойдет. Ты один, а нас много.

– А я всегда один. Я уже привык. Это вы стадные животные, нуждаетесь во мне, как овцы в пастухе. И ничего вы мне не сделаете. Знаешь почему? Сдохнете раньше.

– Всех не перебьешь, – прошипел Джордж, крепко сжимая телефонную трубку. – Да и потом, ты уже не так молод, чтобы в такие игры играть.

– Всех и не надо, – не своим голосом ответил барон, ухмыляясь. – Без Совета и основных игроков вы разбежитесь по своим норкам. Видишь ли, Дьорд, помнится, вы лет тридцать назад назвали мир шахматной доской и каждому назначили роль... Помнишь, еще Збигнев так радовался тому, что Совет согласился и принял эту его идею?..

– Ты тогда еще молчал весь вечер. Как не помнить... – буркнул известный миру филантроп.

– А знаешь почему? Вот тогда вспомнилось мне одно старое итальянское высказывание: «Когда игра заканчивается, король и пешки падают в одну коробку». Я решил, что раз уж вы фигуры, а мир вам – шахматная доска, то почему бы не быть человеком, играющим вами...

– ...Тварь. Я это так не оставлю. Будь уверен, ты сдохнешь в муках.

– Да-да, а ты сдохнешь нищим.

Не сдерживая смеха, барон повесил трубку.

– Давно хотел это сказать, – сложил он руки в замок и посмотрел на дверь. Как раз в этот момент в нее постучали.

В офис явилась мисс Блэйд. На пороге кабинета стояла женщина лет сорока в брючном костюме, с собранными в тугой высокий хвост волосами и довольно ярким для дня макияжем. Ее губы сами сложились в довольную и даже хитрую ухмылку, темные глаза поблескивали в предвкушении работы.

– Не буду спрашивать, сколько правил ты нарушила, чтобы так быстро сюда добраться, – улыбнулся Ротшильд. – Проходи, присаживайся. – Старик указал на кресло напротив стола.

– Я вся внимание. – Блэйд села в кресло и закинула ногу на ногу. – Почему я, и почему сейчас? Уж не связано ли это как-то со смертью Османа?

– Возможно. Видишь ли, Линда, семь лет назад в твоих услугах я не нуждался. Потому и не взял тебя. Был уверен, что Ричард справится со всем сам. Увы, – развел он руками, – не сложилось. В нашем деле преданность – это редкость, тебе ли не знать.

– Надеюсь, меня не за преданностью вызвали? Я немного не по этой части.

– Конечно, нет. Мне нужны твои профессиональные навыки.

– Какие именно? – Женщина отвела взгляд от старика и стала разглядывать пальцы на левой руке.

– Назовем это урегулированием семейных конфликтов.

– Вы, пардон, никак не поделите наследство? – она хмыкнула своей же не самой удачной шутке.

– Отнюдь, – мотнул барон головой. – Я уже все поделил, но дело в том, что остались неохваченные члены семьи, которые будут сильно против.

– И кто же не угодил богатому дедушке?

– Да, в общем-то, все.

Линда удивленно подняла глаза на барона.

– Да, ты не ослышалась.

– Ричард отказался, и вы поэтому его отправили на пенсию?

– Боюсь, он даже не успел услышать об этом. Да и потом, Осман был чересчур миролюбив. Он никогда бы не пошел на подобное. Чего не скажешь о тебе.

– ...За ваши деньги – любой каприз. – Блэйд широко улыбнулась. Вышло больше похоже на оскал хищного зверя.

– Меня это устраивает. – Ротшильд встал с кресла и медленным шагом направился к окну. – Видишь ли, у моих родственников есть дивный план, как убрать меня и заполучить все то, что создавалось десятки лет. Считают, что имеют право. Даже мой отец так считал.

– Однако вы считаете иначе, – перебила его Линда.

– Сейчас они уверены, что я сошел с ума, раз делаю то, что делаю. Никто из них не согласен выслушать и принять мое видение положения дел. Это печально, но ожидаемо. Люди уже давно не те, а воспитать нормально своих детей мы не смогли. Социум, созданный нами, отравил и их...

– Какова моя роль?

– Ты отправишься, если согласишься, конечно, во Францию и просто разберешься с моими делами там. Я знаю, что у тебя есть связи в определенных кругах. В любом случае, я хочу, чтобы через четыре дня меня пригласили на массовые похороны моих умерщвленных расчетливым убийцей родственников.

– Всех-всех или кого-то пощадите?

– Женщины в нашем роду не представляют опасности, – чуть подумав, ответил он. – Да и наследство на них не шибко распространяется. Сама понимаешь, правила, заведенные прародителем.

– Ясно.

– Справишься?

– Теперь у меня нет особого выбора, – пожала она плечами без капли страха. – Стрихнина в винишко я не хочу.

– М-м, подчисти мои тылы в этом плане.

– Само собой. – Женщина встала с кресла. – Это будет несложно и даже увлекательно.

– Я знал, что мы сработаемся.

– М? Почему? – спросила Линда, подходя к зеркалу и любуясь собой.

– Мы оба не от мира сего, способны видеть дальше собственного носа.

– Что ж, с оплатой и так все понятно, детали мне известны. Работаем?

– ...Да.

– Отлично! – Она хлопнула в ладоши, будто ребенок, и направилась к выходу. – Пора браться за дело!

– Линда, – окликнул ее барон. – Сделай так, чтобы им было больно, – тихо добавил Натаниэль, глянув на нее через плечо.

Женщина молча кивнула и закрыла за собой дверь.

– Вот и пришло время платить по счетам, братец. И кому из нас теперь будет смешно?..

Вашингтон, США

Вулфовиц как в забытье расхаживал по коридорам Белого дома. Мыслями он был далек отсюда, он все пытался прояснить для себя

план дальнейших действий, но ничего дельного на ум не приходило. Все упиралось в деньги, которых на его счетах больше нет. Пол сам не заметил, как забрел в крыло, где жил обслуживающий персонал, там располагались комнаты охранников, раздевалки и спальни с двухъярусными кроватями. Чуть не споткнувшись о порог, он наконец пришел в себя и вернулся в реальность. Вокруг было тихо, и только странный свист шел из вентиляции. Пол обернулся – по коридору в его сторону шел один из охранников, второй появился будто из ниоткуда прямо перед Вулфовицем.

– Заблудились? – спросил мужчина с весьма недобрым выражением лица.

– Нет. Размышлял, вот забрел вас проведать. – Мужчина натянуто улыбнулся. – Что-то мало вас здесь.

– Это он? – спросил он у того охранника, что шел сзади.

– Угу.

– Вы обо мне? – По спине Пола пробежал холодок.

– Про него было что-то особенное или как?

– Вы хотя бы знаете, с кем разговариваете, идиоты?! А ну сменили тон! – Пол сделал шаг назад, какой-то животный страх поднимался из глубин сознания, сердце замирало.

– Никаких, просто имя в списке.

– Жаль, – улыбнулся он. – Я хотел развлечься.

– Кто вы такие? Как вас зовут? Я немедленно доложу о вашем ненормативном поведении...

Он не успел договорить – воткнутый в спину нож перебил его. Громила нанес ему в спину ударов пять, каждый раз проворачивая лезвие.

– Ну, так-то зачем? – возмутился второй, тот, что пониже. – Убирать сам будешь.

– Не буду, – ухмыльнулся тот, отпуская тело Вулфовица. – Наши дела в Белом доме все равно закончены на пока. Можем уходить, согласно приказу старшего.

– Тогда уходим. Пока не спохватились.

Они небрежно перешагнули через окровавленный труп десятого президента Всемирного банка и покинули здание через пожарный выход. Никто не обратил внимания на двух людей в штатском. Даже камеры и те смотрели в другую сторону. Однако было очевидно, что камер эти люди тоже не боятся.

Тело убитого обнаружили лишь спустя двадцать минут. Немедленно объявленные меры предосторожности не вызвали у обитателей Белого дома ничего, кроме раздражения. Все следствен-

ные мероприятия было решено перенести. Решено на высшем уровне.

– Неужели вас это не пугает? – возмутился Обама, когда остался наедине с членами Совета. – Это третья смерть за два дня, и явно не случайная.

– Поверь, Барак, – цокнул языком Рокфеллер-старший и облизал пересохшие тонкие губы, – по этим троим никто из нас скучать не будет. Конечно, факт того, что убийцы проникли на территорию Белого дома, напрягает, но в это крыло никто из них не сунется. Тут только те, кого мы знаем.

– Предатели везде найдутся, – буркнул президент.

– Я уверен в своих людях, да и потом, не собираюсь я тут задерживаться. План дальнейших действий всем понятен и исполняется. Или я не прав?

– Правы, но меня не оставляет в покое вопрос: кто следующий?

– Явно не ты, – улыбнулся Киссинджер.

– Вы не думаете предупредить оставшихся членов Совета?

– Все они взрослые люди и могут сами о себе позаботиться. Меня больше волнует скорость выполнения плана.

– Судя по докладам, все выполняется, но требует времени.

– Время, друг мой, крайне дорогой ресурс в нынешних условиях, – Дэвид поднялся с места, – и я в нем ограничен. Ускоряйтесь. Я хочу, чтобы уже завтра к вечеру все штаты были под нашим контролем, неугодные в лагерях, остальные трепещут и ждут. Достаточно понятно выражаюсь?

– ...Да, – кивнул президент.

– Вот и отлично. Я удаляюсь, есть в этом городе места поприятней, где и кормят на отлично, и морды не такие грустные.

Оба Рокфеллера вышли из комнаты для совещаний. Обама остался стоять на месте, пытаясь осмыслить происходящее. Его пугало, что этим людям плевать на убитого. Им не страшно, что они могут стать следующими. Киссинджер попрощался и вышел, оставляя президента наедине со своими министрами и заместителями. Коми продолжал ковыряться в планшете, а Роджерс изучающе рассматривал новые карты. Байден и Керри молчали.

– И что мы будем делать? – спросил Барак, окинув всех каким-то отсутствующим взглядом.

– То, что приказано, – пожал плечами руководитель АНБ. – Будто у нас есть выбор.

– Вам не кажется, что кто-то целенаправленно убивает их? – кивнул Обама на дверь.

– Даже если так, что с того нам? – полюбопытствовал Керри.

– Мы все можем быть в том списке. Вот что.

– И что же ты предлагаешь? – поинтересовался Роджерс, директор ФБР. – Бежать все равно некуда. Судя по последней информации, Европейский Союз трещит по швам и, когда они остались без наших ценных указаний, там началась своя борьба... В общем, Европу мы потеряли.

– Разве не это для нее планировалось? – спросил Керри, подняв глаза на Роджерса. – Нам не нужна сильная Европа. Германия и Англия в частности. Если уж счета Совета подчищены, думаю, и у европейцев такие же проблемы. Без денег ничего они не смогут. Туда им и дорога.

– Погрязнуть в гражданской войне, так ведь? – задумчиво спросил Коми.

– Разумеется, – кивнул госсекретарь. – Именно то, на чем мы сможем неплохо заработать. Особенно когда они избавятся от доллара и обвалят мировую экономику.

– Объясните мне, – вновь подал голос Обама, – почему, откуда у вас такая уверенность, что нам позволят все это сделать?

– Испугался? – ухмыльнулся Байден. – Мы ни у кого спрашивать разрешения не станем, просто делаем то, что считаем нужным. Не забывай, что это мы строим новый мировой порядок. И жертвы должны быть принесены.

– Так что уж лучше довести план до конца, если не хочешь потом быть вздернутым на дыбе за прегрешения перед народом, – сказал Керри.

– Я не один тут грешу.

– Только не говори, что для тебя это новость. Ты платишь свой должок, так что терпи, – с ироничной ухмылкой сказал Байден. – Не нервничай, а просто делай свою работу. Может, и обойдется без белых шнурков. Хех.

– А если мы не справимся? Что, если победят бунтари? Вы об этом не думали?

– Неужели ты и вправду думаешь, что какие-то индейцы и пара десятков белых сумасшедших фанатиков что-то смогут? – фыркнул Байден. – С копьями и стрелами против лучшего вооружения?

– Нет, наверное, не смогут...

– Вот и не ной, иди готовь очередную речь. Сейчас как раз начинаются эфиры передач, направленных на пропаганду, бла-бла-бла. Народишко нужно отвлечь от сильных переживаний. Тем более когда им в спины тычут дулами автоматов.

– Сегодня стартует передача Мики Бжезински, как раз в этом духе, – заговорил молчавший до этого Коми. – Попугает их немножко, глядишь, побыстрей сдадут свое оружие властям.

– Жаль, что телевизоры не у всех работают.

– Об этом не волнуйся, Барак, вещание будет и в интернете, и на радио. Где-нибудь да услышат.

– Вы можете сколь угодно смеяться, но у меня плохое предчувствие, – покачал головой Обама. – Что будем делать, подумайте только, если их всех убьют? Если после них придут за нами?

– Вот и поглядим, из чего мы сделаны, – резко ответил Роджерс. – Всех не перебьют в любом случае.

Далее последовала пара минут тишины, и комната совещаний стала пустеть. Наконец остались лишь Обама и Керри.

– Несмотря на всю нашу силу и напыщенность, оказывается, мы абсолютно не способны действовать самостоятельно. Знаешь, Барак, тебе нечего опасаться этих убийц, они не придут за тобой и мной.

– Почему нет?

– Потому что без хозяев мы – никто. Задумайся, мы за последние лет двадцать не сделали ни одного своего шага, лишь по приказу. Нет, нас не тронут – мы пешки.

– Что мешает пешке стать королем или королевой?

– Только то, что она пешка, – пожал плечами Джим. – Кто бы ни стоял за всем этим хаосом, он делает его грамотно. Завидую, что я не в его команде. Не удивлюсь, если уже через неделю в твоем кресле будет сидеть неизвестный нам парень, которого по-настоящему изберет народ... Парень, которого все проглядели... а представляешь, если это будет один из тех самых дикарей? – Госсекретарь улыбнулся своему же, как он подумал, глупому предположению. – Не хотел бы я жить в такой Америке.

– Почему?

– Хотя бы потому, что по справедливости наше место в лучшем случае в тюрьме. Знай, Барак, их долгая и здоровая жизнь в наших общих интересах. Против народа мы не выстоим, а они явно готовы к долгому противостоянию. И наши имена у них в черном списке. Если они выиграют, то припомнят каждому его грешок.

– Что ж, тогда усилим охрану по максимуму. Пусть эти старики доживают свой век...

– Признаться, не знаю, что лучше. Может, нам стоит дождаться, когда тот, кто их убивает, просто выйдет вперед... Это и будет новый лидер.

– А кто он? Ротшильд?

– Когда они все передохнут, тогда и узнаем, что почем. Пока что наше дело малое – исполнять приказы. – Керри поднялся и, еще раз окинув комнату тоскливым взглядом, направился к выходу. – Терпение – наше все, – произнес он, тяжело вздохнув. – Уверен, уже через неделю все будет понятно.

– Что именно?

– Бежать нам или оставаться.

– Я предпочитаю перестраховаться.

– Дело твое, – подернул плечами госсекретарь. – Смотри не прогадай, а то умрешь раньше времени. Никто не любит нарушителей сделок.

– Вы все время меня попрекаете этой сделкой, ну так я долг свой по ней давно оплатил. Речи о том, что на меня свалят все несчастья, никогда не шло. Хватит и того, что я взял на себя всю ответственность за военные неудачи...

– Что, негры вслед плюют? – ухмыльнулся Джим. – Тебе воздастся за страдания, но долг твой еще не оплачен. Вот снимешь с себя полномочия позорно, отдашь их новому властителю, тогда и будешь свободен согласно конституции.

Киссинджер и Рокфеллер стояли на стоянке, ожидая, когда подадут их автомобили. Дэвид-старший посмотрел на экран своего телефона.

– Как же некстати эти перебои с дарами цивилизации, – покачал он головой. – Задерживают нас, как специально.

– Не думаю, что это его рук дело, – откашлялся Генри.

– Кого? Джейкоба? Нет, конечно, – махнул он рукой. – Возможно, кто-то внутренний, раз отключили от мира только Штаты.

– Я про убийства.

– Он в Лондоне, связи с Америкой не было, когда Рамсфельд взорвался. Или, по-твоему, он сделал заказ заранее? Вот что я тебе скажу, друг мой, смерть этих троих нам исключительно на руку. В любом случае они были больше его люди, чем мои.

– Хм-м, а к какому лагерю ты относишь меня, любопытно?

– Мы оба тут, Генри, думаю, ответ очевиден, – натянуто улыбнулся старик, прищурившись от солнца, светившего в глаза. – Посмотрим, кто следующий и будет ли он.

– Полагаю, следует предупредить Дюпона.

– Да, я с ним сейчас свяжусь из машины.

Рокфеллер-младший помог отцу сесть на заднее сиденье, закрыл за ним дверь, попрощался с Киссинджером и сел рядом с водителем.

– Набрать Дюпона? – спросил отца сын.

– Конечно, нет, – Дэвид-старший стянул с шеи шарф. – Если барон решил весь Совет перебить – не будем ему мешать. Как раз когда они доберутся до нас, его самого уже не станет. По сути, сынок, он делает нам огромное одолжение. Не нужно будет делиться с этими партнерами.

– А не думаешь, что в списке ты можешь быть следующим?

– Ха! Я в списке первый, но он всегда идет с конца. Убирают самых скользких и, по сути, – пустышек. По Дюпонам горевать не стану, – он достал из кармана пальто носовой платок и вытер рот, – их нейтральная позиция всегда меня раздражала, а вот на их собственность я положил глаз давно. Новому миру понадобятся их заводы и ресурсы. Так что царствие им небесное.

– А Генри?

– Се ля ви, – немного помолчав, ответил старик, пожав плечами. – В любом случае, мы и так собирались избавляться от них всех. Зачем мешать другим делать нашу работу? – Он потер грудь в области сердца. – Что-то не по себе мне, не дай бог опять потребуется пересадка.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Я чувствую себя старым.

– Врачи говорили, что третью ты можешь не пережить.

– А ведь по слухам СМИ – седьмую. Хех! Переживу. И не думаю, что потребуется. Это молодое, еще меня переживет.

– Я все равно вызову доктора Стивенсона, для надежности.

– С возрастом ты стал как мать. Расслабься, у нас есть дела поважней какого-то сердца! Жду с нетерпением вечерних новостей. – Он потер руки. – Уверен, нас порадуют новостями и местными, и с Туманного Альбиона.

Киссинджер сел в машину и взял в руки планшет, лежавший на заднем сиденье. К его удивлению, заработал интернет. Он открыл свою почту: среди массы непрочитанных писем от взволнованных приятелей из других стран было одно официальное приглашение на «Вечер идей, способных спасти планету». Отправителем была Меган Райли, заместитель его помощника, она отвечала как раз за организацию встреч Киссинджера с общественностью. Нахмурившись, Генри открыл его:

Добрый день, мистер Киссинджер!

На Ваше имя пришло письмо-приглашение принять участие в закрытом форуме глобалистов, который пройдет послезавтра в университете Джорджа Вашингтона. Основная повестка – депопуляция. Мистер Ричардсон очень просит Вас присутствовать, так как именно Вас выбрали основным докладчиком и специалистом по данной теме.

Прошу дать мне знать, согласны ли Вы принять участие или нет, как можно скорее.

С уважением, Меган

– Хм-м, наверняка там будет море прессы, – вслух подумал он, – место многолюдное и относительно безопасное. А людям не повредит послушать ту мою речь снова. Ладно, так и быть. Раз уж цивилизация возвращается в наш мир, то популярности много не бывает. Новому миру нужна новая философия.

Затем он отправил Меган свое согласие на участие в форуме.

1928 год, Кембридж, штат Массачусетс, США

На дворе была поздняя осень, но погода стояла теплая – самое время для прогулок, но также и самое время подготовки ко всевозможным экзаменам для студентов Гарвардского университета. Четырехэтажное величественное здание из красного кирпича с белыми колоннами и венчавшей крышу старой колокольной башней. Молодой доктор химических наук, профессор Уоллес Карозерс спешил на свое рабочее место. Он бодро взлетел по десяти ступенькам ко входу в здание. Времени до начала занятий было еще предостаточно, и он решил, что вполне успеет заскочить в лабораторию и захватить на лекцию последние результаты тестов по полимерам. Проходя через фойе, боковым зрением заметил двух незнакомцев, ожидавших кого-то. Ему показалось странным видеть посетителей в столь ранний час. Джентльмены были одеты в строгие и явно шитые на заказ костюмы, уж очень хорошо они сидели. По лицу одного из них гуляла загадочная улыбка. Второй листал «Кримсон»[29], газету, выпускаемую студентами Гарварда. Лица его профессор не разглядел. Уоллес снова вернулся мыслями в позавчерашний вечер, когда он в очередной раз засиделся допоздна в лаборатории, работая с полимерами. Как раз в тот вечер он увлекся экспериментом с молекулярным кубом. Время за вытягиванием молекул летело незаметно, но спустя два часа тестов он вдруг заметил, что полученные из некоторых соединений волокна обладают весьма интересным свойством.

– Какого?.. – вслух спросил он, вставая со стула и снова заглядывая в микроскоп. – Ух ты! Это же просто невероятно!

Он глянул по сторонам, желая с кем-то поделиться обнаруженным, но в лаборатории никого не было.

– Они правда после растяжения возвращаются к первоначальной форме. Это же просто... – Ученый достал из кармана синего халата

[29] «The Crimson» – старейшая газета, выпускаемая учебным заведением в США. Название закрепилось за ней в 1875 году, дабы отражать новые цвета Гарвардского университета. *(Авт.)*

блокнот и карандаш и принялся записывать полученные данные. – Погоди-ка, а если так?.. – Уоллес проделал несколько манипуляций с полученными волокнами и обнаружил, что они были очень прочными и... эластичными. – Это же сколько возможностей! Ух ты! Новый материал...

С той ночи мысли о новом материале с чудо-свойствами не оставляли его, ему даже снилось, что он проводит исследования своего открытия.

В задумчивости Карозерс едва не столкнулся лбом с открытой не вовремя дверью, но вовремя вынырнул из размышлений и продолжил свой путь, позабыв о незнакомцах.

– Это он? – кивнул один из гостей в сторону удаляющегося Уоллеса.

– Именно, – кивнул второй, не отрываясь от чтения.

– Сэр, а вы уверены, что он согласится? Он в прошлом году отказался перейти к нам. Я слышал, он довольно независимых взглядов, причем с принципами. Да и плохо ладит с людьми. Ну-у, так говорят.

– Он же согласился на те двадцать тысяч в прошлом году, что мы выделили на эти фундаментальные исследования. – Второй джентльмен поднял глаза на собеседника. – От нашего предложения навряд ли откажется. Уж слишком оно хорошо.

Когда закончилась лекция, Уоллес вышел из лекционного зала и хотел отправиться в столовую немного перекусить, но ему навстречу шли те самые два джентльмена. Одного из них он сразу узнал.

– Добрый день, мистер Брэдшоу, – натянуто улыбнулся ученый.

– Здравствуйте, мистер Карозерс. Как вы поживаете, как вам работается в местных лабораториях? – Сотрудник компании «Дюпон» и помощник Пьера Дюпона мистер Гамильтон погладил себя по аккуратным усам, изучающе рассматривая лицо Уоллеса.

– Все нормально, эм-м, можно сказать, что работа кипит. Думаю, стоим на пороге великого открытия.

– Что вы говорите? Рад слышать. А вы уверены, что это общее открытие, а не только ваше? Просто зная, насколько вы любите работать в гордом одиночестве, трудно представить, чтобы рядом был кто-то еще.

– Вы правы лишь отчасти, сэр. Без моих помощников мне было бы трудно достичь результатов.

– Я хотел бы взглянуть на результаты. Посмотреть, так сказать, на что пошли деньги моей семьи.

– Д-да, конечно, – немного растерялся Карозерс. – Прямо сейчас хотите?

– Именно. – Гамильтон сдержанно улыбнулся.

– Тогда прошу, следуйте за мной. – Одернув джемпер, Карозерс повел гостей к лабораториям на третьем этаже.

В просторном зале из-за открытых окон было довольно прохладно. Уоллес подошел к своему рабочему столу, и его взгляд упал на записи по последним экспериментам.

– Итак, профессор, вижу по вам, что вы на пороге чего-то невероятного. Вижу это как ваш коллега-химик. Признаться, иногда я скучаю по этой исследовательской деятельности. – Он обвел рукой комнату. – Но сами понимаете, семья и ее дела на первом месте.

– Само собой, сэр, – кивнул Уоллес, пригладив волосы, после чего повисла тишина.

– Не думаю, что вы в курсе, но в конце прошлого года руководством нашей компании было принято решение начать фундаментальные научные исследования, не нацеленные на развитие бизнеса и производство новых коммерческих продуктов. Из наших пожертвований университету вы уже догадались об этом.

– Возможно, – кивнул ученый. – Но я не из тех людей, кто верит на слово. Я прекрасно понимаю, что любой бизнес интересует прежде всего выгода. Фундаментальные исследования таковой не несут. Во всяком случае, в короткой перспективе.

– ...Делитесь, – сказал Гамильтон, садясь на высокий стул напротив профессора. – Уверен, у вас есть то, что может изменить мир. – Брэдшоу кивнул на стол.

– А, да-да. – Ученый поправил очки, отвернулся к столу, взял свои заметки и передал их гостю. Тот взял записи и быстро их просмотрел.

– Это любопытно, – задумчиво проговорил джентельмен. – Хм-м, – его отнюдь не ученый, а скорей предпринимательский ум принялся генерировать всевозможные идеи применения нового материала, – мне нравится. Только вот, – он посмотрел на Карозерса, – сомневаюсь, что в этих стенах вы сможете достичь чего-то большего.

– Мне здесь не тесно, сэр. Я неприхотлив.

– Так-то оно так, но что, если я предложу вам возглавить отдел органической химии в экспериментальной лаборатории «Дюпон»? Вам будет предоставлено все только самое лучшее – оборудование, материалы, реагенты, лучшие лаборанты. И даже, – Гамильтон закинул ногу на ногу, – полная свобода действий.

– А что будет потом? Вы заберете мое открытие себе? Или просто заставите меня оставить науку и создавать что-то для дюпоновского бизнеса?

– Зато вы, мистер Карозерс, сможете творить в свое удовольствие до конца ваших дней. Компания «Дюпон» возьмет на себя все расходы вашей семьи. Вы будете обеспечены всем, чем пожелаете. Ваше жало-

вание составит, скажем, пятьсот долларов в месяц. Не говоря о всевозможных бонусах. Так скажем, на карманные расходы. Согласитесь, это отличное предложение. Вы ничего не теряете. Зато сколько приобретаете. Мы дарим вам счастье взамен на плоды вашего труда. Вы ведь сами как-то обмолвились, что чувствуете себя счастливым лишь на работе, в лаборатории. Семья Дюпон даст вам все это.

– И все? Никаких условий?

– Пока никаких.

– Пока?

– Времена меняются, знаете ли. Всякое может случиться. Ах да, совсем позабыл, – глаза Гамильтона сверкнули, – в случае успеха и создания чего-то способного принести прибыль компании вы откажетесь от всех прав на то, что изобретете.

– В вашу пользу?

– Именно, – кивнул Брэдшоу, улыбаясь. – Но вы получите всю свою славу сполна. Уверен, ваше мнение будет интересовать все химическое сообщество. Возможно, вы даже удостоитесь чести стать членом Национальной академии наук.

– Там не чествуют ученых, занятых в промышленности, – отвернувшись, ответил Уоллес.

– Для вас сделают исключение, – сказал Гамильтон, вставая со стула. – Мы сработаемся, профессор Карозерс. – Джентльмен протянул руку ученому.

– Я подумаю над вашим предложением и дам вам знать в ближайшее время.

– Что ж, дело ваше, но учтите, ждать больше суток Дюпоны не станут. Если вы откажетесь, они отзовут спонсирование. Всего вам доброго.

Оба гостя направились к выходу.

– Постойте, – тихо остановил их Уоллес. – Я согласен.

Профессор был не готов ставить крест на программах университета, уж слишком многие зависели от денег этих богачей. Также он посчитал, что с помощью Дюпонов он сможет помочь и другим ученым в разных университетах страны.

С шестого февраля доктор Карозерс начал свою работу в компании «Дюпон». В лаборатории, которую он назвал «Залом чистой науки», он и трое его коллег занялись кропотливым процессом синтеза полимеров с молекулярной массой более 4200.

В январе 1930 года в компании шли различные перестановки и новые назначения. Заместителем руководителя химического департа-

мента компании, а также новым начальником Карозерса стал доктор Элмер Болтон. Директор компании Ламмот Дюпон совместно с членами совета правления настояли на том, чтобы Болтон сориентировал Уоллеса на изучение свойств ацетиленовых полимеров с целью создания синтетического каучука. В тот год Уоллес еще ничего не заподозрил, он продолжал усердно работать и медленно тонуть в неизведанном мире полимеров. Осенью 1932 года правление пригласило Карозерса на свое заседание.

В глубине души ученый понимал, что день, которого он так боялся, все-таки наступил.

– Тебя предупреждали, Брэдшоу, – прошептал Болтон, сидевший рядом, – что за все придется платить. Поисследовал и хватит, теперь приноси людям выгоду.

На заседании обсуждали много чего, но только последний пункт повестки звучал как приговор.

– ...«Зал чистой науки» теперь должен сосредоточиться на осуществлении работ, более тесно связанных с интересами компании, мистер Карозерс. Надеемся на ваше понимание, – сказал Ламмот. – Уверен, вы и ваши коллеги уже близки к тому самому открытию.

Не дожидаясь окончания заседания, ученый покинул зал и предпочел снова уйти с головой в исследования. Ему вдруг стало очень жаль, что он согласился на эту работу. Работу, которая, как ему казалось, обесценивала и потраченное время, и все усилия.

– Элмер, – обратился к Болтону Пьер Дюпон, – как вы полагаете, он справится? Пары формул и неудавшихся экспериментов нам явно недостаточно, а состояние доктора Карозерса с каждым месяцем все хуже.

– Кто ж знал, что он неуравновешенный и слегка чокнутый, – фыркнул Элмер.

– Зато он гений, способный дать нам нечто, что принесет прибыль. И я хочу это нечто из его головы вытащить.

– В его голове слишком много всего, тут нужно время.

– Хорошо. В команду к вам придет новый человек, вместе с ним вы вытесните Карозерса из проекта. Как только он найдет что-то действительно стоящее.

– При всем уважении, сэр, – нахмурился Болтон, – это может убить его. У него ранимая психика, он... Вы же помните, как он пропал в прошлом году. Вынужден был лечиться от депрессии.

– Нам все равно, Элмер, – перебил его Пьер. – Джордж Грейс на время станет ему помощником. Будет помогать тебе вытаскивать из головы гения все, что возможно...

– А потом? – поднял глаза доктор Болтон. – Что будет с ним потом?

– Он уже почти сумасшедший. Мало ли что с ним случится, – пожал плечами Дюпон. – Мы не сможем держать его среди сотрудников, если он станет опасным... Да и потом, врачи, к которым он обращался, всегда дают ему чуть больше лекарств и на уровень сильней, чем нужно...

Элмер выслушал совет правления, и ему стало слишком страшно задавать еще какие-либо вопросы. Он решил занять нейтральную позицию и просто получать с них прибыль. О судьбе своего коллеги он старался не думать вовсе.

28 февраля 1935 года Карозерс получил пол-унции полимера. Из разных материалов-результатов Болтон выбрал именно этот полиамид как один из коммерчески интересных материалов. Дальше уже химики и инженеры компании «Дюпон» продолжили работать над получением из полиамида Уоллеса более удобного для обработки коммерческого продукта.

Сам доктор Карозерс все глубже впадал в депрессию. К 1936 году, как и задумывали Дюпоны, Грейс занял его место и уже вовсю руководил проектом. Как и предсказал Брэдшоу, Уоллеса избрали в Национальную академию наук, но радости это ему не принесло. После торжественной церемонии по случайному стечению обстоятельств он оказался в библиотеке Пьера Дюпона.

– Смотрю, вы не очень-то рады такому всенародному признанию?

– Знаете, вы и ваша компания сделали невозможное, – грустно ответил Уоллес.

– Что же?

– Вы заставили меня потерять всякий интерес к химии. Вы взяли мои идеи и опорочили их. Вместо того чтобы просто воспользоваться запатентованными наработками... вы высосали из меня всю жизнь.

– Странное обвинение, учитывая, что ты сам на все это согласился, – развел руками Пьер.

– Я согласился отдать вам свое детище, но не душу!..

– Ты преувеличиваешь, Уоллес. Это уже твои личные заморочки. Здесь же просто бизнес. Все твои услуги очень хорошо оплачивались. Тебе прощали истерики и припадки, не обращали внимания на твои внезапные исчезновения, оплачивали пребывание в психиатрических клиниках... Извини, но это все твоих рук дело. Мы же просто забираем твое открытие. – Дюпон встал с кресла и подошел к окну. – Жаль, что твой разум тебя подводит и ты не в состоянии даже насладиться временным триумфом.

– Почему временным?

– Потому что уже очень скоро никто не вспомнит о тебе. Такова плата, такова плата, – проговорил Пьер, тяжело вздохнув.

16 февраля 1937 года Карозерс запатентовал новый синтетический материал – адипамид полигексаметилена. Именно тогда начались исследовательские доработки, но доктору Уоллесу уже было не до этого. Он редко появлялся на работе, безучастно слушал отчеты коллег, быстро просматривал результаты тестов, но мыслями был далеко. Смерть сестры в январе окончательно выбила его из колеи. Даже мысль о том, что он станет отцом, не радовала его.

Двадцать восьмого апреля он снова был на работе раньше всех, позабыв о своем вчерашнем дне рождения. Ученый со скучающим, отсутствующим видом расхаживал по лаборатории, ища то ли вдохновение, то ли ту страсть к науке, что он потерял. Он и не заметил сразу, что в лабораторию пришел член правления компании Пьер Дюпон. Мужчина с довольной и в то же время хитрой ухмылкой смотрел на доктора Карозерса.

– Вы, как всегда, рано, – сказал Дюпон.

– Да... – не глядя на него, кивнул Уоллес.

– Как отметили день рождения?

– В кругу семьи. Хорошо, спасибо.

– Что планируете делать дальше?

– В каком смысле?

– Боюсь, здесь вы больше не работаете.

– Что? Как? Почему?

– Очень просто, мы больше не нуждаемся в ваших услугах. Да и, признаться, последнее время от вас мало пользы. Вы ничего не делаете, просто тратите наше время и деньги.

– Я должен был это предвидеть, – натянуто улыбнулся Карозерс. – Все к этому шло. Вы просто вышвырнете меня на улицу и заберете мои открытия себе.

– Если бы вы были умнее по жизни, вы бы смогли этим всем правильно распорядиться, – развел руками Пьер. – А теперь слишком поздно.

– И что же делать? – Это был риторический вопрос вслух.

– Без понятия, быть может, воспользоваться той склянкой, что вы, по слухам, таскаете с собой?.. – загадочно спросил Дюпон, крутя в руках часы на цепочке. – В конце концов, ведь и ваш доктор Аппель тут, в Филадельфии, считает, что никакого другого исхода у вашей жизни быть не может.

– Это всего лишь снотворное. Да и потом, с чего бы это мне кончать жизнь самоубийством?

– А что еще тебе делать? Души нет, любви и взаимопонимания тоже. Сейчас и денег не будет. Кому нужен сумасшедший ученый? Сделай всем одолжение – исчезни. Пусть тебя успокаивает мысль о том, что твое открытие принесет много пользы нам...

Карозерс не стал продолжать разговор с Дюпоном. Он молча покинул лабораторию и офис компании. Пьер лишь улыбнулся, проводив его взглядом.

– Может, не стоило с ним так сурово? – поинтересовался его младший брат Ламмот, подслушавший разговор. – Все-таки больной человек...

– Зачем нам лишние претенденты на деньги? Не выпьет яд сам – напоим. Его открытие пахнет большими деньгами. Именно то, чем я делиться не собираюсь.

На следующий день доктора Уоллеса найдут в гостинице отравившимся цианистым калием. Так написали газеты в Уилмингтоне, принадлежавшие Дюпонам, другие СМИ подхватили именно эту историю. В ноябре у него родилась дочь Джейн, а в октябре 1939 года в универмаге города Уилмингтона была распродана партия нейлоновых чулок – первого товара, в изготовлении которого был применен нейлон. В мае 1940-го на распродаже нейлоновых чулок в Нью-Йорке по цене 1 доллар 15 центов за пару было распродано пять миллионов пар. С тех пор имя доктора Уоллеса никто и не вспоминал, а его открытие продолжает приносить баснословную прибыль семье Дюпонов.

Уилмингтон, штат Делавэр, США

В городе стояла отличная погода. Несмотря на прохладный ветер с океана, на улицах было достаточно людей. В отличие от других штатов, тут все было спокойно. Ни о каком военном положении речи не шло. Похоже, что в этих краях абсолютно не соблюдались указания из центра. Да, больше полиции и военных, но в целом сохранялась расслабленная обстановка. Этот штат, как и город, давно считался вотчиной семейства Дюпонов. Пьер-Самюэль Дюпон неспроста направил свой взор на западный берег Атлантического океана, в «страну неограниченных возможностей». Его манила туда сокровенная мечта об основании огромной сельскохозяйственной колонии площадью не менее миллиона акров. А затем, возможно, и собственного штата. Многие жители уже давно смирились с тем, что именно Дюпоны здесь главные. И пока Ламмот Дюпон разъезжает по стране, выполняя работу по расширению влияния семьи и увеличению ее капиталов, его кузен Ирене Дюпон занят местными делами. В свои девяносто шесть он редко выбирается из особняка Граног в пригороде Уилмингтона, в Брэндивайн. В этом огромном шикарном доме, который построил в 1927 году еще его отец, можно легко потеряться. В нем было все самое необходимое. Ходили слухи, что дом способен выдержать продолжительную осаду. Самый настоящий замок на вершине холма в окружении прекрасной природы. Изредка патриарх семейства открывает двери дома для различных мероприятий и празднеств, и тогда в нем могут побывать простые смертные. Однако все, что вы увидите там, должно остаться лишь в вашей памяти. Никаких фотографий и записей из самого дома вам не унести, разве что фото отдельных стен, на фоне которых вам разрешат запечатлеть себя. Крыша дома, пишет репортер, из испанской черепицы, полы из итальянского мрамора, кругом резьба по красному дереву. К дому примыкает огромный участок в сотни акров с садами, фонтанами и изящными скульптурами. Для увеселения гостей есть бассейн и теннисный корт, который пустует разве что ночью. Примыкающая территория превращена в заповедник, где водятся редкие животные, на которых порой охотятся хозяин и его гости.

По странному стечению обстоятельств, Ирене так и не отметил с размахом свой день рождения 8 января, он решил перенести дату на более удобное время, когда смогут собраться все родственники. Так совпало, что на этот день резиденция стала местом городского карнавала, который затеял мэр уже давно. И место было выбрано заранее. Дюпон посчитал, что маскарад отлично разбавит его собственное празднество.

Проснулся хозяин дома рано, как всегда, в семь тридцать. Пока он завтракал, в дом стали прибывать организаторы мероприятия. Всего несколько часов, и дом преобразится, он окунется в эпоху начала девятнадцатого века, когда история семьи Дюпон только зарождалась. Когда Ирене решил прогуляться по парку, то не сразу узнал задний двор – тут висели флаги США, были смонтированы инсталляции с солдатами, сражающимися с индейцами, с торговцами, поставляющими порох на поля сражений. Тот самый порох, на котором Дюпонам удалось сказочно разбогатеть.

Увидев десятки оформленных под старину бочек с порохом у стен дома, Ирене лишь усмехнулся.

– Затейливо, – сказал он, улыбаясь. – Еще бы запах источал, тогда наверняка бы поверил, что попал в прошлое.

У входа в подвал возился с декорациями какой-то молодой мужчина в комбинезоне рабочего, он ворочал бочки, выкладывал веревки и подсоединял искусственные фитили, которые казались настоящими.

– И не много ли для одного работы? – спросил Дюпон, остановившись за спиной у рабочего.

– Пока справляюсь, мистер Дюпон, – не отвлекаясь от дела, ответил тот.

– У тебя глаза на затылке, видимо, – улыбнулся старик.

– Да нет, – он улыбнулся, – просто видел, как вы идете.

Он поднялся с земли и повернулся лицом к хозяину особняка. Взгляд его карих, почти черных глаз холодно скользнул по лицу Дюпона в сторону повозки, которую еще предстояло разгрузить, чтобы доделать этот лагерь контрабандистов. Чуть помявшись, он молча подошел к тележке и взял лежавшую на ней папку.

– Сэр, у меня тут написано, что установка декораций распространяется и в подвал, – он посмотрел на старика, потом протянул ему бумаги, – там, видимо, затевается какая-то постановка. – Он виновато пожал плечами.

– А, да-да, точно! – кивнул Ирене. – Какое-то театрализованное представление. Ох уж эти выдумщики! – Он снова улыбнулся. – Только там не подвал, это погреб, сынок. Ключи можешь взять у Пьетро в доме охраны. Что ж, у тебя еще много работы, не буду отвлекать.

– Рад был с вами познакомиться сэр, – вежливо сказал работник.

– Оу, а мы ведь не познакомились толком. Как тебя зовут, раз уж все вокруг знают мое имя?

– Можно просто Джонни, сэр, – улыбнулся мужчина, показав на свой пропуск. – Джон Мэдроуз, если быть совсем точным.

– Забавная фамилия у тебя, Джонни, – хмыкнул Дюпон. – Запомню.

Ирене продолжил свой обход, оставляя мужчину одного.

– Конечно, запомнишь, как иначе, – тихо сказал ему вслед рабочий и, сняв с пояса рацию, поднес ее к губам. – Ключи от погреба на посту охраны.

– Понял тебя, – ответил голос. – Продолжай установку.

– Так точно, – хмуро ответил Джонни, возвращаясь к бочкам.

Вечер наступил быстро. В доме уже было очень много народу, но все пока лишь из семейства Дюпонов. Ирене было любопытно, ответит ли на приглашение его кузен Уильям, приедет ли из Орландо. Его удивлению не было предела, когда именно его он увидел на пороге своего дома. Кузен приехал вместе с сыном Брайаном.

– Боже! – воскликнул Ирене. – Неужели это сам Вильям-третий! Я думал, ты так и не решишься покинуть свои конюшни!

– Я тоже рад тебя видеть, – сдержанно ответил кузен, неохотно приобняв старика и похлопав его по спине. – Возможно, будь все спокойно, не приехал бы. А так все вместе и в безопасности.

– Это точно. В стране творится черт-те что, – махнул он рукой. – Только ночью смогли восстановить полноценную подачу электричества. Телефоны, правда, до сих пор барахлят.

– А где Мотси?

– В Вашингтоне. Где ж еще?

– И ты не беспокоишься?

– Ламмот большой мальчик, может о себе позаботиться.

– Он снова с этим Советом? Мы же собирались выйти из него.

– Мы? – удивленно поднял брови Ирене. – Не помню, чтобы ты как-то участвовал в жизни семьи. А Совет – это дело хорошее, правда, по поводу нынешней ситуации у меня есть определенные вопросы, и я тоже не отказался бы перебросить парочкой слов с Мотси. Ну, может быть, он прибудет чуть позже.

– Неужели тебя не беспокоит военное положение в стране? Людей уже забирают в концлагеря, в одном Орландо убито больше ста гражданских лишь за то, что отказались сдать оружие...

– Ты всегда был чересчур мягкотелым и чувствительным. Именно поэтому ты и прижился только в конюшнях.

– Да, с лошадьми проще, они не скрывают своих истинных намерений.

– Военное положение в других штатах, Делавэр – наша земля, и законы тут мы устанавливаем. Здесь все будет так, как я скажу. Сегодня здесь карнавал.

– Это неправильно... – покачал головой Уильям.

– Ладно, – махнул рукой старый Дюпон, – идем к остальным, ты не видел всех уже бог знает сколько лет!

Не спеша они прошли в сторону столового зала. Брайан чуть задержался в холле, его внимание привлек незнакомый мужчина, одетый в костюм двадцатых годов. Незнакомец стоял у лестницы в погреб и курил, наслаждаясь каждой затяжкой. Заметив, что на него смотрят, он кивнул в знак приветствия, затем развернулся и исчез из поля зрения. Брайан направился следом за отцом и дядей. Когда заходил в зал, ему показалось, что пахнет какой-то химией. Мотнул головой, будто отгоняя запах, и уже через несколько секунд в воздухе разливались лишь ароматы шампанского, старого вина и маленьких вишневых десертов.

Гости карнавала должны были прибыть позже, и, в любом случае, их часть дома была отделена от основной территории, где родственники могли побыть вместе, произнести все тосты и вручить все подарки. Правда, от костюмной составляющей никто не отказался. Все, от мала до велика, с удовольствием нарядились в редкие и дорогие костюмы. Были среди гостей и ряженые индейцы в перьях и с томагавками на поясе, и колонисты, и знатные вельможи в камзолах и париках. На праздник старика Ирене съехалась не вся родня. Все три тысячи человек дом бы попросту не вместил бы. Были лишь самые близкие, с

кем общались чаще всего. Вместе с горожанами, отмечающими годовщину открытия какого-то очередного медицинского центра, чью деятельность спонсируют Дюпоны, веселились и сто пятьдесят членов именитой семьи. Ирене всегда любил большие скопления людей, особенно когда все веселятся и отдыхают. Он полагал, что таким образом прикасается к истокам, ведь именно так проводил время основатель рода, работая в свое время у короля Людовика XVI.

Не успел карнавал начаться, как к нему присоединились и родственники хозяина дома. Все имение превратилось в одну сплошную декорацию или даже историческую реконструкцию. Спустя час бесед после легких закусок ведущий шоу объявил время начала викторин и соревнований команд. В викторину играть отказались многие, а вот соревнования в виде поиска сокровищ заинтересовали всех. Призом помимо приятных впечатлений была приятная прибавка к жалованию. С вычетом на благотворительность, разумеется. К удивлению многих, ведущий не разрешил людям собираться в команды, как им хочется, а сам называл, кто с кем. В итоге набралось тринадцать команд по три человека от Дюпонов и десять команд по четыре человека от горожан.

Людям было весело и абсолютно все равно, с кем играть. Ведущий сам запутался в своих записях. Несколько раз перечитывал какие-то списки и пытался сложить их по порядку. Он почесывал затылок и не понимал, почему не узнает именно этих заданий, но, заметив, с каким нетерпением на него смотрят гости, принял решение использовать именно эти незнакомые заготовки.

Ирене Дюпон возглавил первую команду, в которую вошли его кузен Уильям и жена его двоюродного племянника Регина.

– Я приведу вас к победе! – гордо заявил он. – Никто не знает этот дом лучше меня. – Старик довольно улыбнулся. Он поймал свое отражение в зеркале и лишний раз убедился, что камзол ему идет, несмотря ни на что.

– Давайте уже задание скорей! – сказала Регина, обратившись к ведущему. – Нам не терпится выиграть!

– Итак! – наконец собрался с мыслями ведущий. – Каждая команда получит на руки одну карту, карту сокровищ, дамы и господа! Задача каждой команды – отыскать клад быстрее других. По всей территории гостевого крыла вы будете находить подсказки, которые приблизят вас к заветной цели. Испытание начнется сразу, как только вы получите карту.

В это время по залу ходили мужчины в строгих старинных костюмах и раздавали каждой команде запечатанный конверт. К Ирене подошел уже знакомый ему Мэдроуз.

– Оу! Да ты, я смотрю, за всякую работу берешься! – улыбнулся старик. – Это похвально.

– Спасибо, сэр. Ваша карта. – Он протянул ему конверт. – Желаю удачи, мистер Дюпон.

– Ну, Джонни, намекни-ка старику, с чего начинать-то? – Он улыбался во весь рот. – Ты ведь наверняка знаешь все эти пути к кладу?

– Это не совсем честно, сэр, но начинать лучше с открытия конверта.

– Давайте я открою! – буквально вырвала из рук Мэдроуза конверт Регина и сразу же его распечатала. – Ого! Да тут загадка.

– Разгадаете и сможете прийти ко второй подсказке.

– А сколько их всего?

– Десять, сэр.

– Ох, ну давайте начнем.

Из всех участников от семьи Дюпонов один лишь Брайан заметил, что подсказки в их конвертах вели всех в одном направлении, а горожан куда-то еще. Он задал вопрос по этому поводу стоящему в стороне мужчине, который раздавал конверты. Некому Джонни.

– Признаться, понятия не имею. В конце путешествия все участники будут в одном месте. Клад-то один, – пожал он плечами. – Я не погружался в него.

– Ясно... – нахмурился Брайан, неохотно следуя за двумя своими родственниками, которые уже разгадали первый ребус и спешили ко второй подсказке.

В доме царила атмосфера праздника и веселья, и никому тут не было дела до происходящего за пределами штата. Только хмурые лица некоторых организаторов напоминали о том, что не все так хорошо, как хотелось бы. К последней подсказке добрались пока еще немногие – только две команды. Брайан в глубине души был рад, что опередил команду Ирене.

– Хм-м, получается, мы все это время мимо клада и ходили, – заметил Ирене. – Точно! Вот чего Джонни там возился! Хех! А парнишка умеет хранить секреты.

– Думаете, нам в погреб?

– Уверен! Там найдем, что ищем.

– А что написано у вас в подсказке? – поинтересовался Брайан.

– «По заслугам и воздастся», – ответила Регина. – А у вас?

– То же самое, – нахмурился он. – Вам не кажется это странным?

– С чего бы это? Да брось, сынок, у них просто не было времени составить всем разные загадки. Делали все впопыхах. Не серчай на них, весело же! Слышишь сколько хохота в доме! Это здорово!

– Да, но...

– Пойдемте уже, – перебил его Уильям. – Закончим и вернемся к нормальному времяпрепровождению. Я бы уже поел чего-нибудь.

– Отличное предложение! Вперед к кладу!

Когда все шестеро спустились в погреб, Ирене нащупал на стене выключатель и включил свет.

– Какого?.. – только и смог он выдохнуть, когда увидел, что все хранилище с дорогим вином было набито бочками, на которых красовалась надписи «Порох» и «Дю Пон де Немур». – Где моя коллекция, хотел бы я знать?..

Спустя пару минут остальные одиннадцать команд присоединились к ним. Стало значительно теснее, но веселый дурман еще не проходил.

– Это странно, конечно, но, видимо, клада здесь нет. Уходим, мои дорогие, – сказал Ирене, но в конце лестницы он заметил Мэдроуза. – О! Джонни! Куда дел мое вино, признавайся.

Мужчина молча и с выражением чистого презрения смотрел на него, затем сделал шаг назад и захлопнул дверь. Все слышали, как звякнул железный замок.

– Это не смешно! Открой дверь, сукин ты сын!

– Вечер добрый, господа Дюпоны! – услышали они знакомый голос ведущего из установленного под потолком ретранслятора, только теперь от него шел мороз по коже. Шутка больше не казалась смешной. – Поздравляю вас, вы прошли испытание и нашли клад.

– И где же он? – возмутились люди.

– В бочках, конечно. Именно то, что сделало вас богатыми. Ну, вы и сами знаете историю своих денег.

– Эй ты, как там тебя? Марк, кажется? – обратился к нему Ирене.

– Да, Марк, Марк Карозерс, мистер Дюпон.

– Карозерс? – удивились присутствующие.

– Судя по вашим лицам, вы помните моего деда. Это похвально.

– Прикажи своему работнику открыть дверь, это не смешно, – вмешался Уильям. – Игра окончена.

– Не совсем. Каждый карнавал завершается фейерверком. Этот не станет исключением.

– Что? – Дюпоны стали оглядываться по сторонам, и только сейчас до них стало доходить, что все происходящее не просто чья-то злая шутка.

– Вам просили передать, что штат Делавэр больше не нуждается в вас, как и мир. Впрочем, если вы боитесь фейерверка и огня, то можете облегчить свою участь, сделав всего лишь глоток лимонного сока, что вы найдете на столике в углу.

– Лимонного сока? – перешептывались гости.

– Да, точно такого же, по тому же рецепту, что вы дали Карозерсу.

– Кто это все устроил, сволочь? Говори, тварь!

– Приятного путешествия, дамы и господа.

Брайан все это время пытался выломать дверь, но она была слишком хорошо сделана. Вход в тоннель, который вел в другую часть дома, был замурован, как и люди в погребе, окруженные бочками.

Уильям открыл одну из них и запустил внутрь руку.

– Господи, это же порох, настоящий... – Среди Дюпонов началась паника, кто-то молился, кто-то кричал от ужаса, женщины уже заливались слезами от страха. Тишина пришла внезапно вместе с треском горящих фитилей. – Тушите их! Скорее!

Пять человек топтали фитили. Когда угроза, по их мнению, миновала, снова воцарилась тишина. Только сейчас до обостренного слуха гостей донесся тикающий звук часового механизма.

Тем временем гости из числа горожан в сопровождении ведущего прибыли к месту клада – вдали от дома, у самого входа в заповедник. Будучи навеселе, они не сразу заметили, что у края леса собраны они все до единого, даже те, кто не участвовал в поисках клада. Ночь была холодной, и многие начали уже замерзать. Не желая продолжать участвовать в поисках и растеряв весь задор, некоторые направились к особняку. Однако были вынуждены резко остановиться, а потом и вовсе упасть на землю, прикрывая голову...

Особняк Дюпонов взорвался с такой силой, что по земле прошла дрожь. Секунды – и дом полыхал страшным огнем. Гостям казалось, что даже отсюда они слышат крики людей, оставшихся в доме. Они с ужасом оглядывали присутствующих и с успокоением обнаруживали рядом всех тех, кого знали.

– Там что, только Дюпоны? – спросил кто-то из испуганных людей.

– Там все из Дюпонов, – равнодушно ответил ведущий, отклеивая усы. – Вечер окончен, можете возвращаться по домам.

– Марк! Куда вы?

– Домой, – пожал он плечами, – праздновать.

– Что праздновать?! Там же люди погибают! Их нужно спасать!

– Эти нелюди убили столько таких, как вы, что и не сосчитать. Там им всем самое место, в аду.

К удивлению перепуганного мэра, многие согласились с этим новым в городе человеком, неким Марком Карозерсом. Не прошло и пяти минут, как он и несколько мужчин, пришедших с ним, скрылись из виду.

– Бруно?

– Слушаю.

– Все готово.
– Прямо все и сразу?
– Как и заказывали – барбекю и фейерверк.
– ...Спасибо, Марк.
– Тебе спасибо, что вспомнил обо мне.
– Это не я, это заказчик.
– Ясно...

Вашингтон, США

Ламмот Дюпон сидел в своем номере и безучастно смотрел в окно. На улицах столицы было невероятно пустынно. Лишь изредка проезжали полицейские машины. Отчего-то на душе было неспокойно, и ныло сердце. Телефон в гостинице, как назло, не работал. Недолго раздумывая, Мотси решил выйти на улицу и просто подышать свежим воздухом. Он неторопливо спустился в фойе, оттуда прошел к выходу и через стеклянные двери покинул отель. На улице моросил дождь, воздух был приятным и свежим. Пахло весной. Дюпон заметил странного вида мужчину на другой стороне улицы – тот был похож на бродягу, но тем не менее разговаривал то ли по телефону, то ли по рации. Постояв так с пару минут, Ламмот заметил ниже по улице телефон-автомат и направился туда. Он снял трубку и уставился на цифры. С другого конца улицы доносилась сирена. Спустя мгновение полицейская машина промчалась мимо. Ламмот наконец услышал гудки в трубке и стал набирать номер кузена Ирене, но никто не отвечал.

Боковым зрением он увидел, как по дороге несется еще одна машина, на этот раз какая-то черная и явно не полицейская. Джип притормозил прямо у телефона-автомата, опустилось стекло, и последнее, что видел Ламмот, было дуло автомата. А последнее, что услышал, – это автоматная очередь. Семнадцать пуль буквально изрешетили тело Мотси. Он упал в лужу своей же крови, так и не отпустив телефонную трубку, в которой шли короткие гудки...

глава XXI

Пембина, США

Начиная от выездных дорог городка и до самой канадской границы стояли в очереди сотни машин – все хотели уехать из Америки, и как можно быстрее. В многокилометровой пробке ходили всевозможные слухи о том, что пропускают не всех, некоторые пересекают границу нелегально через поля и рощи. Страх и паника делали свое дело. Успокаивало лишь то, что военных и полиции здесь пока не наблюдалось. Телефоны по-прежнему работали не у всех, но вот радио и портативные телевизоры уже ловили вполне сносный сигнал, и можно было получить хоть какую-то информацию о творящемся в стране. Из-за моря не поступало никакой информации вовсе. Желтый пикап Тогая так же, как и все, стоял в очереди. Возможно, уже через пару часов они будут в Канаде. Эвис, удобно устроившись на заднем сидении, уже с полчаса был погружен в виртуальный мир, где пытался выяснить хоть что-то о происходящем у своих коллег. Сенка и Купер сидели у обочины дороги, не спеша допивая остатки газировки, припрятанной Эвисом на черный день, и покуривая в свое удовольствие.

– ...Как думаешь, меня выпустят по паспорту Лазарь?

– А почему нет?

– Может, потому, что ты объявил меня в розыск? – пожала плечами девушка, ухмыльнувшись.

– Хм-м, – полицейский задумался, – сомневаюсь, что доступ к базам у них сейчас есть. И не скоро появится. Они осмотрят машину... Хотя в этом хаосе, – махнул он рукой, – найдется какой-нибудь сумасшедший. Отвлечет их внимание, и они начнут пропускать всех просто с американским паспортом.

– А это идея, – к девушка, выпуская дым в сторону. – Стоять и ждать мне уже надоело.

– Покажешь нам очередной фокус?

– Угу. Вот допью, докурю и покажу.

Пару минут они сидели молча. Леон снова задумчиво и внимательно посмотрел на Сенку.

– Ты хочешь меня о чем-то спросить?

– ...Во всей этой невероятной истории я не понимаю, зачем тебе эта голова нетленная?

– Может, тебе и не надо этого понимать, – не глядя на Купера, ответила Обилич. – Для этого придется долго и упорно копаться в истории моего народа, а это не каждому под силу. Знаешь, моей дед, когда стоял перед сложным выбором, всегда повторял известный вопрос мудрого Негоша: «С чем же предстану перед Милошем?..» Перед предками. Теперь и я задаю этот вопрос. В моем случае у меня два Милоша, но оба примут этот дар... Вот так вот.

– Все же, что ты будешь там делать, когда вернешься?

– Без понятия, – покачала девушка головой. – Видимо, начну все сначала. Найду тех, кого знаю. Надеюсь, они живы, хоть немногие. Там видно будет. Да и потом, рано еще об этом, наше приключение здесь еще не окончено.

– Эй вы там! – высунулся из машины Тогай. – Топайте-ка сюда! Новости есть!

Сенка неохотно затушила сигарету и бросила ее в сторону.

– И что случилось? – спросил Леон, облокотившись на дверь.

– Ну-у, – протянул Эвис, отрывая взгляд от экрана, – похоже, план работает. – Он почесал в затылке.

– В каком смысле? Что случилось? – недоверчиво спросила девушка.

– Уж не знаем, барона ли это рук дело, но Вулфовиц, Рамсфельд, Гринспен и сто двадцать человек Дюпонов мертвы. Причем умерли они явно не своей смертью. Последнего расстреляли в Вашингтоне прямо на улице.

– Значит, работают профессионалы, – цокнул Купер, глядя в сторону границы. – Организованно и спланированно.

– Сомнительная радость. Основные фигуры все равно еще живы, – нахмурилась Сенка, завязывая волосы в хвост.

– А это, прости, не основные, что ли? – удивился Гарсия. – Они члены Совета...

– Вы все прекрасно знаете, какие цели интересуют меня.

– При всем уважении к твоей истории, Олбрайт и Бжезинский лишь пешки, слуги тех, кто во главе Совета.

– Эти твои пешки нагрешили не меньше и должны сдохнуть. Тогда мне и сообщи, а до тех пор меня смерти этих уродов не интересуют. – Обилич расстегнула куртку и направилась куда-то в сторону границы.

– Ты куда? – высунулся из машины хакер. – Ты что, обиделась?

– Нет, – хмыкнул Купер. – Просто у нее есть план, как поскорей покинуть Америку.

– В одиночку, что ли?

– Сейчас увидим. – Леон отряхнул руки и сел в машину. – Заводи на всякий случай.

– Что-то мне это уже не нравится, – покачал головой индеец. – Почему нельзя было просто стоять в очереди?

– Потому что могут возникнуть проблемы, если до них дошли ориентировки на Марию Лазарь.

Все трое переглянулись.

– Она там что, бунт устроить собралась? – взволнованно спросил Гарсия. – Может, ее прикрыть надо, помочь как-то?

– Не думаю, что мы в этом деле ей поможем. – Купер хмыкнул. – Непосильная для нас задача, вне нашего понимания. – Он вздохнул. – Вне моего точно.

– Она тебе нравится, да? – спросил Эвис, заговорщицки улыбаясь. – Неудивительно.

– Даже если и так, у меня ноль шансов. Может, в другой жизни.

Сенка заметила, что у джипа, который был в очереди четвертым, толпились люди и что-то бурно обсуждали. Их было семеро, и из-за томительного, изматывающего ожидания их терпение было на исходе. Однако скорого прохождения границы ничто не предвещало. Постоянные сбои в работе системы тормозили процесс. Оглядев группу, Обилич прошла к следующей машине с затемненными стеклами, но с опущенным стеклом со стороны водителя, – в ней был лишь один человек. Мужчина сидел, напряженно вцепившись в руль и глядя прямо перед собой. Сенка едва заметно ухмыльнулась и, обойдя автомобиль, открыла дверь и села на пассажирское сиденье. От неожиданного вторжения мужчина вздрогнул, поворачиваясь к девушке.

– Какого черта! Кто вы? Что вам надо в моей машине?!

– Тсс, – приложила она палец к своим губам. – Это не больно, – прошептала она, смотря ему в глаза. – Мне всего лишь нужна твоя помощь.

Водитель и сам не заметил, что не отрываясь смотрит в глаза незнакомки и не может отвести от них взгляда. Вдруг ему показалось, что она будто проникает в его сознание. Спустя еще пару секунд он слышал лишь ее голос, который тут же становился его собственным.

Когда мужчина пришел в себя и стал оглядываться по сторонам, то никакой незнакомки не увидел. Он глянул в зеркало заднего вида, заметил там удаляющуюся женскую фигуру, но не узнал в ней девушку из машины. Мотнув головой, будто отгоняя наваждение, мужчина снова посмотрел вперед и громко выругался. Его терпение вот-вот лопнет.

– Что же вы, гады, творите?.. – вслух спросил он. – Я всего лишь хочу уехать! – Он со всей силы стукнул руками по рулю. – Можно подумать, тут одни террористы собрались! Я не хочу больше ждать!

Мужчина завел мотор и, аккуратно объехав впереди стоящих, вдавил педаль газа в пол и помчался к границе. Однако он не собирался проезжать, ему просто хотелось снести этот проклятый пропускной пункт вместе с теми, кто, как ему казалось, не дает ему осуществить свои планы. Его красная «ауди», подпрыгнув на бордюре, буквально влетела в небольшое здание КПП, проламывая слабые фанерные стены, круша все на своем пути. От удара о сработавшую подушку безопасности водитель потерял сознание. Пограничников внутри было всего трое – никто не пострадал физически, но застывший на их лицах ужас говорил о явных моральных мучениях. Через пару минут после происшествия другие машины поспешили пересечь границу, не дожидаясь разрешения. По пробке пополз слух то ли о террористах, то ли еще о чем-то. Полицейские понимали, что не справляются, и просто махнули на проверку рукой – смотрели только обложку паспорта: американский – проезжай. В Канаде с тобой пускай разбираются.

Тогай притормозил рядом с Сенкой, та быстро забралась в машину и захлопнула за собой дверь.

– Это ты сделала? – спросил Эвис, улыбаясь. – Ты страшный человек, оказывается.

– Ты хотел тут еще сутки стоять? У меня уже нет сил сидеть в машине, – фыркнула девушка. – Никто же не умер.

– Это, конечно же, снимает всю вину, – хмыкнул Купер. – Ладно, ладно! Шучу. – Он поднял руки вверх. – Погнали, Тогай! А то она еще что-нибудь учудит.

– Ха-ха. Очень смешно. Могли бы и спасибо сказать.

– Спасибо! – сказали товарищи хором, вызвав улыбку на лице девушки.

Вместе со всеми они пересекли границу между США и Канадой. До Виннипега оставалась пара часов езды.

Вашингтон, США

Обама был в своем кабинете. Он передвинул кресло к окну, поближе к стене, и, будто спрятавшись за шторами, сидел, посматривая в окно. Мыслей было много, но все они вращались вокруг идеи бежать, бежать куда угодно, главное – подальше от этого хаоса. Отчеты разных ведомств сыпались на него один за другим. И на большинство он

уже не знал, как реагировать. Бараку казалось, что, кроме него, никто не видит, что план провалился.

– Почему проклятые старикашки этого не понимают? – вслух прошептал он. – Ничего не получается...

В дверь постучали, и в кабинет вошли вице-президент Байден и госсекретарь Керри.

– Скучаешь? – ухмыльнулся Джозеф. – А страна трещит по швам.

– И что ты предлагаешь, Джо? – развел руками Обама. – Я открыт к любым предложениям.

Керри лишь хмыкнул и устало плюхнулся на кожаный диван. Байден подошел к окну и выглянул за занавеску.

– Ты видел последние отчеты федералов?

– Гм-м, да, – кивнул Обама.

– И что скажешь?

– Что-то явно пошло не так...

– Да ты чертов гений! – всплеснул руками Джо. – Два лагеря уже битком забиты несогласными гражданскими, и самое печальное знаешь что?

Президент покачал головой.

– Оказывается, гробов на всех не хватит. А содержать там чертову кучу народа денег нет. ФРС больше не с нами... Сэр Ротшильд против... а с ним и наша казна.

– Это было ожидаемо, – вздохнул Джим. – Нужно было тянуть время, пока они не уладят свои внутренние разногласия. Ну или хотя бы пока не забрали его собственность.

– Ненавижу эти все «кабы да дабы», – огрызнулся Байден, – из-за них мы в полной жопе. И самое печальное, что... эти краснокожие дикари, эти недобитки смогли мало того что организоваться, так они уже оттяпали себе знатные куски земли.

– О чем это ты? – в голос спросили президент и госсекретарь.

– Все-таки вы идиоты. Оба, – покачал Джо головой. – Вы хотя бы читайте аналитические записки, прикрепленные к папкам. Индейское сопротивление, – он указал пальцем на кипу докладов на столе Обамы, – одному богу известно откуда взявшееся... они забирают себе свои земли. Поднимают над ними свои флаги. Они теснят федералов. Эти краснокожие дикари вооружены и опасны. И белые им помогают.

– Судя по картам, – задумался Барак, – они просто забирают то, что принадлежит им по старым договорам, которые правительство не соблюдало.

– Уже нет, – ухмыльнулся вице-президент. – Они просто забирают себе всю землю.

– Она все равно их.

– Посмотрите-ка, в тебе проснулся негр с ущемленными правами цветного населения? – бросил злой взгляд на Обаму Байден. – Видимо, ты спишь и видишь, как краснокожие будут править этой страной. Может, ты бы еще и за дикаря на посту президента проголосовал?

– Время покажет, – развел руками Барак.

– Какая мудрость из глупой головы.

– Ты разве не понимаешь, что Штаты рушатся? Из-за игр этих старперов наш мир летит в тартарары! Думаешь, им до нас дело есть? Да нас первыми расстреляют, когда будут искать виновных. Десять штатов уже заявили о выходе, они объявили себя независимыми, и знаешь что еще хуже?

Президент мотнул головой.

– Армия, мой чернозадый друг, медленно переходит на сторону народа. Еще пара-тройка дней, и свергнут нас. Эти разгневанные повстанцы будут штурмовать лагеря, потом с оружием придут штурмовать Белый дом и брать Капитолийский холм. Видимо, ты этому несказанно рад, раз улыбаешься.

– Я улыбаюсь шутке судьбы. Хех, – он мотнул головой и посмотрел в окно, – так долго они шли к этому, а из-за одной мелкой оплошности все пошло псу под хвост. Это удивительно.

– Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда они вздернут тебя на дыбу, – всплеснул руками Байден.

– Думаешь, я собираюсь здесь оставаться? – удивленно вскинул брови президент. – Я уеду подальше отсюда. Как ты любишь говорить, я же негр – мне легко затеряться в толпе негров.

– Смотрю, спасать Америку ты не собираешься?

– Я получил от нее все, что хотел, и заплатил за все сполна. Речи о героической гибели не было. Так что в любом случае – я умываю руки.

– Рано намылился. Впереди еще гражданская война...

– Какая война, Джо? – спросил Керри. – Кого и с кем? Если предположения федералов и АНБ верны, то кто-то преднамеренно выкашивает Совет. И неизвестно, кого прихватят вместе с ними. Не удивлюсь, если и мы есть в том списке...

– Ты так спокойно об этом говоришь?

– А что изменится, если я буду бегать по комнате, как сумасшедшая индейка перед Днем благодарения? Вулфовица убили прямо в этих стенах. Мы все тут на прицеле. Не думаю, что сейчас где-либо можно отыскать безопасное место.

– И что же ты предлагаешь, мистер всезнайка?

– Пока еще не слишком поздно, можно перебежать в другой лагерь. Начать играть на другом поле.

– Неужели вы и вправду думаете, что Ротшильд вас оставит на ваших местах после всего?

– А ты веришь, что он еще будет жив на следующей неделе?

– В отличие от всех остальных, он не в США.

– Это ничего не меняет, – ответил Керри, вставая с дивана. – Не удивлюсь, если уже через неделю от Совета не останется и следа и мы действительно проснемся в новом мире и с новым мировым порядком.

– А кто его возглавит, этот твой новый мир, позволь поинтересоваться?

– Кто угодно, но только не мы, – ответил Барак из угла комнаты спокойным тоном и с такой уверенностью, что сам удивился.

– Сумасшедший дом какой-то, – схватился за голову Байден, – вы сдались уже? Вам плевать на все? Только о себе можете думать?

– Увы и ах, – развел руками Керри. – Мы в этом спектакле – слуги, и каждый свою роль выполнил. Теперь приходит время спасаться бегством с тонущего корабля. Надеюсь, вы озаботились тихим убежищем на остаток дней?

– Предлагаешь, как фашистам, отсиживаться в Аргентине? – фыркнул Джо. – Нет уж, спасибо.

– Не переживай так сильно, – похлопал его Керри по плечу, – уверен, те, кто придет сюда, с удовольствием выделят резервацию Вашингтон для своих бледнолицых братьев. И тебе найдется место в общине.

– Да пошел ты! – Джим рассмеялся.

– Нет больше Америки. И только дурак этого еще не понял. Мы снова возвращаемся в век самого настоящего бартера. Интересное будет времечко, но не хочу в нем застрять.

– Тогда что вы сидите в этих стенах? Чего ждете, крысы?

– Подходящего момента, наверное, – пожал плечами госсекретарь. – Не хотелось бы допустить серьезных ошибок. Сам понимаешь...

Больше оставаться с этими людьми в одном кабинете вице-президент не желал. Он никогда не ожидал от них такой трусости. Тем более в такой важный момент для страны, когда есть риск потерять ее вовсе. Идя по коридору, он видел, как в некоторых комнатах работали люди – готовили какие-то материалы для СМИ, проверяли последние сводки уличных боев по разным городам США. Байден прекрасно понимал: мало кто еще понял, что корабль идет ко дну. Из всех включенных телевизоров, с любого канала, восстановившего вещание после террористических атак, рассказывали о наступательных операциях гражданских во главе с индейцами. Один город, округ сдавался, и тут же их примеру следовали другие. Вооруженные люди решили

сами взять власть в свои руки и сделать ее такой, какой она виделась в американской мечте.

В комнате для совещаний на очередном брифинге для СМИ для пула Белого дома присутствовал Бжезинский. К его речи были прикованы все взгляды, своим красноречием он не давал людям отвлекаться ни на что другое.

– Какие действия, по вашему мнению, стоило применить, чтобы всего этого не произошло?

– Хм-м, видимо, власти проглядели момент формирования индейского единства. Другими словами – мы проморгали лидера. Вот именно его нам стоило прибрать к рукам и заставить сотрудничать с нами. Выбить из его головы эти поганые идейки об индейской земле.

– А если бы он отказался?

– Отказался? Хех, милая моя, будто вы не знаете, что бывает с несогласными, однако это не для общественности. – Збигнев улыбнулся. – Между нами, так сказать. По мне, так нужно было их истребить полностью. Слабо работали с резервациями, мало их душили. – Он хлопнул в ладоши. – Живучие оказались, как тараканы. Ничего, – махнул он рукой, – уверен, национальная гвардия с ними разберется.

Советник президента заметил Байдена в дверях.

– Джо! Что-то ты невесел.

– ...Есть причины, – хмуро и неохотно ответил вице-президент. – Ты сводки видел? Чтобы так веселиться...

– Видел. Только не вижу в этом конца света. Это все поправимо. И не мне тебя учить.

– И откуда вы только все повылазили?.. – раздраженно спросил Джо, делая шаг назад. – Неужели не осталось нормальных людей?

– Ты о чем?

– Неважно! – махнул он рукой. – Америка разваливается, если ты не заметил, а мы сидим тут и ни черта не делаем. Все ждем чего-то.

– Тут ты не прав. Работа с населением ведется, пункты программы выполняются. Да, есть проблемы в некоторых населенных пунктах, но мы к этому были готовы...

– А к убийствам членов Совета мы были готовы? Збигнев, а если нас всех кончат, кто будет доводить план до конца? – наклонившись к уху Бжезинского, спросил Джо. – И судя по всему, Дюпоны не последние. Не боишься?

– Я давно в отставке, чего мне бояться? – улыбаясь, развел советник руками. – Я говорящая голова и не более, какой во мне интерес?..

– За заслуги.

– Что ж, я позабочусь о своей безопасности, раз ты так обо мне волнуешься. А я, кажется, понял, отчего ты так занервничал. Из-за смерти Дюпонов?.. Да, конечно, псу тяжело терять хозяина. Ведь они тебя в Сенат продвинули, да?

– ...Смотри, как бы не было слишком поздно.

– Ладно, некогда мне тут болтать, пора лететь в Нью-Йорк, телевидение жаждет моего экспертного мнения. – Бжезинский поправил галстук и с довольной ухмылкой покинул кабинет.

Отчего-то у вице-президента было очень плохое предчувствие, и внутренний голос буквально вопил о том, что из этого города и страны нужно бежать сломя голову. Отмахиваясь от нехороших мыслей, Байден покинул Белый дом в сопровождении своей охраны. К его удивлению, зевак и журналистов за ограждением практически не было – город будто вымер.

Збигнев забрался в вертолет и дал команду на взлет. Сегодня ему предстояло вещать на всю страну. Речь он приготовил давно, задолго до всех этих событий. Также он был уверен, что его дочь Мика подготовила достаточно интересных вопросов, ответы на которые вряд ли оставят граждан США равнодушными.

– Великая партия на великой шахматной доске началась, – он хмыкнул, – белые начинают и выигрывают. – Он замолчал, из-за шума винтов его все равно никто не слышал, однако некоторые опасения после разговора с Байденом остались. – Что ж, никто не будет возражать, если эти неизвестные уберут Барака и его приспешников. Самим не придется мараться. Если бы еще и Хилари взяли в качестве бонуса, вообще закатил бы пир...

Через полчаса вертолет приземлился в аэропорту, и дальше уже самолетом Збигнев отправился в Нью-Йорк.

Не успел вице-президент далеко отъехать от Белого дома, как ему позвонили с очередной сводкой с полей.

– А раньше никак нельзя было?!

– Прошу прощения, сэр. Понимаю, что ситуация позволяет идти в обход правил, но необходима ваша подпись. Я лишусь работы...

– Ладно, все! – огрызнулся Джо. – Разворачивайте! Едем обратно, – приказал он водителю раздраженно. – Через десять минут буду. Слышите?

– Разумеется. Вам просили передать, что не все псы попадают в рай, мистер Байден.

– Что? – нахмурился Джо. – Кто просил? Кто вы?

Но неизвестный повесил трубку.

– Бред какой-то, – покачал он головой и посмотрел вперед. Только сейчас он рассмотрел водителя – абсолютно незнакомого ему человека. – Кто вы такой?

– Это уже не имеет значения, – ответил мужчина, доставая из-за пазухи пистолет с глушителем. Джо попытался открыть дверь, а когда во второй раз посмотрел на убийцу, тот спокойно нажал на курок.

Машина притормозила у знаменитого газона, рядом с ограждением, где так часто собирались демонстранты, из открытой задней двери на сырую и грязную от тающего снега землю выбросили тело вице-президента. Затем дверь закрылась, и машина так же быстро скрылась за поворотом. Охранники не сразу обратили внимание на убитого, прошло еще полтора часа, прежде чем в правительстве узнали о смерти Джо Байдена. Только после этого Белый дом действительно превратился в крепость, всюду были охранники и сотрудники службы безопасности, два отряда национальной гвардии теперь стерегли покой главы государства, медленно утопающего в пучине хаоса.

Не успели там прийти в себя, как еще одно тревожное сообщение пришло из Джорджии – неизвестные в военной форме без опознавательных знаков в округе Элберт разрушили Путеводные камни Джорджии, где были выбиты, по мнению многих, масонские заповеди и цели. Каменные плиты были разбиты на десятки кусков. Та часть, где на английском была выбита цель номер один, была расколота надвое. С 1979-го там было написано: «Людей на Земле не должно быть больше 500 000 000». Теперь поверх нее белой краской было написано: «И вы падете первыми...»

Ре, Франция

В 165 километрах от Парижа, на территории Нормандии, в крайне живописном месте между городком Ре и Пон-л'Эвек стоял дивной красоты замок, который с 1868 года принадлежал де Ротшильдам. Горожане ценили такое соседство, и, видимо, поэтому Дэвид Рене де Ротшильд восемнадцать лет был мэром Пон-л'Эвека. В огромной резиденции, которую по праву можно было считать дворцом, гостило на редкость много дальних родственников. Дэвид не без удовольствия выслушивал стенания жены Джейкоба и его дочери. Это согревало его душу не меньше, чем понимание того, что теперь все богатства семьи перейдут в его руки, а не один лишь семейный банк. Как-никак, он готовился уйти на пенсию, а управление передать своему сыну Александру, и он был готов на многое, если не на все, лишь бы сокровища не достались Нэту Ротшильду... пускай и по праву.

– Я пыталась с ним связаться, но он не берет трубку. Приказал секретарю не соединять ни с кем из нас...

– Но-но, тише, все наладится, – пускал в ход свое обаяние Дэвид, поглаживая женщину по плечу. – Все образуется. Просто нужно пока обезопасить наши активы от его безумных действий.

– Да еще и смерть Ричарда. Он же без него как без рук, – продолжила дочь. – Как же все печально складывается...

– Итак, дамы, что вам известно о его последних делах? Сгодится любая информация, все может принести пользу.

Тут в гостиную вошел дворецкий и прямиком направился к хозяину. Наклонившись к нему, он сообщил о незваном госте.

– Как интересно! Серена, знаешь ли ты Линду?

– Линду? – удивилась миссис Ротшильд. – Вы о мисс Блэйд, наверное?

Дэвид кивнул.

– Насколько мне известно, она искусствовед, Нэтти обращался к ней при покупке редких коллекционных реликвий на черном рынке...

– Он все еще занимается этим? – удивился мужчина. – Думал, забросил... Хотя после разграбления Ирака, Ливии с Сирией на том рынке наверняка есть чем поживиться. Почему теперь она его помощница?

– П-понятия не имею.

– Он рассматривал ее кандидатуру когда-то давно, – вмешалась дочь барона, – но отказался ввиду ее каких-то нелестных характеристик от предыдущего босса. Или что-то в этом духе.

– Что ж, у нас есть уникальная возможность спросить ее об этом лично.

– Она здесь? – удивилась Серена.

– Да, и даже больше – представилась помощницей барона Ротшильда.

Спустя пару минут в каминный зал вошла Линда в сопровождении сына Дэвида и по совместительству наследника всего наследия Ротшильдов – Александра. Они успели разговориться и мило улыбались друг другу.

– Добрый день, мистер Ротшильд, дамы. – Блэйд, будто в знак почтения, слегка наклонила голову. – Безумно рада встрече, сэр. – Она протянула руку Дэвиду, вставшему с кресла. – Честь для меня.

– Что вы, что вы, – отмахнулся он, – оставим эти условности другим. С чем пожаловали? – Его лицо больше не излучало дружелюбия, скорей холодный расчет.

– От слов к делу, хм-м? Мне это нравится. Джейкоб просил передать вам вот это. – Она достала из сумки папку с какими-то документами. – Он посчитал, что это вы должны увидеть лично.

– Что это? – Дэвид с неохотой взял бумаги.

– Полагаю, – Линда начала расхаживать по гостиной, разглядывая интерьер, – что-то вроде прощания.

– В каком смысле? – переспросил Александр. – Это что, его предсмертная записка?

– Рано хоронишь дядю, – ухмыльнулась женщина, поправив волосы, – хотя чего еще ожидать от такого, как ты.

Недовольно поморщившись, Дэвид открыл папку и принялся листать листы бумаги. Тем временем мисс Блэйд медленно подошла к окну и, чуть отодвинув штору, посмотрела на сад, занесенный снегом.

– Что там, отец? – спросил Александр.

– Половину не могу разобрать... от руки написано, и уж точно не на английском и не на французском... Вы уверены, Линда, что передали мне то, что нужно?

– Ну вы же узнаете почерк? Так в чем проблема? – Она достала из кармана подушечку мятной жвачки и закинула ее в рот.

– Потрудитесь объяснить, что значит – он заморозил счета семьи? За банк клана отвечаю я...

– Хм-м, вот вы и будете отвечать перед вкладчиками и многочисленными друзьями семьи, – подернула она плечами. – Или не будете... все зависит от обстоятельств.

– Каких?

– Есть ли в вашей черепной коробке мозг или нет.

– Я вас решительно не понимаю. – Он буквально вскочил на ноги, но Александр вышел вперед, прикрывая отца собой.

– Это угроза? Дядя Джейкоб прислал вас нам угрожать?

– Боже... – выдохнула Линда, – зачем ему это? Угрозы эти ваши...

– Имейте в виду, из дома вам не выйти.

– Знаете, семейство Дюпонов погибло прошлой ночью? Слышали? Видимо, нет. – Она чуть наклонила голову, все еще не поворачиваясь к Ротшильдам, достала из сумочки заготовленный пистолет с выгравированным на стволе ее именем и резным изображением феникса. – Знаете, я тоже ломала голову, что же это за фраза повторяющаяся на листках, потом додумалась вбить ее в переводчик, и знаешь, что там написано?

– Что же? – поинтересовался Александр.

– ...В конце останется лишь один... Только написано почему-то на сербском. Странно, да?

– Убирайся из моего дома, или я сейчас же зову охрану! – повысил голос Дэвид.

– Само собой, только закончу одно дело. – Она резко развернулась лицом к Ротшильдам и сделала первый выстрел.

– Алекс!!! – только и успел выкрикнуть Дэвид, видя, как его сын замертво падает на шелковый ковер, заливая его кровью. Следующий выстрел пришелся в голову уже самому главе французской ветви Ротшильдов. Он умер рядом с сыном.

– Дамы, – улыбнулась Линда, – о вас речи не было. Хорошего дня.

Блэйд убрала пистолет в сумку и, открыв окно, вылезла в сад. Она еще долго слышала крики и рыдания Серены и ее дочери над убитыми. Ей было стыдно признаться самой себе, но эти звуки ее радовали.

Блэйд ловко преодолела небольшой забор и, спрыгнув на дорогу, направилась к своей машине. По пути она достала свой мобильный телефон и набрала номер барона.

– С прискорбием сообщаю, что месье де Ротшильд и его сын скоропостижно скончались от инородного предмета в черепной коробке.

– Ценю твой сарказм.

Женщина хмыкнула.

– Моя жена?

– Напугана, но жива. – Линда села в машину и, заведя мотор, поехала прочь. – И все же, каков смысл? Вы же родственники. Вы сами отдали ему банк в руки...

– Старая, как сама жизнь, история об извечной борьбе братьев, – чуть помолчав, ответил барон, вздохнув. – Просто я решился первым. Все к этому шло уже давно.

– Мир большой, поделили бы.

– Могли бы, да-а, только ни он, ни я не привыкли делиться.

– Понимаю, – ухмыльнулась Блэйд. – Какие будут еще распоряжения?

– Пока никаких. А нет, есть кое-что, давно не слышал я ничего от моего начальника охраны... Ты помнишь Бранковича?

– Помню. Вместе с ним выполняли одно ваше поручение несколько лет назад, но не сработались.

– Напомни, почему?

– Разошлись в методах. – Она передернула плечами.

– Понятно. Найди Вука.

– Найти и..?

– По ситуации.

– Он был в Америке, когда связывался с вами в последний раз?

– Думаю, у Бруно могут быть ответы.

– Поняла вас. Выполняю.

Линда повесила трубку и бросила телефон на сиденье.

– Собрал всех убийц вокруг себя... Надо бы разузнать у этого Бруно, что за заказ он им дал. Вук все равно ничего не скажет, – рассуж-

дала вслух. – Забывать про его существование опасно, Линда, опасно. Он может и убить.

Нью-Йорк, США

Бруно Васкес стоял, прислонившись к каштановому дереву. Казалось, что мороз был ему нипочем, а тем временем замерзла даже вода в реках. Через дорогу стоял стеклянный гигант – знаменитый Уорнер-центр на Коламбус-серкл. Бруно снял солнцезащитные очки и, еще раз окинув здание внимательным взглядом, вытащил из внутреннего кармана куртки блокнот. Цокнув языком, он пролистал пару страниц.

– Н-да уж, – вслух подытожил он, – заказ в духе 9/11... заказчики те же, а вот жертвы... Хотел бы я знать, как ему удалось провернуть этот блэкаут... Прям-таки сказка... Чем, интересно, ты насолил этому старику?

Зазвонил телефон, номер не определился.

– Васкес. Кто это?

– Привет, Бруно! – услышал он женский голос, но не сразу узнал его. – Блэйд на связи. Можешь меня поздравить, я теперь помощница Ротшильда вместо почившего...

– Поздравляю, смотри, как бы не почить следом. Давай быстро, чего тебе? Я человек занятой.

– Знаю, знаю. Один вопрос – где Вук?

– Он умер.

– Ты сейчас пошутил?

– Ничуть. – Оттолкнувшись от дерева, Бруно прямо по запорошенным снегом клумбам пошел в сторону перехода. – Связь с ним была утеряна. Отследили его телефончик, связались с местными. В общем, застрелился Бранкович на мосту в Гранд-Форкс.

– Застрелился?.. – опешила Линда. – Он никогда бы этого не сделал.

– Понятия не имею, это ты с ним спала, наверное, знаешь его тараканов. Пушка его, стрелял он, машина, правда, помята. Видимо, кого-то преследовал. Он что-то говорил о незаконченном деле. Все. У меня дела. Отбой.

Бруно отключился. Перейдя дорогу, он сел в минивэн, припаркованный рядом со входом в Центральный парк. На улице не было людей. Стояла тишина. Все предпочитали оставаться внутри зданий, думая, что крепкие стены защитят их от всего.

Тем временем в Уорнер-центре, в одной из многочисленных студий компании Си-Эн-Эн, единственной, которая смогла быстрей

всех организоваться и наладить вещание после хакерской атаки, шла подготовка к очередному выпуску новостей. В гости ждали эксперта, обещавшего дать исчерпывающую информацию по происходящим событиям. Впрочем, в студии у Мики Бжезински сегодня должно было быть много гостей.

Ее самолюбие, безусловно, тешил факт, что в такое тяжелое время позвали именно ее. Пускай из-за громкой фамилии. Да и никто, кроме нее, не сможет разговорить главного эксперта этого вечера, который сможет нагнать на американцев страху.

Из всего здания было многолюдно лишь в офисе Си-Эн-Эн, во всем остальном центре не было ни души. Из-за введенных новых правил мало кто рискнул бы оказаться в неположенном месте без документов. Кроме всего прочего, жители Нью-Йорка были сильно напуганы прогремевшими взрывами. Люди предпочитали отсиживаться по домам, однако без личного огнестрельного оружия.

Из гримерки номер семь доносился смех, сотрудники вместе с гостем обсуждали происходящее в стране и даже находили повод для смеха. Збигнев искренне радовался вниманию к своей скромной персоне, но в его глазах читалась напряженность и беспокойство. Видимо, не все шло согласно его идеальным представлениям.

– О чем пойдет речь в вашем интервью, мистер Бжезинский? – спросил молодой мужчина-стилист, укладывая выставленную на столике косметику в сумку.

– Думаю, Уилл, придется поговорить о нынешнем военном положении и его причинах.

– Будут звонки зрителей. Вы в курсе? – поинтересовался кто-то из ассистентов редакторов. – Пропустим, само собой, не всех.

– Теперь в курсе, – улыбнулся Збигнев, посмотрев на себя в зеркало. – О! Мика, дорогая!

Дочь советника президента вошла в гримерку, и сразу же все притихли.

– Что ж, – сказал Уилл, повесив сумку на плечо, – я свое дело сделал. Пойду перекушу. Нет ничего романтичнее прогулки по закрытому торговому центру, я вам скажу.

Бжезинский даже не заметил, как быстро опустела комната, и он остался наедине с Микой.

– Ну что, моя хорошая, готова задать американцам жару? – улыбнулся он.

– Всегда готова. – Женщина довольно хмыкнула, подойдя поближе к зеркалу, и осмотрела свое лицо со всех сторон. – С чего начнешь?

– М-м, пожалуй, поговорю с ними о трудностях контроля над всеми.

– Снова скажешь про то, что убить миллион сейчас куда легче, чем контролировать?

– Но это правда! – Он засмеялся. – Мир все равно нуждается в очищении. И оно уже началось. В ФЕМА-лагеря уже загнали больше шестидесяти миллионов.

– Они переполнены?

– Забиты до отказа, – кивнул Збигнев. – Но пластиковых гробов на всех хватит, – махнул он рукой, – если складывать по частям, а не целиком. Правда, это отнимет много времени.

– Звучит ужасно. – Мика села в кресло и, сняв туфли, вытянула ноги вперед. – Ты выглядишь озабоченным, взволнованным даже. Что-то идет не так? Слухи про индейцев и про восстания в некоторых штатах правдивы?

– Увы, да, – цокнул Бжезинский. – Недодавили краснокожих.

– Это опасно?

– Еще бы, – покачал он головой. – Известно, что они стремительно захватывают свои земли, приближаясь к границам 1850-го.

– Это же порядка двадцати штатов! – вскинула брови женщина. – Почему об этом молчат?

– Пока полностью под их контролем штатов восемь. Эти дикари поймали момент и хорошо воспользовались случаем. Государству пока не до них, видимо. Сама знаешь, как хорошо – в кавычках – работают в отдаленных от центра местах. Да и связь никак не восстановится. Кто-то отлично подыграл им... А все решения из Пентагона и Белого дома – будто бред сивой кобылы... Эти чертовы хакеры, они изменяют указания и распоряжения. В итоге на местах полная неразбериха.

– Когда это исправят-то? Мне нравится отдыхать от суеты Нью-Йорка в Лос-Анджелесе...

– Да ежу понятно, что выгоним их к чертям собачьим оттуда и снова загоним в резервации, я бы, правда, вообще перебил этих оставшихся.

– Разве это не часть национальной безопасности?

– Разумеется. Понятное дело, что туда направляют армию и копов, но среди них хватает пробужденных фанатиков. – Збигнев недовольно фыркнул. – Они переходят на сторону индейцев вместе с вооружением. Если началось все с пары пистолетов, то теперь у них полно всякого новомодного оружия. Это-то меня и настораживает. Изначально планировалось все провести быстро и четко... такого поворота никто не ждал. Вдобавок кто-то выкашивает Совет подчистую. Подбираются и к первым лицам.

– Что?! – подпрыгнула на месте Мика. – Кто-то из правительства мертв?

– Да, – кивнул Збигнев. – Байдена убили и выбросили у Белого дома на газончик, отдохнуть, так сказать. Хотел бы я знать, кто следующий и по какому принципу отбирают жертв.

– Неужели служба безопасности, ФБР, АНБ ничего не могут? Как же их хваленые спецы?

– Думаю, что среди этих спецов есть предатели. Вообще складывается впечатление, что кто-то просто взял и мобилизовал все свои силы и пустил на борьбу...

– На борьбу с кем?

– С Советом...

– А если их всех убьют, что дальше?

– Свято место пусто не бывает. Да и потом, их план принимали все, как и правила игры. В любом случае, механизм уже запущен, и только от нас будет зависеть исход этого славного мероприятия. Однако никто уж точно не предвидел индейцев, возглавляющих отряды повстанцев...

– Вдруг Обама следующий?

– Да ну, – отмахнулся Збигнев, скривившись от раздражения. – Кому он нужен, к чертям. Ничего не решает, все его списали отовсюду. Еще патроны на него тратить. Нет, я бы не стал.

– Но кому это выгодно? Русским?

– Хех, им это точно на руку, но сами бы они на такое не решились. – Он встал со стула. – Мое чутье подсказывает мне, что это работа изнутри.

– Кто? – не могла совладать со своим любопытством Мика.

– Тот, кто может. Пойми, моя дорогая, мы тут внизу воюем под их флагами, но это не мешает им воевать там, наверху. Поверь мне, там идет нешуточная борьба.

– Между кем и кем?

– Между Рокфеллером и Ротшильдом, – почти шепотом ответил Бжезинский. – И в конце останется только один.

– С чего им это делать? Они же только недавно заключили мир и решили сотрудничать.

– Никогда меж ними не будет мира. Каждый хочет быть богом на земле.

– И какова наша роль в этом спектакле? Что будет с нами в случае победы любого?

– Думаю, ничего. Да и для мира мало что изменится. План у них все равно общий. Трон один.

– А на чьей стороне ты?

– Честно... не знаю.

– Но тебя ведь это беспокоит? Ты сам не свой уже пару дней...

– Знаешь... На поминках Уокера я говорил с Генри. И он обмолвился, что ему кажется, что в мировой игре появилась третья сила. Неизвестная, но она также играет с нами. Сидит за одним столом, делает ставки. Я склонен с ним согласиться. – Бжезинский подошел к зеркалу и взглянул на себя. – Эта сила играет против всех, и мы не замечаем, как в игре с ней теряем Америку. Если мы проиграем, не выстоим, мир изменится, и знаешь, кто его возглавит единолично?

– Кто?

– ...Русские. Пресловутый русский мир с их православной ахинеей и принципами народолюбия распространится по всему миру. Построят-таки свой неосоциализм с коммунизмом всем назло. – Он сжал кулаки. – Будут доминировать на планете. – По его морщинистым скулам забегали желваки. – Поглотят Польшу и снова заберут наши земли. России вообще не должно быть, лишняя страна. – Мика закатила глаза, эту историю она слышала уже много раз. – Будущее не принадлежит им. Только через мой труп.

Вдруг в дверь постучали, и в гримерку заглянул ассистент режиссера:

– Запись через семь минут. Студия четыре.

– А почему не вторая? – удивилась женщина.

– Неполадки с оборудованием, – закрывая дверь, ответил ассистент.

– Ну что ж, пойдем! – Мика обулась и направилась к двери. – Пойдем, пап. Время пропаганды. – Она широко улыбнулась.

– Идем.

Когда они вышли в коридор, им обоим показалось странным, что не было освещения. Горела лишь пара лампочек ближе к лестнице. Збигневу показалось, что он вступил во что-то липкое и мокрое, но в темноте было не разглядеть.

– Наверное, опять проблемы с электроснабжением, – нахмурилась Мика, идя вперед, придерживаясь за стену.

– Угу, и с уборщиками. Я, по-моему, наступил во что-то.

– Ну уж точно не в собачье дерьмо. Тут его не бывает, – хмыкнула Мика. – Так тихо, что даже страшно. Интересно, где все.

Дверь в четвертую студию была приоткрыта. Там все было готово. Яркие прожектора освещали сцену. Все сотрудники были на своих местах. Мика махнула рукой людям в режиссерской рубке, ей махнули в ответ.

Дверь в студию громко захлопнулась, и к ней подошел высокий крупный мужчина в штанах цвета хаки и черной футболке. Сверху была нательная кобура с явно готовым к бою оружием.

– Джордж, свет слишком яркий, глаза слепит. Убавьте, – сказала Мика, щурясь и пытаясь разглядеть оператора.

– Самое то, – услышала она в ответ.

– Э-э, вы кто? – удивилась женщина. Збигнев в это время сел на диван. – Новенький? Мэт? – Она перевела взгляд на режиссерскую рубку.

– Ни Мэт, ни Джордж, ни Меган и ни кто-либо еще ничем не смогут вам помочь, Мика. Видите ли, теперь эта студия в нашем полном распоряжении.

– Кто вы такой, черт вас побери? – возмутилась женщина, собираясь встать со стула. – Охрана!

– Я бы не делал этого на твоем месте, дамочка. Во-первых, они вас не слышат. – Незнакомец вышел вперед.

– Почему это?

– Разве что их души, шастающие по коридорам. – Мужчина вышел на свет, он также был вооружен, на его лице была довольная ухмылка. – А во-вторых, если вы встанете, то вся студия будет взорвана к чертям. Мы ведь этого не хотим. – Мика аккуратно посмотрела вниз. К креслу действительно тянулись какие-то провода, и под сиденьем лежала какая-то коробка, нашпигованная разной электроникой. – Итак, без лишних слов, сразу к делу, да, мистер Бжезинский?

Збигнев не смотрел на незнакомца, его взгляд приковали к себе кровавые следы, тянувшиеся от двери до самого дивана на сцене.

– Это кровь, Збигнев. Ты вляпался в лужу крови по пути сюда, – развел руками Васкес. – Вы так были заняты разговором, что не услышали ничего. Мы старались вас не беспокоить.

– Чего вам нужно? Кто вы такие? – Старик был готов вжаться в диван всем телом, от страха у него замирало сердце и перехватывало дыхание. Он зачем-то пытался сосчитать всех убийц.

– Нам нужен ты, – вздохнув, ответил Бруно, погладив себя по аккуратно подстриженной бороде. – Только ты.

– Отпустите нас! Вы живыми отсюда не выйдете, – не унималась Мика. – На выходе вас будет ждать полиция.

Женщина была вынуждена резко замолчать и закрыть рот руками, когда один из незнакомцев поднял руку с пистолетом вверх и выстрелил.

– Не шуми. Не поможет.

– Отпустите ее. Я-я сделаю все, что вы хотите, – заикаясь, попросил старик, испугавшись по-настоящему впервые за долгие годы, – не убивайте ее.

– Конечно, сделаешь. Ты же актер. – Бруно широко улыбнулся, сел в кресло у камеры и поднял с пола скрепленные между собой листки бумаги. – А вот и сценарий с твоей ролью. – Лизнув палец, Васкес принялся перелистывать страницу за страницей.

– Кто вы такие? – спросила Мика, взяв себя в руки.

– Мы ваши новые лучшие друзья, – ответил мужчина, стоявший за камерой. – Неужели непонятно?

– Значит так, Збигнев. Все очень просто. – Он цокнул. – Тебе просили передать, что ты достоен самой страшной смерти за то, что... хм-м... – Бруно принялся вчитываться в текст. – Не на английском написано, – он встал с кресла и, подойдя к старику, протянул ему листок, – прочти-ка.

Бжезинский дрожащей рукой взял сценарий и пробежался по нему глазами несколько раз. Потребовались значительные усилия, чтобы через пелену страха различать буквы. В середине текста на английском было что-то вписано явно на каком-то славянском языке.

– Я не понимаю, – покачал он головой. – Это не на польском... сербский, может.

– Что ж, не важно. – Бруно забрал листки. – Будем считать, что тут ничего особенного. Впрочем, едем далее. О! Тут вроде перевод! За подстрекательство к убийствам. Хех! Звучит-то как!

– Чего вы хотите? – чуть ли не простонал состарившийся на глазах лет на десять Збигнев.

– Пойми, дорогой, мне от тебя ничего не надо, но заказ есть заказ. Ты просто больше не нужен Корпорации.

– Корпорации? – во все глаза он посмотрел на Бруно. – Кто, кто приказал вам устранять нас?

– Вау, полегче! Ты же умный дядька, догадайся, кому ты как кость в горле. Кто захотел с тобой именно так расправиться.

– Как так? – шепотом спросила Мика.

– О! Да, сейчас дочитаю. Тут мой любимый момент! – улыбнулся Бруно. – Итак, товарищ Бжезинский, – Васкес произнес это с нарочито русским акцентом, – если ты хочешь сохранить жизнь своей любимой дочке, то тебе придется отдать свою. Правда, скажу по секрету, ты все равно сегодня умрешь. Торг лишь за ее голову. Как тебе идейка? – Он подмигнул Збигневу.

– Вам это с рук не сойдет... все равно. Ему это с рук не сойдет. Он проиграет.

– Кто он? – удивился Васкес. – Заказчик?

Старик кивнул.

– Возможно, но тебе-то уже будет все равно. – Бруно улыбнулся. – Короче, давай я прочту тебе твой лучший эпизод. Сейчас ты сам встаешь и выходишь из студии, идешь на улицу. Садишься в машину, припаркованную у центра. Тебя отвозят в точку «Б», где ты остаешься наедине с самим собой и печальными, понял, печальными глазами смотришь в сторону города. О чем-то думаешь серьезном,

о судьбе мира, быть может... А вот это мое любимое, сто раз перечитывал. Знаешь, видимо, ты сильно насолил заказчику, раз для тебя такое придумали!

– Я согласен, – перебил его Збигнев. – Отпустите Мику.

– Увы, только после окончания твоего эпизода.

– Разве я могу вам верить?

– Ее же нет в списке, – развел руками Васкес. – А мы люди честные.

– ...Хорошо.

– Папа! Не слушай их! Вдруг это блеф!

– Все будет хорошо, милая. Не волнуйся, я что-нибудь придумаю, – ответил он по-польски. – И не из такого дерьма выбирались.

– Вперед, папаша. «Оскар» за лучшую мужскую роль второго плана ждет тебя!

К выходу из Уорнер-центра его сопровождал Васкес и еще один мужчина. Вокруг не было ни души, но кровавых следов на полу хоть отбавляй. Все камеры видеонаблюдения были или сломаны, или выключены. Ноги у Збигнева дрожали, и каждый шаг давался с трудом. В голове метались картины одна страшнее другой. Одно было ясно наверняка – сбежать не получится. Перед тем как сесть в машину, Бжезинский повернулся к Бруно:

– Вы обещаете, что отпустите ее?

– Я не даю обещаний, – пожал он плечами. – И не буду менять свои принципы ради тебя. Полезай внутрь. – Васкес сделал шаг назад. – О! Вспомнил, переводили же эту фразочку. Там написано, Збиги: «Я бы сказал тебе – гори в аду, но не хочу, чтобы мы еще когда-нибудь встречались. Поэтому – замерзай там». Вот как. Ты не переживай, ад большой, там места всем хватит. Ты ведь веришь в ад? – улыбнувшись, Бруно захлопнул дверь и направился обратно в здание.

Черный «лексус» отъехал от Уорнер-центра и взял курс куда-то на Нижний Манхэттен. Бжезинский сидел молча, уставившись в одну точку. В салоне стояла гробовая тишина. Двери заперты, и открыть их можно только со стороны водителя. Добраться до него не представлялось возможным – бронированное стекло было отличным препятствием.

Тем временем в студии номер четыре неизвестные медленно собирались уходить.

– Вы же обещали меня отпустить, если он согласится?

– Когда это? – удивился Васкес, надевая куртку. – Не помню такого.

– Вы меня убьете?

– Не мы, а тротил, – ответил второй. – Если ты его обидишь, конечно.

– Полиция придет... меня спасут.

– Не уверен в этом, дорогуша, – покачал головой Бруно. – Это место все равно взлетит на воздух.

– Вместе с вами тогда уж! Я встану, и все!

– Валяй, – махнул рукой Васкес, направляясь к двери. – Хех, приятного путешествия.

Когда дверь захлопнулась и убийцы закрыли ее снаружи, Мика стала бешено озираться по сторонам. Потом до ее слуха донесся слабый пикающий сигнал. Он шел из-под стула. На таймере отсчитывалось время до взрыва. Мика, закусив губу, аккуратно встала с кресла, и ничего не произошло. Женщина металась по студии, ища выход. До детонации оставалось каких-то семь минут. Она изо всех сил дергала дверь, стучала и кричала о помощи. Единственный телефон в студии не работал – провод был перерезан. Слезы катились градом, и она была не в силах их остановить, паника охватила ее сознание целиком. Бежать было некуда. Она увидела какую-то нишу и начала быстро сооружать какое-то подобие убежища, надеясь, что так сможет пережить взрыв. Забравшись туда, она села на пол, уткнувшись в колени, и закрыла голову руками. Мика пыталась вспомнить хоть какую-нибудь молитву, и Бог был единственным, к кому она сейчас обращалась.

Здание Эмпайр-стейт осталось позади, Збигнев смотрел на него через стекло заднего вида. Прошло каких-то десять минут с момента, как он покинул Уорнер-центр. Вдруг откуда-то со стороны Коламбус-серкл донеслись звуки чудовищного взрыва. Столб дыма взмыл в небо, а бушевавшее пламя осветило целый квартал. Сердце Бжезинского замерло от ужаса.

– Не-е-е-т, – прошептал он. – Вы же сказали, что не тронете ее... – Старик стал от бессилия бить кулаком по стеклу. – Ах вы сволочи! Твари!

– Не печалься, дружок, еще чуть-чуть, и отправишься следом. Да и потом, вдруг ей удалось выжить. Хотя...

Еще пятнадцать минут были позади. Из глаз советника президента по международным делам и национальной безопасности без остановки катились слезы. Ему было трудно дышать, и он с трудом понимал, что происходит и где он. Бжезинский был потерян и дезориентирован. С одной стороны, ему хотелось бежать и жить, с другой – смысла в этом уже не было. Без его любимой Мики мир никогда не будет прежним.

Машина притормозила на Бруклинском мосту. Водитель вышел первым и подошел к пассажирской двери.

– На выход. Твой звездный час настал. – Не церемонясь, мужчина схватил Бжезинского за руку и буквально выдернул из салона. Старик упал на обледеневшую дорогу. – Догадываешься, что делать? – Убийца кивнул на перила. – Вперед, и можешь даже с песней. Только быстрее, а то холодно тут. От воды еще холод несет, – кивнул он на Ист-ривер, скованную льдом впервые за долгие десятилетия.

– Я... я не хочу... – он с трудом поднялся на ноги, – отпустите меня. Я что угодно сделаю.

– Поздно. – Водитель достал из кармана пистолет и направил его старику в голову. – Не порть сценарий, ступай-ка. – Он раздраженно взял Бжезинского под руку и подвел к перилам. – Жаль, зрителей мало, но людям сейчас немного не до тебя.

Вокруг не было ни души, некого было позвать на помощь. Огни города беспристрастно взирали на происходящее и были абсолютно безучастны. Не было слышно воя сирен, молчали громкоговорители. Только свежий снег хрустел под ногами. Медленно переминаясь с ноги на ногу, Бжезинский смотрел по сторонам. Внизу раскинулась ледяная, серая от грязи города водная бездна, слабо освещенная редкими фонарями. Бжезинский через плечо посмотрел на своего мучителя, тот лишь ухмыльнулся. Збигнев, шмыгнув носом, посмотрел вниз. В голове вдруг появилась мысль, что он еще сможет выжить, спрыгнув в реку, – главное правильно сгруппироваться. Он вдруг сам так уверовал в эту идею, что довольно бойко перелез через перила, аккуратно, боясь поскользнуться. С пару минут он стоял и вглядывался в водную гладь. Она казалась ему такой ровной и спокойной. Он знал, что там довольно глубоко и разбиться о дно точно не получится. Надышавшись и закрыв глаза, он замер.

– Я тебе помогу... – Мужчина выстрелил в воздух, чем выбил Збигнева из равновесия, и от испуга он сам не заметил, как шагнул вперед, будто пытаясь уклониться от пули.

В воздухе он пытался как-то принять нужное положение. Время, казалось, растягивалось в бесконечность. Лишь за пару метров до столкновения он понял, что это была не вода, а лед.

Еще мгновение – и серо-белый лед на десять метров вокруг был забрызган алой кровью и усеян осколками черепной коробки и зубами Збигнева...

глава XXII

Виннипег, Канада

На часах было только семь вечера, а город, чье название переводилось с языка индейцев племени кри как «мутная вода», уже опустел. За редким исключением на улицах встречались одинокие прохожие, спешащие куда-то с большими сумками покупок. Однако, в отличие от Штатов, тут была иная обстановка. Виннипег находился в круговороте событий иного рода – противостояние коренных жителей с белыми достигло своего апогея. Насильственная смерть семи подростков из резервации и зверские убийства пяти индейских женщин не могли оставить индейцев равнодушными. Выступления белых активистов поражали размахом расистской истерии. Молодые мужчины и женщины, краснея от напряжения, орали с трибун и через громкоговорители о том, как им надоело «кормить жалких дикарей» и что хватит уже «оберегать» их культуру. В то время как старейшины-индейцы старались изо всех сил не допустить столкновений, сдерживали агрессивные проявления своих соплеменников. Напряженность нарастала, и уже утром этого дня произошли первые стычки белых с индейцами. Было много пострадавших, и это было лишь начало.

Сенка без интереса смотрела в окно – пейзажи города мало чем отличались от одноэтажной Америки. Глазу было не за что зацепиться.

– Ты знаешь, куда ехать-то? – поинтересовался Эвис. – Ты это место точно найдешь?

– Точно, – кивнул индеец, всматриваясь в окна аккуратненького белого домика.

– Знакомые? – поинтересовался Купер, проследив взгляд Тогая.

– ...Да, но, думаю, пока не стоит к ним заходить.

– Почему?

– Свечи потушены – там не ждут гостей.

– Что ж, хорошо, что мои коллеги точно нас ждут.

– Они белые? – Вопрос индейца удивил всех, даже Обилич повернула в его сторону голову.

– Да, – кивнул Гарсия. – Но они лишены этих предрассудков.

– Уверен?

– Если ты успел заметить, я тоже не Белоснежка, – развел руками хакер. – И давай рули уже, я есть хочу...

– Ты всегда есть хочешь, – улыбнулась девушка.

– Я растущий организм!

– Само собой.

– Это в тебе говорит зависть моему аппетиту и формам.

– Да уж, – засмеялся Леон, – формы у тебя и впрямь аппетитные. – Он ткнул Эвиса в бок.

– Так, все, остановите машину – я выйду!

Через десять минут они уже были на северной окраине Виннипега, на улице Макгрегора. Тогай свернул на Манитоба-авеню и припарковался у строгого пошедшего трещинами трехэтажного здания из белого кирпича. Фасадная сторона первого этажа была выкрашена в красный цвет. Через грязные окна было невозможно разглядеть что-либо внутри. На двери висел тяжелый ржавый замок. Тогай постарался поставить машину так, чтобы пикап был не сразу заметен с улицы.

– Приехали, – сказал он, открывая дверь. – Теперь твоя очередь.

Он глянул на Эвиса.

– Угу. – Хакер выбрался из машины и осмотрел дом. – Такое чувство, что никого нет дома, – почесал щеку Гарсия. – Пойду проверю заднюю дверь. Побудьте тут.

Обилич не спеша вылезла из машины и, сделав пару шагов, стала потягиваться. Напротив, за невысоким забором, стоял заброшенный дом, напоминавший церквушку, но без крестов. Окна были заколочены, а на газоне валялось много мусора. Сенка посмотрела влево – вдоль узкой дороги стояли забитые доверху мусорные контейнеры. Откуда-то доносилась ритмичная музыка. Она обернулась и глянула на товарищей, потом, достав из куртки сигарету, закурила.

– Делись давай, – улыбнулся Леон, подходя к ней.

Она молча протянула ему пачку и зажигалку.

– ...Красивая. Кто это на ней вырезан?

– Милош Обилич.

– А почему шлем такой странный, дракон какой-то?

– ...Есть легенда, что он был основателем ордена Дракона, поэтому и шлем такой.

– Что за орден такой? Не слышал никогда.

– Дед говорил, – она шумно вздохнула, – что это потом стали его так называть, а изначально Милош просто организовал группу людей-заговорщиков, целью которых была смерть османского султана Мурада Первого. В 1389-м цель была достигнута. Все двенадцать членов ордена были убиты на Косовом поле. Потом орден пытались возродить, но уже было не то, потому что цель была не та...

– А сейчас? – Купер протянул ей зажигалку.

– Я не член ордена, если ты об этом. – Она хмыкнула. – Но цель под стать.

Сенка убрала зажигалку в карман. В этот момент к машине вернулся довольный Эвис.

– Пойдемте, ребята! Нас уже заждались!

– А-а, дома все-таки кто-то есть?.. – улыбнулся Тогай.

– Конспирация же.

– Ты чего такой взволнованный? – спросил Купер.

– Да сейчас узнаете. Новостей тьма. У них-то со связью все в норме.

– Есть хорошие? – поинтересовалась Обилич.

– ...Тебе понравится, – ответил Гарсия, но его никто не услышал.

Черный ход был заставлен коробками до самого потолка. Лестница забита хламом. Слой пыли в палец и затхлый воздух придавали дому мистическую атмосферу, аккурат для декорации ужастика с привидениями. Тогай шел впереди, за ним Сенка, и сзади компанию прикрывал Леон. Эвис быстрей всех ускакал на третий этаж.

Наверху был широкий коридор с пятью дверями. Из третьей, что как раз напротив лестницы, выглянул Гарсия:

– Заходите в любую, будем знакомиться с гениями!

– Бежим уже... – фыркнул индеец.

Там находился самый настоящий штаб хакеров. Межкомнатные стены были снесены, объединяя все пространство в один большой зал. Слева разместился внушительных размеров серверный центр, который, видимо, питался от электрогенераторов, а справа были ряды столов, заставленные компьютерами и ноутбуками. Работающими. Далеко в правом углу стоял большой обеденный стол, на котором башенками были составлены коробки от китайской еды на вынос. Бесчисленное множество коробок из-под пиццы и нескончаемые запасы алюминиевых банок всех видов. В помещении было двадцать человек. Они все поздоровались с гостями, но особого интереса не проявили. Разве что к Сенке, да и то потому что женщин среди хакеров было лишь две.

– У них тут прям офис, – тихо проговорил Купер.

– Угу, – кинул Тогай, – отдел ФБР или АНБ какой-то.

– А за чей счет они тут сидят? – спросила Обилич.

– В любом случае не за счет честных налогоплательщиков, – хмыкнул Леон. – Частные инвесторы какие-нибудь. Неравнодушные, так сказать.

– Эвис рассказывал, что они как Робин Гуды в киберпространстве, – вспомнил Тогай, – только украденное не отдают бедным, а оставляют себе.

– Класс, – ухмыльнулся Леон. – Хорошо, что я не при исполнении.

– Я думаю, – шепнула ему Обилич, – тебе лучше вообще значком не светить тут.

– Идите сюда! – махнул им Гарсия. Он уже занял место рядом с крупным молодым парнем, который больше походил на байкера, чем на стереотипного компьютерщика. – Сенка, тебе особенно понравится.

– Что же там? – Она встала сзади и посмотрела на экран.

– Давай, Джек, покажи ей последнюю инфу!

– Угу, – кивнул парень и быстро открыл пару окон. – Любуйся. – Он ухмыльнулся, глядя на фотографии, сделанные с квадрокоптера над Ист-ривер. – Как раз подборку ребята только что передали.

– Что это? – Обилич присмотрелась, но ничего в кровавом пятне на серо-белом фоне разобрать не могла.

– Это труп, – равнодушно ответил Джек.

– Чей?

– Трудно его узнать, когда он такой, да? – улыбался Гарсия. – Полтора часа назад пришла новость, что пожилой белый мужчина спрыгнул с Бруклинского моста и разбился о лед. – Сенка прищурилась, снова глянув на фотографии. – Это Бжезинский.

– Да ладно?! – над монитором склонился Леон. – Это точно уже?

– Абсолютно, – кивнул Джек. – Еще был взрыв в Уорнер-центре, и там есть погибшие. Вроде баба какая-то. Ну, это не точно, – махнул он рукой.

– Почему он спрыгнул?

– Спроси что полегче, – развел руками Эвис.

– Ну-у, – почесал в затылке Джек, – есть кое-какая информация. Мы ее по каналам не распространяли, сами понимаете, за нами сейчас охотятся, а рисковать мы не хотим. Еще не все сделали.

– Какая информация? – удивился Эвис.

– Да вот ее сейчас проверяют. Иди к ним, – Джек кивнул в сторону группы из пяти человек, спорящих о чем-то, – введут в курс дела. Я пока пойду разомну косточки.

– А пожрать можно в вашем дивном доме? – спросил Леон.

– Само собой, – кивнул хакер. – Вон там холодильник, микроволновка. Бери что хочешь, кроме того, что подписано «Джек».

Последующие двадцать минут хакеры наперебой рассказывали о том, что им удалось разузнать от информаторов из Европы и из различных других источников.

– ...В общем, получается, что Корпорация запустила код «Омега», и мы имеем то, что имеем.

– Погоди-ка, – перебил главного хакера Леон, – Корпорация – это кто? И код «Омега» – это что?

– Темнота... – покачал головой Айван. – Так мы тут называем людей из известного тебе Совета и их сеть по всему миру. В которую, как ты понимаешь, входит много всяких разных отделов и контор. Вот среди всех прочих есть у них и сотрудники из отдела, скажем, ликвидации. Наемники, проще говоря, со всех уголков мира. Убийцы, которых они нанимают когда им угодно. Код «Омега» – это тоже наше внутреннее название их массовой операции по уничтожению неугодных. Из всего происходящего следует, что кто-то из Совета, обладающий полномочиями, запустил эту ликвидацию.

– Барон, – закивал Эвис. – Точно он. Больше никому не под силу. Рокфеллеру не пришло бы это в голову. Сенка, чувствуешь, каков твой вес в этой истории?

Обилич лишь нахмурилась, отведя глаза в сторону.

– Уж не знаю, что ты с ним сделала, но это явно работает. Все идет впервые как по маслу. Будто не только нам это нужно, – не унимался Айван. – Интересно, насколько далеко он пойдет?

– ...До конца, – тихо ответила девушка, вставая со стула и идя к окну.

– Бжезинский – странная цель, конечно. Иррациональная какая-то, – потер подбородок хакер. – Ну, может, там какие-то личные счеты.

Сенка предпочла промолчать.

– Ты даже не представляешь, насколько личные, – тихо сказала она по-сербски.

– Что ж, трупы будут только множиться, – махнул рукой Айван, подвигаясь ближе к компьютеру. – Думаю, за пару дней снесут всех.

– За пару? – удивился Купер.

– Конечно. Чтобы лишить восставшую единицу всякой боеспособности. Хороший враг – мертвый враг, и барон Ротшильд это прекрасно понимает. Если я правильно понимаю? – Он вопросительно посмотрел на Обилич.

– ...Правильно, – неохотно кивнула она.

– Вот и отлично, – хлопнул в ладоши другой парень, сидевший рядом с Айваном. – Развязка событий совсем близко.

– Угу, – кивнул Эвис. – Дождемся смерти последнего...

– И что будет дальше? – устало спросил Леон.

– Долгий процесс восстановления, выборов и довыборов и новый путь, – вздохнул Айван, – уже без них всех, жаждущих быть богами на наших костях.

– А деньги откуда на все это?

– А того, что ты зовешь деньгами, уже нет, – улыбнулся подошедший к компании Джек. – Американский доллар канул в лету. Это бумажки. Сейчас их всех перебьют, и он обесценится. Все страны на другом континенте в панике отказываются от зелененьких баксов в пользу чего покрепче и стабильнее. Америки, которую мы знали, больше нет. Забудь про нее. Через пару недель все начнется сначала.

– Главное, чтобы не с такой же концовкой, – оптимистично подметил Гарсия.

– Вы наверняка устали с дороги. На втором этаже есть пустые комнаты, можете там поспать и помыться. Завтра, насколько я помню, у вас есть дела, – откинувшись на спинку стула, сказал Айван. – Еще поболтаем попозже!

Пока Тогай и Эвис были заняты разговорами с хакерами и между собой, Сенка незаметно для всех покинула зал и направилась путешествовать по дому. Купера нигде не было видно. Пройдя по длинному, слабо освещенному коридору, она подошла к лестнице, ведущей вниз. Ею явно редко пользовались, но на на пыльных ступеньках были свежие следы. Обилич спустилась на второй этаж. Снова коридор с несколькими дверями, и только одна была открыта. Девушка бесшумно подошла к ней и заглянула внутрь. Тут была небольшая комната, служившая явно гостиной, – два широких дивана, заваленных подушками и довольно аккуратно свернутыми пледами, два стареньких кресла стояли у давно не работающего искусственного камина. На стенах висели плакаты разных времен. Над самим камином в рамках красовались цитаты разных людей о тайном заговоре против человечества. Леон стоял у камина и читал все высказывания. Особенно его привлекла цитата из книги Вудро Вильсона «Новая Свобода»:

Некоторые крупные деятели в Соединенных Штатах Америки, из сферы коммерции и мануфактуры, боятся кого-то и чего-то. Они знают, что есть где-то рядом сила настолько организованная, неуловимая, наблюдающая, замкнутая, такая совершенная, всеобъемлющая, что ее не стоит осуждать даже шепотом.

Рядом с ней висела другая, от нобелевского лауреата в области литературы Бертрана Рассела:

Образование должно служить тому, чтобы господствующие классы генетически все дальше отстояли от низов, а низы были приведены к такому положению, при котором у них было бы не больше шансов восстать, чем у овец против производителей баранины.

– Ты в порядке? – поинтересовалась Сенка, подойдя ближе и быстро пробежавшись глазами по надписям.

– В голове не укладывается, – шумно выдохнул Леон, садясь в кресло. – Все эти люди, которых нам с детских лет представляют чуть ли не лучшими представителями человечества, тем, кем мы должны гордиться... они все желали или желают нам смерти лишь за то, что мы не родились с золотой ложкой во рту. – Обилич опустила глаза, потом посмотрела на дверь. – Зачем им это? Я не понимаю. Пытаюсь, но не могу.

– Это бесполезно, Леон. Это все равно, если бы ты пытался понять, почему раковые клетки убивают здоровые. Это болезнь человечества, и ее нужно лечить. Что, собственно, сейчас и происходит. – Сенка подошла к зашторенному окну и, аккуратно отодвинув пыльную штору, посмотрела на улицу. – Кризис... после которого либо выживают, либо умирают. Так и сейчас происходит.

– Думаешь, у нас получится построить новый мир без таких вот паразитов?

– Хм-м, – Обилич снова закурила, – через какое-то время придут другие, но у нас будет время подготовиться.

– Я смутно помню список Эвиса, но там было всего-то человек десять. Паразитов-то гораздо больше...

– Больше, но усилиями барона Ротшильда будут убраны все основные фигуры, а мелкие на неопределенный срок окажутся не у дел. Он в любом случае создаст им немало проблем. Слышал, наверное, что этот Айван сказал по поводу их денег?

Купер кивнул.

– Вот без своих зелененьких бумажек ничего они не смогут. Кто-то попытается спрятаться и прикинуться овцой, но, думаю, народ это быстро поймет, и суд будет скоротечным.

– А на твоей родине как будет? Так же?

– ...Сомневаюсь. Сербии, как и всем Балканам, давно нужен мир. Когда он вернется, нам будет не до разборок и междоусобиц. Нам нужно отстраивать наш мир заново.

– А руководство страны? Разве они не плохие ребята?

– Хех, – хмыкнула Обилич, – не плохие, когда не пытаются играть на два фронта, опасаясь нападения со всех сторон. Настанет время, и Сербии не нужно будет бояться принимать решения. Никто не будет грозить бомбами из Вашингтона, и тогда... – она вдруг замолчала, – ...тогда станет хорошо. Когда сбудется одна мечта. Именно тогда.

– Меня удивляет, что армия еще поддерживает правительство, – сменил тему Купер, понимая, что Сенка погружается в свои грустные воспоминания. – По моим подсчетам, должны уже брать дело в свои руки.

– Может, ждут чего-то?

– Например?

– Не знаю, – пожала она плечами, – критической массы?

– Уверен, что уже скоро это произойдет. И крови будет... уу-х сколько.

– Недолго осталось. Посмотрим.

Утром следующего дня Тогай проснулся, как ему показалось, раньше всех и засобирался куда-то. К своему удивлению, на крыльце дома он встретил Сенку.

– Утро без сигареты уже не утро?

– И тебе привет, – ухмыльнулась девушка. – Ты куда собрался в такую рань?

– Племя кри – последние, с кем мы не заключили договор. Это последняя точка моей поездки.

– Не поздно ли? – Обилич встала со ступенек и, отряхнувшись, посмотрела на Тогая. – Ведь все остальные уже задействованы?

– Лишним не будет точно. Да и потом, уверен, что им тоже охота вернуть свои исконные земли под свой контроль. Никому не понравится, когда их убивают на своей земле просто так. А здесь именно так и происходит. Вместе с нами у них будет шанс восстановить справедливость.

– Давно хотела спросить: а что потом, Тогай? Возьмете вы власть, а дальше что? Первые честные выборы? Кто-то же должен будет всем этим управлять.

– Должен, но от США останется в лучшем случае половина, а то и меньше. Как белые захотят у себя там жить – так и будут. Мы восстановим наше правление, и если они захотят, то мы примем в семью и их. Правда, в этот раз – на наших условиях.

– Хм-м, тогда в истории Америки будет все. – Она улыбнулась. – И президент-негр, и женщина, и... индеец.

– Тебе это не нравится?

– Наоборот, – мотнула она головой. – Это будет справедливо. Я бы проголосовала за тебя.

– Хех, кто тебе сказал, что я вообще пойду в президенты?

– Ты уже пошел этой тропой. Ты объединяешь и собираешь племена. Уже работа вождя, – пожала она плечами. – Разве не об этом говорил твой дед?

– Ой, да ну тебя! Пойдем лучше!

– Ты берешь меня с собой? – удивилась девушка.

– С тобой они мне быстрей поверят.

Вашингтон, США

Черный бронированный «лексус» проехал мимо Международного валютного фонда в сторону актового зала имени Джека Мортона, где, собственно, и должна была состояться дискуссия о депопуляции и новом витке глобализма. Генри, сидя на заднем сидении, листал приготовленную речь и продолжал делать пометки – добавлял новые детали и подгонял их под сложившиеся обстоятельства. Он, конечно, предполагал, что прессы будет много, но не настолько же. Все парковочные места в районе были заняты. У входа в актовый зал много фотокорреспондентов из разных изданий. Киссинджер вышел из машины и в сопровождении телохранителя прошел в красное шестиэтажное здание, не давая комментариев и не отвечая на вопросы.

– Вы все услышите в моем выступлении, – натянуто улыбался он, скрывая раздражение.

Внутри к нему тут же подскочили помощники организаторов и поспешили проводить его в комнату для важных гостей со своим баром и закусками на любой вкус.

– Хех, да тут прям-таки пир во время чумы, – улыбнулся Генри, окинув быстрым взглядом богато накрытый банкетный стол. – Вкусно перекусить никогда не откажусь. Ведь, как говорил президент Вильсон, даже «Отче наш» начинается с просьбы о хлебе насущном. Трудно хвалить Господа и любить ближнего на пустой желудок. Так что не откажусь заморить червячка.

– Все в вашем полном распоряжении, мистер Киссинджер, – ответила Жаклин Риз – ведущая дискуссии. Генри видел ее впервые, хотя не раз участвовал в конференциях, организованных университетом Джорджа Вашингтона. Молодая и энергичная женщина производила приятное впечатление, хотя улыбка ее была явно искусственной. Вот глаза блестели, даже горели.

– Будет кто-то важней меня? – с усмешкой спросил гость.

– Не сегодня, – ответила Жаклин. – Но мы пришлем пару человек, близких вам по уровню, чтобы было не так скучно.

– Будьте любезны, а то один я это не съем.

До начала выступлений оставалось еще тридцать минут, и Генри решил осмотреть сцену, на которой ему предстояло выступать. Просторный зал вмещал в себя 244 человека, и все места были уже заняты. Шли последние проверки видео- и звукового оборудования. В центре стояла кафедра из красного дерева, на экранах позади мелькали фотографии и темы докладчиков. Слева и справа от основного экрана были включены уже работающие новостные каналы. Конференция должна была вещаться и на другие страны, но из-за возникших трудностей

вещание будет вестись лишь на федеральных каналах и в интернете. Присмотревшись, Генри заметил, что студентов в зале практически не было. Были учителя, профессора. Некоторых он даже узнал. Все остальные производили странное впечатление – они явно сюда пришли не лекции слушать. Вид у них был скучающий. Эти люди больше походили на массовку, нагнанную за небольшие деньги. Опасными они не выглядели, скорей просто раздражали своим отсутствующим видом. Киссинджер вернулся за кулисы, где столкнулся с одним из выступающих и разговорился с ним о ситуации в стране. Ему было любопытно послушать народное мнение. Однако бойкий старичок оказался вовсе не из тех книжных червей, что так любили высказываться, этому было что сказать, а еще у него была обескураживающая новость.

– Вы слышали, мистер Киссинджер, как рок нагнал генерала «Мэри, помоги»?

– Это вы про Уэсли Кларка? – удивился Генри. – Давно о нем ничего не слышал. Что за рок?

– Его расстреляли солдаты во дворе его собственного дома в Арканзасе, в Литл-Рок. Как, вы еще не знаете? – Мужчина приблизился к Генри. – Его изрешетили, живого места не осталось. Полное тело свинца.

– Солдаты?

– Да, перебежчики в форме национальной гвардии. Перешли на сторону гражданского населения, видимо. Да и вообще тот штат почти полностью захвачен индейцами.

– Господи, он уже старик, за что его? – Профессор пожал плечами, беря со стола мини-сандвич и отправляя его в рот.

– На фасадной стене написали: «Тебе все еще нравится быть американцем, Уэсли Кларк?..» Как на бомбах, сброшенных на Югославию, помните?

Генри кивнул.

– Мстили, наверное. Воспользовались ситуацией. Скажите, долго еще этот бардак будет продолжаться?

– Понятия не имею, но уверен, что в ближайшее время ситуация изменится в лучшую сторону.

– Будем надеяться, – кивнул незнакомец. – Жаль, что сегодня не разговариваем о глобальном потеплении, – с досадой сказал мужчина. – Уверен, люди бы оценили ту вашу речь.

– Ту? – удивленно поднял брови Генри. – Жаль, они не услышат мое настоящее мнение.

– Поделитесь? Не для общественности, разумеется. Только для моих ушей.

– Глобальное потепление, катаклизмы... – выдохнул Киссинджер. – Это отличная афера. Вдумайтесь, нам всего-то надо было убедить людишек, что это их вина, а потом навязанный комплекс вины их полностью поглотит и заставит принести себя в жертву ради спасения человечества... Даже не нужно напрягаться с войнами. Идеи глобального потепления и депопуляции идут рука об руку. Тех, кто сдохнет по собственному желанию, мы возведем в святые... И так один за другим, а потом построим новый мир без них.. Чудная идея ведь! Витающая в воздухе. Люди уничтожают себя сами.

– Да уж, – протянул незнакомец, – красиво на бумаге. Ну, – он махнул рукой, – мне пора выступать идти. Я у вас на разогреве, так сказать, выступаю.

– Удачи вам, – натянуто улыбнулся Киссинджер, устало садясь на диван. Он посмотрел на своего молчаливого телохранителя, затем на заготовленную речь. – Что за хаос, – он потер переносицу, сняв очки, – все должно было быть иначе. Легко и плавно, а не так...

Прошло уже полтора часа выступлений. Сорок минут выступления профессора Родстери подходили к концу, и Жаклин пришла за Генри.

– Ваше время, сэр! – улыбнулась женщина. – Публика насытилась теориями и теперь готова услышать что-то куда более вдохновляющее.

– Что ж, шоу должно продолжаться. – Киссинджер встал с дивана. – Дэвид, оставайся здесь. Уверен, зал проверен и там хватает охраны.

– Само собой, сэр. Мы проверили абсолютно всех. Ничего опаснее ручки и карандаша в зале нет. – Ведущая снова улыбнулась. – Пойдемте же!

Они поднялись на сцену и ждали, когда профессор покинет кафедру под редкие аплодисменты. Дэвид же не собирался выполнять эту просьбу начальника и решил еще раз все проверить самостоятельно. Отчего-то от этой мисс Риз веяло неприятным холодком, и интуиция подсказывала приглядеться к ней поближе. Незаметно для Генри и Жаклин телохранитель прошел в зал, осматривая примыкающие комнаты, – ничего подозрительного он не увидел.

– Подниметесь, как только я объявлю вас, – Риз направилась к микрофону. – Дельта и Зета на позициях. Телохранитель в зале. Дайте отсчет времени.

– Понял тебя, – ответил хриплый мужской голос в наушник. – Приступаем.

– Дамы и господа! – бодро улыбаясь во весь рот, обратилась к залу Риз. – Позвольте представить вам нашего особенного гостя, того, кто

знает толк в глобализме и депопуляции. Никто, кроме него, не расскажет о будущем мире лучше! Встречайте – Генри Киссинджер! – она начала аплодировать, а Генри медленно поднимался на сцену и махал аудитории, приветствовавшей его бурными овациями.

– Спасибо, спасибо! – улыбался Киссинджер, пытаясь жестами как-то утихомирить собравшихся. – Все же не я главное действующее лицо этого представления, а люди.

Он улыбнулся. Риз пригласила его за кафедру, а сама отошла к стульям и села спиной к основному экрану. Далее гость начал свою речь, вызывавшую у Жаклин жуткую зевоту, которую она с трудом сдерживала.

Спустя тридцать семь минут женщина посмотрела на часы, и скучающее выражение лица сменилось хищным. Она глянула на экран, где медленно сменялись основные тезисы Киссинджера.

– Начинаем, – прошептала она с ухмылкой.

В этот момент на экране стали транслироваться совсем другие кадры, жуткие и жестокие. Публика в зале замерла, затаив дыхание. За спиной Генри они видели фотографии убийств невинных и безоружных людей по всему миру. Пожалуй, впервые людям – приверженцам идей депопуляции и глобализма показывали истинные методы достижения их утопии. Чтобы им всем было хорошо, миллионы людей должны умереть насильственной смертью. Все это шло как прямая иллюстрация к речи Киссинджера, которая подходила к концу.

– Таким образом, депопуляция должна быть приоритетом международной политики по отношению к странам третьего мира, так как экономика Соединенных Штатов будет нуждаться в больших и все возрастающих объемах ресурсов из-за границы, особенно из малоразвитых стран... – не поднимая глаз на зрителей, заканчивал свою речь Генри.

Он по привычке перевернул листок и посмотрел на собравшихся, замерших от шока. В этот момент к нему подошла Жаклин. Женщина снова улыбалась, держа руки за спиной.

– Чудная речь, Генри. Великолепная даже.

– Что, простите? Это сарказм? – насупился старик.

– Знаете, ничто так не запоминается, как собственный пример учителя. Понимаете?

– Не очень, – мотнул он головой, ища поддержки в зале, но заметил только своего телохранителя Дэвида, который пытался что-то сказать жестами, подавал какие-то знаки.

– Вы сорок минут говорили о благе депопуляции, о том, что нас, людей, должно быть меньше, если мы хотим жить долго и счастливо. Помнится, вы даже говорили когда-то, что и старики не нужны этому миру.

Генри недовольно поморщился, но его глаза округлились, когда он увидел, как кто-то схватил Дэвида сзади и утащил из зала.

– Какого..?!

Он сделал шаг назад от кафедры, и в этот момент Риз направила на него пистолет.

– Вам просили передать, мистер Киссинджер, что депопуляция начинается с вас.

Дальше Жаклин спустила курок, и пуля попала старику прямо в левый висок, оставив после себя внушительных размеров след. Генри упал на сцену замертво, освещаемый прожекторами и десятками вспышек камер.

Зрители стали шуметь и кричать, в страхе и панике начали прорываться к выходу.

– Шоу окончено, дамы и господа. Спасибо, что были с нами.

Риз развернулась и направилась к выходу со сцены, по дороге отрывая жутко раздражающую кожу маску.

– Чтобы я еще раз согласилась на актерский грим... – ворчала она.

К приезду настоящей полиции в здании оставались лишь отважные корреспонденты и два трупа – Киссинджера и его телохранителя Дэвида. Ролик в интернете уже стал мегапопулярным, и его транслировали всюду. Убийство в прямом эфире – чем не сюжет для боевика?.. Правда, комментарии в адрес покойника шли не самые лестные, вся лесть досталась мисс Жаклин Риз.

В трехэтажном старом доме из красного кирпича на первом этаже в гостиной горел тусклый свет. Работающий телевизор, многократно повторивший смерть Генри в прямом эфире, освещал хмурое лицо пожилой женщины. Поморщившись, она резко переключила канал и швырнула пульт в сторону. Затем покосилась на журнальный столик, где лежали распечатанные письма из банков.

– Да как ты посмел, Джейкоб, лишить меня моих средств?.. – сквозь зубы спросила она. – Не думала, что ты на такой шаг осмелишься. – Олбрайт покачала головой. – Сожру тебя живьем.

Мадлен встала с дивана и подошла к окну. Мимо то и дело пролетали полицейские машины.

– Поздно спохватились, – ухмыльнулась она.

В этот момент зазвонил телефон. Неохотно она подошла к нему и сняла трубку.

– Слушаю?

– Мадлен! – услышала она голос своей дальней приятельницы. – Слава богу, ты дома!

– На улице ночь, где мне еще быть? – закатила глаза Олбрайт. – У тебя встревоженный голос, что-то случилось?

– Да-а, Генри убили.

– Видела.

– Мадлен, милая, можно мне к тебе приехать?

– Прямо сейчас? – удивилась женщина, оглядев бардак в комнате – вещи валялись на полу вперемешку с обрывками бумаг.

– Да.

– Ладно, – вздохнула она, – не могу же я отказать подруге.

глава XXIII

Виннипег, Канада

Сев в машину, Тогай и Сенка отправились в отдаленную часть города, куда-то в район Маунтин-авеню. Ехали они какое-то время молча, погруженные в свои мысли. Чем дальше от центра, тем быстрей дорогие домики стали сменяться дешевыми одноэтажными постройками из сомнительных материалов, обшитыми белым или серым сайдингом[30]. К одному из таких домиков по испещренной трещинами полуразмытой асфальтовой дороге и подъехал желтый пикап.

От дороги к дому вела тропинка из грязи, смешанной со снегом. У гаража без машины стояли забитые битком мусорные контейнеры.

– Уверен, что нам сюда? – спросила Обилич, выходя из машины и осматриваясь по сторонам.

– Угу, – кивнул индеец. – Здесь живет старейшина, Минган.

– Что в переводе?

– Серый волк.

– Ты с ним раньше встречался?

– В глубоком детстве считается?

– Не знаю, – пожала девушка плечами, – ты мне скажи.

– Сенка, скажи...

– М? – Обилич пошла вперед, к дому, аккуратно перепрыгивая через лужи.

– Кого еще кроме Збигнева ты добавила в список?

– Я, пожалуй, могу назвать этого человека личным врагом, – не оборачиваясь, ответила девушка.

– И какая ему уготована смерть?

– Зачем тебе это? С чего вдруг?

– Просто хочу убедиться лишний раз в том, что пророчество о безжалостности Тени неправда.

Сенка остановилась и повернулась к Тогаю лицом.

– Безжалостность? Это просто месть во имя справедливости, – развела она руками. – И да, я хочу, чтобы она сдохла в муках, и надеюсь, что барон учтет это мое желание. При всей твоей тяжелой жизни, Тогай, поверь мне, ты не прожил и половину из ужасов моего прошлого или прошлого моего деда. Это не лишние люди, они часть всего этого. Я говорила вам еще в самом начале, что с этими пешками я разберусь обязательно. Я держу свое слово. Всегда.

– Я не против их смерти, – вздохнул индеец, – я лишь боюсь, что эта месть сожрет твое доброе сердце.

– Не бойся, Тогай, мое сердце уже давно на хранении у другого человека. – Обилич натянуто улыбнулась. – Оно в надежных руках, поверь мне.

Они подошли к двери, и индеец постучал.

– Кого там черти принесли? Мне не нужен пылесос и печенье! – крикнул Минган крайне раздраженно.

– Минган, это Тогай из племени оглала-лакота... я пришел поговорить с вами.

– Тогай? – Старик быстро открыл дверь. – Святые небеса, откуда ты тут в такой час? – он выглянул за дверь и посмотрел на дорогу, затем на Сенку. – Кто это?

– Это Тень...

– Из пророчества? – Он внимательно принялся рассматривать девушку, остановившись на ее лице. – Ах да, вижу, – закивал он. – Глаза ничего не скроют, тем более такие. Ладно, заходите.

В доме старейшины был целый склад ненужных вещей для малоимущих. Десятки набитых доверху картонных коробок были подписаны, с фамилиями и адресами. Гостиная представляла собой скорей приемное отделение какого-то крупного офиса, столько здесь было бумаг и всевозможной документации.

– На бардак не обращайте внимания, – махнул он рукой, – присаживайтесь где душе угодно. Чаю, может? На улице холодно.

– Нет, мы ненадолго, Минган. Мне через пару дней нужно возвращаться. Я должен принести последнее перо от вас. Если, конечно, вы с нами.

– С вами в чем? – нахмурился седовласый старик, усаживаясь за свой стол. – Против белых за возврат исконных земель?

– Можно и так это назвать. Это наш крестовый поход, если угодно. Мы уже достигли определенных успехов...

– Это у вас в США успехи, а нас здесь три калеки. Кто пойдет воевать? Старики? Да и как? Сам посуди, у вас там ситуация сложилась, вам повезло, вы воспользовались ею. У нас тут ничего такого не будет и в помине, – махнул он рукой. – Даже если пророчество твоего деда сбывается, нам в Канаде от этого ни тепло, ни холодно. Нас как убивали, так и убивают. Здесь развелось столько расистов...

[30] Наружная облицовка.

– Мы смогли примириться даже с врагами ради общего блага. Когда мы закончим, с нами будут считаться. И с вами в том числе... Неужели вы думаете, что наши успехи не отразятся на всех индейцах?

– Отразятся... не думаю, что хорошо нам станет. Загонят нас еще глубже в резервации и продолжат там убивать, пока всех не изведут.

– Даже если так, вам всегда найдется место у нас...

– Хех, у нас есть своя земля. Тут родились, тут и умрем. Еще чего не хватало, чтобы кри бежали. – Старик хмурился и с трудом сдерживал свое раздражение. Тогай явно растерялся. Он не ожидал такого прохладного приема.

Сенка тем временем ходила по комнате, рассматривая все то, что было на стенах. Из представленного как раз складывалась картинка личности старейшины. Он, с одной стороны, гордился своим наследием, а с другой – ужасно им тяготился. Ему хотелось жить как все белые, но белое же общество ему этого не позволяло. Видимо, поэтому он водил тесную дружбу с властями города. Внимание Сенки привлекла фотография в рамке, где Мингану мэр вручал какую-то медальку. Она хмыкнула и закурила, не спросив разрешения у хозяина. Минган это заметил и резко сказал:

– В моем доме не курят.

Девушка хмыкнула, но сигареты не затушила, развернувшись, она направилась к столу.

– Вы меня слышите, мисс? Понимаете?

Обилич с полуулыбкой подходила все ближе, не отрываясь глядя индейцу в глаза.

– Скажи нам, Минган, давно ли сдаешь своих? – тихо спросила девушка. Индеец уже не мог себя контролировать. Ему казалось, что кто-то копается в его сознании, переворачивает его мозг. – Ты хочешь сказать нам правду и скажешь.

– Сенка, что ты?.. – шепотом спросил Тогай, но она жестом остановила его.

– Говори.

– Мне нечего говорить. Я живу как нищий, разумеется, я не отказался от значительной прибавки к пенсии. Да вы даже не представляете, сколько стоило мне усилий уговорить родственничков этих убитых детей молчать и не возникать... Что вы понимаете!

– Спасибо за информацию, Минган. – Сенка улыбнулась и щелкнула пальцами, старик начал интенсивно моргать, будто ему в глаз что-то попало.

– М-м, что случилось? Я будто заснул на мгновение. – Он вопросительно посмотрел на Тогая, затем на девушку, стоявшую у окна. – Ну,

так о чем мы говорили? Ах да, боюсь, Тогай, кри вам тут не помощники. У нас своих проблем хватает.

– Я так и понял. – Тогай встал со стула и направился к выходу. – Прощай, старый волк.

Двое спешно вышли из дома.

– Чертов старик продажный! – Раздраженный Тогай пнул ногой колесо пикапа.

– Он ведь не единственный, кого племя слушает. Уверена, есть и другие.

– Что мешает им быть такими же продажными?

– Ничего, но проверить можно, – пожала она плечами.

– Как ты вообще догадалась об этом?

– Фотография с мэром в обнимку и письмо, лежавшее на тумбочке.

– Что за письмо? – удивился индеец.

– От мэра с просьбой разобраться с негодующими родственниками и не нагнетать этнические конфликты в обмен на круглую сумму.

– Прав был мой дед, – вздохнул Тогай, садясь за руль.

– В чем именно?

– В том, что с Волком лучше не связываться было вовсе. Я думал, вдруг неправда.

– Черт, твой дед еще ни в чем не ошибся, – хмыкнула Сенка. – С чего бы вдруг сейчас? – всплеснула она руками.

– Не знаю... наверное, мне хотелось чтобы все племена индейцев были вместе, на одной стороне.

– Это всего лишь один из племени кри, про других твой дед не говорил.

– И то верно. Ладно, – он завел мотор, – чуть позже съезжу к одному товарищу. Думаю, он будет куда сговорчивей.

– Вы и без них справитесь, – тихо сказала Сенка, глянув еще раз на дом Мингана. – Не впервой ведь.

– Без тебя бы не справились.

– Поехали уже, я есть хочу.

Вашингтон, США

В дверь постучали, и Мадлен неохотно спустилась вниз, чтобы открыть. На пороге стояла ее давняя приятельница с одной сумкой.

– Хилари, милая моя! Ну и видок у тебя! Проходи давай, а то холода нагонишь!

Клинтон, улыбнувшись, зашла в дом и бросила сумку на пол.

– Спасибо, что приняла меня, я правда не знала уже, куда пойти.

– Пойдем, я заварю нам чаю.

Спустя двадцать минут они уже сидели за кухонным столом, накрытым белой кружевной расшитой вручную скатертью, и пили ароматный зеленый чай.

– И все же я не понимаю, почему ты пришла ко мне. Неужели рядом с, хм-м, мужем не безопаснее?

– Шутишь? – фыркнула Хилари, поправив волосы. – Мне кажется, что рядом с ним меня быстрей грохнут.

– Но... но с чего ты вообще взяла, что им ты нужна? Неужели себя с Киссинджером сравниваешь или с Бжезинским, царство ему небесное?

– Может, и не сравниваю, но и не принижаю мои заслуги. Эти черти убили даже Кларка. В любом случае, оставаться в Белом доме опасно.

– Да неужели? – хмыкнула Олбрайт.

– Рамсфельда убили там при свете дня, и никто не увидел ничего. Байдена.

– Ну, Барак же жив до сих пор.

– Кому он нужен? – с презрением спросила Клинтон. – Даже если он выйдет во двор с поднятыми руками, в него никто стрелять не будет. Все и так понимают: он – пустышка. Черное ничто.

– Ой, ладно, оставим это, – махнула Мадлен рукой, беря чашку со стола и делая глоток. – Есть уже подозрения, кто это все заказал? Кто стоит за всем этим?

– А то ты не знаешь, – прищурилась Хилари. – Джейкоб Ротшильд.

– Не понимаю, зачем ему все это, – мотнула головой женщина. – Одна цель, одни методы...

– Он ведь и у тебя счета обнулил?

– Хм-м, уверена, у всего этого есть какое-то объяснение.

– Ты не боишься, что они придут и за тобой?

– Хех, кишка у них тонка за мной прийти, – улыбнулась Мадлен. – Да и потом, какой смысл. Я не птица высокого полета. Не сейчас.

– Збигнев, знаешь ли, тоже на пенсии был.

– У него хватало врагов. Многие хотели свести с ним счеты.

– А у тебя?

– Милая моя, все мои враги давно в могилах. И большую их часть, признаюсь, я отправила на тот свет лично. Росчерком пера, так сказать. Одна моя маленькая подпись – и была уничтожена целая страна. У меня один враг – старость, и с ней я пока борюсь.

– Может, тебе стоит запросить охрану? Пусть пришлют патруль. Лишним не будет.

– Будет. Не люблю, когда вторгаются в мое личное пространство.

– Что ж, – выдохнула Хилари, – как скажешь. Спасибо тебе большое еще раз, что приютила меня.

– Ну что ты, это мой долг. И я всегда рада помочь друзьям. – Мадлен подмигнула Клинтон.

Они еще час сидели и разговаривали о разном, но все больше о последних событиях. Потом Мадлен проводила гостью в спальню и направилась к себе в комнату. Было уже поздно, и очень хотелось спать.

Хилари села на кровать и, закрыв лицо руками, стала делать дыхательную гимнастику. Она физически ощущала, как сдавали нервы, паника и страх охватывали ее с каждой минутой все сильней. Даже в этом доме она не чувствовала себя в безопасности, а продолжающиеся вот уже неделю анонимные звонки не добавляли оптимизма. Она вздрогнула от внезапного звонка мобильного.

– Только не вы опять... – прошептала она, опустив руку в карман и доставая телефон. Номер был не опознан, в отличие от домогавшихся ее хулиганов, и она решила ответить. – Слушаю?

– Здравствуйте, миссис Клинтон, – сказал мужчина хриплым голосом. – Я слышал, вы хотите жить. Это правда?

– Кто вы? Что вам нужно? – Она начала в страхе оглядываться, даже подошла к окну и выглянула на улицу – никого и ничего подозрительного.

– Отвечайте на вопрос, мадам. Это в ваших интересах.

– Это глупый вопрос! – попыталась она взять себя в руки. – Конечно, хочу.

– И, я уверен, вы готовы на все ради этого?

– ...Разумеется.

– Тогда вам следует выполнить наши условия.

– ...Вы обещаете, что не тронете меня?

– Само собой.

– Слушаю, – нахмурившись, ответила Клинтон, отойдя подальше от двери и окна. С каждой секундой лицо ее бледнело и дыхание замирало. Она во все глаза смотрела на улицу, и ей казалось, что все это кошмарный сон и она вот-вот проснется в холодном поту. Однако мужчина продолжал зачитывать ей инструкции.

– Итак, миссис Клинтон, вам все понятно? – холодно спросил незнакомец. – Или требуются какие-то уточнения?

– П-почему именно я? Почему? – шепотом спрашивала Хилари.

– Что ж, вопрос хороший, только ответ вас навряд ли удовлетворит. Вы просто оказались не в то время и не в том месте. Нам повезло, вам – нет. – Он хмыкнул. – До встречи, Хилари.

Мужчина повесил трубку, оставляя напуганную до полусмерти женщину в темноте и тишине. Она тихо сползла по стенке на пол и долго приходила в себя, уставившись в пол. Хилари слышала, как в кабинете этажом выше расхаживала Олбрайт, явно что-то перестав-

ляя. Женщина попыталась проглотить ком, застрявший в горле. Мысли сменяли друг друга, ища способа избежать всего ужаса.

– Я же могу позвонить в полицию... – Она покосилась на телефон. – Прослушивают наверняка. Вернуться в Белый дом? Домой? Я должна ей все рассказать... но если я откажусь, то и меня убьют также... – Клинтон мотнула головой. – Не хочу... – Паника охватывала ее все сильней, руки дрожали, ноги сделались ватными. – Надо что-то делать.

На часах было одиннадцать часов вечера. Звонивший обозначил полночь как час икс. Хилари встала с пола и направилась к двери.

– Если я найду повод для нее выйти из дома, – она положила руку на дверную ручку, – мы умрем вместе. Ну уж нет... – Женщина вышла в коридор и глянула по сторонам. Затем спустилась на первый этаж и повернула замки. – Я хочу жить, мне еще править этой страной, – прошептала она.

В гостиной все еще работал телевизор, где журналисты вместе с различными экспертами буквально смаковали детали убийства знаменитых и влиятельных людей. Вместе искали убийц и зачинщиков. Хилари снова посмотрела наверх и решила подняться к Мадлен.

Олбрайт была в своем кабинете на третьем этаже. Когда Клинтон постучалась и вошла в комнату, то увидела Мадлен, сидящую в кресле с небольшим чемоданчиком и рассматривающую свою многочисленную коллекцию брошек.

– Скучно стало? Или просто не спится? – поинтересовалась та.

– Что-то вроде того, – кивнула Хилари, садясь в кресло. – Что делаешь?

– Предаюсь воспоминаниям. Знаешь, каждая о чем-то да напоминает. – Она аккуратно взяла в руки старенькую керамическую разноцветную брошку в форме сердца. – Ее сделала Анна, когда ей было пять. Моя любимая...

– А эта? – Клинтон села рядом и, заглянув в чемодан, указала на первую попавшуюся.

– О! Это моя любимая из американской коллекции. Этого орла, как квинтэссенцию всего, что включают в себя все войска Штатов, мне подарила жена моего военного советника. Я любила одевать ее на встречи с войсками... эх, старые добрые времена. Смешно, даже сейчас, стоит мне появиться на публике без брошки, все сразу спрашивают, почему или что не так.

– Напомни, с чего ты вообще стала их носить? Помню, была какая-то интересная история, но что-то забыла. – Клинтон сама не заметила, как стала тянуть время.

– У кого-то склероз начался? – удивилась Олбрайт. – Ладно, все началось с нее. – Она взяла в руки золотую брошь с гадюкой, свернувшейся вокруг ветки и держащей во рту бриллиант. – В феврале 1993-го, когда я была послом ООН, как раз подошла к концу война в Персидском заливе. И для поддержания мира нам пришлось вводить определенные санкции, а потом еще разными мерами поддерживать их. Мне тогда дали четкие инструкции, которым я, само собой, следовала. Мне было сказано говорить самые ужасные вещи, до каких я только додумаюсь, о Саддаме Хусейне. Как-никак, мерзавец это заслужил. Нужно было думать, прежде чем нападать на Кувейт! А потом, спустя пару дней, в местной газетенке появился про меня стишок. Как меня там только не обозвали! «Невероятной змеей»... И тогда меня осенило – у меня с собой как раз была брошка, – она погладила брошь, – именно эта. Я решила надеть именно ее. Ну а потом я накупила себе много брошек, чтобы иллюстрировать мое настроение каждый день.

– О твоей жизни впору снимать фильм. «Оскар» был бы обеспечен!

– Боюсь, нет такой красавицы, способной сыграть меня. Я, как ты знаешь, неповторима.

– Само собой! – И они обе рассмеялись.

– Мужчинам никогда не понять такой тонкой игры. Мельчают они. Международная политика без нас, тяжеловесов, скучна. Мне даже противно ходить на эти встречи... Нет уже того полета, все боятся чего-то. А угроза только одна. – Она фыркнула. – Одного Путина боятся. Убили бы давно, и никаких проблем.

– Ничего, сделаем это позже. Все равно им столько земли не нужно. Научим их делиться.

– Дорогая моя, кто-то, а русские не умеют делиться. У них можно забрать лишь силой. Как и у сербов. – Мадлен вдруг замолчала, будто вспомнив что-то. – Жадные славянские народы, никогда не любила их.

– Жадные? – удивилась Клинтон.

– Да. Очень. Не умеют просто отдавать, обо всем нужно просить, вымаливать даже. За то и поплатились. Сербов мы хорошо наказали, теперь как по струнке ходят. Остались русские, что сложнее.

– Разве не сербы помогли твоей семье тогда, давным-давно?

– Моей семье помогла отцовская предприимчивость, а не эти дикари, – возмутилась Олбрайт. – Эти только и ждали повода сдать нас фашистам, дабы заработать. Подлецы! Слава богу, все сдохли, кто желал зла моей семье.

Хилари глянула на часы – без трех минут полночь.

– Ох, засиделись мы что-то с тобой. – Мадлен встала с кресла и понесла чемодан в шкаф. – Пора спать идти. Проснемся раньше и узнаем о каком-нибудь новом убийстве.

– Думаешь, будет новое убийство?

– Уверена. Только не знаю кто, я думаю – Керри. А потом и по руководителям пройдутся. Я бы прошлась, – пожала она плечами.

Уже через пять минут Клинтон была в гостевой спальне, она прислушивалась ко всем звукам, но пока ничего не было слышно, хотя полночь уже наступила. Все началось несколько позже. В четырнадцать минут первого она услышала, как вскрикнула Олбрайт, но выглядывать из комнаты не решилась. Она не видела, как двое крупных мужчин буквально стащили вниз пожилую женщину, напуганную до смерти, пытающуюся вырваться и кричащую изо всех сил. Когда ей влепили пощечину, она шокированно замолчала.

На первом этаже, в столовой, был и третий незнакомец. Олбрайт усадили на стул, связали наручниками руки за спиной и ноги. Двое отошли в сторону.

– Доброй ночи, Мария Яна Корбелова. Это ведь ваше настоящее имя?

– Для тебя я госпожа Олбрайт, грязный латинский урод!

– Оу, моя госпожа ждет меня дома, старая кошелка, – улыбнулся Бруно, беря стул и садясь напротив пленницы. – Обрадую вас, уже через час вы снова будете знамениты, на вас опять будут устремлены все взоры. Это не может не радовать, – он указал пальцем на камеры, выставленные в разных углах столовой. – Будет отличная картинка. Целый фильм, вы ведь хотите в нем выглядеть достойно? Так что, мадам, следите за языком.

– Зачем вам я? Вы дверью не ошиблись? И вообще, как вы вошли? У меня замок на сигнализации...

– Нас любезно впустила Хилари.

– Что? – Она во все глаза посмотрела на Бруно. – Она не могла, – мотнула головой Олбрайт, – она бы ни за что...

– Не предала бы вас? Разве ваш жизненный опыт не подсказывает вам обратное? Предательство в обмен на жизнь? Разве вы не с детских лет усвоили этот урок?

– Это что, месть?

– В некотором роде, – согласился убийца. – Не могу сказать, что не присоединюсь к ней. Тем не менее меня просили вам передать, что неблагодарность – это самый страшный грех. И за него отправляют в ад. – Мужчина встал со стула и подошел к обеденному столу, на котором стояла его сумка. – Меня, признаюсь, сначала очень удивил такой заказ, но потом я даже проникся этой идеей.

Олбрайт с замиранием сердца наблюдала за движениями убийцы и с ужасом ждала, что же он достанет. Сейчас ей казалось, что все кошмары из ее детства стали явью. Бруно медленно вытащил из сумки предмет, который Олбрайт тут же узнала.

– Знаете, что это?

Она судорожно сглотнула.

– Это сербосек, изобретение хорватских усташей специально для быстрого умерщвления сербов и... евреев. Я где-то читал, что один умелец смог за ночь таким вот приспособлением убить тысячу триста человек. Лихо, да?

Дальше Бруно надел на руку рукавицу из грубой кожи с клинком в двадцать сантиметров длиной на ребре ладони.

– Садисты умеют придумывать оружие. – Мужчина сделал пару взмахов рукой. – Отличная вещь, хотя я бы предпочел мачете. – Он хмыкнул, глядя в безумные глаза Олбрайт. – Скажете что-то напоследок в камеру? Напутствия для актрисы, которой предстоит вас сыграть?

– ...Помогите! – стала кричать женщина, пытаясь вырваться. – Хилари!! Помоги мне!

– И-извини, Мадлен, меня вынудили! Я не хотела! – успела крикнуть Клинтон, прежде чем Бруно схватил Олбрайт за волосы и нанес ей быстрый удар в шею, потом еще один и еще. Хилари закричала, зажала рот рукой и со всех ног побежала к двери, но у самого порога почувствовала резкую обжигающую боль в спине. Один из убийц выстрелил в нее. Пока она падала на пол, еще живая, в ее тело вошли еще три пули.

Окровавленная, она упала у самой двери. Она еще была жива, но медленно умирала, видя почти отрезанную голову Мадлен, держащуюся на теле за счет еще не порвавшейся кожи.

– Стоп. Снято! – хлопнул в ладоши Бруно, сняв оружие с руки и бросив его на колени жертвы. – Все засняли?

– Разумеется.

– Эх, Хилари, – вышел он в коридор, – говорили тебе, сиди в комнате... идиотка. Не дала мне сдержать обещание.

– Извини, босс, – развел руками его товарищ по работе.

– Да, ладно! – махнул Бруно рукой. – Я никогда не умел их держать. Скидывайте нашим, пускай запускают. Все должно быть так, как хотел заказчик. Все должны узнать.

Спустя полчаса мастерски смонтированный ролик был уже на всех новостных каналах и в сети Интернет. Такого шока Америка не испытывала уже давно...

Обилич, Косово, Сербия

В больнице было относительно тихо. Лишь телефон трезвонил без конца, и в фойе работал телевизор, но никто на него особого внимания не обращал. На часах было восемь утра, когда из палаты медленно, шаркая, вышел очень пожилой мужчина. Он глянул по сторонам и, убедившись, что попросить об одолжении некого, направился к своей цели сам. Уж очень ему нравились отечественные пакетированные соки, которые на днях добавили в автомат в фойе. Опираясь на трость, старик не спеша добрел до цели и купил вожделенный яблочный.

– Доброе утро, Предраг! – поприветствовала его медсестра. – Снова за соком? Я бы вам и так принесла, я же знаю, что это ваш любимый!

– Да ничего, милая, – он улыбнулся одними губами, – так вкусней, когда сам добыл. – Женщина все равно подошла к нему и помогла усесться в кресло перед телевизором. – Вот посмотрю новости и, наверное, пойду обратно.

– Пожалуйста, пожалуйста, – кивнула женщина, протягивая ему пульт. – Разберетесь с кнопками?

Он кивнул.

– Как вы всегда говорите, для Попичичей нет ничего невозможного, да?

– А то!

Предраг стал переключать каналы, ища что-то интересное. Вдруг старая рана на спине дала о себе знать, будто попросила остановиться именно на этом канале. Был экстренный выпуск новостей, где под комментарии ведущей транслировались жуткие кадры убийства Олбрайт. Когда крупным планом показали, как именно ее убили, по лицу Предрага скатилась скупая слеза.

– Вот она, дядя Радован, справедливость, – прошептал он, – жаль, вас нет, чтобы это увидеть... Справедливость есть, как и Бог. – На его лице застыла полуулыбка.

Виннипег, Канада

Весь день прошел в разъездах по городу и ближайшему пригороду. Несмотря на дикую усталость, желаемой цели Тогай достиг – ему удалось уговорить некоторые группы племени кри выступить единым фронтом. По возвращении в своеобразный штаб «Цикад» Сенка не спешила внутрь. Она предпочла остаться на улице, хотелось побыть

некоторое время в одиночестве и тишине. Погода была отличной для ночных посиделок – ни ветерка, ни пронизывающего холода, только свежий воздух с морозными нотками. Устроившись на видавшей виды скамейке, Обилич курила, смотря в усыпанное звездами небо, так сильно похожее на небо над ее родным городом...

– Мне тебя не хватает... – прошептала она на сербском. – Я все еще помню твое любимое стихотворение. – Она улыбнулась. – ...И зажженная ночь поджигает леса, города, даже небо, откуда является наша звезда, на которой навечно мы любим друг друга с тобой[31]...

– Сенка! – вырвал ее из воспоминаний голос Эвиса. – Вот ты где! Я обыскался тебя!

Гарсия смахнул рукой снег со скамейки и сел рядом с ней. Следом за ним вышел и Леон. В отличие от Эвиса, он заметил настроение Сенки. От возбуждения руки хакера подрагивали. Он открыл ноутбук.

– И что ты хочешь показать? – сдержанно спросила Обилич.

– Думаю, то, – немного хриплым голосом ответил Гарсия, – что ты всегда хотела увидеть. Вот, – он повернул к ней ноутбук и нажал кнопку «плэй»[32]. Видео само развернулось на весь экран, – смотри. Это сейчас по всему миру крутят. Даже у тебя дома.

Купер с сочувствием посмотрел на девушку и, покачав головой, принялся искать по карманам хотя бы одну завалявшуюся сигарету.

Обилич внимательно смотрела ролик, не веря своим глазам. Когда в кадре появился убийца с сербосеком, ее сердце замерло в ожидании.

– Ты именно это внушила барону? Убить ее вот так? – осторожно спросил Гарсия, во все глаза глядя на девушку.

– ...Любая смерть для нее была бы слишком мягкой. Зато в конце она узнала, что такое предательство со стороны друзей. – Сенка встала со скамейки. – И меня это радует. А еще больше то, что дядя Предраг это все успел увидеть.

– Предраг? – удивился Эвис. – Дядя? Ты же говорила, что у тебя не осталось родных...

– Он сын друга моего деда, – одними губами улыбнулась девушка. – Он из той семьи, которых сдала немцам Мария-Яна в далеком сорок первом.

– Он до сих пор жив? Ого!

– Я не понимаю, – мотнула она головой, – все эти люди, которых он уже убил... они же обладают, по сути, безграничной властью, огром-

[31] Стихотворение «В сговоре со звездами», Драган Драгойлович.

[32] От англ. play – проигрывать.

ными финансовыми средствами. Эвис, Леон, почему они не наняли охрану? Почему не боялись, что за ними придут?

– В народе это называется – оторвались от жизни. Они давно считают себя небожителями, – ответил Купер, плюнув себе под ноги. – Думают, что с ними этого не может случиться. Возможно, возомнили себя богами...

– Ну, это ты загнул, – всплеснул руками Гарсия. – Просто никто из них не думал, что это их коснется.

– Да ладно! – возмутился Леон. – Совет вырезают одного за другим, а их это не коснется.

– Ну-у, – протянул хакер, – убиты были не только члены Совета. Возможно, это сбило их с толку. Однако я согласен с тем, что странное дело – не обеспечить себе охрану. Хотя Обаму вот сейчас охраняют, как Святой Грааль.

– Да кому он нужен, – ухмыльнулся полицейский.

– Остались трое, – вздохнул Эвис. – Уверен, что теперь убийцам понадобится вся их изобретательность.

– Четверо, – поправил его Леон.

– Последний не станет жертвой нанятых им товарищей, – покачал головой хакер. – Я вообще не в курсе, что уготовила Сенка ему.

Они оба посмотрели на девушку.

– ...Прозрение, – пожала Обилич плечами. – А там видно будет. Что-то мне подсказывает, что планировать что-либо бесполезно.

– Типа, будь что будет? – спросил Купер.

Она кивнула.

– На мой взгляд, это слишком опасно.

– Да оставь, Леон, – махнул рукой хакер, закрывая ноутбук и вставая со скамейки, – бесполезно вразумлять. Она упрямая, как осел.

– ...Справедливость восторжествовала, деда, – произнесла она на сербском. – Еще чуть-чуть, и все будет кончено. – Она сделала несколько шагов вперед, к дороге, потом обернулась. – Я пойду прогуляюсь, если вы не против.

– Я с тобой, – сказал Купер, явно демонстрируя, что возражения не принимаются.

– Далеко не уходите, – кивнул Эвис. – Скоро ужин, а ужин – это святое.

– У тебя любой перекус святей самого святого, – махнул рукой Леон.

– Это здоровое отношение к еде! Поучились бы лучше, чем наговаривать на человека!

Нью-Йорк, США

Оба Рокфеллера, отец и сын, вернулись в особняк под Нью-Йорком. Еще в машине они посмотрели шокирующее видео убийства бывшего госсекретаря.

– Какая дикость, – брезгливо отвернулся от экрана Дэвид-младший. – Убивать старую женщину, да еще так.

– Хех, а смерть Хилари никто и не заметил, – ухмыльнулся его отец. – Странный ход. – Он задумчиво потер подбородок. – Не понимаю и не вижу смысла.

– По мне, так это похоже на месть.

– Не за что ему ей мстить. Оба евреи и всегда были в приятельских отношениях.

– Может, это совпадение?

– Я не верю в совпадения, – покачал старик головой. – Это дело рук одной и той же группы. Один почерк.

– Пап, это не просто месть, так ей могли отомстить те же сербы... нож-то не простой, если ты заметил.

– Заметил. Это еще один довод в пользу того, что Джейкоб слетел с катушек и от него нужно как можно скорей избавиться. Не понимаю, чего де Ротшильд так тянет. У клана и без того проблемы, а еще этот сумасшедший.

– Тебя не волнует, что остались только мы двое из Совета? Не думаешь, что мы следующие?

– Думаю. Охрана вокруг и внутри дома усилена. Никто чужой не проникнет. Уж в безопасности я знаю толк. До нас его наемникам не добраться. И, кстати...

– М?

– Есть еще один член Совета...

– Нэт? Ты же не думаешь, что он пойдет на убийство сына?

– В этом не будет ничего необычного, – пожал плечами Дэвид-старший и отвернулся к окну. – В конце останется только один.

Еще некоторое время они молча смотрели очередной выпуск новостей. На лице старика застыла недовольная гримаса. Потом, не выдержав, он стукнул кулаком по ручке кресла.

– Как он мог испортить такой план! – Рокфеллер еще с минуту нецензурно выражался в адрес четвертого барона Ротшильда. – Вся работа последних тридцати лет псу под хвост. И из-за чего? Из-за внезапной невменяемости?.. А знаешь, что выводит меня из себя больше всего – это неучтенные факторы, которые полезли как грибы после дождя. Мы столько готовились и все равно не подумали о каждой мелочи. Вот что я тебе скажу, сынок, если Джейкоб сам не помрет в

ближайшие три дня, я придушу его своими же руками. Вот этими руками! – Он затряс руками, поднимая их вверх. – А потом на его костях станцую и пойду строить новый мир с нуля.

– Успокойся, пап, мы справимся. Не с таким справлялись.

– Да-а, – закивал старик, – ничто ведь не мешает и мне нанять убийцу. У меня даже есть кое-кто на примете.

– Это ты про кого? – надвинул очки на нос Дэвид. – Что-то я не припомню наемников у тебя в записной книжке.

– Еще не дорос до моих связей. Нужен человек из Европы, – засуетился Рокфеллер, с трудом вставая с кресла. – Кто-то, кто ближе всех может подобраться. Даже кто-то из его круга...

Дэвид-старший, опираясь на трость, пошел в сторону своего кабинета. Там он дошел до стола и начал искать что-то в ящиках. Сын пришел следом и встал в дверях.

– Что ты ищешь? Тебе помочь?

– Нет, где же это было?.. – Он доставал одну записную книжку за другой и пролистывал их в поисках какого-то имени. – Имя у нее еще было такое звучное и характерное, – бубнил он себе под нос, – Джейкоб обращался к ней.

– К кому? К убийце?

– Да, – огрызнулся старик. – Ему ее присоветовал его начальник охраны, такой же криминальный тип.

Рокфеллер осматривал свой стол, будто в поисках подсказки, взгляд наткнулся на нож для вскрытия писем.

– ...Блэйд, – вспомнил он имя и теперь открыл записную книжку в нужном месте. – Точно. Линда.

– Пап, что ты задумал?

– Убрать барона, что же еще. Раз его семейка не торопится.

– Думаешь, с его смертью обнулится заказ на нас?

– Это не важно. Я просто хочу, чтобы его не было. Не хочу, чтобы этот засранец топтал землю моего нового мира.

Он глянул на часы и взял телефон.

Бэкингемшир, Англия

В семейном поместье Ротшильдов Уоддесдон, в этом замке в стиле французской эпохи Возрождения, впервые за долгое время было пусто. Все пропускные для туристов, жаждущих хоть краем глаза взглянуть на богатство легендарного семейства, были закрыты. Персонала не было видно. Даже охранников с собаками. Стояла тишина, изредка нарушаемая плеском воды в фонтанах в саду. На первом этаже горел

свет. Все шторы были плотно закрыты. У центрального входа припаркованы автомобиль и сверкающий серебром мотоцикл. За высокими деревянными дверями поместья слышался шум падающих на пол книг и дорогой, в некотором роде даже бесценной керамики.

Линда сидела в высоком кресле, обитом бархатом и расшитом золотыми нитями, и листала первую попавшуюся брошюру, пока начальник буквально сходил с ума. Она никогда не видела Ротшильда таким. Он метался из комнаты в комнату, где-то срывал картины со стен и бросал их на пол, топтался по ним, бил фарфоровые статуэтки и сдирал со стен коллекционные тарелки. Не то чтобы это сильно заботило Линду, но ей было любопытно, чем же это все кончится. Еще утром барон приказал всем покинуть резиденцию. Он страстно желал остаться один, наедине со своими мыслями и... голосом в голове. Линда понимала, что этим бешенством старик просто пытался заглушить голос.

– Может, мне позвонить вашему семейному врачу? – аккуратно предложила Линда, когда Джейкоб в очередной раз проходил мимо нее, сжимая и разжимая кулаки. – Это вам обойдется дешевле.

– Мне не нужен врач, – прошипел барон. – Я просто хочу, чтобы она заткнулась. Я раньше слышал много голосов, а теперь только один. Какая-то женщина внутри моей головы приказывает, говорит мне, тварь, что делать, а что нет. Думает, я подчинюсь...

– Уничтожать богатство – не выход. При всем уважении, да и охрану вы зря распустили.

– Мне некого бояться, – отмахнулся он. – Я не уничтожаю, я ищу.

– Что? – удивленно вскинула брови Блэйд.

– То, что заставит ее заткнуться! Я должен найти цель, которую она преследует. Поняв, что ей нужно, я от нее избавлюсь. – Барон ухмылялся, показывая пальцем на свою голову. – Думаешь, я сошел с ума?

– Не-а, – мотнула женщина головой, – все мы немножечко не в своем уме. И уже давно. Выпустить пар иногда полезно, хотя, – она обвела комнату взглядом, – и крайне расточительно с вашей стороны.

– Это все не важно, – махнул он рукой. – Все идет по плану. По моему плану. Осталось три имени, и я останусь один. Видела, как мои люди убрали Мадленку? – ухмыляясь, спросил Джейкоб, будто испытывая гордость.

– Мадленку? – переспросила Линда. – Никогда не слышала, чтобы ее так звали.

– Как только ее не звали.

В глазах Ротшильда защипало, он тут же начал их интенсивно тереть, пытаясь стереть какие-то вспыхивающие перед глазами незнакомые образы прошлого.

– Она все это заслужила! – наконец проморгавшись, ответил он. – Все было правильно. Осталось трое.

Старик стремительным шагом направился в следующую комнату.

В кармане Блэйд завибрировал телефон, она глянула на незнакомый номер и ответила.

– Линда?

– Слушаю вас.

– И тебя даже не интересует, кто это? – насмешливо спросил пожилой мужчина хриплым голосом.

– Если у вас есть этот номер, то это не важно, – улыбнулась Линда. – Чем могу помочь?

– Меня зовут Дэвид, Дэвид Рокфеллер, и мне нужно, чтобы вы убрали с моего пути четвертого барона Ротшильда.

– Любопытно. – Линда перегнулась через ручку кресла и глянула в соседнюю комнату на продолжавшего все рушить Джейкоба. – Это вам дорого обойдется, мистер Рокфеллер. Учитывая вашу не самую благоприятную ситуацию с финансами.

– Пусть это вас не беспокоит. Мне нужен быстрый результат.

– Я свяжусь с вами, как только определюсь с деталями.

– У вас есть сутки.

Блэйд повесила трубку и встала с кресла. Она не спеша перешла в следующую комнату.

– Звонил Рокфеллер и попросил убить вас. – Ротшильд резко замер. – Я сказала что подумаю.

– Хех, решил действовать, мерзкий подонок... Ничего, его час расплаты придет быстрее, чем он думает. Сколько он дал тебе времени на раздумья?

– Сутки.

– Боюсь, не успеет. – Барон громко засмеялся. – Какая ирония...

– Я вам еще нужна или свободна до следующих распоряжений?

Ротшильд вдруг остановился. В комнате все, что можно было разбить, уже было разбито. Лишь один экспонат оставался нетронутым, но он даже не осмеливался к нему прикоснуться. Блэйд тоже обратила на это внимание.

– Почему это не трогаете? – кивнула она на нетленную голову царя Лазаря под стеклом.

– Потому что он должен увидеть триумф.

– Чей? – но барон молчал.

– ...Мой, – ответил женский голос в его голове, вызвав резкую боль.

Нью-Йорк, США

В небоскребе на Амиракас-авеню, где над главным входом красовались золотые цифры дома 1251, в столь поздний час было тихо и безлюдно. На некоторых этажах горел свет. В нью-йоркской штаб-квартире Ротшильдов кипела работа – ошибки главы семейства нужно было как-то объяснять и исправлять. У Натаниэля-младшего уже не оставалось ни сил, ни желания заниматься всем этим. Безумно хотелось все бросить и скрыться на какой-нибудь белоснежной яхте от всепожирающего хаоса. Он уже утомился ругать самого себя за все свои промахи, а понять, что происходит с отцом, он был не в силах. Нэт пытался дозвониться до де Ротшильдов, но долгое время никто не брал трубку. Он сидел в своем кабинете под самой крышей и продолжал обзванивать всех тех, кто мог бы хоть как-то способствовать нормализации ситуации. Несмотря на поздний час, он продолжал звонить во Францию на мобильный номер дяди. Наконец ему ответили. На той стороне провода трубку взяла жена Дэвида – Олимпия.

– Да? Кто это? – Голос у нее был осипший и заплаканный.

– Э-это Нэт Ротшильд, Олимпия, это вы? – Он был сильно удивлен тем фактом, что ответила именно она. – Я могу поговорить с Дэвидом? Это очень важно.

– Боюсь, что нет. – Женщина всхлипнула. – Дэвида больше нет.... как и Александра.

– Что? – подскочил со стула Нэт, не веря своим ушам. – Боже, что произошло? Что случилось?

– Да как ты вообще осмелился сюда звонить?! После всего! Их убили вчера. Безжалостно застрелили из пистолета прямо в нашем доме! – сорвалась на крик Олимпия.

– После чего? – тихо спросил Нэт. – Я не понимаю, о чем вы... – покачал он головой, глядя на свое отражение в стекле.

– Это дело рук твоего отца. Он подослал своего убийцу в наш дом. Я знаю, ты с ним заодно! Джейкоба никогда не устраивало, что корона перейдет Александру, он всегда хотел отдать ее тебе! Вы дошли до убийства своих же! Вам это с рук не сойдет! – кричала она в трубку, не контролируя себя, слова сами вырывались наружу. Женщина еще много чего наговорила ошарашенному родственнику, но он ее не слушал. Нэт положил трубку на стол и принялся расхаживать по кабинету, осмысляя произошедшее.

Спустя пару минут он услышал короткие гудки из телефона. Вернувшись к столу, снова взял телефон и позвонил на этот раз своей матери. Та ответила сразу.

– Боже, Нэт! – воскликнула она. – Творится какой-то ужас, что-то необъяснимое. Эти убийства... наша семья рушится на глазах. Эта убийца... я видела ее. Она не стала стрелять в нас.

– Это была женщина?

– Да, дорогой, это была новая помощница твоего отца, Линда. Я помню, он рассказывал мне о ней когда-то давно. Говорил, что она ему отвратительна... видимо, болезнь полностью затмила его разум, раз он взял ее на работу.

– Вы уверены, что это папа ей приказал?

– Очнись, милый! Джейкоб сошел с ума и натворил таких дел, от которых семья Ротшильдов не скоро оправится. Ты что, ничего не знаешь? Сидишь в своей Америке и ничего не знаешь?

– Успокойся, мам. Еще не все потеряно, – попытался утихомирить пыл Серены Нэт.

– Ошибаешься. – Она делала глубокие вдохи, стараясь успокоиться. – Он не только лишил клан будущего, он еще неизвестно куда дел сбережения. Джейкоб ими так распорядился, что в случае его смерти мы ничего не сможем вернуть.

– Даже если так, у нас полно предметов искусства, недвижимости...

– В Уоддесдоне ничего не осталось, – тяжело вздохнула Серена. – Он все уничтожил.

– Что?!

– Нэт, твой отец сошел с ума, и только в наших силах его остановить, пока он не сделал чего-то более ужасного.

– Куда уж ужаснее? – Нэт нервно теребил волосы на голове, дергал их, полагая, что так лучше думается.

– ...Наложит на себя руки, и тогда мы точно будем вынуждены начинать все сначала. Только теперь наследник у семьи один. Кроме тебя, Нэт, больше некому возглавить клан.

– Я думаю, папу рано еще списывать со счетов.

– До того как это убийство произошло, я подслушала разговор Дэвида с кем-то из Совета. По-моему, это был Генри... Нэт, он уничтожает их. Одного за другим. Это ли не сумасшествие?

– Никто из нас с ним не говорил, мы не знаем, что им движет! Просто объявить его больным не делает нам чести!

– Ты сам не захотел его выслушать.

– И теперь вот расхлебываем...

Нэт повесил трубку.

– Господи, отец, зачем тебе это? Неужели ты и вправду лишился рассудка?.. Как строить новый мир в одиночку? Зачем ты убил Дэвида и Алекса?.. И кто еще у тебя в списке, хотел бы я знать. И кто мог тебя остановить?

Он вдруг осекся, будто вспомнив что-то. Снова схватив телефон, он набрал номер, который знал наизусть. Там долго не отвечали.

– Пап?

– ...Нэт? Ты хотя бы в курсе, который сейчас час?

– Ты же все равно не спишь, – фыркнул младший Ротшильд.

– Ты плохо справляешься с поставленной задачей, сын. Должен был быть моими глазами в Совете...

– Зачем глаза, если ты их убиваешь?

– Я? Может, это лишь чье-то возмездие за грехи. Кто я такой, чтобы распоряжаться их жизнями?.. – с усмешкой и поэтично парировал барон.

– Ты подослал убийцу к Дэвиду и Александру, зачем? Они же семья.

– Разве ты не хотел к нему за помощью обратиться? Неужели ты не знаешь, как твой любимый, хех, дядя решает проблемы? Я просто его опередил. Да и не тебе огорчаться. После смерти Алекса ты становишься наследником всего. Станешь патриархом клана. Приятно ведь?

– Разве не ты всегда учил добиваться всего дипломатией, а не оружием?

– Иногда слов недостаточно, Нэт. Мир не такой безобидный, как кажется.

– Остановись, прошу. Все еще можно исправить.

– Именно исправлением я и занимаюсь. Мир проходит через стадию обновления, и мы станем свидетелями рождения чего-то нового.

– Скорей смерти всего старого и привычного, – хмурился младший Ротшильд, не зная, как быть.

– Ты уже давно не на моей стороне. Так же, как и все они, предал меня. Это печалит.

– Я тебя не предавал, это ты отрекся от всего и пошел своим путем, уничтожая всех и вся.

– Это единственный верный путь, Нэт. В конце должен остаться один... – не своим голосом говорил барон, чуть ли не шептал.

– Зачем?

На другом конце провода повисла тишина, будто вопрос загнал разум в тупик.

– Зачем тебе оставаться одному? – переспросил сын.

– ...Так проще завершить начатое.

Нэт даже здесь чувствовал, что отца мучают сильнейшие головные боли. Нэту казалось, что тот Джейкоб, которого он знал, тщетно пытается бороться с каким-то монстром, захватившим его разум. Иногда старик умудрялся вырваться, но цепкие щупальца спрута снова затаскивали его в темноту.

– Кто ты такой? – прошептал в трубку Нэт. – Что тебе нужно от моего отца?..

– ...Тень, – прошептал барон и, бросив телефон на пол, схватился за голову. Боль все усиливалась, голова, казалось, вот-вот лопнет. Он оперся на комод и посмотрел на себя в зеркало. Красные от усталости глаза и осунувшееся лицо пугали. Барону потребовалось несколько секунд, чтобы узнать себя.

– Где... я, ч-что п-происходит? – с трудом проговорил он, но в следующее мгновение наваждение будто рукой сняло. Мысли снова выстроились в четкую и понятную цепочку. – Все идет по плану, – твердо сказал он, поднимая с пола телефон. – Прощай, Нэт.

– Пап! Не вешай трубку, пап! Что ты задумал? Я вылетаю, слышишь? Я буду у тебя завтра! – кричал сын в трубку, забыв, что из США сейчас никуда не улететь, но барон уже отключился.

Почувствовав жуткую жажду, младший Ротшильд вышел из своего кабинета и по безлюдному офису направился к кулеру с водой. Оглядевшись, он взял пластиковый стаканчик и налил себе холодной воды.

– Допоздна работаешь? Какой хороший мальчик.

Услышав незнакомый хриплый голос, Нэт вздрогнул и едва не выронил стакан из рук, сжав его крепче и пролив воду на брюки. Он обернулся и увидел за столом крупного мужчину, явно не сотрудника фирмы.

– Кто вы такой? Что вам нужно?

– Хм-м, дай подумать. М-м, я в офисе на последнем этаже, где только ты. Очевидно, что мне нужен ты.

– Кто вы такой?

– Это не имеет значения, – улыбнулся Бруно, вставая со стула и демонстрируя, что вооружен. – Пойдемте в кабинет, мистер Ротшильд.

– Охрана! Охрана! – позвал Нэт, глядя в коридор. Заметив пожарную сирену на стене, он без раздумий надавил на стекло и нажал на кнопку.

– Думаешь, в городе, объятом хаосом, найдется пожарная бригада специально для тебя? Идем, сэкономишь мне время и силы. – Бруно положил руку на плечо Ротшильду и направил его обратно в кабинет. – Водичку не расплескай, – кивнул он на стакан.

– Кто вас прислал?

– Брось, – ухмыльнулся мужчина, – ты же прекрасно знаешь, кто.

– Я его сын, он не убьет меня, – качал головой Нэт. – Никогда.

– Лично нет, тут ты прав. – Бруно закрыл за собой дверь на ключ. – Чужими руками проще.

– Почему? Вы знаете причину? – Ему вдруг стало все равно, в душе появилась нескончаемая пустота. Ощущение абсолютного предательства со стороны Джейкоба выбивало почву из-под ног. Нэту просто хотелось знать причину.

– Думаю, тут нет ничего личного. Просто чей-то холодный расчет. – Бруно достал из нательной кобуры пистолет и осмотрел его с обеих сторон.

– Вы ведь не первый раз на моего отца работаете? Я помню, он както раз уже прибегал к профессионалам. Скажите, вам не показалось, что он изменился? Сошел с ума?

– Возможно. Был немного сам не свой, но однозначно прекрасно знал, что делать.

– И мне уготовил пулю в лоб?

– Не знаю, кто там готовил все это, но пуля не для тебя. – Бруно разрядил весь магазин в стекло за спиной Ротшильда. – А для стекла. Заказ подразумевал особую казнь каждому. – Убийца направился к застывшему на месте от ужаса Нэту. – Признаться, это добавляет работе романтики. Я напишу потом об этом книгу.

Он со всей силы толкнул Нэта в стекло, у того даже не оставалось сил сопротивляться. Несколько сильных толчков, и стекло окончательно разбилось, мелкие осколки полетели вниз, подхватываемые легким холодным ветром.

– Ты мне нравишься, не боишься умирать. Я сделаю для тебя скидку. – Он подмигнул ему. – Строго между нами. Облегчу участь, так сказать. – Бруно перезарядил пистолет и направил дуло в сердце Ротшильда. – Приятного полета, Нэт.

Раздался выстрел. Еще через одно мгновение тело единственного наследника клана Ротшильдов стремительно падало на землю...

глава XXIV

Младший Рокфеллер зашел в спальню и, обеспокоенно посмотрев на спящего отца, кашлянул, прочищая горло. Тяжело вздохнув, он сел на кровать. Старик открыл глаза, он уже давно не спал, просто лежал с закрытыми глазами. Последнее время ему стало хватать куда меньше времени, чтобы выспаться.

– Надеюсь, ты принес мне хорошие новости, – криво усмехнулся Дэвид, усаживаясь в кровати и поправляя одеяло.

– Не знаю даже. Нэт мертв.

– Сынок?

Дэвид-младший кивнул.

– Его застрелили, а потом выбросили из окна на последнем этаже на Американ-авеню.

– ...И их осталось трое, – задумчиво проговорил старик. – Никогда бы не подумал, что он пойдет на убийство собственного сына.

– Это еще не все. Я получил новости из Европы. Дэвид и Александр де Ротшильды также убиты. Застрелены в своем доме. – Он поправил съехавшие на нос очки, потом снял их и принялся тереть переносицу. – План с военным положением проваливается. Приходят сводки, что армия массово переходит на сторону гражданского населения. Скорей они пойдут против нас, чем мы успеем хоть что-то сделать. Лагерь для перевоспитания, тот, что в Калифорнии, разбит в пух и прах.

– Так интереснее.

– Ты что, не слышишь меня? Армия отказывается выполнять приказы. Пройдет какая-то пара дней, и они возьмут власть в свои руки!

– Кто? Армия? Все их лидеры у меня вот здесь. – Он сжал кулак. – Лидеров среди этих тупых наемников нет. Покричат, погремят оружием, а потом, так же как и всегда, будут делить награбленное между собой и сами себя перебьют. Тут нет ничего нового. Простой народ в любом случае попросит защиты, и я ее ему дам. И дальше все будет как планировалось. Больше крови и потрясений, чем мы предвидели, но это ничего не меняет. Подумаешь, взбунтовавшиеся индейцы! – Он презрительно фыркнул. – Перебить их не составит никакого труда!

Идея у них, ишь ты! Расстрел. Массовый. И я его организую. Чего-чего, а патронов и пластиковых гробов хватит на всех.

– Это война, пап. Востока и Запада на этот раз.

– Вот и отлично.

– Хорошо, допустим, это все не идет вразрез с планом, но как ты поступишь с Джейкобом? Ведь теперь на его пути только ты и я.

Старик посмотрел на настенные часы.

– У нее в запасе еще пять часов. Если не позвонит, найду другого человека.

– Я думал, ты всегда хотел разобраться с ним лично.

– Я пожилой человек, мне сил не хватит задушить эту тварь, но мне бы, да, очень хотелось присутствовать при его убийстве. Что ж, поприсутствую на его похоронах. Последнего из Ротшильдов. Все их станет моим. Вот уж ирония.

Через полчаса они оба спустились в столовую, где уже был накрыт завтрак. Охранников в доме было столько, что могло показаться, что тут явно намечается приезд президента.

– Ох, – он окинул взглядом вкусности, представленные на столе. – Лорейн, – позвал он медсестру и сиделку, – скажи, дорогая моя, что же мне из этого можно и от чего мне будет исключительно хорошо?

– Вы меня обижаете, сэр, – отмахнулась женщина, – здесь исключительно только то, что вам можно и нужно.

– Что бы я без тебя делал?.. Ты моя совесть! Теперь, когда меня будут спрашивать, я знаю, что ответить.

Все трое дружелюбно заулыбались. Когда женщина покинула столовую, Рокфеллеры приступили к завтраку.

Он был и вправду на редкость вкусным. Дэвиду даже показалось, что Лорейн решила его побаловать. Жареные сосиски с беконом и яичницей она не разрешала ему в принципе, а тут такая радость! В отличие от отца, у сына аппетита не было вовсе. Он лишь пил кофе, то и дело оборачивался и внимательно смотрел в сад, проверяя, на месте ли охрана. Ему было как-то не по себе, в душу закрались плохие предчувствия. Оптимизма отца он не разделял.

– Думаешь, что наемники выскочат из леса и возьмут в кольцо дом?

– Судя по новостям, эти наемники очень затейливы и для каждого проводят отдельный спектакль.

– О да, еще скажи, тебе не терпится посмотреть, что уготовили нам двоим.

– Я предпочел бы не знать и вовсе избежать этого, – нахмурился Дэвид-младший. – Ты себя хорошо чувствуешь? – спросил он, заметив, как раскраснелся старик. – Ничего не болит?

– ...Не знаю... что-то пульс у меня участился. Лорэйн! Милая, подойди-ка! – крикнул он как можно громче, чувствуя, как кровь пульсирует в жилах, напрягая и без того немолодое сердце.

Рокфеллер принялся по старой привычке тереть грудь. Женщина вошла в столовую и сразу же подошла к нему.

– Что-то мне нехорошо. Боль появилась в груди и нарастает.

Она дала ему таблетку нитроглицерина, и он сразу же засунул ее под язык. Отчего-то старик захотел встать со стула.

– Как не вовремя... – Рокфеллер как-то картинно схватился за грудь и повалился на пол без сознания.

– Дэвид! – кинулась к нему женщина. Она прощупывала пульс, дыхание. – Господи, сердце остановилось! Вызывайте немедленно скорую!

Лорейн принялась делать непрямой массаж сердца, что-то шепча себе под нос. Рокфеллер-младший был белым от шока и страха и с трудом смог сформулировать предложение, дозвонившись до центральной больницы.

– Отвезем его туда на нашем реанимобиле. Так будет быстрее, – сказал прибежавший на помощь один из охранников.

– Да, Митч, точно! – согласился Дэвид. – Нельзя терять времени!

Уже через десять минут автомобиль был на пути в город. Лорэйн и Дэвид были сзади, вместе с Рокфеллером-старшим, за рулем был Митч и на пассажирском сиденье начальник охраны – Питер.

– Почему это произошло? – без конца спрашивал сын. – Он же отлично себя чувствовал, ничто не предвещало! Этот завтрак... с ним что-то было не так, а, Лорэйн?

– Что ты несешь, дурак! – огрызнулась она в ответ. – Лучше заткнись и не мешай!

– Это ты, ты что-то в еду подложила. Я вижу, как у тебя дрожат руки, ты явно нервничаешь... говори правду! Немедленно!

Он подошел к окну, отделявшему салон от водителя, и открыл его.

– Пит, дай мне пистолет! Живо! – рявкнул Дэвид.

– Зачем тебе? – холодно спросил тот. – В кого стрелять собрался?

– Это Лорэйн! Она отравила отца. Я прикончу эту суку! Дай немедленно или прощайся с работой!

– Да-да, – лениво ответил Питер, не поворачивая головы.

В этот момент Митч быстро сделал ловкий жест и что-то вколол младшему Рокфеллеру в плечо. Спустя мгновение тот упал на пол машины без сознания.

– Ох уж эти нервные богачи, – покачал он головой. – Останавливай, вон нас уже ждут.

Они притормозили у обочины, где уже находилась группа из четырех человек. У одного из них в руках был увесистый чемодан. Митч вышел из машины, за ним следом и Питер.

– Добрый день, господа хорошие, – улыбнулся Бруно, держа во рту зубочистку. – Спасибо за пунктуальность.

– Деньги при вас? – спросил Питер, с опаской разглядывая группу, будто ожидая от них подвоха.

– Само собой. – Рукой Бруно указал на молодого парня, держащего в руках чемодан. – Все тут.

Он одобрительно кивнул, и паренек быстро открыл чемодан, демонстрируя денежные купюры в огромном количестве. Митч подошел и посмотрел на купюры, взял одну пачку в руки и проверил на подлинность.

– Настоящие. Не бойся.

– Моя доля там же? – спросила Лорэйн, выходя из машины. – Этот старик мне должен предостаточно за все. – Женщина брезгливо отряхнула руки.

– Ключи, – сказал Бруно, протягивая руку Митчу.

– Да-да, – он как завороженный смотрел на чемодан, – берите.

Он отдал их Бруно, и паренек тут же сунул деньги предателям.

– Боже, я мог бы быть миллионером еще раньше. И чего я так долго думал?..

В это время все четверо во главе с Бруно забрались в машину. Бруно опустил окно и с пассажирского сиденья бросил довольно презрительный взгляд на троицу.

– А счастье было так близко, – сказал он, доставая пистолет и расстреливая их в спину. – Никогда не любил предателей. Тем более продающихся за копейки, – покачал он головой.

Один из наемников вышел из машины и, побросав в кейс выпавшие на землю деньги, вернулся в реанимобиль.

– Поехали, а то у нас тут скоропортящийся товар.

Дэвид-младший открыл глаза и обнаружил себя привязанным к больничной кровати. Рядом никого не было. Комната была чистой и просторной, в ней находилась масса медицинского оборудования. Через маленькое окошко струился угасающий солнечный свет. Шел закатный час. В комнате было довольно прохладно, а он был в одном лишь нижнем белье.

– Н-нет, – прошептал он, чувствуя, как пересохло во рту, – помогите! Кто-нибудь! – как можно громче крикнул он и принялся дергаться, пытаясь вырваться. – Помогите! – кричал он, поворачиваясь к окну.

Он затих, как только услышал шаги за дверью. Лязгнул замок, и в комнату вошел довольно устрашающего вида мужчина. Он был в накинутом на плечи белом халате и со стетоскопом на шее.

– Кто вы такой? – щурился Дэвид, пытаясь разглядеть лицо незнакомца. Без очков это было довольно сложно.

– Доктор. Неужели не видно? Ну-у, – протянул Васкес, – всегда хотел им быть, но благодаря усилиям тебе подобных такую возможность у меня отняли. – Он подвинул стул к кровати и сел на него. – Пришлось изменить мечте, но память осталась.

– Что вам от меня нужно? Где мой отец?

– На операционном столе, где ж еще. Ему стало совсем плохо, знаешь ли, – развел руками убийца. – Он, видишь ли, не угодил одному человеку, а это всегда плохо заканчивается. Особенно когда у человека есть деньги.

– Вам это с рук не сойдет, вы будете наказаны... – заикался Рокфеллер-младший, чувствуя, как теряет самообладание. Он был готов и плакать, и кричать, и вырываться, но все, что мог, – это бессильно лежать. – Вас убьют. Всех в этом замешанных.

– Считай, что ты отдаешь его, – он указал на грудь Дэвида, – своему умирающему папаше. Ему нужнее будет. – Васкес подмигнул пленнику.

– Что вам обещал Ротшильд? Мы дадим больше!

– Больше? – удивленно поднял одну бровь Бруно. – Дело уже не в больше. Знаешь ли, это тот случай, когда я действительно получаю удовольствие, выполняя заказ. Заказчик меня порадовал, зачем я буду убивать его? Ко всем из списка у меня были претензии, за каждым был тот или иной грех. Мы, мексиканцы, люди верующие, – он демонстративно перекрестился. – К грехам своим относимся трепетно, а к чужим и подавно. Считай, я помогаю вам искупить свои грехи. Как тебе чистилище в моем лице? – Он широко улыбнулся.

– Вы монстр! Зверь! Подонок! – кричал Дэвид, понимая, что и его час вот-вот наступит. Бруно посмотрел на наручные часы.

– Оу, да мы заболтались с тобой. Выбиваемся из графика. – Он цокнул языком. – Что ж, до встречи в аду, Дэвид-младший.

Васкес встал со стула и направился к выходу из комнаты. Спустя пару минут в нее вошли трое других, в белых халатах и явно готовые к операции.

Идя по коридору в сторону гостиной, Бруно слышал, как истошно вопил Рокфеллер до того, как ему сделали последний в его жизни укол...

В гостиной Васкес устало сел на диван и, потерев лицо руками, шумно выдохнул. На журнальном столике на кипе газет лежала видеокамера.

– Вот и финиш, – сказал он. – И можно будет заняться делами поважнее.

– Сам с собой разговариваешь, босс? – вошел в комнату один из подчиненных и сразу же направился к кулеру.

– Да-а, Чарли, – натянуто улыбнулся Бруно, – приходится. Когда мысли не могут удержаться в голове, они выходят наружу таким образом.

– Это последний заказ?

Босс кивнул.

– Что будете делать дальше?

– Отправлюсь домой, будем возвращать Техас Мексике. Раз уж пошла такая пьянка. Мир сходит с ума, – выдохнул он, – как и планировалось. Это наш шанс построить лучший мир на развалинах старого.

– Говорят, на развалинах лучше ничего не строить – аура плохая.

– Хм-м, согласен, но там под их металлоломом сокрыты наши развалины, а нам можно на своих-то. Ладно, – шлепнул он себя по коленкам, – все готово?

– Да, – кивнул Чарли. – Старик пришел в себя. Пока верит, что и впрямь в больнице...

– Отлично. Солнце садится, нужно успеть до последнего лучика, чтобы порадовать заказчика.

– И потешить мировое сообщество. Ух, сколько же в мире людей, желающих этим старикашкам смерти. Страшно подумать.

– Еще страшней тот факт, что мир подстроил все именно так, чтобы мы могли к ним подобраться. Тут уж точно не обошлось без божественного вмешательства... Все сложилось нам на руку. Будто кто-то вел нас за собой... – Он цокнул языком. – Удивительно, но я чертовски рад выполнить последний заказ Корпорации, которая прекратит свое существование уже через несколько минут.

– Ну, он-то останется, – нахмурился Чарли.

– Сомневаюсь, – покачал головой Васкес. – Барон сошел с ума, и это факт. Недолго ему осталось. Не удивлюсь, если сам наложит на себя руки...

Бруно надел белый халат и посмотрел на себя в зеркало.

– Ну, как я выгляжу? Похож на врача?

– Честно?

– Угу.

– На мясника больше, босс.

– Печаль, – вздохнул тот. – Начинаем. Пора уже.

Вдвоем они пошли в сторону палаты, где лежал Рокфеллер-старший.

Дэвид сам удивился тому, насколько хорошо он себя чувствует. От боли и страха не осталось и следа, будто это ему приснилось. Хотя врач, обследовавший его, выглядел обеспокоенным, но на вопросы отвечал расплывчато или уходил от ответа вовсе.

– Одного понять не могу – почему я в обычной палате, неужели Дэвид не мог организовать что-то получше. Я не в том финансовом положении, чтобы быть как все, – ворчал он себе под нос, глядя в окно на заходящее солнце. – Даже телефона нет. Странный вид из окна, – отметил он. – Города не видно даже...

В этот момент в палату вошли четыре человека. Одного из них старик узнал – это был тот врач, а вот другие... У одного из них в руках был большой белый пластиковый чемодан, предназначенный для переноски органов. Рокфеллер нахмурил брови. Кейс поставили на комод у входа. Врач подошел к пациенту и помог ему сесть.

– Добрый вечер, мистер Рокфеллер, – вышел вперед явно главный. – Как самочувствие?

– Вы доктор? Или просто так интересуетесь? – хмыкнул старик, понимая, что это явно самозванец. – В этом заведении охрана-то есть? Вы мне не нравитесь.

– Оу, это взаимно, – натянуто улыбнулся Бруно, беря карту пациента из прикрученной к кровати корзинки. – Тем не менее наш консилиум пришел к неприятным для вас выводам. Видите вот эти снимки? – он достал из папки несколько снимков сердца старика. – После произошедшего с вами сегодня инфаркта оно стало давать сбои, и, в общем, как это ни прискорбно, но вам нужно новое...

– Что?! – Рокфеллер принялся нервно массировать грудь. – Этого не может быть! Я себя отлично чувствую! Да и мой кардиолог вообще запретил мне какие-либо операции по той простой причине, что я не переживу. Тем более пересадки!

Только сейчас Дэвид заметил, что двое других врачей зачем-то настраивают телевизор и подключают к нему какие-то провода.

– Ну-у, – продолжал Васкес, – вы же хотите жить. Всегда хотели. Даже в прошлый раз затребовали сердце исключительно здорового и крепкого молодого человека. Неужели такая мелочь, как риск, остановит вас в этот раз? Вы же хотите прожить до двухсот, если мне память не изменяет?

Старик поморщился, только сейчас в его душу стали закрадываться сомнения. Он вдруг посмотрел на это место другим, свежим взглядом.

– Где я, черт побери? Где мой сын?

– А-а, сын. Не волнуйся, старикашка, у него уже все хорошо, – оскалился Васкес. – Ты с ним уже очень скоро увидишься.

– Кто вы такой? – Глаза Рокфеллера метались из стороны в сторону, вглядываясь в лица незнакомцев, вселявшие животный ужас. – Что вам от меня нужно? Это Ротшильд вас ко мне подослал? Говорите!

– М-м, это заказ Корпорации... – развел руками Бруно.

– Я директор этой Корпорации.

– Увы, нелегитимный. Самозванец, говоря проще.

– Все дело в деньгах? Сколько вы хотите? Я дам вам больше, или вы сгниете в могиле заживо!

– В вашем состоянии я бы так не нервничал. Опасно для сердца, знаете ли.

– Вы лжете! Со мной все в порядке!

– Было до тех пор, пока Лорэйн не подсыпала во всю вашу еду кое-что вместо витаминчиков.

– Лорэйн? Она не могла... за что? Мы были с ней в хороших отношениях.

– Да уж, в хороших рабовладельческих отношениях, это уж точно, – согласился Васкес, глянув в окно с прищуром. Солнце почти село. – В общем, мистер Рокфеллер, пересадку-то делать будем? Правда, в этот раз это не сердце двадцатидвухлетнего парня, а немного постарше. Мы для вас даже краткий ролик о нем подготовили. Взгляните.

Бруно взял пульт от телевизора и включил его. Дальше Чарли нажал пару кнопок на камере.

Глаза старика, казалось, стали больше, когда на экране он увидел своего сына, лежащего на операционном столе, кричащего от дикого страха. Потом ему сделали укол, и он замолчал навсегда.

– Вскрытие будете целиком смотреть? – устало поинтересовался Васкес, зевнув.

– Дэвид... – прошептал старик. – Боже мой... вы же звери. Вы мне за это ответите, вы за все ответите! – Рокфеллер хотел было встать с кровати, но Бруно сильно толкнул его в грудь, так что старик снова повалился на кровать. – Н-нет, я еще не готов умирать. Я еще не закончил свою миссию на земле.

Ему становилось тяжело дышать. Все четверо с любопытством наблюдали. Дэвид только сейчас увидел, что они вооружены.

– Ничто еще не закончено, – шептал он, мечась по кровати и судорожно придумывая выход из сложившейся ситуации.

– Ну так как? – прервал его мысли вслух Васкес, вставая с кровати и направляясь к комоду, к белому чемодану.

Он взял его и понес к кровати. Поставил в ногах и не спеша открыл крышку. Изнутри сразу стал улетучиваться холод.

– Конечно, никаких правил транспортировки мы не соблюли, не научены, – пожал плечами Васкес, запуская руку внутрь. – Но для вас

и так сойдет. Ах да, – он поднял голову и с нескрываемой ненавистью посмотрел Рокфеллеру в глаза, на миг их взгляды встретились, – вам просили передать, что мир от вас устал. И тут даже я не могу не согласиться.

Он ухмыльнулся и взял в руку окровавленное, холодное ото льда сердце со дна чемодана.

– Ваш новый орган. Признаться, ваш сын не жаждал им делиться. – Затем Васкес извлек на свет сердце Рокфеллера-младшего и брезгливо бросил его в руки отцу. – Подойдет вам такое?

Старик сначала поймал орган, а потом с ужасом выронил его. Оно скатилось ему в ноги, оставляя за собой кровавый след. Во все глаза таращась на мертвое сердце сына, Дэвид чувствовал, как ему становилось хуже. Теперь-то боль в груди стала настоящей. Он всем своим существом ощущал, что смерть подкрадывается к нему все ближе. Старик делал быстрые короткие вдохи и все не мог оторвать глаз от сердца сына. Потом внезапно все звуки слились в один нарастающий гул, а картинка сузилась до одного лишь солнца, скрывающегося за горизонтом. Еще через мгновение сердце Дэвида Рокфеллера остановилось. Он так и умер с ужасом на лице, держась за грудь.

Бруно брезгливо отряхнул руку и огляделся в поисках тряпки или салфетки. Выругавшись себе под нос, вытер руку об одеяло. Чарли закрыл объектив камеры.

– Все снято.

– Убедись, Джимми, он окончательно сдох, или возможны варианты? – попросил Бруно мужчину, игравшего роль врача. Тот быстро подошел к «пациенту» и попытался прощупать пульс.

– Да мертв он, – кивнул на аппаратуру Чарли, – даже глаза закрыть не успел, гадина. Так и пялится.

– Выкладываем в сеть и сворачиваемся. Боже, ребятки, – хлопнул в ладоши Васкес, – как же нам в этот раз несказанно повезло. Все заняты в сражениях, никому нет дела до тыла. Раздолье.

– Я слышал, мародеров еще ловят.

– Это пустяки. Убийц зато не ловят, – отмахнулся босс. – Работаем, парни. Еще не все хвосты подчистили...

Уже через каких-то полтора часа, когда на зимнем небе появились первые звезды, ролик с новым и последним убийством появился на всех доступных видеохостингах. Его тут же растиражировали новостные агентства по всему миру. Пожалуй, впервые за долгое время редакторам и корреспондентам было трудно подобрать слова. Однако ни в одном комментарии не было сожаления или сочувствия. Казалось, что этой новости ждали как минимум в половине мира.

Виннипег, Канада

Четверо товарищей ужинали в маленьком китайском ресторанчике на авеню Маклеода. Народу в заведении было много. В обеденном зале стоял шум и гам, и никто не слушал очередной выпуск новостей, передающий сводки с американских полей битв за новый мир. Даже репортаж с места событий никого не интересовал. У всех на устах были лишь последние громкие убийства известных деятелей и инженеров старого мира и мифической идеологии нового мирового порядка.

Эвис громко чавкал, поедая лапшу в сладком соусе, то и дело поднимая глаза на телевизор. Он чуть не подавился, когда увидел кадры нового видеоролика, распространяющегося по сети с молниеносной скоростью. Бросив вилку, Гарсия тут же полез за мобильником и принялся на нем что-то высматривать.

– Ты в порядке? – спросил Тогай. Индеец и Купер сидели к телевизору спиной и не успели еще увидеть новостей.

– Пресвятая Дева Мария, – шептал по-испански хакер, – не может быть, не может... – Он снова поднял голову в поисках Обилич.

– Да что случилось-то?

– Сенка! – позвал он девушку, когда та появилась в поле зрения. Она вернулась к столу и села.

– Что ты так на меня смотришь? – Она осеклась, заметив, как в зале стало тихо, и все взгляды устремились на экран телевизора.

– ...Вы понимаете?.. – с улыбкой тихо спрашивал Гарсия. – Это свершилось. Верхушка обезглавлена... Они все мертвы.

Обилич безразлично кивнула и, взяв вилку, продолжила ужин.

– Не все. Остался еще один.

– Ты уверена, что справишься с ним сама? – спросил Леон, глядя на девушку с грустью.

– ...Да.

Вашингтон, США

На глазах президента Обамы Белый дом пустел. С каждой сводкой становилось все более очевидно, что Америки, которую все знали еще на прошлой неделе, больше нет. Барак сидел за своим столом в еще своем кабинете. Перед ним лежала стопка чистых белых листов и пара ручек. Узнав о смерти Рокфеллера, он лишь смог выдавить из себя смешок.

– Все кончено, – прошептал он себе под нос. – Я действительно последний президент.

Он взял ручку в левую руку и аккуратным почерком принялся писать то, что давно пытался сформулировать.

– США больше нет. Я покидаю пост президента. Все полномочия переходят в руки американцев, – диктовал он себе. – Теперь люди Америки наконец-то могут выбирать свою судьбу и строить новую мечту.

Отложив ручку в сторону, он встал с кресла, одернул пиджак, еще раз окинул кабинет взглядом и вышел за дверь. В коридоре к нему еще подбегали помощники и советники всех мастей. Они что-то спрашивали и подсовывали какие-то бумаги на подпись.

– Ребята, – улыбался натянуто Обама, – все. Собирайте свои вещи и идите домой. К семьям, друзьям. Оставьте все это. Мир уже изменился...

– К-куда вы? – спросила секретарь.

– Я? – остановился в дверях Барак. – Домой. Очень хочется выспаться.

Он махнул им рукой, и дубовая белая дверь закрылась за ним.

Когда уже бывший президент покинул Белый дом, единственным человеком, обладавшим большими полномочиями, оставался госсекретарь Керри. Однако и он поспешил покинуть это здание. Спустя некоторое время он был в частном аэропорту, где его уже ждал самолет, вылетавший в Канаду.

К сожалению для мистера Керри, погода была нелетная, а пилот неопытен. Крушение малогабаритного самолета осталось незамеченным, и пройдет еще пара месяцев, прежде чем тела и обломки найдут в труднопроходимых лесах Канады...

США, оставленные без власти, видоизменялись прямо на глазах. Никто не хотел брать на себя ответственность и полномочия президента. Казалось, что все боялись невидимых убийц, охотящихся за всеми, кто имел хоть какое-то отношение к Совету. Большинство предпочитало скрыться в неизвестном направлении, затеряться в толпе. Те, кто был на виду и кому было некуда бежать, украдкой молились, чтобы никто не вспомнил об их прегрешениях. Мир тем временем тоже менялся. Оставшись без строгого надзора, Европа принимала впервые за долгие годы решения, направленные прежде всего на каждое государство в отдельности. На глазах Европейский Союз рушился, а его принципы признавались антинациональными одной страной за другой. В некоторых столицах флаги ЕС демонстративно срывались с правительственных зданий, знаменуя начало новой эпохи, где государства вольны принимать решения, не оглядываясь

на падшего колосса на глиняных ногах. Доллар превращался лишь в бумагу, пропитанную воспоминаниями о времени, когда Америка, как двигатель внутреннего сгорания, сжигала в своей топке мировые ресурсы, заставляя остальных дышать своими выхлопами.

Уже к утру власть в США была впервые за долгое время в руках народа. Теперь ему предстояло решить судьбу страны. Тогда же нашлись и лидеры. Возникали споры, но все они рушились о новую мечту.

глава XXV

Виннипег, Канада

В штабе «Цикад» царила эйфория от предвкушения абсолютной победы. Сенка и Леон были, пожалуй, единственными, кто не спешил присоединиться к общей радости. Обоих посещали мрачные и грустные мысли.

– Здорово, когда мечты сбываются, – сказал Купер, кивнув на веселящегося Эвиса. Взял со стола зеленое яблоко и нож, отрезал себе небольшой кусочек.

– Они должны сбываться. Иначе на что они нужны. – Обилич протянула руку Леону, тот отрезал и ей кусок яблока.

– Я, наверное, повторюсь, но все равно считаю, что тебе не нужно туда ехать. Уверен, он сам скончается в скором времени.

– Мы оба прекрасно знаем, что нет.

– Кажется, даже народная мудрость такая есть, что один в поле не воин...

– Как говорил мой дед: и один в поле воин, если он по-русски скроен... Я наполовину русская, так что должна справиться.

– Зачем ехать одной? Давай я поеду с тобой?

– Он один там. Мне ничто не угрожает. И потом, у него есть то, что ему не принадлежит, я должна это забрать и вернуть домой.

– ...Не хочу, чтобы ты уезжала, – опустил глаза Леон. – Я уже привык к нашим приключениям. Мне будет их чертовски не хватать. – Он натянуто улыбнулся. – Кто, если не ты, будет подкалывать меня?

– Вам тут предстоит много работы, Леон. Тебе будет не до подколок.

– Это да, но знать, что ты где-то на расстоянии получаса езды, – грело бы душу. А так чуть ли на другой стороне света, и одному богу известно, будешь ли ты там в безопасности.

– Буду. – Девушка накрыла его руку своими. – Дома я буду в полной безопасности. Не волнуйся за это.

– Извини. – Он хмыкнул. – Совсем расклеился тут с вами.

– Ты хороший человек, Леон. И будь уверен, ты уже искупил свою вину перед мирозданием. Вы в расчете.

– Это ты от имени Бога сейчас со мной говоришь? – Они оба улыбнулись.

– Тогай же говорил, что я посланник чего-то там, вот, считай, от него и передаю.

– Ну, если Тогай сказал, то точно.

Спустя некоторое время к ним присоединились и Тогай с Эвисом.

– Итак, мои хорошие, – Гарсия сел за стол, – пришло время финального акта. – Он многозначительно посмотрел на Обилич. – Ты готова?

– ...Да.

Купер, цокнув языком, отвел глаза, демонстрируя всем своим видом недовольство.

– Это хорошо. Билеты мы заказали. Отсюда летишь до Торонто, часа три где-то, а оттуда уже до Лондона. Дальше будешь предоставлена исключительно сама себе. Мы пробили твой счет, ну, на имя Лазарь. Деньги, что там были, перевели сюда. – Гарсия протянул ей пластиковую карточку с приклеенным к ней листком с пин-кодом. – Учитывая то, что произошло с долларом и страной, деньги тут в фунтах. Сумма вышла значительно меньше, но до дома добраться тебе точно хватит. Ну и там на первое время.

– ...Спасибо, – улыбнулась девушка.

– Нет, – мотнул головой хакер, – тебе спасибо.

– Ладно вам, – отмахнулась она, – когда вылет?

– В семь вечера. – Купер посмотрел на свои часы. Времени оставалось совсем чуть-чуть. – Так что самое время паковать чемоданы, – хлопнул он в ладоши, явно бодрясь и тщательно скрывая грусть.

– Ты чего такой молчаливый, Тогай? – поинтересовалась Сенка, закурив. – Вспоминаешь еще какое-нибудь пророчество, где мне стоит остаться и принять активное участие в дальнейшем становлении новой Америки?

– Хех, – хмыкнул индеец. – Почти. Увы, но Кохана Чайтон говорил, что наши пути с вестником разойдутся, когда останется лишь один... Я просто не думал, что это время наступит так быстро.

– Увы и ах, – проговорила девушка. – Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Что дальше делаете вы?

– Возвращаемся домой, – за всех ответил Леон. – Как ты и говорила, у нас там полно работы.

– Ну, не сразу, – перебил его Гарсия. – После того как ты сообщишь нам, что все кончено.

– Предлагаешь позвонить оттуда? Это не опасно для вас?

– Оу, – шутливо нахмурился хакер, – ты позвонишь на этот номер из любого телефонного автомата. – Он достал из заднего кармана брюк еще один смятый листок бумаги и положил его перед Сенкой. –

Мне будет приятно снова услышать твой голос. Ну а что нам всем сказать, ты придумаешь. Ты не из тех, кто лезет за словом в карман.

– Это уж точно, – сказал Купер, и все четверо рассмеялись.

До отъезда в аэропорт еще оставалось некоторое время, и Сенка проверяла, ничего ли она не забыла. Ее черная дорожная сумка стояла на кровати открытой, когда в комнату пришел Леон. Он огляделся, но Обилич нигде не было видно. Ему на глаза попалась старая, видавшая виды шкатулка, лежавшая возле сумки. Взяв в руки, он открыл ее, и первое, что увидел, – это фотографию Милоша, сидящего под деревом. Купер не услышал, как Сенка вернулась.

– Он не любил фотографироваться, хотя всегда был фотогеничен. Даже в тот раз согласился улыбнуться в объектив за маленькое одолжение. – Девушка улыбнулась одними губами, вспомнив тот момент. – Вы бы подружились.

Сенка взяла шкатулку из рук Леона, достала оттуда цепочку с двумя серебряными кольцами и, посмотрев на них с плохо скрываемой тоской, надела ее на шею.

– Мне жаль, что его больше нет, – тихо сказал Купер, протягивая ей фотографию.

– Мне тоже.

– Почему оба кольца у тебя?

– Он сказал, что так я точно вернусь, чтобы вернуть ему его, – пожала она плечами. – А может, он просто хотел, чтобы хотя бы кольца были вместе, а не врозь.

– Это, наверное, покажется тебе странным, но я хочу, чтобы у меня была твоя фотография.

– В рамке на столе? – скептически спросила Обилич. – Это отпугнет твою потенциальную жену.

– Зато это не позволит мне забыть.

– Забыть о чем? – удивилась Сенка.

– О том, что в этом мире еще есть такая любовь. – Он кивнул на кольца на ее шее. – И быть может, и я найду ее.

– ...Найдешь, Леон. Обязательно. – Обилич осмотрелась. – Эвис много фоткал нас всех на пути сюда. Уверена, он поделится с тобой.

Спустя полтора часа пикап Тогая въехал на территорию международного аэропорта Виннипега. Стеклянный гигант, освещенный сотнями фонарей, казался издалека новогодней елкой. У терминала вылета было непривычно много машин, да и путешественников заметно прибавилось. Люди все равно стремились убраться с континента подальше, несмотря на все старания властей Канады сдерживать пессимистичные настроения.

Припарковавшись на стоянке, все четверо направились внутрь здания. Леон не дал девушке нести ее сумку. Каждый из четверки знал, что время прощания вот-вот наступит, но никто не хотел этого так быстро.

Внутри аэропорта было шумно и светло. Сенка уже была зарегистрирована на рейс, и ей оставалось лишь пройти в зону досмотра и дальше уже на посадку.

Они остановились в десяти метрах от проходной. Купер поставил ее сумку на пол. Сенка глянула вперед, потом обернулась и оглядела своих товарищей. Она встретилась глазами с Купером. Они улыбнулись друг другу, и Обилич подошла ближе. Привстав на цыпочки, она поцеловала Леона в лоб.

– Спасибо тебе. Без тебя мы бы не дошли до конца, – прошептала она.

– Скорей без тебя все это просто не началось бы, – прошептал он ей на ухо, обняв ее в ответ. – И знай, если передумаешь, двери моего дома всегда открыты для тебя.

– Спасибо.

Затем она подошла к хакеру, который изо всех сил сдерживал слезы и все шмыгал носом, но продолжал улыбаться, несмотря ни на что.

– Эвис, мне будет тебя не хватать.

– Мне тебя тоже, Сенка, но я найду тебя, – погрозил он пальцем, – и все равно спишемся. И еще у меня для тебя подарок, от «Цикад». – Он достал из внутреннего кармана куртки какой-то конверт и протянул его девушке. – Это тебе понадобится.

– Что это? – Обилич заглянула в конверт. Внутри были аккуратно сложенные бумаги явно официального характера, с водяными знаками и печатями.

– Это подделка, но очень качественная, – почесал щеку Гарсия. – С этими бумажками ты без проблем сможешь вывезти голову из Англии. Как сотрудник национального музея, в общем.

– Да ладно?! Здорово! Я уже думала, как буду мучить охранников.

– Теперь не придется. Оформили все документы на твой сербский паспорт. Американский уничтожь где-нибудь в Англии...

– Хорошо, – кивнула она. – Дело за малым – закончить начатое.

– Угу... И это, знай, я не дам тебе нас забыть.

– Это невозможно, – улыбнулась девушка, обняв мексиканца.

Дальше она сделала шаг к индейцу.

– Ну что, Чингачгук, признайся, ты не думал, что мы так далеко зайдем?

– Признаюсь, – кивнул Акечета. – Я это знал.

– Когда будешь с официальным визитом в Сербии, не забудь заскочить в Косово – у тебя там есть друзья. – Сенка подмигнула ему.

– Обязательно, – кивнул Тогай, обняв ее на прощание. В этот момент прошло объявление посадки на рейс до Торонто. – Тебе пора... Прощай, Тень, ведомая Богом... – сказал он, выпуская Обилич из объятий.

Подняв сумку с пола и еще раз окинув друзей взглядом, Сенка улыбнулась им на прощание и, развернувшись, не оглядываясь пошла вперед.

Пройдя через зону досмотра, она оказалась на территории дьюти-фри. На пути к нужному выходу ей попался на глаза газетный киоск. На первых полосах пестрили яркие заголовки и фотографии всех тех, кого за последние неделю убили неизвестные. Обилич купила все, что показались ей наиболее интересными. Набралась внушительная пачка.

Через полчаса самолет оторвался от взлетной полосы и взял курс на Торонто. Сенка сидела у окна и могла разглядывать город сверху. Ей даже показалось, что она видит желтый пикап Тогая, мчащийся в штаб «Цикад».

Через три часа она была уже в Торонто и оттуда вылетела в Англию. Отчего-то к ней прицепился отрывок из старого стихотворения, что прочла когда-то давно, и она без остановки читала его про себя:

– ...Опять Поганые несут нам цепи рабства,
Опять в горах горят костры в ночи...
Могила Милоша на Косово забыта –
А зов его и по сей день звучит[33].

На часах была половина второго, когда Сенка вышла из здания аэропорта, не привлекая никакого внимания, и села на экспресс до Хеммел Хемпстед. Благо свой маршрут она изучила вдоль и поперек еще в Канаде. На всю дорогу у нее уйдет часа три, но она не торопилась.

В шесть вечера Обилич прибыла в Уоддесдон. Это был маленький городок с аккуратными красивыми домами, преимущественно из красного кирпича, стоящими вдоль широкой дороги. Каждый из них можно было спокойно размещать на рекламной открытке и показывать друзьям. Погода стояла мерзкая. Несмотря на то что за окном была середина февраля, снега почти не было. Слякоть под ногами и пронизывающий ветер добавляли тоски. Сенка поймала себя на том, что безумно голодна, но абсолютно не устала с дороги. Будто на этом

[33] Отрывок из стихотворения «Милош Обилич» Ильи Маслова.

холодном воздухе открылось второе дыхание. Даже смена часовых поясов ею не ощущалась. Подняв воротник куртки и закутавшись поглубже в шарф, она шла вдоль дороги, высматривая хоть какой-нибудь ресторанчик. Спустя десять минут ходьбы впереди замаячила вывеска «Лонг дог» местного бара-ресторана. Войдя внутрь, она заметила один свободный столик на двоих в дальнем левом углу, как раз у окна. В заведении было много приезжих людей, так что никто не обратил внимания на еще одну туристку. Официантка в спешке приняла заказ и быстро умчалась на кухню. Сегодня был явный аврал, и это было лишь начало вечера. Телевизор в заведении был выключен, играла музыка, заглушаемая громкими голосами и смехом. Судя по всему, тут отмечали мальчишник. Рядом со столиком стояла газетница, и Обилич взяла первую попавшуюся газету. Новости были скучными и обыденными, из разряда местных. Казалось, что в Бэкингемшире никого не интересовал остальной мир. Ужинала Сенка не спеша, будто оттягивая время ухода, обдумывая каждый свой шаг. В голове не было больше былой суеты мыслей. Она даже не заметила того момента, когда они выстроились в четкую линию, пугающую своей холодностью и расчетливостью. Девушка посмотрела на свое отражение в стекле, и на какой-то миг ей показалось, что она увидела рядом с собой своих друзей. Ей даже послышались одобрительные возгласы Эвиса. Мотнув головой, Сенка перевела взгляд на часы над баром – пять минут девятого.

«Пора...» – подумала она.

Оставив деньги на столе, она так же незаметно покинула «Лонг дог». Не успела девушка выйти на улицу, как пошел мелкий дождь, с каждой минутой набиравший силу. Ей не нужно было смотреть на указатели, ноги, казалось, сами вели ее к нужной улице. Девушка свернула с Хай-стрит на узкую дорогу, ведущую к поместью Уоддесдон.

Спустя пятнадцать минут, когда ее куртка промокла чуть ли не насквозь, а ботинки уже хлюпали, впереди замаячили узнаваемые башенки поместья. Вокруг резиденции Ротшильдов стояла тишина, ни лая собак, ни голосов охранников – ничего. Парковка стояла пустая, не горели даже фонари. Света вообще не было, лишь на первом этаже резиденции. Перекинув сумку на другое плечо, Обилич пошла напрямик к главному входу. Проходя мимо фонарных столбов, она заметила, что камеры видеонаблюдения все выключены и повернуты объективами вниз. Идти по мелкому гравию, утопающему в грязи, было нелегко, ноги будто вязли в трясине. Чем ближе она подходила к этому архитектурному шедевру в духе Версаля, тем чаще замирало сердце. Центральный вход был всего в нескольких метрах. Тяжелая, высокая дубовая резная дверь была чуть приоткрыта. Подойдя ближе, Обилич

окинула здание еще раз взглядом. В этот момент прозвучал выстрел, за ним сразу же последовал второй. Сенка тихо вошла внутрь. Девушка аккуратно поставила свою сумку на пол и расстегнула куртку, стряхивая капли. Снимать перчатки она не стала.

Практически бесшумно скользнула в коридор в поисках источника шума. Прислушиваясь к тишине, она ловила каждое дуновение ветра. Где-то было открыто окно, и дождь колотил по паркету, заливая шелковый ковер. Кругом царил беспорядок, на полу валялись обломки и обрывки музейных экспонатов, культурного наследия, коллекционируемого Ротшильдами с момента основания клана. Аккуратно переступая через разбитые вазы и статуэтки, Сенка шла дальше, в сторону восточной галереи. Интуиция подсказывала ей взять что-то в качестве оружия, она спорить не стала и подняла с пола первый попавшийся погнутый канделябр.

Сенка вышла к залу с широкой лестницей, ведущей на второй этаж, а сразу за ней был коридор, застланный красным ковром. Вдоль стены под большими изрезанными в клочья полотнами стояли роскошные кресла и диваны. На мраморной полке камина некогда стояли три античные вазы, от которых остались черепки. Девушка бросила быстрый взгляд наверх, затем в коридор. Прищурившись, она заметила незнакомую женщину, сидящую у стены, прислонившись к боковой стенке камина.

– Ты еще кто такая?.. – шепотом спросила Сенка, подходя ближе.

Незнакомка была тяжело ранена, ей стреляли в сердце, но стрелок попал в легкое. Вторая пуля угодила в ногу. Блэйд медленно умирала.

– ...Отстала от группы? – не открывая глаз, прохрипела Линда. – Или решила прогуляться без приглашения?

Обилич присела рядом с ней на одно колено и спешно осмотрела ее.

– Не знаю, кто ты такая, но возьми у меня из нагрудной кобуры пистолет и убей этого говнюка. Этого психа... Канделябр оставь, пистолет надежнее. – Она ухмыльнулась.

– Это он в тебя стрелял? – удивилась Обилич, помогая Линде сесть поудобней. – Но зачем?

– Сама спроси, – огрызнулась Линда. – Он бубнил все что-то про то, что должен остаться один. И еще нес какой-то бред на непонятном языке. Барон сошел с ума, а я, дура, оставалась тут... нужно было уходить раньше. Джейкоб попросил оружие, мол, посмотреть. Я и дала. Идиотка.

– Скорую вызвать, может быть?..

– Какая, к черту, скорая? Я умираю, идиотка. Возьми оружие и иди. Эта сука на втором этаже, прячется! И где же Вук, когда он мне нужен?!

– Бранкович, что ли?

Обилич взяла пистолет и встала. Линда кивнула.

– Он умер.

– Знаю. Не думала, что последую за ним так скоро.

Еще через пару секунд сердце Блэйд остановилось. Сенка сделала шаг назад. В конце коридора скользнула тень барона. Теперь она отчетливо слышала, как он разговаривал сам с собой, ругался и кричал.

– Наконец-то один! Я остался один! Теперь я тут Бог... – улыбался он своему искаженному отражению.

Обилич тихо шла за ним, стремительно нагоняя. Коридор казался бесконечным. Что-то хрустнуло под ее ногами, и барон, замерев на месте, резко обернулся.

– Кто здесь? – крикнул он, будто не видя девушку.

– Здравствуйте, барон Ротшильд, – ответила Сенка, идя вперед.

– Этот голос, – он стал пятиться назад, – я слышу его в своей голове... такой знакомый.

– Похоже, я перестаралась, – заметила Обилич, покачав головой. Однако, отбросив все лишние мысли, она серьезно посмотрела на старика и громко щелкнула пальцами.

– ...Время да будет мне свидетелем, – второй щелчок, и барон застыл на месте, будто статуя, – все мстившие яд в себе копили, – Сенка подошла к старику на расстояние полуметра, – и ядом этим стерли имена свои из Книги жизни.

Третий щелчок пальцев перед его глазами. Ротшильд начал часто моргать, ноги стали ватными.

Натаниэль принялся озираться по сторонам, не веря своим глазам, не в силах осознать что-либо. Перед ним стояла молодая женщина, лицо ее было знакомым.

– М-мисс Лазарь? – тихо спросил он. – Где я? Что происходит?..

Ротшильд смотрел на уничтоженные его же руками предметы искусства, и его глаза становились шире.

– Я же был в Нью-Йорке... когда я очутился здесь? Что тут произошло? Где Ричард? А Серена?.. – он сделал шаг назад, но, наступив на какой-то предмет, оступился и упал на пол.

– Неужели вы ничего не помните? – спросила Сенка.

– Ч-что я должен помнить? – Он заметил в руках девушки пистолет.

– М-м, – протянула Обилич, – да. Совсем забыла.

Она достала из куртки сверток с американскими газетами и кинула их Ротшильду. Тот, увидев знакомые лица, принялся разглядывать заголовки, и на его лице застыла гримаса отчаяния. Когда он дошел до новости о смерти сына, то закрыл рот руками и отбросил газету в сторону.

– Это ложь! Утка! – кричал он, косясь на фотографии. Снова хватал газету и проглядывал новости о кровавой расправе.

– Нет, Джейкоб, это все правда. Вспомни, – перешла она почти на шепот, – в конце должен остаться только один.

– Один?.. – переспросил барон и тут же осекся, в его памяти стали вспыхивать события последних нескольких недель. Один эпизод за другим.

– Нет... – закрыл он лицо глазами. – Не верю, – качал он головой, обхватывая себя руками. – Ложь! – Потом он смотрел на свои руки, они были в чьей-то крови.

– Все правда, барон Ротшильд. Вы убили их всех, потому что хотели править единолично.

– Боже... почему я?.. – спрашивал он неизвестно кого. – Я уничтожил все. Этими руками! – Стоя на коленях, он тряс окровавленными ладонями перед девушкой. – У меня больше ничего нет... – Старик хватался за голову, закрывал глаза, судорожно обдумывая дальнейшие действия. – Ничего... я смогу начать все заново. У меня есть шанс. Я, в конце концов, последний из Ротшильдов...

– Увы, – вздохнула Сенка, осматривая пистолет с обеих сторон. – Но это у человечества появился шанс начать все сначала. Не у тебя. Все сначала, без вас. Вас, согласно вашим заветам, мир приносит в жертву. Время платить по счетам пришло. – Она вытянула руку вперед, направляя пистолет в голову Ротшильда. – Тот новый мир, о котором вы так долго мечтали, к которому так долго шли... Вам нет в нем места.

Обилич нажала на курок, и именная разрывная пуля мисс Блэйд пробила черепную коробку четвертого барона Натаниэля Джейкоба Чарльза Ротшильда и буквально изнутри раскурочила мозг последнего из Совета.

Сенка равнодушно смотрела на мертвое тело барона. Подувший из открытого окна ветерок коснулся ее лица, выводя из задумчивого состояния. В комнате слева от нее, куда была открыта дверь, она увидела единственный артефакт, не тронутый безумием барона. Из-под стекла на девушку смотрел царь Лазарь. В его взгляде не было ни обвинения, ни порицания. Лишь бесконечная любовь и принятие. Сенка зашла в комнату и, быстро отыскав коробку, в которой Ротшильд транспортировал голову, с максимальной осторожностью упаковала реликвию своего народа. Все те наклейки, что дал ей Эвис, она наклеит позже.

Выйдя из комнаты, Обилич еще раз окинула коридор безразличным взглядом и, развернувшись, направилась к выходу. Проходя

мимо тела Линды, она вернула пистолет в ее кобуру. У двери Сенка подняла с пола свою сумку и вышла за дверь.

На улице дождь лишь усиливался. Он смывал все следы, да и некому было ловить убийцу по горячим следам. Обилич шла по дороге в сторону города, и на пути ей не встретилось ни одной машины. Вернувшись на центральную Хай-стрит, она повернула направо. Где-то там была гостиница, у которой можно было заказать такси. Увидев телефонную будку, она вспомнила про еще одно незаконченное дело. Последнее. Достав из кармана бумажку с номером Эвиса, она сняла трубку и набрала номер. Ответили там лишь после девятого гудка.

– ...Все. – Она сделала паузу. – Я еду домой... – сказала Сенка и повесила трубку.

глава XXVI

Сенка не сомкнула глаз в эту ночь. Она поспешила вернуться в Лондон. Ждать возвращения домой она больше не хотела. Благо билетов до Белграда было в избытке. В аэропорту Хитроу охрана даже не заинтересовалась перевозимой реликвией. Они проверили документы сотрудницы Сербского национального музея и разрешение на транспортировку экспоната. Их удивило лишь то, что она едет одна, без сопровождения. Да и потом, у охраны и таможенников было куда больше забот, чем какая-то сербка и какая-то реликвия.

Поднявшись на борт самолета, Обилич заняла свое место в салоне первого класса. Другим пассажирам могло показаться, что девушка пытается отгородиться от остальных, но на деле же она всеми силами пыталась утихомирить бешено бьющееся сердце от радости слышать родную речь.

Вслушиваясь в разговоры пассажиров и стюардесс, Обилич уже узнала много нового. Настроения царили приподнятые, исполненные оптимизма и новой уверенности в завтрашнем дне. В разговорах обсуждались последние убийства, но никто еще не слышал о смерти барона Ротшильда. Да и было это уже не важно. США все равно перестали существовать в своем первоначальном виде. Их больше никто не боялся. Однако восемьдесят процентов пассажиров говорили о Косове, которое снова стало сербским. Один особо разговорчивый мужчина рассказывал последние новости из Приштины, и ему даже не верили, настолько все было как в сказке, как в мечте, ставшей реальностью. Рассказывал он и о каком-то новом герое, что повел за собой смельчаков, и о противостоянии в Обиличе.

Самолет коснулся посадочной полосы, и Сенке показалось, что она спит и видит старый сон о возвращении домой. Ей даже было страшно выглядывать в окно. Самолет подъехал к рукаву, и спустя некоторое время пассажиров первого класса пригласили к выходу. Обилич взяла свою сумку и реликвию и, попрощавшись со стюардессами, по рукаву вошла в здание аэропорта Николы Теслы. Прошло всего каких-то

двадцать минут, и она смогла выйти на улицу. Стоял вечер, удивительно теплый для последнего дня февраля. Сенка делала вдох за вдохом и все никак не могла надышаться родным воздухом. Не успела она решить, на чем будет добираться до Чуприи, как к ней подскочил бойкий старичок, подрабатывающий частным извозом.

– Довезу куда угодно, дочка! Куда тебе надо?

– В Чуприю отвезешь?

– У-у, – почесал он в затылке, – это два часа ехать. Дорого выйдет. Может, тебе лучше общественным транспортом?

– Я заплачу, сколько бы это ни стоило.

– Ну-у, хорошо. А зачем тебе туда? – полюбопытствовал старик. – На туристку ты не похожа.

– В Раваницу мне надо.

– В монастырь... а-а, понимаю, – закивал старик. – Садись, дочка. Часикам к десяти будешь на месте.

Таксист оказался очень разговорчивым. Узнав, что Сенка долго не была на родине, он обрушил на нее весь поток новостей, который только мог удержаться в его голове. Больше всего его радовали события в Косове.

– Ох, если бы не майор, потеряли бы мы Обилич.

– Майор? – переспросила девушка. – А как его имя?

– Да кто ж его знает, дорогая моя, – пожал он плечами. – В сводках так его звали, позывной такой, говорят. Ничего, зато теперь Сербия заживет по-новому. Никакая Америка нам теперь не помешает дружить с кем хотим и делать что хотим. Все же есть на небе Бог, привел же к мучителям этим смерть их. Жаль, не меня, уж я бы голыми руками этих змеюк придушил бы! Видела, как Олбрайт зарезали? Это ж надо какая кровожадность, но я скажу тебе по секрету, тсс, каждый серб был внутри рад, что именно такая смерть к ней пришла. – Он тут же перекрестился. – Бог есть, и каждому по заслугам его.

– ...Это точно, – улыбнулась Обилич. – Каждому.

Как и обещал, таксист привез пассажирку в Чуприю в начале одиннадцатого. Однако схитрил и, воспользовавшись темнотой, все-таки привез ее ближе к Раванице, к селу под монастырем.

– Дочка, может, давай я тебя до монастыря довезу? Ну что ты будешь тут по селу в темноте гулять? – спросил он, когда Сенка с ним расплатилась.

– Не стоит. Я хочу пройти этой дорогой снова.

– Ладно, – махнул он рукой. – Я тут в кафане недалеко буду. Ты если надумаешь куда еще ехать – заходи и зови Радко.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Спасибо.

Через пару минут она осталась одна в полной тишине. Люди сидели по домам, и никого не было вокруг видно. Даже в ночи Сенка узнавала эту дорогу, казалось, что еще вчера она и Милош прошли по ней. Сделав глубокий вдох, она пошла вперед. Дорога шла чуть в гору. Узкая, занесенная свежим легким снегом, она не казалась тяжелой, как и ноша. Прошло каких-то полчаса, и вот монастырь вырос перед Сенкой. Он был все таким же – величественным и теплым, наполненным воспоминаниями. Калитка в воротах была открыта, будто даже ночью тут ожидали гостей. Где-то вдалеке был слышен лай собак. Ветер приносил ароматы домашней еды и буквально опьянял запахом свежего хлеба. Рядом никого не было видно. По выложенной камнями дороге Сенка дошла до церкви. Она коснулась дверной ручки, и та подалась. Как можно тише девушка вошла внутрь. Здесь было тепло от лампад и стоял приятный аромат. Люстра слабо освещала зал. Увидев икону Лазаря Хребельяновича, девушка направилась к ней. Ей повезло и на этот раз. Ровно как и восемь лет назад, мощи святого царя снова были выставлены на обозрение. Сенка осмотрела стеклянный саркофаг. Поняв, как его открыть, она принялась распаковывать давно утерянную реликвию. С максимальной осторожностью Обилич открыла саркофаг, затем достала нетленную голову Лазаря и аккуратно положила ее на свое место. До нее донесся звук шагов. Она быстро закрыла стекло и завесила его тканью, как и было. В следующую секунду в зал вошел один из служителей. Он вздрогнул от испуга.

– Не ожидал здесь никого увидеть в столь поздний час... – тихо сказал он. – У вас все в порядке? Монастырь закрыт для посещений в это время.

– Я знаю, – улыбнулась девушка, поднимая с пола свою сумку. – Просто мне нужно было здесь побывать.

– Приходите утром, тогда сможете побыть здесь подольше. – Мужчина подошел ближе, косясь на стекло, проверяя, все ли правильно.

– Возможно, в другой раз, – ответила Сенка. – Доброй ночи.

Обилич поспешила удалиться, пока никто не стал задавать ей ненужные вопросы.

Служитель проводил незнакомку удивленным взглядом и, пожав плечами, принялся повторно осматривать стеклянный саркофаг. Когда красная ткань съехала на пол, мужчина замер на месте как вкопанный. Сначала ему показалось, что это лишь видение, но после нескольких секунд пришло и осознание. Ошибки не было. Из-под стекла на него взирал сам Лазарь, принесший на Балканы долгожданный мир...

Спускаясь вниз к селу, Сенка слышала, как тот мужчина будит своих коллег, как все бегают в суматохе, а их бесконечные восклицания эхом разносятся по окрестностям. Остановившись на дороге, Обилич с облегчением вздохнула. Подняв голову к небу, она нашла в нем самую яркую звезду.

– Твоя мечта сбылась, любовь моя, – прошептала она.

На часах была почти полночь. В одной-единственной кафане в селе она разыскала Радко. Тот был рад ее снова видеть.

– Куда отвезти тебя на этот раз? – с улыбкой спросил он. – Как раз уезжать собираюсь. А то и так из графика выбился с такой дальней поездкой.

– Я ее компенсирую, если подбросишь меня до Косово.

– Косово? А куда там?

– Вообще в Обилич, но сойдет и Приштина.

– Ох ты ж батюшки мои, – заохал старик. – Извини, дочка. Не получится у меня, но автобусы туда сейчас нормально ходят. Послезавтра уж точно дома будешь.

– Спасибо и на этом...

День спустя

На рассвете, идя по улицам Приштины, Сенка чувствовала, как каждое здание, каждый уголок поднимает из глубин памяти самые разнообразные воспоминания. Здесь все было пропитано ими. Город сильно изменился, даже несмотря на еще не разобранные баррикады и неубранные следы ожесточенного противостояния, стало легче дышать. Как когда-то давным-давно, когда все кошмары были еще впереди. Сенка не чувствовала усталости, наоборот, ей хотелось обойти все места, найти тех, кого знает. Она надеялась, что хотя бы один из их общих друзей жив. Однако еще кое-где она не побывала, осталось еще одно невыполненное обещание. Путь туда был не близкий, но часа за полтора дойти можно. Миновав опустошенное, разграбленное здание штаб-квартиры KFOR[34], она взяла курс на Косово поле. В лицах, мелькавших по дороге, она искала знакомых, но никого не узнавала. Несмотря на столь ранний час, люди спешили на работу – расчистку улиц и восстановление столицы края.

[34] KFOR (*англ.* Kosovo Force, в официальных документах ООН на русском языке именуются СДК – «Силы для Косово») – международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово.

Где-то в другой части города

В штабе добровольцев, что отстояли свободу Косова и совместно с армией зачистили край от разбушевавшихся и несогласных, было шумно. Одна война закончена, но мир еще нужно было привести в порядок. Сава проснулся ни свет ни заря и, наспех собравшись, принялся просматривать план работы на сегодня. Увидев, что на него и его людей свалилось слишком много обязанностей, он громко выругался и, взяв листки бумаги, подписанные главным, направился к нему в комнату. Без стука он ворвался внутрь, но там никого не было.

– Ах ты ж черт! – грозно качал он головой. – Ну, Милош, ну ты у меня получишь! Еще пожалеешь, что выжил! – Поймав в коридоре первого попавшегося солдата: – Где Майор этот наш, а?!

– Так на прогулку ушел, – испуганно ответил паренек, – как всегда.

– Опять на поле потопал... ох, я ему задам, как вернется! Увидишь его, скажи, чтобы готовился! Вот гад такой!

Солнце лениво поднималось над полем. В бледных лучах искрилась утренняя изморозь. Легкий туман воздушной дымкой окутывал поле. Вдалеке виднелся Газиместан. Даже с такого расстояния она видела, что он совсем не изменился. Он был все таким же, как и до ее отъезда. Только сейчас над ним развевался флаг Сербии. Наслаждаясь каждым шагом, Обилич шла вперед, вдыхая морозный воздух, несшийся откуда-то издалека. В какой-то миг ей показалось, что дед Радован идет с ней рядом, улыбается ей с благодарностью и искренней любовью. Ей даже почудилось, что она чувствует его прикосновение. Волна тепла прокатилась по всему телу, позволяя забыть о холодном первом дне весны.

Сенка поднялась к монументу и подошла к посланию всем сербам. Под ним лежали сотни цветов, потухшие свечи и множество маленьких флагов Сербии. Только сейчас она заметила сидящего на выступе черного дрозда. Он с любопытством разглядывал человека. Ей даже показалось, что этот тот самый, что сопровождал ее на протяжении всего приключения. Вздохнув, Обилич сняла перчатки и провела рукой по тексту.

– ...Вот и все, деда, я дома. – Она сглотнула подступившие слезы.

– Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отважной и суровой сказки...

В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски...[35] –

прочла она один из любимых стихов Радована. – Все стало так, как ты хотел.

Очередной порыв ветра сорвал с ее головы капюшон и разметал волосы. Опустившись на колени, дедовской зажигалкой она зажгла одну из свечей и поставила ее на землю, спрятав среди цветов от ветра. Поднявшись, она еще раз окинула Газиместан взглядом и улыбнулась чему-то. Черный дрозд вспорхнул и полетел куда-то в сторону города. Вокруг стояла такая тишина, что были слышны удары собственного сердца. Ей вдруг показалось, что она слышит до боли знакомый голос, зовущий ее. Мотнув головой, она развернулась и медленно спустилась вниз. Ветер уже сдул туман с поля, и все окрестности отлично просматривались. Обилич остановилась на месте как вкопанная. Впереди, в каких-то двадцати метрах, стоял мужчина. Он так же, как и она, не смел шевельнуться, боясь, что видение-образ растает в воздухе. Собрав волю в кулак, он сделал шаг вперед, протянув вперед руку. Фигура девушки не таяла в воздухе, а, наоборот, сделала шаг ему навстречу.

– Цветочек мой... – позвал ее Милош Лазарь.

Конец

15.04.2014 –
01.06.2016,
Москва

[35] Стихотворение С. Маркова.

Содержание

Часть **I**
Становление Тени

глава I 8
глава II 14
глава III 28
глава IV 43
глава V 60
глава VI 74
глава VII 94
глава VIII 107
глава IX 122
глава X 146
глава XI 184
глава XII 227
глава XIII 280
глава XIV 312
глава XV 324
глава XVI 406

Часть **II**
Путь Тени

глава XVII 444
глава XVIII 479
глава XIX 508
глава XX 550
глава XXI 583
глава XXII 606
глава XXIII 620
глава XXIV 642
глава XXV 654
глава XXVI 664

Литературно-художественное издание

Светлана Журавская

Тень, ведомая Богом

роман

Редактор —
Корректор —
Верстка — *Дирижаблев А.Б.*

Подписано в печать __.2016. Формат 84x108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 21 Тираж экз.
Заказ № 924

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва,
ул. Большая Никитская, д. 50/5,
тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru